

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2026. Том 53, № 3

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2026. Том 53, № 3

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Литовченко, профессор кафедры всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, доцент

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Аглаич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

И.Ю. Ващева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

Г.Д. Гумба, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета (Сухум, Республика Абхазия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия (Белгород, Россия)

В.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарёва, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 28,4. Дата выхода 30.09.2026. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 515 Семичева Е.А., Асеева Е.Р.
Социальное измерение комедий Менандра в зарубежной историографии
- 526 Дороненко И.А.
Statores Augusti: преторианцы или нет?
- 535 Задорожная-Ремарчук А.Н.
Classis Pontica в системе обороны восточных границ Римской империи в IV–V вв.: эволюция функций и основные вызовы
- 544 Фартушной Н.О.
Политическая трансформация Нубии в IV–VI вв. по данным археологии
- 552 Грацианский М.В.
Каноническая позиция папы Льва Великого в деле Хелидония: вопрос о рукоположении мирян
- 565 Гусев Н.С.
«Русские дни» в Болгарии и открытие памятника Царю-освободителю в Софии
- 575 Ермаков Р.О.
Спортивная дипломатия Советского Союза в советско-американских отношениях периода холодной войны
- 585 Вахрушев И.Ю.
Основные тенденции партийного строительства в итальянском популизме Второй республики в свете проблемы партократии (1994–2022)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 600 Виноградов А.Е.
Гардарики как феномен этнокультурной трансформации: от варягов к Руси
- 610 Солнцев Н.И.
Проблема интерпретации образа князя Святослава как сюжетной единицы в тексте «Повести временных лет»
- 619 Никишин Б.А.
Деятельность Комиссии для составления законов Российской империи в царствование Павла I: технология законотворчества
- 630 Шерстнёв Р.А.
Административно-полицейский учет населения в Российской империи (на примере Таврической губернии)
- 636 Герман В.А.
Научная деятельность В.Ф. Головачёва как представителя военно-морской исторической школы С.И. Елагина
- 642 Шевцов Н.В.
Византийская симфония властей в российской дореволюционной историографии
- 651 Боднарчук Д.В.
Роль России в развязывании Мировой войны по книге «Сомнамбулы. Как Европа пришла к войне в 1914 году» К. Кларка (М., 2025)
- 660 Сильченко И.С., Бороздин К.А.
История мемориализации мест гибели и захоронения Г.А. Усиевича в Свердловской области в 1918–1987 годах
- 670 Дорош А.А.
Сожжение православных икон как направление антирелигиозной деятельности и идеологической борьбы советских безбожников в 1920–1930-е годы
- 680 Кононов В.А.
Пропаганда в войсках и среди гражданского населения противника в ходе освобождения Австрии (апрель 1945 г.)
- 689 Аргунов О.Н.
Феномен Героя Социалистического Труда в колхозном производстве первых послевоенных лет: микроисторическое исследование на примере Валуйского района Курской области
- 700 Шаханин В.А.
Проектная деятельность как механизм социальной интеграции инвалидов по слуху в Белгородской области в 2000-е – начале 2020-х гг.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 705 Лобанов К.Н., Половнева Л.С.
Структуризация российско-украинского вооруженного конфликта в актуальной и потенциальной фазах динамики противостояния
- 721 Белашенко Д.А., Шоджонов И.Ф.
Россия на постсоветском пространстве: возможности обеспечения национальной безопасности на примере существующих интеграционных объединений
- 733 Нечаев Д.Н., Ильичев М.В.
Историческая память и гражданская идентичность в процессе становления ценностных установок российской молодежи в публичном пространстве массовых коммуникаций
- 750 Евграфов В.И.
Информационный суверенитет России: стратегии и технологии в условиях глобализационных вызовов
- 759 Корнилов А.А., Перочкин К.И.
Эволюция позиции Великобритании в отношении палестино-израильского конфликта в 2023–2025 гг.
- 771 Абидуллин А.М., Кобяков А.П.
Переход правительства Турции к концепции «Голубой родины» и её реализация в контексте «шатких весов»

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2026. Volume 53, No. 3

Until 2020, the journal was published as "Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political science"

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of Candidate of Science and Doctor of Science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is included in Russian Science Citation Index (РИНЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod State National Research University "BelSU".

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Doctor of Sciences in Politics, Professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, Professor of the Russian History and Records Management Department, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

Deputy Editors-in-Chief:

E.V. Litovchenko, Professor of the Department of World History, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

I.T. Shatokhin, Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

L.S. Polovneva, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in Politics (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History (Belgorod State National Research University)

Members of the Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of General History (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of World History (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, Doctor of Sciences in Politics (Belgrade State University, Serbia)

I.Yu. Vashcheva, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor of the Department of Ancient World and the Middle Ages (National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)

A.V. Glukhova, Doctor of Sciences in Politics, Professor of the Department of Sociology and Political Science (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, Doctor of Sciences in History; Corresponding Member of Russian Academy of Sciences; Director of the Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

G.D. Gumba, Doctor of Sciences in History, Associate Professor of the Department of History, Ethnology and Archaeology of Abkhazia (Abkhaz State University, Republic of Abkhazia)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy (I.D. Putilin Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

V.M. Marasanova, Doctor of Sciences in History, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations (Yaroslavl Demidov State University)

V.A. Perepelitsyn, Doctor of Sciences in History, Professor, Head of the Department of History (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, Doctor of Sciences in History, Leading Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 of 19 February 2020.

Publication frequency: 4 times per year.

Commissioning Editor Yu.V. Mishenina. Page proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.S. Danilova. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. 28.4 publishing sheets. Date of publishing: 30.09.2026. Dummy layout prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 515 **Semicheva E.A., Aseeva E.R.**
The Social Dimension of Menander's Comedies in Foreign Historiography
- 526 **Doronenko I.A.**
Statores Augusti: Praetorians or Not?
- 535 **Zadorozhnaya-Remarchuk A.N.**
Classis Pontica in the Defense System of the Eastern Borders of the Roman Empire in the Fourth and Fifth Centuries: Evolution of Functions and Main Challenges
- 544 **Fartushnoy N.O.**
Political Transformation of Nubia from the Fourth to the Sixth Century according to Archaeology
- 552 **Gratsianskiy M.V.**
The Canonical Position of Pope Leo the Great in the Case of Chelidonius: The Issue of Lay Ordination
- 565 **Gusev N.S.**
The "Russian Days" in Bulgaria and the Unveiling of the Monument to Tsar Liberator Alexander II in Sofia
- 575 **Ermakov R.O.**
Soviet Sports Diplomacy in Soviet-American Relations during the Cold War
- 585 **Vakhrushev I.Yu.**
The Main Trends of Party Building in Italian Populism of the Second Republic Regarding the Context of Partitocrazia (1994–2022)

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 600 **Vinogradov A.E.**
Gardariki as a Phenomenon of Ethnocultural Transformation: From the Varangians to Rus
- 610 **Solntsev N.I.**
Interpretation of the Image of Prince Svyatoslav as a Plot Unit in the Text of the "Russian Primary Chronicle"
- 619 **Nikishin B.A.**
Activities of the Commission for Drafting Laws of the Russian Empire during the Reign of Paul I: The Technology of Lawmaking
- 630 **Sherstnev R.A.**
Administrative and Police Registration of the Population in the Russian Empire (on the Example of the Tauride Province)
- 636 **German V.A.**
The Scientific Work of V.F. Golovachev as a Representative of S.I. Elagin's Naval Historical School
- 642 **Shevtsov N.V.**
The Byzantine Symphony of Authorities in Russian Pre-Revolutionary Historiography
- 651 **Bodnarchuk D.V.**
Russia's Role in Unleashing the World War, Based on the Book "Sleepwalkers: How Europe Came to War in 1914" by C. Clark (Moscow, 2025)
- 660 **Silchenko I.S., Borozdin K.A.**
The History of Memorialization of the Sites of G.A. Usievich's Death and Burial in Sverdlovsk Region, 1918–1987
- 670 **Dorosh A.A.**
Burning Orthodox Icons as a Form of Anti-Religious Activity and Ideological Struggle by Soviet Atheists in the 1920s and 1930s
- 680 **Kononov V.A.**
Propaganda among the Enemy Troops and Civilian Population during the Liberation of Austria (April 1945)
- 689 **Argunov O.N.**
Phenomenon of the Hero of Socialist Labor in Collective Farm Production in the First Post-War Years: A Microhistorical Study Using the Example of the Valuiki District of the Kursk Region
- 700 **Shakhanin V.A.**
Project Activities as a Mechanism for Social Integration of the Hearing Impaired in the Belgorod Region in the 2000s – Early 2020s

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 705 **Lobanov K.N., Polovneva L.S.**
Structuring Russian-Ukrainian Military Conflict in the Current and Potential Confrontation Dynamic Phases
- 721 **Belashchenko D.A., Shodzhonov I.F.**
Russia in the Post-Soviet Space: The Possibilities of Ensuring National Security on the Example of Existing Integration Associations
- 733 **Nechaev D.N., Ilyichev M.V.**
Historical Memory and Civic Identity in the Process of Shaping the Value Systems of Russian Youth in the Public Space of Mass Communications
- 750 **Evgrafov V.I.**
The Information Sovereignty of Russia in the Context of Globalization: Strategic Approaches and Technological Solutions
- 759 **Kornilov A.A., Perochkin K.I.**
Evolution of the UK's Stance on the Palestinian-Israeli Conflict in 2023–2025
- 771 **Abidulin A.M., Kobayakov A.P.**
The Transformation of Turkey's Foreign Policy towards the Idea of a "Blue Homeland" and its Execution in the Context of "Unstable Equilibrium"

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94 (3)

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-515-525

EDN BTWXUN

Оригинальное исследование

Социальное измерение комедий Менандра в зарубежной историографии

Семичева Е.А. , Асеева Е.Р.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: semicheva@bsuedu.ru, 1553482@bsuedu.ru

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ достижений зарубежных исследователей в изучении творчества Менандра и прослеживается эволюция подходов и расширение проблемного поля менандроведения с конца 1960-х годов по настоящее время. Авторы анализируют тематику научных работ и выявляют динамику от интерпретации комедий Менандра как преимущественно литературных сочинений и текстологических источников к признанию за ними самостоятельной ценности для реконструкции социальных отношений и институтов. Авторы показывают, что методологический поиск привёл к оформлению собственно исторического взгляда: комедии Менандра стали рассматриваться как полноценный многомерный источник по брачным стратегиям, имущественным отношениям и социально-политическому контексту эпохи. Междисциплинарный уровень менандроведения позволил интегрировать изучение рабства, насилия и женской солидарности в контекст социальных связей и сетевого взаимодействия в рамках исторической антропологии. Выявлены социальные аспекты гендерного подхода. Сделан вывод об углублении традиционных тем на современном этапе и смещении фокуса на имплицитные смыслы в рамках истории эмоций, имагологии и истории ментальностей.

Ключевые слова: Менандр, новоаттическая комедия, древнегреческая драматургия, гендерная история, социальная история, историография

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Семичева Е.А., Асеева Е.Р. 2026. Социальное измерение комедий Менандра в зарубежной историографии. *Via in tempore. История. Политология.* 53(3): 515–525. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-515-525. EDN: BTWXUN

The Social Dimension of Menander's Comedies in Foreign Historiography

Elena A. Semicheva , Elizaveta R. Aseeva

Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: semicheva@bsuedu.ru, 1553482@bsuedu.ru

Abstract. This article presents analysis of the achievements of foreign researchers in the study of Menander's work and traces the evolution of approaches and the expansion of the subject area of Menandrian studies from

© Семичева Е.А., Асеева Е.Р., 2026

the late 1960s to the present. The authors analyze the topics of scholarly works and identify the dynamics from the interpretation of Menander's comedies as primarily literary works and textual sources to the recognition of their value for the reconstruction of social relations and institutions. The study shows that methodological search has led to the development of a distinct historical perspective: Menander's comedies have come to be viewed as a comprehensive, multidimensional source on marital strategies, property relations, and the sociopolitical context of the era. The interdisciplinary nature of Menandrian studies has allowed for the integration of the study of slavery, violence, and female solidarity into the context of social connections and network interactions within historical anthropology. The social aspects of the gender approach have also been identified. The authors draw a conclusion about the deepening of traditional themes at the present stage and a shift in focus to implicit meanings within the framework of the history of emotions, imagology and the history of mentalities.

Keywords: Menander, New Comedy, Ancient Greek drama, gender history, social history, historiography

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Semicheva E.A., Aseeva E.R. 2026. The Social Dimension of Menander's Comedies in Foreign Historiography. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 515–525 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-515-525. EDN: BTWXUN

Введение

Репрезентативность новой аттической комедии как уникального исторического источника, позволяющего реконструировать образ «маленького человека» в социальном пространстве повседневности, определяет непреходящую актуальность обращения к творчеству Менандра (342–291 гг. до н. э.). В отличие от предшествующих комедиографов, Менандр сосредоточился на частной жизни и бытовых конфликтах обычных людей, создав своеобразный срез социальной истории Афин на рубеже классической и эллинистической эпох [Pavlenko, 1982, p. 106].

Системное исследование работ Менандра в зарубежном антиковедении началось в 60-х годах XX века, несмотря на то, что первые находки его текстов относятся к гораздо более раннему времени. Переломным стало введение в научный оборот в 1959 году «Бодмеровского папируса», содержащего практически полный текст комедии «Брюзга», который частный коллекционер М. Бодмер выкупил на рынке Каира. В течение нескольких последующих десятилетий в зарубежной историографии был накоплен значительный опыт интерпретации комедий, комплексный анализ которого до сих пор не проводился. Вместе с тем в изучении и оценке его творений в контексте социальной истории наблюдается выраженная динамика от понимания их как преимущественно литературных и текстологических источников к признанию за ними самостоятельной ценности для исторической реконструкции социальных отношений и институтов, повседневности и ментальных структур раннеэллинистической эпохи.

Цель настоящей работы – синтезировать достижения зарубежных исследователей и проследить эволюцию подходов и расширение проблемного поля и социального контекста в изучении комедий Менандра с конца 1960-х годов по настоящее время.

Объект и методы исследования

В фокусе данного исследования находятся монографии и научные статьи зарубежных антиковедов второй половины XX–XXI веков, посвященные личности и творчеству Менандра с акцентом на различных аспектах социальной истории.

В рамках реализации поставленной цели использованы историко-генетический метод для установления начальных этапов зарождения современных тенденций менандроведения, проблемно-хронологический метод для выявления преемственности в проблематике исследований, историографический метод для критического анализа и систематизации научных работ, реконструкции логики смены подходов в зарубежной историографии, а также общенаучные методы сравнительного анализа, синтеза и типологизации для сопоставления и группировки исследований по проблемно-типологическим блокам и хронологическим этапам.

Результаты и их обсуждение

Становление научного менандроведения напрямую связано с деятельностью британских и американских филологов-классиков, которые в середине XX века заложили базу текстологического и историко-литературного изучения комедий Менандра. Основополагающий вклад в систематизацию и реконструкцию его текстов внес Т. Б. Л. Уэбстер. Его обобщающий труд, вышедший в 1974 году, включал не только детальный филологический анализ, но и изучение социально-исторического контекста сюжетов Менандра: обращение к проблеме гражданства и законности брака, богатства и бедности, отношения к рабам [Webster, 1974, p. 25–43]. Британский эллинист У. Дж. Арнотт впервые перевёл найденную комедию «Брюзга», опубликовал филологические заметки и комментарии к тексту [Arnott, 1966, p. 147–154], а также свёл все папирусные находки в трёхтомный сборник комедий Менандра [Arnott, 1979–2000]. В этом же направлении работали британские антиковеды А. У. Гомм и Ф. Г. Сэндбах, чей совместный труд можно считать фактически энциклопедией по источнику, содержащей, помимо биографии Менандра, построчные комментарии ко всем сохранившимся текстам [Gomme, 1973].

Примерно в это же время в менандроведении выделяется социальная проблематика, первоначально в виде анализа социальных типажей персонажей комедиографа. В 1966 году Э. С. Рамаж публикует статью «Город и деревня в «Брюзге» Менандра», в которой автор выделяет социальные и ценностные аспекты оппозиции «город – деревня» [Ramage, 1966, p. 194]. В 1969–1972 годах выходит серия тематически связанных статей американского филолога У. Т. Маккэри, посвященных интерпретации трех ключевых типажей комедий Менандра: рабов, стариков и солдат на предмет «говорящих имён» персонажей, их драматургических функций в сюжете и театральных масок, которыми они были представлены на афинской сцене. Автор, оставаясь в поле текстологических исследований, задает вектор обращения к социальному контексту [MacCary, 1969; MacCary, 1971; MacCary, 1972].

При этом социально-исторический подход обрёл зрелые формы только к концу XX – началу XXI вв. Обращаясь к институту семьи, С. Айрленд на материале комедий «Брюзга» и «Самиянки» выявляет ее социальную ценность. Проанализировав изображение Менандром человеческих взаимоотношений в конфликтных ситуациях, он демонстрирует, как логика сюжета неизменно ведёт к восстановлению семьи и браку [Ireland, 1994]. В. Дж. Розивак в статье «Классовые вопросы в «Брюзге» Менандра» как уникальное достоинство пьесы отмечает преодоление комедиографом социального барьера между богатым женихом и невестой из бедной семьи не через восстановление её гражданского статуса, а через признание моральных качеств персонажей и взаимное согласие отцов обеих семей [Rosivach, 2001, p. 134]. Ш. Э. Кокс, анализируя имущественное положение, род занятий, социальные связи и поведенческие стереотипы героев этой же пьесы, пришла к выводу, что очевидное для более ранних филологических работ противопоставление «город – деревня» в сюжетном контексте можно пересмотреть в связи с размытым социальным статусом персонажей [Cox, 2002, p. 357–358]. В другой публикации автор соотнесла сюжет женитьбы богатого городского юноши на дочери бедного сельского жителя с существовавшей практикой браков между соседями, жившими в сельской местности [Cox, 2002, p. 394]. Эти статьи внесли значимый вклад в понимание того, как Менандр конструирует социальную географию Аттики и какое место в ней занимают брачные стратегии, соединяющие разные социальные группы.

Социально-политический контекст семейных связей выявляет С. Лейп, аргументируя, что в пьесе «Брюзга» комедиограф через идеализированный брак защищает демократические ценности [Lare, 2001, p. 173–174]. Впоследствии эта идея развернута в главе монографии «Воспроизводя Афины: комедия Менандра, демократическая культура и эллинистический полис» [Lare, 2004, p. 110–137], предлагающей принципиально новую интерпретацию пьес Менандра, согласно которой его сюжеты о браке и семье были сознательно политическими и играли важную роль в защите демократической культуры.

Важной методологической вехой в эволюции подходов от текстологической доминанты к социально-исторической проблематике и их оптимальном сочетании стала защищенная М. Цешко в 2004 году в Оксфордском университете диссертация по филологии об историческом реализме комедий Менандра и их актуальности у зрителей эпохи [Ciesko, 2004]. Значимость комедий как исторического источника, дающего своеобразный социальный срез, обусловлена его уникальными драматургическими методами использования жанровых стереотипов и «полифонии» мнений для создания иммерсивного погружения зрителей.

В 2020-е годы линия социальной истории продолжилась в работе итальянского исследователя С. Агримонти об образе солдата-наёмника в комедиях Менандра, в которой отмечается, что комедиограф изображал их не «хвастливыми воинами» как в старой комедии, а добропорядочными гражданами [Agrimonti, 2023, p. 18–19]. Привлекая в качестве исторического источника судебные речи Исея, он доказывает, что такое изображение соответствовало реальному отношению афинян к наёмничеству в раннеэллинистический период. Проблематика брака – одна из центральных с самого начала изучения Менандра – получила новое измерение в работе болгарского филолога Д. Тошевой. Она обратилась к вопросу о близкородственных браках – союзах между братом и сестрой, двоюродными родственниками. Исследовательница приходит к выводу, что, хотя связь между полнородными родственниками была абсолютным табу, некоторые формы эндогамии были частью афинской культурной нормы [Tosheva, 2020, p. 95].

Социальное измерение комедий методологически связано с гендерной проблематикой, которая стала одним из доминирующих направлений менандроведения начиная с 1980-х годов, при этом взаимоотношения полов первоначально также находятся преимущественно в поле филологических штудий. В 1984 году вышла статья У. Андерсона «Любовные сюжеты у Менандра и его римских интерпретаторов, в которой он, вступая в дискуссию с предшественниками, отстаивает тезис существования типа «благородной гетеры» в новой комедии [Anderson, 1984, p. 124–125]. Кроме того, автор предлагает классификацию любовных сюжетов. Эта проблематика продолжена в одном из разделов изданной годом позже монографии М. М. Генри об образах куртизанок в античной литературе, основанной на диссертации [Henry, 1985, p. 40–102], в которой она акцентирует внимание на жанрово необходимой героической роли гетер, морально превосходящих порицающих их мужчин. Определённым итогом исследований данного круга вопросов можно считать диссертацию американского историка Э. С. Грюена, в которой он выделяет и систематизирует ключевые драматургические функции и социальные характеристики образа гетеры в греческой новой комедии, рассматривая её в сравнении с римской паллиатой [Gruen, 1991]. В рамках гендерной проблематики показательно лингвистическое исследование Д. Бэйна, утверждающего, что комедиограф создает для своих женских персонажей особый речевой портрет, проявляющийся в форме междометий, специфической лексики и синтаксических конструкций и позволяющий Менандру достичь эффекта психологической достоверности и реалистичности в изображении своих героинь [Bain, 1984, p. 41–42]. Работы Д. Бэйна имеют выраженный междисциплинарный характер и обосновывают связь речевых характеристик персонажей с их социальной идентичностью.

В 2003 году Ш. Э. Кокс сместила вектор гендерного направления исследований новой аттической комедии, аргументировав информативность и достоверность менандровских пьес как исторического источника. Сопоставив комедии Менандра с частными судебными речами, она анализирует различия в положении женщин разного социального статуса. Десятилетием позже в обобщающей главе коллективной монографии она подводит итог изучению семейных ролей женщин, связав гендерную проблематику с более широким контекстом родственных отношений и брачных стратегий [Cox, 2012, p. 278–287]. В 2008 году А. Трайлл издает монографию, посвященную роли и восприятию женщин мужскими персонажами. Автор доказывает, что именно женщины выступают ключевыми инициаторами и двигателями сюжета [Traill, 2008, p. 235–245]. Выходя за пределы «женского вопроса», к менее изученным

аспектам гендера обращается также шведский исследователь Х. Берг, анализируя на материале менандровских пьес роль возраста в конструировании маскулинности [Berg, 2008, p. 138–139]. В 2010-е годы гендерная история обогатилась изучением социальных связей между женщинами. Американский филолог Э. Фелтович [Feltovich, 2011] выявила горизонтальные связи – женскую солидарность и взаимопомощь, доказывая, что героини Менандра действуют не изолированно, а в рамках устойчивых социальных сетей. Новый междисциплинарный ракурс гендерной проблематики демонстрирует И. Беннетт-Смит, исследующая, как Менандр вводит в пьесы образы девушек, преодолевая рамки жанровых ограничений и реальные запреты на публичность афинянок, и устанавливает связь между способом знакомства зрителей с персонажем и его происхождением [Bennett-Smith, 2022, p. 91–95].

Разнообразие подходов в изучении социальных отношений демонстрирует круг работ, анализирующих коллективные представления, стереотипы и воображаемое пространство. Уже в 1981 году У.Д. Арнотт обозначил взаимосвязь сюжетов комедий Менандра с моральными нормами и статусом зрителей театра, утверждая, что ценности, демонстрируемые в пьесах, – это не столько отражение личного мировоззрения драматурга, сколько художественное преломление ожиданий и идеалов его аудитории [Arnott, 1981, p. 226]. Д. Констан на материале пьесы «Отрезанная коса» проанализировал соотношение статуса главной героини с нормами морали, показав, как комедия отражает и одновременно обыгрывает общественные представления о должном поведении женщин [Konstan, 1987, p. 137–138].

В своей диссертации А. Хип доказывает, что Менандр, используя тонкую психологизацию, наделяет традиционные типы (женщин, солдат, рабов) индивидуальными чертами, которые могут идти вразрез с ожиданиями публики: женщины изображены с сочувствием к их бесправию, мужчины – эмоционально уязвимыми, а темы рабства и физической власти становятся центральными, что позволяет драматургу ставить под сомнение устоявшиеся предрассудки как античного, так и современного общества [Hear, 1998, p. 172–180]. Кроме того, тему стереотипов исследователь продолжает в статье, посвященной специфике мужских персонажей и их восприятию полисом [Hear, 1998, p. 125]. В 2003 году А. Хип посвятила статью роли младенцев в комедиях Менандра – явлению, необычному для античной драмы и связанному, по мнению ученого, с тем, что через детей комедиограф актуализировал темы незаконнорожденности и свободного статуса гражданина и усиливал эмоциональный отклик зрителей [Hear, 2003, 126–127].

В русле изучения коллективных представлений находятся и религиозные аспекты комедий. В 1990 году израильский филолог Н. Загаги положила начало исследованиям роли и влияния божественных персонажей на сюжет, рассматривая богов как часть ментального горизонта эпохи [Zagagi, 1990, p. 89–90]. Эта линия получила продолжение в работах У. Фёрли, выявившего, как комедии Менандра были вписаны в ритуально-праздничный контекст афинской жизни конца IV века до н. э., и показавшего, что сама театральная форма была неотделима от религиозных представлений афинян [Furley, 2009, p. 400]. В сборнике «Menander in Contexts» С. Майлз рассмотрела способы конструирования божественного на сцене, анализируя, как ожидание божественного вмешательства формировало зрительский опыт [Miles, 2014, p. 85–86]. Имагологический аспект также выражен в монографии М. Брауна о «рождении домашней драмы». Автор доказывает, что Менандр сознательно конструировал «закулисные вселенные», создавая воображаемое пространство за сценой, где разворачивалось скрытое от зрителей действие (и именно там, за кулисами, формировались ключевые для социальной истории темы: брачные союзы, судьба подкидышей, невидимая власть женщин) [Brown, 2024, p. 145–154].

Антропологический поворот в менандроведении ярко проявился в изучении рабства, насилия и неформальных связей. В сборнике «Читая античное рабство» Л. Проффитт, Э. Холл и Р. Олстон публикуют статью о сложных взаимоотношениях внутри семьи и роли рабов в развитии сюжета пьесы «Третьейский суд» [Proffitt et al., 2011, p. 167–168]. В сходном по тематической направленности сборнике «Рабы и институт рабства в древнегреческой комедии»

на материале произведений Менандра построены две статьи. Д. Констан приходит к выводу об обыденности насилия над рабами и стоящей за ним идеологии господ [Konstan, 2013, p. 157–158], а Ш.Э. Кокс анализирует социальные связи рабов (дружеские, соседские, родственные), утверждая, что эти близкие неформальные отношения помогали им смягчать последствия наказаний и выживать в этой системе [Cox, 2013, p. 171–172]. Продолжая актуальный для антиковедения 2010-х гг. тренд многоаспектного изучения концепта «насилие», канадский историк Э. Глэйзбрук в работе, находящейся на стыке гендерной истории и исторической антропологии, ввела понятие «иерархии насилия», показав на примере героинь пьес Менандра, что тело рабыни конструировалось в афинском дискурсе как «доступное тело», нормализуя сексуальное насилие по отношению к нему [Glazebrook, 2015, p. 95].

Междисциплинарные тренды менандроведения в последнее десятилетие оформились в новое направление «эмоциональной истории», в рамках которого эмоции персонажей Менандра стали рассматриваться как сложный драматургический приём, связанный с социальными нормами и философским контекстом. Французский филолог К. Кюссе исследовал образ меланхоличного влюблённого, показав, как любовное томление, заимствованное из трагедии, используется для создания психологической глубины персонажей. Автор приходит к выводу, что эти менандровские приемы фактически готовили почву для европейской традиции «комедии нравов» [Cusset, 2014, p. 178–179]. В том же контексте «истории эмоций» С. Киритси обращает внимание на то, как в пьесах Менандра эрос конструирует мужские характеры. Она анализирует роль самоконтроля и невоздержанности, а также связь любви с другими социальными эмоциями – взаимностью, дружбой и родственными чувствами [Kiritsi, 2013, p. 242]. Эта же проблематика нашла отражение в работе А. Фунтулакиса, исследовавшего риторику эроса в «Самиянке»: он показал, как персонажи используют риторические приёмы, чтобы аргументировать свои поступки, связанные с внебрачным ребёнком и семейным долгом, переплетая эрос с категориями чести и стыда [Fountoulakis, 2019, p. 68–69].

В завершение отметим, что в обобщенном виде разнообразие подходов и тем, определивших социальное измерение комедий, представлено в знаковом для изучения Менандра сборнике «Menander in Contexts» [Menander in Contexts, 2014], вышедшем под редакцией А. Соммерстайна. Творчество драматурга помещено в широкий исторический, социальный и литературный контекст его времени – от повседневных реалий афинского полиса до интеллектуальных веяний эпохи. Сборник включает 16 статей/глав, сгруппированных в четыре тематических блока. Первый посвящён социальному контексту и отражению афинских институтов в комедиях. Сюда вошли статьи немецкого филолога Х.-Д. Блуме об имущественных аспектах брака [Blume, 2014], самого А. Соммерстайна об институте наложничества [Sommerstein, 2014], Ш. Л. Джеймс, которая раскрывает тему сексуального насилия с применением психологического подхода [James, 2014], Э. Батреллу о формировании социальных связей между рабами [Bathrellou, 2014], М. Ламаньи об отражении военной культуры и образов солдат [Lamagna, 2014]. Остальные блоки выходят за рамки собственно исторических исследований. Вторая часть посвящена драматургической технике комедиографа, в третьей демонстрируется связь с интеллектуальными течениями его времени, а последний раздел связан с рецепцией в последующие эпохи.

Заключение

Таким образом, зарубежное менандроведение прошло путь последовательного расширения исследовательской оптики и формирования нескольких взаимодополняющих подходов (прил. 1). Исходный текстологический подход (1960–1970-е годы) был направлен на реконструкцию, систематизацию корпуса и комментирование текстов; социально-исторический контекст на этом этапе выступал лишь вспомогательным элементом. Затем в социальной истории (1980–2000-е годы) произошёл переход от описания типажей к изучению их социальной идентичности, брачных стратегий, имущественных отношений и социальных

статусов и ролей. Гендерная история также имеет выраженный социальный акцент, развиваясь от анализа типажей гетер и женских персонажей до изучения женской субъектности, маскулинности и горизонтальных социальных связей.

Методологический поиск 2000–2010-х годов привёл к оформлению собственно исторического взгляда: комедии Менандра стали рассматриваться как полноценный многомерный источник по брачным стратегиям, имущественным отношениям и политическому контексту эпохи. Были высказаны принципиально новые идеи о преодолении социальных барьеров через моральные качества персонажей, а также об интерпретации брачных сюжетов как сознательной политической защиты демократии. Междисциплинарный уровень менандроведения позволил интегрировать изучение рабства, насилия и женской солидарности в контекст социальных связей и сетевого взаимодействия в рамках исторической антропологии.

Современный этап характеризуется углублением традиционных тем и смещением фокуса на имплицитные смыслы: в рамках истории эмоций анализируются любовное томление, самоконтроль и стыд, а в русле имагологии и истории ментальностей – воображаемое пространство за сценой, доминирующие образы и смысловые константы, что позволяет реконструировать не столько социальные факты, сколько коллективные представления раннеэллинистической эпохи.

Приложение

Таблица 1

Table 1

Распределение работ по методологическим подходам и периодам
Distribution of Works by Methodological Approaches and Periods

Период/Подход	Текстологический	Социально-исторический	Гендерный	Имагологический	Антропологический	История эмоций	Итого
1960–1970-е гг.	3	4					7
1980–1990-е гг.		1	4	5			10
2000-е гг.		6	2	2			10
2010-е гг.		3	2	1	6	3	15
2020-е гг.		2	1	1			4
Итого	3	16	9	9	6	3	46

Источник: авторская разработка.

Список литературы

- Павленко Л.В. 1982. Менандр как источник по истории раннего эллинизма. Вестник древней истории, 160(4): 103–112.
- Agrimonti S. 2023. Soldiers on stage: Athenian Attitudes towards Mercenaries in Menander's Comedies. *Greece & Rome*, 70 (1): 1–19.
- Anderson W.S. 1984. Love Plots in Menander and his Roman Adapters. *Ramus*, 13(2): 124–134.
- Arnott W.G. 1966. Observations on Menander's Dyskolos. *Philologus*, 110(1–2): 147–154.
- Arnott W.G. 1981. Moral Values in Menander. *Philologus*, 125(2): 215–227.
- Bain D. 1984. Female Speech in Menander. *Antichthon*, 18: 24–42.
- Bathrellou E. 2014. Relationships among Slaves in Menander. In: *Menander in Contexts* / ed. by A.H. Sommerstein. New York: Routledge: 40–57.
- Bennett-Smith I. 2022. The Introduction of Young Women in Menander: Variation within the Constraints of the Genre. M.A. Thesis. Wellington: Open Access Te Herenga Waka – Victoria University of Wellington. 109 p. URL: https://openaccess.wgtn.ac.nz/articles/thesis/The_Introduction_of_Young_Women_in_Menander_Variation_within_the_constraints_of_the_genre/21688426 (accessed 16 March 2026).
- Berg H. 2008. The Question of Age in the Construction of Hellenistic Masculinities in Menander. *Boyhood Studies*, 2(2): 125–139.

- Blume H.-D. 2014. Money and Love in Menandrian Comedy. In: *Menander in Contexts* / ed. by A.H. Sommerstein. New York: Routledge: 3–16.
- Brown M. 2024. Menander and the Birth of Domestic Drama. Madison: University of Wisconsin Press. 216 p.
- Ciesko M. 2004. Menander and the Expectations of his Audience. D. Phil. Thesis. Oxford: University of Oxford. URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:ae81b7d0-87da-4e3e-bd00-3b49743a82c1> (accessed 13 March 2026).
- Cox C.A. 2002. Crossing Boundaries through Marriage in Menander's *Dyskolos*. *The Classical Quarterly*, 52(1): 391–394.
- Cox C.A. 2002. Is Sostratus' Family Urban in Menander's *Dyskolos*? *The Classical Journal*, 97(4): 351–358.
- Cox C.A. 2012. Women and Family in Menander. In: *A Companion to Women in the Ancient World* / ed. by S.L. James, S. Dillon. Chichester: Wiley-Blackwell: 278–287.
- Cox C.A. 2013. Coping with Punishment: The Social Networking of Slaves in Menander. In: *Slaves and Slavery in Ancient Greek Comic Drama* / ed. by B. Akrigg, R. Tordoff. Cambridge: Cambridge University Press: 159–172.
- Cusset C. 2014. Melancholic Lovers in Menander. In: *Menander in Contexts* / ed. by A.H. Sommerstein. New York: Routledge: 167–179.
- Feltovich A.C. 2011. Women's Social Bonds in Greek and Roman Comedy. Ph.D. diss. Cincinnati: University of Cincinnati. 245 p. URL: http://rave.ohiolink.edu/etdc/view?acc_num=ucin1311691038 (accessed 16 March 2026).
- Fountoulakis A. 2019. The Rhetoric of Erōs in Menander's *Samia*. In: *Poet and Orator: A Symbiotic Relationship in Democratic Athens* / ed. by A. Markantonatos, E. Volonaki. Berlin; Boston: De Gruyter: 33–69.
- Furley W.D. 2009. Drama at the Festival: A Recurrent Motif in Menander. In: *The Play of Texts and Fragments: Essays in Honour of Martin Cropp* / ed. by J.R.C. Cousland, J.R. Hume. Leiden; Boston: Brill: 389–401.
- Glazebrook A. 2015. A Hierarchy of Violence?: Sex Slaves, Parthenoi, and Rape in Menander's *Epitrepontes*. *Helios*, 42(1): 81–101.
- Gomme A.W., Sandbach F.H. 1973. Menander: A Commentary. London: Oxford University Press. 760 p.
- Gruen S.W. 1991. The Role of the Courtesan in Menander and Terence. Ph.D. diss. Berkeley: University of California, Berkeley.
- Heap A.M. 1998. People in Menander: Social Norms and Characterization. Ph.D. thesis. London: University of London, University College London.
- Heap A.M. 1998. Understanding the Men in Menander. In: *Thinking Men: Masculinity and Its Self-Representation in the Classical Tradition* / ed. by L. Foxhall, J. Salmon. London; New York: Routledge: 115–129.
- Heap A.M. 2003. The Baby as Hero? The Role of the Infant in Menander. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 46(1): 77–129.
- Henry M.M. 1985. Menander's Courtesans and the Greek Comic Tradition. Frankfurt am Main; Bern; New York: Peter Lang. 148 p.
- Ireland S. 1994. Personal Relationships and other Features of Menander. *Electronic Antiquity*, 2(4).
- James S.L. 2014. Reconsidering Rape in Menander's Comedy and Athenian Life: Modern Comparative Evidence. In: *Menander in Contexts* / ed. by A.H. Sommerstein. New York: Routledge: 24–39.
- Kiritisi S. 2013. Erōs in Menander: Three Studies in Male Character. In: *Erōs and the Polis: Love in Context* / ed. by E. Sanders. London: Institute of Classical Studies, University of London: 85–100.
- Konstan D. 1987. Between Courtesan and Wife: Menander's *Perikeiromene*. *Phoenix*, 41(2): 122–139.
- Konstan D. 2013. Menander's Slaves: The Banality of Violence. In: *Slaves and Slavery in Ancient Greek Comic Drama* / ed. by B. Akrigg, R. Tordoff. Cambridge: Cambridge University Press: 144–158.
- Lape S. 2001. The Ethics of Democracy in Menander's *Dyskolos*. *Helios*, 28(2): 141–174.
- Lape S. 2004. Reproducing Athens: Menander's Comedy, Democratic Culture, and the Hellenistic City. Princeton: Princeton University Press. 294 p.
- MacCary W.T. 1969. Menander's Slaves: Their Names, Roles, and Masks. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 100: 277–294.
- MacCary W.T. 1971. Menander's Old Men. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 102: 303–325.
- MacCary W.T. 1972. Menander's Soldiers: Their Names, Roles, and Masks. *American Journal of Philology*, 93(2): 279–298.
- Menander in Contexts / ed. by A.H. Sommerstein. 2014. New York: Routledge. 286 p.

- Menander. 1979–2000. Menander. In 3 Vols. / Ed. and transl. by W.G. Arnott. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: W. Heinemann.
- Miles S. 2014. Staging and Constructing the Divine in Menander. In: *Menander in Contexts* / ed. by A.H. Sommerstein. New York: Routledge: 75–89.
- Proffitt L. 2011. Family, Slavery and Subversion in Menander's Epitrepontes. In: *Reading Ancient Slavery* / ed. by R. Alston, E. Hall, L. Proffitt. London: Bristol Classical Press: 152–174.
- Ramage E.S. 1966. City and Country in Menander's Dyskolos. *Philologus*, 110(3): 194–211.
- Rosivach V.J. 2001. Class matters in the Dyskolos of Menander. *The Classical Quarterly*, 51(1): 127–134.
- Sommerstein A.H. 2014. Menander and the Pallake. In: *Menander in Contexts* / ed. by A.H. Sommerstein. New York: Routledge: 17–23.
- Tosheva D. 2020. Close-kin Marriages in Menander. *Societas Classica*, 10(1): 85–96.
- Traill A. 2008. Women and the Comic Plot in Menander. Cambridge: Cambridge University Press. 301 p.
- Webster T.B.L. 1974. An Introduction to Menander. Manchester: Manchester University Press; New York: Barnes & Noble Books. 211 p.
- Zagari N. 1990. Divine Interventions and Human Agents in Menander. *Recherches et Rencontres*, 2: 63–91.

References

- Pavlenko L.V. 1982. Menandr kak istochnik po istorii rannego ellinizma [Menander as a Source on the History of Early Hellenism]. *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of Ancient History], 160(4): 103–112.
- Agrimonti S. 2023. Soldiers on stage: Athenian Attitudes towards Mercenaries in Menander's Comedies. *Greece & Rome*, 70 (1): 1–19.
- Anderson W.S. 1984. Love Plots in Menander and his Roman Adapters. *Ramus*, 13(2): 124–134.
- Arnott W.G. 1966. Observations on Menander's Dyskolos. *Philologus*, 110(1–2): 147–154.
- Arnott W.G. 1981. Moral Values in Menander. *Philologus*, 125(2): 215–227.
- Bain D. 1984. Female Speech in Menander. *Antichthon*, 18: 24–42.
- Bathrellou E. 2014. Relationships among Slaves in Menander. In: *Menander in Contexts* / ed. by A.H. Sommerstein. New York: Routledge: 40–57.
- Bennett-Smith I. 2022. The Introduction of Young Women in Menander: Variation within the Constraints of the Genre. M.A. Thesis. Wellington: Open Access Te Herenga Waka – Victoria University of Wellington. 109 p. URL: https://openaccess.wgtn.ac.nz/articles/thesis/The_Introduction_of_Young_Women_in_Menander_Variation_within_the_constraints_of_the_genre/21688426 (accessed 16 March 2026).
- Berg H. 2008. The Question of Age in the Construction of Hellenistic Masculinities in Menander. *Boyhood Studies*, 2(2): 125–139.
- Blume H.-D. 2014. Money and Love in Menandrian Comedy. In: *Menander in Contexts* / ed. by A.H. Sommerstein. New York: Routledge: 3–16.
- Brown M. 2024. Menander and the Birth of Domestic Drama. Madison: University of Wisconsin Press. 216 p.
- Ciesko M. 2004. Menander and the Expectations of his Audience. D. Phil. Thesis. Oxford: University of Oxford. URL: <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:ae81b7d0-87da-4e3e-bd00-3b49743a82c1> (accessed 13 March 2026).
- Cox C.A. 2002. Crossing Boundaries through Marriage in Menander's Dyskolos. *The Classical Quarterly*, 52(1): 391–394.
- Cox C.A. 2002. Is Sostratus' Family Urban in Menander's Dyskolos? *The Classical Journal*, 97(4): 351–358.
- Cox C.A. 2012. Women and Family in Menander. In: *A Companion to Women in the Ancient World* / ed. by S.L. James, S. Dillon. Chichester: Wiley-Blackwell: 278–287.
- Cox C.A. 2013. Coping with Punishment: The Social Networking of Slaves in Menander. In: *Slaves and Slavery in Ancient Greek Comic Drama* / ed. by B. Akrigg, R. Tordoff. Cambridge: Cambridge University Press: 159–172.
- Cusset C. 2014. Melancholic Lovers in Menander. In: *Menander in Contexts* / ed. by A.H. Sommerstein. New York: Routledge: 167–179.
- Feltovich A.C. 2011. Women's Social Bonds in Greek and Roman Comedy. Ph.D. diss. Cincinnati: University of Cincinnati. 245 p. URL: http://rave.ohiolink.edu/etdc/view?acc_num=ucin1311691038 (accessed 16 March 2026).
- Fountoulakis A. 2019. The Rhetoric of Erōs in Menander's Samia. In: *Poet and Orator: A Symbiotic Relationship in Democratic Athens* / ed. by A. Markantonatos, E. Volonaki. Berlin; Boston: De Gruyter: 33–69.

- Furley W.D. 2009. Drama at the Festival: A Recurrent Motif in Menander. In: *The Play of Texts and Fragments: Essays in Honour of Martin Cropp* / ed. by J.R.C. Cousland, J.R. Hume. Leiden; Boston: Brill: 389–401.
- Glazebrook A. 2015. A Hierarchy of Violence?: Sex Slaves, Parthenoi, and Rape in Menander's Epitrepontes. *Helios*, 42(1): 81–101.
- Gomme A.W., Sandbach F.H. 1973. Menander: A Commentary. London: Oxford University Press. 760 p.
- Gruen S.W. 1991. The Role of the Courtesan in Menander and Terence. Ph.D. diss. Berkeley: University of California, Berkeley.
- Heap A.M. 1998. People in Menander: Social Norms and Characterization. Ph.D. thesis. London: University of London, University College London.
- Heap A.M. 1998. Understanding the Men in Menander. In: *Thinking Men: Masculinity and Its Self-Representation in the Classical Tradition* / ed. by L. Foxhall, J. Salmon. London; New York: Routledge: 115–129.
- Heap A.M. 2003. The Baby as Hero? The Role of the Infant in Menander. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 46(1): 77–129.
- Henry M.M. 1985. Menander's Courtesans and the Greek Comic Tradition. Frankfurt am Main; Bern; New York: Peter Lang. 148 p.
- Ireland S. 1994. Personal Relationships and other Features of Menander. *Electronic Antiquity*, 2(4).
- James S.L. 2014. Reconsidering Rape in Menander's Comedy and Athenian Life: Modern Comparative Evidence. In: *Menander in Contexts* / ed. by A.H. Sommerstein. New York: Routledge: 24–39.
- Kiritisi S. 2013. Erōs in Menander: Three Studies in Male Character. In: *Erōs and the Polis: Love in Context* / ed. by E. Sanders. London: Institute of Classical Studies, University of London: 85–100.
- Konstan D. 1987. Between Courtesan and Wife: Menander's Perikeiromene. *Phoenix*, 41(2): 122–139.
- Konstan D. 2013. Menander's Slaves: The Banality of Violence. In: *Slaves and Slavery in Ancient Greek Comic Drama* / ed. by B. Akrigg, R. Tordoff. Cambridge: Cambridge University Press: 144–158.
- Lape S. 2001. The Ethics of Democracy in Menander's Dyskolos. *Helios*, 28(2): 141–174.
- Lape S. 2004. Reproducing Athens: Menander's Comedy, Democratic Culture, and the Hellenistic City. Princeton: Princeton University Press. 294 p.
- MacCary W.T. 1969. Menander's Slaves: Their Names, Roles, and Masks. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 100: 277–294.
- MacCary W.T. 1971. Menander's Old Men. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 102: 303–325.
- MacCary W.T. 1972. Menander's Soldiers: Their Names, Roles, and Masks. *American Journal of Philology*, 93(2): 279–298.
- Menander in Contexts / ed. by A.H. Sommerstein. 2014. New York: Routledge. 286 p.
- Menander. 1979–2000. Menander. In 3 Vols. / Ed. and transl. by W.G. Arnott. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: W. Heinemann.
- Miles S. 2014. Staging and Constructing the Divine in Menander. In: *Menander in Contexts* / ed. by A.H. Sommerstein. New York: Routledge: 75–89.
- Proffitt L. 2011. Family, Slavery and Subversion in Menander's Epitrepontes. In: *Reading Ancient Slavery* / ed. by R. Alston, E. Hall, L. Proffitt. London: Bristol Classical Press: 152–174.
- Ramage E.S. 1966. City and Country in Menander's Dyskolos. *Philologus*, 110(3): 194–211.
- Rosivach V.J. 2001. Class matters in the Dyskolos of Menander. *The Classical Quarterly*, 51(1): 127–134.
- Sommerstein A.H. 2014. Menander and the Pallake. In: *Menander in Contexts* / ed. by A.H. Sommerstein. New York: Routledge: 17–23.
- Tosheva D. 2020. Close-kin Marriages in Menander. *Societas Classica*, 10(1): 85–96.
- Traill A. 2008. Women and the Comic Plot in Menander. Cambridge: Cambridge University Press. 301 p.
- Webster T.B.L. 1974. An Introduction to Menander. Manchester: Manchester University Press; New York: Barnes & Noble Books. 211 p.
- Zagagi N. 1990. Divine Interventions and Human Agents in Menander. *Recherches et Rencontres*, 2: 63–91.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.06.2026

Поступила после рецензирования 31.07.2026

Принята к публикации 03.08.2026

Received 24.06.2026

Revised 31.07.2026

Accepted 03.08.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Семичева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-8969-0022](https://orcid.org/0000-0002-8969-0022)

Асеева Елизавета Романовна, магистрант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0000-8920-8534](https://orcid.org/0009-0000-8920-8534)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Semicheva, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Elizaveta R. Aseeva, Master's Student of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(03)
DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-526-534
EDN BVWTNT
Оригинальное исследование

***Statores Augusti*: преторианцы или нет?**

Дороненко И.А.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: ilya.doronenko99@gmail.com

Аннотация. Преторианская гвардия – это крайне структурно сложное подразделение римской армии, которое менялось на протяжении нескольких столетий. Внутри когорт были так называемые «особые подразделения», выполнявшие те поручения императорской власти, которые не входили в стандартный круг обязанностей преторианцев. Одним из таких подразделений были *statores Augusti*, изучение организационной структуры которых до сих пор не нашло должного отражения в историографии. В данной статье мы рассматриваем вопрос принадлежности *statores* к преторианской гвардии, а также их функционал. Мы предлагаем рассматривать *statores Augusti* как подразделение, которое постепенно становилось частью преторианской гвардии и несло на себе ряд специфических функций.

Ключевые слова: Древний Рим, *statores Augusti*, преторианские когорты, римская армия

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Дороненко И.А. 2026. *Statores Augusti*: преторианцы или нет? *Via in tempore. История. Политология*. 53(3): 526–534. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-526-534. EDN: BVWTNT

***Statores Augusti*: Praetorians or Not?**

Ilya A. Doronenko

Dostoevsky Omsk State University,
55a Mir Ave., Omsk 644077, Russia
E-mail: ilya.doronenko99@gmail.com

Abstract. The Praetorian Guard represent structurally highly complex units of the Roman army that evolved over several centuries. Within the guard, the so-called “special units” carried out those tasks of the imperial administration that fell outside the standard range of Praetorian’s duties. One such unit was the *Statores Augusti*, and scholarly literature has yet to adequately address the study of their organizational structure. During the Roman Republic, the *Statores* formed a kind of «staff» serving a governor or military commander and handled the delivery of messages. In the Imperial period, the *Statores Augusti* gradually integrated into the Praetorian Guard. By the 3d century AD, the *statores Augusti* began to form a distinct *numerus*. The command structure of this unit also underwent changes. Commanders of the *Statores* typically received further promotions within the Rome garrison. Determining the precise functions of the *Statores* in the Imperial period proves difficult, so we may assume that they performed the duties of “military police”.

Keywords: Ancient Rome, *Statores Augusti*, Praetorian Guard, Roman Army

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Doronenko I.A. 2026. *Statores Augusti*: Praetorians or Not? *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 526–534 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-526-534. EDN: BVWTNT

Введение

В Римской империи уже с 20-х гг. I в. н. э. складывалась внутренне сложная и разветвленная система обеспечения *securitas*, прежде всего в Риме и вокруг фигуры принцепса. Пожалуй, первостепенное значение в охране императора и общественного порядка в городе играли преторианские когорты. Частью гвардии были так называемые «особые подразделения», которое организационно и функционально отличались от основной массы преторианцев. Это прежде всего *speculatores Augusti* и *evocati Augusti*. Однако если функции и положение этих воинов в преторианских когортах уже рассматривались ранее ¹, то *statores Augusti* остаются практически не затронутым в историографии подразделением римской армии. Из специальных работ об этих воинах можно назвать лишь статьи Р. Парибени 1901 г. [Paribeni, 1901, p. 287–299] и Б. Кюблера 1929 г. [Kübler, 1929, S. 2228–2229]. Стоит указать также на отдельные упоминания *statores Augusti* в работах, посвященных истории гарнизона Рима и системе безопасности в Империи [Busch, 2011; Ricci, 2018]. Причины столь нечастого обращения к истории статоров даже в специализированных работах о преторианцах мы видим в крайне скудной источниковой базе и лишь относительно недавнем возрождении интереса в историографии к вопросам организационной структуры преторианских когорт.

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования являются *statores Augusti* как часть гарнизона Рима, предметом же – проблемы организационной структуры, функционала и положения личного состава данного корпуса. Мы будем опираться на системный источниковедческий анализ имеющихся эпиграфических свидетельств, нарративных источников, а также памятников позднеимперского права, вобравших в себя установления в том числе II – III вв. Особое внимание уделим просопографическому анализу надписей.

Результаты и их обсуждение

Преторианские когорты не были принципиально новым учреждением. Август реформировал в 27 г. до н. э. уже существующие подразделения, соединив порой очень разнородные структуры: «штаб» при полководце, ветеранов-сверхсрочников, телохранителей-спекуляторов. Для начала нужно разобраться, кем же были *statores* до учреждения императорской преторианской гвардии. В истории римских подразделений зачастую вопрос об их зарождении раскрывается в этимологии. Что же означал термин «*stator*»? Б. Кюблер высказывал предположение, что существительное «*stator*» происходит от глагола «*sisto*», одним из значений которого является «задерживать» и «останавливать» [Kübler, 1929, S. 2228]. Самые ранние упоминания *statores* относятся к I в. до н. э. У Цицерона мы встречаем три упоминания статоров, которые занимаются доставкой писем (Fam. II. 17,1; 19,2; X. 21, 2) ². В первом случае он пишет, что ему принес письмо *stator* от Гнея Каниния Саллюстия. Во втором же Цицерон указывает, что Гаю Целию Кальду должны были передать послания статоры и ликторы. В другом также указывается на «*stator eius cum litteris*». Отсутствие иных упоминаний статоров для времени до формирования гвардии позволяет выдвинуть несколько предположений. Во-первых, статоры могли принадлежать к ранним преторианским когортам, которые еще не были в полном смысле военным подразделением, а скорее штабом при полководце из соратников и клиентов. Хотя мы знаем о когортах из ветеранов в распоряжении триумвиров, трансформация еще лишь шла в эпоху гражданских войн. Во-вторых, *statores* как минимум вплоть до Августа, не были военными и не формировали отдельный отряд. В-третьих, функционал *statores* в этот период заключался в доставке сообщений, но неизвестно, были ли еще у них обязанности [Paribeni, 1901, p. 287].

¹ Обзор библиографии о *speculatores Augusti* [Дороненко, 2022, с. 758] и *evocati Augusti* [Дороненко, Крих, 2025, с. 141] мы ранее представили в наших публикациях.

² Письма датируются примерно 18 июля 50 г. до н. э., 21 июня 50 г. до н. э. и 15 мая 43 г. до н. э. соответственно.

В схожем контексте упоминает статоров Петроний в «Сатириконе». *Statores* ставятся наравне с гладиаторами, рабами, актерами и погонщиками мулов (Petr. CXXVI). Речь явно не идет о преторианских статорах, которые, очевидно, не могли обладать *infamia*. Хотя и отмечается, что статоры «*altius cinctos*», все же подпоясанные туники не обязательно указывают именно на воинов. К тому же, как показала Ч. Риччи, в эпоху Юлиев-Клавдиев были *statores ab epistulis*, заведовавшие перепиской императорской фамилии (CIL. VI 4249) [Ricci, 2006, p. 1234]. Сведения о них, как считает итальянская исследовательница, доносятся и в описании мятежа Авидия Кассия «*Veri statores de eo nuntiarent*» (SHA. Avid. Cass. IX, 7) [Ricci, 2006, p. 1235]³.

Еще одной проблемой является многозначность слова «*stator*», а также обманчивое созвучие и схожесть смысла с термином «*strator*». В «Кодексе Феодосия» и «Кодексе Юстиниана» встречаются оба термина в схожих контекстах. В нескольких статьях мы встречаем данное слово (Cod. Theod. VI. 31. 1; VIII. 8. 4; IX. 3. 1, 1; XIII. 11. 6; Cod. Iust. I. 27. 1, 33; IX. 4; XII. 59. 3, 2). Разберем фрагмент, в котором наиболее полно описывается положение страторов (Cod. Theod. VI. 31, 1)⁴. В тексте видим, что страторы имеют отношение к лошадям и судопроизводству. В эдикте Константина Великого также указано, что страторы могли отвечать за надзор заключенных под стражу (Cod. Iust. IX. 4)⁵. *Stratores* и *statores* – это одно и то же? Нам представляется, что нет. Во-первых, М. Шпидель верно связывает страторов с конюшими при наместниках и магистратах. Он показывает, что они непосредственно могли быть связаны с *singulares* в провинциях [Speidel, 1974, p. 541–546]. Во-вторых, у этих слов, не являющихся синонимами, разная этимология. О статорах мы уже упоминали ранее. Термин «*strator*» же происходит от глагола «*sterno*», который означает «стлать», «расстилать», «опрокидывать» и т. д. [Glare, 1968, p. 1818–1819]. В-третьих, известны надписи, в которых упоминаются страторы при легатах и консуляриях, что, как покажем в дальнейшем, не свойственно *statores* (CIL. III 2067; 7786; XIII 8008; AE. 1930, 5; 1959, 316; 1967, 385 = 1977, 653 etc.).

Проблему позволяет решить сопоставление текстов «Кодексов» и «Дигест». В приведенном фрагменте из «Комментариев к эдикту» Домиция Ульпиана явственно описываются статоры (Dig. IV. 6, 10)⁶. Свой труд он написал, вероятнее всего, при Каракалле [Смышляев, 1985, с. 221]. В комментарии мы видим, что есть статоры, а также они не являются воинами, хотя мы знаем, что *statores Augusti* были *milites*.

Страторы в правовых текстах упоминаются прежде всего в законах уже IV в. Более того, в SHA описывается, как Каракаллу убил его *strator*, который помогал ему взобраться на коня (SHA. Carac. VII. 2). То есть изначально были статоры в римском гарнизоне и в штабе наместника или подразделения в провинциях. В то же время были и страторы как конюшие, которые набирались

³ Впрочем, с такой же вероятностью это могут быть и *statores* из преторианских когорт, как мы покажем в дальнейшем.

⁴ Императоры Валентиниан и Валент Августы к Зосиме, пресидию Нового Эпира. Разослан главный эдикт по всем провинциям, чтобы страторами требовался по названию только один солид пробы. И наши провинциалы знали бы, что следует соблюдать определенную наружность, высоту и возраст лошадей при предоставлении. Мы также сделали, чтобы они были зависимы определенным образом от фиска, чтобы те не боялись дать страторам то, что страторы никогда не боятся попросить. Твое дело также будет облагаться в сто фунтов серебра, если, зная, что деяние было сделано, не объявил о том тотчас же судебной власти. Дано 19 июня в консульство Аполлония Валентиниана и Валента Августов (Перевод И.А. Дороненко).

⁵ Также будет под надзором и то, чтобы тем, кто осуществляет службу страторов, ни кому-либо из слуг не было позволено чинить свою жестокость в отношении обвиненных и в заключении лишать жизни невинных или препятствовать рассмотрению дела долгим заточением задержанных. Ведь судье грозит страх не только молвы, но и опасности, если кто-либо свыше должного времени будет претерпевать голод или кто-либо каким-либо образом избежит страторов, недостаточно будет взять под стражу того, служба которого в охране, а приговорить слуг его к смертной казни. Дано в Сердице накануне июльских календ консулами Константином Августом и Константином Цезарем (Перевод И.А. Дороненко).

⁶ В таком же положении находится и тот, кто содержится под стражей воинами, статорами или муниципальными слугами, если доказать нельзя, что владеет своим имуществом. Мы таких удерживаем в цепях, кто связан таким образом, что без позора публично появиться не может (Перевод И.А. Дороненко).

из военных [Колобов, 2001, с. 45]. И где-то к IV в. происходит замена понятий: провинциальные *statores* превращаются в *stratores*, но в Риме осталось все по-прежнему.

В период Империи организация статоров, по всей видимости, несколько раз менялась. При поверхностном анализе можно отметить следующее противоречие: статоры в Риме предстают и как когорта, и как *numerus*⁷. Для I–II вв. прежде всего упоминаются центурии *statores Augusti*. Марк Веттий был центурионом статоров при Юлиях-Клавдиях (CIL. XI 395 = AE. 2009, 468). Такую же должность занимал Луций Тациний Кноз (AE. 1933, 87 = 1939, 187 = 2012, 1379)⁸. Псевдо-Гигин упоминает, что в идеальном лагере возле претория должны размещаться две центурии статоров (Hug. De mun. castr. XXX)⁹. И для III в. известно несколько упоминаний центурий статоров (CIL. V 7257 = ILS. 2138; VI 2954 = ILS. 2137; RIU-5, 1069). Последняя надпись особенно интересна, так как имеет четкую датировку – 222–235 гг.¹⁰ И в ней указан Марк Аврелий Гераклит, который был центурионом статоров-преторианцев и во исполнение обета с сыновьями сделал посвящение императору.

В то же время встречается упоминание когорт. Проблема в том, что две надписи (CIL. VI 2794; XI 2112) весьма фрагментарны и прочтение «*cohors statorum*» не является единственно возможным. Иная ситуация с посвящением Марку Аврелию Цезарю, сделанным в 140 г. префектами претория Петронием Мамертином и Гавием Максимом (CIL. VI 1009 = ILS. 2012 = AE. 2004, 43)¹¹. В ней мы встречаем упоминание десяти преторианских когорт, трех городских, «центурионов когорт преторианских, городских и статоров», а также эвокатов и центурии статоров. Вполне однозначно, что когорта статоров в посвящении отражена. Проблема в том, что нет других синхронных источников. И здесь мы вновь возвращаемся к вопросу о том, что структура преторианской гвардии постоянно менялась и подстраивалась под текущие нужды. Нельзя не отметить и фактор развития бюрократического аппарата, важной частью которого были префекты претория. Примерно в конце 90-х – 130-х гг. и появились когорты статоров.

К тому же времени относится надпись, размещавшаяся на основании статуи, в которой фигурирует Луций Петроний Сабин (CIL. XI 6055 = ILS. 2743)¹². Источник датируется 176–180 гг. [Trevisiol, 1999, p. 19]. Текст весьма фрагментирован, но можно восстановить биографию воина. Этому помогает надпись в честь его дочери (CIL. IX 5898 = ILS. 1386 = AE. 2005, 461). Карьера Луция Петрония пришлась на маркоманскую войну, за подвиги в которой он и был дважды награжден Марком Аврелием [Maxeld, 1972, p. 168]. Он дослужился до прокуратора Нарбоннской Галлии, но перед этим занимал должность «*curator statorum*». Такое прочтение не есть результат реконструкции. И это единственный пример упоминания такой должности. Скорее всего, при Марке Аврелии была сделана попытка изменить еще и командную

⁷ Ч. Риччи называет статоров «военнизированным отрядом» («paramilitary unit»), которые лишь ко II в. стали военным отрядом [Ricci, 2018, p. 98]. Однако нет никаких указаний в источниках, что в Риме в I в. они напоминали курьеров времен Цицерона. Наоборот, встречается упоминание командной структуры и подразделений.

⁸ L(ucio) Tatinio / L(uci) f(ilio) Vol(tinia) Cnoso / militi cohortis IIII pr(aetoriae) / singulari et benef(iciario) trib(uni) / optioni benef(iciario) pr(aefecti) pr(aetorio) evoc(ato) / Aug(usti) donis donato tor/quibus armillis phaler(is) / corona aurea [[[ab Imp(eratore) Do]]]/[[[imitiano Caes(are) Aug(usto) Germ(anico)]]] / |(centurioni) coh(ortis) IV vigil(um) |(centurioni) stator(um) / |(centurioni) coh(ortis) XI urbanae / veterani qui sub eo in vigilib(us) / militaver(unt) et honesta mis(sione) missi sunt. Примечательно, что надгробие возвели ветераны из вигилов, которые служили вместе с ним.

⁹ Речь явно не о провинциальных *statores* и уж тем более не о *stratores*. Нет никаких указаний, что они были организованы таким образом. И уж тем более странно, чтобы императора наравне с преторианцами охраняли бы служащие в штабе наместника.

¹⁰ В надписи упоминается Александр Север как император.

¹¹ M(arco) Aurelio Caesari / Imp(eratoris) Caesaris T(iti) Aeli Hadriani / Antonini Aug(usti) Pii fil(io) divi / Hadriani nep(oti) divi Traiani Parthici / pronep(oti) divi Nervae abnep(oti) co(n)s(uli) / Petronius Mamertinus et Gavius Maximus pr(aefecti) pr(aetorio) / tribuni cohortium praetoriarum decem et / urbanarum trium centuriones cohortium / praetoriarum et urbanarum et statorum / evocati cohortes praetoriae decem et / urbanae X XII XIII centuriae statorum / optimo ac piissimo

¹² L(ucio) Petronio L(uci) f(ilio) Pup(inia) / Sabino Foro Brent(ano) corn(iculario) / pr(aefecti) pr(aetorio) |(centurioni) leg(ionis) X Fret(ensis) et IIII Fla(viae) / donis don(ato) ab Imp(eratore) Marco / Antonino in bello German(ico) / bis hasta pura et coronis / vallari et murali p(rimo) p(ilo) / legion(is) III Cyreneicae curatori / statorum tribuno coh(ortis) [3] / et provinciae Narbonensis.

структуру *statores Augusti*, но уже при новой династии от этой идеи отказались. Возможно, это было связано с маркоманской войной, в которой непосредственное участие принимали преторианские когорты. Термин «*curator statorum*» в дальнейшем не использовался.

Новые изменения в организационной структуре связаны в очередной раз с династией Северов. 220-ми годами датируется эпитафия Элия Фортуната, который служил в *numerus*¹³ *statorum praetorianorum* (CIL. X 1766 = ILS. 2136 = AE. 1988, 298). Обозначается это через формулировку «*PRAETOR*», которая теоретически может указывать на *gen.pl.* Отдельно стоит обратить внимание на подчеркивание приверженности династии. При этом статус мог подчеркиваться и термином «*PR*», как в CIL. VI 2953 = ILS. 2133. Окончание *gen. sg.* является лишь реконструкцией, тем более непонятно, почему в данном случае существительное «*praetoria*» изменяется по второму склонению. Мы же предлагаем прочтение «*praetoriae*» или хотя бы «*praetoriarum*». Примерно тем же временем датируется эпитафия Фирмия Валента, *miles* нумера статоров, который еще и был как-то связан с центурией (CIL. VI 2954 = ILS. 2137)¹⁴. Аналогичная ситуация с Гаем Юлием Петронием (CIL. VI 2955). Следовательно, организационная структура статоров в гвардии менялась несколько раз.

Весьма затруднительно сказать, кто же командовал *statores Augusti*. Известна должность *centurio statorum*, но явно он не подчинялся напрямую префекту претория. Г. Д'Эскурак-Дуази предлагает свое решение этой проблемы [D'Escurac-Doisy, 1957, p. 137–150]. Должность, по ее словам, не может однозначно утверждать о подчинении *curator statorum* префекту статоров или о том, что эти должности сменили друг друга. Упоминание *praefectus statorum* Д'Эскурак-Дуази усматривает в CIL. IX 2983. Но ни в публикации надписи, ни в известных реконструкциях никак нельзя усмотреть хотя бы сокращение от «*stator*». Однако в посвящении Луцию Септимию Петрониану, чья карьера пришлась на вторую половину II в., встречается сочетание «*ARCHISTATO*» [D'Escurac-Doisy, 1957, p. 146]. Исследовательница предполагает, что «архистатор» было греческим эквивалентом «*praefectus statorum*». И относится должность к гарнизону Рима¹⁵. Нет надежных доказательств того, что Луций Петроний Сабин командовал статорами в Риме (CIL. XI 6055 = ILS. 2743). Текст надписи утрачен в тех местах, где говорится о его дальнейшей службе после примипилата в III Киренайском легионе и до трибуната в неизвестной когорте. Вполне возможно, что он мог быть связан с провинциальным управлением какое-то время до перевода в Рим.

Однако Х-Г. Пфлаум убедительно доказывает, что *archistator* исполнял свои обязанности при префекте Египта [Pflaum, 1959, p. 282–285]¹⁶. Во-первых, этот термин упоминается вместе с представителем принцепса. Во-вторых, Лукиан упоминает, что при префекте Египта он отвечал за судопроизводство и передачу в архив судебных решений (Лук. Apol. XII). Хотя прямо архистатор и не упоминается, но это соотносится со сведениями из оксиринхских папирусов [Pflaum, 1959, p. 282–283]. Сама же должность известна еще с I в. н. э. в Египте [Haensch, 2007, p. 98–99]. В результате ничего ясного сказать о командной структуре *statores Augusti* в Риме нельзя. Можно предположить, что они размещались в *castra praetoria* [Ricci, 2018, p. 143].

Так как *statores Augusti* известны по немногим больше, чем тридцать надписей, то и выводы об их карьерах приходится делать весьма осторожно. Р. Парибени оказался прав в том, что

¹³ Подробнее о *numeri* писал П. Саузерн [Southern, 1989, p. 81–140]. Он хотя и упоминает два раза статоров, но не останавливается на их статусе и организации.

¹⁴ D(is) M(anibus) / Firminio Valenti mil(iti) nu(meri) / stator(um) pr(aetorii) |(centuria) Agricol(a)es(!) natus / in prov(incia) T<hr=RH>acia civit(ate) Phi(lippopol(i) vixit ann(os) XXV / mil(itavit) ann(os) VI fecer(unt) heredes / Tataza mater et Tata/za Mucapora uxor fec(it) / ex |(denariis) CCL.

¹⁵ Ф. Кайзер предполагает, что Луций Публилий в CIL. III 6589 = 14122 = ILS. 1920 был префектом статоров в качестве командира отряда, сопровождавшего Германика во время его визита в Египет [Kayser, 1990, p. 243–246]. К тому же Тацит упоминает, что полководец предпочитал выходы без сопровождения воинов (Тас. Анн. II. 59).

¹⁶ В этом же убежден и Х. Зенакер. Он же считает, что *a commentariis* был учрежден как раз во времена Петрониана, который использовал свой египетский опыт в Риме [Zehnacker, 1960, p. 233; 235]. Но тогда неясно, как же интерпретировать надпись из Помпей, в которой фигурирует эвokat «*A COMMENTAR*» (AE. 1934, 143). Речь явно не о вольноотпущеннике или личном секретаре частного лица. Впрочем, этот вопрос нуждается в отдельном исследовании.

статоры не переводились в другие подразделения [Paribeni, 1901, p. 292]. Продвижения по службе касаются прежде всего центурионов. Тем не менее нельзя однозначно сказать, что статоры набирались из вольноотпущенников и по статусу были чуть выше вигилов, хотя косвенные указания на это есть. Срок службы тоже нельзя установить. Тит Гельвий Макрин прослужил семнадцать лет и умер в тридцать шесть (CIPh-02-01). Видимо, скончался еще на службе, так как не мог поступить в гвардию раньше, чем в шестнадцать лет. При этом Оклаций Север, поставивший памятник, был *commanipularis* покойного, что указывает на статус военного¹⁷. Марк Петилий Адлект же был статором двадцать один год, а умер в 40 лет (CIL. VI 2957). Не исключено, что после отставки он прожил еще год или два. Других надписей статоров, в которых бы указывался срок службы, нет. Примечательно, что в одной из надписей статус *miles cohortis* отделен от ранга *stator Augusti* (CIL. VI 2545 = ILS 2064). Это вполне доказывает, что *statores Augusti* по своему статусу и положению отличались от основной массы преторианцев.

Принципиально прохождение центурионата статоров от других не отличалось. Мы уже разбирали ранее карьеры эвокатов, которые часто и становились командирами в городском гарнизоне. Можно согласиться с тем, что *centurio statorum* по статусу был чуть выше, чем сотник вигилов, так как очередность всегда соблюдалась [Paribeni, 1901, p. 288].

Весьма примечательна надпись 113 г., в которой отразилось посвящение гению центурии вигилов (CIL. VI 221 = ILS. 2160)¹⁸. Помимо того, что это одно из первых упоминаний принципалов вообще [Смышляев, 1979, с. 65], так это еще и указание на переводы военных внутри городского гарнизона. Луций Апоний Матерн значится как «EX OPT TRAN IN ST». Первая часть фразы интерпретируется вполне ясно: «*ex optione*». «TRAN» почти наверняка стоит читать как «*translatus*», учитывая встречаемость такой формулировки в надписях (CIL. XIII 1881; ILS. 9173 = AE. 1896, 35 = AE. 1900, 197 = AE. 1948, 208 etc.). Вопрос в том, как трактовать «IN ST». Предлагаемая реконструкция «*in stationem*» весьма спорная. *Statio* обозначала в том числе стражу вообще [Weiss, 1929, S. 2210–2213]. У Светония мы несколько раз встречаем это слово в контексте охраны принцепса (Suet. Tib. XXIV; Nero XXI; XXXIV; XLVII). В одном месте даже подчеркивается, что *statio* при Нероне была из *milites* и *germani corporis custodes* (Suet. Nero XXXIV). Но нигде не конкретизируется, были ли там сами преторианцы или могли включаться и статоры. Тем не менее в надписи делается акцент, что из опционов вигилов Матерн был переведен. Наверняка речь шла о значительном повышении. Либо он был переведен в статоры, либо в преторианцы, но однозначно решить вопрос невозможно.

Говоря о функциях *statores Augusti*, мы можем предположить, что, как и в период Республики, они занимались доставкой сообщений. Но в этом случае они дублировали бы функции *speculatores Augusti*. Это не уникально для римской армии (достаточно вспомнить, что императора охраняли при Юлиях-Клавдиях *germani corpores custodes, speculatores Augusti* и когорта, стоящая в карауле возле правителя). Тем не менее никак эту гипотезу подтвердить нельзя. Р. Парибени предположил, что статоры изображены на рельефе из Чатсуорт-хаус [Paribeni, 1901, p. 298]. На изображении мы действительно видим воинов (на что указывают *cingulum militare*). Известно, что Адриан упорядочил сбор налогов и государственные почтовые сообщения (SHA Hadr. VII). Но ничего более не указывает на статоров, как и то, что они несут, по всей видимости, щиты.

¹⁷ В уже упоминавшейся надписи III в. указано на центурию «*militium statorum*» (CIL. V 7257 = ILS. 2138).

¹⁸ C(aio) Clodio Crispino co(n)s(ule) / Q(uinto) Rammio Martiale pr(aefecto) C(aio) Maesi[o] Tertio s(ub)pr(aefecto) / L(ucio) Numerio Albano tr(ibunus) / |(centuria) C(ai) Iuli C(ai) f(ilius) Serg(ia) Rufi lader principales / infra scripti aediculam et Genium centuriae d(ono) d(ederunt) // b(ene)f(iciarius) s(ub)pr(aefecto) Q(uintus) Marius Arn(ensi) Proculus Hist(onio) / vex(illarius) in |(centuria) Sex(tus) Iulius Trom(entina) Clemens Vet(ulonia?) / optio in |(centuria) C(aius) Lucretius An(iensi) Verecund(us) F(o)r(o) I(ulio) / tess(erarius) in |(centuria) C(aius) Messius Arn(ensi) Aper Hist(onio) / b(ene)f(iciarius) trib(uni) L(ucius) Postumius Pom(ptina) Maxim(us) Dert(ona) / lib(rarius) VR s(ub)pr(aefecto) C(aius) Antistius Mae(cia) Earin(us) Neap(oli) // lib(rarius) coh(ortis) C(aius) Occius Arn(ensi) Similis Bler(a) / sec(utor) tr(ibunus) M(arcus) Terentius Pap(iria) Callistus Ti(c)ino / buc(inaor) in |(centuria) M(arcus) Nonnius Fab(ia) Probus R(o)ma / hor(rearius) leg(ionis?) C(aius) Peturcius Cru(stumina) Pudens Int(er)am(na) / sec(utor) tr(ibunus) Ti(berius) Claudius Men(enia) Latinus Sur(rento) / ex opt(ione) tran(slatus) in st(ationem?) L(ucius) Aponius An(iensi) Maternus F(o)r(o) I(ulio). Чтение дано по EDCS-17200299.

Согласно одной из статей «Дигест», статоры должны были содержать под стражей преступников (Dig. IV. 6, 10). Но в тексте они отделены от воинов, следовательно, положение относится к провинциям. У Псевдо-Гигина несколько раз упоминаются центурии *statores* (Hug. De mun. castr. XVIII; XIX; XXIX; XXX). Подчеркивается, что в лагере они размещались возле претория в палатках, равных по площади преторианским. Поэтому при переводе А.В. Колобов использует слово «телохранители», что, на наш взгляд, не совсем верно. Скорее всего, преторианские статоры действительно могли нести службу вокруг претории и квестория, то есть быть телохранителями, но только в условиях похода, чему и посвящен трактат. За неимением других источников можно лишь предположить, что *statores Augusti* выполняли функции «военной полиции», к чему склоняются некоторые исследователи [Busch, 2011, S. 22]¹⁹. В таком случае несколько центурий (или когорт) вполне могли контролировать наиболее важные районы города и территорию вокруг *castra praetoria*. Хотя специфические *stationes* статоров не прослеживаются. Таким образом, функции *statores Augusti* почти наверняка были связаны с охраной внутри Рима и прежде всего военных объектов.

Заключение

Statores Augusti – это наименее известная по источникам часть гарнизона Рима. Кем же они были? Структура преторианской гвардии постоянно менялась. И не всегда можно дать однозначную датировку этим изменениям. Можно установить, что уже к периоду Антонинов *statores* стали подразделением в составе преторианских когорт. Сама же структура корпуса также менялась: от центурий до когорты, а затем и *numerus*. К сожалению, известные источники не раскрывают статус солдат. Эпиграфика позволяет сделать осторожный вывод, что *statores Augusti* по своему статусу отличались от преторианцев, сближаясь при этом с *urbanicani* и вигилами. Изменениям подвергался и пост командующего статоров, который со временем становится вполне обычной ступенью в карьере эвокатов. Гораздо меньше можно сказать о функциях *statores Augusti*, которые предположительно связаны с доставкой сообщений и охраной непосредственно в Риме. Хотя статоры почти не встречаются в дошедших до нас источниках, они были неотъемлемой частью римского гарнизона, неся свою службу вплоть до упразднения преторианской гвардии в 312 г. Таким образом, *statores Augusti* являются пусть и структурно необычным, но «особым подразделением» преторианской гвардии.

Список литературы

- Дороненко И.А. 2022. *Speculatores Augusti*: организационная структура и функции. *Via in tempore. История. Политология*. 4(49): 757–766.
- Дороненко И.А., Крих С.Б. 2025. *Evocati Augusti*: к вопросу об организации ветеранского корпуса. *Вестник Томского государственного университета. История*. 94: 140–146.
- Колобов А.В. 2001. Легионеры-бенефициарии в управлении провинциями Римской империи (на материале источников из бывшей римской провинции Далмации). *Вестн. Перм. ун-та. Сер. История*. 1: 44–52.
- Смышляев А.Л. 1979. Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н. э. *Вестник Древней истории*. 3(149): 60–79.
- Смышляев А.Л. 1985. Домиций Ульпиан и его трактат «Об обязанностях проконсула». *Вестник Древней истории*. 4(175): 221–226.
- Busch A.W. 2011. *Militär in Rom: Militärische und paramilitärische Einheiten im kaiserzeitlichen Stadtbild*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 184.
- Cicero. 2001. *Letters to Friends, Volume I: Letters 1–113*. Edited and Translated by D.R. Shackleton Bailey. Loeb Classical Library 205. Cambridge, Harvard University Press, 489 p.
- D'Escurac-Doisy H. 1957. Un nouveau procureur en Mauritanie Césarienne *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 69: 137–150.

¹⁹ Не исключено, что в провинциях *Statores* выполняли функции, схожие с задачами бенефициариев [Gilliam, 1961, p. 103].

- Gilliam J.F. 1961. Ala Agrippiana and Archistator. *Classical Philology*. 56(2): 100–103.
- Glare P.G.W. 1968. *Oxford Latin Dictionary*. London: Oxford University Press, 2126.
- Haensch R. 2007. «Dans tout le prétoire...» Le personnel du préfet d'Égypte sous le Haut-Empire. *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 18: 93–100.
- Historia Augusta. 1913. Volume I: Hadrian. Aelius. Antoninus Pius. Marcus Aurelius. L. Verus. Avidius Cassius. Commodus. Pertinax. Didius Julianus. Septimius Severus. Pescennius Niger. Clodius Albinus. Edited and translated by D. Magie. Loeb Classical Library 139. Cambridge, Harvard University Press, 505 p.
- Kayser F. 1990. Les «statores» en Égypte. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 90: 241–246.
- Kübler B. 1929. Statores. *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. LII: 2228–2229.
- Maxeld V.A. 1972. The Dona Militaria of the Roman Army. I, 220. URL: <https://etheses.durham.ac.uk/id/eprint/10339/> (дата обращения: 9 мая 2026)
- Paribeni R. 1901. Gli statores Augusti. *Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*. 29: 287–299.
- Petronius, Seneca. 1913. *Satyricon. Apocolocyntosis*. Edited and Translated by M. Heseltine, W. H. D. Rouse. Loeb Classical Library 15. Cambridge, Harvard University Press, 499 p.
- Pflaum. H.-G. 1959. Lucien de Samosate, «archistator praefecti Ægypti», d'après une inscription de Césarée de Maurétanie. *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 71: 281–286.
- Ricci C. 2006. Una dedica militare del 168 d.C e gli statores. *Epigrafia 2006. Atti della XIVe Rencontre sur l'Epigraphie in onore di Silvio Panciera con altri contributi di colleghi, allievi e collaborator*. Roma: Quasar: 1227–1240.
- Ricci C. 2018. *Security in Roman Times. Rome, Italy and the Emperors*. London, New York: Routledge, 300.
- Southern P. 1989. The Numeri of the Roman Imperial Army. *Britannia*. 20: 81–140.
- Speidel M.P. 1974. Stablesiani. The Raising of New Cavalry Units during the Crisis of the Roman Empire. *Chiron*. 4: 541–546.
- Suetonius. 1914. *Lives of the Caesars. Volume II: Claudius. Nero. Galba, Otho, and Vitellius. Vespasian. Titus, Domitian. Lives of Illustrious Men: Grammarians and Rhetoricians. Poets (Terence. Virgil. Horace. Tibullus. Persius. Lucan). Lives of Pliny the Elder and Passienus Crispus*. Edited and Translated by J.C. Rolfe. Loeb Classical Library 38. Cambridge, Harvard University Press, 567 p.
- Tacitus. 1931. *Histories: Books 4–5. Annals: Books 1–3*. Edited and Translated by C.H. Moore. Cambridge, Harvard University Press, 650 p.
- Trevisiol A. 1999. *Fonti letterarie ed epigrafiche per la storia romana della provincial di Pesaro e Urbino*. Roma: L'Erma di Bretschneider, 246.
- Weiss B. 1929. Statio. *Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. LII: 2210–2213.
- Zehnacker H. 1960. Les «A commentariis praefectorum praetorio»: origine et évolution d'une fonction de l'administration impériale. *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 72: 221–236.

References

- Doronenko I.A. 2022. Speculatores Augusti: Organizational Structure and Functions. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya [Via in tempore. History. Political Science]*. 4(49): 757–766 (in Russian).
- Doronenko I.A., Krikh S.B. 2025. Evocati Augusti: Organising a Veteran Corp. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoria [Tomsk State University Journal of History]*. 94: 140–146 (in Russian).
- Kolobov A.V. 2001. Legionery-beneficiarii v upravlenii provinciyami Rimskoj imperii (na materiale istochnikov iz byvshej rimskoj provincii Dalmacii) [The Legionnaires-Beneficiaries in the Government by Provinces of the Roman Empire (On the Data from the Roman Province of Dalmatia)] *Vestn. Perm. un-ta. Ser. Istoriya [Perm University Herald. History]*. 1: 44–52.
- Smyshlyaev A.L. 1979. Ob evolyucii kancelyarskogo personala Rimskoj imperii v III v. n. e. [On the Evolution of State Clerical Personnel in the Roman Empire (3rd century A. D.)]. *Vestnik Drevnej istorii [Journal of Ancient History]*. 3(149): 60–79.
- Smyshlyaev A.L. 1985. Domicij Ul'pian i ego traktat «Ob obyazannostyah prokonsula». [Domitii Ulpiani De officio Proconsulis Libri X. Russian Translation] *Vestnik Drevnej istorii [Journal of Ancient History]*. 4(175): 221–226.
- Busch A.W. 2011. *Militär in Rom: Militärische und paramilitärische Einheiten im kaiserzeitlichen Stadtbild*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 184.
- Cicero. 2001. *Letters to Friends, Volume I: Letters 1–113*. Edited and Translated by D.R. Shackleton Bailey. Loeb Classical Library 205. Cambridge, Harvard University Press, 489 p.

- D'Escurac-Doisy H. 1957. Un nouveau procureur en Mauritanie Césarienne *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 69: 137–150.
- Gilliam J.F. 1961. Ala Agrippiana and Archistator. *Classical Philology*. 56(2): 100–103.
- Glare P.G.W. 1968. *Oxford Latin Dictionary*. London: Oxford University Press, 2126.
- Haensch R. 2007. «Dans tout le prétoire...» Le personnel du préfet d'Égypte sous le Haut-Empire. *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. 18: 93–100.
- Historia Augusta. 1913. Volume I: Hadrian. Aelius. Antoninus Pius. Marcus Aurelius. L. Verus. Avidius Cassius. Commodus. Pertinax. Didius Julianus. Septimius Severus. Pescennius Niger. Clodius Albinus. Edited and translated by D. Magie. Loeb Classical Library 139. Cambridge, Harvard University Press, 505 p.
- Kayser F. 1990. Les «statores» en Egypte. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 90: 241–246.
- Kübler B. 1929. Statores. *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. LII: 2228–2229.
- Maxeld V.A. 1972. The *Dona Militaria* of the Roman Army. I, 220. URL: <https://etheses.durham.ac.uk/id/eprint/10339/> (дата обращения: 9 мая 2026)
- Paribeni R. 1901. Gli statores Augusti. *Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*. 29: 287–299.
- Petronius, Seneca. 1913. *Satyricon. Apocolocyntosis*. Edited and Translated by M. Heseltine, W. H. D. Rouse. Loeb Classical Library 15. Cambridge, Harvard University Press, 499 p.
- Pflaum. H.-G. 1959. Lucien de Samosate, «archistator praefecti Ægypti», d'après une inscription de Césarée de Maurétanie. *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 71: 281–286.
- Ricci C. 2006. Una dedica militare del 168 d.C e gli statores. *Epigrafia 2006. Atti della XIVe Rencontre sur l'Epigraphie in onore di Silvio Panciera con altri contributi di colleghi, allievi e collaborator*. Roma: Quasar: 1227–1240.
- Ricci C. 2018. *Security in Roman Times. Rome, Italy and the Emperors*. London, New York: Routledge, 300.
- Southern P. 1989. The Numeri of the Roman Imperial Army. *Britannia*. 20: 81–140.
- Speidel M.P. 1974. Stablesiani. The Raising of New Cavalry Units during the Crisis of the Roman Empire. *Chiron*. 4: 541–546.
- Suetonius. 1914. *Lives of the Caesars. Volume II: Claudius. Nero. Galba, Otho, and Vitellius. Vespasian. Titus, Domitian. Lives of Illustrious Men: Grammarians and Rhetoricians. Poets (Terence. Virgil. Horace. Tibullus. Persius. Lucan). Lives of Pliny the Elder and Passienus Crispus*. Edited and Translated by J.C. Rolfe. Loeb Classical Library 38. Cambridge, Harvard University Press, 567 p.
- Tacitus. 1931. *Histories: Books 4–5. Annals: Books 1–3*. Edited and Translated by C.H. Moore. Cambridge, Harvard University Press, 650 p.
- Trevisiol A. 1999. *Fonti letterarie ed epigrafiche per la storia romana della provincial di Pesaro e Urbino*. Roma: L'Erma di Bretschneider, 246.
- Weiss B. 1929. Statio. *Paulys Real-Encyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft*. LII: 2210–2213.
- Zehnacker H. 1960. Les «A commentariis praefectorum praetorio»: origine et évolution d'une fonction de l'administration impériale. *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. 72: 221–236.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 09.05.2026

Received 09.05.2026

Поступила после рецензирования 01.08.2026

Revised 01.08.2026

Принята к публикации 03.08.2026

Accepted 03.08.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дороненко Илья Алексеевич, преподаватель кафедры всеобщей истории факультета истории, теологии, международных отношений, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Ilya A. Doronenko, Lecturer at the Department of General History, Faculty of History, Theology, and International Relations, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

 [ORCID: 0000-0003-0773-8334](https://orcid.org/0000-0003-0773-8334)

УДК 94(37)

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-535-543

EDN AXJVPK

Оригинальное исследование

***Classis Pontica* в системе обороны восточных границ Римской империи в IV–V вв.: эволюция функций и основные вызовы**

Задорожная-Ремарчук А.Н. ^{1, 2} ¹⁾ Севастопольский государственный университет,

Россия, 299053, г. Севастополь, Университетская ул., д. 33;

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: anzadorozhnaya@sevsu.ru, olen.alina2016@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется глубокая трансформация роли и функций римской военной флотилии *Classis Pontica* в период с IV по V вв. н. э., когда Римская империя столкнулась с радикальной сменой внешнеполитических вызовов. На основе комплексного анализа данных *Notitia Dignitatum*, нарративных источников (Аммиан Марцеллин, Зосим) и археологических материалов прослеживается эволюция флота от инструмента обеспечения римско-персидских войн до ключевого элемента противодействия варварским вторжениям с севера (готам, а позже гуннам). Особое внимание уделяется анализу дислокации подразделений флотилии, её интеграции в систему пограничных войск (*limitanei*) и оперативному взаимодействию с сухопутными силами в рамках стратегии «буферной зоны». Рассматриваются конкретные механизмы адаптации: переход к патрульной службе на легких судах, блокада ключевых проливов (Боспор Киммерийский) и обеспечение логистики изолированных гарнизонов. В заключении делается вывод о том, что *Classis Pontica* стала важнейшим компонентом оборонительной системы восточных провинций, обеспечившим сохранение римского контроля над Причерноморьем и защиту подступов к Константинополю в эпоху Великого переселения народов.

Ключевые слова: *Classis Pontica*, поздняя Римская империя, военно-морской флот, *Notitia Dignitatum*, дунайский лимес, готы, Сасанидский Иран, оборона Востока, Херсонес

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Задорожная-Ремарчук А.Н. 2026. *Classis Pontica* в системе обороны восточных границ Римской империи в IV–V вв.: эволюция функций и основные вызовы. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 535–543. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-535-543. EDN: AXJVPK

***Classis Pontica* in the Defense System of the Eastern Borders of the Roman Empire in the Fourth and Fifth Centuries: Evolution of Functions and Main Challenges**

Alina N. Zadorozhnaya-Remarchuk ^{1, 2} ¹⁾ Sevastopol State University,

33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia;

²⁾ Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: anzadorozhnaya@sevsu.ru, olen.alina2016@yandex.ru

Abstract. The article examines the profound transformation of the role and functions of the Roman military fleet *Classis Pontica* in the period from the fourth to the fifth century AD, when the Roman Empire faced a radical shift in foreign policy challenges. Based on a comprehensive analysis of data from

© Задорожная-Ремарчук А.Н., 2026

the *Notitia Dignitatum*, narrative sources (Ammianus Marcellinus, Zosimus), and archaeological materials, the evolution of the fleet is traced—from an instrument for supporting Roman-Persian wars to a key element in countering barbarian invasions from the north (Goths, and later Huns). Particular attention is paid to the analysis of the fleet's unit deployment, its integration into the system of border troops (*limitanei*), and its operational interaction with land forces within the framework of the “buffer zone” strategy. Specific adaptation mechanisms are examined: the shift to patrol service on light vessels, the blockade of key straits (the Cimmerian Bosphorus), and the provision of logistics for isolated garrisons. In conclusion, it is argued that *Classis Pontica* became the most important component of the defensive system of the eastern provinces, ensuring the preservation of Roman control over the Black Sea region and the defense of the approaches to Constantinople during the Migration Period.

Keywords: *Classis Pontica*, Late Roman Empire, navy, *Notitia Dignitatum*, Danubian *limes*, Goths, Sasanian Iran, defense of the East, Chersonesus

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Zadorozhnaya-Remarchuk A.N. 2026. *Classis Pontica* in the Defense System of the Eastern Borders of the Roman Empire in the Fourth and Fifth Centuries: Evolution of Functions and Main Challenges. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 535–543 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-535-543. EDN: AXJVPK

Введение

Проблема организации римской обороны в Причерноморском бассейне в позднеантичный период неоднократно привлекала внимание исследователей [Saddington, 2007, p. 201]. Фундаментальные труды, посвященные истории римского флота в целом [Casson, 1971; Reddé, 1986; D'Amato, Rava, 2016], создали прочную основу для дальнейших изысканий. Также значительный вклад в изучение римского военного присутствия в регионе внесли отечественные ученые, которые детально исследовали историю римских гарнизонов в Херсонесе и на Боспоре [Зубарь, 1994; Айбабин, 1999; Сапрыкин, 2002].

Монография Б.Г. Петерса «Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья» (1982) — одна из ключевых работ по морской истории. Хотя её хронологические рамки ограничены в основном VI–III вв. до н. э., фактический материал, приведённый автором, непосредственно значим и для реконструкции римского этапа [Петерс, 1982, с. 45–60]. Описанные Петерсом система гаваней, морские пути, центры судостроения и портовая инфраструктура как раз и объясняют, почему столетия спустя римляне разместили свою флотилию именно в Херсонесе и Пантикапее.

Однако при всей ценности этих работ вопрос о качественной трансформации роли и задач военной флотилии *Classis Pontica* в ключевой период с IV по V вв. н. э. остается раскрытым недостаточно. Классические исследования флота [Reddé, 1986; Pitassi, 2012] носят всеобъемлющий, но в известной степени статичный характер, не акцентируя внимание на эволюции отдельной флотилии. Исследование Петерса, фокусируясь на более ранней эпохе, также оставляет за скобками специфику позднеимперского военного администрирования и вызовы эпохи Великого переселения народов [Петерс, 1982; Heather, 2005]. Работы, сфокусированные на отдельных пунктах базирования [Зубарь, 1994], закономерно оставляют в тени оперативно-стратегические функции *Classis Pontica* в масштабах всего региона.

Таким образом, в историографии сложилась лакуна, связанная с отсутствием комплексного анализа, который бы, опираясь на прочный фундамент, заложенный предшественниками (включая детальную реконструкцию морского контекста, выполненную Петерсом), проследил, как флотилия реагировала на кардинальную смену внешнеполитических вызовов — от классического противостояния с Сасанидской державой к новым угрозам с севера [Исаас, 1992, p. 415]. Настоящая статья призвана заполнить эту лакуну, интегрировав данные о долговременном развитии морской инфраструктуры Причерноморья в анализ эволюции позднеимперской военной флотилии в IV–V вв.

В свете новых исследований, посвящённых римской стратегии в регионе, возникает необходимость рассмотреть деятельность *Classis Pontica* в рамках более широкой геополитической концепции. Речь идёт о системе «буферной зоны» – эшелонированной обороны дальних подступов к границам империи, воссоздававшейся в Северном Причерноморье в IV в. и опиравшейся на ключевые античные центры (Херсонес, Боспор) и союзные варварские группировки [Ярцев, 2015; Ярцев, 2014; Mitchell, 1993, p. 220]. Изучение роли понтийской флотилии как связующего и обеспечивающего элемента этой системы позволяет по-новому оценить её эволюцию от инструмента большой войны к компоненту комплексной обороны.

Объект и методы исследования

Объект исследования – *Classis Pontica* в IV–V вв. н. э. В центре внимания – трансформация её задач, мест базирования и места в системе обороны восточных провинций. Методологически работа строится на междисциплинарном подходе: сочетаются анализ письменных источников (*Notitia Dignitatum*, Аммиан Марцеллин, Зосим), археологических данных по фортификациям и гаваням Херсонеса, Боспора и других пунктов [Зубарь, 1994; Зубарь, 2000], а также концептуальная модель «буферной зоны» [Ярцев, 2015; Ярцев, 2014], которая позволяет объяснить стратегическую логику действий флота.

Результаты и их обсуждение

Чёрное море в позднеримское время стало не просто окраиной, а зоной, от которой напрямую зависела безопасность Константинополя. Контроль над его акваторией требовал постоянного флота. Эту роль в период Принципата выполняла *Classis Pontica* – флотилия, созданная ещё при Августе и окончательно оформленная при Нероне [Pitassi, 2012, p. 175]. Изначально она решала стандартные задачи: защита южного побережья, охрана коммуникаций и поддержка союзных городов.

Понтийская флотилия неоднократно упоминается в ряде ключевых письменных источников. Наиболее подробное и структурированное свидетельство о её дислокации и административном статусе на рубеже IV–V вв. н. э. содержится в «*Notitia Dignitatum*» – официальном перечне должностей и воинских частей Римской империи. Хотя прямое перечисление кораблей *Classis Pontica* в дошедших до нас списках отсутствует, данный документ является основным источником для реконструкции её места в военной иерархии [Southern, Dixon, 1996, p. 157]. Анализ разделов, посвященных Магистру армии Востока (*Magister Militum per Orientem*) и дукам причерноморских провинций (например, *Dux Armeniae, Or. XXXVIII*), позволяет идентифицировать её ключевые базы (такие как Трапезунд) и принципы командования (*Not. Dign. Or. XXXVIII*).

Более ранние упоминания, хотя и не столь систематичные, встречаются у Аммиана Марцеллина, который в своих «Деяниях» (*Res Gestae*), описывая кампании середины IV века (например, персидский поход императора Юлиана в 363 г.), косвенно указывает на логистические функции флота в Причерноморье в контексте римско-персидских войн (*Amm. Marc. XXII, 7.10; XXIII, 2.3*). Кроме того, о деятельности римского флота в регионе, в которую была вовлечена и *Classis Pontica*, сообщает и более поздний историк Зосим (рубеж V–VI вв.) в своей «Новой истории», описывая события III века, связанные с морскими походами готов (*Zos. I.31; I.33*).

Таким образом, *Classis Pontica* предстает как военный институт, засвидетельствованный в современных ей документах и исторических хрониках. Её эволюция от флота, обеспечивавшего гегемонию Рима в период I–III вв. н. э., до ключевого компонента обороны восточных границ в позднеантичный период (IV–V вв. н. э.) и составляет предмет данного исследования.

Эволюция роли Понтийской флотилии протекала в условиях глубокой трансформации Римской империи, принявшей форму системы домината и окончательно разделившейся на Западную и Восточную части после смерти Феодосия I в 395 г. Этот период характеризовался

комплексом взаимосвязанных политических, военно-стратегических и социально-экономических факторов, которые напрямую определяли оперативные задачи и структурное положение флота [Heather, 2005, p. 110–130].

Кардинальные реформы Диоклетиана и Константина Великого привели к созданию новой военной структуры, основанной на разделении армии на мобильные полевые войска (*comitatenses*) и пограничные гарнизоны (*limitanei*) [Elton, 1996, p. 89]. *Classis Pontica*, судя по данным *Notitia Dignitatum*, была интегрирована в систему пограничной обороны (*limitanei*) и подчинялась командованию дуки соответствующей провинции (*Not. Dign. Or. XXXVIII*); [Dixon, 1996, p. 157]. Однако ключевым геополитическим событием, переопределившим стратегическое значение всего региона, стало основание Константинополя в 330 г. Таким образом, Черное море превратилось из периферийного рубежа в жизненно важный «внутренний бассейн» и непосредственные подступы к новой столице империи. Это потребовало переориентации всей оборонительной системы восточных провинций.

В период IV–V вв. одной из приоритетных задач *Classis Pontica* являлось обеспечение безопасности жизненно важных морских коммуникаций между Херсонесом и провинциями Малой Азии. Эта необходимость напрямую вытекала из экономической структуры херсонесского импорта: основные товары – оливковое масло и вино – поступали с Южного берега Понта, из Гераклеи и Синопы, в светлоглиняных амфорах [Кадеев, Сорочан, 1989, с. 10, 18, 59]. Масштабы поставок были столь велики, что их обеспечение требовало серьёзных затрат и организации [Кадеев, Сорочан, 1989, с. 56, 59]. Археологические данные последних лет это подтверждают: в позднеантичных комплексах Херсонеса найдены амфоры полутора десятков типов из Синопы, Гераклеи, Книда, Крита; краснолаковая керамика представлена фокейской сигиллятой из Малой Азии и африканской из Карфагена [Ушаков, 2019; Ушаков, 2015]. Хронология находок охватывает IV–VII вв. [Ушаков, 2017]. Как отмечает С.В. Ушаков, Херсонес в этот период был важной составной частью Понтийско-Восточносредиземноморского региона [Ушаков, 2019]. Защита этих грузопотоков, следовательно, была одной из главных задач понтийской флотилии.

Для реализации оборонительной системы Причерноморья была создана система, ядро которой состояло из лояльных городов-союзников, а внешняя защита – из зависимых или федеративных варварских племен (готы, аланы), призванных сдерживать враждебные кочевые объединения [Ярцев, 2015, с. 160–170]. Таким образом, флот выступал не вспомогательным, а системообразующим элементом обороны восточных границ.

На протяжении IV–V вв. характер угроз радикально изменился, что и обусловило качественную трансформацию функций *Classis Pontica*. После разгрома готов гуннами в 370-х гг. и их переселения на римскую территорию [Heather, 2005, p. 146–152] критически важной задачей флота стал контроль морских коммуникаций и противодействие пиратским набегам со стороны Крыма и устья Дуная [Бруйко, 2005, с. 160–175]. К середине V века главную опасность стали представлять гунны, кочевые орды которых вышли к черноморским степям [Kim, 2013, p. 89]. В условиях гуннской угрозы середины V века логичным и, вероятно, ключевым направлением деятельности крымской эскадры *Classis Pontica* могла быть контрольная (или наблюдательная) служба в районе Боспора Киммерийского. Гипотетической целью таких действий могло быть создание препятствия для массовой переправы кочевых отрядов из Приазовья в Черное море, откуда они теоретически могли совершать набеги на побережье Малой Азии.

Общий кризис городской жизни и торговли в III–IV вв. затронул и Причерноморье [Mitchell, 1993, p. 240]. Однако ключевые военно-логистические базы, прежде всего Херсонес Таврический, не только не пришли в упадок, но и укрепили свой статус как опорные пункты имперского влияния [Айбабин, 1999, с. 85], даже несмотря на вывод постоянных римских гарнизонов в середине – второй половине III века. Гавань Херсонеса использовалась как база для римского флота и экспедиционных отрядов. При этом сам город, будучи союзным Риму полисом (*civitas foederata*), располагал собственными вооружёнными силами, которые

комплектовались из местных жителей и содержались на имперские субсидии. Следовательно, его стратегическая ценность для Константинополя объяснялась не присутствием легионных гарнизонов, а возможностью опираться на него как на морской и дипломатический центр в северопричерноморском регионе [Зубарь, 1994, с. 120–145; Зубарь, 2000].

Анализ *Notitia Dignitatum* показывает, что к концу IV – началу V в. *Classis Pontica* уже не существовала как самостоятельная стратегическая единица – её подразделения распределены по командованию приграничных дуков, в частности *Dux Armeniae* (Not. Dign. Or. XXXVIII). Это свидетельствует о переходе флота от функций проекции власти к роли элемента жёсткой обороны границ. Меняется и география базирования. Трапезунд на юге сохранял функцию главного логистического узла для снабжения войск в Закавказье и Персии; его значение подтверждает Аммиан Марцеллин при описании подготовки похода Юлиана (Amm. Marc. XXII, 7.10; XXIII, 2.3). В Крыму же Херсонес, по археологическим данным, в IV–V вв. не просто сохраняет, но и наращивает военную инфраструктуру – перестраиваются порт, цитадель и оборонительные стены, что прямо указывает на его роль как главной базы флота для операций в западной части Понта [Зубарь, 1994, с. 120–145; Зубарь, 2000, с. 295–298]. Соответственно, к концу IV в. перед флотом стояли уже не наступательные задачи (как во II–III вв.), а сугубо оборонительные: патрулирование морских путей, блокада проливов, логистика для сухопутных армий на двух фронтах и поддержка связи с оставшимися римскими анклавами [Saddington, 2007, p. 215]. О том, насколько реальной была угроза с моря, свидетельствуют сообщения Зосима о захвате боспорского флота готами и боранами и их набегах на восточное побережье Понта (Zos. I.31–33). Боспор играл критическую роль в контроле, и блокада этого пролива для предотвращения прорыва кочевых орд с севера стала одной из главных задач флота в V в.

В-третьих, изменился и характер самих морских сил. Вместо крупных эскадр, способных к генеральным сражениям, основу *Classis Pontica*, вероятно, составляли легкие и манёвренные либурны (*liburnae*), идеально подходившие для патрулирования, перехвата пиратских судов и действий в узких проливах [Reddé, 1986, p. 345–350; Pitassi, 2012, p. 210–225]. Этот переход отражал общую тенденцию позднеимперского флота к выполнению береговых и речных охранных функций.

Эволюция задач *Classis Pontica* может быть наглядно прослежена через призму сменяющих друг друга внешних вызовов. В первой половине – третьей четверти IV в. приоритетной оставалась поддержка римско-персидского противостояния, и флот функционировал прежде всего как классический транспортный инструмент, унаследовавший традиции эпохи Принципата. Ярким примером служит масштабная логистическая операция в ходе похода императора Юлиана в 363 г., когда суда, собранные «со всей Ионии и Понта», обеспечивали переброску запасов, осадных машин и войск от малоазийских портов к Трапезунду для последующей поддержки армии в Месопотамии (Amm. Marc. XXIII, 2.3–4; XXIII, 3.9).

При правлении Юлиана (361–363 гг.) раскрывается и более сложная, стратегическая роль флота. Как показывают современные исследования, император предпринял попытку восстановить эшелонированную буферную зону в Северном Причерноморье [Ярцев, 2014, с. 102–117]. В рамках этой политики нормализации отношений с готами и поддержки самостоятельности Боспорского царства *Classis Pontica* обеспечивала не только логистику, но и дипломатическую связь, способствуя переброске контингентов для укрепления оборонительных линий по Днепру [Сапрыкин, 2002, с. 200]. Этот эпизод демонстрирует, как флот превращался из инструмента тактического снабжения в ключевой элемент долгосрочной стратегии по интеграции варварской периферии в орбиту римского влияния. Однако конструктивная стратегия Юлиана была быстро сведена на нет его преемниками. Резкий поворот в римской политике произошёл в правление императора Валента (364–378 гг.). Исследователи отмечают, что война 367–369 гг., развязанная им против готов, не только не имела рациональных стратегических целей в рамках поддержания буферной зоны, но и прямо противоречила ей [Ярцев, 2016, с. 145]. Её причины были обусловлены внутривластной слабостью Валента после подавления мятежа Прокопия (365–366 гг.) и носили характер

карательно-престижной акции, призванной укрепить авторитет императора [Ярцев, 2016, с. 147–148]. Данный конфликт, завершившийся унижительным для готов договором 369 г. с отменой субсидий и ограничением торговли, стал не «окончанием войны», а «промежуточным этапом в противостоянии», кардинально подорвавшим лояльность ключевого элемента буферной зоны [Ярцев, 2016, с. 145, 150; Heather, 2005, p. 158]. Для *Classis Pontica* этот период, вероятно, означал переход от роли инструмента интеграции (как при Юлиане) к роли инструмента давления и блокады, что предвосхитило её будущие оборонительные функции.

В свою очередь, катастрофа при Адрианополе (378 г.) и расселение готов на территории Империи кардинально изменили ситуацию [Heather, 2005, p. 172]. Несмотря на то, что основные готские силы действовали на суше, угроза морских набегов со стороны Крыма или устья Дуная стала постоянной [Бруяко, 2005, с. 175]. Задача флота сместилась к патрулированию и защите коммуникаций вдоль западного и северного побережья Понта, особенно на пути между Константинополем и устьем Дуная. Именно в это время Херсонес, судя по археологическим данным, окончательно укрепляет свою роль как главной базы для операций в северо-западной части моря. На основании археологических данных, IV–V вв. стали периодом перестройки военных укреплений и построек [Зубарь, 2000 (*Stratum plus*), с. 298–301].

В условиях гуннской угрозы *Classis Pontica* решала две взаимосвязанные задачи. Первая – контроль над проливами. Кочевники, не имевшие флота, но способные организовывать переправы [Kim, 2013, p. 134], создавали риск прорыва через Боспор Киммерийский. Крымская эскадра, по-видимому, несла здесь патрульную службу, чтобы не допустить переброски отрядов из Приазовья в Чёрное море. Опасения были обоснованными – ещё в III в. варварские флотилии уже достигали малоазийского побережья (Zos. I.31–33); [Mitchell, 1993, p. 245].

Вторая задача – логистическая. Херсонес и другие союзные города полностью зависели от морского снабжения. Основные товары – зерно, масло, вино – доставлялись с южного берега Понта, и без флота эти поставки были бы невозможны [Кадеев, Сорочан, 1989, с. 10, 18, 59]. Таким образом, *Classis Pontica* выступала одновременно и щитом, и артерией для римских анклавов в Северном Причерноморье.

Флот также обеспечивал регулярное сообщение Константинополя не только с восточными провинциями, но и с изолированными римскими гарнизонами в Крыму. Херсонес, по сути, существовал как эксклав или полуэксклав, целиком зависевший от морского снабжения и связи с метрополией. Это подтверждается находками амфор, монет и предметов роскоши константинопольского производства в слоях V в. [Зубарь, 1994, с. 150–155]. Археологические данные из Херсонеса указывают на наличие развитой портовой инфраструктуры, включавшей склады (*horrea*), ремонтные мастерские (*navalia*) и мощные причальные сооружения, способные обслуживать военные либурны и транспортные суда [Петерс, 1982, с. 150]. Механизм взаимодействия был отлажен через единое командование: флотские префекты или триерархи подчинялись соответствующим дукам, что обеспечивало координацию действий по обороне побережья и поддержке сухопутных операций [Saddington, 2007, p. 212].

Заключение

В результате *Classis Pontica* в IV–V вв. н. э. претерпела глубокую качественную трансформацию, продиктованную тремя факторами: военно-административными реформами Диоклетиана и Константина, переносом столицы в Константинополь и сменой парадигмы внешних угроз с сасанидского востока на варварский север.

Эта эволюция прошла несколько этапов: от выполнения классических логистических задач в римско-персидских войнах (до 370-х гг.) через противостояние готской угрозе и защиту коммуникаций (конец IV – первая половина V в.) к ключевой роли в сдерживании гуннов путем блокады Боспора Киммерийского (середина V в.). Организационно флотилия была интегрирована в систему пограничных войск (*limitanei*), её базирование сфокусировалось на ключевых точках (Трапезунд, Херсонес, Боспор), а тактика сместилась в сторону патрульной службы на легких судах.

Таким образом, анализ источников позволяет говорить о глубокой трансформации роли *Classis Pontica* – от инструмента обеспечения наступательных операций в ключевой элемент оборонительной системы восточных границ. Можно утверждать, что её деятельность внесла решающий вклад в сохранение римского (византийского) присутствия в Херсонесе и, по всей видимости, сыграла ключевую роль в защите подступов к Константинополю с севера в эпоху миграций.

Список литературы

- Аммиан Марцеллин. 1994. Деяния (*Res Gestae*). Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского, А.И. Сонни. Санкт-Петербург, Алетейя, 558.
- Зосим. 2010. Новая история (*Historia Nova*). Перевод, статья и комментарии Н.Н. Болгова. Белгород, Издательство Белгородского государственного университета, 344.
- Бруйко И.В. 2005. Ранневарварские походные флотилии и римская оборона в Северо-Западном Причерноморье в III–IV вв. н. э. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*, 4: 145–190.
- Зубарь В.М. 1994. Херсонес Таврический и Римская империя: Римский гарнизон и военно-морская база в Херсонесе в I–V вв. н. э. Киев, Институт археологии НАН Украины, 186.
- Зубарь В.М. 2000. О римских войсках в Херсонесе и его округе в середине II – первой трети III вв. в свете новых открытий. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Под ред. Т. Sarnowski, О.Я. Савели. Варшава: 252–264.
- Зубарь В.М. 2000. По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй половине III – на рубеже IV–V вв. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*, 6: 291–302.
- Кадеев В.И., Сорочан С.Б. 1989. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. – V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 134.
- Петерс Б.Г. 1982. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. Москва, Наука, 192.
- Сапрыкин С.Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. Москва, Наука, 271.
- Ушаков С.В. 2015. Ранневизантийский Херсонес, Понт и Восточное Средиземноморье (по материалам краснолаковой керамики). *МАИАСК*, 7: 59–71.
- Ушаков С.В. 2019. Керамический комплекс позднеантичного Херсонеса (по материалам Северо-восточного района). *Вестник Танаиса*, 5(2): 170–181.
- Ушаков С.В. 2019. Херсонес Таврический, Понт и Восточное Средиземноморье на рубеже эпох (IV–VI вв.): по материалам амфорной тары и краснолаковой керамики (к постановке проблемы). Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Москва, Пробел-2000, 1: 128–155.
- Ярцев С.В. 2014. Боспор и Херсонес накануне гуннского нашествия. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 1(43): 102–117.
- Ярцев С.В. 2015. Римская стратегия в Северном Причерноморье в период правления императора Юлиана. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 3: 167–182.
- Ярцев С.В. 2016. Война императора Валента с готами 367–369 гг. н. э. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 2(52): 145–151.
- Casson L. 1971. *Ships and Seamanhip in the Ancient World*. Princeton, Princeton University Press, 441.
- D'Amato R., Rava G. 2016. *Imperial Roman Warships 27 BC–565 AD*. Oxford, Osprey Publishing, 48.
- Elton H. 1996. *Warfare in Roman Europe AD 350–425*. Oxford, Clarendon Press, 312.
- Heather P. 2005. *The Fall of the Roman Empire: A New History*. London, Macmillan, 572.
- Isaac B. 1992. *The Limits of Empire: The Roman Army in the East*. Oxford, Clarendon Press, 512.
- Kim H.J. 2013. *The Huns, Rome and the Birth of Europe*. Cambridge, Cambridge University Press, 338.
- Mitchell S. 1993. *Anatolia: Land, Men, and Gods in Asia Minor*. Vol. I. The Celts and the Impact of Roman Rule. Oxford, Clarendon Press, 266.
- Notitia dignitatum: accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et Laterculi provinciarum. 1876. Ed. Otto Seeck. Berolini, apud Weidmannos, 339.
- Pitassi M. 2012. *The Roman Navy: Ships, Men and Warfare 350 BC–AD 475*. Barnsley, Seaforth Publishing, 320.
- Reddé M. 1986. *Mare Nostrum: Les infrastructures, le dispositif et l'histoire de la marine militaire sous l'Empire romain*. Rome, École française de Rome, 737.
- Saddington D.B. 2007. *Classes. The Evolution of the Roman Imperial Fleets. A Companion to the Roman Army*. Ed. P. Erdkamp. Oxford, Blackwell Publishing: 201–217.
- Southern P., Dixon K.R. 1996. *The Late Roman Army*. New Haven, Yale University Press, 240.

References

- Ammianus Marcellinus. 1994. Deyaniya (Res Gestae) [Acts (Res Gestae)]. Per. s lat. Yu.A. Kulakovskogo, A.I. Sonni. Saint Petersburg, Aleteiya, 558.
- Zosimus. 2010. Novaya istoriya [New History]. Perevod, stat'ya i kommentarii N.N. Bolgova. Belgorod, Izdatel'stvo Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 344.
- Bruyako I.V. 2005. Rannevarvarskie pokhodnye flotilii i rimskaya oborona v Severo-Zapadnom Prichernomor'e v III–IV vv. n.e. [Early Barbarian Expeditionary Flotillas and Roman Defense in the Northwestern Black Sea Region in the 3rd–4th Centuries AD.]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*, 4: 145–190.
- Zubar V.M. 1994. Khersones Tavricheskii i Rimskaya imperiya: Rimskii garnizon i voenno-morskaya baza v Khersonese v I–V vv. n.e. [Chersonesus Taurica and the Roman Empire: The Roman Garrison and Naval Base in Chersonesus in the 1st–5th Centuries AD]. Kiev, Institut arkheologii NAN Ukrainy, 186.
- Zubar V.M. 2000. O rimskikh voiskakh v Khersonese i ego okruge v seredine II – pervoi treti III vv. v svete novykh otkrytii [Roman Troops in Chersonesos and its Environs from the Mid-2nd to the First Third of the 3rd Century AD in Light of New Discoveries]. Balaklava. *Rimskaya voennaya baza i svyatilishche Yupitera Dolikhena*. Ed. T. Sarnowski, O.Ya. Saveli. Warsaw: 252–264.
- Zubar V.M. 2000. Po povodu prisutstviya rimskikh voisk v Khersonese vo vtoroi polovine III – na rubezhe IV–V vv. [On the Presence of Roman Troops in Chersonesus in the Second Half of the 3rd Century and at the Turn of the 4th–5th Centuries]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*, 6: 291–302.
- Kadeev V.I., Sorochan S.B. 1989. Ekonomicheskie svyazi antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya v I v. do n.e. – V v. n.e. (na materialakh Khersonesa) [Economic Ties of the Ancient Cities of the Northern Black Sea Region from the 1st Century BC to the 5th Century AD (Based on Material from Chersonesus)]. Kharkov, 134.
- Peters B.G. 1982. Morskoe delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya [Maritime Affairs in the Ancient States of the Northern Black Sea Region]. Moscow, Nauka, 192.
- Saprykin S.Yu. 2002. Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epoch [The Bosporan Kingdom at the Turn of Two Eras]. Moscow, Nauka, 271.
- Ushakov S.V. 2015. Rannevizantiiskii Khersones, Pont i Vostochnoe Sredizemnomor'e (po materialam krasnolakovoi keramiki) [Early Byzantine Chersonesos, the Pontus, and the Eastern Mediterranean (Based on Red-Slipped Pottery)]. *MAIASK*, 7: 59–71.
- Ushakov S.V. 2019. Keramicheskii kompleks pozdneantichnogo Khersonesa (po materialam Severo-vostochnogo raiona) [The Ceramic Assemblage of Late Antique Chersonesos (Based on Materials from the Northeastern District)]. *Vestnik Tanaisa*, 5(2): 170–181.
- Ushakov S.V. 2019. Khersones Tavricheskii, Pont i Vostochnoe Sredizemnomor'e na rubezhe epokh (IV–VI vv.): po materialam amfornoi tary i krasnolakovoi keramiki (k postanovke problemy) [Chersonesos Taurica, Pontus, and the Eastern Mediterranean at the Turn of Eras (4th–6th Centuries): Based on Amphorae and Red-Slip Pottery (Defining the Problem)]. *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka*. Moscow, Probel-2000, 1: 128–155.
- Yartsev S.V. 2014. Bospor i Khersones nakanune gunnskogo nashestviya [Bosporus and Chersonesus on the Eve of the Hunnic Invasion]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 1(43): 102–117.
- Yartsev S.V. 2015. Rimskaya strategiya v Severnom Prichernomor'e v period pravleniya imperatora Yuliana [Roman Strategy in the Northern Black Sea Region during the Reign of Emperor Julian]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 3: 167–182.
- Yartsev S.V. 2016. Voina imperatora Valenta s gotami 367–369 gg. n.e. [Emperor Valens's War against the Goths (367–369 AD)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2(52): 145–151.
- Casson L. 1971. Ships and Seamanship in the Ancient World. Princeton, Princeton University Press, 441.
- D'Amato R., Rava G. 2016. Imperial Roman Warships 27 BC–565 AD. Oxford, Osprey Publishing, 48.
- Elton H. 1996. Warfare in Roman Europe AD 350–425. Oxford, Clarendon Press, 312.
- Heather P. 2005. The Fall of the Roman Empire: A New History. London, Macmillan, 572.
- Isaac B. 1992. The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxford, Clarendon Press, 512.
- Kim H.J. 2013. The Huns, Rome and the Birth of Europe. Cambridge, Cambridge University Press, 338.
- Mitchell S. 1993. Anatolia: Land, Men, and Gods in Asia Minor. Vol. I. The Celts and the Impact of Roman Rule. Oxford, Clarendon Press, 266.

- Notitia dignitatum: accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et Laterculi provinciarum. 1876. Ed. Otto Seeck. Berolini, apud Weidmannos, 339.
- Pitassi M. 2012. The Roman Navy: Ships, Men and Warfare 350 BC–AD 475. Barnsley, Seaforth Publishing, 320.
- Reddé M. 1986. Mare Nostrum: Les infrastructures, le dispositif et l'histoire de la marine militaire sous l'Empire romain. Rome, École française de Rome, 737.
- Saddington D.B. 2007. Classes. The Evolution of the Roman Imperial Fleets. A Companion to the Roman Army. Ed. P. Erdkamp. Oxford, Blackwell Publishing: 201–217.
- Southern P., Dixon K.R. 1996. The Late Roman Army. New Haven, Yale University Press, 240.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.05.2026

Received 20.05.2026

Поступила после рецензирования 29.07.2026

Revised 29.07.2026

Принята к публикации 31.07.2026

Accepted 31.07.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Задорожная-Ремарчук Алина Николаевна, преподаватель кафедры «Всеобщая история и мировая культура» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия; аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Alina N. Zadorozhnaya-Remarchuk, Lecturer at the Department of General History and World Culture, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia; Postgraduate Student, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

[ORCID: 0009-0008-8888-1637](https://orcid.org/0009-0008-8888-1637)

УДК 94(6)
DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-544-551
EDN BDQSGG
Оригинальное исследование

Политическая трансформация Нубии в IV–VI вв. по данным археологии

Фартушной Н.О.^{1, 2}

¹⁾ Средняя общеобразовательная школа № 29 имени Д.Б. Мурачёва,
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Некрасова, д. 38а;

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: mrthinkmr@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются политические и социально-экономические преобразования в Нубии в IV–VI вв. на основе археологических данных. Проанализированы материалы культуры Х-группы (погребальные памятники Балланы и Кустула, поселения постмероитского периода), свидетельствующие о трансформации структуры власти: появлении локальных элит, новых формах политической идентичности. Отдельное внимание уделено признакам социальной мобильности, хозяйственной перестройки и культурных контактов постмероитского периода. Политический ландшафт Нубии рассматривается сквозь призму концепции «контактной зоны» как пограничного пространства взаимодействия позднеантичных цивилизаций (Византия, Аксум) и местных обществ, где в условиях взаимовлияния формируются синтезные политические структуры. Археологические данные свидетельствуют о том, что Нубия в IV–VI вв. переживала не упадок, а переходный период, явившийся предпосылкой для формирования раннесредневековых нубийских царств.

Ключевые слова: Поздняя Античность, Нубия, Х-группа, блеммии, ногады, постмероитский период, археология

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Фартушной Н.О. 2026. Политическая трансформация Нубии в IV–VI вв. по данным археологии. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 544–551. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-544-551. EDN: BDQSGG

Political Transformation of Nubia from the Fourth to the Sixth Century according to Archaeology

Nikita O. Fartushnoy^{1, 2}

¹⁾ D.B. Murachev Comprehensive Secondary School No. 29,
38a Nekrasov St., Belgorod 308023, Russia;

²⁾ Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: mrthinkmr@gmail.com

Abstract. The article examines the political and socio-economic transformations in Nubia from the fourth to the sixth century A.D. based on archaeological data. The cultural materials of the X-group (funerary monuments of Ballana and Kustula, settlements of the post-Meroitic period) are analyzed, indicating the transformation of the power structure: the emergence of local elites, new forms of political identity. Special attention is paid to the signs of social mobility, economic restructuring and cultural contacts of the post-Meroitic period. Nubia's political landscape is viewed through the prism of the concept of the "contact zone" as a frontier space of interaction between late Antique civilizations

(Byzantium, Aksum) and local societies, where synthesized political structures were formed in conditions of mutual influence. Archaeological evidence suggests that during the period under study, Nubia was experiencing not a decline, but rather a transitional period, which was a prerequisite for the formation of the Early Medieval Nubian kingdoms.

Keywords: Late Antiquity, Nubia, X-Group, Blemmyes, Nobades, post-Meroitic period, archaeology

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Fartushnoy N.O. 2026. Political Transformation of Nubia from the Fourth to the Sixth Century according to Archaeology. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 544–551 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-544-551. EDN: BDQSGG

Введение

Регион Нубии в эпоху Поздней Античности (IV–VI вв.) представлял собой зону интенсивных политических и культурных изменений. В этот период произошло крушение древнего Мeroитского царства. Его исчезновение означало ликвидацию прежних административных структур и появление непродолжительного «вакуума власти» на обширной территории Среднего и Нижнего Нила. В этот же период Нубия окончательно превращается в пограничную область между Римской империей на севере и Аксумским царством на юго-востоке, а также арену активности новых этнических групп – нобадов и блеммиев. Такой пограничный характер определил уникальный путь развития нубийского общества в рассматриваемый период.

Источниковая база по истории Нубии IV–VI вв. ограничена фрагментарными письменными свидетельствами позднеантичных авторов (в т. ч. Олимпиодора, Прокопия Кесарийского), немногочисленными надписями на греческом языке (например, надписью царя нобадов Силко в Калабше) и данными коптских и эфиопских хроник. В связи с этим особенно важное значение приобретают материалы археологических исследований, позволившие реконструировать постмероитский период. Результаты раскопок некрополей и поселений Нижней Нубии проливают свет на социально-политическую динамику переходной эпохи. Археологические артефакты, такие как погребальный инвентарь, керамика и остатки культовых сооружений, фиксируют существенные изменения в культуре и быте нубийского населения, связанные с зарождением новых центров власти, миграциями, контактами с соседними народами и постепенной христианизацией региона.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является процесс политической трансформации нубийского общества в IV–VI вв., прежде всего изменения властных структур и форм политической организации, отражённые в археологических материалах Нижней Нубии.

Предмет исследования – конкретные археологические свидетельства (погребальные памятники культуры X-группы, остатки поселений, эпиграфические тексты) и их интерпретация в контексте политической истории региона.

Методологическую основу работы составляют принципы историзма и комплексный подход к источникам. Использован историко-описательный метод при реконструкции хронологии событий (например, датировка падения Мероэ и формирования царства Нобадии), сравнительно-исторический метод – для сопоставления нубийского материала с ситуацией в сопредельных регионах. Важным теоретическим инструментом стала концепция «контактной зоны», разработанная в трудах В.Д. Королюка [Королюк, 1972], а затем В.А. Арутюновой-Фиданян [Арутюнова-Фиданян, 2022] на византийском материале. Эта концепция рассматривает пограничные регионы между цивилизациями как особое пространство взаимодействия, где возникают новые культурно-политические формы. Применение данного подхода позволяет осмыслить нубийское общество постмероитского периода не изолированно, а во взаимосвязи с влияниями Рима/Византии и других соседей. Археологические данные интерпретируются с учётом этой теории, что даёт возможность выявить механизмы интеграции и адаптации внешних влияний в местную нубийскую среду.

Археологическая информация привлечена из опубликованных отчётов и исследований ведущих специалистов по нубийской археологии. Основополагающим стало синтетическое обобщение Д. Эдвардса [Edwards, 2004], а также материалы раскопок памятников Х-группы, прежде всего могильников Балланы и Кустула, проведенных под руководством Б. Уильямса [Williams, 1991]. Используются результаты новейших исследований Восточной пустыни [Barnard, 2008], проясняющие роль кочевых племён блеммиев в обозначенном регионе.

Результаты и их обсуждение

Падение царства Мероэ в середине IV в. стало поворотным моментом нубийской истории. Именно этим периодом датируются последние мероитские цари, чьи имена известны – Иесебокеамани [FHN III, 276, р. 1049–1050] и Аманипиладе [FHN III, 290, р. 1070]. Хотя точные обстоятельства крушения остаются не до конца ясными, существует ряд свидетельств о внешних и внутренних факторах этого процесса [Torok, 1988, р. 33–45]. В надписи аксумского царя Эзаны сообщается о походах аксумитов против народа ноба и государства Касу (т. е. Мероэ) [История Африки..., 1990, с. 174–179]. В тексте Эзаны говорится о разгроме групп ноба и захвате ряда городов мероитского царства, что, вероятно, и привело к падению Мероэ [Munro-Hay, 1991, р. 10]. Это свидетельство так или иначе позволяет интерпретацию завоевания Мероэ аксумитами. Однако современные исследования дают основание полагать, что разгром не был молниеносным. Археологические находки подтверждают идею о длительном затухании мероитской цивилизации. Так, в кургане Кустул 14, датированном около 370–380 гг., обнаружены римская монета императора Валента (364–378 гг.) и мероитские ювелирные изделия [Williams, 1991, р. 44]. Это свидетельствует, что даже спустя несколько десятилетий после прекращения царской власти мероитская знать продолжала существовать и, вероятно, взаимодействовать с новыми силами в регионе. В то же время некоторые исследователи предполагают полный континуитет между Мероэ и самым южным из христианских царств Нубии Алва [Берзина, 1992, с. 17–50].

Тем не менее на территориях Нижней Нубии (от первого до второго порога Нила), где ранее сферы влияния Мероэ и Рима соприкасались, становится заметен образованный вакуум власти. Отсутствие единого централизованного контроля привело к тому, что периферийные группы и соседи Мероэ вынужденно вступили в борьбу за доминирование.

В историографии период IV–VI вв. в Нубии часто именуется постмероитским [Torok, 2009, р. 515], в который, по сути, начинают формироваться новые политические реалии на обломках старого государства. Двумя главными силами этого времени становятся племена нобадов и блеммиев.

Нобады, будучи кочевыми или полукочевыми группами, мигрировали в Нильскую долину, вероятно, с территорий Западного Судана в III в. [Torok, 1988, р. 10]. Окончательное заселение нобадами Додекасхойна происходит около 297 г., когда Диоклетиан, реформируя оборону южных рубежей Египта, фактически оставил данную область с целью создания буферной зоны между римским Египтом и пустынными налётчиками (Proc. Bell. Pers. I.19, 27–37).

Примерно в это же время на территориях Восточной пустыни активизируются блеммии – кочевники, которых античные авторы локализовали между Нилом и Красным морем. Такое наименование встречается и в более ранних античных источниках, однако именно в III–IV вв. в условиях ослабления мероитской власти их давление на границы многократно усиливается через регулярные набеги на территории римского Египта.

Около V в. блеммии смогли установить контроль над областями Нижней Нубии. Согласно свидетельству Олимпиодора, они имели своих царей и овладели городами Талмис, Примис, Финикон, Хирис и Фапис, а также изумрудными месторождениями в Восточной пустыне (Olymp. Fr. 37–40). В более поздних грекоязычных документах, описывающих блеммиев, употребляется официальная титулатура, их лидеры именуются греческими терминами βασιλεύς и βασιλίσκος, что свидетельствует о влиянии римско-византийской политической культуры, а также о зарождении у блеммиев сложной иерархии власти [Hagg, 1990, р. 156–158].

Таким образом, к середине IV в. сложилась ситуация, когда на большей части Нубии отсутствовал единый сильный центр: Мeroитское государство перестало существовать, римская администрация отказалась от контроля над территориями, а новые этноплеменные образования еще не обрели полной государственности. При этом сформировавшийся вакуум не означал анархии. В течение IV–V вв. ногады и блеммии постепенно заполняют освободившееся пространство и вырабатывают новые модели взаимодействия или противостояния в новых условиях.

Археологическим эквивалентом постмероитского периода в Нижней Нубии является культура так называемой Х-группы. Этот термин был введен Джорджем Рейснером и затем взят в оборот исследователями для обозначения комплекса памятников IV–VI вв. [Kirwan, 1982]. Основными памятниками Х-группы являются могильники и поселения в районе 2–3 порогов Нила, исследованные в ходе раскопок, связанных со строительством Асуанской плотины в середине XX в. Обобщенный облик этой культуры был впервые описан по раскопкам Уолтера Эмери [Emery, 1938], а впоследствии существенно дополнен благодаря работам экспедиции Чикагского университета и Б. Г. Уильямса [Williams, 1991].

Одним из показателей резкого перехода от мероитской традиции к новым формам является погребальный обряд Х-группы. Если для мероитского времени характерны кирпичные пирамиды или мастабы (гробницы формы усеченной пирамиды) [Edwards, 2004, p. 133], то в дальнейшем, к IV веку, строительство пирамид прекращается, а доминирующей формой надмогильного сооружения становятся курганы-тулумусы различных размеров и конструкций [Williams, 1991, p. 175]. Вместе с этим исчезают и надписанные погребальные стелы, что связывается с общим снижением уровня грамотности [Edwards, 2004, p. 205].

Изменяется и положение тела умершего. Наряду с вытянутыми погребениями фиксируются захоронения в скорченной позе на боку, а ориентация погребений становится вариативной. Особенно выражено это разнообразие в могильниках Восточной Серры (Серра Матто), где традиции расходятся даже в пределах одного некрополя [Williams, 1994, p. 67–73], что может указывать на отсутствие единого нормативного канона и, вероятно, на политическую и социальную фрагментацию раннего этапа Х-группы.

Наиболее выразительными свидетельствами социальной стратификации Х-группы являются так называемые «царские» захоронения Балланы и Кустула. В ходе раскопок У.Б. Эмери было выявлено около 200 курганов, часть из которых отличались исключительными размерами и богатством инвентаря, что позволило интерпретировать их как гробницы правителей. Их диаметр мог достигать 60–80 м, а высота доходила до 10–12 м [Emery, 1948]. Инвентарь погребений включает регалии власти, оружие, богатое снаряжение, посуду и сотни керамических сосудов. Одним из ярких примеров может служить захоронение 118, которое состояло из трех помещений, возведенных под курганом диаметром 54 м и высотой 8 м. Особый интерес представляет серебряная корона, найденная у западной стены погребальной камеры [Emery, 1948, p. 70]. Подобная концентрация престижных предметов отражает формирование нового правящего слоя, контролировавшего ключевые ресурсы региона.

Особое значение имеют практики жертвоприношений, зафиксированные в курганах Балланы: это жертвоприношения как рогатого скота, так и людей [Lenoble, 1996]. Большинство людей, принесенных в жертву в гробницах, вероятно, были специально отобраны. Они могли быть родственниками или членами семьи захороненных либо принадлежать к той категории людей, которые считались подходящими для сопровождения умерших [Dann, 2007, p. 198]. Здесь следует вспомнить о сообщениях Прокопия Кесарийского о том, что блеммии «имеют обыкновение приносить в жертву солнцу и людям» (Proc. Bell. Pers. I, 19.36). Однако идентификация групп из Кустула и Балланы как блеммиев в большинстве своем не рассматривается. Сам факт появления в захоронениях подобных элементов подчеркивается исследователями как разрушение социальной нормы через насилие в ритуальном контексте, что обеспечило окончательное признание значительных социальных и политических изменений людьми, участвовавшими в совершении погребальных обрядов или ставших свидетелями их совершения [Dann, 2007, p. 199].

Материальная культура отражает не только локальные традиции, но и их сочетание с интенсивными межрегиональными контактами. Производство классической мероитской керамики прекращается, резко возрастает доля импортной посуды, особенно винных амфор [Edwards, 2004, p. 209]. Одновременно с этим появляется специфическая керамика – грубые гончарные горшки, тонкостенные кружки и миски с приглаженной поверхностью, часто украшенные резными или вдавленными узорами. Данный тип получил название «изделия Восточной пустыни», которые связываются с кочевыми скотоводческими группами Восточной пустыни, прежде всего с блеммией (однако последние исследования отрицают полное отождествление) [Barnard, 2008, p. 4].

Таким образом, археологическая культура Х-группы предоставляет богатый материал, фиксирующий социальную дифференциацию, изменение ритуалов и быта, происходившие в Нубии после падения Мероэ. Появление роскошных курганов с сочетанием местных и заимствованных черт указывает на формирование новой знати и новых моделей власти. Одновременно с этим разнообразие рядовых погребений демонстрирует конкуренцию разных культурных традиций, что соответствует политической фрагментации периода.

После распада Мероитского государства изменения претерпела и социально-экономическая структура Нубии. Происходит сдвиг хозяйственных приоритетов: вместо обширной экономики Мероэ, основанной на земледелии, ремёслах и международной торговле [Башиер, 2014], возникают локальные хозяйственные системы, более приспособленные к полуоседлому образу жизни и мобильности. Нижняя Нубия, прежде являвшаяся периферийной для Мероэ, становится ядром поселения нобадов. Здесь осваиваются земли, которые долгие годы оставались малонаселенными. Важным новшеством Х-группы становится технология ирригации. Предполагается, что примерно в V в. в Нижней Нубии получает распространение водяное колесо для орошения полей – сакия [Adams, 1977, p. 51].

Так, например, плато Батн эль-Хаджар (между 2 и 3 порогами) практически пустовало, вероятно, из-за трудностей с ирригацией на скалистых берегах [Adams, 1977, p. 25–28]. В V–VI вв. появляются поселения на ранее неосвоенных участках [Adams, 1977, p. 16], что совпадает по времени с распространением упомянутых ранее сакиев. Использование тягловой силы животных для подъёма воды [Adams, 1977, p. 56] позволило увеличить пахотные площади, таким образом приведя к расширению земледельческой экономики на север, что, вероятно, укрепило продовольственную базу Нобадского царства.

В то же время кочевой уклад не исчезает – он остается доминирующим для блеммиев. Они продолжали традиционное скотоводство (преимущественно мелкий рогатый скот и верблюды, также использовавшиеся при налётах [Dahl, Hjort-af-Ornas, 2006, p. 477]), кочуя между оазисами Восточной пустыни. Благодаря этому они контролировали ключевые ресурсы пустыни: помимо упоминавшихся Олимпиодором изумрудных копей [Harrell, 2006], это, прежде всего, золотые россыпи в Вади Аллаки [Roy, 2011, p. 49] и других районах. Золото Восточной пустыни было стратегическим товаром поздней Античности, ценным как для Аксума, так и для Византии. Блеммии, монополизировав доступ к золотым приискам, таким образом получили экономические выгоды [Cooper, 2020, p. 393].

В захоронениях нобадов, в свою очередь, крайне редки изделия из золота. Вероятно, нобадская знать не имела доступа к месторождениям, находившихся в руках блеммиев. В то же время нобады контролировали долину Нила и, судя по всему, не позволяли блеммиям закрепиться западнее Нила. Таким образом, возникло разделение экологических ниш: блеммии находились в Восточной пустыне, продолжая кочевать и контролировать добычу полезных ископаемых, нобады остались в долине Нила и перешли к полуоседлому скотоводческо-земледельческому хозяйству. Такая ситуация «двоевластия» в регионе продлилась около двух веков.

Процессы, происходившие в Нубии IV–VI вв., можно интерпретировать с теоретической точки зрения как феномен контактной зоны между цивилизациями. Под «контактной зоной» историки подразумевают пограничное пространство, где разные культурно-политические миры не просто сталкиваются, но и активно взаимодействуют, рождая синтезные формы социального

устройства. Этот концепт, разработанный, в частности, В.А. Арутюновой-Фиданян на материале армяно-византийского пограничья [Арутюнова-Фиданян, 2022], подчеркивает, что на стыке империи и условно «варварского» окружения могут возникать новые общества, которые впитывают в себя элементы обоих миров и превращающие их в качественно иные структуры.

Нубия поздней Античности служит ярким примером такой контактной зоны. Она находилась на рубеже трёх культурных сфер: средиземноморской греко-римской цивилизации (на севере), африканско-суданской (на юге, где продолжали отчасти сохраняться мероитские традиции) и кочевого мира Восточной пустыни. Взаимодействие с каждой из этих сфер вносило вклад в трансформацию Нубии. С севера шло влияние Римской (Византийской) империи – военное, экономическое и религиозное. Византия фактически определяла внешнеполитические условия существования нубийских племён: заключала договоры, совершала выплаты федератам, направляла миссионеров для христианизации. Также из Египта в Нубию непрерывно поступали торговые товары и культурные образцы в виде языка, письменности и титулатуры. С юга передавались традиции государственности: именно мероитское наследие позволило нубийским элитам почувствовать определенную преемственность. С востока приходили специфические предметы материальной культуры, такие как керамика Восточной пустыни.

Заключение

Археологические и исторические данные свидетельствуют, что период IV–VI вв. в Нубии был временем глубоких политических преобразований, а не сплошного упадка. Падение мероитской власти привело к тому, что прежняя система управления была разрушена, но сформировавшийся вакуум власти быстро заполнился новыми силами, такими как нобады и блеммии. В ходе постмероитского периода нубийское общество прошло через фазу политической конкуренции и фрагментации, из которой впоследствии возникли протогосударственные объединения.

Археология культуры X-группы фиксирует ключевые черты этой трансформации. Социальная стратификация усилилась: появляются богатые погребения местных правителей, свидетельствующие о формировании новой знати и военизированном образе власти. Вместе с этим наблюдается и продолжение отдельных традиций Мероэ в культовых атрибутах и элементах обрядов, что говорит о плавности смены элит. Общества нобадов и блеммиев постепенно выработали иную идентичность, о чем свидетельствует появление грекоязычных этнонимов и титулов в источниках. Еще до окончательного формирования христианских царств Нубии на её политической карте существовало два политических образования – Нобадия и племенной союз блеммиев.

В социально-экономическом плане Нубия адаптировалась к новым условиям: происходит перераспределение населения (часть мероитских групп мигрировала, другая часть слилась с нобадами), благодаря техническим новшествам были освоены новые земли для земледелия, возрастает роль скотоводства. Регион продолжал интегрироваться в экономику поздней Античности, так как сохранилась оживленная торговля с Египтом.

Рубеж V–VI вв. стал временем решающих сдвигов: принятие христианства нубийскими царствами завершило политическую консолидацию. Крещение элиты и затем населения Нобадии около 540-х гг. означало включение нубийской государственности в орбиту византийского мира, укрепление связей с Египтом и одновременно с этим окончательный разрыв с мероитским прошлым. На политической арене вместо племенных вождей появляются христианские цари, что означает новый этап централизации и развития государственной власти.

Таким образом, политическая трансформация Нубии в IV–VI вв. представляла собой сложный, многомерный процесс. Разрушение древнего царства Мероэ не привело к полному краху цивилизации, но инициировало череду адаптивных изменений, которые позволили нубийскому обществу выжить. Через конкуренцию и контакты с соседями нубийцы смогли выработать новые политические институты. Тщательное изучение археологических памятников этого периода продолжает обогащать наше понимание того, как происходят системные трансформации обществ в условиях изменений старых порядков и взаимодействия разных культурных сил.

Список литературы

- Арутюнова-Фиданян В.А. 2022. Армения и Византия (VI–XI вв.): контактные зоны в развитии цивилизаций. Москва, Квадрига, 452.
- Башиер Н.Х. 2014. Проблемы экономического развития царства Мероэ (VIII в. до н. э. – IV в. н. э.). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Москва, РУДН, 236.
- Берзина С.Я. 1992. Мероэ и окружающий мир. I–VIII вв. н. э. Москва, Наука, 349.
- История Африки в древних и средневековых источниках. 1990. Москва, Наука, 471.
- Королук В.Д. 1972. О так называемой «контактной» зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья. В: *Юго-Восточная Европа в средние века*. Часть I. Кишинев, Кишинев. ун-т: 31–46.
- Adams W.Y. 1977. Nubia: Corridor to Africa. London, Allen Lane, 797.
- Barnard H. 2008. Eastern Desert Ware. Traces of the Inhabitants of the Eastern Deserts in Egypt and Sudan during the 4th–6th Centuries C.E. Oxford, Archaeopress, 246.
- Cooper J. 2020. A Nomadic State? The ‘Blemmyean-Beja’ Polity of the Ancient Eastern Desert. In: *The Journal of African History*. 61(3): 383–407.
- Dahl G. Hjort-af-Ornas A. 2006. Precolonial Beja: A Periphery at the Crossroads. *Nordic Journal of African Studies*. No. 15(4): 473–498.
- Dann R. J. 2007. Changing Patterns of Violence at Qustul and Ballana in the Post-Meroitic Period. Part One: The Humans. In: *Der Antike Sudan: Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin*. Vol. 18: 189–200.
- Edwards D.N. 2004. The Nubian Past: An Archaeology of the Sudan. London; New York, Routledge, 304.
- Emery W.B. 1938. The Royal Tombs of Ballana and Qustul. Cairo, Government Press, 407.
- Emery W.B. 1948. Nubian Treasure. An Account of the Discoveries at Ballana and Qustul. London, Methuen, 72.
- Fontes Historiae Nubiorum. 1998. Textual Sources for the History of the Middle Nile Region between the Eighth Century B.C. and the Sixth Century A.D. Vol. III. Bergen, University of Bergen: 751–1216.
- Hägg T. 1990. Titles and Honorific Epithets in Nubian Greek Texts. In: *Symbolae Osloenses*, 65: 147–177.
- Harrell J.A. 2006. Archaeological Geology of Wadi Sikait. In: *PalArch's Journal of Egypt/Egyptology*. Vol. 4: 11.
- Kirwan L.P. 1982. The X-Group Problem. In: *Meroitic Studies*. No. 6: 191–204.
- Lenoble P. 1996. Les "sacrifices humaines" de Meroe, Qustul et Ballana, I. Le massacre de nombreux prisonniers. In: *Beiträge zur Sudanforschung*. 6: 59–87.
- Munro-Hay S. 1991. Aksum: An African Civilisation of Late Antiquity. Edinburgh, Edinburgh University Press, 256.
- Török L. 1988. Late Antique Nubia: History and Archaeology of the Southern Neighbour of Egypt in the 4th–6th c. A.D. Budapest, 279.
- Török L. 2009. Between Two Worlds: The Frontier Region between Ancient Nubia and Egypt 3700 B.C. – A.D. 500. Leiden, Brill, 628.
- Williams B. 1991. Nubadian X-Group Remains from Royal Complexes in Cemeteries Q and 219 and from Private Cemeteries Q, R, V, W, J, and M at Qustul and Ballana. Chicago, Oriental Institute of the University of Chicago, 409.
- Williams B. 1994. Excavations at Serra East: Parts 1–5, A-Group, C-Group, Pan Grave, New Kingdom, and X-Group Remains from Cemeteries A-G and Rock Shelters. Chicago, Oriental Institute of the University of Chicago, 236.

References

- Arutiunova-Fidanian V.A. 2022. Armeniia i Vizantiia (VI–XI vv.): kontaktnye zony v razvitii tsivilizatsii [Armenia and Byzantium (VI–XI Centuries): Contact Zones in the Development of Civilizations]. Moscow, Kvadriga, 452.
- Bashier N.Kh. 2014. Problemy ekonomicheskogo razvitiia tsarstva Meroe (VIII v. do n. e. – IV v. n. e.) [Problems of Economic Development of the Kingdom of Meroe (VIII century B.C. – IV century A.D.)]. Diss. na soisk. uchen. step. kand. ist. nauk. Moscow, RUDN, 236.
- Berzina S.Ya. 1992. Meroe i okruzhaiushchii mir. I–VIII vv. n. e. [Meroe and the Surrounding World. I–VIII centuries A.D.]. Moscow, Nauka, 349.
- Istoriia Afriki v drevnikh i srednevekovykh istochnikakh [The History of Africa in Ancient and Medieval Sources]. 1990. Moscow, Nauka, 471.

- Koroliuk V.D. 1972. O tak nazyvaemoi «kontaktnoi» zone v Iugo-Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope perioda rannego srednevekov'ia [About the So-Called "Contact" Zone in Southeastern and Central Europe during the Early Middle Ages]. In: Iugo-Vostochnaia Evropa v srednie veka [Southeastern Europe in the Middle Ages]. Chast' I. Kishinev, Kishinev un-t: 31–46.
- Adams W.Y. 1977. Nubia: Corridor to Africa. London, Allen Lane, 797.
- Barnard H. 2008. Eastern Desert Ware. Traces of the Inhabitants of the Eastern Deserts in Egypt and Sudan during the 4th–6th Centuries C.E. Oxford, Archaeopress, 246.
- Cooper J. 2020. A Nomadic State? The 'Blemmyean-Beja' Polity of the Ancient Eastern Desert. In: *The Journal of African History*. 61(3): 383–407.
- Dahl G. Hjort-af-Ornas A. 2006. Precolonial Beja: A Periphery at the Crossroads. *Nordic Journal of African Studies*. No. 15(4): 473–498.
- Dann R. J. 2007. Changing Patterns of Violence at Qustul and Ballana in the Post-Meroitic Period. Part One: The Humans. In: *Der Antike Sudan: Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin*. Vol. 18: 189–200.
- Edwards D.N. 2004. The Nubian Past: An Archaeology of the Sudan. London; New York, Routledge, 304.
- Emery W.B. 1938. The Royal Tombs of Ballana and Qustul. Cairo, Government Press, 407.
- Emery W.B. 1948. Nubian Treasure. An Account of the Discoveries at Ballana and Qustul. London, Methuen, 72.
- Fontes Historiae Nubiorum. 1998. Textual Sources for the History of the Middle Nile Region between the Eighth Century B.C. and the Sixth Century A.D. Vol. III. Bergen, University of Bergen: 751–1216.
- Hägg T. 1990. Titles and Honorific Epithets in Nubian Greek Texts. In: *Symbolae Osloenses*, 65: 147–177.
- Harrell J.A. 2006. Archaeological Geology of Wadi Sikait. In: *PalArch's Journal of Egypt/Egyptology*. Vol. 4: 11.
- Kirwan L.P. 1982. The X-Group Problem. In: *Meroitic Studies*. No. 6: 191–204.
- Lenoble P. 1996. Les "sacrifices humaines" de Meroe, Qustul et Ballana, I. Le massacre de nombreux prisonniers. In: *Beiträge zur Sudanforschung*. 6: 59–87.
- Munro-Hay S. 1991. Aksum: An African Civilisation of Late Antiquity. Edinburgh, Edinburgh University Press, 256.
- Török L. 1988. Late Antique Nubia: History and Archaeology of the Southern Neighbour of Egypt in the 4th–6th c. A.D. Budapest, 279.
- Török L. 2009. Between Two Worlds: The Frontier Region between Ancient Nubia and Egypt 3700 B.C. – A.D. 500. Leiden, Brill, 628.
- Williams B. 1991. Noubadian X-Group Remains from Royal Complexes in Cemeteries Q and 219 and from Private Cemeteries Q, R, V, W, J, and M at Qustul and Ballana. Chicago, Oriental Institute of the University of Chicago, 409.
- Williams B. 1994. Excavations at Serra East: Parts 1–5, A-Group, C-Group, Pan Grave, New Kingdom, and X-Group Remains from Cemeteries A-G and Rock Shelters. Chicago, Oriental Institute of the University of Chicago, 236.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 23.12.2025

Received 23.12.2025

Поступила после рецензирования 31.03.2026

Revised 31.03.2026

Принята к публикации 03.04.2026

Accepted 03.04.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фартушной Никита Олегович, учитель, средняя общеобразовательная школа № 29 имени Д.Б. Мухоморова, г. Белгород, Россия; аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Nikita O. Fartushnoy, Teacher, D.B. Murachev Comprehensive Secondary School No. 29, Belgorod, Russia; Postgraduate Student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0005-6810-437X](https://orcid.org/0009-0005-6810-437X)

УДК 94(564.3)

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-552-564

EDN BNNONF

Оригинальное исследование

Каноническая позиция папы Льва Великого в деле Хелидония: вопрос о рукоположении мирян

Грацианский М.В.

Севастопольский государственный университет,
Институт истории и археологии Византии и Причерноморья,
Россия, 299028, г. Севастополь, пр-т Юрия Гагарина, 13;
E-mail: gratsianskiy@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается апелляционный процесс 444–445 гг. по делу епископа Хелидония, которого собор под председательством Илария Арелатского низложил за брак с вдовой и рукоположение из мирян. Папа Лев Великий оправдал Хелидония, сняв первое обвинение и полностью проигнорировав второе. Автор ставит вопрос о достоверности «Жития Илария Арелатского» – единственного источника, упоминающего обвинение в хиротонии из мирян. Ключевым доказательством в пользу Гонората Массилийского, автора «Жития», служит письмо Льва от 446 г., где папа признаёт недопустимость второбрачия, но допускает рукоположение мирян как временное исключение. Это подтверждает, что понтифик сознательно умолчал о втором пункте в деле Хелидония. Цель исследования – реконструировать каноническую позицию папы Льва в этом деле на основе всей совокупности доступных источников. Казус Хелидония ярко иллюстрирует правоприменительную практику Римской Церкви того периода, которую в данном случае можно охарактеризовать как довольно непоследовательную.

Ключевые слова: поздняя Античность, папство, папа Лев Великий, Иларий Арелатский, епископ Хелидоний, церковный суд, апелляционный процесс, каноны, соборные определения

Финансирование: исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002).

Для цитирования: Грацианский М.В. 2026. Каноническая позиция папы Льва Великого в деле Хелидония: вопрос о рукоположении мирян. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 552–564. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-552-564. EDN: BNNONF

The Canonical Position of Pope Leo the Great in the Case of Chelidonius: The Issue of Lay Ordination

Mikhail V. Gratsianskiy

Sevastopol State University, Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region,
13 Yuri Gagarin Ave., Sevastopol 299028, Russia
E-mail: gratsianskiy@mail.ru

Abstract. The article examines the appellate process of 444–445 AD concerning Bishop Helidonius, who was deposed by a council chaired by Hilary of Arles for having married a widow and for having been ordained from the laity. Pope Leo the Great acquitted Helidonius, lifting the first charge while completely ignoring the second one. The author discusses the reliability of the Life of Saint Hilary of Arles – the sole source that mentions the charge of ordination from the laity. The key evidence supporting Honoratus of Massilia, the

© Грацианский М.В., 2026

author of the Life, is Leo's letter dated 446, in which the Pope affirms the inadmissibility of a second marriage but allows ordination from the laity as a temporary exception. This confirms that the pontiff deliberately passed over the second charge in Helidonius's case. The aim of the study is to reconstruct Pope Leo's canonical position on this matter based on all available sources. The case of Cheldonius thus vividly illustrates the legal practice of the Roman Church in that period, which in this instance may be characterised as rather inconsistent.

Keywords: Late Antiquity, papacy, Pope Leo the Great, Saint Hilary of Arles, bishop Chelidonius, ecclesiastical court, appellate process, canons, conciliar decisions

Funding: this research was carried out under the State Assignment of the Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University: "Comprehensive Historical and Archaeological Study of Byzantium and the Black Sea Region in Late Antiquity and the Middle Ages" (FEFM-2025-0002).

For citation: Gratsianskiy M.V. 2026. The Canonical Position of Pope Leo the Great in the Case of Chelidonius: The Issue of Lay Ordination. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 552–564 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-552-564. EDN: BNNONF

Введение

От первых лет понтификата Льва Великого (440–461) не сохранилось каких-либо свидетельств его отношений с Церквами галльских диоцезов. Ключевым событием, в наибольшей степени характеризующим формат отношений между Римом и Церквами к западу от Альп, является весьма неожиданно вспыхнувший конфликт между Львом и Иларием Арелатским [Prinz, 1965, p. 50–52; Pietri, Heijmans, 2013, p. 998–1007] зимой 444–445 гг. Этот конфликт главным образом был вызван неурегулированным церковно-административным статусом Арелата как в диоцезе Семи Провинций, так и во всей префектуре Галлий, сложившимся в результате противоречий галльской политики пап Зосима (417–418) и Бонифация I (418–422).

Конфликт между папой Львом и Иларием Арелатским представляет собой яркий пример юрисдикционного спора, в основе которого лежало различие в восприятии принципов организации церковно-административного пространства, в ходе которой стороны широко задействовали административный ресурс светской власти. Непосредственным поводом к конфликту послужила апелляция, поданная на решение Собора во главе с Иларием Арелатским о низложении Хелидония, незадолго до того избранного епископом главного города северо-галльской провинции *Maxima Sequanorum* Везонция (*Vesontio*; совр. Безансон)²⁰.

Объект и методы исследования

Несмотря на важность этого конфликта как с церковно-, так и с гражданско-исторической точки зрения, его источниковая база небогата: фактически речь идет о четырех источниках, которые (в двух случаях полностью, в двух других – лишь частично) можно привлечь для получения и анализа сведений о нем, при этом все источники невелики по объему²¹. Ввиду показательного со многих точек зрения характера этого конфликта он стал предметом изучения в целом ряде авторитетных научных работ [Малицкий, 1903, с. 98–140; Caspar, 1930, S. 440–445; Jalland, 1941, p. 113–151; Langgärtner, 1964, S. 61–79; Mathisen, 1989, p. 141–172; Heinzelmann, 2002, p. 239–251].

В имеющихся исследованиях, однако, фактически не ставится вопрос о канонической основе действий папы Льва Великого, принявшего к рассмотрению апелляцию Хелидония,

²⁰ О Хелидонии см.: [Pietri, Heijmans, 2013, p. 464–465].

²¹ Приговор Римского собора в отношении Илария Арелатского отражен в письме папы Льва к южно-галльским епископам. Издание см. в: [Migne, 1846, Leonis ep. 10, col. 628–636]. Русс. пер.: [Анашкин, 2024, с. 147–162]. Эдикт Валентиниана III, подтверждающий решение папы Льва: [Mommsen, Meyer, 1905, p. 101–103]. Позиция Илария в конфликте отчасти изложена в нескольких разделах его «Жития», написанного в конце V в. Гоноратом Массилийским. Издание см. в: [Cavallin, Jacob, 1995, p. 136–142]. Русс. пер.: [Зайцев, 2004, с. 114–117]. Важная, хотя и краткая информация, касающаяся процесса по делу Хелидония, и сведения о кафедре последнего см. в: [Martine, 1968, p. 258, 260].

низложенного Собором Илария Арелатского на основании двух ключевых обвинений – брака Хелидония с второбрачной и поставления его в епископский сан непосредственно из мирского состояния после выхода в отставку с императорской службы. Поскольку такая служба в высших чинах подразумевала осуществление судебных функций, то Хелидонию инкриминировалось вынесение смертных приговоров, что подразумевало возможность его последующего вступления в клир только после продолжительного периода покаяния и только на низшие степени, а не сразу в должность епископа. Два обвинения против Хелидония, на основании которых он был низложен, приводит Гонорат Массилийский в «Житии» Илария [Cavallin, Jacob, 1995, p. 136.5–16]. Как будет продемонстрировано, канонические основания для низложения Хелидония выглядят бесспорными, однако в Риме ему был вынесен целиком оправдательный приговор. При этом брак Хелидония с второбрачной был объявлен недоказанным, а второе обвинение осталось вовсе не принятым во внимание в ходе апелляционного процесса – в итоговом письме папы Льва к южно-галльским епископам и в эдикте Валентиниана III о нем нет ни слова. Как следствие, возникает вопрос, говорит ли правду Гонорат Массилийский, коль скоро папа Лев в своем письме о таком обвинении в адрес Хелидония не упоминает. Имеющаяся историография не пытается отрицать правдивость сообщения Гонората, однако не видит проблемы в том, что Лев упускает из виду этот пункт обвинения²².

Таким образом, предметом данного исследования является каноническая позиция папы Льва, позволившая ему пренебречь важным обвинением в адрес Хелидония, а объектом – ряд источников, содержащих сведения об апелляционном процессе по его делу. Задачей данной статьи является анализ содержания источников о конфликте папы Льва Великого и Илария Арелатского и реконструкция на их основе канонической позиции римского епископа и его подхода к каноническому правоприменению на примере правила о запрете рукоположения мирян в епископский сан. Более частной задачей является верификация сообщения Гонората Массилийского в его «Житии» Илария Арелатского о причинах низложения Хелидония.

Обработка источников осуществлялась с помощью сравнительно-исторического анализа. Задействован также междисциплинарный подход в силу необходимости анализа и интерпретации источников на древнем языке, даже несмотря на наличие русского перевода двух из них. Применялись методы филологической критики и герменевтики текста.

Результаты и их обсуждение

Несмотря на частое упоминание канонов в папских письмах поздней Античности лишь в крайне редких случаях в них приводятся прямые ссылки на конкретные каноны или цитирование их текста. Письмо Льва Великого к галльским епископам по делу Илария Арелатского, ставшего обвиняемым и осужденным в ходе апелляционного процесса по делу Хелидония, не является здесь исключением: каноническая база, лежащая в основе осуждения Илария и оправдания Хелидония, не упоминается. Если применительно к обвинению последнего в женитьбе на второбрачной папа Лев упоминает «апостольское учение» (*apostolicam disciplinam*) [Migne, 1846, Leonis ep. 10, cap. III, col. 631A], препятствующее женитьбе священников на вдовах и разведенных, то запрет рукополагать мирян он вовсе обходит, как будто его нарушение Хелидонию в ходе первичного судопроизводства вовсе не инкриминировалось.

Рассмотрим, прежде всего, каноническую и дисциплинарную базу обоих обвинений. Вопрос о запрете второго брака священнослужителя затрагивается как раз в апостольских канонах. 17-е правило гласит, что «вовлеченный после крещения в два брака или заимевший

²² Н.П. Малицкий отмечает проблему, но не анализирует ее. См.: [Малицкий, 1903, с. 126]. Т. Джэллэнд и Г. Ланггертнер ее вовсе не замечают. Ср.: [Jalland, 1941, p. 114–124; Langgärtner, 1964, S. 67–68]; Р. Мэтисен лаконично констатирует: «Лев просто проигнорировал это обвинение» (“Leo just ignored this accusation”) [Mathisen, 1989, p. 150].

наложницу не может быть ни епископом, ни пресвитером, ни диаконом, ни вообще принадлежать к священному сословию» [Metzger, 1987, p. 278. 60–62]. При этом 18-е правило гласит, что «взявший вдову или разведенную, или гетеру, или рабыню, или кого-то со сцены, не может быть ни епископом, ни пресвитером, ни диаконом, ни вообще принадлежать к священному сословию» [Metzger, 1987, p. 280. 63–65].

Собор в Валенции 374 г., направляя свои решения «в Галлии и Пять Провинций», в своем первом правиле трактовал как раз вопрос второбрачия: «Итак, постановляется, чтобы никто после этого Собора, который, пусть и поздно, приходит на помощь в подобных беззакониях, не мог рукополагать в клирики второбрачных или мужей [женатых на] разведенных; и не следует раз узнавать, осквернили ли они себя этой нуждой несчастного жребия, будучи уже приобщенными к Божественным таинствам или еще язычниками, ибо форма Божественной заповеди непреложна» [Munier, 1963, p. 28. 20–24: *Sedit igitur, neminem post hanc synodum, qua eiusmodi illicitis uel sero succurritur, digamos aut internuptarum maritos ordinari clericos posse; nec requirendum utrumne initiati sacramentis diuinis, ane gentiles, hac se infelicis sortis necessitate macularint, cum diuini praecepti certa sit forma*]. Значение этого правила для нашей темы состоит именно в том, что соборный запрет на рукоположение второбрачных фиксируется именно в южно-галльском ареале: г. Валенция – место проведения Собора – расположен во Вьеннской провинции, входившей в состав диоцеза Пяти Провинций, преобразованного в начале V в. в диоцез Семи Провинций, главным городом которого стал Арелат [Heijmans, 2004, p. 57–69].

Далее идут Соборы под председательством самого Илария Арелатского. Первый такой Собор в Араузии (Оранж) в 441 г. постановил «О пригодных и наиболее проверенных мужах, кого сама благодать жизни велела связать с клиром, если вдруг они впадут во второй брак, чтобы не получали церковные должности выше иподиаконской» [Munier, 1963, p. 184 (Can. 24 [45]): *De idoneis autem et probatoribus uiris, quos clericatui alligali ipsa uitae gratia suggerit, si forte inciderunt duplicata matrimonia, ut non ultra subdiaconatum ecclesiasticas capiant dignitates*]. Немного расширенный вариант этого правила был принят далее в самом Арелате, на Соборе, также прошедшем под председательством Илария незадолго до дела Хелидония в 442–444 гг.: «О тех, кого сама благодать жизни велела связать с клиром, если вдруг они впадут в брак с разведенной и во второй раз, да не получают церковные должности выше иподиаконской; если же вдруг они уже получили, да будут отстранены от церковного сана» [Munier, 1963, p. 123 (Can. 45): *De his quos clericatui alligari ipsa uitae gratia suggesserit, si forte internupta et duplicata matrimonia inciderunt, non ultra subdiaconatum ecclesiasticas capiant dignitates; quod si facti forsitan sunt, ab ecclesiastico remoueantur officio*].

Также сохранились многочисленные распоряжения, принятые Римским собором под председательством различных пап. Именно в них регламентация брачного состояния священнослужителей получает опору в виде ссылок на Священное Писание. Первым в этом ряду идет папа Сириций, который в послании от имени Римского собора в ответ на запрос Гимерия Тарраконского, считающемся первой папской декреталией, привел парафраз места из Иезекииля (44:22) «Священник да берет в жены девицу – не вдову, ни отвергнутую, ни блудницу» и из апостола Павла (1 Тим 2:3) о том, что епископ должен быть *одной жены муж*²³. Если же клирик женился вторично, он извергается из сана [Migne, 1845, Siricii ep. 1, cap. XI, col. 1143–1144: *Quisquis sane clericus aut uiduam, aut certe secundam conjugem duxerit, omni ecclesiasticae dignitatis privilegio mox nudetur...*]. В том случае, если второбрачный или женатый на вдове уже «по неведению» оказался в клире (*ad sacram militiam*), такой должен быть лишен надежды на повышение (*adempta sibi omni spe profectionis*) [Migne, 1845, Siricii ep. 1, cap. XV, col. 1145B]. В несколько телеграфном стиле эти наставления также встречаются в послании Римского собора и папы Сириция к епископам Африки от 386 г. [Migne, 1845,

²³ Эти цитаты Сириций, правда, предварил высказыванием, автором которого он объявил Моисея: «Священники мои да женятся [лишь] однажды» (*Sacerdotes mei semel nubant*). См.: [Migne, 1845, Siricii ep. 1, cap. VIII, col. 1141–1142].

Siricii ep. 5, cap. IV–V, col. 1159: Ut mulierem, id est, viduam clericus non ducat uxorem. Ut is, qui laicus viduam duxerit, non admittatur ad clerum]. Ценность этого послания состоит, впрочем, в том, что уже в относительно скором времени (418 г.) имеется свидетельство его рецепции в Африканских Церквах: Собор в Телепте (Concilium Thelense), объединявший епископов провинции Бизацена, с участием представителей Проконсульской Африки, официально принял дисциплинарные нормы, содержащиеся в послании Римского собора и папы Сириция, которое было на этом Соборе зачитано [Munier, 1974, p. 58–63].

Сходные положения мы встречаем и в дисциплинарных посланиях папы Иннокентия I. В письме к Виктрицию Ротомагскому (Руанскому) со ссылкой на Лев. 21:13 оглашается запрет на брак клирика с вдовой (viduam): в этом случае, даже несмотря на старание и благочестивый образ жизни (labore suo et vitae probitate), такому клирику воспрещается претендовать на епископство (ad sacerdotium ... contendit). Там же папа воспрещает допускать в клир мирянина, женившегося на вдове, будь то до своего крещения или после: «Ведь во крещении отпускаются преступления, но не расторгается союз с той, что взята в жены» (in baptismo enim crimina dimittuntur, non acceptae uxoris consortium relaxatur) [Migne, 1845, Innocentii ep. 2, cap. XI–XII, col. 242–243].

В послании к епископу Нуцерии Феликсу Иннокентий сжато излагает запрет на рукоположение второбрачных и его мотивы: «О второбрачных же можно и не спрашивать, поскольку наглядным является чтение из апостола – *одной жены муж* должен допускаться ко священству либо в клир, причем если только он взял ее девицей. Ведь та, что имела уже мужа ранее, пусть тот и скончался, однако после того, сочетавшись с клириком, тот, кто ее взял [в жены], [уже] не сможет быть клириком, поскольку в законе предусматривается, чтобы священник не мог иметь супругой ни вдову, ни разведенную (ср. Лев. 21:13)» [Migne, 1845, Innocentii ep. 37, cap. II, col. 604: De digamis autem nec consuli debuit, quod manifesta sit lectio apostoli, unius uxoris virum ad sacerdotium sive ad clericatum admitti debere, et hanc ipsam tamen si virginem accepit. Nam ea, quae habuerit ante virum, licet defunctus sit, tamen si clerico postea fuerit copulata, clericus, qui eam acciperit, esse non poterit, quia in lege cautum est, non viduam, non abjectam habere posse conjugem sacerdotem].

То же самое повторяется в послании Иннокентия македонским епископам, относительно которых он узнал, что в их краях встречаются не только клирики, женатые на вдовах, но даже епископы (eos qui ... agnovi ... etiam ad infulas summi sacerdotii pervenisse). Иннокентий утверждает, что Церкви как на Западе, так и на Востоке такого совершенно не допускают (omnesque per orientem occidentemque ecclesias, noverit vestra dilectio haec poenitus non admittere) [Migne, 1845, Innocentii ep. 17, cap. II, col. 527–528], однако необходимость папам писать на эту тему буквально во все части западного христианского мира как раз свидетельствует об обратном. Это послание Иннокентия содержит важное дополнение относительно тех, кто, будучи второбрачным, достиг епископского звания: «...и не допускать таковых до высшего места церковного чина и, если таковые обнаружатся, удалять [их]» (nec ad ultimum ecclesiastici ordinis locum tales assumere et, si reperti fuerint, removere) [Migne, 1845, Innocentii ep. 17, cap. II, col. 528B].

В послании Целестина к южно-галльским епископам от 428 г. про это сказано следующее: «Следует воздерживаться от незаконных поставлений. Да не поставляется никто из мирян, никто из второбрачников, никто из тех, кто женат или был женат на вдове... Через Моисея дал Господь наставление: *В жену священник должен брать девицу* (Лев. 21:13). Следует [за этим] и дополняет апостол, говоря в том же духе, что *одной жены муж* (1 Тим 2:3) должен посвящаться во епископа» [Migne, 1865, Coelestini ep. 4, cap. VI, col. 435A: Abstineatur ab illicitis ordinationibus. Nullus ex laicis, nullus digamus, nullus qui sit viduae maritus aut fuerit, ordinetur... Per Moysen Dominus praecepit: *Virginem accipiat sacerdos uxorem*. Subsequitur et supplet Apostolus, eodem locutus spiritu, *unius uxoris virum* debere episcopum consecrari].

Венчает папские предписания по этому вопросу высказывание самого Льва, сделанное незадолго до конфликта с Иларием 10 октября 443 г. в послании к епископам его юрисдикции

в провинциях Кампания, Пицен и Тусция. Там папой торжественно и обстоятельно говорится: «Каковой, когда за ним станет известна честность рождения и нравов, должен допускаться к служению [у] святого алтаря, мы узнали и из слов апостола, и из божественного наставления, и из правил канонов, от которых, как мы обнаружили, множество братьев отклонилось и совершенно отошло. Ведь известно, что священства достигли мужи вдов, а некоторые, у которых были многочисленные браки и жизнь достаточно свободная в отношении всякой вседозволенности, были допущены до священного чина, открыв себе постепенно [к нему] подходы, вопреки тому возглашению блаженного апостола, говорящего *одной жены муж* (1 Тим 2:3), и вопреки тому примеру древнего закона, в котором говорится и предусматривается *В жену священник должен брать девицу* (Лев. 21:13). Итак, их, каковые бы они ни были допущены, мы авторитетом апостольского престола повелеваем ограждать от церковных должностей и священнического имени; ведь не смогут они присваивать себе то, что не были способны получить из-за того, что им препятствовало. Мы, усваивая себе особо заботу о расследовании этого, [говорим]: да будет исправлено, если вдруг что-то в их отношении было допущено, и да не будет позволено впредь этого допускать, и да не будет незнание порождать какое-либо извинение. Впрочем, никогда не было позволено священнику не ведать того, что было определено правилами канонов» [Migne, 1846, Leonis ep. 5, cap. II, col. 612A–613A: *Qualis vero, cum unicuique constiterit natalium honestas et morum, esse debeat sacri altaris ministerio sociandus, et Apostolo nos docente, et divina praeceptione didicimus, et canonum regulis, a quibus plerosque fratrum declinasse et penitus deviasse reperimus. Nam constat ad sacerdotium pervenisse viduarum maritos; quosdam etiam, quibus fuerint numerosa conjugia, et ad omnem licentiam vita liberior, ad sacrum ordinem passim patefactis aditibus fuisse permissos, contra illam beati Apostoli vocem, qua talibus exclamat dicens: Unius uxoris virum; et contra illud antiquae legis praeceptum, quo dicitur et cavetur: Sacerdos virginem uxorem accipiat, non viduam, non repudiatam. Hos ergo, quicumque tales admissi sunt, ab ecclesiasticis officiis et a sacerdotali nomine, apostolicae sedis auctoritate jubemus arceri; nec hoc enim sibi poterunt vindicare, cujus capaces, per hoc quod illis obstiterat, non fuerunt: hujus discussionis curam nobis specialiter vindicantes, ut si qua forsitan de his commissa sunt, corrigantur, nec liceat ultra committi, et ne qua excusatio de ignoratione nascatur; quamquam ignorare numquam licuerit sacerdotem, quod canonum fuerit regulis definitum*].

Фактически в тех же канонических сборниках и папских посланиях мы одновременно встречаем и нормы, касающиеся отношения Церкви к рукоположению тех, кто состоял на императорской или на муниципальной службе²⁴.

Уже апостольские каноны воспрещали смешивать мирские обязанности, в том числе и императорскую службу, со служением Церкви. 81-е апостольское правило воспрещает епископу заниматься общественным управлением: «Мы сказали, что епископу подобает не опускаться до публичного управления, но следить за церковными нуждами; если же нет, да будет отставлен, ибо *никто не может служить двум господам* (Мф. 6:24), согласно господнему наставлению» [Metzger, 1987, p. 304.365–306.368]. И далее в 83-м правиле: «Епископа, или пресвитера, или диакона, остающегося в [императорских] службах (*στρατείας*) и желающего делать и то и другое, [т. е.] обладать римской властью и осуществлять священническую, надлежит низложить, ибо *кесарю кесарево, а Богу богово* (Мф. 22:21)» [Metzger, 1987, p. 306. 376–379].

На Сардикийском соборе 343 г. было предусмотрено, чтобы «бывший управленец» (*ex administratore*) ставился во епископа не раньше, чем пройдет все чины низшего клира, и такое прохождение не должно быть быстрым [Hess, 2002, p. 220]. В ряде посланий папы Сириция также содержался прямой запрет на поставление во епископа бывшего чиновника [Migne, 1845, Siricii ep. 5, col. 1158–1159; ep. 6, col. 1164–1165; ep. 10, col. 1186]. В частности, в его 10-м послании, обращенном к епископам Галлии, прямо говорится: «Очевидно, кроме того, что те, кто

²⁴ См. об этом кратко: [Gaudemet, 1958, p. 142–143].

обладал светской властью, вершил светский закон, не могут быть незатронутыми грехом. Ведь и когда меч обнажается, или выносятся несправедливый приговор, или из-за тяжести дел применяются пытки, или выказывают они заботу о подготовке игр, или присутствуют на [уже] подготовленных, со всем тем, от чего они отказались, вновь себя соединяя, они изменили традиционной дисциплине послушания. [Оттого] сильно они себе помогут, если не будут притязать на епископство. Но совершив за всё это покаяние, по прошествии определенного времени да заслужат они приблизиться к алтарям» [Migne, 1845, Siricii ep. 10, col. 1190].

Папа Иннокентий I (402–417) в письме Виктрицию Ротомагскому (Руанскому) говорит о нежелательности привлечения в клир куриалов [Migne, 1845, Innocentii ep. 2, col. 477–478], а в письме к Толедскому собору вновь подчеркивает недопустимость принятия в клир тех, кто после крещения состоял на императорской военной (*militaverint*) или гражданской (*administraverint*) службе [Migne, 1845, Innocentii ep. 3, col. 492]. То же распоряжение Иннокентий повторяет и в письме к епископу Ночерии Феликсу [Migne, 1845, Innocentii ep. 37, col. 604]. Преемник Иннокентия папа Зосим настаивал на необходимости соблюдения соответствующих постановлений своих предшественников [Migne, 1845, Zosimi ep. 8, col. 670]. О том же говорил в послании к южно-галльским епископам и папа Целестин, говоря вообще о запрете рукополагать мирян (*laicos*) во епископов, дабы не появлялись епископы, которые «были поставлены на вершину такого достоинства вопреки всем церковным порядкам (*nullis ecclesiasticis ordinibus*)» [Migne, 1865, Coelestini ep. 4, cap. III, col. 433A]. С этим было связано и содержащееся в том же послании наставление не ставить во епископа никого против воли [Migne, 1865, Coelestini ep. 4, cap. III, col. 434B], а также призыв «да достигнет каждый плода своей службы в Церкви, в которой провел свою жизнь, [двигаясь] по всем должностям» [Migne, 1865, Coelestini ep. 4, cap. III, col. 435A: *Habeat unusquisque suae fructum militia in Ecclesia in qua suam per omnia officia transegit aetatem*]. Более четко и строго о запрете ставить во епископы всех, кто «служил миру» (*saeculo militaverit*) Целестин высказывается в письме к подчиненным ему епископам Апулии и Калабрии [Migne, 1865, Coelestini ep. 5, cap. V, col. 436C]²⁵.

В письме к епископу Эксуперию Толоскому Иннокентий, Впрочем, несколько иначе подходит к этому вопросу: «Также был вопрос о тех, кто после крещения управляли (*administraverunt*), и [при этом] либо только пытки практиковали, либо же выносили смертный приговор: о них мы не читаем никаких постановлений [наших] предшественников. Ведь они упоминали, что эти власти были попущены Богом и ради отмщения порочным был дозволен меч, и слуга Божий был дан как отмститель за подобное. Стало быть, как бы им было порицать содеянное, когда они видели, что оно попущено с Божьего произволения? Таким образом, мы придерживаемся о них того, что до сих пор сохранялось, чтобы не показалось, что мы либо разрушаем дисциплину, либо идем против распоряжения Господа. За ними же будут сохраняться все их деяния до Страшного Суда» [Migne, 1845, Innocentii ep. 6, cap. III.7–8, col. 499AB: *Quaesitum etiam est super his, qui post baptismum administraverunt, et aut tormenta sola exercuerunt, aut etiam capitale protulere sententiam. De his nihil legimus a majoribus definitum. Meminerant enim a Deo potestates has fuisse concessas, et propter vindictam noxiorum, gladium fuisse permissum, et Dei esse ministrum vindicem in huiusmodi datum. Quemadmodum igitur reprehenderent factum, quod auctore Deo viderent esse concessum? De his ergo ita, ut hactenus servatum est, sic habemus, ne aut disciplinam evertere, aut contra auctoritatem Domini venire videamur. Ipsius autem in ratione reddenda gesta sua omnia servabuntur*]. Впрочем, это высказывание приводится в контексте вопроса о покаянии, а не об избрании на епископскую должность или вообще в клир.

Венчается этот пласт папского нормотворчества посланием Целестина к южно-галльским епископам от 428 г., в котором хотя и не содержится новых положений в сравнении с распоряжениями его предшественников, однако оно важно, поскольку является последним

²⁵ Под выражением «*saeculo militaverint*», очевидно, имеются в виду одновременно те, кто состоял и на военной, и на гражданской службе, поскольку и та и другая называлась «*militia*». Военная – *militia armata*, гражданская – *militia non armata (officialis)*.

папским распоряжением такого рода, вышедшим до конфликта между Львом Римским и Иларию Арелатским: «Мы же узнали, возлюбленные братья, что некоторые поставленные епископы, которые для высоты такого достоинства не были наставлены никакими предыдущими церковными чинами, были рукоположены вопреки постановлениям отцов по самоуправству того, кто ныне сознаёт, что так поступил. В то время как к епископству должно приходиться через те ступени, через которые чаще всего [это и] предусмотрено, чтобы, положив начало в меньших, укрепиться для больших. Ведь должен прежде быть учеником всякий, кто желает быть учителем, дабы мог учить тому, чему научился. Всякое жизненное наставление именно так утверждает себя в том, к чему устремляется. Кто не приложил никаких усилий к наукам, не может быть в науках наставником. Кто не рос через все звания, не может достичь звания заслуженного ранга. И среди этого, спрашиваю я, только священство дёшево? Которое весьма легко дается, при том что весьма трудно исполняется» [Migne, 1865, Coelestini ep. 4, cap. III, col. 433A: *Ordinatos vero quosdam, fratres charissimi, episcopos, qui nullis ecclesiasticis ordinibus ad tantae dignitatis fastigium fuerint instituti, contra Patrum decreta, hujus usurpatione qui se hoc recognoscit fecisse didicimus; cum ad episcopatum his gradibus quibus frequentissime cautum est debeat perveniri, ut minoribus initiati officiis ad majora firmentur. Debet enim ante esse discipulus, quisquis doctor esse desiderat, ut possit docere quod didicit. Omnis vitae institutio hac ad id quo tendit se ratione confirmat. Qui minime litteris operam dederit, praeceptor esse non potest litterarum. Qui non per singula stipendia creverit, ad meritum stipendii ordinem non potest pervenire. Solum sacerdotium inter ista, rogo, vilius est? quod facilius tribuitur, cum difficilior impleatur*].

Итак, эти два нормативных блока – о второбрации духовенства и о допущении в клир отставников – входят в единый комплекс соборного нормотворчества, представленного апостольскими канонами и постановлениями различных западных Соборов, главным образом Римского. Постановления Римского собора, направляемые другим Церквям и предназначенные для соборного рассмотрения и принятия ими, количественно доминируют в этом комплексе, однако вместе они составляют солидную церковно-правовую основу дела Хелидония.

Несмотря на то, что в папских посланиях обе нормы обычно встречаются вместе, любопытно отметить, что папа Лев в письме от 10 октября 443 г. к епископам своей юрисдикции зафиксировал свою приверженность только регламентации относительно брака клириков с второбрачными²⁶. И получается, что примерно через год после составления этого письма римский епископ оказывается в ситуации, когда он должен был вынести вердикт относительно дела, основанного на соблюдении обеих норм, представленных рука об руку практически во всем существующем папском нормотворчестве.

Таким образом, если судить по письму папы Льва к южно-галльским епископам, вопрос о том, что Хелидоний, видимо, не прошел полагающийся ему срок покаяния, не говоря уже о том, чтобы выслужить нужное количество лет в более низких церковных чинах, был сознательно «замят» в ходе судебного следствия в Риме. Это обстоятельство настолько явно противоречило всему предыдущему, в том числе и папскому нормотворчеству, что должно было произвести негативное впечатление на современников, тем более в Южной Галлии, где даже спустя несколько десятилетий, как это показывает автор «Жития» Илария Гонорат Массилийский, о нем помнили. Впрочем, здесь как раз и возникает вопрос о том, сообщил ли Гонорат правдивые сведения. Лев не упоминает этого обвинения и дилемма, кому верить, папе или Гонорату, сохраняется.

Впрочем, у нас есть косвенное, однако вполне, по нашему мнению, весомое доказательство того, что Лев совершил-таки судебный подлог, однако пренебрежение канонической практикой не сошло ему с рук и получило огласку: уже вскоре он был вынужден защищаться и постфактум оправдывать своей неожиданной образ действий. Вероятно, он

²⁶ Конечно, это можно объяснить тем, что в пределах папской юрисдикции, где Лев сам рукополагал епископов, ему не было нужды говорить о запрете на рукоположение мирян во епископы, поскольку епископов ставил он сам и его собственные действия были гарантом соблюдения этой нормы.

делал это разными способами, однако у нас сохранилось одно фактическое признание им того, что для обоснования своего поведения в деле Хелидония он был вынужден нарушить апостольские и соборные постановления, а также пойти против единогласного мнения своих предшественников в вопросе рукоположения мирян-отставников.

Примерно через год после событий вокруг Илария Арелатского в ситуации, когда последний предпринял попытки примириться со Львом и по возможности изменить вынесенный против него приговор [Малицкий, 1903, с. 133–137; Jalland, 1941, р. 127–218; Mathisen, 1989, р. 167], римский понтифик в послании от 10 августа 446 г. к епископам африканской провинции Мавритании Цезарейской подробно изложил свою позицию относительно традиционных проблем, связанных с поставлением епископов²⁷. Основываясь на предыдущих папских постановлениях, однако не ссылаясь на них напрямую, Лев пространно рассуждает о необходимости внимательного подхода к отбору кандидатов в клир, проблеме второбрачия поставляемых во диакона, пресвитера и епископа, кратко упоминает запрет поставлять в клир новокрещенных и «только что обращенных от светской деятельности» (a saeculari actu repente conversis) при необходимости пройти «все ступени христианского служения» (omnes gradus militiae Christianae), проводя на каждой «много времени» (multo tempore), дабы испытать и зарекомендовать себя (experimentum sui; testimonium vitae suae probabile) и явить себя «пригодным для священного управления» (idoneos sacris administrationibus). Особенно посредством пространного риторического рассуждения Лев обращается против попыток недолжных поставлений на самый верх церковной иерархии тех, кто не служил в более низких церковных чинах: «...всякая церковная дисциплина разрушается, всякий порядок нарушается, покуда в Церкви те, кто не прошел никакого служения, посредством извращенного суждения избирающих получают недолжное первенство» [Migne, 1846, Leonis ep. 12, cap. IV, col. 651B: ...omnis ecclesiastica disciplina resolvitur, omnis ordo turbatur, dum in Ecclesia, qui nullum subierunt ministerium, perverso eligentium iudicio indebitum obtinent principatum].

Этот подход является вполне традиционным и примечателен только в силу сравнительной пространности и риторической обработки высказывания, однако далее Лев приводит рассуждение, которое, собственно, оказывается важным для оценки его позиции в деле Хелидония: «Итак, поскольку для вас важны только желания народа (popularium), либо амбиции (ambitus) надменных, так что не только миряне, но и второбрачные мужчины (secundarum uxorum viri) или мужи вдов, как мы знаем, продвигаются в пастырскую должность (ad officium pastorale ... provecitos), разве не очевиднейшие причины требуют того, чтобы Церкви, в которых допущено подобное, очищались весьма суровым судом (iudicio severiore), и не только таким предстоятелям (praesules), но и тем, кто их ставил (in ordinatores eorum), воздавалось соответствующее мщение (ultio)? Но окружают нас, с одной стороны, мягкость милосердия (mansuetudo clementiae), а с другой – строгость правосудия (censura iustitiae). Но поскольку *все пути Господни – милость и истина* (Пс. 24:10), мы, согласно благочестию апостольского престола, принуждены так умерять наш приговор (sententiam), что, взвесив тяжесть преступлений (trutinato pondere delictorum), для которых, конечно, нет единой меры, некоторые мы считаем вполне терпимыми, другие же однозначно подлежащими отсечению (penitus amputanda). Ведь тем, кто вступили во второй брак или сочетались супружеством с вдовами, ни апостольский [авторитет], ни авторитет Закона не позволяет обретать священство: особенно же тому, кто, будучи изблещен в вашем суде, как о том нам доложено, является мужем одновременно двух жен (duarum simul est maritus uxorum), или тому, кто, как выяснилось, будучи разведен с женой, женился на другой. Прочим же, возвышение которых сталкивается лишь с тем упреком, что они были избраны в епископскую должность из мирян,

²⁷ Рукописная традиция этого послания несколько запутана: видимо, оно является контаминацией двух подлинных текстов. См. о нем: [Migne, 1846, col. 639–646; Hoskin, 2022, р. 411–412]. См. тж. о церковно-политических обстоятельствах написания этого письма: [Lepellet, 1967, р. 189–204].

и не могут быть обвинены в том, что имеют жен, мы позволяем сохранять принятое священство, не погрешая (*non praejudicantes*) против постановлений (*statutis*) апостольского престола и не ниспровергая правила блаженных отцов, которые здраво (*salubriter*) постановили, чтобы никто из мирян с опорой на какие бы то ни было голоса (*quibuslibet suffragiis suffultus*) не вступал ни на первую, ни на вторую, ни на третью ступень (*gradum*) в Церкви, покуда не достигнет этого достоинства посредством законных повышений (*per legitima augmenta*). Ведь то, что мы сейчас считаем вполне простительным (*veniale*), впоследствии не сможет оставаться неотомщенным, если кто-нибудь присвоит то, что мы всецело воспрещаем (*omnino interdicimus*), поскольку отпущение греха не дает позволения [совершать] преступление, и то, что в силу некоего соображения может быть уступлено, нельзя впредь совершать безнаказанно» [Migne, 1846, Leonis ep. 12, cap. V, col. 651–653].

Итак, данное высказывание Льва целиком отражает его позицию в деле Хелидония: когда последний был оправдан в отношении женитьбы на вдове, Лев счел возможным закрыть глаза на поставление его во епископа из светского звания и, очевидно, без прохождения необходимого срока покаяния и служения в низших церковных чинах – то, что в случае Хелидония это так и было, приведенное выше письмо косвенным образом подтверждает. В своем рассуждении перед мавританскими епископами он вынужден сделать оговорку, что при таком подходе он не «погрешает против постановлений апостольского престола и не ниспровергает правила блаженных отцов», однако заявляет, что будет строго относиться к подобному проступку когда-то потом.

Заключение

К периоду, предшествующему понтификату Льва Великого (440–461), у нас есть многочисленные примеры запрета как со стороны апостольских канонов, так и церковных Соборов, второбрачия духовенства и поставления в клир мирян, уволившихся с императорской или муниципальной службы. Практически все предшественники Льва на римской кафедре подтверждали приверженность этим правилам в своих многочисленных посланиях разным лицам и Церквям. Запрет на второбрачие подтвердил и сам Лев до начала конфликта с Иларию Арелатским из-за дела Хелидония. Между тем, у нас нет никаких сохранившихся свидетельств о том, чтобы Римский собор принимал решения относительно смещения лиц, совершивших указанные проступки. Дело Хелидония оказывается первым таким случаем, и мы можем наблюдать, что папа Лев отходит от канонических норм, верность которым твердо декларировали его предшественники.

«Житие» Илария, составленное Гоноратом Массилийским, указывает, что Хелидоний был низложен не только за второбрачие, но и за поставление во епископа из мирского состояния. Это обвинение не находит себе подтверждения в письме папы Льва к южно-галльским епископам: Лев оправдывает Хелидония от обвинения в женитьбе на второбрачной на основании свидетельств последнего, однако ничего не говорит о его поставлении из мирского звания. Это обстоятельство можно было бы использовать в качестве аргумента против сведений «Жития» Илария, однако мы обнаруживаем важное косвенное свидетельство в пользу того, что Лев действительно пренебрег этим обвинением, однако был вынужден оправдывать свое деяние в послании, написанном африканским епископам почти через год после конфликта с Иларию.

Тем самым подтверждается правота сведений Гонората Массилийского. С другой стороны, обнаруживается свидетельство о том, что казус Хелидония оказался достаточно известным, коль скоро более чем год спустя после конфликта с Иларию Лев в своих отношениях с отдаленной провинцией был вынужден придерживаться своего ангажированного решения, возводя его в некий принцип, пусть со строго канонической точки зрения и весьма шаткий. Данный казус также ярко иллюстрирует практику канонического правоприменения в Римской Церкви этого периода, которую на его основе можно квалифицировать как довольно непоследовательную.

Список литературы

- Анашкин А.В. 2024. Послание папы Льва Великого к епископам Вьеннской провинции. В: *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*. Вып. 120: 147–162.
- Зайцев Д. (пер.) 2004. Гонорат Массилийский. Житие святого Илария, епископа Арелатского. В: Фокин А.Р. (ред.) *Арелатские проповедники V–VI вв.: сборник исследований и переводов*. Москва, Имперіум Пресс: 92–127.
- Малицкий Н. 1903. Борьба Галльской Церкви против пап за независимость. Опыт церковно-исторического исследования из эпохи IV–V вв. Москва, Печатня А.И. Снегиревой, XI+224.
- Caspar E. 1930. *Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft*, Bd. 1. Tübingen, Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), XV+ 633.
- Cavallin S., Jacob P.-A. (eds.). 1995. Honorat de Marseille. La Vie d'Hilaire d'Arles [Sources chrétiennes, 404]. Paris: Les éditions du Cerf, 182.
- Gaudemet J. 1958. L'église dans l'empire romain (IVe–Ve siècles). Paris, Sirey, XIII+818.
- Heijmans M. 2004. Arles durant l'Antiquité tardive. De la duplex Arelas à l'urbs Genesii [Publications de l'École française de Rome, 324]. Rome, École Française de Rome, XII+446.
- Heinzelmann M. 2002. The 'Affair' of Hilary of Arles (445) and Gallo-Roman Identity in the Fifth Century. In: Drinkwater J., Elton H. (eds). *Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity?* Cambridge, Cambridge University Press: 239–251.
- Hess H. 2002. The Early Development of Canon Law and the Council of Serdica. Oxford, Oxford University Press, xii+279.
- Hoskin M.J.J. 2022. The Manuscripts of Leo the Great's Letters. The Transmission and Reception of Papal Documents in Late Antiquity and the Middle Ages [Instrumenta Patristica et Mediaevalia. Research on the Inheritance of Early and Medieval Christianity; 83]. Turnhout, Brepols, 516.
- Jalland T. 1941. The Life and Times of St. Leo the Great. London; New York: The Macmillan Company, viii+542.
- Langgärtner G. 1964. Die Gallienpolitik der Päpste im 5. und 6. Jahrhundert. Eine Studie über den apostolischen Vikariat von Arles [Theophaneia. Beiträge zur Religions- und Kirchengeschichte des Altertums]. Bonn: Peter Hanstein Verlag, 198.
- Lepelley C. 1967. Saint Léon le Grand et l'église Maurétannienne: primauté romaine et autonomie africaine au Ve siècle. In: *Les Cahiers de Tunisie*. T. 15: 189–204.
- Martine F. (ed.). 1968. Vita s. Romani. In: *Vie des pères du Jura* [Sources chrétiennes, 142]. Paris: Éditions du Cerf, 534.
- Mathisen R.W. 1989. Ecclesiastical Factionalism and Religious Controversy in Fifth-Century Gaul. Washington: The Catholic University of America Press, XX+347.
- Metzger M. (ed.). 1987. Les constitutions apostoliques [Sources chrétiennes, 336]. T. 3. Livres VII–VIII. Paris, Les éditions du Cerf, 360.
- Migne J.-P. (ed.). 1845. Sancti Innocentii papae Epistulae et decretal [Patrologiae cursus completus. Series Latina, 20]. Parisiis: 463–638.
- Migne J.-P. (ed.). 1845. Sancti Siricii papae epistolae et decreta [Patrologiae cursus completus. Series Latina, 13]. Paris: 1131–1196.
- Migne J.-P. (ed.). 1845. Sancti Zosimi papae Epistulae et decreta [Patrologiae cursus completus. Series Latina, 20]. Parisiis: 639–704.
- Migne J.-P. (ed.). 1846. Sancti Leonis Magni Romani pontificis operum genuinorum pars altera, continens S. Patris epistolas [Patrologiae cursus completus. Series Latina, 54]. Parisiis: 551–1218.
- Migne J.-P. (ed.). 1865. Sancti Coelestini papae Epistulae et decreta [Patrologiae cursus completus. Series Latina, 50]. Parisiis: 417–566.
- Mommsen Th., Meyer P.M. (eds). 1905. Novella XVII Theodosii et Valentiniani. A. 445 Iul. 8. De episcoporum ordinatione. In: *Leges novellae ad Theodosianum pertinentes*. Berolini, Apud Weidemannos: 101–103.
- Munier C. (ed.). 1963. Concilia Galliae a. 314 – a. 506 [Corpus Christianorum. Series Latina, 148]. Turnhout, Brepols, XI+282.
- Munier C. (ed.). 1974. Concilia Africae. A. 345 – A. 525. Turnhout, Brepols, XXXVIII+425.
- Pietri L., Heijmans M. (eds). 2013. Prosopographie de la Gaule chrétienne (314–614) [Prosopographie chrétienne du Bas-Empire, 4]. Vol. 1. Paris, Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 1031.

Prinz F. 1965. Frühes Mönchtum im Frankenreich: Kultur und Gesellschaft in Gallien am Beispiel der monastischen Entwicklung (4–8. Jahrhundert). München, Wien, R. Oldenbourg Verlag, 633.

References

- Anashkin A.V. 2024. Poslanie papy L'va Velikogo k episkopam V'ennskoj provincii [Epistle of Pope Leo the Great to Bishops of *Provincia Viennensis*]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istorii. Istorii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. Vol. 120: 147–162.
- Zajcev D. (transl.) 2004. Honorat Massilijskij. Zhitie sv'atogo Ilariya, episkopa Arelatskogo [Honoratus of Marseille. The Life of Hilary, the Bishop of Arles]. In: Fokin A.R. (ed.) *Arelate Preachers of the 8th–6th Centuries: A Collection of Studies and Translations*. Moscow, Imperium Press: 92–127.
- Malickij N. 1903. Bor'ba Gall'skoj Cerkvi protiv pap za nezavisimost'. Opyt cerkovno-istoricheskogo issledovaniya iz epohi IV–V vv [The Struggle of the Gallic Church against the Popes for Independence. An Experience of Church-Historical Research from the Era of the 4th–5th Centuries]. Moscow, Pechatnya A.I. Snegirevoj, XI+224.
- Caspar E. 1930. Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft, Bd. 1. Tübingen, Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), XV+ 633.
- Cavallin S., Jacob P.-A. (eds.). 1995. Honorat de Marseille. La Vie d'Hilaire d'Arles [Sources chrétiennes, 404]. Paris: Les éditions du Cerf, 182.
- Gaudemet J. 1958. L'église dans l'empire romain (IVe–Ve siècles). Paris, Sirey, XIII+818.
- Heijmans M. 2004. Arles durant l'Antiquité tardive. De la duplex Arelas à l'urbs Genesii [Publications de l'École française de Rome, 324]. Rome, École Française de Rome, XII+446.
- Heinzelmann M. 2002. The 'Affair' of Hilary of Arles (445) and Gallo-Roman Identity in the Fifth Century. In: Drinkwater J., Elton H. (eds). *Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity?* Cambridge, Cambridge University Press: 239–251.
- Hess H. 2002. The Early Development of Canon Law and the Council of Serdica. Oxford, Oxford University Press, xii+279.
- Hoskin M.J.J. 2022. The Manuscripts of Leo the Great's Letters. The Transmission and Reception of Papal Documents in Late Antiquity and the Middle Ages [Instrumenta Patristica et Mediaevalia. Research on the Inheritance of Early and Medieval Christianity; 83]. Turnhout, Brepols, 516.
- Jalland T. 1941. The Life and Times of St. Leo the Great. London; New York: The Macmillan Company, viii+542.
- Langgärtner G. 1964. Die Gallienpolitik der Päpste im 5. und 6. Jahrhundert. Eine Studie über den apostolischen Vikariat von Arles [Theophaneia. Beiträge zur Religions- und Kirchengeschichte des Altertums]. Bonn: Peter Hanstein Verlag, 198.
- Lepelley C. 1967. Saint Léon le Grand et l'église Maurétanienne: primauté romaine et autonomie africaine au Ve siècle. In: *Les Cahiers de Tunisie*. T. 15: 189–204.
- Martine F. (ed.). 1968. Vita s. Romani. In: *Vie des pères du Jura* [Sources chrétiennes, 142]. Paris: Éditions du Cerf, 534.
- Mathisen R.W. 1989. Ecclesiastical Factionalism and Religious Controversy in Fifth-Century Gaul. Washington: The Catholic University of America Press, XX+347.
- Metzger M. (ed.). 1987. Les constitutions apostoliques [Sources chrétiennes, 336]. T. 3. Livres VII–VIII. Paris, Les éditions du Cerf, 360.
- Migne J.-P. (ed.). 1845. Sancti Innocentii papae Epistulae et decretal [Patrologiae cursus completus. Series Latina, 20]. Parisiis: 463–638.
- Migne J.-P. (ed.). 1845. Sancti Siricii papae epistolae et decreta [Patrologiae cursus completus. Series Latina, 13]. Paris: 1131–1196.
- Migne J.-P. (ed.). 1845. Sancti Zosimi papae Epistulae et decreta [Patrologiae cursus completus. Series Latina, 20]. Parisiis: 639–704.
- Migne J.-P. (ed.). 1846. Sancti Leonis Magni Romani pontificis operum genuinorum pars altera, continens S. Patris epistolas [Patrologiae cursus completus. Series Latina, 54]. Parisiis: 551–1218.
- Migne J.-P. (ed.). 1865. Sancti Coelestini papae Epistulae et decreta [Patrologiae cursus completus. Series Latina, 50]. Parisiis: 417–566.
- Mommsen Th., Meyer P.M. (eds). 1905. Novella XVII Theodosii et Valentiniani. A. 445 Iul. 8. De episcoporum ordinatione. In: *Leges novellae ad Theodosianum pertinentes*. Berolini, Apud Weidemannos: 101–103.

- Munier C. (ed.). 1963. *Concilia Galliae a. 314 – a. 506* [Corpus Christianorum. Series Latina, 148]. Turnhout, Brepols, XI+282.
- Munier C. (ed.). 1974. *Concilia Africae. A. 345 – A. 525*. Turnhout, Brepols, XXXVIII+425.
- Pietri L., Heijmans M. (eds). 2013. *Prosopographie de la Gaule chrétienne (314–614)* [Prosopographie chrétienne du Bas-Empire, 4]. Vol. 1. Paris, Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 1031.
- Prinz F. 1965. *Frühes Mönchtum im Frankenreich: Kultur und Gesellschaft in Gallien am Beispiel der monastischen Entwicklung (4–8. Jahrhundert)*. München, Wien, R. Oldenbourg Verlag, 633.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.04.2026

Received 14.04.2026

Поступила после рецензирования 12.07.2026

Revised 12.07.2026

Принята к публикации 14.07.2026

Accepted 14.07.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Грацианский Михаил Вячеславович, доктор исторических наук, заместитель директора НИИ Истории и археологии Византии и Причерноморья, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

Mikhail V. Gratsianskiy, Doctor of Sciences in History, Deputy Director, Research Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

 [ORCID: 0000-0002-6981-3216](https://orcid.org/0000-0002-6981-3216)

УДК 94(497.2):930.85

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-565-574

EDN EDNAND

Оригинальное исследование

«Русские дни» в Болгарии и открытие памятника Царю-освободителю в Софии

Гусев Н.С.

Институт славяноведения РАН,
Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
E-mail: gusevns@inslav.ru

Аннотация. Исследование посвящено открытию памятника царю-освободителю Александру II в Софии в 1907 г. как важному событию в истории российско-болгарских отношений начала XX в. На основе дипломатической переписки, документов военного ведомства и периодической печати реконструируются подготовка и ход торжеств, анализируются их политические цели и восприятие современниками. Показано, что церемонии являлись не только актом сохранения исторической памяти об Освободительной войне 1877–1878 гг., но и инструментом внешнеполитической и внутривластной стратегии болгарского руководства, а также средством укрепления российского влияния на Балканах. Сделан вывод о двойственной природе юбилейных торжеств, сочетавших искреннюю общественную благодарность России с прагматическим использованием мемориальной политики в интересах обеих сторон.

Ключевые слова: памятник Александру II, Болгария, российско-болгарские отношения, историческая память, политика памяти, Русско-турецкая война 1877–1878 гг., князь Фердинанд I, дипломатия, символическая политика, Балканы

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Гусев Н.С. 2026. «Русские дни» в Болгарии и открытие памятника Царю-освободителю в Софии. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 565–574. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-565-574. EDN: EDNAND

The "Russian Days" in Bulgaria and the Unveiling of the Monument to Tsar Liberator Alexander II in Sofia

Nikita S. Gusev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
32A Leninsky Ave., Moscow 119334, Russia
E-mail: gusevns@inslav.ru

Abstract. The article examines the unveiling of the Monument to Tsar Liberator Alexander II in Sofia in 1907 as a landmark event in Russian–Bulgarian relations in the early twentieth century. Based on previously unpublished archival documents, diplomatic correspondence, military records, and contemporary newspapers, it reconstructs the preparation, programme, and political context of the celebrations. Particular attention is paid to the interaction between official commemorative practices and popular expressions of gratitude toward Russia, as well as to the Bulgarian government's domestic and international objectives. The article argues that the ceremonies went beyond commemorating the Russo-Turkish War of 1877–1878 and became an instrument of symbolic diplomacy and historical memory, intended to reinforce bilateral relations and strengthen Russia's political influence in the Balkans. The findings reveal the dual character of the celebrations, combining genuine public sentiment with the strategic use of commemorative politics by both states.

Keywords: Monument to Alexander II, Bulgaria, Russian-Bulgarian relations, historical memory, memory politics, Russo-Turkish War of 1877–1878, Prince Ferdinand I, diplomacy, symbolic politics, Balkans

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Gusev N.S. 2026. The "Russian Days" in Bulgaria and the Unveiling of the Monument to Tsar Liberator Alexander II in Sofia. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 565–574 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-565-574. EDN: EDNAND

Введение

Уже более ста лет одним из символов болгарской столицы остается памятник царю-освободителю Александру II, возвышающийся в центре города, неподалеку от университета, напротив здания парламента. Инициатором его создания стал участник национально-освободительной борьбы С. Заимов, возглавивший созданный в 1899 г. Комитет «Царь-Освободитель Александр II». В условиях стремления Софии заручиться поддержкой России комитет собрал значительные пожертвования; в 1901 г., в 25-ю годовщину Апрельского восстания, положившего начало освобождению Болгарии, заложили первый камень монумента. Он был готов к осени 1904 г., однако его торжественное открытие отложили из-за русско-японской войны, а затем – из-за охватившей Россию революции. Оставшееся время и средства комитет направил на обустройство мемориалов в Плевне и ее окрестностях [Георгиева, 2021, с. 283–285, 295].

К 1907 г. положение в России относительно стабилизировалось, и одновременно приближался юбилей начала русско-турецкой войны. Однако завершить все приготовления непосредственно к этой дате не успевали, и лишь 22 марта появилась информация о том, что открытие памятника назначено на 30 августа²⁸. 8 июня болгарский министр иностранных дел С. Паприков официально сообщил своему российскому коллеге А.П. Извольскому о желании болгарского князя реализовать данное при посещении Петербурга в 1902 г. обещание и пригласить великого князя Владимира Александровича на церемонию. 28 июня последовало императорское согласие на участие великого князя в торжествах²⁹.

В июле и августе 1907 г. шло формирование программы мероприятий. Фердинанд I в беседе с российским дипломатическим агентом Д.К. Сементовским-Курило сообщил, что в соответствии с желанием Владимира Александровича не намерен обременять его «излишними церемониями». Потому он считал необходимым определить точно лишь программу мероприятий в Софии, оставив остальные детали решать на месте³⁰. 20 августа программа была получена, и в ней действительно было детализировано пребывание лишь до отъезда из Софии в Плевну 1 или 2 сентября с последующим посещением полей сражений³¹.

Параллельно военное министерство подготовило список высших офицеров, нуждавшихся в выездных документах, однако МИД исключил из него генералов С.Ф. Добротина, В.Ф. Бауфала и А.П. Струкова³². Тем не менее уже 18 августа все трое были включены в утвержденный императором список командированных генералов и впоследствии участвовали в торжествах. Всего планировалось направить 21 офицера и 21 нижнего чина³³, представлявших 34 воинские части, участвовавшие в русско-турецкой войне³⁴. 21 августа болгары через Извольского пригласили Н.П. Игнатьева и А.Н. Куропаткина³⁵. Но ни тот, ни другой по каким-то причинам в Болгарию не поехал.

Мероприятие вписывалось в ряд прикладных процессов. В Болгарии надеялись продемонстрировать России и миру успехи, достигнутые на ниве модернизации и развития государственности. Как писала газета правящей партии «Нов век», доказать своим развитием, что заслуживала тех жертв и милосердия, которые проявил русский народ. [«При общо...»,

²⁸ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 45.

²⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 2232. Л. 7–11.

³⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 97 об.

³¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 652. Оп. 1. Д. 314. Л. 1–2.

³² АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2232. Л. 43–43 об.

³³ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 192. Л. 3–3 об.

³⁴ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 191. Л. 2–4.

³⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2232. Л. 71.

1907]. В то же время формально страна оставалась вассалом Османской империи, и многие ждали, что при праздновании юбилея правления Фердинанда I в начале августа 1907 г. будет объявлено о суверенном статусе страны. Представители великих держав в Софии заранее заявили о недопустимости этого шага [Дяконова, 1999, с. 47–49], но, видимо, решающую роль сыграло отрицательное мнение австро-венгерского императора Франца Иосифа [Goosch et al., 1928, p. 356]. Возможно, Фердинанд рассчитывал провозгласить независимость без признания великих держав, рассчитывая, что участие России в открытии памятника Александру II фактически легитимирует новый статус Болгарии. Однако доказательств этой версии пока нет.

К 1907 г. Россия вновь активизировала балканскую политику на фоне усиления русско-австрийского соперничества. Незадолго до софийских торжеств русско-английский протокол завершил формирование двух европейских блоков. В Петербурге Фердинанду не доверяли, подозревая его в проавстрийских симпатиях, поэтому торжества должны были продемонстрировать лояльность Софии России.

Известную двусмысленность предстоящим торжествам придавал и внутривнутриполитический контекст. В тот момент у власти находилась Народно-либеральная партия (НЛП), также именуемая по фамилии своего основателя стамболовской. Традиционно считавшаяся русофобской, она неоднозначно воспринималась как организатор торжеств, посвященных благодарности России. Фердинанд даже пытался убедить лидеров оппозиции воздержаться от сведения политических счетов, однако те и сами решили не омрачать праздника³⁶. Стамболовисты в стремлении угодить монарху должны были учитывать и следующий фактор. Несмотря на блеск празднования упомянутого юбилея правления Фердинанда, торжеству, как выразился российский дипломатический агент³⁷ Д.К. Сементовский-Курило, не дали «внушительной картины выражения народных восторгов». Поэтому для НЛП было важно провести предстоящее празднество так, чтобы проявления народной симпатии к России не выглядели более впечатляющими, чем выражение лояльности князю³⁸.

В связи с этим в тайне держались сведения о визите российской делегации, скрывалась программа торжеств. Формально мотивировалось такое решение соображениями безопасности и желанием Владимира Александровича избежать лишних торжеств³⁹. Российский военный агент М.Н. Леонтьев отмечал, что во время пребывания русских гостей в Болгарии власти стремились не допускать к ним широкие народные массы, хотя от имени народа произносились восторженные речи. По его мнению, стамболовисты тем самым укрепляли собственную власть, выступая от имени всех болгар, и, одновременно учитывая изменение политической конъюнктуры, стремились избавиться от репутации русофобов. Лидер партии Н. Генадиев настолько усердно произносил благодарственные речи, что мог производить впечатление убежденного сторонника России⁴⁰. Отразились названные факторы и на тоне стамболовской партийной печати, где подчеркивалось, что торжества – самый подходящий случай выразить любовь и благодарность болгар к России, их надежды на помощь в реализации национальных вожелений [«Надеждите...», 1907]. В итоге внешнее благолепие имело и оборотную сторону, хотя она была заметна далеко не всем.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются общественно-политические и мемориальные практики, связанные с подготовкой и проведением в Софии в 1907 г. торжеств по случаю

³⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 189 об. – 190. Но в печати полемика все же была довольно острой [«Във всичко...», 1907].

³⁷ Поскольку Болгария не являлась суверенным государством, то иностранный представитель имел статус дипломатического агента. В целях удобства чтения в статье этот ранг используется наряду с рангом посланника.

³⁸ Примечательно, что в «Речи» вышла статья, аналогичная по смыслу и близкая к тексту донесения российского дипломата, что может говорить в пользу связи издания с МИД [Болгарские торжества, 1907].

³⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 191–192 об.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 51–51 об., 54.

открытия памятника Царю-освободителю Александру II, а также их место в российско-болгарских отношениях начала XX в. В основе работы – принципы историзма и конкретно-исторического анализа, историко-генетический, сравнительный и источниковедческий методы. Источниковую базу составили материалы из российских архивов (ГА РФ, АВПРИ, РГВИА, РГИА), российской и болгарской периодической печати. Сопоставление различных источников позволило продемонстрировать различия между официальными оценками, секретными донесениями российских представителей, публикациями в прессе. Все это позволило реализовать цель исследования – рассмотреть торжества не только как церемонию, но и как проявление символической политики, в которой историческая память использовалась для решения внешнеполитических и внутриполитических задач.

Результаты и их обсуждение

23 августа ⁴¹ Великий князь с женой и сыном Андреем отправился в Болгарию по железной дороге через Румынию ⁴², тогда как остальные участники поездки следовали на пароходе «Эриклик» и судах сопровождения из Одессы до Варны ⁴³. Для обхода карантинных ограничений, введенных в связи с холерой, болгарская сторона заранее направила доктора Чавова ⁴⁴.

В румынском Оршове Владимир Александрович пересел на пароход и по Дунаю проследовал до Сомовита, где его встретил князь Фердинанд со свитой, а также российские дипломатический и военный агенты. Оттуда они специальным поездом направились в Софию. После торжественной встречи на вокзале августейшие гости проследовали во дворец. Военная часть делегации из-за бури на Черном море прибыла из Варны экстренным поездом лишь утром 29 августа. Днем состоялась аудиенция у болгарского князя, а вечером – торжественный обед ⁴⁵. По сообщениям корреспондентов, весь город ждал торжество: «Настроение восторженное, все злобы дня забыты, и только одна мысль, одно чувство охватило всех болгар, которые славят и величают Россию» [Телеграммы, 1907а].

30 августа состоялось открытие памятника. Вход в здание Народного собрания, лицом к которому обращена статуя, был оформлен как ложа для монарших особ, полукругом у монумента разместили трибуны, а вдоль бульвара Царя-Освободителя, от дворца до Орлова моста, выстроились войска. Однако, как заметил один из журналистов, «народ был отделен от торжества линей войск и кулаками полиции, уставшими в этот день от работы» [Гиляровский, 1907с]. Потому глядеющая публика заполнила близлежащие улицы, расположилась на крышах домов и на лесах строящегося храма св. Александра Невского. По прибытии Фердинанда с Владимиром Александровичем был отслужен молебен, после которого болгарский князь произнес речь ⁴⁶ с искренностью, «столь редкою в его устах», как выразился военный агент ⁴⁷. Фердинанд подчеркнул альтруистичность подвига русского народа и благодарность народа болгарского, завершив выступление патетическим пожеланием: «Пусть памятник этот пребудет на веки, напоминая грядущим поколениям о великом подвиге Царя-Освободителя» ⁴⁸.

С этими словами пало полотно и монумент предстал перед публикой. Владимир Александрович произнес ответную речь, последовало возложение венков, после чего

⁴¹ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 379. Л. 4.

⁴² Румынский монарх приглашал его погостить, но еще в июне выяснилось, что в это время Карл I будет находиться в Швейцарии и Германии (АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2232. Л. 4, 11).

⁴³ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 192. Л. 4.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2232. Л. 70.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 150 об. – 153 об. Видимо, на нем случился инцидент, позднее описанный Андреем Владимировичем. Тот нарушил запрет князя Фердинанда без сопровождения болгарских офицеров выходить из дворца, и болгарский правитель долго жаловался на его непослушание матери великого князя. Тот в отместку надел на торжественный обед турецкий орден и заявил, что так выражает свое уважение к верховному покровителю Болгарии [Андрей Владимирович, 2016, с. 194–195].

⁴⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 154–155.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 54.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 168.

скульптор А. Цокки показал высоким гостям памятник вблизи. Затем же состоялся парад, который открывали участники болгарского ополчения, несшие легендарное Самарское знамя. После него августейшие гости отбыли во дворец.

Продолжением праздника должна была стать манифестация, организованная софийскими торговцами и ремесленниками. Несмотря на ранее выданное разрешение, власти запретили ее, сославшись на нежелание вел. кн. Владимира Александровича допускать подобные демонстрации. Узнав об этом от организаторов, Сементовский-Курило дал понять болгарскому министру иностранных дел, что высокий гость едва ли одобрит действия, предпринимаемые от его имени. Министр объяснил ситуацию кознями и слухами оппозиции, однако уже на следующий день полиция разрешила манифестацию ⁴⁹.

В итоге грандиозное по численности мероприятие состоялось около пяти вечера. С пением «Боже, Царя храни» манифестанты подошли к зданию княжеского дворца, Владимир Александрович вышел к собравшимся, они целовали ему руки и высказывали наилучшие пожелания ⁵⁰, прозвучали и просьбы помочь с решением македонского вопроса ⁵¹.

После толпа устроила овацию перед зданием Военного собрания, на балкон которого вышли русские генералы, а затем и перед российским дипломатическим агентством. Вечером состоялся обед на 150 персон ⁵². Подводя итоги дня, газета «Новое время», никогда не отличавшаяся любовью к болгарам, констатировала, что торжества и проявления чувств народа свидетельствуют: «Болгария оказалась поистине достойной тех жертв» [Телеграммы, 1907b]. Кадетская «Речь» же назвала произошедшее «последним доказательством полного примирения России с Болгарией, окончательного забвения ею всех прошлых недоразумений» [Болгарские торжества, 1907].

Следующий день болгарский князь с августейшими гостями провели в загородном Вранском дворце, вечером провели смотр Софийского гарнизона, сопровождавшийся фейерверком и торжественным ужином ⁵³. Ветераны болгарского ополчения пригласили оставшихся в Софии генералов на обед, однако из-за ложного сообщения о приеме у военного министра прибыли лишь Н.Г. Столетов и П.Д. Паренсов. Их проезд по городу вызвал стихийную манифестацию. Лидер стамболовистов Н. Генадиев поначалу даже хотел сесть в машину к Столетову, чтобы часть народного воодушевления оказалась обращена к нему, но был вынужден уступить место Паренсову. Обед изобиловал речами и выражением чувств, от радости «кругом все плакали» [Телеграммы, 1907c], и закончился тем, что огромная толпа пустилась в народный танец хоро ⁵⁴. В тот же вечер в обществе «Славянская беседа» состоялся бал в честь Владимира Александровича, избранного его почетным членом ⁵⁵.

1 сентября в Софии состоялась массовая демонстрация в поддержку болгар Македонии, остававшихся под турецкой властью. Однако встретиться с Владимиром Александровичем демонстрантам не удалось, поскольку его экипаж объехал место манифестации ⁵⁶.

Этот день августейшие особы провели в путешествии по окрестностям Софии. Вечером пришло известие о смерти брата князя Фердинанда, вследствие чего российский посланник даже

⁴⁹ Там же. Л. 193–194 об.

⁵⁰ Там же. Л. 156.

⁵¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 54; Вътрешна хроника, 1907а.

⁵² АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 157–157 об. Заранее российский МИД запросил у болгарского правительства текст речей, планируемых к произнесению князем Фердинандом. В предназначенной для торжественного обеда Сементовский-Курило обратил внимание на необходимость исключить из текста упоминание о том, что Россия, расширяясь на юг, «угрожала могуществу Османов» (АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2232. Л. 67; ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 314. Л. 3). Впрочем, итоговый вариант радикально отличался от того, что был прислан 21 августа.

⁵³ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 158–159.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 56.

⁵⁵ Надо отметить, что его в ходе визита приняли также в Славянское благотворительное общество (ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 30) и другие объединения. В том числе в Общество пчеловодов, незадолго до того на съезде принявшее торжественную резолюцию, где русского царя сравнивали с маткой, «около которой группируются пчелы – отдельные славянские народы» (ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 34. Л. 1).

⁵⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 56 об.

хотел отменить торжественный прием в миссии. Однако сам болгарский монарх попросил не омрачать торжеств и придерживаться намеченной программы. В итоге прошел масштабный прием, который Владимир Александрович с семьей покинул только в исходе первого часа ночи.

На следующий день состоялась торжественная закладка посольского храма, в ней приняли участие гости из России, князь Фердинанд с сыновьями, высшие военные и гражданские чины Болгарии, дипломатические представители Румынии, Греции и Сербии⁵⁷. В краеугольный камень поместили фарфоровый сосуд с актом о закладке, экземплярами столичных газет, присутствовавшие опустили в него монеты. Владимир Александрович, его супруга и сын, а также князь Фердинанд заложили мраморные кирпичи со своими вензелями [Хроника, 1907].

Позже Владимир Александрович принял македонскую депутацию, причем, по словам журналистов, услышав о бедственном положении болгар в Македонии, он заплакал [Телеграммы, 1907d]⁵⁸. Вечером вместе с семьей и хозяином торжеств он отправился в Плевну. А уже спустя несколько дней газеты разразились сенсацией – во время софийских торжеств готовилось покушение на великого князя. Как установил В.А. Гиляровский, источником сведений был некий К-в, в котором с легкостью угадывается активный организатор торжеств Г. Капчев. Якобы австрийская подданная В., содержательница кухмистерской, сообщила ему о двух неизвестных, предложивших ей золото за доставку в российское дипломатическое агентство часов-будильника. Полиция задержала госпожу В. и возила ее вместе с участниками торжеств, рассчитывая поймать злоумышленников с поличным. Но они так и не объявились. Журналист счел историю выдумкой или следствием психического расстройства В., не исключив, однако, провокации со стороны болгарской или российской полиции [Гиляровский, 1907b].

Последняя это сочла мистификацией, причем организованной ее же сотрудником в Румынии Г.А. Меласом⁵⁹. По мнению российского посланника, за данной историей стояло правительство, пытавшееся оправдать меры по изоляции высоких гостей от народа⁶⁰. А оппозиционная болгарская газета «Пряпорец» указывала на упомянутого Г. Капчева, который по итогу торжеств не получил орденов и решил таким образом испортить праздник [Вътрешна, 1907b].

В целом же в эти дни в столице царило приподнятое настроение. «Приём, оказываемый русским, отличается необыкновенным радушием; всякого русского приветствуют на улицах с большими симпатиями», – рассказывал Гиляровский [Гиляровский, 1907a]. «Энтузиазм народа не поддается описанию. Везде, во всех общественных местах, кофейнях, ресторанах, всюду слышны звуки русского народного гимна», – вторило ему «Новое время» [Телеграммы, 1907c]. Правый публицист М.О. Меньшиков, сопоставляя энтузиазм при открытии памятника в Софии и равнодушие публики к недавнему освящению Храма Спаса-на-Крови, с горечью вопрошал: «Спрашивается, неужели Александр II не наш был царь, а их, болгарский? Неужели для нас он почти ничего не сделал?» [Меньшиков, 1907].

В Плевне, ставшей одним из символов русско-турецкой войны 1877–1878 гг., гостей ждал не менее восторженный прием, вдобавок здесь не держали население на расстоянии, и тротуары были заполнены публикой⁶¹. Русские гости и князь Фердинанд присутствовали на панихиде в еще не завершеном Мавзолее св. Георгия и посетили его костницу. Ее оформление возмутило М.Н. Леонтьева: кости были уложены в форме креста с черепами сверху, что, по его мнению, было рассчитано скорее на внешний эффект. Он рекомендовал установить хотя бы киот с лампадой⁶². Затем гости осмотрели музей Александра II, Скобелевские редуты и парк с братскими могилами, где планировалось установить памятник

⁵⁷ АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. 1907 г. Д. 165. Т. I. Л. 106–106 об.

⁵⁸ Вообще стоит отметить, что, судя по корреспонденции «Нового времени», практически все время торжеств в Софии непрерывно всеми и по каждому поводу лились слезы.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Особый отдел. 1907. Д. 495. Л. 39. При этом еще в Румынии он пытался выдать банки с ваксой за бомбы, подготовленные якобы местными агентами Дашнакцутюн (Там же. Л. 40).

⁶⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 194 об.

⁶¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 75.

⁶² Там же. Л. 73 об.

Скобелеву⁶³. Экскурсию, сопровождавшуюся рассказом о событиях войны, проводил командующий военным округом, в будущем прославленный болгарский и русский генерал Р. Димитриев⁶⁴. После все участники торжеств на двух поездах проследовали в селение Пордим, тогда как августейшие особы остались на завтрак в своем поезде.

Здесь Фердинанд сделал неожиданный жест: после завтрака он провозгласил Владимира Александровича шефом 17-го Доростольского пехотного полка, Андрея Владимировича зачислил в его списки, а Марию Павловну назначил шефом 3-го конного полка. Решение, вопреки протоколу, не было согласовано заранее, и российские представители узнали о нем лишь в Пордима⁶⁵. На их возражения болгарский министр иностранных дел ответил, что назначение якобы стало спонтанной реакцией на похвалы великого князя плевненскому гарнизону. Однако Леонтьев в донесении выразил свои сомнения в этом⁶⁶. В Пордима участники торжеств посетили дома-музеи, связанные с пребыванием Александра II и румынского короля Карла во время осады Плевны. Затем августейшие гости отправились в Тырново, а остальные продолжили маршрут, чтобы на следующий день соединиться в Горни-Студене. Они осмотрели места, связанные с Александром II, посетили в Беле дом, где жил будущий император Александр III, и прибыли в Абланово, где во время войны квартировал Владимир Александрович. Здесь Фердинанд лично наградил его орденом «За храбрость», отметив, что эта награда по праву должна была принадлежать великому князю еще 30 лет назад⁶⁷.

Однако все эти спонтанные жесты в сочетании с дурным качеством проселочных дорог вынудили организаторов внести коррективы в первоначальные планы, отменить торжественное открытие памятника С.М. Романовскому, герцогу Лейхтенбергскому, в с. Йован-Чифтлик и отправиться сразу в Варну⁶⁸. Утром 5 сентября состоялись проводы военной депутации, в которых участвовал и князь Фердинанд. Однако публику на них не допустили, даже местных школьников оставили за оградой в нескольких сотнях шагов. Оправданием этих мер болгарские власти назвали слухи о планах русских революционеров устроить теракт. В итоге прощание прошло казенно, военные отправились на корабле в Одессу, а великокняжеская семья – в летнюю резиденцию болгарского монарха в Эвксинограде⁶⁹.

На следующий день великий князь Андрей Владимирович отправился на открытие памятника герцогу Лейхтенбергскому. Скромный монумент был построен по инициативе и на средства сотрудника русской миссии Н.Н. Дьяченко, освящение состоялось 7 сентября. В нем приняли участие весь состав российской миссии, генерал-майор императорской свиты А.А. Мосолов, болгарский премьер и часть членов кабинета, генерал Р. Димитриев⁷⁰. После Андрей Владимирович отправился в Софию и Восточным экспрессом отбыл в Вену. Провожали его сыновья князя Фердинанда и многочисленная толпа, на этот раз не ограниченная полицией. Как отметил военный агент, «чувствовалось, что в сердцах простых болгар любовь и признательность по адресу России и русских не угасли и не скоро еще угаснут»⁷¹.

Владимир Александрович с супругой и частью свиты в это время оставался в княжеской резиденции. Спустя несколько лет в болгарской прессе появилась фальшивая военная конвенция, якобы заключенная тогда в Эвксинограде Владимиром Александровичем и князем Фердинандом. По ней Болгария передавала России контроль над внешней политикой, отказывалась от национальных идеалов и соглашалась на оккупацию портов. Ее форма и содержание дают сомневаться в ее подложности, но текст до сих пор используется записными

⁶³ Там же. Л. 74. Это тоже возмутило М.Н. Леонтьева, сообщившего устроителям, что над могилами должны стоять крест.

⁶⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 171–174.

⁶⁵ Там же. Л. 174–175.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 75 об. – 76.

⁶⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 176 об. – 177.

⁶⁸ Там же. Л. 178–179.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 77 об. – 78.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 179–181.

⁷¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 79 об.

русофобами [Славейков, 2023; Още една...]. Справедливости ради отметим, что между странами уже существовала тайная военная конвенция, а вскоре начались переговоры о новой, впрочем, не увенчавшиеся успехом [Стателова, 1973].

В действительности гости проводили время в семейной обстановке: ежедневно совершали с князем Фердинандом прогулки на автомобилях и яхте. Перед отъездом они посетили памятник на месте гибели герцога Лейхтенбергского, а затем отправились в Руцук, где состоялись торжественные проводы. В город прибыли все министры с семьями, весь состав российского дипломатического агентства, ветераны-ополченцы и т. д. Под крики и овации толпы, исполнение «Боже, Царя храни» великокняжеская семья на пароходе «Крум» отбыла по Дунаю в сторону Журжево⁷², и 17 сентября вернулась в Петербург⁷³.

Заключение

В целом задуманное было реализовано. Развитие страны отметили и гости, и пресса. «Речь» считала, что «Болгария во многих отношениях догнала, а в некоторых даже перегнала иных из своих соседей и соперников на Балканском полуострове» [Болгария теперь..., 1907], а «Новое время» отмечало радость российских генералов от того, что они теперь приезжали «в землю свободы, с быстрым успехом культурного и материального богатства» [Русско-болгарские..., 1907]. По словам Сементовского-Курило, признание успехов даже подтолкнуло некоторые органы печати к мысли о возможности самостоятельно реализовать национальный идеал – присоединить Македонию⁷⁴.

В то же время официальность мероприятий оставила свой осадок. Недаром уже через полгода российский дипломатический представитель в рассказе о торжествах по случаю 30-летия освобождения страны укажет: «Здесь открыто говорилось, что “в августе 1907 года праздновали князь и его министры, теперь же сам народ справляет свое освобождение Россией”»⁷⁵. В донесении военный агент отмечал, что размах и накал торжеств мог быть сильнее, если бы у власти находились более расположенные к России люди⁷⁶. Впрочем, указывал он, роль событий и так велика для русско-болгарских отношений, и «в нити этих отношений завязался новый узелок»⁷⁷. Российский дипломатический представитель более воодушевленно оценивал результаты «русских дней», как он их характеризовал. По его мнению, они стали доказательством силы культа Александра II в Болгарии, который «составляет ту живую связь между освободителями и освобожденными, которую, как доказал исторический опыт, не могли разрушить ни козни врагов, ни заблуждения болгарских правителей, ни своекорыстные расчеты политических деятелей»⁷⁸. Сементовский-Курило при этом считал необходимым не только сохранение этих чувств в Болгарии, но и их развитие, для чего предложил целую программу действий, должных на основе общей исторической памяти более прочно связать Россию и Болгарию⁷⁹.

Однако реальность оказалась менее радужной. Реализовать программу Сементовского-Курило не получится, через год Болгария провозгласит независимость, синхронизировавшись с объявлением Австро-Венгрией аннексии Боснии и Герцеговины. Это будет расценено в России как предательство, но и это будет прощено Болгарии. При этом примечательно, что

⁷² АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 182–184.

⁷³ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 379. Л. 4. Всего поездка великокняжеской семьи обошлась бюджету в 34 083 рубля, из них более 7,5 тыс. рублей были потрачены на чаевые (Там же. Л. 15, 19).

⁷⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 196–196 об.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2233. Л. 23 об.

⁷⁶ Примечательно, что председатель комитета «Царь-Освободитель» С. Заимов под обещания правительства все возместить лично брал в долг на строительство мемориалов. Однако стамболовисты затягивали реализацию обещаний, и кредиторы обратились в суд, требуя взыскать средства с С. Заимова (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 90, 93 об.).

⁷⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 80 об.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 197.

⁷⁹ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Д. 496. Л. 1–14 об.

свою роль в этом сыграет смерть великого князя Владимира Александровича и приезд Фердинанда I на прощание с ним в Петербург [Гусев, 2026, с. 39–44]. София будет оставаться на орбите российской внешней политики до лета 1913 г., пока не разразится Вторая балканская война. А еще через два года Россия и Болгария станут противниками в Первой мировой войне. Но памятник Царю-Освободителю остался на своем месте и продолжает стоять, несмотря на все зигзаги, которые претерпели русско-болгарские отношения за последние 120 лет.

Список источников

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. МИД. Канцелярия. 1907 г. Д. 165. Т. I. АВПРИ. Ф. Политархив. Дд. 1334, 2232, 2233.
АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Д. 496.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп. 237. Особый отдел. 1907. Д. 495.
ГАРФ. Ф. 652. Владимир Александрович, великий князь. Оп. 1. Дд. 30, 34, 191, 192, 314.
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба. Оп. 1. Д. 762.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 528. Контора двора вел. кн. Марии Павловны Министерства императорского двора. Оп. 1. Д. 379.
Андрей Владимирович. 2018. *Дневники, воспоминания, письма Великого князя Андрея Владимировича, 1898–1917*. Сост. В.М. Хрусталева, В.М. Осин. Отв. ред. В.М. Хрусталева. Москва, ПРОЗАиК: 556 с.
Болгария теперь и двадцать лет назад. 1907. *Речь*. 9 сентября.
Болгарские торжества. 1907. *Речь*. 2 сентября.
«Във всичко дертлии и злобни...». 1907. *Нов век*. 3 септември.
Вътрешна хроника. 1907а. *Пряпорец*. 1 септември.
Вътрешна хроника. 1907б. *Пряпорец*. 6 септември.
Гиляровский В. 1907а. Болгарские торжества. *Голос Москвы*. 30 августа.
Г[иляровский] В. 1907б. О покушении на жизнь великого князя Владимира Александровича. *Голос Москвы*. 12 сентября.
Г[иляровский] В. 1907с. Славянский отдел. София. *Голос Москвы*. 16 сентября.
Меньшиков М. 1907. Две благодарности. *Новое время*. 3 сентября.
Н.Е. 1907. Чествование болгарами памяти Царя-Освободителя. *Русский инвалид*. 13 июля.
«Надеждите, които храниме...». 1907. *Нов век*. 29 август.
«При общо радушие и тържественност...». 1907. *Нов век*. 31 август.
Русско-болгарские торжества. 1907. *Новое время*. 3 сентября.
Телеграммы наших корреспондентов. 1907а. *Новое время*. 30 августа.
Телеграммы наших корреспондентов. 1907б. *Новое время*. 1 сентября.
Телеграммы наших корреспондентов. 1907с. *Новое время*. 2 сентября.
Телеграммы наших корреспондентов. 1907д. *Новое время*. 3 сентября.
Хроника. 1907. *Нов век*. 3 септември.
Gooch et al. 1928. British Documents on the Origins of the War 1898–1914. Vol. 5: *The Near East. The Macedonian Problem and the Annexation of Bosnia. 1903–1909* / ed. by G. P. Gooch et al. London: His Majesty's Stationery Office, 1928.

Список литературы

- Георгиева Т. 2021. Памятник Александру II в Софии – история создания. В: *Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достяна*. Отв. ред. С.И. Данченко. Москва, ИСЛ РАН: 283–298.
Гусев Н.С. 2026. Объявление и признание независимости Болгарии в оценках русской периодической печати (1908–1909). *Славяноведение*. 3: 35–50.
Дяконова Е. 1999. Руските планове за независимост на България (1906–1908). *Исторически преглед*. 5–6: 42–56.

- Още една позакъсняла сензация от края на 1909 година. *Сите българи заедно*. URL: https://sitebulgarizaedno.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1129:im&catid=29:2010-04-24-09-14-13&Itemid=61 [Дата обращения: 09.07.2026].
- Славейков П. 2023. С таен договор с Русия княз Фердинанд предава независимостта ни, преди да я обяви. *Площад Славейков*. 22 септември. URL: <https://www.ploshtadslaveikov.com/s-taen-dogovor-s-rusiya-knyaz-ferdinand-predava-nezavisimostta-ni-predi-da-ya-obyavi/> [Дата обращения: 09.07.2026].
- Стателова Ел. 1973. Руско-български политически отношения 1908–1912. *Исторически преглед*. 2: 3–17.

References

- Georgieva T. 2021. Pamyatnik Aleksandru II v Sofii – istoriya sozdaniya [The Monument to Alexander II in Sofia: The History of Its Creation]. In: *Slavyane i Rossiya. Rossiya: vzglyad na Balkany. XVIII–XXI vv. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya I.S. Dostyan*. Otv. red. S.I. Danchenko. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN: 283–298.
- Gusev N.S. 2026. Ob"yavlenie i priznanie nezavisimosti Bolgarii v otsenkakh russkoy periodicheskoy pechati (1908–1909) [Declaration of Bulgaria's Independence and Its Recognition in the Assessments of the Russian Periodical Press (1908–1909)]. *Slavyanovedenie*. 3: 35–50.
- Dyakonova E. 1999. Ruskite planove za nezavisimost na Balgariya (1906–1908) [Russian Plans for the Independence of Bulgaria (1906–1908)]. *Istoricheski pregleed*. 5–6: 42–56.
- Oshte edna pozakasnyala senzatsiya ot kraia na 1909 godina [Another Belated Sensation from the End of 1909]. *Site balgari zaedno*. Available at: https://sitebulgarizaedno.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1129:im&catid=29:2010-04-24-09-14-13&Itemid=61 (accessed: 09.07.2026).
- Slaveykov P. 2023. S taen dogovor s Rusiya knyaz Ferdinand predava nezavisimostta ni, predi da ya obyavi [By a Secret Treaty with Russia, Prince Ferdinand Surrendered Bulgaria's Independence Before Proclaiming It]. *Ploshtad Slaveykov*. 22 September. Available at: <https://www.ploshtadslaveikov.com/s-taen-dogovor-s-rusiya-knyaz-ferdinand-predava-nezavisimostta-ni-predi-da-ya-obyavi/> (accessed: 09.07.2026).
- Statelova E. 1973. Rusko-balgarski politicheski otnosheniya 1908–1912 [Russian-Bulgarian Political Relations, 1908–1912]. *Istoricheski pregleed*. 2: 3–17.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.07.2026

Received 11.07.2026

Поступила после рецензирования 08.08.2026

Revised 08.08.2026

Принята к публикации 10.08.2026

Accepted 10.08.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гусев Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт славяноведения РАН, г. Москва, Россия

Nikita S. Gusev, Candidate of Sciences in History, Academic Secretary, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9573-7018](https://orcid.org/0000-0002-9573-7018)

УДК 94(47+57):327.82:796

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-575-584

EDN EHOXNW

Оригинальное исследование

Спортивная дипломатия Советского Союза в советско-американских отношениях периода холодной войны

Ермаков Р.О. Томский государственный педагогический университет,
Россия, 634061, г. Томск, ул. Киевская, д. 60E-mail: erema241@gmail.com

Аннотация. В центре исследования – советская спортивная дипломатия как управляемая сфера публичного внешнеполитического присутствия; американская практика используется как сравнительный контекст. По нормативно-финансовым документам, опубликованным источникам и историографии реконструированы межведомственное согласование, материальное обеспечение сборных и практика международных контактов. Спорткомитет готовил и исполнял решения, аппарат ЦК КПСС координировал ведомства, а Совет Министров придавал решениям правовую и финансовую форму. В СССР любительская риторика сочеталась с государственной поддержкой элиты, а в США декларация аполитичности – с использованием спорта во внешней политике. Контакты служили престижному соперничеству и непосредственной коммуникации между обществами. Выявлена двойственная логика спортивной дипломатии.

Ключевые слова: спортивная дипломатия, СССР, США, холодная война, олимпийское движение, шахматная дипломатия, спортивные обмены, народная дипломатия

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Ермаков Р.О. 2026. Спортивная дипломатия Советского Союза в советско-американских отношениях периода холодной войны. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 575–584. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-575-584. EDN: EHOXNW

Soviet Sports Diplomacy in Soviet-American Relations during the Cold War

Roman O. Ermakov Tomsk State Pedagogical University,
60 Kievskaya St., Tomsk 634061, RussiaE-mail: erema241@gmail.com

Abstract. This study places Soviet sports diplomacy at the centre of analysis and treats the United States as a comparative context. It draws on party and government records, financial documents, published primary sources, and research papers. The evidence reveals a multi-level system rather than a fixed administrative chain: the USSR Sports Committee prepared plans and estimates, departments of the CPSU Central Committee assessed their political implications and coordinated the agencies involved, and the Council of Ministers supplied binding legal and financial authority when necessary. The Soviet system combined an official commitment to amateurism with state-supported professionalisation of elite athletes. American practice also displayed a gap between the declared separation of sport from politics and the use of sporting exchanges in foreign relations, although coordination relied more heavily on agreements and formally autonomous organisations. Sports contacts intensified competition for prestige while sustaining direct communication between athletes, officials, and audiences.

Keywords: sports diplomacy, USSR, USA, Cold War, Olympic movement, chess diplomacy, sports exchanges, people's diplomacy

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Ermakov R.O. 2026. Soviet Sports Diplomacy in Soviet-American Relations during the Cold War. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 575–584 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-575-584. EDN: EHOXNW

Введение

Обращение к советско-американским спортивным контактам периода холодной войны позволяет уточнить роль невоенных каналов внешнеполитической коммуникации в истории СССР. В отличие от официальной дипломатии, спорт работал с массовой аудиторией и соединял престижное соперничество с демонстрацией образа государства за рубежом.

Понятие публичной дипломатии остаётся дискуссионным: его соотносят с пропагандой, национальным брендингом и политической коммуникацией [Бююн, 2023, с. 252–273]. В настоящей статье термин используется функционально: не как советское самоназвание, а как аналитическая категория для описания практик воздействия на зарубежные аудитории через спорт, обмены и символические формы присутствия.

Одним из таких направлений стала спортивная дипломатия [Osgood, 2006]. О ней активно пишут с 1970-х гг.; в последние десятилетия понятие получило системное теоретическое обоснование [Ван Чэнхуэй, 2024, с. 61–68]. С. Мюррей и А. Пигман определяют спортивную дипломатию как деятельность связанных со спортом акторов, действующих от имени правительства или совместно с ним для формирования образа государства [Murraу, Pigman, 2014, p. 1098–1118].

В историографии сложилось несколько подходов. Л. Эллисон и Т. Морнингтон подчёркивают производный характер влияния спорта на международную политику [Allison, Mornington, 2005, p. 5]; Н.Ю. Мельникова описывает советскую спортивную дипломатию через самостоятельные направления [Мельникова, 2020, с. 95–98]. А.О. Наумов акцентирует её пропагандистскую функцию [Наумов, 2017, с. 32–43], а коллективная монография под редакцией О.С. Нагорной включает спорт в систему советской культурной дипломатии [Нагорная и др., 2018].

Современная литература подробно раскрывает идеологические, культурные и социальные контексты советского спорта [Куприянов и др., 2023]. Менее изученными остаются нормативно-финансовая основа и механизм межведомственного согласования спортивной дипломатии. Документы РГАНИ позволяют рассмотреть её не как набор эпизодов, а как устойчивую институциональную практику.

Объект и методы исследования

Объект исследования – советско-американские спортивные контакты периода холодной войны как часть публичной внешнеполитической коммуникации. Предмет – институциональные механизмы, нормативно-финансовая основа и протольно-символические практики советской спортивной дипломатии. Цель работы – выявить, как международный спорт включался в систему внешней репрезентации СССР. Анализ опирается на документы РГАНИ, опубликованные нормативные материалы, периодику, документы Госдепартамента США, материалы ЦРУ и современную историографию.

Методологическую основу составляют историко-генетический и историко-сравнительный методы, анализ периодической печати и источниковедческая критика опубликованных архивных документов. Новизна работы связана с использованием нормативно-финансовых материалов для реконструкции межведомственного механизма спортивной дипломатии и её протольно-символических практик.

Результаты и их обсуждение

«Двойная логика» советского спорта: между массовостью и профессионализацией

До холодной войны советский спорт в значительной степени оставался обособленным от международных институтов. В прессе и программных документах противопоставлялись «буржуазный профессиональный спорт» и советская массовая физкультура [Кальпус, 1924, с. 10; Пятый (V) Всероссийский съезд РКСМ, 1927, с. 365–366; Праздник молодости и силы, 1937]. Постановление ЦК ВКП(б) «О физкультурном движении» 1929 г. закрепило курс на борьбу с « пороками » буржуазного спорта; официально утверждалось, что в СССР нет профессионального спорта [Ващук, 2017, с. 217–218].

Ситуация изменилась во второй половине 1940-х гг., когда советское руководство стремилось показать преимущества своей системы на международной арене. Вводились персональные и штатные оклады для членов сборных, а в 1954 г. служебный характер деятельности ведущих спортсменов закреплялся в «Положении о мастерах спорта и особо выдающихся спортсменах» [Зубкова, Куприянов, 2020, с. 144; Куприянов и др., 2023]. Это порождало противоречия: редактор «Советского спорта» Н.И. Любомиров в записке 1952 г. связывал футбольные неудачи, в том числе поражение от Югославии на Олимпиаде, с материальными привилегиями спортсменов – окладами, квартирами, фиктивными должностями и незаконными воинскими званиями [Записка редактора газеты «Советский спорт» Н.И. Любомирова, 1952, с. 147–152].

Американские аналитические материалы конца 1940-х – 1950-х гг. также фиксировали скрытый профессиональный характер советской спортивной системы и рассматривали спорт как инструмент политической пропаганды, связанный с партийным руководством [Soviet Sports..., 1955].

Материальное поощрение сохранялось и позднее. 30 мая 1972 г. Секретариат ЦК КПСС одобрил вознаграждение за высокие олимпийские результаты, включая выплаты в иностранной валюте [Белые игры..., 2013, с. 284–288]. В 1973 г. Спорткомитет просил увеличить число специальных окладов: при 3 020 действующих окладах предлагалось ввести ещё 2 000 для спортсменов, тренеров, врачей и массажистов [Белые игры..., 2013, с. 288–293].

Таким образом, публичная риторика «любительства» сочеталась с штатной и премиальной системой поддержки сборных. В этом проявлялась «двойная логика» позднесоветского спорта: официально – антикоммерческая и массовая модель, фактически – управляемая профессионализация элиты ради международной конкуренции. Тот же принцип проявлялся и в спортивной дипломатии: декларируя «спорт вне политики», государство использовало его как канал внешнеполитической коммуникации.

Межведомственный механизм советской спортивной дипломатии

Советскую спортивную дипломатию следует понимать как многоуровневый механизм санкционирования, согласования, исполнения и обратной связи. Центральное место занимал Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР: он планировал международные связи, готовил зарубежные поездки, приём делегаций, сметы и проекты решений. Политически значимые инициативы согласовывались с профильными подразделениями аппарата ЦК КПСС [Прозументчиков, 2004; Романов, 2019, с. 23–26; Parks, 2017].

Уровень решения зависел от политической значимости и ресурсных последствий. Вопросы без дополнительных ассигнований могли решаться на уровне отделов ЦК. Так, в ноябре 1970 г. изменения в плане зарубежных поездок футбольных команд согласовали отдел пропаганды и Международный отдел ЦК, после чего Спорткомитет был уведомлён о принятом решении [Игра миллионов..., 2017, с. 563–564].

Если вопрос приобретал внешнеполитическое значение, круг согласования расширялся. В 1973 г. отказ от отборочного матча чемпионата мира на стадионе в Сантьяго был поддержан отделом пропаганды и Международным отделом ЦК, завизирован партийным руководством,

а заявление Федерации футбола СССР редактировалось в аппарате ЦК [Игра миллионов..., 2017, с. 636–638]. Аппарат ЦК выполнял не только разрешительную, но и координационную, редакционно-пропагандистскую функцию.

При бюджетных расходах или изменении системы оплаты к политическому согласованию добавлялось финансово-правительственное. В 1972 г. записка Спорткомитета о вознаграждении олимпийцев прошла отдел пропаганды ЦК, была одобрена Секретариатом и оформлена постановлением Совета Министров СССР № 386-131 [Белые игры..., 2013, с. 284–288]. В 1973 г. предложение о специальных окладах задержали до согласования источников финансирования с Министерством финансов [Белые игры..., 2013, с. 288–293].

После санкционирования включался исполнительный межведомственный контур. При подготовке делегации к зимней Олимпиаде 1980 г. Спорткомитет подготовил план, отдел пропаганды ЦК – заключение, Секретариат ЦК одобрил проект, а Совет Министров распоряжением № 2661-рс распределил задания между Спорткомитетом, Минфином, Министерством гражданской авиации, «Интуристом», ВЦСПС, ВЛКСМ и другими организациями; содействие возлагалось на посольства в США и Канаде [Белые игры..., 2013, с. 386–396].

Дипломатический и информационный контур обеспечивали МИД, посольства и консульства. Они сообщали в ЦК о политической обстановке, условиях размещения делегаций и пропагандистских рисках. Так, генконсульство СССР в Саппоро в 1971 г. предлагало через МИД и посольство в Токио урегулировать вопросы доступа советских представителей, протокольного статуса и использования Олимпиады в кампании вокруг «северных территорий» [Белые игры..., 2013, с. 259–269].

Членство в МОК и международных федерациях использовалось для расширения представительства социалистических государств. К.А. Андрианов поддерживал заявки КНР и ГДР на признание их национальных олимпийских комитетов [Романов, 2019, с. 54–56]; в 1956 г. китайская делегация при содействии советского представителя требовала исключить Тайвань из официального списка НОК [Отчёт об участии..., 1956, с. 75–77]. Советская сторона также отстаивала представительство ГДР и участвовала в обсуждении участия спортсменов КНДР и Южной Кореи на Олимпиаде 1964 г. [Письмо президента МОК..., 1956, с. 60–61; Из записки об участии..., 1963, с. 149–150; Из отчёта о заседании..., 1963, с. 126–133; Протокол совещания А. Брендеджа, 1963, с. 134–135].

Итак, советская спортивная дипломатия была иерархически организованной, но разветвлённой системой. ЦК задавал политические границы и разрешал межведомственные противоречия; Совет Министров придавал решениям правовую и финансовую форму; Спорткомитет планировал и координировал; МИД и зарубежные представительства обеспечивали дипломатическое сопровождение; спортивные общества, профсоюзы, комсомол и пресса реализовывали решения. Обратная связь шла через отчёты о поездках, политической обстановке, поведении спортсменов и реакции зарубежной аудитории [Романов, 2019, с. 25–26].

Спортивные контакты как канал политической коммуникации

С середины XX в. спорт всё чаще включался в публичную дипломатию, хотя стороны продолжали ссылаться на принцип «спорт вне политики». Г. Трумэн, как отмечает историография, воспринимал олимпийскую победу как значимую победу в холодной войне [Наумов, 2017, с. 32–43]. При Д. Эйзенхауэре спорт рассматривался как средство обращения к широкой аудитории [Osgood, 2006], а американская практика соединяла государственные программы репрезентации с формальной самостоятельностью спортивных организаций [Rider, 2016].

Политическое измерение особенно заметно в шахматах. В советских оценках они могли характеризоваться как «политическое оружие» [Левин, 2015, с. 89]. После турнира претендентов на Кюрасао 1962 г. Р. Фишер обвинил советских гроссмейстеров в «командной тактике» – намеренных ничьих для экономии сил против иностранных участников [Fischer, 1962, р. 18–20]. Резонанс обвинений стал одним из факторов перехода ФИДЕ к матчевой системе отбора [Edmonds, Eidinow, 2004].

Шахматное противостояние воспроизводило «двойную логику» советского спорта. Формально гроссмейстеры числились представителями свободных профессий или работниками учреждений, фактически же пользовались государственной поддержкой – специальными окладами, жильём и социальными гарантиями [Левин, 2015, с. 89]. Поэтому спор вокруг «командной тактики» указывал не только на конкретный эпизод, но и на системное преимущество советской шахматной организации [Fischer, 1962, p. 18–20].

Наиболее заметным эпизодом шахматной дипломатии стал матч Б. Спасский – Р. Фишер в Рейкьявике в 1972 г. Переговоры о месте проведения, призовом фонде и условиях игры превратили спортивное событие в элемент публичной дипломатии эпохи разрядки [Edmonds, Eidinow, 2004, p. 145–147]. Телефонный звонок Г. Киссинджера Р. Фишеру с призывом выйти на матч дополнительно подчёркивал политическое значение поединка [The Battle of the Brains, 1972].

Спортивные обмены совмещали престижное соперничество с прямыми контактами между обществами. Их регуляризация стала результатом соглашения Лейси – Зарубина от 27 января 1958 г., раздел XI которого предусматривал обмен спортсменами и командами [Agreement, 1958, Sec. XI]. Первая легкоатлетическая встреча сборных СССР и США прошла 27–28 июля 1958 г. в Москве, ответная – 18–19 июля 1959 г. в Филадельфии; затем серия продолжилась матчами 1961 и 1962 гг. [Turrini, 2001, p. 433].

Похожую функцию выполнял футбольный матч СССР – ФРГ летом 1955 г., проходивший на фоне вступления ФРГ в НАТО, создания Организации Варшавского договора и Женевского совещания четырёх держав. Документы Спорткомитета фиксируют организованный приезд туристов из Западной Германии [Игра миллионов..., 2017, с. 453]. Победа советской команды над действующим чемпионом мира менее чем за месяц до визита К. Аденауэра в Москву может рассматриваться как эпизод начавшейся нормализации советско-западногерманских отношений.

Влияние спорта на внешнеполитический климат требует осторожной оценки. Спортивные события редко были самостоятельной причиной дипломатических сдвигов; чаще они сигнализировали готовность к контактам и создавали дополнительный канал коммуникации. Прямая причинная связь фиксируется там, где обмены были встроены в договорный процесс: легкоатлетические встречи 1958–1959 гг. реализовывали соглашение 1958 г., а обмены 1970-х гг. – соглашение 1972 г. [Agreement on Exchanges, 1972].

В 1970-е гг. важное место занимали представительские туры советских спортсменов. Внешне они сближались с народной дипломатией, но в советском случае были встроены в систему государственного планирования и контроля [Лебедева, 2017, с. 14]. Так, в 1972 г. гимнастки О. Корбут и Л. Турищева совершили турне по США, а спортивные обмены были закреплены в советско-американском соглашении от 11 апреля 1972 г. [Agreement on Exchanges, 1972].

Государство формировало внешние атрибуты «народной дипломатии», сохраняя контроль над организацией и символикой контактов. Проект распоряжения Совета Министров о подготовке к XIII зимним Олимпийским играм 1980 г. предусматривал не только спортивную программу, но и представительские расходы: форму, сувениры, продукцию для приёмов [Белые игры..., 2013, с. 386–396]. Репрезентация советской открытости была результатом административного и протокольного планирования.

Победы советских спортсменов воспринимались руководством и как политически значимые события. По свидетельству сотрудника личной охраны Л.И. Брежнева В.Т. Медведева, успехи хоккеистов могли сопровождаться решениями о государственных наградах [Медведев, 1994]. Это мемуарное свидетельство показывает включение спорта во внутреннюю символическую политику, но само по себе не доказывает прямого влияния спортивных побед на внешнеполитический климат.

Линия на поддержание спортивных контактов проявилась и в Играх доброй воли в Москве 5–20 июля 1986 г.; их международное значение подчёркивалось в послании Генерального директора ЮНЕСКО [Послание Генерального директора ЮНЕСКО, 1986, с. 6]. Здесь корректнее говорить не о доказанном воздействии на межгосударственные отношения, а о дополнительной публичной площадке для контактов.

Олимпийские бойкоты как форма политического давления

В годы холодной войны спорт становился и средством политического давления. Наиболее показательный пример – Олимпийские игры 1980 г.: США призывали к бойкоту и переносу Игр из-за ввода советских войск в Афганистан [Carter, 1980, р. 50–51]. Здесь особенно ясно проявилась «двойная логика»: обе стороны декларировали аполитичность спорта и одновременно политизировали его.

Американская кампания сопоставляла московскую Олимпиаду с Берлинскими играми 1936 г. [Рабуш, 2016, с. 51]. В 1984 г. СССР и большинство его союзников по Организации Варшавского договора бойкотировали Олимпиаду в Лос-Анджелесе; Румыния в бойкоте не участвовала. Альтернативные соревнования «Дружба-84» также выполняли функцию политической коммуникации.

Олимпийские бойкоты показали сходство отдельных практик двух стран: и советская, и американская стороны ссылались на принцип аполитичности спорта, но принимали политически мотивированные решения об участии в Играх. Советская пресса представляла международные обмены как проявление «дружбы народов», тогда как на практике обе державы использовали спорт как средство давления и имиджевой конкуренции. Сходство этих практик не отменяет различий между институциональными системами СССР и США.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что спортивная дипломатия была заметным каналом публичной внешнеполитической коммуникации в советско-американских отношениях периода холодной войны. Для СССР спорт выступал управляемой сферой публичного присутствия за рубежом, соединявшей партийно-государственное планирование, символическую репрезентацию и практику международных контактов.

Ключевым результатом является выявление «двойной логики» советского спорта: официально антикоммерческая и «любительская» модель на практике сочеталась с профессионализацией элиты, необходимой для международной конкуренции. Та же логика проявлялась в протокольных практиках зарубежных выездов, спортивных турах, шахматном соперничестве и олимпийских бойкотах.

Реконструкция межведомственного механизма показала, что центральное место занимал Спорткомитет, а аппарат ЦК КПСС и Совет Министров подключались в зависимости от политической значимости и ресурсных последствий решения. Американская практика опиралась на взаимодействие государственных структур и формально самостоятельных спортивных организаций. В обеих странах существовал разрыв между публичной аполитичностью спорта и его внешнеполитическим использованием; при этом спорт чаще создавал пространство контакта, соперничества и символического давления, чем прямо менял дипломатический курс.

Список литературы

- Белые игры под грифом «секретно»: Советский Союз и зимние Олимпиады. 1956–1988 / сост. И.В. Казарина, М.Ю. Прозуменщиков. Москва, МФД, 2013. 560 с.
- Боюн А.Б. 2023. Публичная дипломатия: проблема интерпретации и операционализации понятия. *Политическая наука*. 4: 252–273. doi: 10.31249/poln/2023.04.10
- Ван Чэнхуй. 2024. Спортивная дипломатия: история становления и теоретические подходы. *Общество: политика, экономика, право*. 7: 61–68. doi: 10.24158/пер.2024.7.7
- Ващук М.А. 2017. Мифотворчество в советской спортивной журналистике второй половины XX века. *Век информации*. 2–2: 217–218.
- Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. 2020. Профессионализация советского спорта в условиях холодной войны (1946–1959). *Российская история*. 1: 143–159. doi: 10.31857/S086956870008281-0
- Игра миллионов под партийным контролем: Советский футбол по документам ЦК КПСС. Сост. И.В. Казарина, Т.Ю. Конова, М.Ю. Прозуменщиков. Москва, МФД, 2017. 784 с.
- Из записки Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР в ЦК КПСС об участии спортсменов КНДР и Южной Кореи в зимних и летних Олимпийских играх 1964 г.

- 24 сентября 1963 г. Белые игры под грифом «секретно»: Советский Союз и зимние Олимпиады. 1956–1988. Сост. И.В. Казарина, М.Ю. Прокуменщиков. Москва, МФД, 2013: 149–150.
- Кальпус Б. 1924. Спорт и физическая культура. *Красный спорт*. 1: 10.
- Куприянов А.И., Зубкова Е.Ю., Мухаматулин Т.А., Прокуменщиков М.Ю. 2023. Советский спорт в контекстах холодной войны. Москва, Весь мир, 488 с.
- Лебедева М.М. 2017. Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты? В: Публичная дипломатия: теория и практика. Под ред. М.М. Лебедевой. Москва, Аспект Пресс: 8–20.
- Левин Е.А. 2015. Феномен политизации шахматного спорта в СССР. *Современные исследования социальных проблем*. 11(55): 87–98. doi: 10.12731/2218-7405-2015-11-8
- Медведев В.Т. 1994. Человек за спиной. Москва, Русслит, 416 с.
- Мельникова Н.Ю., Трескин А.В., Мельников В.В., Шаменко Д.В. 2020. Спортивная дипломатия в СССР. *Олимпийский бюллетень*. 21: 95–99.
- Нагорная О.С., Никонова О.Ю., Попов А.Д. и др. 2018. Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны. 1945–1989. Москва, Политическая энциклопедия, 446 с.
- Наумов А.О. 2017. Спортивная дипломатия как инструмент «мягкой силы». *Мировая политика*. 4: 32–43. doi: 10.25136/2409-8671.2017.4.24852
- Послание Генерального директора ЮНЕСКО по случаю Игр доброй воли в Москве. *Бюллетень Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО*. 1986. 3: 6.
- Праздник молодости и силы. 1937. *Московская правда*. 158: 10 июня.
- Приложение к записке Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР в ЦК КПСС. Отчёт об участии представителя Олимпийского комитета СССР в работе 51-й сессии Международного олимпийского комитета (Кортина-д’Ампеццо, 24–25 января 1956 года). Не позднее 18 апреля 1956 г. Белые игры под грифом «секретно»: Советский Союз и зимние Олимпиады. 1956–1988 Сост. И.В. Казарина, М.Ю. Прокуменщиков. Москва, МФД, 2013: 75–77.
- Приложение 1 к записке Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР в ЦК КПСС. Из отчёта о заседании Исполнительной комиссии Международного олимпийского комитета и совещании Исполкома МОК с представителями международных федераций 7–8 февраля 1963 г. в Лозанне. Белые игры под грифом «секретно»: Советский Союз и зимние Олимпиады. 1956–1988. Сост. И.В. Казарина, М.Ю. Прокуменщиков. Москва, МФД, 2013: 126–133.
- Приложение 1 к постановлению Секретариата ЦК КПСС. Записка редактора газеты «Советский спорт» Н.И. Любомирова о серьёзных недостатках в развитии советского футбола. 11 ноября 1952 г. Игра миллионов под партийным контролем: Советский футбол по документам ЦК КПСС. Сост. И.В. Казарина, Т.Ю. Конова, М.Ю. Прокуменщиков. Москва, МФД, 2017: 147–152.
- Приложение 2 к записке Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР в ЦК КПСС. Письмо президента МОК Э. Брендеджа президенту Национального олимпийского комитета ГДР Г. Шебелю. 7 января 1956 г. Белые игры под грифом «секретно»: Советский Союз и зимние Олимпиады. 1956–1988. Сост. И.В. Казарина, М.Ю. Прокуменщиков. Москва, МФД, 2013: 60–61.
- Прокуменщиков М.Ю. 2004. Большой спорт и большая политика. Москва, РОССПЭН, 464 с.
- Протокол совещания А. Брендеджа, президента МОК, с представителями двух германских НОК. 6 февраля 1963 г. Белые игры под грифом «секретно»: Советский Союз и зимние Олимпиады. 1956–1988. Сост. И.В. Казарина, М.Ю. Прокуменщиков. Москва, МФД, 2013: 134–135.
- Пятый (V) Всероссийский съезд РКСМ. 11–19 октября 1922 года: стенографический отчёт. 1927. Москва, Молодая гвардия: 365–366.
- Рабуш Т.В. 2016. Санкции США против СССР, их итоги и последствия (на примере антисоветских санкций 1980 года). Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 6: 45–53. doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.45
- Романов А.Ю. 2019. Спорт и холодная война. Т. 1. Санкт-Петербург, Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 264 с.
- Agreement between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Cultural, Technical and Educational Fields. 1958. Signed at Washington, January 27. 9 U.S.T.: 13–22; T.I.A.S. No. 3975.
- Agreement on Exchanges and Cooperation in Scientific, Technical, Educational, Cultural, and Other Fields in 1972–1973. 1972. Department of State Bulletin. 66(1716): 707–713.
- Allison L., Mornington T. 2005. Sport, Prestige, and International Relations. In: The Global Politics of Sport: The Role of Global Institutions in Sport. Ed. by L. Allison. London, Routledge: 5–23.

- Carter J. 1980. Summer Olympics in Moscow: Letter to Robert Kane, President of the U.S. Olympic Committee, January 20, 1980. Department of State Bulletin. 80(2036): 50–51.
- Edmonds D., Eidinow J. 2004. Bobby Fischer Goes to War: How the Soviets Lost the Most Extraordinary Chess Match of All Time. New York, Ecco (HarperCollins), 368 p.
- Fischer B. 1962. The Russians Have Fixed World Chess. Sports Illustrated. 20 August: 18–20.
- Murray S., Pigman G.A. 2014. Mapping the Relationship between International Sport and Diplomacy. Sport in Society. 17(9): 1098–1118. doi: 10.1080/17430437.2013.856616
- Osgood K. 2006. Total Cold War: Eisenhower's Secret Propaganda Battle at Home and Abroad. Lawrence, University Press of Kansas, 506 p.
- Parks J. 2017. The Olympic Games, the Soviet Sports Bureaucracy, and the Cold War: Red Sport, Red Tape. Lanham, Lexington Books, 205 p.
- Rider T.C. 2016. Cold War Games: Propaganda, the Olympics, and U.S. Foreign Policy. Urbana, University of Illinois Press, 288 p.
- Soviet Sports as an Instrument of Political Propaganda: Information Report [Электронный ресурс]. 1955. Central Intelligence Agency. 20 January. 4 p. Doc. No. CIA-RDP80-00810A005800260002-1. CIA FOIA Electronic Reading Room. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp80-00810a005800260002-1> (дата обращения: 31.07.2026).
- The Battle of the Brains. 1972. Time. 31 July.
- Turrini J.M. 2001. "It Was Communism Versus the Free World": The USA-USSR Dual Track Meet Series and the Development of Track and Field in the United States, 1958–1985. Journal of Sport History. 28(3): 427–471.

References

- Belye igry pod grifom «sekretno»: Sovetskiy Soyuz i zimnie Olimpiady. 1956–1988 [White Games under the "Secret" Mark: The Soviet Union and the Winter Olympics. 1956–1988]. Sost. I.V. Kazarina, M.Yu. Prozumenshchikov. Moscow, MFD, 2013. 560 p.
- Boyun A.B. 2023. Publichnaya diplomatiya: problema interpretatsii i operatsionalizatsii ponyatiya [Public Diplomacy: The Problem of Interpretation and Operationalization of the Concept]. *Politicheskaya nauka*. 4: 252–273. doi: 10.31249/poln/2023.04.10
- Wang Chenghui. 2024. Sports Diplomacy: The History of Formation and Theoretical Approaches. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 7: 61–68 (in Russian). doi: 10.24158/pep.2024.7.7
- Vashchuk M.A. 2017. Mifotvorchestvo v sovetskoj sportivnoy zhurnalistike vtoroy poloviny XX veka [Myth-Making in Soviet Sports Journalism of the Second Half of the 20th Century]. *Vek informatsii*. 2–2: 217–218.
- Zubkova E.Yu., Kupriyanov A.I. 2020. Professionalizatsiya sovetskogo sporta v usloviyakh kholodnoy voyny (1946–1959) [Professionalization of Soviet Sport during the Cold War (1946–1959)]. *Rossiyskaya istoriya*. 1: 143–159. doi: 10.31857/S086956870008281-0
- Igra millionov pod partiynym kontrolem: Sovetskiy futbol po dokumentam TsK KPSS [The Game of Millions under Party Control: Soviet Football according to Documents of the CPSU Central Committee]. Sost. I.V. Kazarina, T.Yu. Konova, M.Yu. Prozumenshchikov. Moscow, MFD, 2017. 784 p.
- Iz zapiski Tsentral'nogo soveta Soyuz sportivnykh obshchestv i organizatsiy SSSR v TsK KPSS ob uchastii sportsmenov KNDR i Yuzhnoy Korei v zimnikh i letnikh Olimpiyskikh igrah 1964 g. [From a Memorandum by the Central Council of the Union of Sports Societies and Organizations of the USSR to the CPSU Central Committee Regarding the Participation of Athletes from the DPRK and South Korea in the 1964 Winter and Summer Olympic Games]. 24 sentyabrya 1963 g. In: Belye igry pod grifom «sekretno»: Sovetskiy Soyuz i zimnie Olimpiady. 1956–1988. Sost. I.V. Kazarina, M.Yu. Prozumenshchikov. Moscow, MFD, 2013: 149–150.
- Kal'pus B. 1924. Sport i fizicheskaya kul'tura [Sport and Physical Culture]. *Krasnyy sport*. 1: 10.
- Kupriyanov A.I., Zubkova E.Yu., Mukhamatulin T.A., Prozumenshchikov M.Yu. 2023. Sovetskiy sport v kontekstakh kholodnoy voyny [Soviet Sport in the Contexts of the Cold War]. Moscow, Ves' mir, 488 p.
- Lebedeva M.M. 2017. Publichnaya diplomatiya: ischeznovenie ili novye gorizonty? [Public Diplomacy: Disappearance or New Horizons?]. In: Publichnaya diplomatiya: teoriya i praktika [Public Diplomacy: Theory and Practice]. Moscow, Aspekt Press: 8–20.
- Levin E.A. 2015. Fenomen politizatsii shakhmatnogo sporta v SSSR [The Phenomenon of Politicization of Chess in the USSR]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 11(55): 87–98. doi: 10.12731/2218-7405-2015-11-8

- Medvedev V.T. 1994. Chelovek za spinoy [The Man behind the Back]. Moscow, Russlit, 416 p.
- Mel'nikova N.Yu., Treskin A.V., Mel'nikov V.V., Shamenko D.V. 2020. Sportivnaya diplomatiya v SSSR [Sports Diplomacy in the USSR]. *Olimpiyskiy byulleten'*. 21: 95–99.
- Nagornaya O.S., Nikonova O.Yu., Popov A.D. et al. 2018. Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v usloviyakh kholodnoy voyny. 1945–1989 [Soviet Cultural Diplomacy during the Cold War. 1945–1989]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 446 p.
- Naumov A.O. 2017. Sportivnaya diplomatiya kak instrument «myagkoy sily» [Sports Diplomacy as a Tool of “Soft Power”]. *Mirovaya politika*. 4: 32–43. doi: 10.25136/2409-8671.2017.4.24852
- Poslanie General'nogo direktora YuNESKO po sluchayu Igr dobroyi voli v Moskve [Message of the Director-General of UNESCO on the Occasion of the Goodwill Games in Moscow]. *Byulleten' Komissii SSSR po delam YuNESKO*. 1986. 3: 6.
- Prazdnik molodosti i sily [A Celebration of Youth and Strength]. 1937. *Moskovskaya pravda*. No. 158, June 10.
- Prilozhenie k zapiske Komiteta po fizicheskoy kul'ture i sportu pri Sovete Ministrov SSSR v TsK KPSS. Otchet ob uchastii predstavatelya Olimpiyskogo komiteta SSSR v rabote 51-y sessii Mezhdunarodnogo olimpiyskogo komiteta (Kortina-d'Ampetstso, 24–25 yanvarya 1956 goda) [Attachment to the Memorandum from the Committee on Physical Culture and Sports under the Council of Ministers of the USSR to the Central Committee of the CPSU. Report on the Participation of a Representative of the Olympic Committee of the USSR in the 51st Session of the International Olympic Committee (Cortina d'Ampezzo, January 24–25, 1956).]. Ne pozdnee 18 aprelya 1956 g. In: Belye igry pod grifom «sekretno»: Sovetskiy Soyuz i zimnie Olimpiady. 1956–1988. Sost. I.V. Kazarina, M.Yu. Prozumenshchikov. Moscow, MFD, 2013: 75–77.
- Prilozhenie 1 k zapiske Tsentral'nogo soveta Soyuza sportivnykh obshchestv i organizatsiy SSSR v TsK KPSS. Iz otcheta o zasedanii Ispolnitel'noy komissii Mezhdunarodnogo olimpiyskogo komiteta i soveshchaniy Ispolkoma MOK s predstavitelyami mezhdunarodnykh federatsiy 7–8 fevralya 1963 g. v Lozanne. In: Belye igry pod grifom «sekretno»: Sovetskiy Soyuz i zimnie Olimpiady [Appendix 1 to the Memorandum from the Central Council of the Union of Sports Societies and Organizations of the USSR to the CPSU Central Committee. From the Report on the Meeting of the International Olympic Committee's Executive Commission and the Meeting of the IOC Executive Board with Representatives of International Federations Held in Lausanne on February 7–8, 1963. The "Secret" Winter Games: The Soviet Union and the Winter Olympics]. 1956–1988. Sost. I.V. Kazarina, M.Yu. Prozumenshchikov. Moscow, MFD, 2013: 126–133.
- Prilozhenie 1 k postanovleniyu Sekretariata TsK KPSS. Zapiska redaktora gazety «Sovetskiy sport» N.I. Lyubomirova o ser'eznykh nedostatkakh v razvitiy sovetskogo futbola. 11 noyabrya 1952 g. In: Igra millionov pod partiynym kontrolem: Sovetskiy futbol po dokumentam TsK KPSS [Appendix 1 to the Resolution of the Secretariat of the CPSU Central Committee. Memorandum from N.I. Lyubomirov, Editor of the *Sovetsky Sport* Newspaper, Regarding Serious Shortcomings in the Development of Soviet Football. November 11, 1952. The "Game of Millions" under Party Control: Soviet Football According to CPSU Central Committee Documents]. Sost. I.V. Kazarina, T.Yu. Konova, M.Yu. Prozumenshchikov. Moscow, MFD, 2017: 147–152.
- Prilozhenie 2 k zapiske Komiteta po fizicheskoy kul'ture i sportu pri Sovete Ministrov SSSR v TsK KPSS. Pis'mo prezidenta MOK E. Brendedzha prezidentu Natsional'nogo olimpiyskogo komiteta GDR G. Shebelyu. 7 yanvarya 1956 g. In: Belye igry pod grifom «sekretno»: Sovetskiy Soyuz i zimnie Olimpiady. 1956–1988 [Appendix 2 to the Memorandum from the Committee on Physical Culture and Sports under the Council of Ministers of the USSR to the CPSU Central Committee. Letter from IOC President Avery Brundage to GDR National Olympic Committee President Heinz Schöbel. January 7, 1956. The "Secret" Winter Games: The Soviet Union and the Winter Olympics]. Sost. I.V. Kazarina, M.Yu. Prozumenshchikov. Moscow, MFD, 2013: 60–61.
- Prozumenshchikov M.Yu. 2004. Bol'shoy sport i bol'shaya politika [Big Sport and Big Politics]. Moscow, ROSSPEN, 464 p.
- Protokol soveshchaniya A. Brendedzha, prezidenta MOK, s predstavitelyami dvukh germanskikh NOK. 6 fevralya 1963 g. In: Belye igry pod grifom «sekretno»: Sovetskiy Soyuz i zimnie Olimpiady. [Minutes of the Meeting between IOC President Avery Brundage and Representatives of the Two German National Olympic Committees. February 6, 1963. The "Secret" Winter Games: The Soviet Union and the Winter Olympics]. 1956–1988. Sost. I.V. Kazarina, M.Yu. Prozumenshchikov. Moscow, MFD, 2013: 134–135.

- Pyatyy (V) Vserossiyskiy s'ezd RKSM. 11–19 oktyabrya 1922 goda: stenograficheskiy otchet [Fifth (V) All-Russian Congress of the RKSM. October 11–19, 1922: Verbatim Report]. 1927. Moscow, Molodaya gvardiya: 365–366.
- Rabush T.V. 2016. Sanktsii SShA protiv SSSR, ikh itogi i posledstviya (na primere antisovetskikh sanktsiy 1980 goda) [US Sanctions Against the USSR, Their Results and Consequences (On the Example of the Anti-Soviet Sanctions of 1980)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 6: 45–53. doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.45
- Romanov A.Yu. 2019. Sport i kholodnaya voyna [Sport and the Cold War]. Vol. 1. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 264 p.
- Agreement between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on Exchanges in the Cultural, Technical and Educational Fields. 1958. Signed at Washington, January 27. 9 U.S.T.: 13–22; T.I.A.S. No. 3975.
- Agreement on Exchanges and Cooperation in Scientific, Technical, Educational, Cultural, and Other Fields in 1972–1973. 1972. Department of State Bulletin. 66(1716): 707–713.
- Allison L., Mornington T. 2005. Sport, Prestige, and International Relations. In: *The Global Politics of Sport: The Role of Global Institutions in Sport*. Ed. by L. Allison. London, Routledge: 5–23.
- Carter J. 1980. Summer Olympics in Moscow: Letter to Robert Kane, President of the U.S. Olympic Committee, January 20, 1980. Department of State Bulletin. 80(2036): 50–51.
- Edmonds D., Eidinow J. 2004. Bobby Fischer Goes to War: How the Soviets Lost the Most Extraordinary Chess Match of All Time. New York, Ecco (HarperCollins), 368 p.
- Fischer B. 1962. The Russians Have Fixed World Chess. *Sports Illustrated*. 20 August: 18–20.
- Murray S., Pigman G.A. 2014. Mapping the Relationship between International Sport and Diplomacy. *Sport in Society*. 17(9): 1098–1118. doi: 10.1080/17430437.2013.856616
- Osgood K. 2006. Total Cold War: Eisenhower's Secret Propaganda Battle at Home and Abroad. Lawrence, University Press of Kansas, 506 p.
- Parks J. 2017. The Olympic Games, the Soviet Sports Bureaucracy, and the Cold War: Red Sport, Red Tape. Lanham, Lexington Books, 205 p.
- Rider T.C. 2016. Cold War Games: Propaganda, the Olympics, and U.S. Foreign Policy. Urbana, University of Illinois Press, 288 p.
- Soviet Sports as an Instrument of Political Propaganda: Information Report [Электронный ресурс]. 1955. Central Intelligence Agency. 20 January. 4 p. Doc. No. CIA-RDP80-00810A005800260002-1. CIA FOIA Electronic Reading Room. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp80-00810a005800260002-1> (дата обращения: 31.07.2026).
- The Battle of the Brains. 1972. *Time*. 31 July.
- Turrini J.M. 2001. “It Was Communism Versus the Free World”: The USA-USSR Dual Track Meet Series and the Development of Track and Field in the United States, 1958–1985. *Journal of Sport History*. 28(3): 427–471.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.03.2026

Received 01.03.2026

Поступила после рецензирования 06.08.2026

Revised 06.08.2026

Принята к публикации 08.08.2026

Accepted 08.08.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ермаков Роман Олегович, аспирант кафедры всеобщей истории, археологии и этнологии, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Roman O. Ermakov, Postgraduate Student, Department of World History, Archaeology and Ethnology, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

 [ORCID: 0009-0000-8220-1049](https://orcid.org/0009-0000-8220-1049)

УДК: 94(450).095

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-585-599

EDN EMKHYE

Оригинальное исследование

Основные тенденции партийного строительства в итальянском популизме Второй республики в свете проблемы партократии (1994–2022)

Вахрушев И.Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82

E-mail: vakhrushev.ivan@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы основные тенденции партийного развития популистских партий Второй Итальянской Республики в период от её образования до выборов 2022 г. В контексте феномена популизма Италия представляет особый интерес как страна, в которой популисты стали доминирующей силой в партийно-политической системе, начиная с падения Первой республики. В начале 1990-х гг. рухнул режим, называемый его критиками «партократией» (*partitocrazia*), – режим массовых партий, опутывавших своими сетями всё итальянское общество второй половины XX в. В этой связи научный интерес представляет то, как популисты – активные критики партократии – проявили себя на почве строительства альтернативных форм политической организации вместо тех, которые были связаны с предыдущим режимом. На основе историко-сравнительного, контент- и дискурс-анализа выявлены основные определяющие черты популистских партий Второй республики, а также обнаружена не только новизна в формах партийной организации, но и значительная доля преемственности между критиками старых массовых партий и теми, кто их заменил.

Ключевые слова: Италия, Вторая республика, популизм, Сильвио Берлускони, Умберто Босси, Антонио Ди Пьетро, Бeppe Грillo, «Вперёд, Италия», «Лига Севера», «Движение пяти звёзд»

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Вахрушев И.Ю. 2026. Основные тенденции партийного строительства в итальянском популизме Второй республики в свете проблемы партократии (1994–2022). *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 585–599. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-585-599. EDN: EMKHYE

The Main Trends of Party Building in Italian Populism of the Second Republic Regarding the Context of Partitocrazia (1994–2022)

Ivan Yu. Vakhrushev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russia

E-mail: vakhrushev.ivan@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the main trends in the party development of the populist parties of the Second Italian Republic from its birth to the 2022 elections. In the context of the phenomenon of populism, Italy is of particular interest as a country where populists have become the dominant force in the party-political system since the fall of the First Republic. In the early 1990s the regime known as "partitocrazia" collapsed, a regime of mass parties that had woven their networks throughout Italian society in the second half of the 20th century. In this regard, it is of scientific interest to examine how the populists, who were active critics of partitocrazia, have emerged as a force for building alternative forms of political organization in place of those associated with the previous regime. Through historical-comparative, content, and discourse analysis, the author identifies the main characteristic features of the populist parties of the Second Republic and reveals not only the novelty in the forms of party organization but also a significant degree of continuity between the critics of the old mass parties and those who replaced them.

© Вахрушев И.Ю., 2026

Keywords: Italy, Second Republic, populism, Silvio Berlusconi, Umberto Bossi, Antonio Di Pietro, Beppe Grillo, "Forza Italia", "Northern League", "Five-Star Movement"

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Vakhrushev I.Yu. 2026. The Main Trends of Party Building in Italian Populism of the Second Republic Regarding the Context of Partitocrazia (1994–2022). *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 585–599 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-585-599. EDN: EMKHYE

Введение

Последние два десятилетия XX в. стали временем значительной трансформации итальянских партий. Развал соцблока привёл к кризису итальянских коммунистов, разделив их на социал-демократов и ортодоксов-марксистов. Затем коррупционные скандалы смели все остальные ведущие партии страны, сформировавшие после Второй мировой войны республиканскую систему. Эта система в политическом дискурсе и даже в академической литературе получила название «партократия» (*partitocrazia*). Критики партократии считали, что послевоенная партийно-политическая система Италии была повязана на сговоре партий, паразитирующих на государственном секторе, клиентелистском патронаже избирателей через социальные программы и получении взяток от частных лиц и организаций по принципу «услуга за услугу» [Calise, 1994].

При этом ведущие «партократы» – христианско-демократическая, социалистическая, коммунистическая партии – имели ярко выраженный массовый характер как бюрократизированные, иерархичные организации с обширной членской базой, сетью смежных организаций, плотно опутывавших частный и публичный сектор [Cotta, 2016; Corduwener, 2019]. Ненавистный партийно-политический режим Первой республики в общественном сознании ассоциировался непосредственно с тем, как устроены ведущие партии режима. Ещё в 1945–1946 гг. философ Норберто Боббио [Bobbio, 1996, p. 43–71] говорил и писал о том, что для подлинно демократического процесса на уровне страны её партии сами должны быть внутренне демократичными.

Практика показала, что пожелания Боббио оказались неслышанными. Коммунистическая партия (ИКП) имела централизованную пирамидальную структуру и действовала согласно принципам демократического централизма, который обеспечивал монолитность, ограничивая внутреннее инакомыслие и всякий фракционизм [Norpin, 2008, p. 6–9; Haig, 2020, p. 30–52]. Христианско-демократическая партия (ХДП), наоборот, отличалась фракционностью, представляя из себя картель из нескольких полуавтономных структур, находящихся, впрочем, под непосредственным и жёстким контролем отдельных внутренних лидеров, глав фракций [Golden, Chang, 2001, p. 604–622; Forlenza, Thomassen, 2024, p. 163–166].

Социалистическая партия (ИСП) располагалась в этом контексте между ИКП и ХДП. До прихода к власти в ней Беттино Кракси в 1970-е гг. организация ИСП характеризовалась демократическим централизмом, при котором, впрочем, была возможна некоторая доля фракционности [Любин, 2007, с. 357–369]. В свою очередь, краксианская ИСП в немалой степени предсказала будущее итальянских партий – скандальное и персонализированное. Кракси и его соратники отменили демократический централизм, распустили ЦК партии и сделали должность секретаря выборной – под предлогом демократизации партии и открытия её всем итальянцам [Corduwener, 2022]. Но в то же время Кракси запрещал членам оппозиционных фракций публиковаться в партийной печати, из партии под давлением уходили её ортодоксально левые представители, некоторые попросту исключались, старые партийные органы заменялись новыми, лояльными [Любин, 2007, с. 400–401]. ИСП становилась личной партией Кракси, перестав быть классовой партией массового типа и превратившись во всеохватную массовую партию [Corduwener, 2022].

Всеохватные партии действуют как проводник личных политических амбиций элит, а не как массовая организация, ориентированная на мобилизацию граждан и фундаментальное преобразование общества [Krowel, 2003, p. 37]. Отсюда следует, во-первых, выравнивание программ по отношению друг к другу, что делает разницу между политическими

конкурентами незначительной и приводит к отсутствию реальной оппозиции, а во-вторых, превращение партии в персонализированное предприятие по избранию нужных людей [Krowel, 2003, р. 33–37]. Всеохватная партия находится в ресурсной зависимости от государства, в результате чего происходит сращивание партии с ним, что оборачивается профессионализацией внутрипартийных процедур, а также низведением роли гражданина в партийной политике до пассивной и минимальной [Krowel, 2003].

Возможно, если бы не развал соцблока и кризис «Взятограда», то партии мейнстрима Первой республики пришли бы к внутренним реформам постепенно и сами, следуя примеру ИСП. Однако слом скрепы, благословлявшей власть ХДП – присутствие «красной угрозы» – и кризис легитимности в связи с повальными обвинениями в коррупции привели к запросу здесь и сейчас на перемены в том, как партии презентуют себя, выстраивают внутренние процессы, взаимодействуют с партийной базой и с обществом в целом. Отвечать на этот запрос должны были, прежде всего, популисты, вырвавшиеся благодаря критике старых партий на авансцену итальянской общественной жизни. О популистах – «Вперёд, Италия!» (ВИ) и «Народе свободы» (НС) Сильвио Берлускони, «Лиге Севера» (ЛС) Умберто Босси, «Италии ценностей» (ИЦ) Антонио Ди Пьетро, «Движении пяти звёзд» (Д53) Бeppe Грillo – и пойдёт речь далее.

Объект и методы исследования

Объект настоящей статьи – эволюция итальянского популизма Второй республики в контексте партийно-политических трансформаций страны.

Методология основывается на историко-компаративном анализе, позволяющим сравнить и систематизировать индивидуальный опыт изучаемых политических акторов, а также на контент- и дискурс-анализе, с помощью которых изучаются источники деятельности этих движений. Эмпирическую базу данной статьи составляют, прежде всего, уставы всех рассматриваемых партий, официальные блоги (ИЦ и Д53), партийная хроника (ЛС), сборники речей (Берлускони), а также материалы СМИ, прежде всего итальянских.

Результаты и их обсуждение

Первая черта, которую следует выделить касательно популистских партий Второй республики в контексте их антипартократизма в организационном строительстве, – это самопрезентация. Ни одна популистская партия принципиальным образом в принципе стремилась не называть себя «партией», чтобы не вызвать лишних ассоциаций с ХДП, ИСП или ИКП. Здесь показателен кейс Сильвио Берлускони. ВИ в своих уставах 1998, 2017 и 2024 гг. определяла себя «политическим движением»⁸⁰, НС в статутах 2009 и 2011 гг. – «движением женщин и мужчин, которые верят в свободу и желают остаться свободными»⁸¹.

В самих уставах слово «партия» почти не упоминается. В трёх уставах ВИ – всего шесть раз, причём во всех случаях в контексте соблюдения правил финансирования политических партий. В статутах НС слово «партия» упоминается куда чаще: 12 раз в изначальном уставе 2009 года и 14 раз в отредактированном уставе 2011 года, но само слово «партия» почти ни в одном упоминании не несёт за собой никакой сущностной характеристики «Народа свободы» как организации.

В уставе «Лиге Севера» 2002 года, который систематизировал предыдущие положения и стал основой для последующих версий статута, «Лига» знакомо называется «политическим

⁸⁰ Statuto di Forza Italia. Forza Italia. URL: <https://web.archive.org/web/20140208042427/http://forzaitalia.it/speciali/statutoforzaitalia04.pdf> (дата обращения: 09.06.2025); Statuto di Forza Italia. Dait.interno.gov.it. URL: [https://dait.interno.gov.it/documenti/trasparenza/EUROPEE_20190526/Documenti/30/\[30_Man_MESSINA_ALFRED_O_3_967\]-Movimento_Politico_Forza_Italia.Statuto.pdf](https://dait.interno.gov.it/documenti/trasparenza/EUROPEE_20190526/Documenti/30/[30_Man_MESSINA_ALFRED_O_3_967]-Movimento_Politico_Forza_Italia.Statuto.pdf) (дата обращения: 16.06.2025); Statuto del Movimento Politico Forza Italia // Forza Italia. URL: <https://forzaitalia.it/wp-content/uploads/2024/10/Statuto-Movimento-Politico-Forza-Italia.pdf> (дата обращения: 17.06.2025).

⁸¹ Statuto del Popolo della Libertà. Popolo della Libertà. URL: <https://web.archive.org/web/20090407102813/http://www.ilpopolodellaliberta.it/speciali/statuto-del-pdl.pdf> (12.06.2025); Statuto del Popolo della Libertà. Popolo della Libertà. URL: <https://web.archive.org/web/20120204095856/http://www.pdl.it/notizie/15377/statuto-del-popolo-della-liberta> (12.06.2025).

движением», а слово «партия» упоминается четыре раза, три из которых в контексте всё того же соблюдения норм финансирования партий⁸². Статут «Италии ценностей» говорит о ней как о «чём-то среднем между движением и организованной партией, уходящей от рисков, присущих как идеологической партийной модели, так и простому избирательному комитету. Это открытая партия»⁸³. То есть хоть речь и идёт о том, что ИЦ хотя бы частично признаёт себя партией, но она во всяком случае не признаёт себя партией в традиционном для Италии смысле. В ещё большем смысле антипартийность выражена у «Движения пяти звёзд». Четвёртая статья первого устава Д53 заявляла: «„Движение пяти звёзд“ – это не партия и не намерено ею становиться в будущем»⁸⁴. А первая – что Д53 – это «не организация», существующая в Сети.

Таким образом, популизм, ставший мейнстримом итальянской политики, вывел «партии» из мейнстрима, заменив их «движениями» – закрытые, иерархические и бюрократизированные структуры сгнившей партократии вытеснили открытые, обращённые к гражданскому обществу организации свободного политического участия. И с этим моментом непосредственно связана следующая черта.

Вторая черта – это выраженное стремление к «легковесности» партийной организации. Тот же Берлускони принципиальным образом стремился к модели «лёгкой партии» или «легковесной партии» (*un partito leggero*), не скованной обширным партийным аппаратом [McDonnell, 2013]. В случае Берлускони это даже породило многочисленные пейоративные характеристики по отношению к ВИ: «партия, которой не существует, пластиковая партия, виртуальная партия, корпоративная партия»⁸⁵, как перечислял в своё время сам Берлускони. Эти оценки имели смысл: президиум партии и территориальные органы ВИ были собраны только после победных выборов 1994-го [Maraffi, 1995, p. 250–254], а фактически единственными органами поддержки ВИ на местах долгое время оставались клубы «Вперёд, Италия!», коих на момент выборов 1994-го насчитывалось 13–15 тыс. [Maraffi, 1995, p. 253]. При этом сами руководители партии и ассоциации клубов ВИ наотрез отказывались признавать их территориальными органами, называя клубы «непартийными» и «автономными» организациями [Maraffi, 1995, p. 252]. Клубы ВИ сыграли некоторую роль в поставке кадров в партию и в работе с электоратом на время выборов, однако их важность быстро снижалась, число сокращалось [Donovan, 2015, p. 17]. Это соответствовало общепартийным тенденциям: политический активизм ВИ был завязан по большей части только с выборами, за пределами избирательной кампании круг задач у активистов на местах был ограниченный, если вообще присутствовал [Albertazzi, 2016].

Переход от ВИ к НС тут тоже показателен: «растворение» «Вперёд, Италия!» в новой формации преподносилось встряской забронзовевших партийных функционеров, оживлением динамичного политического движения, которое когда-то ворвалось на политическую сцену противостоять партократии⁸⁶. И ещё более показательно последующее возвращение к ВИ, ёмко выраженное депутатом Дж. Галаном: новая-старая ВИ – возврат к предпринимательской организации партии: «Вы больше не услышите разговоров о конгрессах, членских билетах, партийной системе, которая была импортирована ИКП в Италию шестьдесят лет назад»⁸⁷. Все эти хождения по кругу, среди прочего, объясняются стремлением хотя бы публично поддерживать образ организации, не скованной бюрократическим аппаратом.

⁸² Cronistoria della Lega Nord. Dalle origini ad oggi. Prima Parte 1979–1987. Segreteria Organizzativa Federale. URL: https://web.archive.org/web/20180308010756/https://www.leganord.org/phocadownload/ilmovimento/storia_In/01_lega_nord_storia79_87.pdf (дата обращения: 27.06.2025).

⁸³ Statuto Nazionale. antoniodipietro.it. URL: <https://web.archive.org/web/20030801162724/http://www.antoniodipietro.it/presentazione/statuto.php#0> (дата обращения: 16.07.2025).

⁸⁴ Non Statuto. The Political Party Database. URL: https://www.politicalpartydb.org/wp-content/uploads/Statutes/Italy/IT_M5S_2009.pdf (дата обращения: 23.06.2024).

⁸⁵ Berlusconi S. 2000. Primo Congresso Nazionale di Forza Italia. Discorso di apertura. L'Italia che ho in mente. Milano: Mondadori, P. 36.

⁸⁶ BERLUSCONI: Forza Italia si scioglierà nel Partito del popolo italiano della libertà. Forza Italia. URL: https://web.archive.org/web/20080206172750/http://www.forzaitalia.it/notizie/arc_12134.htm (дата обращения: 12.06.2025).

⁸⁷ Galan: "Sogno un duello tv tra la Cavaliere e Renzi". La Repubblica. URL: https://www.repubblica.it/politica/2013/06/27/news/galan_sogno_un_duello_tv_tra_la_cavaliere_e_renzi-61953073?ref=HREA-1 (дата обращения: 15.06.2025).

«Италия ценностей» А. Ди Пьетро шла схожим путём. Учреждению ИЦ предшествовали скептические и риторические вопросы Ди Пьетро о том, зачем вообще ему нужна «партия»⁸⁸. Экс-магистрат связывал партии как институт со старым режимом, старым и порочным способом организации политического сообщества, который следует преодолеть в пользу низовых гражданских ассоциаций. «Италия ценностей» – «не просто ещё одна партия, а фактор объединения, фактор возрождения морального вопроса»⁸⁹, гласил «Манифест намерений» 2001 года. Показательны выборы того же года: кандидаты фактически были предоставлены сами себе, самостоятельно организуя сбор подписей для выдвижения, самостоятельно же оплачивая расходы на выборы и самостоятельно же проводя организационные и координационные собрания⁹⁰. В этом смысле ИЦ соответствовала партиципаторной заявке: ограниченность ресурсов заставляла соратников Ди Пьетро надеяться только на себя, полагаясь на добровольный низовой активизм.

Устав, принятый уже после выборов, здесь ещё более красноречив. В документе ИЦ называлась в первую очередь «автономным политическим и культурным движением», во вторую – «форумом для участия, предложений, развития и демократических дебатов» и только в третью – «отчасти организованной партией, защищённой от рисков как идеологической партийной модели, так и модели простого избирательного комитета»⁹¹. ИЦ была партией лишь в третьестепенную очередь. В конце концов, как заявляла программа ИЦ, она хотела «демократии граждан вместо демократии партий»⁹².

«Пять звёзд» пошли ещё дальше, чем все остальные, о чём я подробно писал в другой работе [Вахрушев, 2025]. Здесь кратко отмечу: Грилло и Казаледжо говорили о «Пяти звёздах» как о стихии, движении наподобие Оссуру Wall Street. Объявляя о создании Д53, 4 октября 2009-го Грилло заявлял, что не собирается создавать «партию, аппарат, посредническую структуру», а хочет создать «движение» с конкретной программой, которой будут следовать кандидаты, напрямую коммуницируя со своими избирателями⁹³. Казаледжо в интервью 2013 года заявлял, что лидер Д53 – сам Д53, иронически говоря: «Я понимаю, что для тех, кто привык к партийным структурам, это сложная концепция для принятия»⁹⁴. И это было отчасти правдой. В своём анализе партии в тот же начальный период развития Д53 Ф. Тронкони [Tronconi, 2018, p. 169–170] заявлял, что локальные организации «Пяти звёзд» имели «тотальную» свободу: собрания активистов определяли избирательные программы, списки кандидатов; «центральный аппарат» Грилло и Казаледжо с его IT-компанией, занимавшейся администрированием платформ Д53, занимался публичным образом и общей координацией «Движения», давал разрешение на использование названия и логотипа «Пяти звёзд» в политических кампаниях.

Изменения же в политическом действии должны были в первую очередь обеспечены Сетью, которая заменила бы привычные формы политической организации. В октябре 2013-го силами Казаледжо была запущена Операционная система Д53 – онлайн-платформа, в которой зарегистрированным членам «Движения» можно было выбирать кандидатов на выборы, представителей партии на местном уровне, обсуждать законопроекты, голосовать за принятие того или иного общепартийного решения, собирать пожертвования на ведение электоральной кампании⁹⁵. А в июле 2015-го в бета-версию вышла «Руссо», обновлённая версия

⁸⁸ Breve biografia di Antonio Di Pietro e storia dell'Italia dei Valori dall'Assamblea di San Sepolcro del 21 marzo 1998 alle Elezioni politiche del 2006. Veneto Italia dei Valori, P. 7. URL: https://web.archive.org/web/20110722040031/http://www.veneto.it/ialiadeivalori.it/doc/Storia_IDV.pdf (дата обращения: 16.07.2025).

⁸⁹ Там же, p. 10.

⁹⁰ Там же, p. 10–11.

⁹¹ Statuto Nazionale. antoniodipietro.it. URL: <https://web.archive.org/web/20030801162724/http://www.antoniodipietro.it/presentazione/statuto.php#0> (дата обращения: 16.07.2025).

⁹² Programma politico. antoniodipietro.it. P. 6. URL: <https://web.archive.org/web/20030801103857/http://www.antoniodipietro.it/presentazione/PROGRAMMA.DOC> (дата обращения: 17.07.2025).

⁹³ Comunicato politico numero venticinque. Il Blog di Beppe Grillo. URL: <https://beppegrillo.it/comunicato-politico-numero-venticinque/> (дата обращения: 23.06.2024).

⁹⁴ L'intervista di Gianroberto Casaleggio al Fatto Quotidiano. Il Blog di Beppe Grillo. URL: <https://beppegrillo.it/l'intervista-di-gianroberto-casaleggio-al-fatto-quotidiano/> (дата обращения: 20.06.2024).

⁹⁵ Che cos'è? Una piattaforma? Un portale? No, è il Sistema Operativo del M5S. Il Blog di Beppe Grillo. URL: <https://beppegrillo.it/che-cos-e-una-piattaforma-un-portale-no-e-il-sistema-operativo-del-m5s/> (дата обращения: 27.06.2024).

Операционной системы, которая уже позволяла участвовать в написании законопроектов, голосовать за них, а также давала возможность предлагать собственные законодательные инициативы⁹⁶. До поры до времени Д53 не выстраивала территориальных структур, не пытаясь закрепиться на местах и отказываясь учреждать в центре какие-либо оформленные партийные органы для управления движением.

Только «Лига Севера», чьи лидеры открыто восхищались методами партийного строительства В.И. Ленина⁹⁷, принципиально строила массовую партию, к этому мы вернёмся чуть позже.

Здесь же отметим третью черту – фактическую неосуществимость стремления к «легковесности». Что Берлускони, что Ди Пьетро, что «Пяти звёздам» пришлось заняться активным партийным строительством – в первую очередь, чтобы более эффективно участвовать в выборах, а во вторую – чтобы как раз закрепиться на территории.

Берлускони активно занимался партийным строительством только тогда, когда находился в оппозиции: поражения на выборах подталкивали к перестройке партийной конструкции, в то же время победы на выборах приводили к заморозке эволюции и возвращению в модус «легковесной» партии [Mariotti, 2010, p. 7–10]. Последнее объясняется тем, что большая часть руководства ВИ, победив на выборах, получала государственные посты, а потому уже не могла заниматься партийными делами с тем же рвением, когда никакой министерской или парламентской работы на повестке нет [Mariotti, 2010, p. 15–16].

Так, именно во время пребывания в оппозиции в 1995–2001 гг., ВИ достроила скелет и нарастила мускулы своей организации: впервые – спустя четыре года после образования и победы в 1994-м – провела партийный съезд и приняла устав в 1998 году, институционализировала национальные, региональные и территориальные органы, учредила, подобно партиям прошлого, смежные организации – молодёжную, женскую, организацию пенсионеров. Однако к середине «нулевых» стало очевидно, что Берлускони всё же выбрал промежуточную модель партийного развития – не «легковесная» партия, но и не массовая, что показал опыт НС. Член региональной ассамблеи Фриули-Венеция-Джулия от НС говорил, что партия «обеспечивает себя структурой, которая раздувается и приходит в действие, когда приходят выборы» [McDonnell, 2013, p. 229]. Член туринского заксобрания называл НС «чрезвычайно компактной и чрезвычайно гибкой партией, которая может раздуваться, когда приходят выборы, но затем она неизбежно сдувается, потому что делегирует наиболее важные функции своим институциональным представителям» [McDonnell, 2013].

Ди Пьетро, опять же, шёл вслед за своим архиврагом Берлускони. В 2009 году лидер ИЦ анонсировал новую стратегию партии по экспансии своего присутствия и укреплении организации с целью создать «великую партию, которую не смогла создать Демократическая партия»⁹⁸. Так, уже в 2010-м была учреждена молодёжная и женская организации ИЦ [Braghiroli et al., 2011, p. 88–92]. Однако проблема тут для партии экс-магистрата была в том, что, расширяя ИЦ, последний обращался к людям с опытом в политике. А позже они – вроде Д. Шилипотти, А. Рацци, С. Де Грегорио, Г. Порчино, Л. Орландо – или сбегали из ИЦ, в том числе после получения взятки, или оказывались под обвинениями правоохранителей, в том числе за связи с мафией, или попросту вызывали раз за разом конфликты и расколы внутри партии⁹⁹. Возможно, не попади сам Ди Пьетро в коррупционный скандал, то ИЦ, подобно ВИ и НС, благополучно прошла бы все пертурбации и

⁹⁶ Rousseau. Il Blog di Beppe Grillo. URL: <https://beppegrillo.it/rousseau/> (дата обращения: 28.06.2024)

⁹⁷ Maroni: “La Lega è ispirata a Lenin, ma è post-ideologica”. blitz quotidiano. URL: <https://archivio.blitzquotidiano.it/politica-italiana/lega-maroni-ispirata-lenin-ma-post-ideologica-439737/> (дата обращения: 14.07.2025).

⁹⁸ Telese L. Di Pietro: “Farò io il grande partito che sostituirà i Democratici”. Il Giornale. URL: <https://www.ilgiornale.it/news/pietro-far-io-grande-partito-che-sostituir-i-democratici.html> (дата обращения: 20.07.2025).

⁹⁹ Oggiano F. Il ritorno di Di Pietro: «Sono stato troppo grillino». Vanity Fair Italia. URL: <https://www.vanityfair.it/news/politica/2018/01/16/il-ritorno-di-di-pietro-sono-stato-troppo-grillino> (дата обращения: 20.07.2025); Alfano S. Vi racconto la storia del mio “allontanamento” da Italia dei Valori. Il Blog di Sonia Alfano. URL: <https://web.archive.org/web/20120628093459/http://www.soniaalfano.it/2012/05/24/vi-racconto-la-storia-del-mio-allontanamento-da-italia-dei-valori/> (дата обращения: 22.07.2025).

пошла бы дальше по пути партийного строительства, но случилось обратное. В любом случае тенденцию зафиксировать можно: ИЦ от партии автономных активистов, предоставленных самим себе в «нулевые», переходила к более организованной структуре.

Д53 не отставала от тренда. Здесь можно выделить две узловых точки: 2017 и 2021 гг. В 2017-м «Движение» приняло новый устав, в котором в противоречии со своими прошлыми заявлениями ввело должность политического лидера, избираемого членами партии с помощью «Руссо». Кроме того, был принят новый этический кодекс, формализована управленческая структура и отдельные партийные органы. По наблюдению Бординьона и Чеккарини, произошла централизация сильного руководства с обширными дискреционными полномочиями, причём важно отметить, что эти изменения были попросту спущены сверху без всяких обсуждений [Bordignon, Ceccarini, 2018, p. 358–359].

Ещё более важные изменения произошли 2021-м, когда в партии сменилось руководство и её возглавил экс-премьер Дж. Конте. Последний ещё больше централизовал структуру: переименовал должность политического лидера в «президента» — отныне единственного человека, ответственного за определение и реализацию политической линии Д53¹⁰⁰. Кроме того, президент взял на себя контроль за Комитетом по территориальным отношениям и начал назначать координаторов «Движения» на региональном, провинциальном и муниципальном уровнях. На федеральном же уровне Д53 учредило в общей сложности 17 профильных комитетов — об антипартийности в таких обстоятельствах говорить уже стало невозможно.

«Лига Севера», напротив, не сильно отходила от традиций «старой политики» по организации партий: ещё в «девяностые» были открыты молодёжные организации, создан собственный профсоюз, запущены партийные газеты и журналы, радиостанция. За фольклорным фасадом «Лиги» скрывалась разветвлённая структура с множеством рангов, большим количеством преданных добровольцев и собственным «правлящим классом»¹⁰¹. «Правая рука» Босси, Р. Марони, как раз и говоривший о следовании ЛС ленинским принципам, подчёркивал, что «Лига» с самого начала создавалась как «партия тяжёлого веса», в отличие от ВИ¹⁰². Один член НС не без зависти говорил о своих союзниках: «Лига — настоящая партия, истинная партия, одна из таких партий, где участников обучают и держат в курсе событий. Я имею в виду, настоящая партия! Одна из таких партий, которые однажды существовали» [Albertazzi, 2013, p. 10]. Сами «лигисты», сравнивая себя с тем же «Народом свободы», открыто говорили о пластиковом характере партии Берлускони, которая занимается активизмом только во время выборов, не уделяя должного внимания локальной политике и не имея внутреннего единства и идеологической цельности — в отличие от партии Босси [Albertazzi, 2013, p. 11–14]. «Лигистская» модель партийного участия, в которой, чтобы быть полноценным членом ЛС, необходимо деятельно доказывать свою преданность делу, помогала укрепить позиции партии на территории, а также оградить организацию от ненадёжных элементов [Albertazzi, 2016, p. 5]. Как объяснял активист партии из Венето: «Так случилось, что с 1980-х годов способ ведения политики, основанный на отборе и обучении людей, был заброшен. Лига вновь начала этим заниматься. Теперь, чтобы вступить в Лигу, нужно отслужить срок и проявить себя» [Albertazzi, 2016]. К началу 2010-х гг. партия старалась проводить на местах не менее одного собрания в неделю, занимаясь также обслуживанием стендов «Лиги» в городах, общаясь с прохожими, направляя и коммуницируя с собственными активистами и выстраивая организацию «лигистского» движения на территории [Albertazzi, 2016, p. 6–7]. Р. Марони был прав в том, что «Лига» больше остальных современников походила на массовую партию, и в этом была её отличительная особенность.

Четвёртая черта популистских партий — персоналистский характер. Здесь законодателем мод снова был Сильвио Берлускони [Calise, 2000]. Все партийные креатуры Берлускони были его

¹⁰⁰ Здесь и далее по абзацу: Statuto del MoVimento 5 Stelle. MoVimento 5 Stelle. URL: <https://www.movimento5stelle.eu/wp-content/uploads/2022/02/STATUTO-M5S-aggiornato-con-le-modifiche-richieste-dalla-Commissione-di-Garanzia-22.02.2022.pdf> (дата обращения: 28.09.2024).

¹⁰¹ Maroni: «La Lega è ispirata a Lenin, ma è post-ideologica».

¹⁰² Там же.

личными проектами, в которых он имел непререкаемый и неприкасаемый авторитет, настолько что даже после его смерти должность президента ВИ была навечно закреплена за ним в уставе партии ¹⁰³. И здесь справедливы в совокупности характеристики, данные М. Мараффи и Дж. Хопкином: ВИ – это и «личная патримониальная партия» [Maraffi, 1995], и «бизнес-партия» [Hopkin, Paolucci, 1999]. Фундамент ВИ заложили функционеры Fininvest, то есть подчинённые Берлускони, вроде А. Кодињони (территориальная координация партии и клубов), А. Горлы (коммуникация и имидж), Р. Спингарди (внутренняя структура и отношения с внешними организациями), М. Вальдуччи (связи с местными органами власти, депутатами и сенаторами) и др. [Maraffi, 1995, p. 250]. А адвокат Берлускони, Чезаре Превити, вовсе стал национальным координатором партии [Maraffi, 1995]. Давнишний друг Кавальере, Марчелло Делль'Утри, возглавлял в Fininvest рекламную фирму Publitalia, на выборах 1994-го она занималась имиджем партии, а также отбором кандидатов на выборы, 60 человек из итогового списка ВИ в электоральной кампании 1994 года были функционерами рекламного подразделения Берлускони [Любин, 2004, с. 103].

В новом веке это всё продолжилось: именно Берлускони решил, что ВИ должна стать НС, а НС позже снова стать ВИ. Берлускони друг за другом тасовал координаторов партии, ответственных за её организацию, отличных друг от друга во взглядах на то, куда она должна идти: К. Скайола, С. Бонди, Д. Вердини, А. Альфано, Дж. Тотти, М. Карфанья, А. Таяни и др. Берлускони по своей прихоти и по своему усмотрению формировал президиумы, назначал квадриумvirаты ¹⁰⁴, «комитеты 14» по реформам партии ¹⁰⁵. Все эти структуры наполнялись людьми, чьё положение во всём зависело от Берлускони и чей статус при конфронтации с Кавальере, как в случае с Альфано и Карфаньей, обнулялся. Без Берлускони эти видные при нём политики оказывались никем, а партия Берлускони жила дальше, сохраняя несмотря ни на что свой *modus operandi* как личная партия её основателя. Это подтверждают в конце концов избирательные кампании ВИ и НС: на победных выборах 2001 года лицо Берлускони было единственным лицом, которое присутствовало на рекламных щитах партии [Ginsborg, 2008, p. 95]; на выборах в Европарламент 2009 года Берлускони самолично выдвинулся сразу в пяти избирательных округах, хотя тогда уже занимал премьерский пост [McDonnell, 2013, p. 225]; на региональных выборах в Абруццо в 2008 и на Сицилии в 2009 гг. Берлускони хоть и не выдвигался самолично, но провёл «в поле» столько, словно сам собирался стать губернатором этих регионов [McDonnell, 2013]. Партией Берлускони был сам Берлускони.

«Лига Севера» также фактически была личной вотчиной Умберто Босси [Barracclough, 1998]. Ещё в 1980-х гг. «Лига» (тогда ещё «Ломбардская») ввела правило, что только её отцы-основатели имели право выбирать лидеров движения и определять его «политическую линию» ¹⁰⁶. На конгрессе 1991-го, формально учредившем «Лигу Севера», все члены движения получили право голоса, но право избрания высшего руководства партии так и осталось де-факто в руках самих руководителей ¹⁰⁷. В середине «девяностых» под влиянием политолога Дж. Мильо, сторонника сильной исполнительной власти, Босси рассматривал своё положение президента «Лиги Севера» через призму должности президента Республики по Мильо: он обязуется следить за Конституцией, исполнением правил, соблюдением принципов и достижением целей, и если для всего этого будут нужны авторитарные методы, то так тому и

¹⁰³ Statuto del Movimento Politico Forza Italia.

¹⁰⁴ Fi, Toti dopo l'addio lancia il tour del suo movimento politico e si rivolge a Salvini. Carfagna resta nel partito. La Repubblica. URL: https://www.repubblica.it/politica/2019/08/02/news/giovanni_toti_mara_carfagna_silvio_berlusconi_fi_forza_italia-232634325/ (дата обращения: 16.05.2025).

¹⁰⁵ Rivoluzione Berlusconi, cambia tutto in Forza Italia: ecco i nuovi 14 del vertice. E torna l'amazzone. Il Tempo. URL: <https://www.iltempo.it/politica/2020/05/12/news/rivoluzione-berlusconi-cambia-tutto-forza-italia-addio-quadrivirato-arriva-direttorio-14-torna-pure-michaela-biancofiore-maurizio-gasparri-1324854/> (дата обращения: 09.07.2026).

¹⁰⁶ Cronistoria della Lega Nord. Dalle origini ad oggi. Prima Parte 1979–1987. P. 40.

¹⁰⁷ Cronistoria della Lega Nord. Dalle origini ad oggi. Seconda Parte 1988–1995. Segreteria Organizzativa Federale. P. 10. URL: https://web.archive.org/web/20180309023952/https://www.leganord.org/phocadownload/filmovimento/storia_ln/02_lega_nord_d_storia88_95.pdf (дата обращения: 27.06.2025).

быть [Riccone, 1991, p. 30]. При Мильо в «Лиге Севера» почти официально оформились течения¹⁰⁸, но они возникли не естественным путём, а с разрешения и дозволения её лидера, не в целях расширения внутренней демократии, а для сегментации и упрощения координации «Лигой» — они не оспаривали и не могли оспаривать позиции Босси. И, как и в случае с Берлускони, Босси безжалостно подавлял сопротивление его власти. Ф. Кастеллацци в 1991-м, в век партотократии, вздумал сотрудничать с другими партиями на локальном уровне, и за то был исключён из ЛС. Ф. Рокетта, несмотря на свой статус основателя автономистского движения в Венето, был выгнан из «Лиги» в 1994-м за сношения с «Берлускайзером». В 1999-м в результате заседания Федерального совета партии 5 июля по обвинению в создании «контрлиги» под протекцией Берлускони из неё были изгнаны парламентарии В. Ньютти, Дж. Чеккато и П. Бампо, затем добровольно снял с себя полномочия глава пьемонтского отделения ЛС Д. Комино. Позже, на внеочередном конгрессе партии в Варезе 25 июля, Д. Комино попытался выдвинуться на пост федерального секретаря, но в итоге стал очередной «жертвой» Босси, утвердившегося в своём статусе президента за счёт обличения Комино.

Устав «Лиги» содержал положение, по которому основатели движения — те, кто подписал статут ЛС 1989 года и объявил независимости Падании в 1996-м, — получали особый статус: судить об их дисциплинарной чистоплотности мог только Федеральный совет¹⁰⁹. Иначе говоря, те же У. Босси, Р. Марони, Дж. Пальярини, Ф. Сперони, Р. Кальдероли и др. могли быть судимы только равными себе, подотчётны только себе. Никто не мог осудить Босси за отклонение от паданского сецессионизма или же изгнать Марони за сотрудничество с Берлускони, потому что устав попросту не позволял этого делать, зато Босси, когда ему надо было, изгонял из партии несогласных, в том числе за отклонение от паданского сецессионизма и за сношения с Берлускони. Руководство ЛС было узким кругом людей, обязанных своим статусом основателю движения, и этот узкий круг сторонников беспрекословно разделял мантру «Лига — это Босси, Босси — это Лига» [Albertazzi, McDonnell, 2005, p. 960].

Антонио Ди Пьетро также фактически и был «Италией ценностей» в роли президента-основателя с абсолютной властью внутри партии. Формально 6-я статья устава ИЦ утверждала целую россыпь органов на верхнем уровне партийной иерархии, но 10-я статья однозначно указывала на то, что именно президент (Ди Пьетро) здесь главный: он представляет партию, определяет и проводит её политическую линию, руководит организационной деятельностью, взаимодействует с другими партиями и организациями, контролирует хранение данных и реестр членов партии, распределяет обязанности и функции, обладает обычными и чрезвычайными полномочиями, назначает на оплачиваемые должности (единственный во всей партии), заключает договоры с третьими лицами, формирует вспомогательный ему президиум, который «обладает полномочиями, которые законом не предоставлены другим партийным органам»¹¹⁰. Даже уставы партий Берлускони и Босси настолько же очевидно не обозначали верховенство руководителя движения, а ведь это перечисление касалось только одной статьи. Существенной была и 16-я статья: по ней символ партии, право дополнять устав, определение кандидатур на выборах, право собственности на партийные веб-сайт и газету, назначение национального казначея, утверждение бюджетов и финансовых отчётов, принятие правил распределения денежных средств и т. д. определялись исключительно президентом-основателем партии [Braghiroli et al., 2011].

Опять же, именно экс-магистрат отвечал за кадровое расширение партии в противовес левоцентристской ДП в конце «нулевых»: все кандидатуры проходили фильтрацию национального руководства, что, собственно, негативно сказывалось на подборе персонала

¹⁰⁸ Passalacqua G. Le “correnti” del Carroccio. La Repubblica. URL: <https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/1993/07/04/le-correnti-del-carroccio.html> (дата обращения: 02.07.2025).

¹⁰⁹ Cronistoria della Lega Nord. Dalle origini ad oggi. Quarta Parte 1999. Segreteria Organizzativa Federale. P. 6. URL: https://web.archive.org/web/20180309024239/https://www.leganord.org/phocadownload/ilmovimento/storia_in/04_lega_nord_storia1999.pdf (дата обращения: 27.06.2025).

¹¹⁰ Statuto Nazionale. antoniodipietro.it. URL: <https://web.archive.org/web/20030801162724/http://www.antoniodipietro.it/presentazione/statuto.php#0> (дата обращения: 16.07.2025).

[Braghiroli et al., 2011, p. 92]. Именно экс-магистрат ратовал в 2010-м за то, чтобы ИЦ вновь слилась с левоцентристской ДП, что ИЦ уже делала неудачно более чем десятью годами ранее ¹¹¹. И здесь, опять же, внутренние протесты до поры до времени, как и в случае «Лиги», успешно подавлялись. Луиджи де Маджистрис, евродепутат от ИЦ, хотел сделать партию более открытой для общественных движений, более леворадикальной, прозрачной, представленной на местах и менее зависимой от её основателя, однако перед конгрессом начала февраля 2010-го, видимо, не без давления со стороны руководства, отказался от своих намерений [Braghiroli et al., 2011, p. 91–92]. Евродепутат С. Альфано, поддерживавшая Де Маджистриса и публично критиковавшая Ди Пьетро, в 2012-м была исключена из ИЦ без уведомления и без всяких формальных процедур, узнав о своём изгнании из прессы ¹¹². Только обвинения самого Ди Пьетро в коррупции в 2012-м сломили персоналистский характер власти над ИЦ знаменитого борца со взятками.

Даже «Движение пяти звёзд», говорившее себе как о стихии, также во многом было персоналистским. Беппе Грилло был лицом «Движения» – именно из его стендапов, личного блога, «Друзей Беппе Грилло» (групп в социальной сети Meetup), выросла партия. Грилло же принадлежали авторские права на символы и название партии, а потому в правомочиях Грилло было и изгнание несогласных из «движения без лидеров», к чему он прибегал уже на ранних стадиях движения [Tronconi, 2015, p. 130]. Среди этих первых «репрессированных» были, например, Дж. Фавиа и Ф. Сальси, открыто критиковавшие руководство Д53 за авторитаризм ¹¹³. В 2016-м Грилло – ещё до институционализации новых партийных органов – объявил себя «лидером», а не просто «гарантом» ценностей Д53 ¹¹⁴. Грилло же в 2019–2021 гг. был в центре неоднократных обсуждений того, стоит ли Д53 пытаться собирать новое правительственное большинство или нет ¹¹⁵, стоит ли приглашать Дж. Конте руководить партией или нет ¹¹⁶. Именно последний, как мы уже обозначили, централизовал партию вокруг себя, формализовав полное превосходство её президента и даже фактически лишив должности гаранта самого Грилло ¹¹⁷.

Пятая черта – формирование коммуникативных трендов в политике. Де-факто монопольный контроль Берлускони над частным телевидением в своё время обеспечил тому первый премьерский мандат. Практически прямое обращение к телезрителям, начавшееся с самого «выхода в поле» Кавальере в январе 1994 года, до поры до времени обеспечивало тому высокие рейтинги и власть [Durante et al., 2019], а телевидение в целом на ближайшие десятилетия стало основой политической коммуникации. И не в последнюю, если не в первую очередь именно Mediaset Берлускони определяла, как вообще выглядит телевидение в Италии, которое стараниями Кавальере всё больше напоминало развлекательное телевидение по типу американского [Barra, Scaglioni, 2013].

Ди Пьетро, в свою очередь, был первопроходцем в политическом интернет-блогинге, взаимодействуя с аудиторией уже напрямую через личный сайт antoniodipetro.org. Это было

¹¹¹ Di Pietro: "L'Idv è diventata maggiorenne e adesso sogno la fusione col Pd". La Repubblica. URL: <https://www.repubblica.it/politica/2010/02/05/news/congresso-idv-2197279/> (дата обращения: 22.07.2025).

¹¹² Alfano S. Vi racconto la storia del mio "allontanamento" da Italia dei Valori. Il Blog di Sonia Alfano. URL: <https://web.archive.org/web/20120628093459/http://www.soniaalfano.it/2012/05/24/vi-racconto-la-storia-del-mio-allontanamento-da-italia-dei-valori/> (дата обращения: 22.07.2025).

¹¹³ Serafini M. Grillo caccia dal M5s Favia e Salsi. Corriere della Sera. URL: https://www.corriere.it/politica/12_dicembre_12/a-giovanni-favia-e-salsi-ritirato-logo-movimento-cinque-stelle_1e5e2710-4442-11e2-a26e-c89e7517e938.shtml (дата обращения: 20.06.2024).

¹¹⁴ Italia 5 Stelle, Grillo: «Sono tornato a tempo pieno, dobbiamo ricompattarci. Oggi il No è la più alta forma di politica». Il Fatto Quotidiano. URL: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2016/09/24/italia-5-stelle-grillo-e-ora-di-ricompattarci-sono-tornato-atempo-pieno-oggi-il-no-e-la-piu-alta-forma-di-politica/3054342/> (дата обращения 28.06.2024).

¹¹⁵ Horowitz J. Italy's Government Faces a Confidence Vote Where Nothing Is Certain. The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/08/19/world/europe/salvini-italy-confidence-vote-elections.html> (дата обращения: 26.09.2024); Crimi V. Domani 11 febbraio votazione su Rousseau su Governo Draghi. Il Blog delle Stelle. URL: <https://www.ilblogdellestelle.it/2021/02/domani-11-febbraio-votazione-su-rousseau-su-governo-draghi.html> (дата обращения: 27.09.2024).

¹¹⁶ Roberts H. Italy's 5Stars in turmoil after founder rejects plans for reboot. Politico. URL: <https://www.politico.eu/article/italys-5stars-in-turmoil-after-founder-rejects-plans-for-reboot-beppe-grillo-giuseppe-conte/> (дата обращения: 28.09.2024).

¹¹⁷ Cosa accade ora che Beppe Grillo non è più garante del Movimento 5 Stelle. Wired. URL: <https://www.wired.it/article/beppe-grillo-movimento-5-stelle-garante/> (дата обращения: 09.07.2026).

очевидным решением: с учётом того, что Ди Пьетро метался от позиции «союзник левого центра» до «третьего пути», то именно Сеть была тем пространством, которое основные элитные группировки не поделили между собой, как это уже сделали с традиционными каналами медиакommunikации. Кроме того, и это было в духе провозглашаемой открытости низам: где, как не в Интернете, глас «простого человека» был слышен лучше всего?

«Пять звёзд» же сделали Сеть сущностью своего «Движения» – именно её коммуникативные возможности позволят не только организовать цифровой форум, но и буквально принимать участие в политике [Вахрушев, 2024]. Как уже было сказано, именно в Сети зародилось Д53 – в блоге Грилло, в соцсетях. И оно же начиная с 2013-го начало оперировать, по крайней мере декларативно, на основе собственной электронной политической платформы, чем и занимается до сих пор. При этом, несмотря на всю ограниченность, во многом фиктивность электронной демократии Д53 [Deseriis, 2017; Mosca, 2020], во всяком случае эксперимент по созданию чего-то нового – движения, в котором низы бы посредством Сети голосовали за кандидатов на выборы, предлагали законопроекты, выбирали представителей движения на местах, проводили онлайн-референдумы по тем или иным вопросам, – всё-таки имел место.

Шестая черта популистских партий пост-партократии – воспроизводство «партократических» практик. Во-первых, речь идёт о внутренней демократии. Как мы помним, ещё на заре Республики Н. Боббио говорил о необходимости демократизации партий, а позднее массовые партии партократии постоянно обвинялись в недостатке внутренней свободы. Популистские партии с этой точки зрения де-факто ситуацию не изменили, в чём отчасти виноват персоналистский, если не авторитарный характер власти лидеров популистских движений, что мы уже успели с вами кратко рассмотреть.

Во-вторых, нужно сказать и о новых формах консоциативизма, то есть сговора партий между собой в целях дележа политического пространства для получения взаимных выгод. Берлускони и Босси блокировались ради принятия выгодного себе электорального закона 2005 года, так называемого «Порчеллума», созданного, с одной стороны, для сохранения парламентских мандатов для Кавальере в условиях падающих рейтингов, а с другой – для спасения «Лиги Севера», чьи голоса в условиях преимущественно мажоритарной системы съедали собственные союзники. В 2013-м «Порчеллум» был объявлен не конституционным по своим ключевым положениям: по бонусу большинства для победившей партии или коалиции и по «закрытым спискам», по которым избиратель не имел права преференциального голоса, – он либо голосовал за весь список кандидатов от партии, утверждённый её руководством, либо не голосовал вовсе¹¹⁸. В правительстве Берлускони даже прямо говорили, что пропорциональный закон означает возврат к «партийному голосованию»¹¹⁹. То есть к возвращению «старой политики», против которой якобы и восстал Берлускони в 1994-м. В вопросе сговора можно отметить и взаимную поддержку в принятии законов о неприкосновенности высших лиц (президента, премьер-министра, спикеров обеих палат Парламента), опять же выгодные Берлускони и его союзникам. В течение 2000-х гг. они принимались дважды: сначала в виде «закона Скифани» (2003), а позже «закона Альфано» (2008), оба также были признаны неконституционными.

Но примеры сговора можно найти не только в правом лагере. В период 2018–2022 гг. «Пять звёзд», набравшие на последних выборах относительное большинство голосов, всеми правдами и неправдами вопреки собственным убеждениям и ранним заявлениям о необходимости постоянного голосования трижды участвовали в реконфигурации правящего большинства, отказываясь от досрочных выборов, в том числе договариваясь с теми партиями, которых характеризовали как участников партократии (ДП, ВИ, ЛС и проч.). Всё это напоминало практику Первой республики, печально известной тем, что в среднем правительство в ней не выживало

¹¹⁸ La Consulta: il Porcellum è incostituzionale. Corriere della Sera. URL: https://www.corriere.it/politica/13_dicembre_04/consulta-boccia-porcellum-incostituzionale-172a817e-5d04-11e3-a319-5493e7b80f59.shtml (дата обращения: 20.06.2025).

¹¹⁹ La nuova legge elettorale. 2001-2006.governiberlusconi.it. URL: <http://2001-2006.governiberlusconi.it/elettorale.htm> (дата обращения: 20.06.2025).

больше года. Вот и антипартократические «Пять звёзд», таким образом, отдавали дань старой традиции: меняй правительства каждый год, но цепляйся за парламентские мандаты.

В-третьих, в контексте преемственности речь идёт о том, что Кализе называл «незаконностью» партократии – как прямые нарушения закона, так и поощрение к его нарушению в виде создания такой среды, в которой преступления становятся нормой. Здесь, в частности, может идти речь о пороке, сгубившем старую партократию, – коррупции. И Берлускони, и Босси, и даже знаменитый борец со взятками Ди Пьетро оказывались под обвинениями в нецелевом расходовании партийных средств или вовсе в подкупе.

Ч. Превити, адвоката Берлускони, не раз судили за взятки, в том числе за подкуп судьи ¹²⁰. Перечислять же все проблемы с законом и все судебные разбирательства Берлускони и уж тем более его окружения не хватит никаких страниц, одно заявление 2018-го о том, что он потратил 770 млн евро на 105 адвокатов на судебные разбирательства уже говорит о многом ¹²¹. Фактически всю свою карьеру политика Берлускони занимался тем, что ходил на выборы и судился.

Босси в духе Беттино Кракси занимался активным продвижением собственного сына по карьерной лестнице, причём в обход существующих процедур. Так, в 2009-м он получил статус «рядового активиста» без выслуги лет, а в 2010-м Босси-младший избрался в региональную ассамблею Ломбардии по списку партии единственным кандидатом в своём округе, хотя, опять же, не имел права в принципе участвовать в выборах из-за отсутствия опыта, согласно уставу ЛС ¹²². Но дело Ренцо Босси было ещё мелочью. Финалом для политической карьеры Босси-старшего стали обыски в штаб-квартире партии в Милане в апреле 2012-го по делу, выдвинутому против казначей партии Ф. Бельсито, которого обвинили в нечистоплотном ведении финансовых дел партии. В ордере на обыск утверждалось, что деньги, полученные от государственных возмещений «Лиге», были незаконным образом потрачены в личных целях на реновацию дома семьи Босси, отпуск его детей, а также инвестиции в размере 7 млн евро в Кипр, Норвегию и Танзанию ¹²³. Вскоре Умберто Босси сложил с себя полномочия федерального секретаря, а Босси-младший отказался от должности регионального советника и затем вышел из партии ¹²⁴.

Ещё более ироничным здесь был коррупционный скандал вокруг А. Ди Пьетро. К 2012-му «Италия ценностей» получила около 100 млн евро от государства в качестве возмещений за проведение избирательных кампаний, и, как показала в октябре 2012-го журналист-расследователь С. Джаннини, до 2009-го деньгами партии распоряжались всего трое человек, помимо самого Ди Пьетро, – назначенный им казначей С. Мура и жена Ди Пьетро, С. Маццолени ¹²⁵. Как выяснилось, Ди Пьетро, контролировавший казну ИЦ, использовал партийные средства для личных целей, в частности для реконструкции своего дома в Риме. Сам Ди Пьетро пытался оспорить выводы из расследований журналистов, а затем анонсировал проведение более строгой политики в отношении управления финансами партии, удаление своего имени из её символики, а также организацию открытых онлайн-праймериз для возрождения ИЦ ¹²⁶. Всё это закончилось тем, что Ди Пьетро вышел из партии и отправился на политическую пенсию, а ИЦ канула в безвестность.

¹²⁰ Imi-Sir, Previti affidato a don Picchi Farò l'avvocato in un centro sociale. La Repubblica. URL: <https://www.repubblica.it/2006/07/sezioni/politica/indulto-di-pietro/scalfari-indulto/scalfari-indulto.html> (дата обращения: 18.06.2025).

¹²¹ Giustizia, Berlusconi: "ho speso 770 milioni per 105 avvocati". Il Fatto Nisseno. URL: <https://www.ilfattonisseno.it/2018/02/giustizia-berlusconi-ho-speso-770-milioni-per-105-avvocati/> (дата обращения: 21.06.2025).

¹²² Storia di Renzo Bossi, detto il "Trota". Panorama, 2012. URL: <https://web.archive.org/web/20131124133904/http://italia.panorama.it/Lega-Nord/Storia-di-Renzo-Bossi-detto-il-Trota> (дата обращения: 15.07.2025); Renzo Bossi: «Do l'esempio, mi dimetto» Calderoli: «Lasci anche Rosi Mauro». Corriere della Sera. URL: https://www.corriere.it/politica/12_aprile_09/dimissioni-renzo-bossi_76c9fbd8-8235-11e1-9c86-d5f7abacde61.shtml (дата обращения: 15.07.2025).

¹²³ Bossi booted. The Economist. URL: <https://www.economist.com/newsbook/2012/04/05/bossi-booted> (дата обращения: 15.07.2025).

¹²⁴ Bossi presenta le dimissioni «irrevocabili» al consiglio federale, ora tocca al triumvirato. Corriere della Sera. URL: https://www.corriere.it/politica/12_aprile_05/bossi-consiglio-lega-belsito_95da7dca-7ef9-11e1-a959-e67ffe640cb1.shtml (дата обращения: 15.07.2025).

¹²⁵ Giannini S. Gli insaziabili. Corriere della Sera. URL: <https://www.corriere.it/inchieste/reportime/societa/gli-insaziabili/f4231284-2016-11e2-9aa4-ea03c1b31ec9.shtml> (дата обращения: 22.07.2025).

¹²⁶ Antonio Di Pietro al Fatto Quotidiano: "L'Italia dei Valori è morta a Report". Huffpost. URL: https://www.huffingtonpost.it/2012/11/01/antonio-di-pietro-al-fatto-quotidiano_n_2056348.html (дата обращения: 15.07.2025).

Заключение

Подводя итог, можно заключить, что антипартократическая риторика, характерная для всех популистов Второй республики, находила своё отражение и в антипартократической практике. Однако в вопросах партийного строительства имплементация антипартократизма на проверку оказывалась всё же более демонстративной, нежели субстантивной. Подчас под громкими заявлениями о борьбе со старыми способами ведения политики эти же способы консервировались и возрождались.

Список литературы

- Вахрушев И.Ю. 2025. Власть недостойных: идея партократии в дискурсе и практике итальянского «Движения пяти звёзд». *Genesis: исторические исследования*. 9: 33–53.
- Вахрушев И.Ю. 2024. Прямая и электронная демократия в идеологии и политике «Движения пяти звёзд». *Современная Европа*. 122(1): 194–205.
- Любин В.П. 2004. Берлускони и «Вперёд, Италия» (Обзор). *Современная Италия: Сб. обзоров и рефератов*. 1: 93–107.
- Любин В.П. 2007. Социалисты в истории Италии: ИСП и ее наследники, 1892–2006. Москва, Наука, 463 с.
- Albertazzi D. 2013. Amici Fragili: The alliance between the Lega Nord and the Popolo della Libertà as Seen by their Representatives and Members. *Modern Italy*. 18(1): 1–18.
- Albertazzi D. 2016 Going, Going,... not Quite Gone Yet? ‘Bossi’s Lega’ and the Survival of the Mass Party. *Contemporary Italian Politics*. № 8(2): 115–130.
- Albertazzi D., McDonnell D. 2005. The Lega Nord in the Second Berlusconi Government: In a League of its Own. *West European Politics*. 28(5): 952–972.
- Barra L., Scaglioni M. 2013. Berlusconi’s Television, Before and After. The 1980s, Innovation and Conservation. *Comunicazioni sociali*. 35(1): 79–89.
- Barracough R. 1998. Umberto Bossi: Charisma, Personality and Leadership. *Modern Italy*. 3(2): 263–269.
- Bobbio N. 1996. Tra due repubbliche. Alle origini della democrazia italiana. Roma, Donzelli, 160 p.
- Bordignon F., Ceccarini L. 2018. Towards the 5 Star Party. *Contemporary Italian Politics*. 10(4): 346–362.
- Braghiroli S., Verzichelli L., Bull D. 2010. Condemned to Ineffectiveness? The PD and IdV between Opposition and Coalition Strategies. *Italian Politics*. 26(1): 85–102.
- Calise M. 1994. The Italian Particracy: Beyond President and Parliament. *Political Science Quarterly*. 109(3): 441–460.
- Calise M. 2000. Il partito personale. Roma-Bari, Gius. Laterza & Figli, 176 p.
- Corduwener P. 2019. Democracy and the Entanglement of Political Parties and the State: Party–State Relations in 20th-Century France, Italy, and Germany. *Comparative Political Studies*. 53(1): 40–70.
- Corduwener P. 2022. The Italian Socialist Party and the Crisis of Party Democracy. The Transformation of the Italian Socialists. *Journal of Modern Italian Studies*. 28(2): 205–219.
- Cotta M. 2016. Partitocracy: Parties and their Critics in Italian Political Life. The Oxford Handbook of Italian Politics. Jones E., Pasquino G. (eds). Oxford: Oxford University Press, 41–52.
- Deseriis M. 2017. Direct Parliamentarianism: An Analysis of the Political Values Embedded in Rousseau, the «Operating System» of the Five Star Movement. *JeDEM – EJournal of EDemocracy and Open Government*. 9(2): 47–67.
- Donovan M. 2015. Berlusconi’s Impact and Legacy: Political Parties and the Party System. *Modern Italy*, 20(1): 11–24.
- Durante R., Pinotti P., Tesei A. 2019. The Political Legacy of Entertainment TV. *American Economic Review*. 109(7): 2497–2530.
- Forlenza R., Thomassen B. 2024. Italy’s Christian Democracy: The Catholic Encounter with Political Modernity. Oxford: Oxford University Press, 281 p.
- Ginsborg P. 2005. Silvio Berlusconi: Television, Power and Patrimony. London and New York, Verso, 195 p.

22.07.2025); Antonio Di Pietro replica a «Report» «15 case? Solo due appartamenti». L’eco di Bergamo. URL: https://www.ecodibergamo.it/stories/Cronaca/326256_antonio_di_pietro_replica_a_report_15_case_solo_due_appartamenti/ (дата обращения: 22.07.2025); Idv, Donadi si dimette da capogruppo alla Camera: “Sono sereno”. Il Fatto Quotidiano. URL: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2012/11/05/idv-donadi-si-dimette-da-capogruppo-alla-camera-sono-sereno/404357/> (дата обращения: 22.07.2025).

- Haig F. 2020. Democratic Centralisms–Plural? A Comparative Analysis of Functional Communism in the French and Italian Communist Party Federations of Var and Gorizia, 1956, 53(3): 27–54.
- Hopkin J. 2008. Decentralization and Party Organizational Change: The Case of Italy. London School of Economics. URL: <https://personal.lse.ac.uk/hopkin/hopkin%20italy%20chapter.pdf> (дата обращения: 12.07.2026).
- Hopkin J., Paolucci C. 1999. The Business Firm Model of Party Organisation: Cases from Spain and Italy. *European Journal of Political Research*. 35: 307–339.
- Krowel A. 2003. Otto Kirchheimer and the Catch-All Party. *West European Politics*. 26: 23–40.
- Maraffi M. 1995. Forza Italia. La politica italiana. dizionario critico (1945–95). A cura di Gianfranco Pasquino. Roma: Laterza, 247–259.
- Mariotti C. 2010. Silvio Berlusconi's Party of Only Children: The Organizational Model of Forza Italia. *Documentos de Trabajo Política y Gestión*. 17: 1–28.
- McDonnell D. 2013. Silvio Berlusconi's Personal Parties: From Forza Italia to the Popolo Della Libertà. *Political Studies*. 61: 217–233.
- Miriam A. Golden, Eric C. C. Chang. 2001. Competitive Corruption: Factional Conflict and Political Malfeasance in Postwar Italian Christian Democracy. *World Politics*. 53(4): 588–622.
- Mosca L. 2020. Democratic Vision and Online Participatory Spaces in the Italian Movimento 5 Stelle. *Acta Politica*. 6: 1–18.
- Piccone P. 1991. Federal Populism in Italy. *Telos: Critical Theory of the Contemporary*. 90: 3–18.
- Tronconi F. 2015. Beppe Grillo's Five Star Movement: Organisation, Communication and Ideology. London, Routledge, 254 p.
- Tronconi F. 2018. The Italian Five Star Movement during the Crisis: Towards Normalisation? *South European Society and Politics*. 23(1): 63–180.

References

- Vahrushev I.Iu. 2025. Vlast' nedostojnyh: ideya partokratii v diskurse i praktike ital'yanskogo «Dvizheniya pyati zvyozd» [The Power of the Unworthy: The Idea of Partitocrazia in the Discourse and Practice of the Italian Five-Star Movement]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 9: 33–53.
- Vahrushev I.Iu. 2024. Pryamaya i elektronnyaya demokratiya v ideologii i politike «Dvizheniya pyati zvyozd» [Direct and E-Democracy in the Ideology and Politics of the Five-Star Movement]. *Sovremennaya Evropa*. 122(1): 194–205.
- Lyubin V.P. 2004. Berlusconi i «Vperyod, Italiya» (Obzor) [Berlusconi and Forza Italia (Overview)]. *Sovremennaya Italiya: Sb. obzorov i referatov*. 1: 93–107.
- Lyubin V.P. 2007. Socialisty v istorii Italii: ISP i ee nasledniki, 1892–2006 [Socialists in the History of Italy: The PSI and Its Successors, 1892–2006]. Moskva, Nauka, 463 p.
- Albertazzi D. 2013. Amici Fragili: The alliance between the Lega Nord and the Popolo della Libertà as Seen by their Representatives and Members. *Modern Italy*. 18(1): 1–18.
- Albertazzi D. 2016 Going, Going, ... not Quite Gone Yet? 'Bossi's Lega' and the Survival of the Mass Party. *Contemporary Italian Politics*. № 8(2): 115–130.
- Albertazzi D., McDonnell D. 2005. The Lega Nord in the Second Berlusconi Government: In a League of its Own. *West European Politics*. 28(5): 952–972.
- Barra L., Scaglioni M. 2013. Berlusconi's Television, Before and After. The 1980s, Innovation and Conservation. *Comunicazioni sociali*. 35(1): 79–89.
- Barracough R. 1998. Umberto Bossi: Charisma, Personality and Leadership. *Modern Italy*. 3(2): 263–269.
- Bobbio N. 1996. Tra due repubbliche. Alle origini della democrazia italiana. Roma, Donzelli, 160 p.
- Bordignon F., Ceccarini L. 2018. Towards the 5 Star Party. *Contemporary Italian Politics*. 10(4): 346–362.
- Braghiroli S., Verzichelli L., Bull D. 2010. Condemned to Ineffectiveness? The PD and IdV between Opposition and Coalition Strategies. *Italian Politics*. 26(1): 85–102.
- Calise M. 1994. The Italian Particracy: Beyond President and Parliament. *Political Science Quarterly*. 109(3): 441–460.
- Calise M. 2000. Il partito personale. Roma-Bari, Gius. Laterza & Figli, 176 p.
- Corduwener P. 2019. Democracy and the Entanglement of Political Parties and the State: Party–State Relations in 20th-Century France, Italy, and Germany. *Comparative Political Studies*. 53(1): 40–70.
- Corduwener P. 2022. The Italian Socialist Party and the Crisis of Party Democracy. The Transformation of the Italian Socialists. *Journal of Modern Italian Studies*. 28(2): 205–219.
- Cotta M. 2016. Partitocracy: Parties and their Critics in Italian Political Life. The Oxford Handbook of Italian Politics. Jones E., Pasquino G. (eds). Oxford: Oxford University Press, 41–52.

- Deseriis M. 2017. Direct Parliamentarianism: An Analysis of the Political Values Embedded in Rousseau, the «Operating System» of the Five Star Movement. *JeDEM – EJournal of EDemocracy and Open Government*. 9(2): 47–67.
- Donovan M. 2015. Berlusconi's Impact and Legacy: Political Parties and the Party System. *Modern Italy*, 20(1): 11–24.
- Durante R., Pinotti P., Tesei A. 2019. The Political Legacy of Entertainment TV. *American Economic Review*. 109(7): 2497–2530.
- Forlenza R., Thomassen B. 2024. Italy's Christian Democracy: The Catholic Encounter with Political Modernity. Oxford: Oxford University Press, 281 p.
- Ginsborg P. 2005. Silvio Berlusconi: Television, Power and Patrimony. London and New York, Verso, 195 p.
- Haig F. 2020. Democratic Centralisms–Plural? A Comparative Analysis of Functional Communism in the French and Italian Communist Party Federations of Var and Gorizia, 1956, 53(3): 27–54.
- Hopkin J. 2008. Decentralization and Party Organizational Change: The Case of Italy. London School of Economics. URL: <https://personal.lse.ac.uk/hopkin/hopkin%20italy%20chapter.pdf> (дата обращения: 12.07.2026).
- Hopkin J., Paolucci C. 1999. The Business Firm Model of Party Organisation: Cases from Spain and Italy. *European Journal of Political Research*. 35: 307–339.
- Krowel A. 2003. Otto Kirchheimer and the Catch-All Party. *West European Politics*. 26: 23–40.
- Maraffi M. 1995. Forza Italia. La politica italiana. dizionario critico (1945–95). A cura di Gianfranco Pasquino. Roma: Laterza, 247–259.
- Mariotti C. 2010. Silvio Berlusconi's Party of Only Children: The Organizational Model of Forza Italia. *Documentos de Trabajo Política y Gestión*. 17: 1–28.
- McDonnell D. 2013. Silvio Berlusconi's Personal Parties: From Forza Italia to the Popolo Della Libertà. *Political Studies*. 61: 217–233.
- Miriam A. Golden, Eric C. C. Chang. 2001. Competitive Corruption: Factional Conflict and Political Malfeasance in Postwar Italian Christian Democracy. *World Politics*. 53(4): 588–622.
- Mosca L. 2020. Democratic Vision and Online Participatory Spaces in the Italian Movimento 5 Stelle. *Acta Politica*. 6: 1–18.
- Piccone P. 1991. Federal Populism in Italy. *Telos: Critical Theory of the Contemporary*. 90: 3–18.
- Tronconi F. 2015. Beppe Grillo's Five Star Movement: Organisation, Communication and Ideology. London, Routledge, 254 p.
- Tronconi F. 2018. The Italian Five Star Movement during the Crisis: Towards Normalisation? *South European Society and Politics*. 23(1): 63–180.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.07.2026

Поступила после рецензирования 15.08.2026

Принята к публикации 17.08.2026

Received 14.07.2026

Revised 15.08.2026

Accepted 17.08.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вахрушев Иван Юрьевич, соискатель степени кандидата исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0000-0003-2089-020X](https://orcid.org/0000-0003-2089-020X)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan Yu. Vakhrushev, Postgraduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.23

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-600-609

EDN EMWWGX

Оригинальное исследование

Гардарики как феномен этнокультурной трансформации: от варягов к Руси

Виноградов А.Е.

Независимый исследователь,

Россия, 119313, г. Москва

E-mail: alwynor@mail.ru

Аннотация. Легендарная территория/государство Гарды или Гардарики, занимающая важное место в скандинавских сагах о событиях на «Востоке», отождествляется многими исследователями с Русью. Этот тезис представляется верным лишь в отношении поздних описаний Гардов. В отношении большинства саг такая идентификация носит упрощенный, искусственно приближенный к другим историческим реалиям характер. Образ Гардов изначально складывался под влиянием сказаний германцев о событиях, происходивших задолго до знакомства скандинавов с Восточной Европой и совсем в другом регионе. В дальнейшем миграции, смена государственной и этнической картины в ряде регионов привели к мифологизации и географической переориентации первоначального исторического содержания. В определенном смысле это содержание пересекалось с древнерусским образом варягов.

Ключевые слова: Гардарики, Русь, варяги, Скандинавия, лангобарды, готы, Адам Бременский

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Виноградов А.Е. 2026. Гардарики как феномен этнокультурной трансформации: от варягов к Руси. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 600–609. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-600-609. EDN: EMWWGX

Gardariki as a Phenomenon of Ethnocultural Transformation: From the Varangians to Rus

Alexey E. Vinogradov

Independent researcher,

Moscow 119313, Russia

E-mail: alwynor@mail.ru

Abstract. Many researchers believe that the legendary territory/state of Garðar or Garðariki, which occupies a key place in Scandinavian sagas about events in the “East” was actually the country of Rus. This thesis appears true only in relation to the most recent descriptions of this phenomenon. As for the underlying content, in most cases, such identification is a simplified, artificial approach to the more superficial nature of historical realities. The image of the Garðar was initially transformed by the influence of Germanic concealments about events that occurred long before the Scandinavians' acquaintance with Eastern Europe and with completely.

different directions The core of these legends dominated at the end of the British Migration Period on the Germano-Roman frontier, in the Gothic and Lombard kingdoms that, among other epic secrets, migrated north from the Middle Ages. The new cultural landscape, the shift in historical realities, and the shift in national and ethnic perspectives within the old classical space led to the mythologization and geographical reorientation of the original historical context. The southern “Garðar” became embedded in the mysterious “East” of the Scandinavian worldview as an undefined locus, a field of epic battles, and through the transformation of ancient legends in the Icelandic sagas, they merged with this field.

Keywords: Garðaríki, Rus, Varangians, Scandinavia, Lombards, Goths, Adam of Bremen

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Vinogradov A.E. 2026. Gardariki as a Phenomenon of Ethnocultural Transformation: From the Varangians to Rus. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 600–609 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-600-609. EDN: EMWWGX

Введение

В дискуссии о начальных этапах Древнерусского государства важным элементом выступают сведения скандинавских источников об Austrvegr («восточном пути»), концепт которого позже сменяют Garðar («Гарды»), а затем Garðaríki (где ríki – «государство»). Шведы и норвежцы торговали с этой страной, завоевывали отдельные ее части, являлись советниками, военачальниками, зятьями ее «конунгов», «связи с Гардарики были тесными» [Якобссон, 2009, р. 166]. При этом названия большинства населенных пунктов этой области – Holmgarðr, Aldeigjuborg, Kaenugarðr, Pallteskja многими исследователями «практически однозначно» отождествляются с Новгородом, (Старой) Ладогой, Киевом, Полоцком и др. [Джаксон, 2001, с. 3].

У многих исследователей Гардарики и Русь в целом выступают в качестве синонимов [Якобссон, 2009, р. 166; Noonan, 1998, р. 326]. Утверждается, что Русь именовалась северянами Austrvegr по ее географическому положению, а Garðar(íki) – по укрепленным поселениям, множественность которых запомнилась скандинавам [Джаксон, 1984, с. 133–143; Peterson, 2016, р. 197, 222, 305]. По мере социально-экономического развития Древнерусского государства и связей Руси и Скандинавии композит Гардарики, вероятно, все больше означал не столько «Страну укреплений», сколько «Страну городов» [Джаксон, 2015, с. 172–173].

Гарды или их традиционные локусы действительно идентифицируются с Русью в поздних северных источниках: так Александр Невский – конунг Хольмгарда [Рыдзевская 1978, с. 72], а тот локализуется в Ногардар (т. е. в Новгороде).

Объект и методы исследования

Объектом исследования стали сведения скандинавских источников о «восточном пути» Austrvegr и его поздней модификации Garðar, предметом – взаимоотношения этих географо-культурных концептов с локациями и персонажами из преданий континентальной Европы. В ходе работы был задействован историко-сравнительный метод анализа источников, а также взглядов, выводов и мнений, существовавших/существующих в отечественной и зарубежной науке по проблемам предполагаемого мифологического контекста ранней истории Руси. В свою очередь, проблемно-хронологический метод использовался для того, чтобы из широкого поля процессов конца эпохи Великого переселения народов выделить более узкую проблематику становления «варварских королевств» и их паневропейских связей. В соответствии с принципом историзма рассматриваются различные этапы эволюции Гардов как этнокультурного феномена.

Результаты и их обсуждение

Однако связи Русь-Гардарики порождали и порождают немало вопросов. Трактовка Garðar как «страны укреплений» в применении к Руси IX в. странна: количество городов в

последней даже в их скромном средневековом значении Е.А. Мельниковой представляется слишком небольшим, чтобы однозначно производить от них скандинавское название страны [Мельникова, 2001, с. 493]. Археологические данные показывают, что укрепленными поселениями в эпоху перед началом балтийских крестовых походов усеяна вся Восточная Прибалтика от Южной Финляндии до Литвы [Mägi, 2018, с. 117, 125, 255, 287]. В этом смысле Русь если и выделяется количеством укреплений – «градков малых», то скорее в меньшую сторону.

Второй вопрос возникает в связи с тем, что отдельные топонимы Гардов если и связываются с реальной топонимией Руси, то в определенно поздних северных источниках. Между тем еще античным, а затем и средневековым источникам была свойственна «перепрописка» названий (новая география *Эйстланда*, *Сарматии*, «амазонок» сильно отличалась от старой).

Констатируется, что скандинавские названия (Хольмгард, Острогард) «лишь условно можно признать за Новгородом» [Луцкай, 2020, с. 168]. В «Саге о Йоне» герои из Франции морем сразу попадают в Хольмгард – без путешествия по Неве и Волхову. В «Саге о фарерцах» география Хольмгарда (острова и мысы) настолько нетипична для Новгорода, что вынуждает Е.А. Рыдзевскую предполагать, что речь вообще идет не о Новгороде, а о Сааремаа [Рыдзевская, 1978, с. 70].

Прочим топонимам *Garðaríki* неоднократно предлагались реальные прототипы среди средневековых городов и местностей в Финляндии, Польше и др. Топоним *Alaborg* исходно локализовался в Дании, а как он попал в Восточную Европу, остается загадкой [Древняя Русь..., 2009, с. 289]. Другие при некоторых «улучшениях» могут привязываться то к самым разным географическим точкам: *Balagarðsida* у сторонников норманнской версии место «в шведских шхерах» [Рыдзевская, 1978, с. 65], а некоторые тюркологи видят в нем *Balgarðsida*, «западные форпосты болгар» [Набиев, 2006, с. 139]. Кэнугард (*Kaenugarðr*) связывается с Киевом, но, например, в «Саге о Йоне» он упоминается ближе к карелам и племенам у Ботнического залива [Джаксон, 2019, с. 20–21].

Все это дало основания Е.А. Мельниковой констатировать, что точная локализация *Austrvegr*, как и *Garðar(íki)*, неясна, возможно, второй хороним изначально обозначал лишь территорию между Ладогой и озером Ильмень [Мельникова, 2001, с. 292–293].

Однако в некоторых сагах Русь как раз локализуется может и не слишком далеко от Гардарики, но явно отдельно, что не похоже даже на ильменскую локацию. Скажем, в «Саге об Эгиле одноруком и Асмунде, убийце берсерков» Русь (*Rússía*) описывается как страна, лежащая между Хуналандом и Гардарики (*Húnalands ok Garðaríkis*) [Lagerholm, 1927, p. 1–2]. В свою очередь, автор исландского трактата «Какие земли лежат в мире» (конец XIII – нач. XIV вв.) протягивал пространство Гардарики куда-то далеко на запад от Руси, т. к. соседями этой Гардарики оказывалась Курляндия, приморская часть Пруссии и земля западнопоморских славян, Виндланд, находившаяся, в свою очередь, непосредственно «перед Данией» [Мельникова, 1986, с. 65]. Р.Ф. Набиев констатирует, что вообще оппозиция понятий «Руссаланд» – «Гардарики» «встречается неоднократно. Их слияние – результат позднейших представлений» [Набиев, 2006, с. 140].

Примечательно, что и сама Русь как будто незнакома со своей якобы норманнской историей. В частности, русские источники не называют ни одного из имен норвежских конунгов, находившихся, согласно сагам, на службе в Гардарики, и не упоминают известных по тем же сагам якобы русско-скандинавских браков (*Ingigerd* и *Jarisleifr*, их дочери *Ellisiv* и *Харальда Сигурдарсона* и т. д.) [Джаксон, 2001, с. 12].

Неизвестны русским и прочие правители – ярлы и конунги, согласно тем же сагам, якобы властвовавшие в различных частях Гардарики: *Burislaftr*, *Eiríkr*, *Síglami*, *Arngrímr* и т. д. [Глазырина, 2001, с. 143–159].

Все это очень странно, учитывая, что в других случаях летописцы сообщали и имена князей и их воевод, и имена княжеских жен, или, по крайней мере, их национальность – так, Владимир имел среди официальных жен «чехиню» и «болгарыню».

Е.А. Мельникова признает, что имена «русских» конунгов в сагах и описываемые там события реальны лишь в качестве редкого исключения [Мельникова, 2020, с. 26–40]. Зарубежный исследователь считает, что Аустрвег и Гардарики представляли слишком далекий от исландских сочинителей мир, чтобы на их сведения можно было полагаться [Muceniecks, 2014, p. 289].

Однако сведения северных саг и в целом источников о других, в том числе удаленных от Исландии регионах, кажутся не в пример точнее. Не только Англия – England и ее основные города (Lundun ok Jork), но и Венгрия (Vngaria), Иерусалим (Iorsalaheim), Рим (Roma) [Якобссон, 2009, с. 155, 160–161] имеют названия, которые передаются узнаваемо близко к оригиналу, их взаимное расположение также неплохо сверяется с географической картой.

Согласно Г.А. Харьковскому, понятие *Гарды* у скандинавов вообще носило мифологический характер: так называлось пространство «где смыкаются мир Йотунхейма и границы миров». Эти границы, однако, расширялись с прогрессом географических открытий, и тогда и на востоке, и на западе появлялись все новые Garðar [Харьковский, 2012, с. 190–195] (имеется ввиду Исландия – Garðarsholm, Garðar в Гренландии – А.В.)

Ф.Б. Успенский предполагает, что изначально название *Гарды* относилось к отрезку пути или территории от Новгорода, Киева до Константинополя (который у северян обозначался, наравне с Миклагардом, просто Гард) [Успенский, 2002, с. 290, 294]. При этом в некоторых рунических надписях предтеча Гардов Austrvegr, «восточный путь» продлевается и до Северной Италии (в других случаях относимой к условному «югу» [Древняя Русь..., 2009, с. 27]).

Но все же понимать пространство Garðar/Gardariki как сугубо мифологическое, «потустороннее» трудно, т. к. при всей запутанности оно предполагает некоторые реальные топонимические связи. Некоторые варианты саг непосредственно включали в состав Гардарики страну ливов у Рижского залива [Древняя Русь..., 2009, с. 285], внутреннюю часть Эстонии [Mägi, 2016, p. 216], а в Ермланд-Вармии находилась даже одна из резиденций правителей Гардарики [Древняя Русь..., 2009, с. 280].

В этой связи любопытно место из сочинения Ал-Идриси, в котором, казалось бы, в совершенно другой географической точке, среди описания Черного (Бунтас) моря упоминаются странные для этой акватории значительные острова: Азала и Сарамба [Коновалова, 2006, с. 200–201] (несмотря на неоднозначность арабской терминологии, в данном случае речь идет именно об островах [Бейлис, 1988, с. 67–76]), а также Гардийа – остров большой и населенный.

Логика соблюдения восточными географами античной традиции, согласно которой северные акватории – «Море Мрака», «Северный океан» – какими-то рукавами соединялись с южными, требует, на наш взгляд, рассмотрения этого сообщения в ином контексте. Имя Азала (Azela) практически безошибочно передает германское название крупнейшего острова Моонзундского архипелага Эзель (Ezel). Топоним Сарамба (Saranba) напоминает (с учетом искажений при транскрипции на арабский и обратно) или о *Сааремаа* (прежнем эстонском названии всего архипелага, поскольку арабский географ использовал разные источники, в том числе данные купцов, путешественников, это возможно), или о *Самбии*.

Как известно, Ал-Идриси творил свои основные сочинения при дворе норманнского владыки Сицилии, и, очевидно, в числе других источников пользовался преданиями северян. В этой связи третий топоним, Гардийа, можно рассматривать в контексте Гардарики и видеть в нем Готланд с его старинным топонимом Garda, как, впрочем, и Курляндию, Эстонию, у Адама Бременского считавшиеся «островами».

Все это не свидетельствует в пользу однозначного отождествления Гардарики с Русью. Проблематичны и сравнения названия этого пространства с названием Исландии Garðarsholm. Оно появилось в честь ее первопоселенца Гардара Сваварссона: представляется

маловероятным, чтобы в случае с таким обширным пространством, как Gaŕðar на востоке, в сагах и хрониках не уцелело аналогичного предания.

Появление, хотя бы и отрывочное, в том же контексте (причем в наиболее древнем, «восточного пути») Северной Италии нуждается, на наш взгляд, в особом объяснении. Как, например, и латинский характер антропонима *Марсилия* в контексте «Хольмгардарики» по «Саге о Йоне».

Таким образом, хороним Гарды (Гардарики) труднообъясним в свете любой из представленных гипотез. Также труднообъяснимо отсутствие упоминаний о скандинавском названии столь обширной страны в древнерусских, центрально- и западноевропейских источниках.

Вместе с тем показательно, что Е.А. Мельникова феномен Гардарики относит к континууму «легендарного» пространства саг о древних временах [Мельникова, 2018, с. 70]. Обращение вглубь времен, однако, на наш взгляд, недостаточно без анализа преданий о Гардарики в контексте инокультурного, прежде всего южного влияния на скандинавскую культуру. Возвращавшиеся на север со службы в римских, византийских владениях, готских, лангобардских королевствах воины и целые этносы несли с собой полученный в иных цивилизационных рамках багаж. Собственно, само название северной элиты *ярлы* соотносится специалистами с *герулы*, названием прославившегося на юге народа, или (учитывая его истоки как элитной военной группы, «полународа» [Stang, 2000, p. 120]), возможно, что в ее становлении участвовали реэмигранты с юга. Основа скандинавского плетеного орнамента была заложена при знакомстве германцев с византийской плетенкой в Северной Италии [Смирницкая, 2012, с. 31–82]. Эпическая традиция готов, странствовавших по разным частям Европы, повлияла на весь германский мир вплоть до Исландии [Джаксон, 2013, с. 50–51]. В рунической надписи из Южной Швеции начала IX в. прославляется «отважный духом» готский король Теодорих [Мельникова, 2024, с. 28–35], правивший задолго до того, как известно, Италией. В соотносимое с Гардарики легендарное пространство северных саг проникают античные персонажи Гомер, Менелай, Александр Македонский [Сага о Хрольве Пешеходе, 2008, с. 127–128].

Эти южные влияния перемежаются с преданиями о конунгах Гардарики. Так, в «Саге о Хервёре и Хейдрекке конунге» в одном историческом поле взаимоотношений северян с этой страной рассказывается о готах и гуннах и о битве близ Дуная (Dúnheidr) [The Saga of King Heidrek, 1960, p. 55–58].

Южные черты сохранила сага о Тидреке или Wilkinasaga: в ней упоминается Этцель (Аттила), готские предводители Эрманарих и Тидрек (Теодорих) и другие исторические личности, действие растянуто от итальянских Лангобардии и Берна-Вероны до городов, в других сагах ассоциированных с Гардарики. А также других государств, одно из которых, Rusziland, Ruszia, согласно саге, достается Аттиле с помощью главного героя.

Однако попавший в новгородское летописание «поганыи злыи Дедрикъ» [Королев, 2019, с. 16] (явно немецкий, а не скандинавский вариант первоисточника), обитающий в городе «Берне» (Вероне), никак не увязывается новгородцами с Русью. Это дает основания подозревать, что, несмотря на отдельные привязки к топо- и антропонимии реальной Руси X и более поздних веков, в историческом ядре сочинения значились совсем другие локации.

Основные сюжетные линии сказания о Тидреке не являются оригинальными скандинавскими, а восходят к немецкому циклу о Нибелунгах, составлены по «рассказам немецких людей» [Веселовский, 1906, с. 3–4]).

В разрезе заявленной темы интересным представляется связь (пересечение по нескольким действующим лицам [Азбелев, 2007, с. 38]) между этой сагой и записанной в XIII в. немецкой поэмой «Ортнит». Отправной точкой действия поэмы служит резиденция лангобардского короля в Гарте (Гарде). Это место близ одноименного озера расположено рядом с Вероной, «Gartten und Berne» упоминаются в поэме в одном контексте [Ortneit und

Wolfdietrich, 1906, p. 229]. И в данном случае один из героев поэмы Ylyas (Eias, Eligas), родственник короля, происходит из Руси (Riuzen).

Речь могла идти о русах на службе лангобардских властей, как и их римские предшественники, активно привлекавших иноплеменников. Но имена и титулы «русских» персонажей поэмы, задействованных в западноевропейской части повествования, мало напоминают славянские. В этой связи, а также из-за явной территориальной и культурной близости этих персонажей с Италией некоторые исследователи видят в них проявление не столько восточно-, сколько центральноевропейского этнического контекста [Анисимов, Рогожин, 2021, с. 83]).

Предполагаем, что впитавший устные предания лангобардов и готов немецкий эпос, вероятно, еще в устной форме, достиг Скандинавии, где, смешавшись с этногеографическими представлениями местных сказителей, стал основой саг о загадочной заморской стран Гардар. Мифологическая растянутость ее территории вплоть до Константинополя в чем-то напоминает ареал деяний героя «Ортнита», проявившего себя не только на Апеннинах, но и на Босфоре.

На наш взгляд, феномен Garðar может быть объяснен именно трансформацией преданий о готах Теодориха (столицей которого была Верона-Берн), вообще действовавших в бывших римских пределах германцев, включая лангобардов и Гарде – одной из ключевых крепостей/поселений вокруг одноименного озера. Она стала последним очагом сопротивления лангобардов франкам, которым не смог овладеть не только Карл, но затем и его наместник в Северной Италии Исмонд [Escoliani, 1842, p. 60].

Скандинавская мифологизация этих исторических преданий, перенесение их исторического контекста на Балтику облегчалась неопределенностью географических представлений северян как о Европе в целом, так и о балтийском регионе: согласно Адаму Бременскому, в XI в. скандинавы (датчане) только пытались исследовать дальние уголки Балтики, и то вернулись из-за сильных ветров и пиратов [Adam von Bremen, 1917, p. 240].

Закономерный вопрос: почему феномен Гардарики перемещается именно в балтийский регион и почему он постепенно либо отождествляется с Русью, либо описывается как страна «по соседству» с ней, преддверие?

В поисках ответа на него, как нам кажется, следует обратить внимание на другой исторический феномен, как и Гардарики, выделяющийся широтой своего географического контекста, связями с Русью и вместе с тем оригинальностью: речь идет о варягах. Они, согласно ПВЛ, занимали огромную территорию – от неопределенных балтийских островов до «пределов Симовых» на востоке, среди них были «варяги-Русь» Рюрика и при этом, как и Гардарики, этот феномен не отмечен в других европейских источниках (упоминания в польских хрониках скорее вторичны по отношению к древнерусским летописям, византийские *βάραινοι* по происхождению вряд ли связаны с варягами ПВЛ [Виноградов, 2023, с. 596–905]).

Как мы уже отмечали, генезис варягов, скорее всего, также уходит корнями в эпоху Великого переселения народов и связан с этнокультурными импульсами, шедшими из бывших провинций Рима [Виноградов, 2020]. Полагаем закономерным предположить, что оба феномена, Гардарики и варяги, возможно, во многом пересекаются по содержанию. Речь шла о группах из бывших солдат армий Римской империи, германских королевств Италии, к которым присоединялись также участники гуннских, а затем аварских войн. В Скандинавии они (или, точнее, образованная ими полития) стали известны по имени одного из ключевых опорных пунктов событий в Италии. В Восточной Европе этноним *варяги*, очевидно, восходил к *видивариям* Иордана и был связан с мультиэтническим характером дружин, пришедших с постримского юга в Прибалтику.

Дальнейшая трансформация обоих феноменов могла быть связана с историческим процессом ассимиляции: скандинавами – населения островов Балтики (ко времени Адама Бременского свеоны, отмечает он, распространяют свою власть почти до материковой Эстонии [Adam von Bremen, 1917, p. 242, 244]), восточными славянами – варягов в Восточной

Европе. Этот процесс, как и пусть отдаленная, опосредованная (через варягов) связь феномена Гарды с Русью, очевидно, способствовали тому, что в скандинавском эпосе Гарды и Русь постепенно стали сближаться вплоть до смешения.

Выводы

Представляется вероятным, что известный древнерусским летописям этнос или полития варягов, часть которого локализовывалась близ Балтики, скандинавам изначально была известна как Garða(riki). Разумеется, это пока всего лишь предположение, но потенциально способное составить конкуренцию традиционному для части историографии концепту «страны городов/укреплений». Возможно, и русское, и скандинавское названия имели далекие южные корни, были связаны с событиями постримской эпохи и позднейшими миграциями. Также, как по мере ассимиляции варягов на востоке их этнические черты становились в восприятии русских все более размытыми, на западе и «королевство» Garðariki, когда-то в представлении скандинавов бывшее преддверием Руси, постепенно ассоциировалось с самой Русью.

Список литературы

- Азбелев С. Н. 2007. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. Санкт-Петербург, «Дмитрий Буланин», 296 с.
- Анисимов К.А., Рогожин А.Н. 2021. Отражение культурно-политических связей Руси и Великой Моравии в эпической и исторической традиции XI–XVII вв. *Исторический формат* 3: 78–88.
- Бейлис В.М. 1988. Ал-Идриси о портах Черноморского побережья и связях между ними. Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средневековье. Ростов-на Дону: 67–76.
- Веселовский А.Н. 1906. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском). Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, т. 11: 1–190.
- Виноградов А.Е. 2020. Культура длинных курганов в свете варяжской проблемы. *Вестник МГПУ. Серия История. Политология*. 1: 8–20.
- Виноградов А.Е. 2023. У истоков корпуса варангов в Византии: норманны, армяне или персы? *Via in Tempore. История. Политология*, 50(3): 596–605.
- Глазырина С.В. 2001. Правители Руси (Обзор древнескандинавских источников). Древнейшие государства Восточной Европы. Москва. 143–159.
- Джаксон Т.Н. 2019. География Восточной Европы в представлении авторов исландских саг. *Петербургский исторический журнал*: 4: 18–24.
- Джаксон Т.Н. 2015. «Страна городов» и ее столица: Новгород в картине мира средневековых скандинавов. *Slověne = Словѣне*. 1: 172–173.
- Джаксон Т.Н. 2001. Austr I Gördum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. Москва, Языки русской культуры. 207 с.
- Джаксон Т.Н. 1984. О названии Руси Garðar. *Scando-Slavica* t. 30: 133–143.
- Джаксон Т.Н. 2013. О плавании из Индиаланда в Данию и о Менелае, конунге Таттарарики (географические описания в исландско-норвежских хрониках и сагах). *Золотоордынское обозрение*. 1: 45–56.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. 2009. Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Древнескандинавские источники. Москва, Русский Фонд Содействия Образованию и Науке. Т. V: 384 с.
- Коновалова И.Г. 2006. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. Москва, Восточная литература, 328 с.
- Королев А.С. 2019. К характеристике творчества летописца новгородского архиепископа Антония (первая четверть XIII в.). *Локус: люди, общество, культуры, смыслы* 1: 11–22.
- Лушай Ю.В. 2020. Сведения о Новгороде в западноевропейских средневековых источниках. *Novogardia* 1: 163–210.
- Мельникова Е.А. 1986. Древнескандинавские географические сочинения. Под редакцией В.Л. Янина. Москва, 232 с.

- Мельникова Е.А. 2018. «Сага о Хервёре и конунге Хейдреке» и проблемы циклизации германского героического эпоса в Скандинавии. Древнейшие государства Восточной Европы. Москва, Ун-т Дмитрия Пожарского: 47–81.
- Мельникова Е.А. 2020. Мотив как форма репрезентации исторической памяти: скандинавы в Восточной Европе в IX–X вв. в отражении древнеисландских викингских саг. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология* 1: 26–40.
- Мельникова Е.А. 2024. Между прошлым и будущим: репрезентация исторической памяти в рунических надписях V–XI вв. *Вестник РГГУ: Литературоведение. Языкознание. Культурология* 1: 12–51.
- Мельникова Е.А. 2001. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. Москва, Восточная литература. 495 с.
- Набиев Р.(Ф). 2006. Скандинавские источники о гуннах, булгарах и татарах. *Гасырлар авазы. Эхо веков*. 2: 136–141.
- Рыдзевская Е.А. 1978. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. Москва, Наука, 238 с.
- Сага о Хрольве Пешеходе. 2008. Перевод: М. Панкратова, В. Казанский, И. Губанов, Ю. Полуэктов. Пряди истории: Исландские саги о Древней Руси и Скандинавии. Под ред. Ю.К. Кузьменко. Москва, Водолей Publishers: 11–128.
- Смирницкая Е.В. 2012. Германский звериный стиль как орнаментальное искусство. Атлантика. Вып. X. Москва, Макс-Пресс: 31–82.
- Успенский Ф.Б. 2002. Скандинавы – варяги – Русь. Историко-филологические очерки. Москва, Языки славянской культуры, 451 с.
- Харьковский Г.А. 2012. Происхождение топонима Gardar и Древняя Русь. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. Вып. № 4. т. 13: 190–195.
- Якобссон С. 2009. Народы Аустрвега и исландская картина мира: Прощание с историческим мифом. Древнейшие государства Восточной Европы. Москва, РФСОиН: 142–171.
- Adam von Bremen. 1917. *Hamburgische Kirchengeschichte*. Hannover Leipzig, Hahn, 353 p.
- Escoliani L. 1842. *Ismond. Enciclopedia popolare, o Libro dei Settanta collezione di letture amenee utili ad ogni persona*. Milano Tip. di Paolo Lampato, III+ 192 p.
- Lagerholm A. 1927. *Drei lygisogur: Egils saga Einhenda ok Ásmundar Berserkjabana, Ála Flekks saga, Flóres saga konungs ok sona hans*. Halle (Saale), M. Niemeyer, LXXXIV+188 s.
- Mägi M. 2018. In Austrvegr. The Role of the Eastern Baltic in Viking Age. Communication across the Baltic Sea Leiden-Boston, Brill, 491 p.
- Mägi, M. 2016. The origin of Rus' and the Question of Balto-Finnic Role in this Process. – Jackson, T. (ed.) *The Earliest States of Eastern Europe. Old Rus' and Medieval Europe: the Origin of States*. Dmitriy Pozharskiy University, Moscow, 231–257.
- Muceniecks A.S. 2014. Austrvegr e Garðaríki. (RE)significações do leste na escandinávia tardo-medieval. São Paulo. 313 p.
- Noonan T.S. 1998. *The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900: The Numismatic Evidence* Farnham, Ashgate, 352 p.
- Ortneit und Wolfdietrich (nach der Wiener Piaristenhandschrift) Ed. J. L. Edlen von Lindhausen 1906. Tübingen, von H. H. Laupp, XXI+312 p.
- Peterson G.D. 2016. *Vikings and Goths: A History of Ancient and Medieval Sweden*. Jefferson (N.C.) McFarland&Co. 305 p.
- Stang H. 2000. *The Naming of Russia*. Oslo Universitet i Oslo. 120 p.
- The Saga of King Heidrek the Wise. ed. and trans. by Ch. Tolkien. 1960. London, T. Nelson&Sons, XXXVIII+100 p.

References

- Azbelev S.N. 2007. *Ustnaya istoriya v pamyatnikah Novgoroda i Novgorodskoj zemli* [Oral History in the Monuments of Novgorod and the Novgorod Land] St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 296 p.
- Anisimov K.A., Rogozhin A.N. 2021. Otrazhenie kul'turno-politicheskikh svyazey Rusi i Velikoj Moravii v epicheskoy i istoricheskoy tradicii XI–XVII vv. [Reflection of Cultural and Political Ties between Rus' and Great Moravia in the Epic and Historical Tradition of the 11th-17th Centuries]. *Historical format* 3: 78–88.

- Bejlis V.M. 1988. Al-Idrisi o portah Chernomorskogo poberezh'ya i svyazyah mezhdu nimi [Al-Idrisi on the Ports of the Black Sea Coast and the Connections between them]/ Torgovlya i moreplavanie v bassejne Chernogo morya v drevnosti i srednevekov'e. Rostov-na Donu: 67–76.
- Veselovskij A.N. 1906. Russkie i vil'tiny v sage o Tidreke Bernskom (Veronskom) [Russians and Wiltins in the Saga of Thidrek of Bern (Verona)]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii Nauk*. T. 11: 1–190.
- Vinogradov A.E. 2020. Kul'tura dlinnyh kurganov v svete varyazhskoj problemy [The Long Barrow Culture in Light of the Varangian Problem]. *Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series History. Political Science* 1: 8–20.
- Vinogradov A.E. 2023. U istokov korpusa varangov v Vizantii: normanny, armyane ili persy? [At the Origins of the Varangian Corps in Byzantium: Normans, Armenians, or Persians?]. *Via in in Tempore. History. Political Science* 50(3): 596–605.
- Glazyrina S.V. 2001. Praviteli Rusi (Obzor drevneskandinavskih istochnikov) [Rulers of Rus' (Review of Old Scandinavian Sources)] / *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 1999. Moscow: 143–159.
- Dzhakson T.N. 2019. Geografiya Vostochnoj Evropy v predstavlenii avtorov islandskih sag [Geography of Eastern Europe as Viewed by the Authors of the Icelandic Sagas]. *Petersburg Historical Journal* 4: 18–24.
- Dzhakson T.N. 2015. “Strana gorodov” i ee stolica: Novgorod v kartine mira srednevekovykh skandinavov [“The Country of Cities” and Its Capital: Novgorod in the Medieval Scandinavians’ Worldview]. *Slověne = Slovrne*. 1: 172–173.
- Dzhakson T.N. 2001. Austr I Gördum: drevnerusskie toponimy v drevneskandinavskih istochnikah [Austr I Gördum. Old Russian Toponyms in Old Scandinavian Sources] Moscow, Yazyki russkoj kul'tury. 207 p.
- Dzhakson T.N. 1984. O nazvanii Rusi Garðar [On the Name of Rus' Garðar]. *Scando-Slavica*. T. 30: 133–143.
- Dzhakson T.N. 2013. O plavanii iz Indialanda v Daniyu i o Menelae, konunge Tattarariki (geograficheskie opisaniya v islandsko-norvezhskih hronikah i sagah) [On the Voyage from Indialand to Denmark and on Menelaus, King of Tattarariki (Geographical Descriptions in the Icelandic-Norwegian Chronicles and Sagas)]. *Golden Horde Review* 1: 45–56.
- Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. 2009 [Ancient Rus' in Light of Foreign Sources]. Pod red. T.N. Dzhakson, I.G. Konovalovoj i A.V. Podosinova. Tom V: Drevneskandinavskie istochniki [Volume V: Old Scandinavian Sources]. Moscow, Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniju i Nauke, 384 p.
- Konovalova I.G. 2006. Al-Idrisi o stranah i narodah Vostochnoj Evropy: Tekst, perevod, kommentarij [Al-Idrisi on the Countries and Peoples of Eastern Europe: Text, Translation, Commentary] Moscow, Vostochnaya literatura, 328 p.
- Korolev A.S. 2019. K harakteristike tvorchestva letopisca novgorodskogo arhiepiskopa Antoniya (pervaya chetvert' XIII v.) [On the Characteristics of the Works of the Chronicler of Novgorod Archbishop Anthony (First Quarter of the 13th Century)]. *LOKUS: People, Society, Cultures, Meanings* 1: 11–22.
- Lushchaj Yu.V. 2020. Svedeniya o Novgorode v zapadnoevropejskikh srednevekovykh istochnikah [Information about Novgorod in Western European Medieval Sources]. *Novogardia* 2020 1: 163–210.
- Mel'nikova E.A. 1986. Drevneskandinavskie geograficheskie sochineniya [Old Scandinavian Geographical Works]. Pod redakciej V.L. Yanina. Moscow, 232 p.
- Mel'nikova E.A. 2018. "Saga o Hervyor i konunge Hejdreke" i problemy ciklizacii germanskogo geroicheskogo eposa v Skandinavii ["The Saga of Hervör and King Heidrek" and the Problems of Cyclization of the Germanic Heroic Epic in Scandinavia]. *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. Moscow, Un-t Dmitriya Pozharskogo, 2016: 47–81.
- Mel'nikova E.A. 2020. Motiv kak forma reprezentacii istoricheskoy pamyati: skandinav v Vostochnoj Evrope v IX-X vv. v otrazhenii drevneislandskih vikingskikh sag [Motive as a Form of Representation of Historical Memory: Scandinavians in Eastern Europe in the 9th-10th Centuries as Reflected in the Old Icelandic Viking Sagas]. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary criticism. Linguistics. Cultural studies* 1: 26–40.
- Mel'nikova E.A. 2024. Mezhdru proshlym i budushchim: reprezentaciya istoricheskoy pamyati v runicheskikh nadpisyah V–XI vv. [Between the Past and the Future: Representation of Historical Memory in Runic Inscriptions of the 5th–11th Centuries]. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies* 1: 12–51.
- Mel'nikova E.A. 2001. Skandinavskie runicheskie nadpisi. Teksty, perevod, kommentarij [Scandinavian Runic Inscriptions. Texts, Translation, Commentary]. Moscow, Vostochnaya literatura. 495 p.
- Nabiev R.(F). 2006. Skandinavskie istochniki o gunnah, bulgarah i tatarah [Scandinavian Sources on the Huns, Bulgars and Tatars]. *Gasyrlar avazy Echo of the centuries*. 2: 136–141.

- Rydzevskaya E.A. 1978. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya v IX–XIV vv. [Ancient Rus' and Scandinavia in the 9th–14th Centuries] Moscow, Nauka, 238 p.
- Saga o Hrol've Peshekhode. 2008 [The Saga of Hrolf the Pedestrian]. Per. M. Pankratova, V. Kazanskij, I. Gubanov, Yu. Poluektov. Pryadi istorii: Islandskie sagi o Drevnej Rusi i Skandinavii. Pod red. Yu.K. Kuz'menko. Moscow, Vodolej Publishers: 11–128.
- Smirnickaya E.V. 2012. Germanskij zverinyj stil' kak ornamental'noe iskusstvo [Germanic Animal Style as Ornamental Art]. *Atlantika*. Vyp. X. Moscow, Maks-Press: 31–82.
- Uspenskij F.B. 2002. Skandiny-varyagi-Rus'. Istoriko-filologicheskie ocherki [Scandinavians-Varangians-Rus'. Historical and Philological Essays]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 451 p.
- Har'kovskij G.A. 2012. Proiskhozhdenie toponima Gardar i Drevnyaya Rus' [The Origin of the Toponym Gardar and Ancient Rus']. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 4. t. 13: 190–195.
- Yakobsson S. Narody Austrvega i islandskaya kartina mira: Proshchanie s istoricheskim mifom. 2006. [The Peoples of Austrweg and the Icelandic Picture of the World: Farewell to the Historical Myth]. Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy. Moscow, RFSOIN 2009: 142–171.
- Adam von Bremen. 1917. Hamburgische Kirchengeschichte. Hannover Leipzig, Hahn, 353 p.
- Escoliani L. 1842. Ismond. Enciclopedia popolare, o Libro dei Settanta collezione di letture amene utili ad ogni persona. Milano Tip. di Paolo Lampato, III+ 192 p.
- Lagerholm A. 1927. Drei lygisogur: Egils saga Einhenda ok Ásmundar Berserkjabana, Ála Flekks saga, Flóres saga konungs ok sona hans. Halle (Saale), M. Niemeyer, LXXXIV+188 s.
- Mägi M. 2018. In Austrvegr. The Role of the Eastern Baltic in Viking Age. Communication across the Baltic Sea Leiden-Boston, Brill, 491 p.
- Mägi, M. 2016. The origin of Rus' and the Question of Balto-Finnic Role in this Process. – Jackson, T. (ed.) The Earliest States of Eastern Europe. Old Rus' and Medieval Europe: the Origin of States. Dmitriy Pozharskiy University, Moscow, 231–257.
- Muceniecs A.S. 2014. Austrvegr e Garðaríki. (RE)significações do leste na escandinávia tardo-medieval. São Paulo. 313 p.
- Noonan T.S. 1998. The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900: The Numismatic Evidence Farnham, Ashgate, 352 p.
- Ortneit und Wolf Dietrich (nach der Wiener Piaristenhandschrift) Ed. J. L. Edlen von Lindhausen 1906. Tübingen, von H. H. Laupp, XXI+312 p.
- Peterson G.D. 2016. Vikings and Goths: A History of Ancient and Medieval Sweden. Jefferson (N.C.) McFarland&Co. 305 p.
- Stang H. 2000. The Naming of Russia. Oslo Universitet i Oslo. 120 p.
- The Saga of King Heidrek the Wise. ed. and trans. by Ch. Tolkien. 1960. London, T. Nelson&Sons, XXXVIII+100 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.02.2026

Поступила после рецензирования 14.05.2026

Принята к публикации 16.05.2026

Received 06.02.2026

Revised 14.05.2026

Accepted 16.05.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Москва, Россия

Alexey E. Vinogradov, Candidate of Sciences in History, Independent researcher, Moscow, Russia

 [ORCID:0000-0002-3041-4103](https://orcid.org/0000-0002-3041-4103)

УДК 930.1

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-610-618

EDN DCRJQG

Оригинальное исследование

Проблема интерпретации образа князя Святослава как сюжетной единицы в тексте «Повести временных лет»

Солнцев Н.И.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

E-mail: sochin3@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена анализу образа князя Святослава, сложившемуся в отечественной историографической традиции начиная с «Повести временных лет». Используя приемы лингвистического исследования исторического текста, была предпринята попытка показать условия складывания портрета летописного персонажа с точки зрения функций, которые он выполняет в нарративе. Показаны его роль как в общем летописном контексте, так и в сюжете, раскрывающем отношения героя со своей матерью, княгиней Ольгой. Раскрывается роль образа Святослава в этом летописном рассказе. Дан аналитический портрет князя-воителя, его составляющие части, определены задачи протагониста в общем замысле летописца. Результатом проведенного исследования становится вывод, что основная задача Святослава как героя, согласно авторской концепции, заключалась в придании большей образности и значимости фигуре первой русской христианке Ольге, подчеркивании красоты и значимости ее духовного подвига. Это определило весьма далекую от исторической логики роль, отведенную князю-воителю. В «Повести временных лет» князь Святослав представлен не как исторический актер, а как литературный персонаж, выполняющий роль трикстера и играющий в летописном тексте строго отведенную ему автором роль.

Ключевые слова: летописная образность, аналитический портрет, литературный персонаж, авторский замысел, трикстер

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Солнцев Н.И. 2026. Проблема интерпретации образа князя Святослава как сюжетной единицы в тексте «Повести временных лет». *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 610–618. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-610-618. EDN: DCRJQG

Interpretation of the Image of Prince Svyatoslav as a Plot Unit in the Text of the “Russian Primary Chronicle”

Nikolai I. Solntsev

National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russia

E-mail: sochin3@yandex.ru

Abstract. The work is devoted to the analysis of the image of Prince Svyatoslav shaped in the domestic historiographic tradition, starting with the "Russian Primary Chronicle". Using the techniques of linguistic study of the historical text, an attempt was made to show the conditions for the formation of the portrait of the chronicle character from the point of view of the functions that he performs in the narrative. His role is shown both in the general chronicle narrative and in the plot revealing the relationship of the hero with his mother, Princess Olga. The role of the image of Svyatoslav in this chronicle story is revealed. The author provides an analytical portrait of the warrior prince and its constituent parts and determines the tasks of the protagonist in the general concept of the chronicle narrative. The findings allow a conclusion that the main task of Svyatoslav as a hero, according to the author's concept, was to give greater imagery and significance to the figure of Olga,

the first Russian Christian, emphasizing the beauty and significance of her spiritual feat. This determined the role assigned to the warrior prince, which was very far from historical logic. In the "Russian Primary Chronicle" Prince Svyatoslav is presented not as a historical actor, but as a literary character, playing the role of a trickster and playing in the narrative the role strictly assigned to him by the author.

Keywords: chronicle imagery, analytical portrait, literary character, author's intent, trickster

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Solntsev N.I. 2026. Interpretation of the Image of Prince Svyatoslav as a Plot Unit in the Text of the "Russian Primary Chronicle". *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 610–618 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-610-618. EDN: DCRJQG

Введение

На страницах «Повести временных лет» киевский князь Святослав Игоревич удостоился, наверное, самого полного и самого подробного жизнеописания. Описание его быта, диалогов с матерью, княгиней Ольгой, яркой речи перед верными ему воинами, трагическая гибель от рук коварного противника были настолько эмоционально и ярко представлены летописцем, что практически без изменений переключивались из одной летописной редакции в другую.

Объект и метод исследования

В XVI веке с угасанием летописной традиции рассказ о подвигах князя Святослава был изъят из общего контекста повествования и превратился в отдельный рассказ о выдающейся личности. С публикацией «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина историографический образ Святослава складывается окончательно. «В сии времена общего варварства гордый Святослав соблюдал правила истинно рыцарской чести», – провозглашает Карамзин [Карамзин, 1812, с. 199]. Новый этап развития русской исторической науки открывает «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева [Соловьев, 1851, с. 141–150]. Историк впервые задается вопросами, почему Святослав не наделил никакими правами сына Владимира, каким образом Переяславец мог стать серединой его земли, почему остался зимовать у порогов и не послушал Свенельда, каким образом спастись от половцев последний? Историк пытается размышлять на эти темы, но к убедительному ответу не приходит.

В последней трети XIX века интерес к исторической биографии постепенно снижается, уступая место описанию социально-экономических течений, определивших судьбы страны. На смену яркому историческому портрету, описывающему подвиги героя, приходит анализ его деятельности в масштабе исторических коллизий эпохи. В советской историографии Святослав представлен как великий воин, политик, направивший все свои силы на борьбу с Хазарским каганатом и Византией. Так был создан историографический портрет князя-воителя. Однако когда встал вопрос о публикации биографии Святослава в книжной серии «Жизнь замечательных людей», у автора возникли те же вопросы, что и у М.С. Соловьева [Королев, 2011, с. 5]. Другими словами, если убрать из мотиваций Святослава интересы «княжеско-боярских кругов», обстоятельства, заставившие его совершать те или иные поступки, так или иначе, требуют дополнительного объяснения.

Тем ценнее становятся размышления, выдвинутые историками и филологами, обратившими свое внимание на глубокую фольклорность образа героя. Так, Н.К. Гудзий нашел в образе Святослава следы дружинных песен [Гудзий, 1966, с. 68, 70]. Р.С. Липец сопоставила с образом князя такой элемент древнерусских лирико-эпических песен, как «славы», циклы которых, по мнению автора, легли в основу древнерусской поэтической традиции [Липец, 1977, с. 217–257]. Обширный критический анализ отраженного в летописи нарратива был сделан Е.А. Рыдзевской, которая обратила внимание на сложный синтез скандинавской и славянской фольклорной традиции [Рыдзевская, 1978, с. 160–161]. Однако даже самый широкий анализ места фольклорного элемента в описании летописного портрета

Святослава не отвечает на вопрос, какой смысл вкладывал автор летописи в создаваемый им образ Святослава, какую роль играл князь в общем замысле «Повести временных лет»?

В связи с этим традиционный историко-биографический подход, стремящийся реконструировать «реального» князя Святослава по летописным свидетельствам, обнаруживает свою ограниченность: он не способен объяснить внутренние противоречия образа и оставляет за рамками анализа его сюжетную функцию. Поэтому методологическую основу работы составляет комплекс приёмов, сложившихся в рамках «лингвистического поворота» и нарратологии средневекового текста. Ключевыми элементами предложенной методики выступают: выявление литературных заимствований и бродячих сюжетов, идеологической позиции летописца по отношению к персонажу; архетипические функции персонажа (с опорой на теорию архетипов К.Г. Юнга и понятие трикстера в разработке П. Радина), позволяющая определить роль Святослава в общей структуре летописного повествования.

Результаты и их обсуждение

В тексте князь Киевский биографически связан с действиями своей матери Ольги. Это разделяет летописное описание на две части. В первой части происходит презентация действующего лица, которое выводится летописцем первоначально как второстепенный персонаж, и только во второй части Святослав становится главным героем повествования.

Характерно, что летописный рассказ мог быть легко представлен как единое повествование начиная с детского возраста и кончая смертью на Днепровских порогах. Однако летописец поступает по-другому: он разделяет сюжет, вставляя информацию, наиболее ярко отражающую характер Святослава, в биографию Ольги, тем самым создавая повествовательный конфликт. И.П. Еремин подчеркивает, что подобный прием употребляется летописцем неоднократно, даже тогда, когда речь идет об описании одной личности [Еремин, 1968, с. 49–50], что уж говорить о столкновении столь разных образов матери и сына. Другими словами, на первое место в тексте выходят не мотивации поступков Святослава (исходя из текста, их можно только предполагать), а мотивации летописца, создающего образ князя, исходя из своих творческих замыслов.

Впервые Святослав появляется на страницах Повести временных лет в 6454 (946) году, когда Ольга с сыном «иде на Дерьвьску землю» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 24]. Он дает сигнал к атаке, которая заставила древлян ретироваться и запереться в городе. Герой показан здесь как несомненный второстепенный персонаж, несмотря на заявленный заголовок «Начало княженья Святославля» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 24]. Несмотря на то, что Ольга собирает воинов «съ сыномъ» и чуть позднее «устремися съ сыномъ» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 25], повествование строится от ее действий: «стоя Ольга лѣто», «Рече же имъ Ольга», «и послаша къ Ользѣ съ поклономъ», «и повелѣ Ольга» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 25]. Она же принимает все решения, она же ведет диалоги с противником. Возникает вопрос, зачем в эпизоде присутствует Святослав?

Дело в том, что летописец закончил эпическую и начинает формировать агиографическую часть образа княгини-христианки. Поэтому в этой части летописного рассказа Ольга выведена уже как персонаж, принимающий вынужденные решения: «Рече же имъ Ольга: «яко азъ мстила уже обиду мужа своего ... а уже не хочу мщати» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 25]. Тема Ольги-мстительницы в летописном тексте завершена [Солнцев, 2018, с. 94–102], далее в повествовании княгиня творит только благие дела. Поэтому летописец и возлагает ответственность за начало кровопролития на ребенка-Святослава. Именно он, а не его мать, дал сигнал к началу боя, для этого в начале текста и помещено объявление о начале его княжения. Таким образом, указанный сюжет говорит о том, что летописец формирует некую литературную концептуальность, реализация которой связана с деяниями молодого князя.

Данное утверждение полностью подтверждается следующим эпизодом летописного текста: «Живяше же Ольга съ сыномъ своимъ Святославльмъ и учашеть и мати креститися и не брежаше того ни во уши прімати» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 27]. Этой фразой открывается довольно длинный нравоучительный речитатив, имеющий ярко выраженную суггестивную форму. Летописец выстраивает глубоко назидательное отступление, задача которого – продемонстрировать всю обреченность язычества. Это формирует последовательный просветительский дискурс,

направленный на прямое личностное воздействие на участника коммуникации, читателя или слушателя. «Невѣрным бо вѣра хрестыянска уродство есть» [1 Кор. 1:18], «не смыслиша бо ... во тмѣ ходящии» [Пс. 81:5], «одобльша бо сердца их, ушима тяжко слышати, очима видѣти» [Ис. 6:10], «дѣла нечестивыхъ далече отъ разума» [Притчи 13:20], «понеже звахъ ... прострохъ словеса и не внимаєте» [Притчи 1:24–25] «възненавидѣша бо ... моя обличения» [Притчи 1:29–30], «кажай злыя пріемлетъ собѣ досаждение обличай нечестиваго поречеть собе ... не обличай злыхъ да не възненавидѣе тебе» [Притчи 9:7] [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 27].

Автор манипулирует адресатом-собеседником через такую семантическую категорию, как намек-осуждение, прибегая к стандартной форме импликации, личного отрицательного отношения к своему герою. Невежество Святослава для летописца очевидно: «аще кто отца ли матери не послушаетъ, но смерть пріиметъ» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 27] [Притчи 20:20]. Последнее еще раз указывает на то, что главный смысл разбираемого сюжета – не решение вопроса принятия им христианства как веры, а обличение в его лице язычества как явления. Святослав пренебрег верой матери, это приведет его к трагическому и нелепому концу, который для летописца вполне закономерен. Это и есть главное смысловое назначение рассматриваемого сюжета. Для того чтобы сделать описание ярче, летописец даже расширяет повествовательность рассказа, вводя в него бродячий литературный сюжет. Ответ Святослава матери «како язъ хочу инъ законъ пріяти единъ? В дружина сему смѣяться начнуть» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 27] практически аналогичен ответу короля Хлодвиг на предложение епископа Ремигия [Григорий Турский, 1987, с. 50]. Это еще раз подчеркивает прямой уход летописца от исторической составляющей биографии князя и подмену ее литературно-назидательным нравоведением, открывающим нам взгляд автора на дальнейшую судьбу героя.

Переходя к описанию возмужавшего Святослава, летописец удостаивает его весьма оригинальной характеристикой: «... нача вои совокупляти многи и храбры, и легко ходя аки пардусъ, воины много творяше. Ходя возъ по себѣ не возяше, ни котла, ни мясь варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядыше, ни шатра имяше, но подъякладъ поставъ и сѣдло в головахъ...» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 27].

Приведенная характеристика не так проста, как кажется. В.М. Истрин указывает на то, что сравнение с пардусом (гепардом) носило исключительно литературный характер и восходило к описанию Александра Македонского в «Александрии»: «абе устремися Александръ на восток и оттолѣ море перескочи, акы пардусъ дерзостию воюя землю Сурьсу» [Истрин, 1893, Приложения. 152] и в «Хронике» Георгия Амартола: «скочи акы пардусъ съ многою силою на вѣсточныя страны и грады» [Истрин, 1920, Текст. 42]. По мнению А.А. Шахматова, сравнение Святослава с пардусом попадает в «Повесть временных лет» из этих произведений [Шахматов, 2002, с. 103] и было настолько известно, что в Ермолинской летописи под 6472 годом в характеристике князя данный факт упоминается как само собой разумеющееся: «скакаше же яко пардусъ со многою легостию, и многи страны и грады приискываше, к себе пріводя, яко же Александр Макидоньский царь» [ПСРЛ. Т. 23. 1910. л. 10 об. с. 7]. Приходится вновь констатировать, что и в этом сравнении речь идет скорее о литературном образе Святослава, нежели о реальном человеке.

Анализируя облик летописного героя, нельзя не обратить внимание на весьма примечательное дополнение, высказанное А.А. Гиппиусом. Ученый указывает, что эталоном легкой походки в литературной традиции пардус не являлся. Удел гепарда «наскок», «прыжок», что, собственно, и отражено в описании действий царя Александра. Это дало возможность предположить, что выражение «легко ходя» в контексте древнерусского языка следует понимать как «ходить налегке» [Гиппиус, 2008, с. 48–49]. Данное наблюдение позволяет нам прочесть уже приведенную летописную фразу следующим образом: «Собрал много храбрых воинов и ходил налегке. Как пардус, совершая военные действия». Сравнение с пардусом следует отнести не к походке, а к характерным чертам поведения Святослава. О.В. Белова в своем «Славянском бестиарии», ссылаясь на азбуковик Д.В. Пискарева, о пардусе отзывается весьма кратко: «звѣрь лют» [Белова, 2001, с. 202]. Понятие «лют» имеет в древнерусском языке такие коннотации как «сильный», «жестокий», «тяжелый», но в то же

время «безнравственный и постыдный» [Срезневский, 1902, с. 97–98]. Автор «Слова о полку Игореве» определяет половцев, вторгшихся в русские пределы как «пардуже гнѣздо» [Памятники русской литературы. 1934, с. 70]. Следовательно, характеристику, данную летописцем Святославу, можно считать весьма далекой от положительной.

Не лучше характеризует героя и дальнейшее его описание. Как мы помним, Святослав котла с собой не возил, а «конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядыше» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 27]. Употребление в пищу конины на Руси IX–XII веков – вопрос довольно сложный. Имеются свидетельства того, что мясо лошади использовалось в кулинарии домонгольской Руси достаточно широко [Монгайт, 1955, с. 223–224, Цалкин, 1971, с. 183–184]. В то же время мнение о том, что употребление конины в древнерусском социуме было табуировано, поддерживают такие ученые, как Н.Н. Воронин [Воронин, 1948, с. 265–266], М.Г. Рабинович [Рабинович, 1975, с. 217, 156–224], Н.Н. Спасская, М.В. Саблин, К.А. Михеев [Спасская, Саблин, Михеев, 2011, с. 53]. Последнее утверждение кажется наиболее убедительным, так как, согласно наблюдениям Й. Харрмана, цена лошади в раннее средневековье была весьма значительна [Харрман, 1986, с. 80–81]. Кроме этого, существовал и религиозный запрет на употребление конины. Устав князя Ярослава (пространная редакция) прямо указывает на недопустимость таких гастрономических изысков: «Аще кто поганое съестъ по своей воле, или кобылину, или медвежину, или иное что отреченное, митрополиту в вине и казни» [Памятники русского права, 1952, с. 270]. Конечно, вслед за А.А. Гиппиусом можно предположить, что речь идет о мясе дикой лошади [Гиппиус, 2008, с. 50], данное предположение сопоставимо с фразой «конину ли, звѣрину ли», но даже в этом случае речь идет о запретной, «поганой» еде.

Не лучше подает летописец и походный быт своего героя: «ни шатра имяше, но подькладъ поставъ и сѣдло в головахъ» [ПСРЛ. Т. 1. 1846, с. 27]. Приведенная характеристика уже в XVIII веке получила весьма едкую оценку М.М. Щербатова: «въ какомъ подражаніи и нынѣ Татары остались» [Щербатов, 1770, с. 225]. Данное замечание наводит на размышления. Святослав, ест «конину или звѣрину, или падаль» [Щербатов, 1770, с. 225], в быту ведет себя как татарин, то есть некрещенный человек. В данном описании речь идет не столько о великом князе, сколько о язычнике как в быту, так и в рефлексиях. Рефлексии же героя весьма любопытны. Согласно летописи, для нападения ему вполне достаточно речитатива: «хочю на вы ити» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 27]. Далее описывается поход Святослава на Оку и Волгу, покорение вятичей, и только после этого «Иде Святославъ на Козары» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 27]. Казалось бы, описание событий вполне логично, однако еще А.А. Шахматов отметил, что диалог князя с вятичами: «кому дань даете» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 27] – более поздняя летописная вставка, задачей которой было объяснение мотивов агрессии Святослава [Шахматов, 2002, с. 96–97]. Таким образом, получается, что после спонтанного «иду на вы» князь, не задумываясь о мотивации, напал на хазар и нанес им поражение.

Каков же итог столь подробного описания личности возмужавшего Святослава? Со слов летописца, он жесток, как лютый зверь, питающийся поганой пищей, живет, как кочевник, для агрессии ему не нужна причина. Характерно, что вокруг него личности такого же культурного формата: «такоже и прочіи вои его вси бяху» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 27]. Подобная характеристика Святослава и дружины легко объясняет трогательную встречу рядом с осажденным кочевниками Киевом печенежского хана с посланником Святослава Претичем, за которой последовало открытое предложение дружбы: «буди ми другъ». Проникновенный ответ «тако створю» и «подаста руку межю собою» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 28], после чего состоялся торжественный обмен подарками. Другими словами, язычники встретились и побратались с язычниками и только после деблокировали Киев с запершимися в нем христианкой Ольгой и прочими далекими от духовных постулатов Святослава и его дружины жителями.

Весьма любопытен и следующий эпизод повествования, открывающийся речитативом Святослава: «нелюбо ми есть въ Кіеве быти, хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть середѣ въ земли моей, яко ту вся благая сходятся» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 28]. И.Н. Данилевский предлагает весьма убедительный разбор этого летописного эпизода [Данилевский, 2004, с. 161–167]. Исследователь указывает на параллели биографии Святослава и персидского царя Кира,

подчеркивая явные аналогии как в военных целях, так и в религиозных пристрастиях: оба персонажа представлены как язычники, оба персонажа закончат жизнь трагически [Данилевский, 2004, с. 165–166]. И тот и другой герой так и не смогли понять, что «середина въ земли» – это не то место, где «вся благая сходятся», а место спасения, Новый Иерусалим, на роль которого заступает «мать городов русских» Киев [Данилевский, 2004, с. 161–167, Солнцев, 2020, с. 541–551]. Не материальные блага должны доминировать в мотивациях истинного князя, а духовные, реализующиеся в полном совпадении со словами Нагорной проповеди: «Не собирайте себе сокровищ на земле ..., но собирайте себе сокровища на небе» [Матф. 6:19–20].

О том же говорит и гневная отповедь киевлян, данная Святославу: «Ты, княже, чужюю землю ищещи и блюдеши, а своя ся охавивъ ... аще ти не жалъ отчины своя, ни матере стары суца, и дѣтѣи своихъ» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 28]. Создается твердое впечатление, что Святославу в Киеве не место, поэтому, согласно сюжету, он уезжает, чтобы больше в город не вернуться: «посади Ярополка въ Києве, а Ольга въ Деревѣхъ» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 29]. Можно предположить, что по возвращении из Болгарии герой остается зимовать на днепровских порогах, так как в Киеве его не ждут и, скорее всего, не примут.

Следует отметить, что представленное в летописи описание Святослава рисует достаточно странный портрет древнерусского героя. Прежде всего, мы имеем дело с явным литературным персонажем, биография которого представляет собой ярко выраженный писательский бриколаж, опирающийся на щедрый список художественных сюжетов. Как следствие, рассматривать фигуру Святослава следует, исходя исключительно из тех повествовательных функций, которыми его наделил летописец.

В летописной повести образ Святослава практически целиком связан с повествованием о первой христианке, княгине Ольге. Именно от ее персонажа идут отсылки к биографии князя. Они организуют повествование и придают ему известную динамичность. После смерти княгини Святослав покидает Киев для того, чтобы туда больше не вернуться. Последнее говорит о том, что задачи данного действующего лица исчерпаны. Таким образом, следует рассмотреть функцию, выполняемую данным образом в произведении.

Литературный образ первой христианки княгини Ольги подан в «Повести временных лет» как символ предопределенного христианского будущего Руси. Открывая биографию своей героини грязью кровной мести, летописец доводит ее образ до образа «деньница передь солнцемъ ... первое вниде въ царство небесное отъ Руси» [ПСРЛ. Т. 1 1846, с. 29]. По сути своей данный образ символизирует саму русскую землю, стремящуюся обрести праведность веры, отказавшись от языческой скверны. Однако любое общество не однородно, рядом с праведниками должны существовать и грешники, символ попустительства божия. Именно в борьбе с ними и возникает литературный конфликт, оживляющий произведение, способствующий деидеализации происходящего. Этот конфликт и создает Святослав, он приносит в повествование элемент хаоса, он нарушает устои и традиции, превращая мир идеальный в мир реальный. Летописный Святослав – это трикстер, вводимый автором в произведение, для того чтобы подчеркнуть вариативность выбора пути развития Руси.

К.Г. Юнг характеризует трикстера как вариант архетипической «тени» человека. «Главный и наиболее пугающий признак которого – его бессознательное», – пишет он [Юнг, 1996, с. 347]. Его действия не подчиняются логике, они спонтанны, он не ищет выгоды, он не отвечает за последствия своих поступков. «У него нет каких-либо ценностей, моральных или социальных, он находится на службе у своих страстей и appetitов», – описывает функции трикстера П. Радин [Радин, 1999, с. 7–8]. Святослав оттеняет праведность Ольги своей порочностью, зримо подчеркивая этим всю красоту духовного подвига сопереживающей и прощающей его первой христианки. В «Повести временных лет» Святослав предстает перед нами в образе второстепенного героя или, по определению М.Н. Тимофеевой, как трикстер-направляющий, самая близкая к поэтике мифа литературная форма [Тимофеева, 2021, с. 83]. Отсюда и его глубокая архетипичность, близость к фольклорным образам, бродячим литературным сюжетам, ко всему тому, что так ярко формирует его летописный портрет.

Заключение

Портрет, созданный летописцем, был изначально далек от исторической логики. Возможно, некоторые черты древнего воителя были действительно близки к описанным, но не это интересовало автора. Авторская задача была иной, личность Святослава должна была продемонстрировать культурный разрыв языческой и нарождающейся христианской Руси. Он жесток и беспринципен, его батальная храбрость слепа и честолюбива. По сути своей Святослав выступает в рассказе как антигерой и протагонист в конфликте с матерью Ольгой. Как антигерой он удостаивается в летописи даже литературного жизнеописания. Однако летописец не развивает облик персонажа, не превращает его в самозначимого героя. Святослав не может противостоять Ольге. Он символизирует прошлое Руси, поэтому не может препятствовать реализации ее будущего. Отсюда и архетип трикстера, в который летописец облакает героя. Он не злодей, он – герой, создающий конфликт, разрушающий рамки, его действия должны были, с одной стороны, привлекать читателя, с другой стороны – внушать ему страх. Именно такой литературный Святослав, а не реальный исторический образ был необходим летописцу для реализации его замысла, демонстрации уходящего прошлого погрязшей в бессмысленном языческом грехе Руси. Князь-воитель предстает перед нами не как исторический актер, но как специально сконструированный литературный персонаж, фольклорный образ, выполняющий в летописном рассказе строго отведенную ему сюжетом роль и действующий согласно этой роли.

Список источников

- Григорий Турский. История франков: [Пер. с латин.]. Григорий Турский; Изд. подготовила и примеч. сост. В.Д. Савукова; Москва, Наука, Кн. II. 1987. 461 с.
- Памятники русского права. Памятники права Киевского государства X–XII век. Москва, Издательство юридической литературы, 1952. 288 с.
- Памятники русской литературы. Слово о полку Игореве. Москва–Ленинград: ACADEMIA, 1934. 306 с.
- ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. Санкт-Петербург, Типография Эдуарда Праца, 1846. 267 с.
- ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. Санкт-Петербург, Типография М.А. Александрова, 1910. 239 с.

Список литературы

- Белова О.В. 2001. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. Москва, Индрик, 320 с.
- Воронин Н.Н. 1948. История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Материальная культура. Москва–Ленинград, Издательство АН СССР, Т. 1. 484 с.
- Гиппиус А.А. 2008. Как обедал Святослав (Текстологические заметки). *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2(32): 47–54.
- Гудзий Н.К. 1966. История древней русской литературы. Москва, Просвещение, 544 с.
- Данилевский И.Н. 2004. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. Москва, Аспект-пресс, 370 с.
- Еремин И.П. 1968. Лекции по древней русской литературе. Ленинград, Издательство ЛГУ, 208 с.
- Истрин В.М. 1893. Александрия русских хронографов. Москва, Университетская типография, Приложения. 360 с.
- Истрин В.М. 1920. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследования и словарь. Пг.: Российская государственная академическая типография, Т. I. 615 с.
- Карамзин Н.М. 1812. История государства Российского. Санкт-Петербург, Изд. Н. Греча, Т. 1. 492 с.
- Королев А.С. 2011. Святослав. (Жизнь замечательных людей: сер., биогр.: вып. 1284). Москва, Молодая гвардия, 351 с.
- Липец Р.С. 1977. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.). Этническая история и фольклор. Москва, Наука: 217–257.
- Монгайт А.Л. 1955. Материалы и исследования по археологии СССР. № 49. Старая Рязань. Москва, Изд-во АН СССР, 228 с.
- Рабинович М.Г. 1975. Русское жилище XIII–XVII веков. Древнее жилище народов Восточной Европы. Москва, Наука: 156–224.
- Радин П. 1999. Трикстер. Трикстер: исследование мифов североамериканских индейцев с коммент. К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. Санкт-Петербург, Евразия, 288 с.
- Рыдзевская Е.А. 1978. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. Материалы и исследования. Москва, Наука: 159–240.

- Солнцев Н.И. 2018. Летописный рассказ о мести княгини Ольги: попытка семантического анализа. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2: 94–102.
- Солнцев Н.И. 2020. Особенности описания «своих» и «чужих» в космографическом введении «Повести временных лет». *Via in tempore. История. Политология*. Том 47. 3: 541–551.
- Соловьев С.М. 1851. История России с древнейших времен. Санкт-Петербург, Общественная польза, Кн. 1. Т. I–V. 881 с.
- Спасская Н.Н., Саблин М.В., Михеев К.А. 2011. Раннесредневековые лошади второй половины IX – начала X в. на Рюриковом городище. *Российская археология*. 4: 52–63.
- Срезневский И.П. 1902. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, Т. 2. 1803 с.
- Тимофеева М.Н. 2021. Эволюция роли трикстера в мировой литературе. *Символ науки*. 5: 82–85.
- Харрман Й. 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона. Пер. с нем. Е.А. Мельниковой. Славяне и скандинавы. Москва, Прогресс: 7–78.
- Цалкин В.И. 1971. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы. Древности Московского Кремля. Москва, Наука: 175–296.
- Шахматов А.А. 2002. История русского летописания. Санкт-Петербург, Наука, Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания в древнейших русских летописных сводах. 485 с.
- Щербатов М.М. 1770. История Российская с древнейших времен. Санкт-Петербург, Императорская академия наук, Т. I. 375 с.
- Юнг К.Г. 1996. Душа и миф: шесть архетипов. Пер. с англ. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 384 с.

References

- Belova O.V. 2001. Slavjanskij bestiarij. Slovar' nazvanij i simboliki [Slavic Bestiary. Dictionary of Names and Symbols]. Moscow «Indrik», 320 p.
- Voronin N.N. 1948. Istorija kul'tury Drevnej Rusi. Domongol'skij period. Material'naja kul'tura [History of Ancient Rus' Culture. Pre-Mongol Period. Material Culture]. Moscow-Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, T. 1. 484 p.
- Gippius A.A. 2008. Kak obedal Svjatoslav (Tekstologicheskie zametki) [How Svyatoslav Dined (Textual Notes)]. *Drevnjaja Rus': Voprosy medievistiki*. 2(32): 47–54.
- Gudzij N.K. 1966. Istorija drevnej russkoj literatury [History of Ancient Russian Literature]. Moscow, Prosveshhenie, 544 p.
- Danilevskij I.N. 2004. Povest' vremennyh let: germeneticheskie osnovy istochnikovedenija letopisnyh tekstov [The Tale of Bygone Years: Hermeneutic Foundations of Source Studies of Chronicle Texts]. Moscow, Aspekt-press, 370 p.
- Eremin I.P. 1968. Lekcii po drevnej russkoj literature [Lectures on Old Russian Literature]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU, 208 p.
- Istrin V.M. 1893. Aleksandrija russkih hronografov [Alexandria of Russian Chronographers]. Moscow, Universitetskaja tipografija, Prilozhenija. 360 p.
- Istrin V.M. 1920. Hronika Georgija Amartola v drevnem slavyano-russkom perevode. Tekst, issledovanija i slovar' [The Chronicle of George Hamartolos in the Old Slavic-Russian Translation]. Pg.: Rossijskaja gosudarstvennaja akademicheskaja tipografija, T. I. 615 p.
- Karamzin N.M. 1812. Istorija gosudarstva Rossijskogo [History of the Russian State]. Saint Petersburg, Izd. N. Grecha, T. 1. 492 p.
- Korolev A.S. 2011. Svjatoslav. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej: ser., biogr.: vyp. 1284) [Svyatoslav. (The Lives of Remarkable People: Series, Biographical: Issue 1284)]. Moscow, Molodaja gvardija, 351 p.
- Lipic R.S. 1977. Otrazhenie jetnokul'turnyh svjazej Kievskoj Rusi v skazanijah o Svjatoslave Igoreviche (X v.). Jetnicheskaja istorija i fol'klor [Reflection of the Ethnocultural Ties of Kievan Rus' in the Tales of Svyatoslav Igorevich (10th Century)]. Moscow, Nauka, 260 p.
- Mongajst A.L. 1955. Materialy i issledovanija po arheologii SSSR, № 49. Staraja Rjazan' [Materials and Research on the Archaeology of the USSR]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 228 p.
- Nechahin I. 1795. Novoe Jadro Rossijskoj istorii [The New Core of Russian History]. Moscow, Tip. A. Reshetnikova, Ch.1. 468 p.
- Rabinovich M.G. 1975. Russkoe zhilishhe XIII–XVII vekov. Drevnee zhilishhe narodov Vostochnoj Evropy [Russian Dwellings of the 13th–17th Centuries. Ancient Dwellings of the Peoples of Eastern Europe]. Moscow, Nauka, 302 p.

- Radin P. 1999. Triksťer. Triksťer: issledovanie mifov severoamerikanskih indejcev s komment. K.G. Junga i K.K. Keren'i [Trickster. Trickster: A Study of the Myths of North American Indians with Comments by K.G. Jung and K.K. Kerenyi]. Saint Petersburg, Evrazija, 288 p.
- Rydzevskaia E.A. 1978. K voprosu ob ustnykh predaniiax v sostave drevnejšej russkoj letopisi. Rydzevskaia E.A. Drevnjaja Rus' i Skandinavija v IX–XIV vv. Materialy i issledovanija [On the Issue of Oral Traditions in the Earliest Russian Chronicle. Ancient Rus' and Scandinavia in the 9th–14th Centuries. Materials and Research]. Moscow, Nauka, 240 p.
- Solncev N.I. 2018. Letopisnyj rasskaz o mesti knjagini Ol'gi: popytka semanticheskogo analiza [The Chronicle Story of Princess Olga's Revenge: An Attempt at Semantic Analysis]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* 2: 94–102.
- Solncev N.I. 2020. Osobennosti opisanija «svoih» i «chuzhih» v kosmograficheskom vvedenii «Povesti vremennykh let» [Features of the Description of "Ours" and "Strangers" in the Cosmographic Introduction to the Tale of Bygone Years]. *Via in tempore. Istorija. Politologija*. Tom 47. 3: 541–551.
- Solov'ev S.M. 1851. Istorija Rossii s drevnejših vremen [History of Russia from Ancient Times]. Saint Petersburg, «Obshhestvennaja pol'za». Kn. 1. T. I–V. 881 p.
- Spasskaja N.N., Sablin M.V., Miheev K.A. 2011. Rannesrednevekovye lošadi vtoroj poloviny IX – nachala X v. na Rurikovom gorodishche [Early Medieval Horses of the Second Half of the 9th – Early 10th Century at the Rurik Fortress]. *Rossijskaja arheologija*. 4: 52–63.
- Sreznevskij I.P. 1902. Materialy dlja slovarja drevne-russkogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam [Materials for a Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments]. Saint Petersburg, Tipografija Imperatorskoj akademii nauk, T. 2. 1803 p.
- Timofeeva M.N. 2021. Jevoljucija roli triksťera v mirovoj literature [The Evolution of the Role of the Trickster in World Literature]. *Simvol nauki*. 5: 82–85.
- Harrman J. 1986. Slavjane i normanny v rannej istorii Baltijskogo regiona. Slavjane i skandinavcy (perevod s nemeckogo) [Slavs and Normans in the Early History of the Baltic Region]. Pod. red. E.A. Mel'nikovoj. Moscow, Progress, 416 p.
- Calkin V.I. 1971. Nekotorye itogi izučeniia kostnykh ostatkov zhiivotnykh iz raskopok Moskvy. Drevnosti Moskovskogo Kremlja [Some Results of the Study of Animal Bone Remains from Moscow Excavations. Antiquities of the Moscow Kremlin]. Moscow, Nauka, 296 p.
- Shahmatov A.A. 2002. Istorija russkogo letopisaniia [History of Russian Chronicle Writing]. Saint Petersburg, «Nauka», T. 1. Povest' vremennykh let i drevnejšie russkie letopisnye svody. Kn. 1. Razyskaniia v drevnejših russkikh letopisnykh svodakh. 485 p.
- Shherbatov M.M. 1770. Istorija Rossijskaja s drevnejših vremen [Russian History from Ancient Times]. Saint Petersburg, Imperatorskaja akademija nauk, T. I. 375 p.
- Jung K.G. 1996. Dusha i mif: šest' arhetipov [Soul and Myth: Six Archetypes. Translated from English]. Per. s angl. Kiev, Gosudarstvennaja biblioteka Ukrainy dlja junoshestva, 384 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.01.2026

Поступила после рецензирования 21.04.2026

Принята к публикации 23.04.2026

Received 19.01.2026

Revised 21.04.2026

Accepted 23.04.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Солнцев Николай Игоревич, доктор исторических наук, доцент кафедры Новой и Новейшей истории, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-0001-1071](https://orcid.org/0000-0002-0001-1071)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai I. Solntsev, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Institute of International Relations and World History, National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 930

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-3-619-629

EDN DABFNU

Оригинальное исследование

Деятельность Комиссии для составления законов Российской империи в царствование Павла I: технология законотворчества

Никишин Б.А.

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук,
Россия, 197110, г. Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7E-mail: b.nickishin@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется структура и деятельность Комиссии для составления законов Российской империи в царствование Павла I. Автор обращается к журналам заседаний Комиссии за 1797–1801 гг. и «съездов» сенаторов и чиновников Комиссии за 1797–1800 гг., планам, проектам и запискам членов Комиссии. Дополнительно привлекаются законодательные акты, вошедшие в Полное собрание законов Российской империи, и источники личного происхождения. Особое внимание уделяется историко-правовым аспектам функционирования Комиссии. Столкнувшись с несовершенством законодательства, члены Комиссии были вынуждены отойти от первоначальной задачи по составлению свода законов и приступить к созданию нового уложения. Устранение пробелов в законодательстве осуществлялось за счет дополнения старых норм и разработки новых законов, включая заимствование из иностранных правовых систем. Частая смена генерал-прокуроров, отсутствие необходимой теоретической подготовки, промедление сенаторов с принятием решений и непродолжительная деятельность в виду смерти императора привели к тому, что Комиссии не удалось решить поставленные перед ней задачи. Вместе с тем не вызывает сомнения, что материалы, накопленные в ходе работы законодательных комиссий в XVIII – первой четверти XIX в., создали фундамент, на котором М.М. Сперанский воздвиг монументальные памятники русского права в начале правления Николая I.

Ключевые слова: Павел I, история государственного управления, Комиссия для составления законов Российской империи, систематизация права, свод действующих законов, генерал-прокурор, «съезды» сенаторов и чиновников Комиссии

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Никишин Б.А. 2026. Деятельность Комиссии для составления законов Российской империи в царствование Павла I: технология законотворчества. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 619–629. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-619-629. EDN: DABFNU

Activities of the Commission for Drafting Laws of the Russian Empire during the Reign of Paul I: The Technology of Lawmaking

Boris A. Nikishin

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
7 Petrozavodskaya St., St. Petersburg 197110, RussiaE-mail: b.nickishin@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the structure and activities of the Commission for Drafting Laws of the Russian Empire during the reign of Paul I. The author draws on the minutes of the Commission's meetings for 1797–1801 and the “congresses” of senators and officials of the Commission for 1797–1800, as well as plans, projects and notes from the Commission members. Additionally, legislative acts included in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire and sources of personal origin are utilized. Particular attention is paid to the historical and legal aspects of the Commission's functioning. Faced with the imperfection of the legislation, the members of the Commission were forced to deviate from their initial task of drafting a collection of laws and proceed to create a new legal code. The

elimination of legislative gaps was achieved by supplementing old norms and developing new laws, including borrowing from foreign legal systems. Frequent changes in Prosecutor Generals, a lack of necessary theoretical training, delays by senators in making decisions, and the short duration of its activity due to the emperor's death led to the Commission's failure to achieve its objectives. Nevertheless, there is no doubt that the materials accumulated during the work of legislative commissions in the 18th – first quarter of the 19th centuries laid the foundation upon which M.M. Speransky erected monumental works of Russian law at the beginning of the reign of Nicholas I.

Keywords: Paul I, History of Public Administration, the Commission for Drafting Laws of the Russian Empire, Systematization of Law, Collection of Current Laws, Prosecutor General, “Congresses” of Senators and Officials of the Commission

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Nikishin B.A. 2026. Activities of the Commission for Drafting Laws of the Russian Empire during the Reign of Paul I: The Technology of Lawmaking. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 619–629 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-619-629. EDN: DABFNU

Введение

На протяжении XVIII в. систематизация российского законодательства была одной из ключевых задач государственного управления¹²⁷. При этом цели комиссий, занимавшихся этой работой, произвольно менялись: от составления свода имеющихся законов к созданию нового уложения с последующим совершенствованием отдельных аспектов законодательства. Только в первой половине XIX в. многочисленные попытки кодифицировать право увенчались успехом. В результате серьезной проработки накопленной теоретической базы под руководством М.М. Сперанского были составлены «Полное собрание законов» (1830) и «Свод законов» (1833) Российской империи.

Изучение деятельности Комиссии для составления законов Российской империи в царствование Павла I приобретает особую актуальность в контексте анализа эволюции механизмов государственного управления. Накопленный исторический опыт в данной сфере требует глубокого и всестороннего осмысления. Особое внимание следует уделить историко-правовым аспектам функционирования Комиссии, а также ее взаимодействию с государственными структурами в лице сенаторов, генерал-прокурора и императора. Представленные выводы могут применяться при дальнейшем изучении практик государственного управления в России.

Источниковая база. Основным источником в работе выступает корпус документов о деятельности Комиссии для составления законов, отложившийся в фонде 1259 Российского государственного исторического архива: журналы заседаний за 1797–1801 гг. и «съездов» сенаторов и чиновников Комиссии за 1797–1800 гг., планы, проекты и записки членов Комиссии. Дополнительно привлекаются законодательные акты, вошедшие в Полное собрание законов Российской империи. Среди источников личного происхождения особое значение имеют записки действительного статского советника Н.С. Ильинского и барона К.А. фон Гейкинга.

Степень изученности. О деятельности Комиссии для составления законов в царствование Павла I кратко упоминалось в трудах дореволюционных исследователей [Сперанский, 1833, с. 33–34; Корф, 1861, с. 145–146; Градовский, 1875, с. 43; Пахман, 1876, с. 379–380; Шершеневич, 1898, с. 74; Владимирский-Буданов, 1915, с. 266; Ключков, 1916, с. 116–117]. Наиболее обстоятельно работа Комиссии была представлена в статьях В.Н. Латкина [Латкин, 1902, с. 19–45] и П.М. Майкова [Майков, 1905, с. 263–272].

В современных исследованиях доминирует линия на изучение преобразовательной политики Александра I и деятельности М.М. Сперанского [Севастьянов, 2008; Томсинов, 2008; Кодан, 2012; Ружицкая, 2012; Белозеров, 2013; Осипенко, 2018; Андреева, 2021]. Царствование Павла I долгое время находилось в тени исследовательского внимания. В последние десятилетия наблюдается

¹²⁷ Согласно М.М. Сперанскому, в XVIII в. кодификационные усилия отразились в деятельности девяти комиссий: 1700 г., 1714 г., 1720 г., 1728 г., 1730 г., 1754 г., 1760 г., 1767 г., 1797 г. [Сперанский, 1833, с. 7–34]. В.Н. Латкин обратил внимание, что при Павле I продолжала существовать прежняя екатерининская комиссия, но только с другим названием и новым составом [Латкин, 1902, с. 24].

тенденция к более объективному и всестороннему анализу правления Павла I. Реформы, проводимые императором, признаются фундаментом для развития России в XIX в. [Марголис, Жуковская, 1995, с. 40]. Изучив опыт систематизации права в царствование Павла I, А.В. Скоробогатов заметил, что основные направления правовой реформы были разработаны Павлом Петровичем еще до вступления на престол. Политико-правовая доктрина Павла I была направлена на создание полицейского, бюрократического государства [Скоробогатов, 2007, с. 88; 2015, с. 69]. В исторической науке оценки результатов деятельности Комиссии для составления законов в царствование Павла I варьируются в широком диапазоне: от констатации ее полной бесплодности и неэффективности [Сперанский, 1833, с. 34; Корф, 1861, с. 146; Градовский, 1875, с. 43; Пахман, 1876, с. 379–380; Латкин, 1902, с. 45; Владимирский-Буданов, 1915, с. 266] до признания ее достижений и продуктивности [Скоробогатов, 2015, с. 75–76; Маслова, 2025, с. 162–163].

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются документы, отражающие деятельность Комиссии для составления законов в царствование Павла I. В процессе исследования были использованы хронологический и историко-сравнительный методы, позволившие рассмотреть все события в их развитии и взаимосвязи. Историко-системный подход применялся для анализа взаимодействия чиновников Комиссии с генерал-прокурором и сенаторами. Применение контент-анализа позволило определить наиболее актуальные проблемные сферы, с которыми столкнулись члены Комиссии при разработке свода законов. Комплексное применение этих методов позволило дать объективную и всестороннюю оценку деятельности Комиссии для составления законов.

Результаты и их обсуждение

Вступив на престол, Павел I столкнулся с серьезной проблемой, характерной для правовой системы Российской империи XVIII в.: наличием значительного числа законодательных актов, принятых с момента утверждения Соборного уложения 1649 г., которые зачастую дублировали друг друга или содержали противоречия. Кроме того, положение в законодательстве осложнялось разрозненностью имеющихся узаконений в различных рукописных сборниках, книгах и журналах, составленных без единой системы и хронологии. Как следствие, возникали значительные трудности в правоприменительной практике, которые негативно сказывались на стабильности политической системы в целом.

Выстраивая работу государственного механизма на основе синтеза традиционной византийско-самодержавной модели и немецкого полицеизма, Павел I способствовал развитию разрешительных начал в правовом регулировании и усилению бюрократизации [Скоробогатов, 2015, с. 68]. Политико-правовая доктрина Павла I предполагала разделение законодательства на постоянные (законы) и временные (подзаконные акты) учреждения. Под законами император понимал неизменные государственные нормы, отражающие базовые принципы устройства общества и государства. Поскольку законы были рассчитаны на всеобщее понимание, то их следовало составлять просто и четко, избегая толкований и исключений. Подзаконные же акты возникали при решении текущих дел и при необходимости могли изменяться или отменяться [Скоробогатов, 2007, с. 89].

16 декабря 1796 г. именным указом Павла I на генерал-прокурора А.Б. Куракина и вверенную ему Комиссию для сочинения проекта нового уложения (30 декабря 1796 г. переименована в Комиссию для составления законов Российской империи)¹²⁸ была возложена задача, состоящая в систематизации имеющихся законов и ускорении делопроизводства. Повелевалось собрать в Уложенной комиссии и во всех архивах изданные узаконения и составить из них три книги законов: уголовных, гражданских и казенных дел. Каждая из книг должна была показать «прямую черту закона, на которой судья утвердительно основываться должен». Составление свода законов предполагало сохранение содержания и по возможности

¹²⁸ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 24. № 17697.

текста действующих законов. При наличии нескольких законов по одним предметам приоритет отдавался последнему по времени издания закону¹²⁹. В целях обеспечения успешной работы генерал-прокурору следовало «избрать искусных в делопроизводстве и законознании чиновников» и представить их императору. По мере завершения работы над частями книг законов их надлежало вносить в Сенат для рассмотрения и утверждения к изданию¹³⁰.

По указу от 16 декабря 1796 г.¹³¹ в состав Комиссии под руководством генерал-прокурора А.Б. Куракина вошли два действительных статских советника: председатель Санкт-Петербургской гражданской палаты Сената И.Я. Яковлев и «находящийся не у дел» А.Я. Поленов. Так, в лице двух чиновников было сформировано присутствие Комиссии. Позднее указом от 11 февраля 1797 г.¹³² к делам Комиссии был привлечен обер-секретарь второго департамента Сената, статский советник И.С. Ананьевский. Для ведения делопроизводства при чиновниках имела канцелярия. Комиссия занимала специальные покои в сенатском доме¹³³, где собиралась для работы над книгами законов и выполнения иных поручений. Деятельность Комиссии фиксировалась в кратких журналах, в которых отмечалась: дата заседания¹³⁴, присутствующие члены Комиссии и их упражнения¹³⁵, время прибытия и выхода¹³⁶. По завершении каждого заседания чиновники подписывали журнал.

Состав чиновников Комиссии и лиц, находившихся при них, неоднократно менялся. Так, в 1797 г. в Комиссии было 18 служащих (3 – присутствие; 15 – канцелярия)¹³⁷; на 9 августа 1798 г. – 22 (3 – присутствие; 19 – канцелярия)¹³⁸; на 9 июля 1799 г. – 24 (4 – присутствие; 20 – канцелярия)¹³⁹; на 8 февраля 1800 г. – 22 (3 – присутствие; 19 – канцелярия)¹⁴⁰; на 21 марта 1801 г. – 23 (3 – присутствие; 20 – канцелярия)¹⁴¹. Судя по имеющимся спискам, в канцелярию Комиссии входили как новые лица, так и те, кто ранее был задействован в работе екатерининской комиссии¹⁴².

В ходе работы над книгами законов члены Комиссии столкнулись с рядом сложностей, вызванных наличием многочисленных «неясностей и недостатков» в действующих законах. Для разрешения возникших затруднений чиновники были вынуждены обращаться к генерал-прокурору А.Б. Куракину для получения высочайшего повеления от императора на внесение исправлений и дополнений¹⁴³. Так возникали новые правовые нормы, которые противоречили первоначальной задаче Комиссии – систематизации существующих законов без их модификации.

В процессе кодификации законодательства основной упор делался на отечественную правовую традицию¹⁴⁴, но при этом признавалась необходимость доработки и улучшения некоторых норм с учетом зарубежного опыта. Летом 1797 г. император повелел перевести польские законы, употребляемые в Белоруссии по гражданским делам, на русский язык¹⁴⁵. Ввиду этого возникла необходимость в поиске способных переводчиков. В 1798 г. к канцелярии

¹²⁹ РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 9. Л. 119 об.

¹³⁰ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 24. № 17652.

¹³¹ Там же. № 17654.

¹³² РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об. – 2.

¹³³ Там же. Л. 4 об.

¹³⁴ Помимо присутственных дней в журналах фиксировались выходные и праздничные дни.

¹³⁵ Журналы также содержат сведения о получении копий с указов из Сената и Синода, экземпляры именных императорских указов и манифестов, известия о вступлении в Комиссию новых лиц, повышении в чине и увольнении прежних служащих, сведения об определении жалованья и информацию о взаимодействиях с генерал-прокурором.

¹³⁶ Обычно заседания начинались в восьмом часу утра и завершались во втором часу дня.

¹³⁷ РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

¹³⁸ Там же. Л. 14–14 об.

¹³⁹ Там же. Л. 22–23.

¹⁴⁰ Там же. Л. 32–33.

¹⁴¹ Там же. Л. 36–37а.

¹⁴² В 1797 г. из 15 лиц, составлявших канцелярию, 7 были из прежней комиссии.

¹⁴³ РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 2. Л. 68–68 об.

¹⁴⁴ В проектах неоднократно встречаются отсылки к Соборному уложению 1649 г., регламентам Петра I, указам XVIII в., жалованным грамотам.

¹⁴⁵ 7 июля 1797 г. от белорусского вице-губернатора И.С. Захарова в Комиссию поступили 15 книг на польском и латинском языке с регистром. См.: РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 2. Л. 71 об. – 72.

Комиссии были прикомандированы переводчики польских законов на русский язык. Начиная с 1800 г. члены Комиссии активно стали обращаться к иностранному законодательству. Н.С. Ильинский, занимаясь сбором уголовных законов, отмечал, что делал «выписки из иностранных законов для соображения с русскими и для указания, чего в них недостает. Тут были выписаны китайские, персидские и даже турецкие и татарские» [Ильинский, 1879, с. 412].

31 мая 1797 г. императорским указом были учреждены «сезды» сенаторов (Ф.М. Колокольцова, Н.В. Леонтьева, К.А. фон Гейкина) и чиновников Комиссии для предварительной оценки работ по составлению книг законов¹⁴⁶. Учреждение «общих сездов» существенно повысило эффективность правотворческого процесса, поскольку исчезла необходимость при согласовании и утверждении нормативных документов обращаться через генерал-прокурора к императору¹⁴⁷. Вместе с тем обсуждение проектов на «сездах» было затруднено загруженностью сенаторов другой работой и их осторожностью при принятии решений. К.А. фон Гейкинг отмечал: «Это увеличение работы поглощало почти все мои силы. Обремененный обязанностями сенатора и президента в двух департаментах юстиц-коллегии, я, желая как можно ближе освоиться с порученной мне задачей, был вынужден погрузиться в материалы и работать на дому» [Гейкинг, 1907, с. 19]. Н.С. Ильинский вспоминал, как на одном общем собрании во время обсуждения пользы трудов в деле составления законов князь Г.П. Гагарин, размышляя о самодержавном правлении Павла I, сетовал на сложность принятия законов и заключал: «... напрасно слишком силиться в бесполезном труде, подверженном ежечасной перемене» [Ильинский, 1879, с. 412]. На переменчивость поведения императора обращал внимание и К.А. фон Гейкинг, связывая ее с интригами царедворцев [Гейкинг, 1907, с. 19, 34–36, 61–62]. Среди сенаторов усиливалось беспокойство по поводу возможного введения императором смертной казни [Гейкинг, 1907, с. 42].

С 1798 г. наблюдаются изменения в составе сенаторов, принимавших участие в «общих сездах»¹⁴⁸. 21 октября 1798 г.¹⁴⁹ к рассмотрению упражнений Комиссии были привлечены тайные советники сенаторы П.А. Соймонов и Б.И. Кампенгаузен; с 2 апреля 1800 г.¹⁵⁰ – сенаторы Г.П. Гагарин и Г.Р. Державин.

За 1797–1800 гг. состоялось 74 «сезда» сенаторов и чиновников Комиссии, из которых подавляющее большинство – 46 общих собраний – было посвящено обсуждению проекта книги гражданских дел и 11 «сездов» – рассмотрению работы И.С. Ананьевского по составлению генерального систематического плана книги гражданских дел. Основной причиной пристального внимания к упорядочению гражданского законодательства стало наличие обширного массива нормативно-правовых актов, касающихся гражданского права. Накопившиеся противоречия в законодательстве создавали значительные препятствия для рассмотрения постоянно увеличивающегося числа имущественных дел в Сенате. На обсуждение проекта книги уголовных дел и плана книги казенных дел приходится 14 и 1 общее собрание соответственно.

Павловские генерал-прокуроры осуществляли контроль за деятельностью Комиссии. Приступая к работе, чиновники составили и согласовали с генерал-прокурором А.Б. Куракиным планы будущих проектов книги гражданских («судная» и «вотчинная» часть) и книги уголовных дел. 31 января 1797 г. в доме генерал-прокурора рассматривались начатые сочинения по уголовной и гражданской части¹⁵¹. 3 сентября 1797 г. А.Б. Куракин посетил присутствие Комиссии и, изучив бумаги относительно примирения «тяжущихся»¹⁵², вернул их Комиссии для включения по порядку в книгу гражданских дел¹⁵³. 4 января 1798 г. на «общем сезде» в доме

¹⁴⁶ ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 24. № 17978.

¹⁴⁷ РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 9. Л. 125.

¹⁴⁸ В 1798 г. Н. В. Леонтьев получил другое назначение, а К.А. фон Гейкинг вышел в отставку.

¹⁴⁹ РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.; Д. 3. Л. 162.

¹⁵⁰ Там же. Д. 1. Л. 15; Д. 5. Л. 42.

¹⁵¹ Там же. Д. 2. Л. 14.

¹⁵² Проект о примирении тяжущихся при начале судопроизводства был разработан бароном К.А. фон Гейкингом по примеру правила, применявшегося в Пруссии, Швеции и Дании. См.: РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 2. Л. 84–84 об.; [Гейкинг, 1907, с. 20].

¹⁵³ РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 2. Л. 94 об.

А.Б. Куракина в его присутствии вносились изменения и дополнения во 2-ю и 3-ю главы «судной» части, касающиеся процедуры «призыва ответчиков к суду»¹⁵⁴. 2 октября 1798 г. чиновники Комиссии были в доме генерал-прокурора П.В. Лопухина «для некоторого объяснения» по готовившимся частям законов, а 23 ноября 1798 г. имели там же «общий съезд»¹⁵⁵. Являясь руководителем Комиссии, генерал-прокурор определял направление работы чиновников. В этом отношении примечательна роль П.В. Лопухина, по инициативе которого была сделана ставка на кодификационные работы. После отставки П.В. Лопухина, последовавшей 7 июля 1799 г.¹⁵⁶, его инициатива по видоизменению книги гражданских дел была поддержана А.А. Беклешовым на «общем съезде» 15 августа 1799 г.¹⁵⁷. 18 января 1800 г. А.А. Беклешов присутствовал на заседании Комиссии, в ходе которого опросил служащих об их работе, а также ознакомился с успехами в переводе польских законов на русский язык и упражнениями членов Комиссии. Оставив все без замечаний, он пожелал привести к желаемому концу возложенные на Комиссию поручения¹⁵⁸. С февраля 1800 г. помимо составления книг законов Комиссия стала заниматься особенными поручениями генерал-прокурора П.Х. Оболянинова: 1) рассматривала казусные дела по определению общего собрания Сената от 10 января 1800 г.¹⁵⁹; 2) изучала собранные генерал-прокурором по высочайшей воле императора от обер-прокуроров Сената мнения о лучшем и кратчайшем устройстве канцелярского порядка и судопроизводства по Сенату и подчиненным губернским местам¹⁶⁰; 3) по отношению генерал-прокурора к сенатору Ф.М. Колокольникову от 2 октября 1800 г. собрала и начала рассматривать бумаги об изменении вексельного устава¹⁶¹, ранее разработанные в Коммерц-коллегии¹⁶².

Книга гражданских дел

Составление книги гражданских дел генерал-прокурор А.Б. Куракин поручил двум чиновникам Комиссии: И.Я. Яковлеву (проект «судной» части) и И.С. Ананьевскому (проект «вотчинной» части)¹⁶³. К июню 1797 г. оба проекта были готовы.

Проект «судной» части состоял из двух частей¹⁶⁴, которые, в свою очередь, делились на главы и статьи: первая – «О формальном суде» из 15 глав¹⁶⁵; вторая – «О посредническом или третейском суде» из 1 главы. Проект «вотчинной» части состоял из 9 глав¹⁶⁶, которые предворялись кратким введением, где приводилась историческая справка о различии имеющихся законов, принятых до 1649 г., самого Соборного уложения и принятых позже указов и новоуказных статей, регулирующих поместное и вотчинное владение¹⁶⁷. Наличие введения в начале «вотчинной» части было необходимо, чтобы показать причину исключения при издании многих устаревших правовых норм.

¹⁵⁴ Там же. Д. 9. Л. 56–58.

¹⁵⁵ Там же. Д. 3. Л. 143, 167 об.

¹⁵⁶ Там же. Д. 4. Л. 70.

¹⁵⁷ Там же. Д. 9. Л. 143–143 об.

¹⁵⁸ Там же. Д. 5. Л. 5 об.

¹⁵⁹ 26 января 1800 г. из общего собрания Сената в Комиссию поступило 31 нерешенное дело. Комиссия составила заключения по 12 делам и внесла их при рапорте 28 сентября 1800 г. генерал-прокурору. Он, в свою очередь, 11 октября 1800 г. вернул заключения и предписал утвердить их на «общем съезде». См.: РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 5. Л. 9 об., 123–123 об., 132–133 об.

¹⁶⁰ Первая часть для губернских правлений была сочинена и рассматривалась генерал-прокурором на «общем съезде».

¹⁶¹ Было решено провести собрания с президентом Ратгауза, коммерц-советниками и другими лицами. Коммерц-коллегия была упразднена указом Екатерины II от 16 сентября 1796 г.; восстановлена Павлом I 19 ноября 1796 г. См.: ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 23. № 17510; Т. 24. № 17567.

¹⁶² РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 6. Л. 31–31 об.

¹⁶³ Там же. Д. 1. Л. 2 об.

¹⁶⁴ В «описи работ» И.Я. Яковлева содержится указание на третью часть «О словесном суде» из 3 глав [Латкин, 1902, с. 33]. В общем собрании рассматривались только первые две части.

¹⁶⁵ На «общем съезде» 23 января 1798 г. была принята дополнительная глава под № 4: «Каким образом поступать в производстве суда о недвижимых имениях за отсутствием из тех имений ответчиков» (из 12 статей), сочиненная по замечанию сенатора Ф.М. Колокольцова. См.: РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 9. Л. 71–71 об.

¹⁶⁶ В ходе заседания 8 мая 1798 г. «съезд» внес в четвертую главу дополнение и постановил одиннадцать статей (с 11 по 20 и 22) выделить в особую главу. См.: РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 9. Л. 82 об.

¹⁶⁷ РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 9. Л. 33–34.

Две части проекта «судной» части, подготовленные И.Я. Яковлевым к внесению в Сенат в феврале 1798 г., не были законодательно утверждены из-за промедления генерал-прокурора А.Б. Куракина с назначением «съезда» и его увольнением 8 августа 1798 г. Назначенный генерал-прокурором П.В. Лопухин, как и его предшественник, был загружен множеством дел и долго не мог уделить время изучению упражнений Комиссии. Ознакомившись с трудами чиновников в общем собрании 27 ноября 1798 г., П.В. Лопухин выступил с замечанием, что в книгу гражданских дел «сверх судной и вотчинной частей надлежит составить и внести по всем кроме уголовных и казенных материям приличные узаконения, расположа сию книгу таким систематическим порядком, чтоб те узаконения расположены были по материям несмешивая одних с другими»¹⁶⁸. Это нововведение изменило характер работы Комиссии и укрепило правотворческие основы в ее деятельности за счет заимствования материалов екатерининской комиссии (прежде всего, Большого Наказа 1767 г., двух дополнений к нему 1768 г., «Начертания о приведении к окончанию Комиссии о составлении проекта нового уложения» 1768 г. и планам частных комиссий 1767 г.). На следующем «съезде» 15 января 1799 г. состоялось обсуждение, в ходе которого И.С. Ананьевскому было поручено составить генеральный систематический план книги гражданских дел¹⁶⁹. Последующие общие собрания были посвящены работе над генеральным планом, который после одобрения 12 марта 1799 г. «положили» разделить на две части: 1) «О праве общем относительно сохранения целостности, доброго порядка и тишины государства» и 2) «О праве особенном относительно лиц, вещей и обязательств государственных жителей в губерниях и местах единственно по великороссийским законам и обрядам управляемых»¹⁷⁰. 9 апреля 1799 г. на «общем съезде» было решено подвергнуть переработке проект И.Я. Яковлева, разделив его на две части¹⁷¹, каждая из которых будет включать составы, отделения, главы и статьи. В виду тяжелой болезни И.Я. Яковлева и его дальнейшей отставки 16 июля 1799 г.¹⁷² переработкой проекта «судной» части занялся И.С. Ананьевский¹⁷³. 31 марта 1800 г. на общем съезде в присутствии генерал-прокурора П.Х. Оболянинова систематический план И.С. Ананьевского был одобрен¹⁷⁴. Таким образом, «судная» часть вошла в первую часть «О праве общем» и была включена в состав 5 «О правосудии вообще по делам гражданским», состоящий из 10 отделений и 62 глав¹⁷⁵. «Вотчинная» же часть вошла во вторую часть «О праве особенном» и была включена в состав 3 «О вещах или имениях недвижимых и движимых, подлежащих в собственность дворянству и прочим владельцам», содержащий введение, 5 отделений и 25 глав¹⁷⁶. К 3 июля 1800 г. были рассмотрены и утверждены из первой части три первых состава и два отделения четвертого состава, а из второй части первое отделение первого состава¹⁷⁷. Работа над книгой гражданских дел не была завершена.

Книга уголовных дел

Составлением проекта книги уголовных дел по поручению генерал-прокурора А.Б. Куракина занимался А.Я. Поленов¹⁷⁸. К весне 1798 г. А.Я. Поленов подготовил две части¹⁷⁹: первая (из 8 глав) и вторая (из 5 глав). 15 мая 1798 г. проект книги уголовных дел был внесен на обсуждение «съезда» сенаторов и чиновников Комиссии¹⁸⁰. В ходе заседания возник

¹⁶⁸ Там же. Л. 103–103 об.

¹⁶⁹ Там же. Л. 105–105 об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 141–141 об.

¹⁷¹ Первая часть «О праве общем» состояла из восьми составов. Вторая часть «О праве особенном» состояла из четырех составов. См.: РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 9. Л. 148 об. – 174 об.

¹⁷² РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 4. Л. 80 об.

¹⁷³ Там же. Д. 9. Л. 142–142 об.

¹⁷⁴ Там же. Л. 145–145 об.

¹⁷⁵ Там же. Л. 153 об. – 161.

¹⁷⁶ Там же. Л. 167–171.

¹⁷⁷ Там же. Л. 175–182.

¹⁷⁸ Там же. Д. 1. Л. 2 об.

¹⁷⁹ В книге уголовных законов А.Я. Поленов выделял восемь частей. См. РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.

¹⁸⁰ РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 9. Л. 83–83 об.

вопрос об определении понятия «богохуление», и для его разрешения А.Я. Поленову 20 мая 1798 г. потребовалось обратиться к митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Гавриилу¹⁸¹. 22 мая 1798 г. на «общем съезде» А.Я. Поленов сообщил собравшимся, «что Его Преосвященство с учиненным по сему предмету положением согласен, присоединя еще истолкование, что именно разуместь должно под названием священных в Церкви вещей, коих похищение прямым святотатством почитать следует»¹⁸². На последующих 12 заседаниях состоялось обсуждение оставшихся глав обеих частей, которое не вызвало критических замечаний или возражений¹⁸³. Таким образом, в «общем съезде» были рассмотрены первые две части книги уголовных дел, а прочие продолжались сочинением.

Примечательно, что 4 сентября 1798 г. при окончании рассмотрения четвертой главы «О нарушителях благопристойности и продержателях при государстве и его дворе» второй части в «общем съезде» присутствовал император¹⁸⁴. Повышенный интерес Павла I к составлению уголовных законов, по мнению К.А. фон Гейкинга, был связан с его недовольством по случаю вынесения полным собранием Сената приговора по делу поляков¹⁸⁵, обвинявшихся в государственной измене за связь с французским правительством и стремлении ввести республиканское устройство в Польше. Обратив внимание на неудовлетворительность уголовных законов, император приказал Комиссии безотлагательно заняться уголовным правом и установить градацию, соразмерную с преступлением и наказанием [Гейкинг, 1907, с. 33–34].

6 июля 1800 г. А. Я. Поленов вышел в отставку и на его место по рекомендации генерал-прокурора П.Х. Оболянина был назначен находившийся в Конторе Санкт-Петербургских запасных магазинов коллежский советник Н.С. Ильинский¹⁸⁶. Помимо сочинения книги уголовных дел, Н.С. Ильинскому было поручено заняться проектом о сокращении канцелярского порядка, начиная с Губернского правления, над чем он и трудился вплоть до апреля 1801 г. «Члены мешкали рассмотрением, а я ожидал за труд свой награды; но вдруг кончина императора Павла I погребла и мой труд, оставя неутвержденным и потом забытым» [Ильинский, 1879, с. 412], – вспоминал Н.С. Ильинский.

Книга казенных дел

18 сентября 1798 г. именным императорским указом к работе в Комиссии был назначен правитель канцелярии генерал-прокурора П.В. Лопухина статский советник Г.Г. Пшеничный с пожалованием его в действительные статские советники для сочинения проекта книги казенных дел¹⁸⁷. Менее чем за два месяца Г.Г. Пшеничный составил «Предварительное начертание материй, долженствующих войти в книгу законов по части казенной» из 18 глав, разделенных на отделения и статьи¹⁸⁸. Данный план содержал описание структуры управления государственными доходами и расходами, а также регулирования различных сфер государственной жизни, включая налоги, казенное имущество, подряды и откупа, производство и продажу алкогольной продукции, подсчет населения, рекрутские наборы, дороги, леса, горные и мануфактурные предприятия, торговлю, таможенное дело, водохозяйство, добычу, транспортировку и продажу соли, разведение и контроль над выращенными на земле продуктами и др. 13 ноября 1798 г. план был одобрен на «съезде» сенаторов и чиновников Комиссии¹⁸⁹, после чего Г.Г. Пшеничный приступил к составлению проекта книги казенных дел. Работа над проектом не была завершена и не выносилась на обсуждение.

¹⁸¹ Там же. Д. 3. Л. 76.

¹⁸² Там же. Д. 9. Л. 84–84 об.

¹⁸³ Там же. Л. 85–96.

¹⁸⁴ Там же. Л. 94.

¹⁸⁵ В соответствии с действующими законами обвиняемые были приговорены к лишению дворянства, наказанию кнутом и ссылке в Сибирь. Ознакомившись с докладом Сената по этому делу, император изменил строгий приговор на ссылку для большинства осужденных [Гейкинг, 1907, с. 33–34].

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 1. Л. 15; Д. 5. Л. 82, 83 об.

¹⁸⁷ Там же. Д. 3. Л. 139 об.

¹⁸⁸ Там же. Д. 9. Л. 99–102 об.

¹⁸⁹ Там же. Л. 98.

Заключение

Комиссия для составления законов Российской империи в царствование Павла I, несмотря на активную деятельность, не решила поставленных перед ней задач. К марту 1801 г. ни одна из трех книг законов так и не была готова. Причинами незавершенности работ Комиссии послужили отсутствие постоянного руководящего начала (частая смена генерал-прокуроров тормозила законотворческий процесс) и единства действий (не имея четкого плана работ, члены Комиссии стремились одновременно объединить действующие законы и создать новые путем заимствования положений из иностранных правовых систем); недостаточное внимание к подготовительной работе (предварительному сбору и систематизации законов); промедление сенаторов с принятием решений (учитывая загруженность другими делами и переменчивость настроения императора); смерть императора и короткий период функционирования Комиссии (в 1804 г., не достигнув значимых результатов, Комиссия была ликвидирована Александром I). Кроме того, в ходе работы Комиссии чиновники столкнулись с пробелами в законодательстве и были вынуждены вносить изменения и дополнения. Возникновение новых правовых норм видоизменяло первоначальную задачу Комиссии, состоящую в систематизации существующих законов без их модификации.

Деятельность комиссий по систематизации российского законодательства, проводившаяся на протяжении XVIII в. и продолженная Александром I, способствовала выработке принципов и подходов, которые впоследствии позволили М.М. Сперанскому создать монументальные памятники русского права в начале правления Николая I.

Список источников

- Гейкинг К.Г. 1907. Дни императора Павла. Записки курляндского дворянина (с нем.). Санкт-Петербург, Изд. Ф.И. Булгакова, 70 с.
- Ильинский Н.С. 1879. Воспоминания моей жизни. Из записок Николая Степановича Ильинского. *Русский архив*. 12: 377–434.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1-е. Т. 23. № 17510. С. 935.
- ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 24. № 17567. С. 9.
- ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 24. № 17652. С. 242.
- ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 24. № 17654. С. 242–243.
- ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 24. № 17697. С. 258.
- ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 24. № 17978. С. 619.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1259 (Комиссия для составления законов). Оп. 1. Д. 1. Дело об учреждении Комиссии составления законов, определении ее задач, назначении членов и служащих.
- РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 2. Журналы заседаний за 1797 г.
- РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 3. Журналы заседаний за 1798 г.
- РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 4. Журналы заседаний за 1799 г.
- РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 5. Журналы заседаний за 1800 г.
- РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 6. Журналы заседаний за 1801 г.
- РГИА. Ф. 1259. Оп. 1. Д. 9. Журналы общих съездов сенаторов и членов Комиссии за 1797–1800 гг.

Список литературы

- Андреева Т.В. 2021. Концептуальные подходы М.М. Сперанского к истории систематизации российского законодательства в XVIII веке. Михаил Михайлович Сперанский в российской правовой и исторической науке: к 250-летию со дня рождения. Сборник научных трудов. 8: 155–171.
- Белозеров Б.П. 2013. М.М. Сперанский и его роль в формировании Российского законодательства первой половины XIX в. *Социология и право*. 2(19): 55–67.
- Владимирский-Буданов М.Ф. 1915. Обзор истории русского права. 7-е изд. Петроград, Киев, Изд. книжного магазина Н.Я. Оглоблина, 699 с.
- Градовский А.Д. 1875. Начала русского государственного права. Т. 1. О государственном устройстве. Санкт-Петербург, Тип. М.М. Стасюлевича, 436 с.
- Клочков М.В. 1916. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Петроград, Сенатская типография, 631 с.

- Кодан С.В. 2012. Создание основных законов Российской империи в деятельности Комиссии составления законов (1800–1820-е гг.). *Вопросы права и политики*. 3: 149–175.
- Корф М.А. 1861. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Санкт-Петербург, Изд. Императорской публичной библиотеки, 283 с.
- Латкин В.Н. 1902. К истории кодификации в России в XVIII ст. *Журнал министерства юстиции*. 5: 19–45.
- Майков П.М. 1905. Комиссия составления законов при императорах Павле I и Александре I. *Журнал Министерства юстиции*. 7: 256–291.
- Марголис Ю.Д., Жуковская Т.Н. 1995. Традиции Павла I в истории русской государственности. Император Павел Первый и орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. Санкт-Петербург: 27–39.
- Маслова А.А. 2025. Плоды деятельности Комиссии составления законов в царствование Павла I (1800 г.). *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*. 16(1): 151–164.
- Осипенко С.В. 2018. «Единая и правильная система законов» М.М. Сперанского. *Вестник Екатеринбургского института*. 2(42): 79–84.
- Пахман С.В. 1876. История кодификации гражданского права. Т. 1. Санкт-Петербург, Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 472 с.
- Ружицкая И.В. 2012. Кодификационные проекты императора Александра I как составная часть его политических реформ. *Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 11: 130–139.
- Севастьянов Ф.Л. 2008. К истории кодификации русского права в первой трети XIX века. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 4: 203–221.
- Скоробогатов А.В. 2007. Правовая реформа в России во второй половине XVIII века. *Актуальные проблемы экономики и права*. 2: 88–92.
- Скоробогатов А.В. 2015. Систематизация права в России в царствование Павла I. *Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты*. 1: 68–76.
- Сперанский М.М. 1833. Обзорение исторических сведений о своде законов. Составлено из актов, хранящихся во II Отделении Собственной Е. И. В. Канцелярии. Санкт-Петербург, Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 200 с.
- Томсинов В.А. 2008. Систематизация российского законодательства в первой четверти XIX века. *Вестник Московского университета. Серия I: Право*. 3: 14–49.
- Шершеневич Г.Ф. 1898. История кодификации гражданского права в России. Казань, Тип. Императорского университета, 128 с.

References

- Andreeva T.V. 2021. Kontseptual'nye podkhody M.M. Speranskogo k istorii sistematizatsii rossiyskogo zakonodatel'stva v XVIII veke [M.M. Speransky's Conceptual Approaches to the History of Russian Legislation Systematization in the 18th Century]. Mikhail Mikhailovich Speransky v rossiyskoy pravovoy i istoricheskoy nauke: k 250-letiyu so dnya rozhdeniya. Sbornik nauchnykh trudov. 8: 155–171.
- Belozarov B.P. 2013. M.M. Speranskiy i yego rol' v formirovanii Rossiyskogo zakonodatel'stva pervoy poloviny XIX v. [M.M. Speransky and his Role in Formation of the Russian Legislation of the First Part of the 19th Century]. *Sotsiologiya i pravo [Sociology and law]*. 2(19): 55–67.
- Vladimirovskiy-Budanov M.F. 1915. Obzor istorii russkogo prava [An Overview of the History of Russian Law]. 7-e izd. Petrograd, Kiyev, Izd. knizhnogo magazina N.Ya. Ogloblina, 699 p.
- Gradovskiy A.D. 1875. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. T. 1. O gosudarstvennom ustroystve [Principles of Russian State Law. Vol. 1. On the State Structure]. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, 436 p.
- Klochkov M.V. 1916. Ocherki pravitel'stvennoy deyatel'nosti vremeni Pavla I [Essays on Government Activities during the Time of Paul I]. Petrograd, Senatskaya tipografiya, 631 p.
- Kodan S.V. 2012. Sozdaniye osnovnykh zakonov Rossiyskoy imperii v deyatel'nosti Komissii sostavleniya zakonov (1800–1820-e gg.) [The Creation of the Basic Laws of the Russian Empire in the Activities of the Law Drafting Commission (1800–1820s)]. *Voprosy prava i politiki [Legal and political issues]*. 3: 149–175.
- Korf M.A. 1861. Zhizn' grafa Speranskogo [The Life of Count Speransky]. T. 1. St. Petersburg, Izd. Imperatorskoy publichnoy biblioteki, 283 p.
- Latkin V.N. 1902. K istorii kodifikatsii v Rossii v XVIII st. [On the History of Codification in Russia in the 18th Century]. *Zhurnal ministerstva yustitsii [Journal of the Ministry of Justice]*. 5: 19–45.

- Maykov P.M. 1905. Komissiya sostavleniya zakonov pri imperatorakh Pavle I i Aleksandre I [Commission for Drafting the Laws under Emperors Paul I and Alexander I]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii* [Journal of the Ministry of Justice]. 7: 256–291.
- Margolis Yu.D., Zhukovskaya T.N. 1995. Traditsii Pavla I v istorii russkoy gosudarstvennosti [Traditions of Paul I in the History of Russian Statehood]. *Imperator Pavel Pervyi i orden Sv. Ioanna Iyerusalimskogo v Rossii*. St. Petersburg: 27–39.
- Maslova A.A. 2025. Plody deyatel'nosti Komissii sostavleniya zakonov v tsarstvovaniye Pavla I (1800 g.) [The Results of the Activities of the Commission for Drafting the Laws during the Reign of Paul I (1800)]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* [Locus: People, Society, Cultures, and Meanings]. 16(1): 151–164.
- Osipenko S.V. 2018. «Edinaya i pravil'naya sistema zakonov» M.M. Speranskogo [«A Unified and Correct System of Laws» by M.M. Speransky]. *Vestnik Yekaterininskogo instituta* [Bulletin of the Catherine Institute]. 2(42): 79–84.
- Pakhman S.V. 1876. Istoriya kodifikatsii grazhdanskogo prava [History of the Codification of Civil Law]. T. 1. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ye. I. V. Kantselyarii, 472 p.
- Ruzhitskaya I.V. 2012. Kodifikatsionnyye proyekt imperatora Aleksandra I kak sostavnaya chast' yego politicheskikh reform [Codification Projects of Emperor Alexander I as an Integral Part of his political reforms]. *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University History]. 11: 130–139.
- Sevast'yanov F.L. 2008. K istorii kodifikatsii russkogo prava v pervoy treti XIX veka [On the History of the Codification of Russian Law in the First Third of the 19th Century]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznanie. Kul'turologiya* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies]. 4: 203–221.
- Skorobogatov A.V. 2007. Pravovaya reforma v Rossii vo vtoroy polovine XVIII veka [Legal Reform in Russia in the Second Half of the 18th Century]. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava* [Current Issues in Economics and Law]. 2: 88–92.
- Skorobogatov A.V. 2015. Sistematizatsiya prava v Rossii v tsarstvovaniye Pavla I [Systematization of Law in Russia during the Reign of Paul I]. *Aktual'nyye teoreticheskiye i prakticheskiye voprosy razvitiya yuridicheskoy nauki: obshchegosudarstvennyy i regional'nyy aspekty* [Current Theoretical and Practical Issues in the Development of Legal Science: National and Regional Aspects]. 1: 68–76.
- Speranskiy M.M. 1833. Obozreniye istoricheskikh svedeniy o svode zakonov [Review of Historical Information about the Code of Laws]. Sostavleno iz aktov, khranyashchikhsya vo II Otdelenii Sobstvennoy Ye. I. V. Kantselyarii. St. Petersburg, Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy Ye. I. V. kantselyarii, 200 p.
- Tomsinov V.A. 2008. Sistematizatsiya rossiyskogo zakonodatel'stva v pervoy chetverti XIX veka [Systematization of Russian Legislation in the First Quarter of the 19th Century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Moscow University Bulletin. Series 11: Law]. 3: 14–49.
- Shershenevich G.F. 1898. Istoriya kodifikatsii grazhdanskogo prava v Rossii [The History of the Codification of Civil Law in Russia]. Kazan', Tip. Imperatorskogo universiteta, 128 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.02.2026

Поступила после рецензирования 30.03.2026

Принята к публикации 01.04.2026

Received 25.02.2026

Revised 30.03.2026

Accepted 01.04.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никишин Борис Андреевич, аспирант отдела новой истории России, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9804-8058](https://orcid.org/0000-0002-9804-8058)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boris A. Nikishin, Postgraduate Student of the Department of Modern History of Russia, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

УДК 93/94(351.746.1)
DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-630-635
EDN HOCMER
Оригинальное исследование

Административно-полицейский учет населения в Российской империи (на примере Таврической губернии)

Шерстнёв Р.А.

Курский государственный университет,
Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33
E-mail: schrus00@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о введении административно-полицейского учета населения в Российской империи. Для исследования изучаемых явлений привлечены документальные и архивные источники. Показано, что первый опыт сбора количественной информации о податных категориях населения силами полицейских служащих состоялся еще в 1830-е гг. Но с отменой ревизского учета в середине XIX века для правительства было критически важным оперативно получать данные о населении, сбор которых был возложен на органы полиции. Демографические данные были нужны не только для разработки основных направлений внутренней политики, но и для комплектования российской армии. Для Таврической губернии данные административно-полицейского учета 1858 и 1863 гг. позволили еще оценить масштаб людских потерь в годы Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. Отмечено, что в отечественной историографии нет специальных трудов по этой проблематике.

Ключевые слова: Российская империя, Таврическая губерния, полицейские органы, административно-полицейский учет

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Шерстнёв Р.А. 2026. Административно-полицейский учет населения в Российской империи (на примере Таврической губернии). *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 630–635. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-630-635. EDN: HOCMER

Administrative and Police Registration of the Population in the Russian Empire (on the Example of the Tauride Province)

Ruslan A. Sherstnev

Kursk State University,
33 Radishchev St., Kursk 305000, Russia
E-mail: schrus00@mail.ru

Abstract. The article considers the issue of introducing the practice of maintaining administrative and police records of the population in the Russian Empire. Relevance of the study is explained by the absence of research into this issue in Russian historiography. The author relies on documentary and archival sources. It is shown that the first experience of collecting quantitative information on taxable categories of the population by police officers took place back in the 1830s. But with the abolition of audit records in the middle of the 19th century, it was critical for the government to quickly obtain data on the population, the collection of which was entrusted to the police. Demographic data were needed not only to develop the main directions of domestic policy, but also to recruit the Russian army. For the Tauride province, administrative and police records of 1858 and 1863 made it possible to further assess the scale of human losses during the Crimean (Eastern) War of 1853–1856. The author makes a conclusion about the importance and relevance of administrative and police records.

Keywords: Russian Empire, Tauride province, police agencies, administrative and police records

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Sherstnev R.A. 2026. Administrative and Police Registration of the Population in the Russian Empire (on the Example of the Tauride Province). *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 630–635 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-630-635. EDN: HOCMER

Введение

Деятельность органов внутренних дел всегда вызывает интерес и обсуждения в обществе, так как они играют важную роль в жизни государства. Они обеспечивают соблюдение правопорядка, следят за исполнением законов и предотвращают противоправные действия. Административно-полицейский учет населения имеет огромное значение для государственного управления, его история берет начало с XVIII века.

Сбор количественных данных о населении полицейскими органами привлек внимание советских исследователей [Кабузан, 1963]; до сих пор идет дискуссия о степени достоверности его результатов [Кабузан, 1982; Борщик, 2010; Амосова, Окутина, 2021]. История органов полиции Таврической губернии пока не получила своего специального освещения. Существуют современные региональные публикации по отдельным сюжетам деятельности полицейских органов [История полиции Крыма..., 2018; Борщик, 2024; Шерстнёв, 2024а, Шерстнёв, 2024б]. Можно отметить отсутствие публикаций об административно-полицейском учете населения в Таврической губернии.

Для освещения описываемых событий привлечены архивные и печатные материалы: опубликованные законодательные акты из Полного собрания законов Российской империи и «Статистические таблицы Российской империи» за разные годы, документы Государственного архива Республики Крым (далее ГАРК).

Объект и методы исследования

Объектом исследования является деятельность полиции Российской империи по учету населения. В связи с этим необходимо проанализировать нормативные акты как центральных органов власти, так и местных чиновников, касающихся данной темы. Важно установить причины и условия их возникновения, чтобы выявить общие и специфичные черты в деятельности полиции. Также следует рассмотреть особенности, характерные для Таврической губернии в этом контексте.

В рамках методологии исследования значительное место занимают общенаучные подходы, такие как историзм и объективность. Эти методы позволяют осуществить глубокий анализ исторических событий с учетом их научной и социальной значимости. Хронологический метод, в свою очередь, обеспечил комплексное изучение состояния административно-полицейского учета населения Российской империи, позволяя рассмотреть данный феномен в контексте других взаимосвязанных явлений и процессов. Применение метода обобщения позволило сформулировать обоснованные выводы и определить перспективные направления для дальнейших научных изысканий в данной области.

Результаты и их обсуждение

Комплексных исследований по административно-полицейскому учету населения Российской империи до сих пор нет. Эти проблемы многие авторы рассматривают в небольших по объему публикациях или в контексте собственных исследований по истории населения России. Уже во второй половине XVIII столетия были изданы указы Сената «О присылке губернатором и наместническим правлением ежегодно в Сенат ведомостей о числе душ в городах по губерниям, в их ведомстве состоящим» (1778 г.)¹⁹⁰ и «О присылке ведомостей из губерний в Военную коллегию о числе ревизских душ» (1780 г.)¹⁹¹. Указы

¹⁹⁰ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. XX. № 14733. СПб., 1830. С. 665–666.

¹⁹¹ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XX. № 15049. СПб., 1830. С. 972–973.

имели практически идентичный текст и требовали от местных властей, чтобы они «не делая особой переписи и не посылая нарочных по уездам, а по делам в канцеляриях выправясь, и собрать сведения, сколько где и какого звания а также и с платежом каких окладов написанных по ревизии людей действительно находится, и сочиня об оных генеральные по губерниям, применяясь по тому же порядку, каковые и прежде по указу Сената о числе душ в Сенат отправлены были, прислали в Сенат немедленно» (указ 1778 г.)¹⁹²

В первой четверти XIX столетия вышел ряд указов, предписывающий губернаторам включать в свои отчеты сведения о неподатных категориях населения, тех, которые не учитывались в ревизиях. Например, в указе «О форме ведомостей, по которым губернаторы обязаны доставлять в Сенат сведения, сколько в каждой губернии всякого рода и состояния жителей» (1808 г.) содержалось требование предоставлять сведения о «духовенстве, дворянах, разночинцах, купцах, мещан и крестьян казенных и помещичьих»¹⁹³.

В советской историографии вопросам введения и эволюции административно-полицейского учета населения много внимания уделял В.М. Кабузан [Кабузан, 1963], он же ставил вопросы о степени полноты и достоверности получаемых результатов [Кабузан, 1982]. После него дискуссия об административно-полицейском учете населения в Российской империи, результаты которого до сих пор активно используются в исследованиях по отечественной исторической демографии, была продолжена. В частности, Н.Д. Борщик отмечала, что административно-полицейский учет в Российской империи – это система сбора данных о населении, которая возникла в конце XVIII века и стала основным инструментом определения численности и состава населения страны в XIX веке. Он был призван восполнить недостатки ревизского и церковного учетов, фиксируя население в период между государственными ревизиями [Борщик, 2010].

В первой половине XIX века центральные власти предприняли попытку учесть все налогооблагаемое население страны. Задача сбора статистической информации была возложена на местные органы полиции. Таким образом, в 1830-е гг. состоялся первый опыт учета населения Российской империи силами полицейских органов [Амосова, Окутина, 2021]. Сведений административно-полицейского учета населения Таврической губернии этого периода в Государственном архиве Республики Крым сохранилось немного. Это связано с общей тенденцией сохранности документов в ГАРК – практически во всех фондах полицейских управлений Крымского полуострова нет дел ранее начала 1830-х гг. Отмечено, что много документов присутственных мест Таврической губернии погибло или было утрачено в ходе Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. В фонде «Феодосийское уездное полицейское управление» имеются «Статистические сведения по Феодосийскому уезду, представленные феодосийским уездным исправником за 1830 г.». О населении уезда этого периода известно следующее: «Всего обывателей 7 645 душ обоего пола, 3 920 мужских и 3 725 женских»; подавляющее большинство жителей, около 7 тыс. человек, были крымскими татарами: «из них татар 3 634 мужеска и и 3 421 женска душ». В 1830 году, судя по приведенным феодосийским уездным исправником данным, родилось 157 человек, умерло 138 человек¹⁹⁴.

В середине XIX века появилась необходимость в более оперативном и точном учете населения, особенно «в условиях ускоряющегося экономического развития, роста городов и миграционных процессов» [Кабузан, 1982, с. 34]. Данный аспект актуализировал еще одну критическую проблему национальной безопасности Российской империи – комплектование вооруженных сил. До конца 1850-х годов рекрутский набор осуществлялся на основе данных, полученных в ходе ревизий населения, которые проводились в рамках регулярного административно-полицейского учета. Этот учет, хотя и осуществлялся ежегодно, тем не менее не полностью решал проблему комплектования армии, требуя дальнейшего совершенствования системы мобилизационных мероприятий. Эти методы предполагали сбор данных о населении через органы городской и земской полиции по территориальным единицам управления (кварталам и станам) [Борщик, 2010].

¹⁹² ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XX. № 14733. СПб., 1830. С. 666.

¹⁹³ ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23291. СПб., 1830. С. 593–595.

¹⁹⁴ ГАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. Л. 34.

В качестве замены ревизскому учету, который являлся традиционным методом переписей податных сословий, были внедрены более масштабные и систематизированные методы административно-полицейских исчислений. Во второй половине XIX века было проведено несколько крупных административно-полицейских учета населения, результаты которых публиковались в изданиях Центрального статистического комитета МВД¹⁹⁵. В Предисловии (вып. 2, 1863 г.) отмечалось, что в этих изданиях печатались «сведения: 1) о пространстве Империи; 2) о населенных местностях; 3) о количестве и местном распределении населения; 4) о распределении населения по вероисповеданиям; 5) о распределении населения по сословиям»¹⁹⁶.

Для Таврической губернии важнейшими были учеты населения 1858 и 1863 гг.

Согласно данным административно-полицейского учета, в Таврической губернии числилось в 1858 г.:

«Пространство 5 576 600 десятин, или 53 535 ¹/₄ кв. верст;

Городов: уездных – 8, заштатных – 6, портовых – 2, местечек – 6;

Сельских поселений: сел 73, деревень 1 567, колоний 87, итого 1 733».

Всего в губернии насчитали 659 509 «душ обоего пола», из них 356 134 мужчин и 303 355 женщин¹⁹⁷. В 1863 г. население губернии составило 687 343 чел., из них 371 931 мужчин и 315 412 женщин¹⁹⁸.

Эти демографические данные были важны для оценки волны эмиграции крымских татар в Османскую империю после Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. Как известно, в годы военных действий и оккупации Крымского полуострова войсками неприятеля факты коллаборационизма в среде крымскотатарского населения были массовыми. Об этом указывал и А.И. Маркевич в своем труде «Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам». В частности, он писал: «В начале военных действий неблагонадежность татар стала очевидной. <...> Некоторые сотские – татары в Симферопольском уезде с самого начала войны скрылись. Бунтовали в Ялте, Дерекое, Гурзуфе и других местах» [Маркевич, 1905, с. 30]. Реакция центральных властей была предсказуема – объявлялось выселение части местного населения из Крыма в центральные губернии страны, в т. ч. Курскую. А.И. Маркевич сообщал, что «всего было выслано в Курск свыше ста человек, а в Екатеринославском тюремном замке было 49 человек за ограбление имений, церквей и т. п. и возмущение татар против России и 29 без объяснения причин высылки» [Маркевич, 1905, с. 30].

Естественно, что центральные власти не могли игнорировать процессы массовой эмиграции, поэтому требовали от местных властных структур максимальный контроль населения Таврической губернии. Сведений административно-полицейского учета населения Таврической губернии в Государственном архиве Республики Крым сохранилось немного. Это связано с общей тенденцией сохранности документов в ГАРК – практически во всех фондах полицейских управлений Крымского полуострова нет дел ранее начала 1830-х гг. Сбор сведений о населении силами полицейских управлений требовали и другие органы регионального и местного управления. Например, в фонде Феодосийского уездного полицейского управления есть обращение Таврической Казенной палаты, которая поручала полицейскому управлению «доставить ... сведения о числе душ, не положенных в оклад»¹⁹⁹. Подобные данные сохранились в Государственном архиве Республики Крым и в фонде Симферопольского городского полицейского управления²⁰⁰.

¹⁹⁵ См., напр.: Статистические таблицы Российской империи, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел Статистическим отделом Центрального статистического комитета: Вып. 2. СПб: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1863. 330 с.

¹⁹⁶ Статистические таблицы Российской империи ... Вып. 2. СПб., 1863. С. VI.

¹⁹⁷ Статистические таблицы Российской империи, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел Статистическим отделом ЦСК. За 1856-й год. СПб: Тип. II Отд. собств. Е. И. В. Канцелярии, 1858. С. 130–131.

¹⁹⁸ Статистические таблицы Российской империи ... Вып. 2. СПб., 1863. С. 171.

¹⁹⁹ ГАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 73. Л. 2.

²⁰⁰ ГАРК. Ф. 197. Оп. 1. Д. 476.

Заключение

Сбор демографических данных является исключительной компетенцией государственных органов власти. Известно о целой серии царских указов еще во второй половине XVIII века, обязывающих губернаторов предоставлять сведения о населении подведомственных им административно-территориальных единиц. Эти данные в идеале должны были главами регионов предоставляться ежегодно, что стало основой возникновения административно-полицейского учета населения. Он основывался на данных ревизского и церковного учетов, поэтому не считался полностью самостоятельным видом учета.

Тем не менее административно-полицейский учет населения в Российской империи стал важным инструментом государственного управления в условиях социально-экономических изменений, связанных с отменой крепостного права, проведением буржуазных реформ в стране и последующей модернизации российского общества. Для Таврической губернии, пережившей почти годичную оккупацию союзническими войсками в годы Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., критически важны были сведения о населении. Максимально полные и точные данные нужны были и для оценки людских потерь, и для разработки стратегий послевоенного восстановления полуострова. Подобные данные могли предоставить только полицейские органы.

Список источников

- Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 3. Феодосийское уездное полицейское управление. Оп. 1. Д. 73. Статистический отчет по уезду за 1873 г. Феодосийского уездного полицейского управления.
- ГАРК. Ф. 197. Симферопольская городская полиция Таврического губернского правления. Оп. 1. Д. 476. Наряд Симферопольского городского полицейского управления о доставлении годового отчета за 1892 г.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. XX. № 14733. СПб., 1830. С. 665–666.
- ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XX. № 15049. СПб, 1830. С. 972–973.
- ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XX. № 14733. СПб., 1830. С. 666.
- ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23291. СПб., 1830. С. 593–595.
- Статистические таблицы Российской империи, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел Статистическим отделом ЦСК. За 1856-й год. СПб: Тип. II Отд. собств. Е. И. В. Канцелярии, 1858. 300 с.
- Статистические таблицы Российской империи, составленные и изданные по распоряжению министра внутренних дел Статистическим отделом ЦСК: Вып. 2. СПб: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1863. 330 с.

Список литературы

- Амосова О.С., Окутина Н.Н. 2021. Организация и история административно-полицейского учета населения России XVIII – первой половины XIX веков. Вестник Российского нового университета, серия «Человек и общество». 4: 68–76.
- Борщик Н.Д. 2010. Эволюция государственной системы учета населения России в XVII–XIX столетиях (на материалах Курского края): дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 440 с.
- Борщик Н.Д. 2024. Изучение деятельности органов полиции Российской империи в досоветской историографии. Научный вестник Крыма: электронный рецензируемый журнал. 1. URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1085/1390> (дата обращения 15.07.2024 г.)
- История полиции Крыма: Хрестоматия. 2018. Под общ. ред. С.А. Буткевича. Краснодар, Краснодарский университет МВД России. 414 с.
- Кабузан В.М. 1963. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: (По материалам ревизий). Москва, Изд-во Акад. наук СССР, 230 с.
- Кабузан В.М. 1982. О достоверности учета населения России (1858–1917 гг.). Источниковедение отечественной истории: сб. статей. Отв. ред. В.И. Буганов. Москва, Б.м.: 100–117.
- Маркевич А.И. 1905. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. Симферополь: Тип. Тавр. губ. земства. 260 с.
- Шерстнёв Р.А. 2024а. Организация полицейского надзора за проституцией в Таврической губернии (начало XX века). Via in tempore. История. Политология. № 51(4): 993–1002.

Шерстнёв Р.А. 2024b. Деятельность полиции Таврической губернии в документах Государственного архива Республики Крым. Научный вестник Крыма: электронный рецензируемый журнал. 2024. 2(47). URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/issue/view/50/showToc> (дата обращения: 10.05.2026 г.)

References

- Amosova O.S., Okutina N.N. 2021. Organizaciya i istoriya administrativno-policejskogo ucheta naseleniya Rossii XVIII – pervoj poloviny` XIX vekov [Organization and History of Administrative and Police Accounting of the Population of Russia in the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Vestnik Rossijskogo novogo universiteta, seriya «Chelovek i obshchestvo». 4: 68–76.
- Borshchik N.D. 2010. E`voluciya gosudarstvennoj sistemy` ucheta naseleniya Rossii v XVII – XIX stoletiyax (na materialax Kurskogo kraja) [The Evolution of the State System of Accounting for the Population of Russia in the XVII–XIX Centuries (Based on Materials from the Kursk Territory)]: dis. ... d-ra ist. nauk. Moscow, 440 p.
- Borshchik N.D. 2024. Izuchenie deyatel'nosti organov policii Rossijskoj imperii v dosovetskoj istoriografii [The Study of the Activities of the Police of the Russian Empire in pre-Soviet Historiography]. Nauchnyj vestnik Kryma: elektronnyj recenziruemyj zhurnal. № 1. URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1085/1390> (data obrashcheniya 15.07.2024 g.)
- Istoriya policii Kryma: Hrestomatiya [The History of the Crimean Police: A Textbook]. 2018. Pod obshch. red. S.A. Butkevicha. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii. 414 p.
- Kabuzan V.M. 1963. Narodonaselenie Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX v.: (Po materialam revizij) [Population of Russia in the XVIII – the First Half of the XIX Century: (Based on Revision Materials)]. Moskva, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 230 p.
- Kabuzan V.M. 1982. O dostovernosti ucheta naseleniya Rossii (1858–1917 gg.) [On the Reliability of Accounting for the Population of Russia (1858–1917)]. Istochnikovedenie otechestvennoj istorii: sb. statej. Otv. red. V.I. Buganov. Moskva, B.m.: 100–117.
- Markevich A.I. 1905. Tavricheskaya guberniya vo vremya Kry`mskoj vojny`. Po arxivny`m materialam [Tauride Province during the Crimean War. Based on Archival Materials]. Simferopol`: Tip. Tavr. gub. zemstva. 260 p.
- Sherstnyov R.A. 2024a. Organizaciya policejskogo nadzora za prostituciej v Tavricheskoj gubernii (nachalo XX veka) [Organization of Police Supervision of Prostitution in the Tauride Province (Beginning of the Twentieth Century)]. Via in tempore. Istoriya. Politologiya. 51(4): 993–1002.
- Sherstnyov R.A. 2024b. Deyatel'nost' policii Tavricheskoj gubernii v dokumentah Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Krym [The Activities of the Police of the Tauride Province in the Documents of the State Archive of the Republic of Crimea]. Nauchnyj vestnik Kryma: elektronnyj recenziruemyj zhurnal. 2(47). URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/issue/view/50/showToc> (data obrashcheniya: 10.05.2026 g.)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.08.2026

Received 01.08.2026

Поступила после рецензирования 05.09.2026

Revised 05.09.2026

Принята к публикации 07.09.2026

Accepted 07.09.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шерстнёв Руслан Алексеевич, соискатель кафедры истории России, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Ruslan A. Sherstnev, External Postgraduate Student at the Department of Russian History, Kursk State University, Kursk, Russia

[ORCID: 0009-0008-2991-7054](https://orcid.org/0009-0008-2991-7054)

УДК 930.23:359
DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-636-641
EDN HOQRVL
Оригинальное исследование

Научная деятельность В.Ф. Головачёва как представителя военно-морской исторической школы С.И. Елагина

Герман В.А.

Воронежский экономико-правовой институт,
Россия, 394033, г. Воронеж, Ленинский пр-т, д. 119а
E-mail: g.w.a@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается научная деятельность В.Ф. Головачёва по написанию работ по истории российского военно-морского флота. Изучается его становление как учёного под руководством С.И. Елагина, который основал первую российскую военно-морскую историческую школу. Целью данной работы является изучение вклада В.Ф. Головачёва в отечественную военно-морскую историческую науку. Данное исследование представлено источниками в виде основных научных работ российского историка, анализ которых осуществляется с помощью общенаучных и специальных исторических методов исследования: историко-сравнительного метода и контент-анализа. В конце работы даётся оценка анализа В.Ф. Головачёва на основе исторического опыта перспектив внешнеполитических отношений Российской империи и развития Черноморского флота России.

Ключевые слова: Российская империя, Черноморский флот, Севастополь, историография военно-морского флота, научные труды

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Герман В.А. 2026. Научная деятельность В.Ф. Головачёва как представителя военно-морской исторической школы С.И. Елагина. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 636–641. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-636-641. EDN: HOQRVL

The Scientific Work of V.F. Golovachev as a Representative of S.I. Elagin's Naval Historical School

Vladislav A. German

Voronezh Institute of Economics and Law,
119a Leninsky Ave., Voronezh 394033, Russia
E-mail: g.w.a@bk.ru

Abstract. This article examines V.F. Golovachev's scholarly work on the history of the Russian Navy. It explores his development as a scholar under the guidance of S.I. Elagin, who founded the first Russian school of naval history. A brief biography of V.F. Golovachev, covering his naval education and teaching activities. A summary and analysis of his major scholarly works on the naval history of the Russian Empire are provided including research on the Russo-Swedish War of 1788–1790, the history of Sevastopol as a military base for the Russian Navy, and certain battles of the Russian Imperial Navy. The purpose of this work is to examine V.F. Golovachev's contribution to Russian naval historical scholarship. This study presents sources in the form of the Russian historian's primary research works, analyzed using general and specialized historical research methods: the historical-comparative method and content analysis. The paper concludes with an assessment of V.F. Golovachev's analysis, based on historical experience, of the prospects for the Russian Empire's foreign policy relations and the development of the Russian Black Sea Fleet.

Keywords: Russian Empire, Black Sea Fleet, Sevastopol, historiography of the navy, scientific works

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: German V.A. 2026. The Scientific Work of V.F. Golovachev as a Representative of S.I. Elagin's Naval Historical School. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 636–641 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-636-641. EDN: HOQRVL

Введение

По поручению генерал-адмирала Константина Николаевича секретарь Морского учёного комитета С.И. Елагин в период 1862–1867 гг. при помощи В.Ф. Головачёва и Н.А. Коргуева на основе собранных в российских и зарубежных архивах документов первым из отечественных военно-морских историков, использовавшим историко-системный подход, опубликовал ряд научных работ по истории Российского Императорского флота, такие как «История русского флота. Период Азовский» [Елагин, 1864], «Утверждение России на балтийском побережье» [Елагин, 1866], «Начало Кронштадта» [Елагин, 1866], «Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого, 1702–1725» [Елагин, 1867] и др. В результате данной научной деятельности фактически была создана первая в России школа военно-морских историков, поэтому, несмотря на смерть С.И. Елагина в 1868 г. на основе вышеуказанного научного подхода его помощники продолжили создание трудов по военно-морской проблематике, по которой наиболее значимые работы из представителей «елагинской школы» были написаны В.Ф. Головачёвым.

Объект и методы исследования

Среди отечественных исследователей научная деятельность во второй половине XIX – начала XX вв. «елагинской» военно-морской исторической школы была частично затронута в трудах Д.В. Ливенцева [Ливенцев, 2002], Л.В. Глазуновой [Глазунова, 2003] и А.А. Лисицкой [Лисицкая, 2024]. В то же время труды В.Ф. Головачёва по истории Российского Императорского флота, созданные после смерти С.И. Елагина, остались практически незамеченными современными российскими историками.

Источниковой базой для данного исследования послужили исторические труды В.Ф. Головачёва по действиям российского военно-морского флота в русско-турецкую войну 1768–1774 гг. и русско-шведскую войну 1788–1790 гг., истории Черноморского флота и его базы в Севастополе в конце XVIII – первой половине XIX вв. и анализу исторической необходимости военно-морского флота для Российской империи.

При анализе указанных источников были применены общенаучные и специальные исторические методы исследования в виде контент-анализа и историко-сравнительного подхода. В частности, контент-анализ применялся при изучении исторических трудов В.Ф. Головачёва по российскому военно-морскому флоту. Историко-сравнительный метод был использован при проведении сравнения исторических проблем, затронутых В.Ф. Головачёвым, с современными проблемами военно-морского флота.

Результаты и их обсуждение

Из биографии В.Ф. Головачёва известно, что он родился в 1821 г., а в 1838 г. будущий учёный выпустился из Морского кадетского корпуса, в котором с 1845 г. после службы на кораблях российского военно-морского флота стал преподавателем. После смерти С.И. Елагина его бывший научный помощник работал переводчиком в учёном отделении Морского технического комитета Морского министерства Российской империи, где написал ряд трудов по истории флота [Доценко, 1995, с. 122]. Первой работой В.Ф. Головачёва являлась написанная в 1870 г. книга «Действия русского флота в войне со шведами в 1788–90 гг.», в которой затрагивались события первого года войны. Историк подчеркивал, что другие работы по теме рассмотренного им исследования были разрозненными и не давали полного представления о проблеме, выступив с критикой аналогичного труда А.С. Шишкова [Головачёв, 1870, с. 1].

В фокусе внимания В.Ф. Головачёва оказались события, связанные с вторжением шведских войск на территорию России. Исследователь рассмотрел объявление Екатериной II войны Швеции 26 июня 1788 г. и последующее появление 27 июня вблизи Ревеля (ныне Таллин – прим. авт.) шведской эскадры. Особое внимание учёный уделил формированию и составу эскадры Российского Императорского флота, которой командовали С.К. Грейг и М.П. Фондезин [Головачёв, 1871, с. 23]. Кроме того, военно-морской историк подробно рассмотрел Гогландскую морскую битву 17 июля 1788 г., тактически закончившуюся ничьей [Головачёв, 1870, с. 52–56].

В монографии по русско-шведской войне В.Ф. Головачёв первым среди военно-морских историков использовал критический подход к истории. В частности, учёный не разделял мнение о Турции, с которой у Российской империи в данный период была война, что она была главной стороной, заинтересованной в данной войне, указывая на главных бенефициаров – европейские страны, в первую очередь на Великобританию. Кроме того, исследователь критиковал решение М.П. Фондезина разделить 5 июня 1788 г. русские войска в самом начале войны, что в итоге не позволило С.К. Грейгу захватить Свеаборг, тем самым получить высокие шансы нанести шведским войскам стратегическое поражение [Головачёв, 1870, с. 130]. Расширенное издание работы историка, опубликованное в 1871 г., включало в себя сведения, касающиеся военной кампании Российского императорского флота 1789 г. [Головачёв, 1871]. По словам историка Л.Г. Бескровного, В.Ф. Головачёв был первым в отечественной историографии, кто сопоставил события русско-шведской и русско-турецкой войн конца XIX в. [Бескровный, 1962, с. 300]

В 1872 г. В.Ф. Головачёв опубликовал монографию «История Севастополя как русского порта», которая хронологически охватывала период от русско-турецкой войны 1768–1774 гг. до Крымской войны. Данный труд вышел после Лондонской конференции 1871 г., на которой Россия отказалась от условия Парижского мирного договора 1856 г., запрещавшей ей иметь военно-морской флот на Чёрном море, что предопределило актуальность научной работы. В начале книги автор отмечал стремление славянских племён закрепиться в Крыму, указывая на деятельность князя Владимира Святого, который крестился в Херсонесе, на месте которого в 1783 г. контр-адмиралом Ф.Ф. Мекензи был основан Севастополь. По мнению исследователя, императрица Екатерина II, осуществив выход России к Чёрному морю, фактически выполнила геополитическую программу Петра I [Головачёв, 1872, с. 1–7]. При этом военно-морской историк в данной работе рассмотрел не только создание и развитие российской военно-морской базы в Севастополе, но и дальнейшую организацию и деятельность Черноморского флота Российской империи, включая осуществление для него процесса кораблестроения [Головачёв, 1872, с. 73–96]. Тем самым учёный в своём труде изучил действия Черноморского флота и его командующих в войнах, которые Россия вела с Турцией в 1787–1791 гг., 1806–1812 гг. и 1828–1829 гг.

В завершение своего исследования В.Ф. Головачёв рассмотрел преимущества и ограничения Севастополя. По его мнению, у Севастопольской бухты, которая зимой не покрывалась льдом, было уникальное географическое положение, которое обеспечивало превосходную защиту для русских военных кораблей от вражеских сил, однако в качестве места для строительства судов Севастополь уступал по уровню удобства Николаеву. Анализируя действия Черноморского флота Российской империи и его командующего адмирала П.С. Нахимова, военно-морской историк указал на необходимость принять во внимание следующие моменты:

- 1) материальные потери Черноморского флота не должны оказывать существенного негативного влияния на финансовое положение;
- 2) Российскому Императорскому флоту на Чёрном море при угрозе уничтожения необходимо отплыть в более безопасный район;
- 3) для гарантии максимальной защищённости кораблей Российского Императорского флота требовалось усиление оборонительных возможностей Севастополя [Головачёв, 1872, с. 256–259].

Тем самым исследователь отмечал, что существование российской военно-морской базы в Севастополе связано с контролем Российской империи над Крымом [Головачёв, 1872, с. 260].

В 1898 г. В.Ф. Головачёв опубликовал статью «О значении флота для России на основании истории», в начале которой автор изучал применение военно-исторического опыта

для стратегических интересов Российской империи и её военно-морского флота. Исследователь рассматривал гипотезу о формировании Российского государства с помощью мореходства, т. к. прибрежные племена восточных славян использовали речные пути европейской части России для своих перемещений. Кроме того, он поднимал проблему этнической принадлежности варягов к скандинавским народам и занимался анализом процесса их проникновения на Русь и установления варяжской власти в Новгороде и Киеве. Кроме того, военно-морской историк раскрывал значение царствования Петра I для российского военно-морского флота, при помощи которого произошло возрождение Российской государственности, а затем при Екатерине II осуществлялось расширение территории России [Головачёв, 1898, с. 1–25].

Наконец, В.Ф. Головачёв относил к стратегическим противникам Российской империи Великобританию и Турцию, появившиеся, по его мнению, после того, как Россия обзавелась своим военно-морским флотом. При этом исследователь выражал скептическое отношение к возможности союза между Россией и Великобританией, подкрепляя свою позицию ссылками на исторические прецеденты, демонстрировавшие неблагоприятные для России исходы подобных альянсов. По убеждению военно-морского историка, Великобритания прибегала к военному сотрудничеству с Россией в те периоды, когда Российское государство находилась под угрозой значительных территориальных или стратегических потерь [Головачёв, 1898, с. 33–38].

В.Ф. Головачёв в 1900 г. написал статью «Чесменское сражение в его политической и стратегической обстановке и русский флот в 1769 г.», в которой он продемонстрировал значимость военной науки, акцентируя внимание на её комплексном подходе, включавшем в себя анализ нравственных качеств военных, разработку военных стратегий и тактик и оценку влияния боевых действий на последующий политический курс [Головачёв, 1900, с. 56–57]. При этом в данной работе военно-морской историк указывал причину русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в стремлении сформировать единое славянское государство под эгидой Российской империи с обеспечением её доступа к Чёрному морю [Головачёв, 1900, с. 60]. Кроме того, русский учёный описал поход эскадры Балтийского флота Российской империи к Эгейскому морю и представил анализ Хиосского сражения, состоявшегося 24 июня 1770 г., в котором русская эскадра из 9 кораблей под командованием Г.А. Спиридова и А.Г. Орлова, несмотря на потерю флагманского судна, заставила отступить османский флот в Чесменскую бухту, где 25 июня турецкие корабли за исключением одного судна были уничтожены брандерами. В результате, как отмечал исследователь, победа Российского Императорского флота в Чесменском сражении обеспечило временное господство Российской империи не только на Чёрном, но и на Эгейском морях [Головачёв, 1900, с. 136–156].

В следующей статье «Воспоминания по поводу 50-летнего юбилея Синопского сражения», опубликованной в «Морском сборнике» в 1903 г., В.Ф. Головачёв, помимо анализа самого сражения между русскими и турецкими судами, рассматривал причины Крымской войны (1853–1856 гг.), приводил состав кораблей Черноморского флота Российской империи и давал характеристику командующего флотом П.С. Нахимова [Головачёв, 1903, с. 53–63]. Последняя работа российского учёного, которую он начал в 1904 г., оказалась незавершённой в связи с его смертью в том же году. Данный труд описывал хронологию военных действий в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. и был завершён А. де Ливроном [Головачёв, де Ливрон, 1906].

Проведённый анализ В.Ф. Головачёвым в своих научных работах носит актуальный характер, связанный с негативным отношением исследователя к потенциальному союзу Российской империи с Великобританией, который, по его мнению, мог носить только тактический характер. Кроме того, В.Ф. Головачёв поднял проблему контроля России над Крымом для обеспечения существования базы Черноморского флота в Севастополе, что стало одной из причин присоединения Крыма к России в 2014 г. В этой связи темы по деятельности Российского Императорского флота, рассмотренные В.Ф. Головачёвым, нашли отражения в работах современных историков, таких как В.А. Болтрукевич [Болтрукевич, 2023], Г.А. Гребенщикова [Гребенщикова, 2023], С.Л. Гуринов [Гуринов, 2021], А.В. Ильичёв [Ильичёв, 2025].

Заключение

Таким образом, В.Ф. Головачёв в составлении научных трудов по военно-морской истории России перенял историко-системный подход С.И. Елагина, что позволило отнести В.Ф. Головачёва к представителям первой в России военно-морской исторической школы. В частности, учёный систематизировал историю русско-шведской войны 1788–1790 гг., указал на её причину и провёл анализ действия в ней командования Российского Императорского флота. Кроме того, военно-морской историк изучил историю Черноморского флота Российской империи и его базы в Севастополе, указав на основе результатов Крымской войны применение необходимых подходов в возрождении Российского Императорского флота на Чёрном море. Наконец, В.Ф. Головачёв исследовал поход к Эгейскому морю Российского Императорского флота из Балтийского моря во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и его политические последствия.

Представленные темы, изученные В.Ф. Головачёвым, нашли актуальность в условиях современных вызовов, стоящих не только перед военно-морским флотом России, но и во внешнеполитических отношениях страны с западными странами.

Список источников

- Головачёв В.Ф. 1903. Воспоминания по поводу 50-летнего юбилея Синопского сражения. *Морской сборник*. 12: 53–63.
- Головачёв В.Ф. 1870 Действия русского флота в войне со шведами в 1788–90 гг.: Кампания 1788 г. Санкт-Петербург, тип. И.И. Глазунова, 133 с.
- Головачёв В.Ф. 1871. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–90 гг. Санкт-Петербург, тип. Мор. м-ва, 268 с.
- Головачёв В.Ф. 1872. История Севастополя как русского порта. Санкт-Петербург, изд. Севастопольского отд. на Политехн. выст., 260 с.
- Головачёв В.Ф. 1898. О значении флота для России на основании истории. *Морской сборник*. 9: 1–39.
- Головачёв В.Ф. 1900. Чесменское сражение в его политической и стратегической обстановке и русский флот в 1769 г. *Морской сборник*. 1: 55–156.
- Головачёв В.Ф. 1906. Хроника военно-морских действий на Дальнем Востоке. Санкт-Петербург, Тип. Морского М-ва, 474 с.

Список литературы

- Бескровный Л.Г. 1962. Очерки военной историографии России. Москва, Изд-во АН СССР, 318 с.
- Болтрукевич В.А. 2023. Российские адмиралы о путях развития отечественного Военно-морского флота в 1881 году. *Военно-исторический журнал*. 1: 16–27.
- Глазунова Л.В. 2003. Роль С.И. Елагина в изданиях Морского министерства. Елагинские чтения. Вып. I. Санкт-Петербург, Остров: 5–9.
- Гребенщикова Г.А. 2023. Миссия в Стокгольме генерал-майора П.А. фон дер Палена в 1791 году. *Военно-исторический журнал*. 1: 28–35.
- Гуринов С.Л. 2021. Деятельность российской военно-морской разведки во время русско-японской войны 1904–1905 гг. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 12: 50–57.
- Доценко В.Д. 1995. Морской биографический словарь. Санкт-Петербург, Логос, 494 с.
- Елагин С.И. 1864. История русского флота. Период Азовский. Санкт-Петербург, Тип. Гогенфельдена, 319 с.
- Елагин С.И. 1866. Утверждение России на балтийском побережье. *Морской сборник*. 1: 109–128.
- Елагин С.И. 1866. Начало Кронштадта. Кронштадт, Кронштадт. вестн, 31 с.
- Елагин С.И. 1867. Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого, 1702–1725. Санкт-Петербург, Тип. Морского м-ва, 74 с.
- Ильичёв А.В. 2025. Севастопольский гарнизон в первую половину XIX века: состав гарнизонных войск, военное управление, состояние оборонительных укреплений. *Genesis: исторические исследования*. 2: 21–39.
- Ливенцев Д.В. 2002. Морской учёный комитет 1847–1891 гг. Воронеж, 171 с.
- Лисицкая А.А. 2024. С.И. Елагин – основоположник источниковедения военно-морской истории. Елагинские чтения. Вып. XII. Санкт-Петербург, ПресСто: 8–18.

References

- Beskrovny`j L.G. 1962. Ocherki voennoj istoriografii Rossii [Essays on the Military Historiography of Russia]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 318 p.
- Boltrukevich V.A. 2023. Rossijskie admiraly` o putyax razvitiya otechestvennogo Voенно-morskogo flota v 1881 godu [Russian Admirals on the Development of the Russian Navy in 1881]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 1: 16–27.
- Glazunova L.V. 2003. Rol` S.I. Elagina v izdaniyax Morskogo ministerstva [The Role of S.I. Elagin in the Publications of the Naval Ministry]. *Elaginskie chteniya*. Vol. I. Saint Petersburg, Ostrov: 5–9.
- Grebenshnikova G.A. 2023. Missiya v Stokgol`me general-majora P.A. fon der Palena v 1791 godu [Mission to Stockholm by Major General P.A. von der Pahlen in 1791]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 1: 28–35.
- Gurinov S.L. 2021. Deyatel`nost` rossijskoj voенно-morskoj razvedki vo vremya russko-yaponskoj vojny` 1904 – 1905 gg. [Activities of Russian Naval Intelligence during the Russo-Japanese War of 1904–1905] *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 12: 50–57.
- Docenko V.D. 1995. Morskoy biograficheskij slovar` [Maritime Biographical Dictionary]. Saint Petersburg, Logos, 494 p.
- Elagin S.I. 1864. Istoriya russkogo flota. Period Azovskij [History of the Russian Navy. The Azov Period]. Saint Petersburg, Tip. Gogenfel`dena, 319 p.
- Elagin S.I. 1866. Utverzhdenie Rossii na baltijskom pribrezh`i [Russia's Assertion on the Baltic Coast]. *Morskoy sbornik*. 1: 109–128.
- Elagin S.I. 1866. Nachalo Kronshtadta [The Beginning of Kronstadt]. Kronshtadt, Kronshtadt. vestn, 31 p.
- Elagin S.I. 1867. Spisok sudov Baltijskogo flota, postroenny`x i vzyaty`x v czarstvovanie Petra Velikogo, 1702–1725 [List of Ships of the Baltic Navy, Built and Taken during the Reign of Peter the Great, 1702–1725]. Saint Petersburg, Tip. Morskogo m-va, 74 p.
- Il`ichyov A.V. 2025. Sevastopol`skij garnizon v pervuyu polovinu XIX veka: sostav garnizonny`x vojsk, voенное upravlenie, sostoyanie oboronitel`ny`x ukreplenij [The Sevastopol Garrison in the First Half of the 20th Century: Composition of Garrison Troops, Military Administration, State of Defensive Fortifications]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2: 21–39.
- Livencev D.V. 2002. Morskoy uchyony`j komitet 1847–1891 gg. [Naval Exercise Committee 1847–1891]. Voronezh, 171 p.
- Lisiczskaya A.A. 2024. S.I. Elagin – osnovopolozhnik istochnikovedeniya voенно-morskoj istorii [S.I. Elagin – the Founder of Source Studies of Naval History]. *Elaginskie chteniya*. Vol. XII. Saint Petersburg, PresSto: 8–18.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.02.2026

Received 20.02.2026

Поступила после рецензирования 30.03.2026

Revised 30.03.2026

Принята к публикации 02.04.2026

Accepted 02.04.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Герман Владислав Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры юриспруденции, Воронежский экономико-правовой институт, г. Воронеж, Россия

Vladislav A. German, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Department of Jurisprudence, Voronezh Institute of Economics and Law, Voronezh, Russia

[ORCID: 0000-0003-4446-0239](https://orcid.org/0000-0003-4446-0239)

УДК 930

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-3-642-650

EDN DXOTBY

Оригинальное исследование

Византийская симфония властей в российской дореволюционной историографии

Шевцов Н.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: shevtsov@bsuedu.ru

Аннотация. По мере накопления и последующего анализа исторического материала наука обогащается новыми исследованиями по темам, которые поначалу или углубленно не изучались учёными или находились на периферии. Однако постепенно на почве накопленного материала стали появляться исследования по истории Византии в связи с Русью и отдельные труды, посвящённые империи и её религиозному, политическому, идеологическому, культурному влиянию, вышедшему далеко за пределы ойкумены государства Ромеев. Во все века внимание не одного поколения церковных авторов, историков различных историографических направлений, публицистов, политологов привлекала к себе зародившаяся в Византии теория симфонии властей, влияние и вклад которой на отечественную историю различные исследователи понимали по-разному. В данной статье анализируется несколько точек зрения по данному вопросу, а именно то, как некоторые дореволюционные историки понимали византийскую теорию государственно-церковных отношений, а также какой вклад в её изучение ими был привнесён в науку.

Ключевые слова: церковно-государственные отношения, симфония властей, Византия, отечественная историография

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Шевцов Н.В. 2026. Византийская симфония властей в российской дореволюционной историографии. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 642–650. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-642-650. EDN: DXOTBY

The Byzantine Symphony of Authorities in Russian Pre-Revolutionary Historiography

Nikolay V. Shevtsov

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: shevtsov@bsuedu.ru

Abstract. As historical material accumulated and then analyzed, science is enriched with new research on topics that were initially either not studied in depth by scientists or were on the periphery. However, the accumulated data made it possible to begin studies into the history of Byzantium in connection with Russia, as well as individual works devoted to the empire and its religious, political, ideological, and cultural influence, which went far beyond the limits of the ecumenical state of the Romans. Throughout the centuries, the attention of more than one generation of church authors, historians of various historiographical trends, publicists, and political scientists has been attracted by the theory of the symphony of powers that originated in Byzantium, whose influence and contribution to Russian history has been understood differently by various researchers. This article analyzes several points of view on this issue, namely how some pre-revolutionary historians understood the Byzantine theory of state-church relations, as well as what contribution they made to its study.

Keywords: church-state relations, symphony of authorities, Byzantium, Russian historiography

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Shevtsov N.V. 2026. The Byzantine Symphony of Authorities in Russian Pre-Revolutionary Historiography. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 642–650 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-642-650. EDN: DXOTBY

Введение

В дореволюционный период, когда отечественная историография зародилась, сделала первые шаги и развивалась, историки постепенно от развёрнутого повествования о прошлом перешли к изучению отдельных исторических периодов и их аспектов. В силу того, что в российской истории отношения между церковью и государством были важным политическим явлением, то исследователи попросту не могли их игнорировать, и потому эта проблема заняла в их трудах важное место.

Оживлению исследований в данном направлении в XIX в. поспособствовали дискуссии между славянофилами и западниками, которые привели к росту интереса к церковной истории. Учёные, разрабатывая темы, связанные с ней, касались истории Византии, с которой восточные славяне не только воевали, но и от которой приняли православие и соответствующую культурную традицию. Одним из следствий крещения стало то, что вместе с греческими книгами на территорию Древнерусского государства проникали идеи симфонии властей, которые должны были поспособствовать выстраиванию гармонических отношений между светской и духовной властью.

В области политической идеологии принцип союза империи и церкви, который провозгласил римский император Константин Великий, а идеологически обосновал Евсевий Кесарийский, был относительно новым явлением. Именно после них в ранней Византии уже происходили попытки согласования статуса двух институтов²⁰¹. Данная тема по сей день вызывает неподдельный интерес и споры в научных кругах, как и пару столетий назад. Науке известен целый ряд учёных, которые изучали симфонию властей, но всех их не представляется возможным рассмотреть в рамках одной научной статьи, а потому мы рассмотрим работы нескольких виднейших отечественных дореволюционных исследователей.

В XIX столетии в отечественной историографии сформировалось два направления, каждое из которых занималось изучением истории Византии с различных сторон, а именно «светское» (или «университетское»), представленное такими центрами, как Санкт-Петербург, Москва, Одесса, Харьков и другие, а также «церковное» в лице Московской, Санкт-Петербургской и Казанской духовных академий.

Для начала стоит рассмотреть работу митрополита Макария (в миру Михаил Булгаков) (1816–1882 гг.), который в своём фундаментальном труде «История Русской церкви» попытался не просто обобщить историю церковного института, но и привлечь новые исторические источники, проанализировать её. Работа Макария была выбрана для анализа по той причине, что в изучение истории Русской Православной церкви он внёс такой же вклад, какой в историю России привнёс историк С.М. Соловьёв²⁰². Макарий в своём труде немного касался концепции симфонии властей и обращался к истории духовного наследия Византии, которую ряд авторов XIX столетия называл духовной метрополией по отношению к Древнерусскому государству.

Следующий историк, Фёдор Афанасьевич Курганов (1844–1920 гг.), является одним из пионеров в изучении темы симфонии властей. Он происходил из семьи священника, занимался различными темами, связанными с историей христианства, в том числе и изучением взаимоотношений между светской и духовной властью в Византийской империи. Этот вопрос был подробно рассмотрен им в докторской диссертации «Отношение между церковной и

²⁰¹ Чичуров И.С. Византийская империя. Часть I. Православная энциклопедия. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/372674.html> (дата обращения: 10.12.2025).

²⁰² Карпук Д.А. Макарий. Православная энциклопедия. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2561378.html> (дата обращения: 11.05.2026).

гражданской властью в Византийской империи» [Соколов, 1926, с. 103]. Собственно говоря, с него и начинается серьезное изучение проблемы симфонии в русской византистике.

Другой исследователь, Владимир Евграфович (Эдуардович) Вальденберг (1871–1940 гг.), занимался изучением политической мысли и философии Византии. Его выделяем отдельно, поскольку его труды интересны тем, что находятся на стыке таких дисциплин, как история церкви и история права. В круг его интересов входили церковно-государственные отношения и их влияние на политическую мысль Древней Руси, которые он изложил в своей монографии «Древнерусские учения о пределах царской власти». Не менее важно также проанализировать другую его работу «История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства» [Кирикова, Онощенко, 2018, с. 152].

Труды данных учёных нам предстоит рассмотреть, чтобы выявить, как ими понималась идея симфонии властей, в чём они были единодушны, а в чём их позиции расходились.

Объект и методы исследования

Объектом исследования настоящей статьи является отображение концепции симфонии властей в трудах отечественных исследователей, живших и творивших в дореволюционной России. Их труды представляют особый интерес, поскольку отображают эволюцию взглядов на данный вопрос в течение одной эпохи и дают возможность увидеть то, как каждая историческая школа на примере вышеуказанных авторов понимала роль данной идеи в мировой истории. В ходе проведения исследования использовались следующие методы: историко-сравнительный, историко-системный, историко-культурный, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение

Основы научному изучению истории Византии в России были заложены в XVII в., когда в Москве были созданы собрание греческих рукописей и славяно-греко-латинская академия. Однако это не означает, что ранее в данном направлении не проводилась работа, поскольку ещё древнерусские хронисты уделяли Византии пристальное внимание в своих трудах, в которые вносили информацию, полученную из переводных византийских летописей²⁰³. Книги по церковному праву, необходимые для регулирования различных сторон жизни, также являлись трудами, переведёнными с греческого языка. После систематизации данного наследия его предстояло проанализировать и критически осмыслить.

Вместе с тем по мере увеличения территории Российской империи в её составе оказывались территории, испытывавшие влияние либо входившие в состав Византии, такие как Крым, Кавказ. Это стимулировало изучение истории империи ромеев и как раз по времени совпало с тем, что у образованной части общества пробудился интерес к прошлому. Вместе с тем данная тема была актуальна в той связи, что даже исследователи, занимавшиеся исключительно отечественной историей, не могли обделять вниманием Византию, оказавшую значимое культурное влияние на Россию, политическую преемственность с которой стремилось подчеркнуть Российское государство.

Имеет значение и та деталь, что интерес учёных к Византии возник в тот момент, когда идеи «панславизма» получили широкое распространение, а правительство Российской империи желало укрепиться на Балканах, а потому работы в данном направлении поощрялись государством [Никитин, Сыченкова, 2020, с. 81]. Так, например, в конце XIX в. при императоре Александре III византизм поддерживался на государственном уровне.

Увлечение историей и культурой Византийской империи выражалось в том, что проводились многочисленные археологические экспедиции, вводились в научный оборот ранее неизвестные документы и произведения, происходило становление византистики, возникновение в архитектуре русско-византийского стиля, обращение к наследию империи ромеев со стороны идеологов консерватизма и публицистов и т. д. Это также выразилось в

²⁰³ Попов, И.Н., Чичуров И.С. Византиноведение. Православная энциклопедия. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/158430.html> (дата обращения: 10.12.2025).

том, что академик В.Г. Васильевский и его ученик В.Э. Регель в 1894 г. основали журнал «Византийский временник», вскоре получивший международное признание²⁰⁴.

Тема симфонии властей начинала выходить из тени и вскоре оказалась в центре внимания не только учёных, но и священников. Виднейшим исследователем из среды духовенства является митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков), автор монументальной работы «История Русской церкви», в которой он описывал РПЦ как часть Вселенского Православия. Ещё до него священники-историки создавали обширные произведения по истории церкви, но они чаще всего носили поверхностный компилятивный характер. Макарий (Булгаков) своими трудами внёс вклад в развитие русской церковно-исторической школы, а также помог решить проблему изучения истории в духовных учебных заведениях, которой в XVIII–XIX вв. уделяли недостаточно внимания [Бердник, 2021, с. 89].

В своём труде Макарий (Булгаков) проанализировал обширнейший пласт информации, которую помимо систематизации обогатил тем, что привлекал огромное количество неизученных исторических источников и изложил материал в логической последовательности [Бердник, 2021, с. 89–90]. Исследователь церковного института подробно изучал византийский опыт и то, как он повлиял на формирование церкви и на её отношение со светской властью, но не ограничивался исключительно этим, а рассматривал различные аспекты. В центре его внимания были религиозная и политическая история, а также книжная культура, иконопись и многое другое. Макарий (Булгаков) отмечал, что длительный период истории Русская Православная церковь зависела от Константинопольской церкви, что объяснялось принятием веры из Византии, отсюда же пришла иерархия, в Константинополе из числа греков избирались и назначались митрополиты [Макарий (Булгаков), 1995, с. 110].

Говоря о законодательной базе и заимствованиях из Византии, Макарий (Булгаков) отмечал, что на момент принятия князем Владимиром у неё имелся полный свод церковного законоположения, Номоканоны Иоанна Схоластика и Фотия, состоявшие из 2 частей: в 1-й свод церковных законов и правил и канонов, во 2-й – гражданские законы по церковным делам, сформулированные императорами, преимущественно Юстинианом [Макарий (Булгаков), 1995, с. 81]. Поскольку эти законы были универсальными для всех христиан, то, по словам исследователя, князь Владимир, принимая веру, обязывался принять и церковные каноны, а вот как быть со второй частью, состоящей из подтверждений греческой светской власти, утверждений права внутреннего управления, не было однозначного ответа. Здесь ему было необходимо их принять или не принять, заменить подобными, принять все или некоторые. С опорой на Номоканон Владимир по примеру греческих императоров дал Русской Церкви собственный устав [Макарий (Булгаков), 1995, с. 83].

Редакций данного документа, созданных в разные исторические периоды, сохранилось большое количество, в них имеются разночтения, но, рассмотрев и проанализировав каждый, Макарий (Булгаков) отметил, что устав Владимира состоит из 3 частей: 1) сообщает, что князь создал соборную церковь святой Богородицы в Киеве и дал ей десятину по всей земле русской; 2) от лица князя Владимира говорится, что он, ориентируясь на «Номоканон», решил, что князю, боярам, судьям, детям его и тем более роду не стоит вмешиваться в церковный суд, а этими делами обязан заниматься митрополит и епископ (далее перечисляются вопросы, которые находятся во всецелом ведении духовенства, – вопросы нравственности, веры, семейной жизни людей и проч.); 3) перечислены лица, составляющие круг церковного ведомства, и лица, предоставленные церковному покровительству или получающие от неё содержание. Они, согласно этому документу, подлежали суду исключительно со стороны митрополита или епископа [Макарий (Булгаков), 1995, с. 85]. Макарий (Булгаков) приходит к выводу, что византийская традиция оказала колоссальное влияние на церковную законодательную базу, но та претерпела в Древнерусском государстве некоторые изменения – если в Византии церковь была независима от государства, то в Древней Руси, помимо зависимости от Константинопольского патриарха, она также зависела от денег и даров князя (а это вообще не похоже на симфонию властей!).

²⁰⁴ Литаврин Г.Г. Византиноведение Большая российская энциклопедия. [Эл. ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/1912883 (дата обращения: 06.06.2026)

Фёдор Афанасьевич Курганов, занимавшийся с 1880-х гг. изучением византийской истории, в своей работе «Отношения между церковною и гражданскою властью в Византийской империи» искал, на каких принципах строились отношения между церковью и государством в Византии. Он отверг популярную в те времена концепцию цезарепапизма, согласно которой император безраздельно господствовал над церковью [Воробьёва, 2013, с. 130]. Исследователи из Европы, например, Й. Гергенрётер, Я.Ф. Фалльмерайер, не признавали этого мнения, а придерживались описательного подхода, рассматривая взаимоотношения между тем или иным василевсом и патриархом, при этом обделяя вниманием существовавшие в те времена аспекты канонического и светского права [Никитин, Сыченко, 2020, с. 83].

По словам Курганова, в византийском законодательстве церковно-государственные отношения определяло 3 положения, которые принимались и развивались начиная с императора Константина и заканчивая последней императорской династией Палеологов: а) признание и равноправное положение двух властей: духовной и светской; б) их взаимное согласие в области действия на подданных; в) признание за церковными канонами и догматами, не только равнозначной силы с государственными законами, но и превосходства пред ними в случае враждебного столкновения между государством и церковью. В частности, догматы веры имеют столь же обязательное значение, как и само св. писание [Курганов, 1880, с. 90]. Курганов проанализировал симфонию и показал принцип её работы, что ставят ему в заслугу будущие поколения историков, для которых он создал базу для дальнейших исследований в данной области.

Для понимания научного подхода Курганова следует сказать, что когда в 1885 г. он перешёл в Казанский Императорский университет, где стал заведующим кафедрой церковной истории, то особое внимание он уделял историографии по церковной истории, анализировал работы западных историков, сравнивал их с византийской традицией, что помогало ему понимать особенности историографии и её влияние на представления, а изучая источники, применял критический подход, в ходе которого учитывал контекст и возможную предвзятость автора [Ларионов, 2025, с. 110–111].

На основании идей Фёдора Курганова исследователи Г.В. Бежанидзе и А.Г. Фирсов сделали вывод, что убеждённость императоров в утверждении церковной властью истинной веры не означает, что вследствие этого в империи следует равноправность церковной и государственной власти. Так, если христиане – подданные императора, то подданными священнослужителей они могут быть только в случае существования отдельного от государства общества христиан, где правят священнослужители [Бежанидзе, Фирсов, 2024, с. 17].

Представитель юридической школы историографии Владимир Евграфович (Эдуардович) Вальденберг в большей степени историк права и в своих исследованиях подходит к поднимаемым вопросам со стороны юриспруденции. В своей работе «Древнерусские учения о пределах царской власти» он изучал то, как возникли подобные учения, как они попали на территорию Руси и развивались. Исследователь отмечает, что на формирование древнерусских учений о пределах царской власти оказали влияние книги Библии и различные святоотеческие писания, но эти учения развивались в связи с общим политическим мировоззрением [Вальденберг, 2006, с. 36–37].

Говоря о отношениях государства и церкви в Византийской империи, а именно между императором и церковью, Вальденберг отмечал, что «у различных исследователей существует большое количество трактовок: одни читают, что император сохранил прерогативы, которые имелись у него как у языческого pontifex maximus, а верховенство выражалось в том, что церковные учреждения пользовались не собственной властью, а делегированной властью с императором, а другие полагали, что правитель был ограничен церковными законами, а его власть не входила в область церковных отношений, в случае столкновения государственных законов с церковными канонами каноны имели преимущество» [Вальденберг, 2006, с. 44].

Исследователь, говоря о причинах существования большого числа точек зрения по данному вопросу, отмечает, что и в Византии, и в Древней Руси политическая жизнь определялась в ряде случаев не писанным законом, а обычаем, и на обычае основаны его отношения с церковью. Однако в предисловии к VI Новелле императора Юстиниана

устанавливаются отношения между светской и церковной властью, обе из которых были объявлены божественными дарами (т. е. они равноправные), и разделяются их сферы: первая заботится о человеческом, а вторая – о духовном [Вальденберг, 2006, с. 46].

В другом своём труде «История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства» Вальденберг доказывал, что между властью римского и византийского императоров сохранялась юридическая преемственность, поскольку кодифицированное императорами Феодосием и Юстинианом право представляло не новые положения, а закрепляло старые, которые признавались сохранявшими силу на момент кодификации [Вальденберг, 2008, с. 17]. По поводу отношений между церковным и государственным институтами во времена императора Юстиниана он заметил, что «государство и церковь <...> находились в тесной связи, но связь эта не шла так далеко, чтобы можно было отождествлять оба союза и чтобы утверждать, что император держал одинаковую власть над тем и над другим. Мы имеем, наоборот, параллелизм двух властей – императора и патриарха» [Вальденберг, 2008, с. 117].

Владимир Евграфович также подчеркнул юридическую особенность византийского законодательства – иногда церковная кара предусматривалась за «светские» преступления, например, согласно Новелле 1026 г., за участие в бунте бунтовщикам и их соратникам полагалась анафема, что подчёркивает согласие государства и церкви в деле наказания преступников [Костогрызова, 2017, с. 143]. Вместе с тем Вальденберг отметил, что в науке существует огромное количество трактовок о том, какая форма правления была в Византии, но он не согласился ни с одной и предложил называть её монархией демократической, вместе с тем подчёркивая, что в Новеллах нет демократического обоснования власти, а только теократическое [Золотухина, Власова, Колунтаев, 2025, с. 53].

Вальденберг позволил посмотреть на место симфонии властей в истории не только Византии, но и древнерусского государства с другой стороны – не только глазами историка, но и юриста, чем обогатил отечественную историографию по данной проблематике и создал направление для её последующего изучения. Именно он, по словам историка и богослова Г.В. Бежанидзе, подвёл итог дореволюционным исследованиям симфонии властей [Бежанидзе, 2018, с. 27].

Заключение

Таким образом, в дореволюционный период благодаря накоплению и систематизации исторических источников, запросу образованной части общества, труду целого ряда историков и других факторов началось научное изучение не только отечественной истории, но и Византии. Постепенно учёные начали рассматривать различные аспекты её истории, особенно те, которые непосредственно пересекаются с отечественной историей. Именно так в центре исследования у ряда дореволюционных исследователей оказалась концепция симфонии властей, о которой была написана прекрасная историография, в которой одновременно существовало несколько направлений, каждое из которых рассматривало её с различных сторон.

Митрополит Макарий (Булгаков) в своём труде «История русской церкви» ставил целью не только систематизацию информации и привлечения новых неизученных исторических источников, но и показать этапы развития церковного института и изложить информацию доступным языком²⁰⁵. Именно поэтому в его работе акцент делается не на империи ромеев, а на том, как она повлияла на развитие церкви и государства. Макарий отмечал, что пришедшие на Русь каноны из Византии были приняты, а вот законодательные акты, регулирующие отношения между церковью и государством, переработаны.

Историк Фёдор Афанасьевич Курганов, обработав большое количество римских и византийских исторических источников (в том числе и юридические памятники), в своём научном труде отверг господствовавшую тогда теорию цезарепапизма. Он пришёл к заключению, что теория симфонии властей в Византии подразумевала идею союза между светской и духовной властями и полного между ними согласия, при этом каждой власти в ней

²⁰⁵ Карпук Д.А. Макарий. Православная энциклопедия. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2561378.html> (дата обращения: 11.05.2026).

отводилась некоторая независимость. Поначалу с ним не соглашались по данному вопросу, однако со временем его концепция получила признание [Лебедева, 2008, с. 110].

Исследования Курганова важны, поскольку заставили научное сообщество пересмотреть отношения между императором и церковью, поскольку на Западе в историографии XIX в. устоялось мнение, что император контролировал личную и светскую власть, при этом в науке не обращали внимание на частичный религиозный характер институтов управления государством [Никитин, Сыченкова, 2020, с. 83]. Также ему в заслугу ставится и то, что он последовательно опровергал и доказал несостоятельность целого ряда устоявшихся в историографии мифов, например, такого, что Византия является косным злым началом, в постоянной борьбе с которым развивалось и развивается доброе начало Запада [Курганов, 1881, с. 4].

Исследователь Владимир Евграфович (Эдуардович) Вальденберг в своих работах соглашается с рядом положений Ф.А. Курганова и приводит различные точки зрения по данному вопросу. Вместе с тем он делает вывод, что симфония властей сложна в изучении в силу того, что многие исследования понимают её по-разному и уделяют внимание разным факторам, из-за чего существует большое количество разных оценок и трактовок. Он делает важное замечание, что в Византии до конца VII века происходила борьба двух принципов: император выше законов и император ограничен законами [Вальденберг, 2008, с. 91].

Труды исследователей, касающиеся истории церковно-государственных отношений, являются важнейшими памятниками отечественной науки, поскольку повлияли на дальнейшее развитие исторической мысли, а каждая из представленных работ характеризует определённый этап развития историографии. Многие высказанные положения данных авторов, несмотря на то что прошло достаточно много времени, не утратили своей актуальности по сей день. Однако революционный 1917 год поставил на время точку в этих исследованиях.

Список источников

- Вальденберг В.Е. 2006. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Москва, Издательский дом «Территория будущего». 368 с.
- Вальденберг В.Е. 2008. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. Подгот. изд. В.И. Земсковой; Науч. Консультант И.П. Медведев. Санкт-Петербург, ДМИТРИЙ БУЛАНИН. 536 с.
- Курганов Ф. 1880. Отношения между церковною и гражданскою властью в Византийской империи: Обзор эпохи образования и окончательного установления характера взаимоотношений между церк. и гражд. властью в Византии (325–565). Казань, Типография императорского университета. 720 с.
- Курганов Ф. 1881. Византийский идеал царя и царства и вытекающие отсюда, по сравнению его с идеалом церкви, отношения между церковною и гражданскою властью. Казань, Типография императорского университета. 36 с.
- Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломенский. 1995. История русской церкви. Книга вторая. Москва, Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 704 с.
- Карпук Д.А. Макарий. Православная энциклопедия. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2561378.html> (дата обращения: 11.05.2026).
- Литаврин Г.Г. Византиноведение Большая российская энциклопедия. [Эл. ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/1912883 (дата обращения: 06.06.2026)
- Попов, И.Н., Чичуров И.С. Византиноведение. Православная энциклопедия. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/158430.html> (дата обращения: 10.12.2025).
- Чичуров И.С. Византийская империя. Часть I. Православная энциклопедия. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/372674.html> (дата обращения: 10.12.2025).

Список литературы

- Бежанидзе Г.В. 2018. Преамбула шестой новеллы св. Юстиниана Великого в русской письменной традиции. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 80: 26–36.

- Бежанидзе Г. В., Фирсов А. Г. 2024. «Цезарепапизм» церковно-государственных отношений в православной империи: оценки историков и канонистов XIX–XX вв. *Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 3 (19). 12–20.
- Бердник А. Н. 2021. Вклад митрополита московского и коломенского Макария (Булгакова) в формирование русской национальной церковно-исторической школы (к 205-й годовщине со дня рождения владыки). *Труды Белгородской духовной семинарии*. 12: 86–92.
- Воробьева Н. М. 2013. Церковно-историческая наука в России на рубеже XIX–XX веков: проблемы истории раннего христианства и поиск самоидентичности. *Клио*. № 12 (84). 129–132.
- Золотухина Н. М., Власова Т. В., Колунтаев С. А. 2025. О политической (государственной) терминологии средневековой Руси (XI–XVI вв.) и ее генетической связи с Византией (X–XV вв.). *Правосудие*. Т. 7, № 4. 37–63.
- Кирикова О. А., Онощенко В. В. 2018. Вальденберг В. Е. Ученые-фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук: Краткий биографический справочник: А-В. Науч. ред. и сост. Е. Ю. Басаргина, И. В. Тункина; Минобрнауки России, СПбФ АРАН. Санкт-Петербург, «Реноме». 150–153.
- Костогрызова Л. Ю. 2017. Симфония властей как принцип государственного права Византии. *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*. № 4. 138–146.
- Ларионов Д. С. 2025. Наследие профессоров церковно-исторической школы Казанской духовной академии в деле становления кафедры церковной истории в Императорском Казанском университете в XIX – начале XX столетия. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. Т. 167, кн. 2. 103–121.
- Лебедева Г. Е. 2008. Русские церковные историки о «Симфонии священства и царства» в Византии. *Ленинградский юридический журнал*. № 4. 107–118.
- Никитин А. А., Сыченкова Л. А. 2020. Концепция взаимодействия церковной и светской власти Византии в работах Ф. А. Курганова. *Казанский вестник молодых учёных*. (4)5: 80–86.
- Соколов И. 1926. Ф. А. Курганов. *Византийский временник*. Том XXIV (1923–1926). Ленинград, Издательство Академии наук СССР. 103–104.

References

- Bezhanidze G. V. 2018. Preambula shestoj novelty` sv. Yustiniana velikogo v russkoj pis`mennoj tradicii [Preamble to the Sixth Novella of St. Justinian the Great in the Russian Written Tradition]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tixonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 1: Theology. Philosophy]. 80: 26–36.
- Bezhanidze G. V., Firsov A. G. 2024. «Cezarepapizm» cerkovno-gosudarstvenny`x otnoshenij v pravoslavnoj imperii: ocenki istorikov i kanonistov XIX–XX vv. ["Caesaropapism" of Church-State Relations in the Orthodox Empire: Assessments of Historians and Canonists of the 19th–20th Centuries] *Vestnik Istoricheskogo obshhestva Sankt-Peterburgskoj Duxovnoj Akademii* [Bulletin of the Historical Society of the St. Petersburg Theological Academy]. 3(19): 12–20.
- Berdnik A. N. 2021. Vklad mitropolita moskovskogo i kolomenskogo Makariya (Bulgakova) v formirovanie russkoj nacional`noj cerkovno-istoricheskoy shkoly` (k 205-j godovshhine so dnya rozhdeniya vlad`ki) [The Contribution of Metropolitan Macarius (Bulgakov) of Moscow and Kolomna to the Formation of the Russian National Church-Historical School (on the 205th Anniversary of His Birth)]. *Trudy` Belgorodskoj duxovnoj seminarii* [Proceedings of the Belgorod Theological Seminary]. 12: 86–92.
- Valdenberg V. E. 2006. Drevnerusskie ucheniya o predelax czarskoj vlasti: Oчерки russkoj politicheskoy literatury` ot Vladimira Svyatogo do koncza XVII veka [Old Russian Teachings on the Limits of Tsarist Power: Essays on Russian Political Literature from Vladimir the Saint to the End of the 17th Century]. Moscow, Izdatel`skij dom «Territoriya budushhego». 368 s.
- Valdenberg V. E. 2008. Istoriya vizantijskoj politicheskoy literatury` v svyazi s istoriej filosofskix techenij i zakonodatel`stva [History of Byzantine Political Literature in Connection with the History of Philosophical Techniques and Legislation]. Podgot. izd. V. I. Zemskovoj; Nauch. Konsul`tant I. P. Medvedev. Saint Petersburg, DMITRIJ BULANIN. 536 s.
- Vorobyova N. M. 2013. Cerkovno-istoricheskaya nauka v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov: problemy` istorii rannego xristianstva i poisk samoidentichnosti [Church History in Russia at the Turn of the 19th and 20th Centuries: Problems of the History of Early Christianity and the Search for Self-Identity]. *Klio*. 12(84): 129–132.
- Zolotukhina N. M., Vlasova T. V., Koluntaev S. A. 2025. O politicheskoy (gosudarstvennoj) terminologii srednevekovoj Rusi (XI–XVI vv.) i ee geneticheskoy svyazi s Vizantiey (X–XV vv.) [On the Political

- (State) Terminology of Medieval Rus' (11th–16th Centuries) and its Genetic Connection with Byzantium (10th–15th Centuries)]. *Pravosudie* [Pravosudie]. Т. 7, 4: 37–63.
- Kirikova O.A., Onoshchenko V.V. 2018. Val'denberg V.E. Ucheny'e-fondoobrazovately Sankt-Peterburgskogo filiala Arhiva Rossijskoj akademii nauk: Kratkij biograficheskij spravocnik [Scholars-Fund-Formers of the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences: Brief Biographical Reference]: A-V. Nauch. red. i sost. E.Yu. Basargina, I.V. Tunkina; Minobrnauki Rossii, SPbF ARAN. Sankt-Peterburg, «Renome». 150–153.
- Kostogryzova L.Yu. 2017. Simfoniya vlastej kak princip gosudarstvennogo prava Vizantii [Symphony of Powers as a Principle of State Law of Byzantium]. *E'lektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu* [Electronic Supplement to the Russian Legal Journal]. 4: 138–146.
- Kurganov F. 1880. Otnosheniya mezhdru cerkovnoy i grazhdanskoy vlast'yu v Vizantijskoj imperii: Obzor e'poxi obrazovaniya i konchatel'nogo ustanovleniya xaraktera vzaimootnoshenij mezhdru cerk. i grazhd. vlastiyu v Vizantii (325–565) [Relations between Ecclesiastical and Civil Authority in the Byzantine Empire: A Review of the Era of Formation and Final Establishment of the Nature of Relations between Ecclesiastical and Civil Authority in Byzantium (325–565)]. Kazan', Tipografiya imperatorskogo universiteta. 720 s.
- Kurganov F. 1881. Vizantijskij ideal czarya i czarstva i vy'tekayushhie otsyuda, po sravneniyu ego s idealom cerkvi, otnosheniya mezhdru cerkovnoy i grazhdanskoy vlast'yu [The Byzantine Ideal of Monarchy and Monarchy and the Resulting Relations between Ecclesiastical and Civil Authority in Comparison with the Ideal of the Church]. Kazan', Tipografiya imperatorskogo universiteta. 36 p.
- Larionov D.S. 2025. Nasledie professorov cerkovno-istoricheskoy shkoly Kazanskoj duxovnoj akademii v dele stanovleniya kafedry cerkovnoj istorii v Imperatorskom Kazanskom universitete v XIX – nachale XX stoletiya [The Legacy of Professors of the Church History School of the Kazan Theological Academy in the Establishment of the Department of Church History at the Imperial Kazan University in the 19th – Early 20th Centuries]. *Ucheny'e zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Academic Notes of Kazan University. Humanitarian Sciences Series]. Т. 167, kn. 2: 103–121.
- Lebedeva G. E. 2008. Russkie cerkovny'e istoriki o «Simfonii svyashhenstva i czarstva» v Vizantii [Russian Church Historians on the “Symphony of Priesthood and Monarchy” in Byzantium]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal* [Leningrad Law Journal]. 4: 107–118.
- Makarij (Bulgakov) Mitropolit Moskovskij i Kolomenskij [Macarius (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna]. 1995. Istoriya russkoj cerkvi. Kniga vtoraya [History of the Russian Church]. Moscow, Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monasty'rya. 704 s.
- Nikitin A.A., Sy'chenkova L.A. 2020. Konceptiya vzaimodejstviya cerkovnoj i svetskoj vlasti Vizantii v rabotax F.A. Kurganova [The Concept of Interaction between Ecclesiastical and Secular Authority in Byzantium in the Works of F.A. Kurganov]. *Kazanskij vestnik molody'x uchyony'x*. (4)5: 80–86.
- Sokolov I. 1926. F.A. Kurganov [F.A. Kurganov]. *Vizantijskij vremennik* [Byzantine Timeline]. Tom XXIV (1923–1926). Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR: 103–104.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.05.2026

Поступила после рецензирования 04.07.2026

Принята к публикации 06.04.2026

Received 26.05.2026

Revised 04.07.2026

Accepted 06.04.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шевцов Николай Владимирович, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0008-9676-0747](https://orcid.org/0009-0008-9676-0747)

Nikolay V. Shevtsov, Postgraduate Student of the Department of Russian History and Records Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 930.2

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-651-659

EDN IYZYUQ

Обзорная статья

Роль России в развязывании мировой войны по книге «Сомнамбулы. Как Европа пришла к войне в 1914 году» К. Кларка (М., 2025)

Боднарчук Д.В.

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица,
Россия, 191028, г. Санкт-Петербург, Соляной пер., 13

E-mail: funsie@mail.ru

Аннотация. В рецензии анализируются оценки роли России в развязывании Первой мировой войны, данные в книге английского историка К. Кларка «Сомнамбулы. Как Европа пришла к войне в 1914 г.» (М., 2025). Согласно взглядам Кларка, основная вина за начало войны лежит на сербах и русских, которые сербов поддержали и тем самым сделали войну неизбежной. Тезис о виновности Сербии и России не нов, Кларк старается его аргументировать, обращаясь к главным действующим лицам, пытаясь сделать их виновными в начале глобального конфликта. Австро-Венгрия и Германская империя представлены так, будто они были вынуждены обороняться перед лицом растущей мощи империи Романовых. Также автор рецензируемой работы заявляет целый ряд как минимум спорных тезисов о целях России в войне, её внутренней и внешней политике предвоенного периода.

Ключевые слова: Первая мировая война, дипломатия, вина, союз, историография

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Боднарчук Д.В. 2026. Роль России в развязывании Мировой войны по книге «Сомнамбулы. Как Европа пришла к войне в 1914 году» К. Кларка (М., 2025). *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 651–659. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-651-659. EDN: IYZYUQ

Russia's Role in Unleashing the World War, Based on the Book “Sleepwalkers: How Europe Came to War in 1914” by C. Clark (Moscow, 2025)

Dmitriy V. Bodnarchuk

A.L. Stieglitz Saint Petersburg State Academy of Art and Design,
13 Solyanoy Ln., Saint Petersburg 191028, Russia

E-mail: funsie@mail.ru

Abstract. This review analyzes the assessments of Russia's role in the outbreak of World War I, as presented in the book by the British historian C. Clarke, “Sleepwalkers: How Europe Came to War in 1914” (Moscow, 2025). According to Clarke, the primary blame for the outbreak of the war lies with the Serbs and Russians, who supported the Serbs and, thus, made the war inevitable. The thesis of Serbian and Russian culpability is not new; Clarke attempts to argue it by turning to the main actors, attempting to make them responsible for the onset of the global conflict. Austria-Hungary and the German Empire are presented as if they were forced to defend themselves in the face of the growing power of the aggressive Romanov Empire and, especially important for Vienna, Serbian irredentism. The author also makes a number of, at the very least, questionable assertions about Russia's goals in the war and its domestic and foreign policies in the pre-war period. The author of the review draws attention to all of the above.

Keywords: World War I, diplomacy, guilt, alliance, historiography

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Bodnarchuk D.V. 2026. Russia's Role in Unleashing the World War, Based on the Book "Sleepwalkers: How Europe Came to War in 1914" by C. Clark (Moscow, 2025). *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 651–659 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-651-659. EDN: IYZYUQ

Введение

Причины начала Первой мировой войны, «нулевого» конфликта, ставшего границей, разделившей Новое и Новейшее время европейской истории, всегда пользовались вниманием историков. Свидетельство этому – огромная историография вопроса. Сложность темы позволяет создавать оригинальные (или претендующие таковыми считаться) исследования даже спустя более века после начала Великой войны. К числу таких заметных явлений в историографии причин Первой мировой войны относится опубликованная в 2012 г. на английском языке, а в 2023 г. вышедшая в русском переводе книга историка-германиста Кристофера Кларка «Сомнамбулы. Как Европа пришла к войне в 1914 году». Книга издавалась на русском языке и в 2025 г. [Кларк К., 2025], но без упоминания издания 2023 г. На книгу в разных странах было опубликовано более десятка рецензий, как положительных, так и нейтральных или критических. Перечень рецензий указан на портале «Researchgate» [Review, 2025]

Объект и методы исследования

В рецензии на книгу мы проанализируем роль России в генезисе конфликта, как её понимает К. Кларк, укажем на наиболее спорные суждения о России, высказанные в книге, рассмотрим общую оценку «Сомнамбул» исследователями причин начала Первой мировой войны. Основные принципы исследования – принципы историзма и ценностного подхода, то есть анализ влияния ценностей, которых придерживается автор, при построении его научных концепций.

Результаты и их обсуждение

Нам известна лишь одна русскоязычная рецензия на «Сомнамбулы», вышедшая к настоящему времени, – это небольшой текст (по сути – отзыв) заместителя главного редактора сайта Центра политического анализа Вячеслава Данилова [Данилов, 2023]. Автор рецензии указывает на крайне ограниченное знакомство К. Кларка с русскоязычной историографией темы и архивными источниками и справедливо называет книгу К. Кларка «снарядом в мировой войне историографий».

Условно можно сформулировать два основных вопроса историографии начала Первой мировой войны. Первый, возникший одновременно с началом Великой войны: «кто виноват?». Второй: была ли война неизбежна, привели к ней долгосрочные тенденции международных отношений в Европе или же катастрофа произошла лишь летом 1914 г. ввиду конкретных решений руководителей ключевых стран Европы в относительно короткий период Июльского кризиса? Отсюда особый интерес Кларка к историческим персонажам, выразившийся в названиях отдельных разделов книги: «Кто управлял в Петербурге?», «Кто управлял в Париже?», «Кто правил в Берлине?» [Кларк, 2025, с. 243, 249] и т. д. Отметим, что такой подход встречается и в новейшей русскоязычной историографии [Молодяков, 2025].

В ответе на первый вопрос Кларк называет виновными всех участников конфликта. Также он считает, что международная обстановка создала условия для возникновения общеевропейского конфликта, но привели к нему ошибочные решения лидеров великих держав. Можно сформулировать общее обвинение: для защиты своих государственных интересов все стороны в конечном итоге выбрали войну, а не дипломатию. Может показаться, что автор считает все страны-участницы равно виновными. «Заключение» написано именно так [Кларк, 2025, с. 685–693]. Но в тексте книги отчетливо прослеживается разное отношение

автора к участникам конфликта. Рецензенты отмечали резко негативное отношение К. Кларка к сербской стороне [Белаяц, 2015, с. 250–287; Вучковић, 2018; Vojinović, 2013; Segesser, 2014]. Однако ключевые решения, приведшие к войне, согласно Кларку, были приняты не в Белграде, а в Петербурге. Таких ключевых моментов Кларк выделяет два: первый – поддержка Сербии Россией в условиях предъявленного австрийцами ультиматума, позволившая сербам отказаться от его принятия, к чему якобы склонялось сербское руководство в первые сутки после получения ультиматума. Второй – решение о мобилизации, ставшее своего рода точкой невозврата на пути к европейскому конфликту. Действия России наряду с сербскими описываются Кларком крайне негативно. Отдельные рецензенты объясняют это не предвзятостью автора, а излишней его эмоциональностью [Lemoniduo, 2015].

Суждения К. Кларка о русском царе, его министрах и дипломатах достаточно критичны. Император Николай II – «вежливый деспот» с «ничтожной харизмой» [Кларк, 2025, с. 227–228]. Посланник России в Белграде барон Николай Гартвиг – непримиримый и бескомпромиссный противник Австро-Венгрии, кукловод сербской политики [Кларк, 2025, с. 130, 134]. Отметим, что схожая оценка деятельности, личности и роли Н.Г. Гартвига в балканской политике России присутствует и в современной российской историографии [Искендеров, 2018, с. 35–44]. Основой для такой оценки в обоих случаях служат воспоминания сотрудника первого секретаря русской миссии в Белграде В. Штрандтмана [Штрандтман, 2014]. А.П. Извольский изображается как человек, стремящийся поквитаться за «унижение» боснийского провала 1908 г. Он будто уже не государственный деятель, а уязвленный самолюбивый человек, испытывающий личную неприязнь к австрийскому министру иностранных дел А. фон Эренталю: «За фасадом многих решающих событий того периода скрывались взаимные личные антипатии и надолго запомнившиеся обиды» [Кларк, 2025, с. 134]. Кроме того, Извольский характеризуется автором как интриган (с негативной коннотацией), хотя, если отказаться от эмоций, то это же качество можно назвать «умением создавать сложные дипломатические комбинации». Так отстаивались частные интересы под видом государственных [Кларк, 2025, с. 248]. С.Д. Сазонову однозначной характеристики Кларк не даёт, но описывает его если не как последовательного сторонника войны, то как человека, всегда к ней готового, не имеющего своего твёрдого мнения: «Мистер Сазонов – печальный флюгер» [Кларк, 2025, с. 342] и не очень честный со своими визави по переговорам [Кларк, 2025, с. 402, 405]. В то же время ни один из героев книги не описывается Кларком с положительной стороны.

В книге много логических нестыковок. Станным выглядит следующее утверждение об отношениях России и Сербии: «Сербия теперь была форпостом России на Балканах. В таком положении дел не было ничего необходимого или естественного» [Кларк, 2025, с. 358]. Далее Кларк пишет: совершенно правильно, что это (закрепление России на Балканах) было нужно для ослабления Австро-Венгрии (добавим, что и для ослабления Турции). Но следующего замечания он не делает: борьба с Веной не была самоцелью, она была частью большой борьбы за проливы – основной задачей русской дипломатии на европейском направлении в начале XX в., как она понималась самими дипломатами и русскими государственными деятелями. При этом в тексте книги сам Кларк неоднократно указывает на стремление овладеть проливами как главную задачу русской внешней политики начала прошлого века и неоднократно ссылается на книгу Р. Боброффа, в которой значение проливов (в том числе связь проливов с Балканами) для русской внешней политики начала XX в. подробно разобрано [Боброфф, 2022]. Далее К. Кларк подчеркивает, что в 1903–1912 гг. через проливы проходило 37 % всего внешнеторгового российского экспорта. Процент экспорта пшеницы, одного из главных экспортных товаров России в начале XX в., проходивших через проливы, был 75–80 % [Кларк, 2025, с. 433–434]. Здесь важен следующий отрывок: «Мы должны понимать, что даже во время кризисов 1912–1913 годов, когда Сазонов, казалось бы, отдавал приоритет Балканскому полуострову, оставив попытки установить контроль над Дарданеллами, черноморские проливы оставались в центре стратегического мышления России» [Кларк, 2025, с. 433]. Далее автор пишет, что Балканы русскими стратегами в 1912–1914 гг. воспринимались

как глубокий тыл проливов [Кларк, 2025, с. 443]. Учитывая все это, не ясно, к чему сделано утверждение о «неестественности» стремления России доминировать в Сербии.

Далее в параграфе «Балканизация франко-русского альянса» Кларк указывает, что «для России центральной проблемой была Австро-Венгрия», и в тексте союзного договора между Петербургом и Парижем была увязка всеобщей мобилизации в Австро-Венгрии со всеобщей мобилизацией во Франции: «<...> А это, в свою очередь, фактически вложило спусковой крючок в руки России, которая – по крайней мере на бумаге – была способна в любой момент вызвать континентальную войну в поддержку своих балканских целей» [Кларк, 2025, с. 375]. Президент Франции Р. Пуанкаре очень хотел исполнить свои союзнические обязательства, так что казалось, «что он сам заставит выстрелить висящее на стене русское ружье» [Кларк, 2025, с. 381, 385–386]. Париж в понимании Кларка – подстрекатель русских к войне, хотя прямо он этого слова не употребляет. К своей выгоде французам удалось «сделать» главным врагом России не Австрию, как это видели сами русские, а Германию, как то было нужно французам, хотя изначально русские совсем не стремились принимать понимание ситуации, предложенное французами [Кларк, 2025, с. 447–448].

К. Кларк переносит фокус внимания с Центральных держав на Россию, Францию и Балканы. По его словам, к весне 1914 г. на Балканах сложился «спусковой механизм» для мировой войны. Оборонная политика трёх ведущих европейских держав была увязана «с неустойчивой судьбой самого нестабильного, полного жестокости и насилия региона Европы» [Кларк, 2025, с. 446].

Причиной масштабного перевооружения русской императорской армии К. Кларк считает Боснийский кризис [Кларк, 2025, с. 129–130], а не русско-японскую войну. Именно это перевооружение, по мысли автора, привело к общеевропейской гонке вооружений [Кларк, 2025, с. 130]. С этим утверждением никак нельзя согласиться. Значительный рост военных расходов начался в основных европейских державах ещё в конце XIX в. [Григорьев, Морозкина, 2021, с. 51–56]. Считать причиной гонки вооружений в Европе Боснийский кризис – ошибка, потому что гонка началась до 1908 г. Боснийский кризис был одним из стимулов этого перевооружения для России, он подтверждал необходимость иметь мощную современную армию. Большее значение здесь имело поражение в русско-японской войне [Кларк, 2025, с. 307–308], сделавшее вопрос о перевооружении жизненно важным для государства.

Боснийский кризис упоминается и в контексте англо-немецких отношений. 4 декабря 1912 г. Эдвард Грей сказал М. фон Лихновскому, что если Австрия нападет на Сербию, а Россия, побуждаемая общественным мнением, двинется в Галицию, чтобы не повторить «унижение» периода Боснийского кризиса 1909 г., и Германия придёт Австрии на помощь, что вынудит вступить в войну Францию, то неизвестно, каковы могут быть последствия этого, намекая на вступление Лондона в войну против центральных держав [Кларк, 2025, с. 450–451]. Кларк замечает здесь, что «унижение» 1909 г. было связано с отказом Лондона поддержать изменение статуса проливов, а не позицией Вены. Это правда лишь отчасти, потому что Вена должна была дожидаться итогов переговоров Извольского с главами британского и французского МИД, чего не было сделано. Эренталь просто поставил Европу, а вместе с ней и Извольского, перед свершившимся фактом в нарушение достигнутых ранее между Извольским и Эренталем договоренностей [История дипломатии, 1941, с. 192; Пахомова, 2021, с. 230–240]. Далее на замечания об унижении России от Центральных держав Кларк пишет: «в действительности все было как раз наоборот, и именно русским ещё повезло, что они смогли так легко избежать угроз, созданных ими самими» [Кларк, 2025, с. 451]. Полностью списывать Боснийский кризис на Россию так же неверно, как и полностью отрицать её роль в возникновении кризиса. Но Кларк будто игнорирует роль Вены в кризисе.

Выглядит как минимум спорным ещё одно утверждение К. Кларка: «Доктрина панславизма, возможно, была популярна в российской националистической прессе, но в качестве платформы для реальных политических действий она была не более легитимной, чем гитлеровская концепция Lebensraum» [Кларк, 2025, с. 358]. Доктрину панславизма в этом

контексте было бы логичнее сравнивать с типологически сходными доктринами пангерманизма или пантюркизма. Концепция Lebensraum'a тесно связана с идеей «расы естественных господ», идеей, которой в панславизме не было. Также Кларк мог бы уточнить, что идея Lebensraum'a была широко известна в Германии уже при Вильгельме II.

Как минимум является спорным утверждение, что «Ни из одного источника невозможно извлечь предположение, что Пуанкаре или его российские собеседники вообще задумывались о том, было ли у Австро-Венгрии право на принятие каких-либо законных мер после Сараевского убийства» [Кларк, 2025, с. 561]. В интерпретации Кларка для Пуанкаре все разворачивалось так, как было запланировано. В каком-то смысле происходило то, чего он ждал и хотел. «Берлин был гораздо более сдержан в своих советах Вене, чем Париж в своих депешах в Санкт-Петербург» [Кларк, 2025, с. 426]. Тезис об отказе Австрии в праве на ответные действия повторяется дважды, но второй раз речь идет уже не о русских и французах, а о всей Антанте [Кларк, 2025, с. 453]. Но какой-либо аргументации в пользу этого тезиса автор не приводит. Россия в своей реакции на происходящее исходила из представления, что, как заявил С.Д. Сазонов графу Пурталесу 18 июля 1914 г., «вся страна не может нести ответственность за деяние отдельных лиц, что убийца эрцгерцога даже не сербский подданный» [Цит. по: Полетика, 1964, с. 248].

Оригинальной на первый взгляд кажется постановка вопроса о том, как русская сторона принимала решение о необходимости вмешаться в австро-сербский конфликт после убийства эрцгерцога. Защита Сербии не должна была выглядеть как защита убийц, поэтому «кровавый акт в Сараеве <...> нужно было хирургическим путем отделить от сербского контекста» и не дать австрийцам использовать преступление как повод для удара по Белграду [Кларк, 2025, с. 514]. Поэтому «В течение десяти дней русские составили правдоподобный вариант собственной контрпропаганды относительно событий в Сараеве» [Кларк, 2025, с. 516]. В этой версии было заявлено, что ничего, кроме мира, сербы не желают, не было упомянуто о том, что сербы предупредили Вену о готовящемся покушении и ничего не было сказано о связях полковника Артамонова, русского военного атташе в Белграде с Аписом, т. е. Драгутином Дмитриевичем, «организатором» убийства Франца Фердинанда [Кларк, 2025, с. 516–517]. Русская версия событий по Кларку звучала так: «Непопулярный, воинственно настроенный солдафон был убит гражданами его собственной страны, доведенными до безумия годами унижения и жестокого обращения. И теперь коррумпированный, рушащийся и вместе с тем якобы хищный режим, который он представлял, намеревался обвинить в его никого не тронувшей смерти безупречного и мирного славянского соседа» [Кларк, 2025, с. 517]. По словам автора монографии, это не было само по себе решение о начале активных боевых действий, но такая версия «устранила некоторые препятствия для российской военной интервенции в случае австро-сербского конфликта. Сценарий начала войны (общеевропейской – Д.Б.) на Балканах из потенциальной возможности стал фактической неизбежностью» [Кларк, 2025, с. 517]. Версия обозначена очень яркая, но автор не ссылается на материалы, ставшие опорой для её реконструкции, и при более внимательном прочтении она перестаёт казаться оригинальной и кажется несостоятельной. Неясно, что значит формулировка «русская версия событий»: то, как убийство освещали в газетах? Или имеется в виду официальная позиция МИД? Или какие-то частные суждения государственных деятелей? С.Д. Сазонов, если принимать в качестве официальной позиции его суждения в беседах с послами, вел себя сдержанно, хотя в разговоре с немецким послом графом Пурталесом 18 июля 1914 г. он «обвинял военно-клерикальную клику, группировавшуюся вокруг Франца-Фердинанда, в инспирировании той опасной политики, которую ведет сейчас Австро-Венгрия» [Полетика, 1964, с. 248]. Графа Форгача, начальника второго отдела австро-венгерского МИДа, С.Д. Сазонов назвал «интриганом самого худшего сорта», а графа Тису, венгерского премьер-министра, «полудураком» [Цит. по: Полетика, 1964, с. 248]. Обращает на себя внимание упоминание связи русского военного представителя в Сербии В.А. Артамонова с сотрудником сербской военной разведки Драгутином Дмитриевичем с явным намеком, что русские могли быть связаны с убийством

Франца Фердинанда, хотя эта версия давно признана в науке несостоятельной [Писарев, 1990, с. 11–14; Каширин, 2014, с. 238–239; Белаяц, 2015, с. 128–138].

Обращает на себя крайне скудное использование наработок русской (как советской, так и современной) историографии вопроса о причинах участия России в войне. К. Кларк ссылается лишь на работы Б.В. Ананьича, А.Л. Шемякина, В.И. Бовыкина, И.В. Бестужева [Любин, 2014, с. 80].

Заключение

В предисловии Кларк пишет, что он не отказывается от обсуждения темы «ответственности» за начало войны, «скорее наша цель в том, чтобы ответы на вопрос «почему» выросли из ответов на вопрос «как», а не наоборот» [Кларк, 2025, с. 27]. Виновными в развязывании войны, по Кларку, оказываются все, но вина сербов, русских, отчасти французов явно занимает автора сильнее, чем других участников событий лета 1914 г. Сербь и русские, французы в меньшей степени явно выделяются автором как носители «большой» части вины. Можно назвать это суждение «ревизионизмом», как сербский историк Миле Белаяц, но сам по себе пересмотр устоявшихся в науке точек зрения – процесс естественный и осуждать его нельзя. В этом и есть развитие науки. В случае с Кларком проблема не в самой попытке пересмотреть причины начала войны, а в том, что аргументы автора неубедительны, а иногда ошибочны. Более перспективным является поиск объективных причин войны, связанных с развитием мировой экономики, национализма, империализма в начале XX в., как это сделал, например, Д. Ливен в своей книге «Навстречу огню. Империя, война и конец царской России» [Ливен, 2017]. Названные выше вызовы требовали от европейских держав ответа и грозили им гибелью, если правительства с ними справятся. Книга К. Кларка, при всем внушительном объёме историографии и источников, с которыми работал автор, именно «снаряд» в войне историографий, как написал В. Данилов, а не новое слово в изучении проблемы возникновения Великой войны. Очень красноречиво здесь выглядит рецензия на «Сомнамбулы» немецкой исследовательницы Ханны Теихлер, в которой автор указывает, что книга Кларка способствует развенчанию мифа об исключительной вине Германии [Teichler, 2014, p. 198], а далее по тексту проводит параллель 1914 г. с 2014 г., когда «русский нео-империализм или путинский оппортунизм» поставил Европу перед лицом очередного кризиса [Teichler, 2014, p. 199]. В книге Кларка такой параллели нет, но можно предположить, что лишь в силу того, что Кларк писал текст до 2014 г. Другой рецензент, Марино Бударина из Загреба, вслед за Кларком пишет, что главные решения относительно сербской реакции на ультиматум Вены принимались не в Белграде, а в Петербурге, и, когда Россия решила поддержать Сербию, «война постучалась в дверь» [Budarina, 2014, s. 611]. То есть рецензент соглашается с мыслью о том, что главная вина за начало Великой войны лежит на России.

«Сомнамбулы» рисуют увлекательную обширную панораму начала гибели старой Европы, предлагая новую, будто бы более объективную её интерпретацию. Подход Кларка кажется взвешенным, если сравнивать его с более радикальными исследованиями, где о вине России заявляется прямо, как в книге Ш. Макмикина, например [McMeekin, 2011]. Но более внимательное чтение «Сомнамбул» позволяет увидеть предвзятость автора в отношении отдельных стран, избирательность в работе с фактами и историографией. Однако это лишь при условии внимательного прочтения. Читатель неподготовленный будет впечатлён жестокостью сербов, хитростью русских и французской жадой реванша. Берлин и Вена окажутся лишь защищающейся стороной, вынужденной сражаться. В завершении уместно вспомнить мысль сербского историка М. Белаяца [Белаяц, 2015, с. 6], что пересмотр причин начала Первой мировой войны в западной историографии может быть последствием пересмотра причин начала Второй мировой войны. Тогда речь идёт уже не столько о научной полемике, сколько об идеологическом противостоянии, непосредственно связанном с современной геополитической ситуацией в мире. Вне зависимости от того, как оценивать

«Сомнамбулы» – как научный труд или как идеологический «снаряд в войне историографий» (или как-то и другое), это исследование является вызовом для отечественной историографии причин начала Первой мировой войны, требующим адекватного ответа.

Список литературы

- Белаяц М. 2015. Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. Москва, Алгоритм, 368 с. (Бјелајац М., 1914–2014: Зашто ревизија? Старе и нове контроверзе о узроцима Првог светског рата, Београд: Медија центар „Одбрана“, 2014. 248 с.)
- Боброфф Р. 2022. Пути к славе: Российская империя и Черноморские проливы в начале XX века. Бостон, Санкт-Петербург, Библиороссика. 327 с. (Bobroff R.P. Roads to Glory. Late Imperial Russia and the Turkish Straits. New York, I.B.Tauris & Co Ltd., 2006. 251 p.)
- Вучковић А. 2018. Рецепција дјела „Мјесечари: Како је Европа кренула у рат 1914“ Кристофера Кларка. *Часопис за друштвену и хуманистичку мисао*. 12: 9–28.
- Григорьев Л., Морозкина А. 2021. Успешная неустойчивая индустриализация мира. 1880–1913. Москва; Санкт-Петербург, Издательство Нестор-История, 176 с.
- Данилов В. 2023. Один месяц одного года. Центр политического анализа. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/odin-mesjats-odnogo-goda> (дата обращения 30 января 2026).
- Искендеров П.А. 2018. Николай Генрихович Гартвиг. *Вопросы истории*. 9: 35–44.
- История дипломатии. Москва, Государственное издательство политической литературы, 1945. Т. II. 423 с.
- Каширин В.Б. 2014. Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. Москва, ВЕКМО-М, 632 с.
- Кларк К. 2025. Сомнамбулы. Как Европа пришла к войне в 1914 г. Москва, Издательство института Гайдара, 696 с. (Clark C. The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. London, Allen Lane 2012. XXIX, 697 p.)
- Ливен. Д. 2017. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России. Москва, Политическая энциклопедия, 431 с. (Lieven D. Towards the flame. Empire, War and the End of Tsarist Russia. London, Allen Lane an imprint of Penguin Books, 2015. 448 p.)
- Любин В.П. 2014. Кларк К. Лунатики: как Европа вступала в Первую мировую войну (реферат). Первая мировая война. Современная историография. Сб. обзоров и реф. РАН ИНИОН. Москва, 78–84.
- Молодяков В.Э. 2025. Первая мировая: война, которой могло не быть. Москва, Проспект, 160 с.
- Пахомова Л.Ю. 2021. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). Москва, Индрик, 288 с.
- Писарев Ю.А. 1990. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. Москва, Наука, 218 с.
- Полетика Н.П. 1964. Возникновение Первой мировой войны. Москва, Мысль, 606 с.
- Штрандтман В.Н. 2014. Балканские воспоминания. Москва, Книжница, 504 с.
- Budarina M. 2012. The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. Christopher Clark. London: Allen Lane, 736 p. *Časopis za suvremenu povijest*. 2014. Br.3. s. 608–611.
- Lemonidou, E. 2015. Review of Christopher Clark's Οι Υπνοβάτες: Πώς η Ευρώπη πήγε στον πόλεμο το 1914 [The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914]. *Historiein*. 15(1): 163–167. Available at: https://www.academia.edu/108930134/Review_of_Christopher_Clark_s_Οι_Υπνοβάτες_Πώς_η_Ευρ_ώπη_πήγε_στον_πόλεμο_το_1914_The_Sleepwalkers_How_Europe_went_to_War_in_1914_?sm=b&rhid=37903213289 (accessed 16 February 2026).
- McMeekin S. 2011. The Russian Origins of the First World War. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 324 p.
- Review: Christopher Clark, The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. Researchgate. Available at: https://www.researchgate.net/search/publication?q=Review%253A%2BChristopher%2BClark%252C%2BThe%2BSleepwalkers.%2BHow%2BEurope%2BWent%2Bto%2BWar%2Bin%2B1914&_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFhZSI6Ii9kaXJlY3QifX0 (accessed 30 January 2026).
- Segesser D.M. 2012. Christopher Clark, The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. London, Allen Lane XXIX, 697 S., € 39,77. *Historische Zeitschrift*. BD. 298. 2014. S. 836–839.
- Teichler H. 2012. The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. Christopher Clark. London: Allen Lane, 736 p. *Testimony between history and memory*. 118. September 2014. P. 197–199.
- Vojinović M. 2012. Christopher Clark, The Sleepwalkers – How Europe Went to War in 1914. London: Harper, p. 697. *Balkanica* XLIV. 2013. P. 422–432.

References

- Belayats M. 2015. Komu nuzhna reviziya istorii? Starye i novye spory o prichinakh Pervoy mirovoy voyny [Who Needs a Revision of History? Old and New Debates on the Causes of the First World War]. Moscow, Algoritm, 368 p. (Бјелаяц М., 1914–2014: Зашто ревизија? Старе и нове контроверзе о узроцима Првог светског рата, Београд: Медија центар „Одбрана“, 2014. 248 с.)
- Bobroff R. 2022. Puti k slave: Rossiyskaya imperiya i Chernomorskie proliivy v nachale XX veka. Boston [Paths to Glory: The Russian Empire and the Black Sea Straits at the Beginning of the Twentieth Century. Boston], Saint Petersburg, Bibliorossika. 327 p. (Bobroff R.P. Roads to Glory. Late Imperial Russia and the Turkish Straits. New York, I.B.Tauris & Co Ltd., 2006. 251 p.)
- Vuchkovich A. 2018. Retseptsija djela „Mjesecari: Kako je Evropa krenula u rat 1914“ Kristofera Klarka. *Časopis za drushtvenu i khumanistichku misao*. 12: 9–28 (in Serbian).
- Grigor'ev L., Morozkina A. 2021. Uspeshnaya neustoychivaya industrializatsiya mira. 1880–1913 [Successful Unsustainable Industrialization of the World. 1880–1913]. Moscow; Saint Petersburg, Izdatel'stvo Nestor-Istoriya, 176 p.
- Danilov V. 2023. Odin mesyats odnogo goda. Tsentr politicheskogo analiza [One Month of One Year. Center for Political Analysis]. Available at: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/odin-mesjats-odnogo-goda> (accessed 30 January 2026)
- Iskenderov P.A. 2018. Nikolay Genrikhovich Gartvig [Nikolai Genrikhovich Hartwig]. *Voprosy istorii*. 9: 35–44. Istoriya diplomatii [History of Diplomacy]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1945. T. II. 423 p.
- Kashirin V.B. 2014. Dozornye na Balkanakh. Russkaya voennaya razvedka v stranakh Balkanskogo poluoostrova nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny [Sentinels in the Balkans. Russian Military Intelligence in the Balkan Countries on the Eve of and During the First World War]. Moscow, VIKMO-M, 632 p.
- Klark K. 2025. Somnambuly. Kak Evropa prishla k voyne v 1914 g. [Sleepwalkers: How Europe Came to War in 1914]. Moscow, Izdatel'stvo instituta Gaydara, 696 p. (Clark C. The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. London, Allen Lane 2012. XXIX, 697 p.)
- Liven. D. 2017. Navstrechu ognju. Imperiya, vojna i konets tsarskoy Rossii [Towards the Flame. Empire, War, and the End of Tsarist Russia]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 431 p. (Lieven D. Towards the flame. Empire, War and the End of Tsarist Russia. London, Allen Lane an imprint of Penguin Books, 2015. 448 p.)
- Lyubin V.P. 2014. Klark K. Lunatiki: kak Evropa vstupala v Pervuyu mirovuyu voynu (referat). Pervaya mirovaya vojna [Clark K. Sleepwalkers: How Europe Entered the First World War (abstract). The First World War. Modern Historiography]. *Sovremennaya istoriografiya*. Sb. obzorov i ref. RAN INION. Moscow: 78–84.
- Molodyakov V.E. 2025. Pervaya mirovaya: vojna, kotoroy moglo ne byt' [The First World: The War That Could Not Have Been]. Moscow, Prospekt, 160 p.
- Pakhomova L.Yu. 2021. Balkanskiy lakmus. Avstro-vengerskaya politika v Bosnii i Gertsegovine i rossiyskaya diplomatiya (1878–1908) [Balkan Litmus Test. Austro-Hungarian Policy in Bosnia and Herzegovina and Russian Diplomacy (1878–1908)]. Moscow, Indrik, 288 p.
- Pisarev Yu.A. 1990. Tayny pervoy mirovoy voyny. Rossiya i Serbiya v 1914–1915 gg. [Secrets of the First World War. Russia and Serbia in 1914–1915] Moscow, Nauka, 218 p.
- Poletika N.P. 1964. Vozniknovenie Pervoy mirovoy voyny [The Origins of the First World War]. Moscow, Mysl', 606 p.
- Shtrandtman V.N. 2014. Balkanskije vospominaniya [Balkan Memories]. Moscow, Knizhnitsa, 504 p.
- Budarina M. 2012. The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. Christopher Clark. London: Allen Lane, 736 p. *Časopis za suvremenu povijest*. 2014. Br.3. s. 608–611.
- Lemonidou, E. 2015. Review of Christopher Clark's *Οι Υπνοβάτες: Πώς η Ευρώπη πήγε στον πόλεμο το 1914* [The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914]. *Historiein*. 15(1): 163–167. Available at: https://www.academia.edu/108930134/Review_of_Christopher_Clark_s_Οι_Υπνοβάτες_Πώς_η_Ευρ_ώπη_πήγε_στον_πόλεμο_το_1914_The_Sleepwalkers_How_Europe_went_to_War_in_1914_?sm=b&rhid=37903213289 (accessed 16 February 2026).
- McMeekin S. 2011. The Russian Origins of the First World War. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 324 p.
- Review: Christopher Clark, The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914. Researchgate. Available at: https://www.researchgate.net/search/publication?q=Review%253A%2BChristopher%2BClark%252C%2BThe%2BSleepwalkers.%2BHow%2BEurope%2BWent%2Bto%2BWar%2Bin%2B1914&_tp=ey

Jjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6Il9kaXJlY3QifX0
(accessed 30 January 2026).

Segesser D.M. 2012. Christopher Clark, *The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914*. London, Allen Lane XXIX, 697 S., € 39,77. *Historische Zeitschrift*. BD. 298. 2014. S. 836–839.

Teichler H. 2012. *The Sleepwalkers. How Europe Went to War in 1914*. Christopher Clark. London: Allen Lane, 736 p. *Testimony between history and memory*. 118. September 2014. P. 197–199.

Vojinović M. 2012. Christopher Clark, *The Sleepwalkers – How Europe Went to War in 1914*. London: Harper, p. 697. *Balkanica* XLIV. 2013. P. 422–432.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.02.2026

Received 20.02.2026

Поступила после рецензирования 30.03.2026

Revised 30.03.2026

Принята к публикации 04.04.2026

Accepted 04.04.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Боднарчук Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных дисциплин и истории искусств, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, г. Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0000-0002-5310-9283](https://orcid.org/0000-0002-5310-9283)

Dmitry V. Bodnarchuk, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Art History, A.L. Stieglitz St. Petersburg State Academy of Art and Design, St. Petersburg, Russia

УДК 94(47).084.3:930.2:572

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-660-669

EDN IQDQMQ

Оригинальное исследование

История мемориализации мест гибели и захоронения Г.А. Усиевича в Свердловской области в 1918–1987 годах

Сильченко И.С.¹ , Бороздин К.А.²

¹⁾ Технический университет УГМК,

624091, Россия, Свердловская область, г. Верхняя Пышма, пр-кт Успенский, д. 3;

²⁾ Независимый исследователь,

623770, Россия, Свердловская область, Артемовский р-н, п. Красногвардейский, ул. Серова, д. 14

E-mail: 89022777814@yandex.ru, irbit-zavod@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования исторической памяти о видном деятеле Октябрьской революции и Гражданской войны Г.А. Усиевиче через призму «антропологического поворота» в историографии. На примере микроисторического сюжета о гибели, первичном захоронении и последующих перезахоронениях его останков исследуются механизмы конструирования памяти на разных уровнях. Авторы проводят критический анализ источников для реконструкции событий и выявления причин лагун в официальной биографии. Установлено, что память об Усиевиче сложилась по парадоксальной модели «центр – микропонимия»: его образ был закреплён в общегосударственном нарративе и в памяти локальных сообществ, непосредственно связанных с местом его гибели, но не был интегрирован в региональный культурно-исторический ландшафт. Делается вывод, что ключевыми факторами такой избирательной мемориализации стали кратковременность его пребывания на Урале, неудачные поиски «по горячим следам» в 1918 г. и поздняя, инициированная местными активистами, реабилитация его физического захоронения в конце 1950-х – 1960-х гг.

Ключевые слова: Гражданская война в России, историческая память, антропологический поворот, микроистория, Г.А. Усиевич, мемориализация, локальная история, Урал, братские могилы, следопытское движение

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Сильченко И.С., Бороздин К.А. 2026. История мемориализации мест гибели и захоронения Г.А. Усиевича в Свердловской области в 1918–1987 годах. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 660–669. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-660-669. EDN: IQDQMQ

The History of Memorialization of the Sites of G.A. Usievich's Death and Burial in Sverdlovsk Region, 1918–1987

Ivan S. Silchenko¹ , Konstantin A. Borozdin²

¹⁾ Technical University UMMC,

3 Uspensky Ave., Verkhnyaya Pyshma 624091, Sverdlovsk region, Russia;

²⁾ Independent Researcher,

14 Serov St., Krasnogvardeysky Settl. 623770, Artemovsky District, Sverdlovsk region, Russia

E-mail: 89022777814@yandex.ru, irbit-zavod@yandex.ru

Abstract. The article examines the process of forming the historical memory of G.A. Usievich, a prominent figure of the October Revolution and the Civil War, through the lens of the "anthropological turn" in historiography. Using the micro-historical narrative of his death, initial burial, and subsequent reburials as a case study, the mechanisms of memory construction at different levels are explored. The authors conduct a critical analysis of sources to

reconstruct events and identify reasons for gaps in the official biography. It is established that the memory of Usievich developed according to a paradoxical "center – microtoponymy" model: his image was enshrined in the state-wide narrative and in the memory of local communities directly connected to the place of his death, but was not integrated into the regional cultural and historical landscape. The conclusion is drawn that key factors for this selective memorialization were the brevity of his stay in the Urals, the unsuccessful immediate search efforts in 1918, and the late rehabilitation of his physical burial site, initiated by local activists in the late 1950s and 1960s.

Keywords: Russian Civil War, historical memory, anthropological turn, microhistory, G.A. Usievich, memorialization, local history, Urals, mass graves, pathfinder movement

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Silchenko I.S., Borozdin K.A. 2026. The History of Memorialization of the Sites of G.A. Usievich's Death and Burial in Sverdlovsk Region, 1918–1987. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 660–669 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-660-669. EDN: IQDQMQ

Введение

В рамках современного историографического тренда, определяемого как «антропологический поворот», фокус исследований Гражданской войны в России смещается с глобального макроанализа к изучению индивидуальных судеб, механизмов конструирования коллективной памяти и материальных маркеров прошлого в культурном ландшафте. Этот подход, с одной стороны, позволяет проанализировать индивидуальные судьбы и практики выживания, «очеловечивая» прошлое, а с другой – через микроисторические сюжеты выявлять закономерности формирования локальной памяти, создающей современный культурно-исторический ландшафт.

В данном контексте особый интерес для анализа представляет фигура Григория Александровича Усиевича (1890–1918 гг.). Формально его биография соответствует готовому шаблону революционного мифа: выходец из обеспеченной мещанской семьи, профессиональный революционер, спутник Ленина по «пломбированному вагону», ключевой организатор Октябрьского восстания в Москве и комиссар на Восточном фронте. Однако, несмотря на этот «идеальный» набор атрибутов, активное использование и героизация его имени в первые десятилетия советской власти не привели к превращению его образа в элемент общенациональной памяти того же порядка, что и фигуры В.И. Чапаева, Н.А. Щорса или С.М. Будённого. Более того, его официальная биография содержит пробелы и противоречия, которые наиболее рельефно раскрываются в микроисторическом фокусе – прежде всего в сюжете о его гибели, первичном захоронении и последующих практиках мемориализации.

Объект и методы исследования

Несмотря на неоднократное обращение к биографии Усиевича, его жизнеописание содержит значительные лакуны. Основной корпус литературы, относящийся к советскому периоду [Германов, 1922; Братская могила..., 1923; Бажов, 1936; Григорий Александрович Усиевич, 1936; Рощевский, Никифорова, 1967; Ильичева, 1970; Черданцев, 1971], отличается политической ангажированностью и зачастую носит публицистический характер. Целью этих работ было создание героического образа, что приводило к игнорированию или противоречивой трактовке обстоятельств его смерти и перемещения останков. Акцент смещался на конструирование «символического тела героя» в ущерб критическому анализу ситуации с «телом физическим». Современные исследования [Плотников, 2007; Ищенко, 2017], затрагивающие данную проблематику, остаются скудными и носят преимущественно обзорный характер.

Таким образом, цель настоящей работы заключается в микроисторической реконструкции событий, связанных с первичным захоронением и последующими перезахоронениями останков Г.А. Усиевича, а также в выявлении на этом материале механизмов формирования исторической памяти, понимаемой как «совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений общества об общем прошлом» [Репина, 2003, с. 9].

Методологическую основу работы дополняет подход *memory studies*, который позволяет анализировать не только содержание коллективных представлений о прошлом, но и практики

коммеморации (переименования, установку памятников, эксгумации и перезахоронения), а также выявлять механизмы формирования «мест памяти» на разных уровнях – от общенационального до локального.

Необходимо отметить, что данная статья является логическим продолжением исследования авторов, посвященного гибели Г.А. Усиевича (опубликовано в начале 2025 г.). Поэтому события последних часов жизни Г.А. Усиевича рассматриваются здесь лишь в обзорном ключе, а для полноты картины рекомендуется обратиться к указанной работе, где подробный анализ обстоятельств его гибели был ранее осуществлен [Сильченко, Бороздин, 2025, с. 143–150].

Актуальность данного исследования также видится в том, что историческую фигуру героя повествования работа комплексно охватывает с позиций сразу нескольких научных проблем, востребованных у современных исследователей Гражданской войны на востоке России – историографии, источниковедения, политической и военной истории, биографических исследований и исторической памяти [Сушко, Петин, 2024, с. 13–24].

Реализация поставленной цели предполагает комплексное изучение материалов не только федеральных, но и локальных хранилищ: региональных архивов, библиотечных фондов, административных документов, а также материалов, оказавшихся в частных руках после ликвидации местных музеев и мемориальных коллекций. Характер доступных источников отражает фрагментарность самой исторической памяти об Усиевиче: значительная часть подобных документов не фондирована, лишена стандартных архивных реквизитов и требует применения специальных методов верификации и критического анализа.

Результаты и их обсуждение

Краткое рассмотрение биографии Г.А. Усиевича позволяет конкретизировать объект исследования. Он родился в 1890 г., детство провёл в Черниговской губернии, с 1900 г. семья проживала в Тамбове. В 1907 г. Г.А. Усиевич поступил на юридический факультет Петербургского университета, но был отчислен за членство в социалистической партии и революционную агитацию. В 1911 г. отправлен в ссылку в Енисейскую губернию, откуда через три года бежал, оказавшись сначала в Австрии, а затем в Швейцарии. В 1917 г. вернулся в Россию вместе с В.И. Лениным. Осенью того же года, являясь председателем Московского военно-революционного комитета, Г.А. Усиевич стал одним из ключевых организаторов захвата власти большевиками в Москве. Весной 1918 г. был направлен в Западную Сибирь для организации хлебозаготовок, а с началом полномасштабной Гражданской войны вошёл в состав революционного штаба в Омске и Тюмени. В конце июля 1918 г., отступая с красными частями от Тюмени, он оказался в посёлке Ирбитский завод Ирбитского уезда Пермской губернии. 3 августа 1918 г., двигаясь со сводным отрядом из Ирбитского завода в с. Горки, Г.А. Усиевич погиб.

Тело Г.А. Усиевича было обнаружено местными жителями, отцом и сыном Гашковыми. 6 августа комиссар был захоронен в районе скотомогильника. В одной могиле с комиссаром были погребены два красноармейца, погибших вместе с ним. Впоследствии рядом появилась вторая могила, куда поместили тела ещё троих красноармейцев, которые также пали в бою 3 августа 1918 г., но были найдены спустя некоторое время.

Единственным источником, описывающим процесс первоначального захоронения останков, являются воспоминания П.П. Гашкова (1907 г. р.), записанные уральскими краеведами в 1966 г. В своих воспоминаниях П.П. Гашков отмечал: «... отца заставили похоронить убитых во время боя в лесу. Он взял меня с собой. Хоронить убитых надо было быстро и тайно, т. к. в селе находились белые, которые могли надругаться над трупами. Мы поехали на телеге утром, нашли трех убитых. Один из них лежал в зеленом кителе и солдатских брюках. Обувь у него на ногах не было, были надеты носки. Он лежал на спине, головой к бору. Место это – недалеко от Горок, примерно 1 500 метров от места боя в сторону Горок. Мы положили убитых на телегу и увезли на скотское кладбище, где и похоронили между изгородью и канавой. Отец мне велел молчать и сказал: “Запоминай сын, где хороним, потом спрашивать с тебя будут”»²⁰⁶.

²⁰⁶ Архивный отдел администрации Артемовского городского округа (АОАГО). Фонд 62 (Документы краеведа Брылина). Оп. 1. Д. 109. Л. 3-4.

О появлении второй могилы П.П. Гашков сообщал: «Позднее на скотское кладбище привезли еще трех убитых в бою красноармейцев (но об этом я тогда еще не знал). Их похоронили рядом с могилой, в которой уже лежали похороненные нами красноармейцы». В указанных захоронениях совместно с Г.А. Усиевичем находились погибшие рабочие пос. Ирбитский завод: А.В. Панов, И.М. Казанцев, Е.С. Грошев²⁰⁷. Захоронения посещались родственниками погибших, проживавших в Ирбитском заводе (с 1938 г. – пос. Красногвардейский). Об этом свидетельствовал в своих воспоминаниях и П.П. Гашков: «Через год, когда наши прогнали колчаковцев, на могиле был поставлен памятник-крест. Из Красногвардейска приходили какие-то люди и ложили на могилу цветы»²⁰⁸.

В ходе анализа указанных свидетельств возникает исследовательский вопрос о причинах, по которым судьба столь значимого для революционного нарратива деятеля, каким являлся Г.А. Усиевич, не вызвала устойчивого интереса со стороны центральных партийных и государственных институтов, а его останки не стали объектом официальной мемориализации и торжественного перезахоронения в столичном или ином символически важном месте. Данное обстоятельство представляется особенно курьезным на фоне его формально безупречной биографии и масштаба личного участия в ключевых событиях 1917 г. Ответ на этот вопрос требует учета комплекса факторов.

Во-первых, следует констатировать, что местные военные власти в августе 1918 г. предпринимали попытки обнаружить комиссара или его тело. Как видно из документов, уже 5 августа военное руководство требовало от командующего бригадой Восточной дивизии В.М. Васильева срочно предоставить подробности состоявшегося боя²⁰⁹. Параллельно Московский комитет партии выступал с инициативой о перевозке останков Г.А. Усиевича в столицу²¹⁰. Однако стремительно ухудшавшаяся оперативная обстановка на фронте, связанная с отступлением красных частей, сделала эти поиски невозможными и не позволила установить точную судьбу комиссара.

Во-вторых, в 1922 г. вышла первая развернутая публикация, посвященная Г.А. Усиевичу. Ее автор, Л. Германов (настоящее имя – М.И. Фрумкин), лично знакомый с погибшим, утверждал, что, по проверенным данным, Г.А. Усиевич погиб под Камышловом, а его тело обнаружить не удалось, поскольку «очевидно, он был растерзан казаками в их лагере» [Германов, 1922, с. 13]. Это утверждение на долгие годы стало ключевым элементом нарратива о его гибели. Данная информация не только транслировалась в последующих работах, но и служила единственным ориентиром для родственников.

Так, в сентябре 1958 г. бывшая жена Г. А. Усиевича Елена Феклистовна (в девичестве – Кон) в переписке с участником Гражданской войны на Урале, краеведом И. Г. Филаретовым, имевшим отношение к процессу поиска захоронения комиссара, отмечала: «во всех сборниках, где о нем писали, говорилось, что тела его не нашли, и это меня мучило. Думалось, может, его захватили живьем и истязали...»²¹¹. Сестра Г.А. Усиевича С. Белецкая также писала И.Г. Филаретову следующее: «...сведения Фрумкина, которые он получил в 1918 г. в разгар Гражданской войны, когда почти невозможно было уточнить место и время гибели Г.А. и в Москву были направлены предположения»²¹². Стоит также отметить, что по причине отсутствия информации в многочисленных официальных сводках и публикациях о месте гибели Усиевича либо не говорилось [см., например: Геройская смерть тов. Усиевича, 1918, с. 3; Памяти Г.А. Усиевича, 1918, с. 4; Памяти Усиевича, 1918, с. 2], либо отмечался «чехословацкий фронт» [Митинги, 1918, с. 5; Памяти Усиевича, 1918, с. 2].

²⁰⁷ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Свердловский (Уральский) Истпарт. Оп. 3. Д. 11. Л. 19.

²⁰⁸ АОАГО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 109. Л. 3–4.

²⁰⁹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 3562. Оп. 2. Д. 78. Л. 67.

²¹⁰ РГВА. Ф. 1334. Оп. 2. Д. 78. Л. 140.

²¹¹ Текущий архив МОУ «Горкинская средняя общеобразовательная школа» (с. Горки Ирбитского района Свердловской области). Неразобранное. Переписка Е. Усиевич и И.Г. Филаретова. Л. 1.

²¹² Там же. Переписка С.А. Белецкой и И.Г. Филаретова. Л. 1.

Таким образом, реальное место захоронения фактически исчезло из официального дискурса, уступив место конструированному символическому образу.

Ситуация изменилась в 1936 г. после выхода книги уральского писателя П.П. Бажова «Формирование на ходу», посвященной истории Камышловского полка. Автор подчеркивал документальную основу произведения [Яркова, 2010, с. 118]. В нем впервые была представлена развернутая, хотя и художественная версия гибели Г.А. Усиевича с указанием конкретных географических ориентиров – Ирбитский завод и село Горки. Однако книга в 1937 г. была признана антисоветской [Яркова, 2010, с. 118] и изъята из обращения, став доступной читателю только в середине 1950-х гг.

В указанный период в рамках подготовки к празднованию 40-летия Октябрьской революции широкое распространение получило так называемое следопытское движение. Оно объединяло школьников и студентов в кружки, которые занимались сбором воспоминаний участников Гражданской войны и совершали историко-краеведческие походы по местам боев. Именно в этот контекст в 1957 г. вписывается инициатива руководителя отряда следопытов ирбитской школы № 3 Я.Л. Герштейна. Ознакомившись с недавно реабилитированной книгой П.П. Бажова «Формирование на ходу», содержавшей первые конкретные географические указания, он организовал поездку в село Горки с целью поиска очевидцев событий августа 1918 г. и локализации места гибели Г.А. Усиевича [Среди бесконечных далей Сибири. Уральский рабочий, 1981, с. 4].

Расспрашивая местных жителей, следопыты вышли на П.П. Гашкова, который по фотографии смог опознать в одном из захороненных им погибших Г.А. Усиевича. После долгих поисков он смог указать место расположения двух могил [Там же].

Осенью 1959 г. состоялось вскрытие одного из захоронений, и останки трех человек были торжественно перенесены в центр села Горки, где впоследствии установили памятник. Какие-либо документы или акты, фиксирующие эту эксгумацию, авторами не обнаружены, однако можно предположить, что ее основной целью был поиск и перенос останков именно Г.А. Усиевича.

Существует также предположение, что останки перенесли раньше – в 1957 г. или 1958 г. Согласно учетной карточке воинского захоронения, памятник на братской могиле установлен в 1958 г. (автор Орлов Владимир Михайлович)²¹³.

Следующим этапом стала организованная Красногвардейским поселковым Советом эксгумация второго захоронения 31 августа 1963 г. Согласно акту комиссии, на указанном П.П. Гашковым месте была обнаружена могила. При её вскрытии на глубине около одного метра были найдены останки трех человек: «черепа, головные волосы, кости конечностей, части позвоночника и ребер»²¹⁴, а рядом – фрагменты суконной одежды. Комиссия, в состав которой входили два медицинских работника, заключила: «Учитывая сохранившиеся некоторые опознавательные, а также исторические данные, в частности обнаружены в могиле кусок сукна от френча тов. Усиевича, и, принимая во внимание заявления товарищей, являвшихся бойцами Первого Камышловского полка, мы считаем, что указанные останки являются останками следующих погибших товарищей: <...> Г.А. Усиевича, Е.С. Грошева, А.В. Панова»²¹⁵.

3 сентября 1963 г. останки, помещенные в три гроба, были выставлены для прощания в клубе Красногвардейского кранового завода в присутствии почетного караула. На следующий день в 16:30 состоялась похоронная процессия с участием около двух тысяч человек; останки были перевезены на северо-западную окраину поселка и захоронены в братской могиле на старом кладбище. На месте захоронения был установлен памятник, замененный в 1987 г. на бетонную скульптуру работы известного уральского скульптора М.П. Крамского [Агеева, 2017, с. 160].

²¹³ Текущий архив Горкинской территориальной администрации (с. Горки Ирбитского района Свердловской области). Неразобранное. Учетная карточка воинского захоронения (братская могила в с. Горки)

²¹⁴ Акт комиссии по обследованию и эксгумации захоронения красноармейцев в районе с. Горки, назначенной решением исполкома Красногвардейского поселкового Совета депутатов трудящихся. 5 сентября 1963 г. // Архив библиотеки МБУК «Красногвардейская поселковая библиотека» (п. Красногвардейский, Свердловская обл.). Л. 1.

²¹⁵ Там же. Л. 2.

При этом П.П. Гашков в своих воспоминаниях настаивал: «Останки захороненных перенесли в Горки. <...> Я считаю, что именно здесь захоронен Усиевич»²¹⁶.

Таким образом, формально вопрос о месте окончательного захоронения Г.А. Усиевича остается открытым. В пользу п. Красногвардейский свидетельствует официальный акт эксгумации 1963 г., тогда как в пользу с. Горки говорят воспоминания непосредственного участника событий П.П. Гашкова. С историковедческой точки зрения официальный документ, безусловно, обладает более высоким формальным статусом. Однако его содержательная часть вызывает серьезные сомнения. В частности, идентификация личности на основании фрагмента сукна, обнаруженного в захоронении спустя 45 лет, представляется крайне ненадежным и недостаточным методом.

Отмеченное несоответствие между данными эксгумации и мемуарными источниками вписывается в более широкий историографический контекст изучения Гражданской войны. Как демонстрируют работы ряда авторов [Красильникова, Петин, 2022, с. 66–80], процесс мемориализации ее героев часто сопровождался формированием символических «мест памяти», локализация которых могла не совпадать с фактическими захоронениями.

Таким образом, несмотря на непроясненность вопроса о местонахождении его физических останков, мемориализация Г.А. Усиевича последовательно реализовывалась как на общенациональном, так и на локальном уровнях, принимая различные формы. Общегосударственное признание проявилось почти немедленно после известия о гибели. Уже 9 августа 1918 г. в Москве прошёл митинг памяти, в котором участвовал В.И. Ленин [Митинги, 1918, с. 5]. Осенью того же года Московский совет принял постановление о переименовании подмосковного села Всехсвятское в Усиевич [Рабочая хроника, 1922, с. 7] (реализации помешало включение села в состав Москвы). В последующие годы в столице были открыты два клуба [Лекции, концерты, митинги, 1918, с. 4], детский дом²¹⁷ и библиотека его имени [Григорий Усиевич, 1969, с. 6]; его имя получили три московские улицы. Топонимическое наследие распространилось и на другие города: улицы, названные в честь Усиевича, появились в Тюмени, Саратове и Нижнем Новгороде. Кроме того, его имя было присвоено речным судам: в 1919 г. пароход «Граф» стал «Усиевичем»²¹⁸, в 1953 г. это имя получил новый волжский пароход, а в 1979 г. – судно «Ленанефть-2009»²¹⁹. Его биография становилась темой публикаций [Памяти Г.А. Усиевича – продовольственника, 1918, с. 4; Боевой вожак московских большевиков, 1957, с. 2; Григорий Усиевич, 1969, с. 6; Боец революции, 1983, с. 3; Пламенный борец революции, 1987, с. 3], а в конце 1960-х гг. о нём был снят документальный телефильм [Телевидение, 1967, с. 4].

На локальном уровне в местах, непосредственно связанных с гибелью комиссара, мемориальные практики имели иной, более предметный характер. Его именем были названы улица в посёлке Красногвардейский и школа в селе Горки, что закрепило память о нём в микротопонимии этих населённых пунктов. В обоих указанных населённых пунктах действовали музейные экспозиции, посвященные биографии комиссара, кроме того, осуществлялись ежегодные памятные спортивные мероприятия.

Процесс мемориализации Г.А. Усиевича представляет собой парадоксальный и уникальный пример формирования исторической памяти, при котором его образ оказался закреплён на двух полярных уровнях, минуя промежуточный, региональный. С одной стороны, он получил официальное признание и известность в центральном общегосударственном нарративе как спутник Ленина и московский комиссар. С другой – его память была глубоко локализована и актуализирована лишь в конкретных малых населённых пунктах Урала (село Горки, пос. Красногвардейский), непосредственно связанных с его гибелью и захоронением.

²¹⁶ АОАГО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 109. Л. 4.

²¹⁷ Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Р-2401. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

²¹⁸ Государственный архив Саратовской области. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 161. Л. 1.

²¹⁹ Постановление Совета Министров РСФСР № 398 от 3 августа 1979 г. «О присвоении имен... речным судам Министерства речного флота РСФСР». URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/408848> (дата обращения: 15.02.2026). Д.И. Гусихина и А.Н. Карпенко речным судам Министерства речного флота РСФСР. 3 августа 1979 г. № 398.

При этом на среднем, региональном уровне, в культурно-историческом пространстве Свердловска (Екатеринбурга) как административного и символического центра Урала его личность заметного отражения не нашла. Эта диспропорция объясняется, во-первых, тем, что деятельность Г.А. Усиевича на Урале была крайне кратковременной и не оставила глубокого следа в истории региона в целом. Во-вторых, локальная память в местах гибели была «реанимирована» лишь спустя десятилетия силами местных энтузиастов, что не создало достаточного импульса для интеграции его образа в более широкий региональный пантеон.

Заключение

Проведенная микроисторическая реконструкция событий, связанных с гибелью, первичным захоронением и последующими перезахоронениями Г.А. Усиевича, позволяет сделать выводы, раскрывающие характерные механизмы формирования исторической памяти. Судьба останков этого видного революционера выявила глубокий разрыв между конструированием «символического тела героя» в общенациональном нарративе и фактическим забвением его физического захоронения в условиях информационного вакуума Гражданской войны. Восстановление памяти на локальном уровне произошло спустя десятилетия не по инициативе государственных институтов, а благодаря деятельности местных энтузиастов-краеведов, что подчеркивает значение низовых практик в сохранении прошлого. При этом официальная процедура идентификации останков в 1963 г., основанная на методологически сомнительных признаках, оставила вопрос о месте окончательного упокоения Усиевича открытым, превратив саму эту неопределенность в яркое свидетельство фрагментарности и мифологизированности исторической памяти. В результате сформировалась уникальная двухполюсная модель мемориализации «центр – микропонимия», при которой фигура общероссийского значения была «канонизирована» в столичном дискурсе и одновременно глубоко локализована в памяти двух малых уральских населенных пунктов, практически не заняв места в региональном пантеоне памяти. Таким образом, история с перезахоронением останков Г.А. Усиевича служит наглядным примером того, как историческая память формируется в динамичном и конфликтном поле взаимодействия официальных интерпретаций и локальных практик.

Благодарности

Авторы выражают благодарность С.А. Упорову, Л.Т. Шомину, Е.Л. Шомину, М.В. Кротову за помощь в проведении исследования.

Список источников

- Акт комиссии по обследованию и эксгумации захоронения красноармейцев в районе с. Горки, назначенной решением исполкома Красногвардейского поселкового Совета депутатов трудящихся. 5 сентября 1963 г. Архив библиотеки МБУК «Красногвардейская поселковая библиотека» (п. Красногвардейский, Свердловская обл.).
- Архивный отдел администрации Артемовского городского округа (АОАГО). Фонд 62 (Документы краоведа Брылина). Оп. 1. Д. 109.
- Боевой вожак московских большевиков. 1957. Вечерняя Москва, 21 августа, 197: 2.
- Боец революции. 1983. Вечерняя Москва, 5 мая, 103: 3.
- Вечерние известия московского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. 7 августа, 18: 2.
- Геройская смерть тов. Усиевича. 1918. Известия ВЦИК, 7 августа, 167: 3.
- Государственный архив Саратовской области. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 161.
- Григорий Усиевич. 1969. Вечерняя Москва, 1 августа, 179: 6.
- Лекции, концерты, митинги. 1918. Правда, 25 декабря, 281: 4.
- Митинги 9 августа. 1918. Известия ВЦИК, 11 августа, 171: 5.
- Московская правда. 1918. 20: 4.
- Памяти Г.А. Усиевича – продовольственника. 1918. Московская правда, 20: 4.
- Памяти Усиевича. 1918. Известия ВЦИК, 9 августа, 169: 2.

- Пламенный борец революции. 1987. Вечерняя Москва, 5 октября, 228: 3.
- Постановление Совета Министров РСФСР № 398 от 3 августа 1979 г. «О присвоении имен... речным судам Министерства речного флота РСФСР». – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/408848> (дата обращения: 15.02.2026).
- Рабочая хроника. 1922. Московская правда, 18 октября, 209: 7.
- Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1334. Оп. 2. Д. 78.
- Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 3562. Оп. 2. Д. 78.
- Среди бесконечных далей Сибири. 1981. Уральский рабочий, 19 января, 23: 4.
- Телевидение. 1967. Московская правда, 26 апреля, 99: 4.
- Текущий архив Горкинской территориальной администрации (с. Горки Ирбитского района Свердловской области). Неразобранное. Учетная карточка воинского захоронения (братская могила в с. Горки).
- Текущий архив МОУ «Горкинская средняя общеобразовательная школа» (с. Горки Ирбитского района Свердловской области). Неразобранное. Переписка Е. Усиевич и И.Г. Филаретова.
- Текущий архив МОУ «Горкинская средняя общеобразовательная школа» (с. Горки Ирбитского района Свердловской области). Неразобранное. Переписка С.А. Белецкой и И.Г. Филаретова.
- Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41 (Свердловский/Уральский Истпарт). Оп. 3. Д. 11.
- Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Р-2401. Оп. 1. Д.1.

Список литературы

- Агеева М.В. 2017. Скульптурное наследие М.П. Крамского в Нижнем Тагиле. В: Город, социум, среда: история и векторы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 14–15 сентября 2017 г. Отв. ред. О.В. Рыжкова. Нижний Тагил, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт: 159–163.
- Бажов П.П. 1936. Формирование на ходу: к истории Камышловского 254-го полка 29-й дивизии. Свердловск, Свердловское областное издательство, 125 с.
- Братская могила: биографический словарь умерших и погибших членов Московской организации РКП(б). 1923. Москва, Московский рабочий, 204 с.
- Германов Л. 1922. Материалы к биографии Григория Александровича Усиевича. Пролетарская революция: 9–13.
- Григорий Александрович Усиевич. 1936. В: Большая советская энциклопедия: в 65 т. Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Москва, ОГИЗ, т. 56.
- Ильичева Л.Д. 1970. Солдаты революции (борцы за власть Советов в Западной Сибири). Новосибирск, [б. и.], 148 с.
- Ищенко О.В. 2017. Штрихи к формированию биографии героя революции и Гражданской войны Г.А. Усиевича. В: Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 25–26 октября 2017 г.). Омск, ОмГТУ: 140–145.
- Красильникова Е.И., Петин Д.И. 2022. Памятник жертвам взрыва 1 августа 1918 г. в Омске: история частной коммеморации в городском мемориальном пространстве. Вестник архивиста. 1: 66–80.
- Плотников И.Ф. 2007. Гражданская война на Урале (1917–1922): энциклопедия и библиография. Екатеринбург, Банк культурной информации, т. 2, 206 с.
- Репина Л.П. 2003. Образы прошлого в памяти и в истории. В: Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. Москва, Круг: 9–18.
- Роцевский П.И., Никифорова М.М. 1967. Борцы во имя светлого будущего. Тюмень, [б. и.], 34 с.
- Сильченко И.С., Бороздин К.А. 2025. Гибель комиссара Г.А. Усиевича: анализ на основе новых источников. Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 35(1): 143–150.
- Сушко А.В., Петин Д.И. 2024. Омская конференция по истории Гражданской войны на востоке России: история проведения и перспективы развития. Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 9(1): 13–24.
- Черданцев И.К. 1971. Солдат революции. Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 156 с.
- Яркова Е.И. 2010. Документы ЦДООСО о неизвестных фактах биографии П.П. Бажова. 1929–1937 гг. Отечественные архивы. 5: 118.

References

- Ageeva M.V. 2017. Skul'pturnoe nasledie M.P. Kramskogo v Nizhnem Tagile [Sculptural Heritage of M.P. Kramskoy in Nizhny Tagil]. In: Gorod, sotsium, sreda: istoriya i vektory razvitiya: *materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Nizhniy Tagil, 14–15 sentyabrya 2017 g.* [City, Society, Environment: History and Vectors of Development: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Nizhny Tagil, September 14–15, 2017]. Ed. O.V. Ryzhkova. Nizhniy Tagil, Nizhnetagil'skiy gosudarstvennyy sotsial'no-pedagogicheskiy institut Publ., p. 159–163.
- Bazhov P.P. 1936. Formirovanie na khodu: k istorii Kamyshlovskogo 254-go polka 29-y divizii [Formation on the Move: Towards a History of the Kamyshlov 254th Regiment of the 29th Division]. Sverdlovsk, Sverdlovskoe oblastnoe izdatel'stvo Publ., 125 p.
- Bratskaya mogila: biograficheskiy slovar' umershikh i pogibshikh chlenov Moskovskoy organizatsii RKP(b) [Common Grave: A Biographical Dictionary of Deceased and Fallen Members of the Moscow Organization of the RCP(b)]. 1923. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 204 p.
- Germanov L. 1922. Materialy k biografii Grigoriya Aleksandrovicha Usievicha [Materials for the Biography of Grigory Alexandrovich Usievich]. *Proletarskaya revolyutsiya* [Proletarian Revolution], no. 6, p. 9–13.
- Grigoriy Aleksandrovich Usievich [Grigory Alexandrovich Usievich]. 1936. In: Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 65 t. [Great Soviet Encyclopedia: in 65 vols.]. Ed. O.Yu. Shmidt. Moscow, OGIz Publ., vol. 56.
- Il'icheva L.D. 1970. Soldaty revolyutsii (bortsy za vlast' Sovetov v Zapadnoy Sibiri) [Soldiers of the Revolution (Fighters for Soviet Power in Western Siberia)]. Novosibirsk, [s. n.], 148 p.
- Ishchenko O.V. 2017. Shtrikhi k formirovaniyu biografii geroya revolyutsii i Grazhdanskoy voyny G.A. Usievicha [Highlights on the Formation of the Biography of the Hero of the Revolution and the Civil War G.A. Usievich]. In: *Grazhdanskaya voyna na Vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Omsk, 25–26 oktyabrya 2017 g.)* [The Civil War in the East of Russia: A Look Through the Documentary Heritage: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation (Omsk, October 25–26, 2017)]. Omsk, OmGTU Publ., p. 140–145.
- Krasil'nikova E.I., Petin D.I. 2022. Pamyatnik zhertvam vzryva 1 avgusta 1918 g. v Omske: istoriya chastnoy kommemoratsii v gorodskom memorial'nom prostranstve [Monument to the Victims of the Explosion on August 1, 1918 in Omsk: The History of Private Commemoration in the Urban Memorial Space]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], no. 1, p. 66–80.
- Plotnikov I.F. 2007. Grazhdanskaya voyna na Urale (1917–1922). Entsiklopediya i bibliografiya [The Civil War in the Urals (1917–1922). Encyclopedia and Bibliography]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoy informatsii Publ., vol. 2, 206 p.
- Repina L.P. 2003. Obrazy proshlogo v pamyati i v istorii [Images of the Past in Memory and History]. In: *Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni* [Images of the Past and Collective Identity in Europe before the Early Modern Period]. Moscow, Krug Publ., p. 9–18.
- Roshchevskiy P.I., Nikiforova M.M. 1967. Bortsy vo imya svetlogo budushchego [Fighters for a Bright Future]. Tyumen, [s. n.], 34 p.
- Sil'chenko I.S., Borozdin K.A. 2025. Gibel' komissara G.A. Usievicha: analiz na osnove novykh istochnikov [The Death of Commissar G.A. Usievich: An Analysis Based on New Sources]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology], vol. 35, no. 1, p. 143–150.
- Sushko A.V., Petin D.I. 2024. Omskaya konferentsiya po istorii Grazhdanskoy voyny na vostoke Rossii: istoriya provedeniya i perspektivy razvitiya [Omsk Conference on the History of the Civil War in the East of Russia: History and Development Prospects]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity], vol. 9, no. 1, p. 13–24.
- Cherdantsev I.K. 1971. Soldat revolyutsii [Soldier of the Revolution]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 156 p.
- Yarkova E.I. 2010. Dokumenty TsDOOSO o neizvestnykh faktakh biografii P.P. Bazhova. 1929–1937 gg. [Documents of the Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region on Unknown Facts of the Biography of P.P. Bazhov. 1929–1937]. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic Archives], no. 5, p. 118.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось
Conflict of Interest: the authors have no potential conflict of interest to disclose.

Поступила в редакцию 18.02.2026

Поступила после рецензирования 17.05.2026

Принята к публикации 19.05.2026

Received 18.02.2026

Revised 17.05.2026

Accepted 19.05.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сильченко Иван Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Технический университет УГМК, г. Верхняя Пышма, Свердловская обл., Россия

 [ORCID: 0000-0002-9906-9619](https://orcid.org/0000-0002-9906-9619)

Бороздин Константин Александрович, магистр истории, независимый исследователь, пос. Красногвардейский, Свердловская обл., Россия

 [ORCID: 0009-0009-7091-7213](https://orcid.org/0009-0009-7091-7213)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivan S. Silchenko, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Humanities and Natural Sciences, UMMC Technical University, Verkhnyaya Pyshma, Sverdlovsk region, Russia

Konstantin A. Borozdin, Master of History, Krasnogvardeysky settlement, Sverdlovsk region, Russia

УДК 94 (47)
DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-3-670-679
EDN IQEYGU
Оригинальное исследование

Сожжение православных икон как направление антирелигиозной деятельности и идеологической борьбы советских безбожников в 1920–1930-е годы

Дорош А.А.

Воронежский государственный технический университет,
Россия, 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84
E-mail: andrej-dorosh@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется сожжение икон как отдельное направление антирелигиозной деятельности и идеологической борьбы советских безбожников в 1920–1930-е годы. Многочисленные акты сожжения икон, организованные и широко пропагандируемые советскими безбожниками в 1920–1930-е годы, являлись важным направлением деятельности СВБ СССР. Данная деятельность осуществлялась советскими безбожниками с целью десакрализации икон в сознании православных советских граждан, которая, в свою очередь, должна была привести к общему снижению религиозности населения. Также публичные акты добровольного сожжения православных икон ранее верующими рабочими, колхозниками, крестьянами и советскими служащими являлись наглядным свидетельством того, что народные массы СССР в своем большинстве отказались от религиозных «предубеждений» и в настоящий момент негативно относятся к православному христианству – религии национального большинства СССР, что, в свою очередь, использовалось советской властью и непосредственно СВБ СССР в идеологическом противостоянии с капиталистическими странами Запада. Данное исследование базируется на архивных документах, опубликованных источниках и антирелигиозных периодических изданиях изучаемого периода. Анализ используемых источников осуществлен на основе общенаучных и специальных исторических методов: историко-системного, идеографического, типологического. Автор анализирует архивные документы и публикации в антирелигиозной печати изучаемого периода, в которых приводятся сведения о совершенных актах коллективного и индивидуального сожжения икон. Дается общая оценка как пропагандистской деятельности советских безбожников, направленная на десакрализацию икон в глазах советской общественности, так и их идеологического противодействия критике советского строя со стороны духовных и политических лидеров капиталистических стран Запада.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, антирождественская кампания, безбожие, борьба с религией в СССР, безбожный ответ Папе Римскому, десакрализация икон, православное христианство, Союз воинствующих безбожников, сожжение икон

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Дорош А.А. 2026. Сожжение православных икон как направление антирелигиозной деятельности и идеологической борьбы советских безбожников в 1920–1930-е годы. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 670–679. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-670-679. EDN: IQEYGU

Burning Orthodox Icons as a Form of Anti-Religious Activity and Ideological Struggle by Soviet Atheists in the 1920s and 1930s

Andrey A. Dorosh

Voronezh State Technical University,
84 20 Let Oktyabrya St., Voronezh 394006, Russia
E-mail: andrej-dorosh@yandex.ru

Abstract. This article analyzes icon burning as a distinct aspect of the antireligious activity and ideological struggle of Soviet atheists in the 1920s and 1930s. Numerous icon burning campaigns organized and widely

© Дорош А.А., 2026

promoted by Soviet atheists in the 1920s and 1930s, were an important activity of the Soviet Security Service. These activities were carried out by Soviet atheists with the goal of desacralizing icons in the minds of Orthodox Soviet citizens, which, in turn, was intended to lead to a general decline in religiosity among the population. Likewise, public acts of voluntary burning of Orthodox icons by previously religious workers, collective farmers, peasants, and Soviet employees were clear evidence that the majority of the USSR's masses had abandoned religious "prejudices" and now held a negative attitude toward Orthodox Christianity—the religion of the USSR's national majority. This, in turn, was exploited by the Soviet government, and specifically by the Soviet Union's Security Council, in its ideological confrontation with Western capitalist countries. This study is based on archival documents, published sources, and anti-religious periodicals from the period under study. The sources are analyzed using general and specialized historical methods: the historical-systemic method, the ideographic method, and the typological method. The author explores archival documents and publications in the anti-religious press from the period under study, which provide information on acts of collective and individual icon burning. The findings allow a general assessment of both the propaganda activities of Soviet atheists aimed at desacralizing icons in the eyes of the Soviet public, and their ideological opposition to criticism against the Soviet system by spiritual and political leaders of the capitalist countries of the West.

Keywords: anti-religious propaganda, anti-Christmas campaign, atheism, the fight against religion in the USSR, the atheist response to the Pope, desacralization of icons, Orthodox Christianity, the Union of Militant Atheists, the burning of icons

Financing: the work was completed without external sources of financing.

For citation: Dorosh A.A. 2026. Burning Orthodox Icons as a Form of Anti-Religious Activity and Ideological Struggle by Soviet Atheists in the 1920s and 1930s. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 670–679 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-670-679. EDN: IQEYGU

Введение

Союз воинствующих безбожников СССР использовал множество разнообразных форм и методов в деле борьбы с религией, среди которых особое место занимало сожжение икон, направленное на десакрализацию православных образов в народном сознании, что, в свою очередь, должно было привести к значительному снижению религиозности среди православного населения СССР. Также публичное и добровольное сожжение православных икон являлось наглядным доказательством того, что значительная часть населения СССР на рубеже 1929–1930-го годов, поддавшись агрессивной антирелигиозной советской пропаганде, стала придерживаться атеистического мировоззрения и негативно относиться к православному христианству, что, в свою очередь, использовалось в идеологическом противостоянии СССР со странами Запада.

Объект и методы исследования

На сегодняшний день значительное количество отечественных исследователей занимается проблемой антирелигиозной пропаганды в СССР, в частности акцентируют свое внимание на деятельности СВБ СССР. В качестве примера можно привести работы таких историков-исследователей, как Ф. Данченков [Данченков, 2025], А.Н. Евдокимова [Евдокимова, 2020], Н.Н. Евсеев [Евсеев, 2023] и т. п.

В данной связи заслуживает особого внимания работа П.Г. Рогозного [Рогозный, 2024], который подробно рассмотрел феномен советского иконоборчества в первые годы с момента установления советской власти, и работа А.А. Белоконева [Белоконев, 2024], в которой автор косвенно касается фактов публичного сожжения икон советскими безбожниками.

В то же время на сегодняшний день фактически отсутствуют научные исследования, касающиеся использования советскими безбожниками сожжения икон как отдельного направления в антирелигиозной деятельности и идеологической борьбе.

Источниковой базой для настоящего исследования послужили документы из фонда Р-5407 «Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР» Государственного архива Российской Федерации и фонда Р-1714 «Совет народных депутатов Центрального района г. Воронежа» Государственного архива Воронежской области, а также опубликованные источники и антирелигиозные периодические издания, относящиеся к исследуемому периоду.

При анализе указанных источников автор использовал общенаучные и специальные исторические методы исследования: контент-анализ и историко-генетический метод. Так, контент-анализ применялся при проведении исследования периодических печатных изданий антирелигиозной литературы указанного периода. Историко-генетический метод использовался в ходе проведения всестороннего анализа и изучения фактов организации и пропаганды советскими безбожниками коллективных и индивидуальных актов сожжения православных икон в 1920–1930-е гг.

Основное содержание

Особое значение икон в религиозном сознании русского народа было хорошо известно большевистскому руководству страны, для которого иконоборчество – именно так они сами и называли борьбу с иконопочитанием в народе [Рогозный, 2024, с. 37] – являлось способом активной антирелигиозной борьбы, т. к. десакрализируя иконы в народном сознании и устранив их из публичных мест и мест индивидуального проживания граждан, коммунисты-безбожники рассчитывали существенно ослабить уровень религиозности православного большинства СССР.

По этой причине борьба с иконами начинается фактически с самых первых дней с момента установления советской власти в России. Известны многочисленные случаи кощунственных действий и уничтожения икон комиссарами и красноармейцами в годы Гражданской войны в России [Рогозный, 2024, с. 44–45], также иконы удалялись из общественных и публичных мест представителями советской власти. Как правило, во всех случаях подобные акты иконоборчества вызывали активное противодействие со стороны православного населения, зачастую приводившее к открытым столкновениям с представителями советской власти [Рогозный, 2024, с. 41–42], а иногда и убийствам отдельных богохульников [Рогозный, 2024, с. 45–46]. Подобная реакция православного населения наглядно свидетельствовала о высоком уровне иконопочитания в русском народе в первые годы с момента установления советской власти в России.

Одним из эффективных способов десакрализации икон в народном сознании и борьбы с иконопочитанием, помимо разъяснительной атеистической работы с православным населением, являлось публичное уничтожение икон. Публичное уничтожение икон подрывало веру в Бога у простого народа [Воинствующее безбожие..., 1932, с. 233], т. к. ожидаемого наказания богохульников за акт святотатства тут же, как правило, не происходило, и многие очевидцы данных событий приходили к выводу, что якобы Бога нет. Безусловно, такой способ антирелигиозной работы был весьма эффективен, в особенности для крестьянской среды, и именно по этой причине активно использовался СВБ СССР.

Иконы начали массово сжигать в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. В этот период происходили массовые публичные сожжения икон, при этом такого активного противодействия данным кощунственным актам, как в первые годы правления большевиков, уже не происходило, что объясняется как эффективностью антирелигиозной пропаганды [Рогозный, 2024, с. 47–48], так и политикой террора в отношении наиболее активных православных христиан.

Однако случаи массового сожжения икон фиксируются и в первой половине 20-х г. XX в. Данные случаи широко освещались советскими безбожниками в своих периодических изданиях как с целью более широкого распространения подобной практики, так и с целью ведения активной антирелигиозной пропаганды.

Так, на первой странице газеты «Безбожник» от 11 марта 1923 г. сообщалось, что в Богоявленской волости Николаевского уезда под лозунгами «Долой иконы!» и «Да здравствует разум и правда!» произошло массовое сожжение икон [Безбожник, 1923а, с. 1].

Аналогичная информация была опубликована в № 20 газеты «Безбожник» от 6 мая 1923 г. Корреспонденты газеты сообщали, что крестьяне с. Лыгинки Юзовского уезда и с. Бобринка Елисаветградского уезда сожгли все иконы, висевшие в их хатах [Сожгли иконы, 1923б, с. 5].

Подобные заметки как во всесоюзных, так и в местных периодических изданиях советских безбожников, а также обычных советских газетах общеинформационной направленности [Белоконев, 2024, с. 337] публиковались с целью того, чтобы читатели осознали, что иконы – всего

лишь вредоносный артефакт старорежимного прошлого, а вовсе не сакральный предмет, достойный почитания, и следовали бы примеру героев данных газетных статей, которые, сжигая свои иконы, не получили ожидаемого верующими наказания от Бога за святотатство.

Также с целью популяризации сожжения икон использовались и литературные очерки. Например, очерк Г. Валдайского «Костер на болоте», в котором рассказывалось, как рабочие поселка, переселяясь из старых гнилых бараков в новые, добротные дома, построенные советской властью, перед переселением с радостью сожгли свои старые иконы [Костер на болоте, 1930, с. 17–18].

Сожжение икон в 1920-е г. в СССР было достаточно широко распространено, что подтверждается информацией из целого ряда источников и уже не являлось чем-то необычным для советского обывателя. Так, в статье «Плѣвая иконка», опубликованной в № 2 за 1927 г. журнала «Безбожник», о сожжении икон говорится как о достаточно широко распространенной практике уничтожения святынь [Плѣвая иконка, 1927, с. 12–13].

Публичные акты сожжения икон активно организовывались и проводились активистами Союза безбожников СССР. В некоторых случаях сожжение икон могло быть организовано не только местной ячейкой СВБ СССР, но и заезжими активистами. Так, крестьяне поселка Прокопьевского Черековского района Северо-Двинской губернии в 1928 г. под влиянием пропаганды приехавших в деревню нескольких советских безбожников сожгли свои иконы [Воинствующее безбожие..., 1932, с. 202].

Таким образом, совершенно не вызывает удивление, что к концу 1920-х годов массовые сожжения икон ассоциировались у активистов-безбожников именно с деятельностью Союза безбожников, о чём может наглядно свидетельствовать сохранившийся до наших дней рисунок одного из активистов СВБ СССР, отправленный в газету «Безбожник» в рамках проводимого конкурса на лучший эскиз значка для членов СВБ СССР. На данном рисунке изображена обьятая пламенем религиозная атрибутика, среди которой присутствуют православные иконы и крест, сверху расположена надпись: «Культурная революция»²²⁰.

В особенности стоит выделить антирождественскую кампанию 1930 года, проведение которой было инициировано СВБ СССР в масштабах фактически всего СССР.

На первой полосе № 4 (362) газеты «Безбожник» от 16 января 1930 года сообщалось, что «в дни антирождественской кампании по всему СССР рабочие и крестьяне устраивали массовое сожжение икон» [Безбожник, 1930, с. 1]. Под данным сообщением помещался рисунок, изображавший рабочего, который лопатой закидывает православные иконы в раскрытую топку, из которой вырываются языки пламени. Внизу изображения помещалась лаконичная надпись: «За ненадобностью» [Безбожник, 1930, с. 1].

Особенно активно действовали в антирождественскую кампанию советские безбожники в г. Запорожье, где активисты СВБ СССР совершали поквартирный агитационный обход с целью добровольного изъятия у граждан предметов религиозного назначения. В ходе данного обхода было собрано около 2 000 икон и 1 000 книг религиозного содержания [В Запорожье сняты все колокола, 1930, с. 4].

В день празднования Рождества Христова 7 января 1930 г. запорожские безбожники провели массовый антирелигиозный митинг, в котором приняло участие около 13 000 человек, из которых примерно 3 000 являлись лицами детского и подросткового возраста. После проведения официальной части антирелигиозного митинга безбожники разожгли из изъятых икон 4 костра, при этом группы активистов-безбожников бросали в костры из книг и икон гробы, которые были наполнены иконами. Сообщалось, что в течение всего дня безбожники проводили на главной площади Запорожья антирелигиозный карнавал, и приходящие на него граждане бросали в горящие костры свои иконы [В Запорожье сняты все колокола, 1930, с. 4].

В г. Егорьевске Московской области на площади Красной армии 6 января 1930 г. состоялся антирелигиозный митинг, на котором были сожжены иконы, принесенные из двух ранее закрытых церквей [Церкви закрыли, иконы сожгли, 1930, с. 5].

²²⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 5407. Оп. 2. Д. 343. Л. 34.

Безбожники г. Волоколамска длительное время готовились к массовому сожжению икон, которое состоялось в Рождественский сочельник 6 января 1930 г. не только в самом Волоколамске, но и в ряде окрестных деревень. Следует отметить, что большую часть икон приносили сами владельцы, часть предоставили комсомольцы и пионеры, которые ранее собрали иконы у своих родственников и знакомых [Сожгли иконы, 1930, с. 5]

Массовые сожжения икон в антирождественскую кампанию 1930 года происходили не только в городах, но и в сельской местности. Так, в Московской области в д. Теремчино Коммунистического района крестьяне собрали свои иконы и сожгли их на костре [Колхозники, сжигайте иконы, 1930, с. 5]. Крестьяне с. Чашниково собрали свои иконы в общественном амбаре, а затем сожгли их в Рождественский сочельник [Колхозники, сжигайте иконы, 1930, с. 5].

Следует отметить, что в ряде случаев костры из икон пылали не только в Рождественский сочельник или день Рождества Христова. Массовые сожжения икон в рамках антирождественской кампании 1930 г. осуществлялись в течение всех Святков во многих населенных пунктах. Так, 18 января 1930 г. колхозники «Красного Кургана» привезли все свои иконы в с. Глыбонки и после проведения антирелигиозного митинга сожгли их перед зданием избы-читальни. Со слов безбожного корреспондента, примеру колхозников последовали и крестьяне вышеуказанного села, которые также принесли свои иконы на сожжение [Сожгли угодников, 1930, с. 4].

В одном только с. Верхестолучеево (в настоящее время Воробьевский район Воронежской области) в конце января 1930 г. в местной коммуне было собрано несколько возов икон для последующего сожжения под руководством активиста СВБ С.Е. Чуйкова²²¹.

Советские безбожники были чрезвычайно довольны результатами антирождественской кампании 1930 г., а именно акциями публичного сожжения православных икон: *«Повсюду пылали костры сжигаемых икон»* [Безбожие побеждает, 1930, с. 5].

В данном контексте весьма важно выделить основные причины того, почему советскими безбожниками массовое сожжение икон наиболее интенсивно осуществлялось именно в период с конца 1929 года по первые месяцы 1930 года:

– *Внутриполитическая причина*, обусловленная активно проводимой советской властью политикой коллективизации [Воинствующее безбожие..., 1932, с. 220]; по мнению активистов-безбожников, коллективизация положительно влияла на рост уровня безбожия и, как правило, именно в новообразовавшихся колхозах вчерашние крестьяне разводили костры из своих икон, на которые до недавнего времени с верою молились [Воинствующее безбожие ..., 1932, с. 276–278]. Именно поэтому руководством СВБ СССР и был взят курс на усиление антирелигиозной пропаганды с целью осуществления форсированной борьбы с религиозным сознанием русского народа.

– *Внеинеполитическая причина* была вызвана тем, что в конце 1929 г. в прессе ряда западных стран начала активно тиражироваться информация о том, что в СССР преследуется религия [Свистулька капитала, 1929, с. 1]. В частности, 4 декабря 1929 г. в Английской палате лордов при обсуждении вопроса о возможности восстановления дипломатических отношений с СССР часть заседающих выразилась категорически против, объясняя своё бескомпромиссное отношение к данному вопросу тем, что в СССР «притесняется религия» [Гнусная выходка..., 1930, с. 2]. Затем, уже в начале 1930 г., в защиту верующих советских граждан высказался сам Папа Римский Пий XI и совместно с архиепископом Кентерберийским объявил «крестовый поход молитв» в защиту верующих СССР [Антисоветские упражнения..., 1930, с. 1] и назначил 19 марта 1930 г. молебен против безбожной политики большевиков [О Крестовом походе на СССР, 1930, с. 7]

Советским руководством обвинения в гонении на веру были восприняты крайне болезненно, а сами факты преследования людей за их религиозные убеждения категорически отрицались. Так, в статье «Поповско-сектантская сказка о гонениях на веру» советские безбожники писали следующие: *«Советские законы обеспечивают свободу вероисповеданий, и никаких гонений на веру у нас нет»* [Поповско-сектантская сказка..., 1929, с. 1]. Подобная «клевета» на СССР объяснялась как всегда через призму классового подхода: *«Сказки о*

²²¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 5407. Оп.1. Д. 60. Л. 50.

гонениях на веру в СССР нужны кулакам и нэпманам для того, чтобы с помощью этих сказок привлечь на свою сторону бедноту и середняков, для того, чтобы за границей вести кампанию лжи против СССР» [Поповско-сектантская сказка ..., 1929, с. 1].

Совершенно не вызывает удивления, что в деле противодействия капиталистической пропаганде, справедливо обвинявшей большевистское руководство в гонениях на религию во всех её формах проявления, советское руководство активнейшим образом использовало Союз воинствующих безбожников СССР, что было вполне логично, т. к. СВБ СССР формально являлся общественной организацией, функционирующей как бы без прямого вмешательства советских органов власти. Следовательно, создавалась иллюзия того, что эта общественная организация выражает интересы, волю и чаяния простого советского гражданина, т. е. в идеологическое противодействие с капиталистической пропагандой вступают не коммунистические организации, а обыкновенная общественная организация, консолидирующая граждан СССР.

Отметим, что Союз воинствующих безбожников СССР самым активным образом осуществлял противодействие капиталистической пропаганде как через антирелигиозную прессу, так и осуществляя массовые акции, которые затем широко освещались советской прессой, цель которых заключалась в том, чтобы показать как советским, так и зарубежным гражданам и высокопоставленным государственным и религиозным деятелям, что большая часть граждан СССР придерживается не просто атеистического мировоззрения, а является активными безбожниками, для которых религия – это не просто заблуждение человечества, а орудие классового угнетения [Ярославский, 1930, с. 1]. Так, уже 20 февраля 1930 г. Е. Ярославский выступил на радиовечере заочных курсов антирелигиозного университета с речью под названием: «Как мы должны ответить на "Крестовый поход"», в которой призвал советских безбожников максимально усилить антирелигиозную пропаганду и проявлять максимально возможную активность в борьбе с религией [Как мы должны ответить на «Крестовый поход», 1930, с. 1].

Именно для достижения вышеуказанной цели в рамках «безбожного ответа Папе Римскому» в 1930 г. советскими безбожниками и осуществляются массовые сожжения икон в ряде городов и сел СССР. Отметим, что само руководство безбожников с гордостью заявляло о публичных массовых сожжениях икон в СССР как о наглядном признаке отказа советских граждан от религии и рассматривало проведение данных акций в качестве эффективного средства антирелигиозной пропаганды [О крестовом походе против СССР, 1930, с. 7].

Как правило, антирелигиозные акции выставлялись безбожной прессой как выражение воли народа, который отказался от вековых религиозных воззрений и осознал «вредоносную классовую сущность религии». Так, в газете в «Безбожник» № 11 (369) от 21 февраля 1930 г. в статье под названием «Массы сжигают богов» подробным образом описывается одна из таких антирелигиозных акций, которая состоялась в январе 1930 г. в г. Острогжске Центрально-Чернозёмной области:

«Город наполнился необычным шумом. Площадь коммунаров переполнена народом. Рабочие маслозавода и хлебозавода привезли на санях свои иконы для того, чтобы сжечь их на площади.

– Довольно, отвиселась и хватит, – с такими словами рабочие хлебозавода бросают иконы в пламя. Под звуки туша и крики «ура» горят иконы.

Оратор за оратором появлялись на трибуне. Говорили представители партийных, советских и профессиональных организаций, выступали рабочие, красноармейцы и требовали закрытия церквей.

Под долго не смолкавшие звуки «ура» и звуки «Интернационала» была принята резолюция, требующая закрытия всех церквей города и пригородных сёл» [Гайдуков, 1930, с. 6].

Аналогичные массовые сожжения православных икон в рамках «Безбожного ответа Папе Римскому» активно осуществлялись советскими безбожниками в феврале и марте 1930 г. в ряде населенных пунктов СССР:

– в Баженовском районе Свердловской области было сожжено 12 возов с иконами [Освободились от икон, 1930, с. 6];

– в городе Подольске 8 марта 1930 г. на Советской площади, где собралось около 20 000 рабочих, было сожжено более 1 000 икон, при этом аналогичные митинги с публичным

сожжением сотен икон были проведены в ближайших от г. Подольска селах [Протестуем против..., 1930, с. 4];

– все 13 сел Кревского сельсовета массово сожгли иконы [Колокола на коллективизацию, 1930, с. 1] и т. д.

Акты публичного сожжения икон, организованные советскими безбожниками, широко освещались советской прессой [Ответ рабочих папе Римскому, 1930, с. 10] и документировались советскими фотографиями. Так, до нашего времени сохранились фотографии акции массового сожжения икон в Горловке, фотография икон, заготовленных для аналогичного сожжения в г. Запорожье. Весьма показательны фотоснимки, запечатлевшие колхозников колхоза имени Дзержинского Любавинского сельсовета Гомельского округа [Фотоглаз безбожника, 1930, с. 10], крестьян с. Грушко [Воинствующие безбожники, 1930, с. 18], учеников школы «Юные ленинцы» г. Костромы [Ответ рабочих папе Римскому, 1930, с. 10], на которых видно, что граждане независимо от пола и возраста с явным энтузиазмом предаются святотатству, сжигая православные иконы. Эти фотодокументы являются явным доказательством достижения определенного эффекта антирелигиозной пропаганды в СССР.

Массовые сожжения икон нашли свое отражение и в художественных произведениях. Так, советским художником В.Н. Пчелиным была написана картина под названием «Сожжение икон», на которой радостные и улыбающиеся советские граждане приносят и бросают в костер свои иконы. Картина в 1930 г. находилась на экспозиции в Центральном антирелигиозном музее [Поставим картинные галереи..., 1930, с. 5], т. е. использовалась безбожниками в наглядной антирелигиозной пропаганде.

Советскими безбожниками осуждались самовольные и плохо подготовленные публичные акты сожжения икон, которые, как правило, осуществлялись комсомольскими и иными советскими организациями, для которых ведение антирелигиозной пропаганды не являлось основной задачей [Против ультралевых..., 1930, с. 7], т. к., по мнению советских безбожников, ошибки в проведении подобных мероприятий приводили к снижению результативности акций [Против ультралевых..., 1930, с. 7]. Например, зачастую при проведении комсомольцами актов публичного сожжения православных икон имело место насилие по отношению к верующим, у которых иконы могли изыматься насильственным путем [Против искривлений..., 1930, с. 7]. По мнению профессиональных безбожников, подобное было попросту недопустимо, т. к. настраивало верующих против советской власти, коммунистической идеологии, а сожжение икон, как и иные активные антирелигиозные акты, должно было совершаться на добровольных началах со стороны местных жителей и при их непосредственной поддержке, что, в свою очередь, необходимо было достичь с помощью предварительного проведения грамотной атеистической пропагандистской работы с населением [Против ультралевых..., 1930, с. 7].

Таким образом, акт публичного сожжения икон в отдельно взятом населенном пункте должен был являться следствием успешного завершения безбожной обработки населения, а не её началом.

Массовые сожжения икон продолжали осуществляться советскими безбожниками на протяжении 1930-х годов, но эти акции не носили такого системного характера и гораздо более скромно освещались советскими средствами массовой информации в отличие от антирелигиозной кампании по сожжению православных икон конца 1929 – начала 1930 годов.

Так, например, массовое сожжение храмовых икон произошло при закрытии Никольского храма в с. Селявном Воронежской области уже в 1935 г. [Белоконев, 2024, с. 281].

Рассмотрев проведение советскими безбожниками актов массового сожжения икон с точки зрения политической и антирелигиозно-пропагандистской целесообразности, нельзя не затронуть и возможное оккультное значение данных актов.

Так, в практике ряда сатанинских течений (сатанизм признан экстремистским движением, деятельность сатанинских организаций запрещена на территории Российской Федерации – Авт.) и в том числе среди русских чернокнижников широко практикуется обряд сожжения православных святынь, прежде всего икон и книг, в качестве дьяволопоклоннического ритуала. Могли ли советские безбожники совершать массовое сожжение икон с аналогичной целью? На

первый взгляд, данное утверждение звучит абсурдно, т. к. СББ СССР являлся атеистической, материалистической советской организацией, которой официально были чужды любые религиозные и мистические взгляды. Однако с учетом того, что отдельные члены Центрального совета СББ СССР имели явную склонность к проведению оккультных обрядов [Дорош, 2024, с. 82–90], можно полагать, что отдельные высокопоставленные советские безбожники, стоявшие за популяризацией массового сожжения икон в СССР, преследовали не только политические и пропагандистские, но и некие мистическо-оккультные цели, о которых рядовые исполнители, скорее всего, не имели ни малейшего представления.

Весьма любопытно и то, что для многих безбожников акт сожжения личных икон являлся чем-то вроде инициации в безбожие и марксистское учение, что уподобляло их чернокнижникам и дьяволопоклонникам.

Так, одна из активных безбожниц вспоминала, что у нее до 1924 г. висели иконы, хотя она с 1923 г. сомневалась в существовании Бога, но после того как её избрали членом Бауманского райсовета, она пришла домой и, сняв иконы со стены, в тот же вечер их сожгла, после чего, с её слов, *«с лёгким сердцем подала заявление о вступлении в ВКП(б)»* [Воинствующее безбожие..., 1932, с. 270]. Или, например, в 1930 г. собрание членов коммуны «Красный Октябрь» Лискинского района Центрально-Чернозёмной области приняло решение снять иконы в домах у всех коммунаров и публично сжечь. После сожжения икон молодежь коммуны вступила в ВЛКСМ²²².

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Практика сожжения православных икон в качестве антирелигиозного акта, совершаемого группой лиц или индивидуально, была широко распространена в СССР в 1920–1930-е годы.

2. Публичное сожжение икон и широкое использование данных фактов в пропагандистских целях активно применялись советскими безбожниками в 1920–1930-е гг. в качестве отдельного направления антирелигиозной и идеологической борьбы, направленной как на десакрализацию православных икон в народном сознании, так и в качестве наглядного доказательства странам Запада, что население СССР в своем большинстве придерживается атеистического мировоззрения и негативно относится к религиозным культам и прежде всего к национальной религии русского народа – православному христианству.

3. Руководство СББ СССР подходило к вопросу организации и проведения публичного сожжения икон весьма серьёзно, призывало своих членов осуществлять данные акции после проведения предварительной антирелигиозной работы с населением отдельных населенных пунктов и административных единиц, направленной на то, чтобы граждане, порвав с религией, под воздействием безбожной пропаганды добровольно сожгли свои иконы, т. е. акт сожжения икон должен был выступать в качестве завершающего этапа ведения антирелигиозной работы с населением, а не являться её началом.

4. Наиболее массовые акты публичного сожжения икон в СССР происходили в период с конца 1929 г. по март 1930 г. и были инициированы и проведены СББ СССР в рамках антирождественской кампании 1930 г., проведение которой было обусловлено усилением антирелигиозной деятельности советских безбожников, которая, в свою очередь, была напрямую связана с советской политикой «сплошной коллективизации», а также кампании в рамках «ответа Папе Римскому», т. е. религиозным и политическим лидерам стран Запада, обвинявшим советское руководство в преследовании верующих. Таким образом, массовое сожжение икон было связано с внутривнутриполитическими и внешнеполитическими событиями.

5. Сам факт того, что массовое сожжение икон в СССР на рубеже 1920–1930-х годов осуществлялось в таких масштабах, являясь при этом добровольным актом и фактически не встречая активного противодействия со стороны православных христиан, явилось результатом как высокой эффективности антирелигиозной работы с населением, так и того,

²²² Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р 1714. Оп. 2. Д. 861. Л. 8.

что наиболее активные православные христиане были подвергнуты репрессиям и преследованию со стороны советской власти и, как следствие, не могли помешать многочисленным актам святотатства советских безбожников.

6. Нельзя исключать того, что массовые сожжения православных икон в 1920–1930-е гг. были инициированы руководством советских безбожников не только по причинам усиления антирелигиозной пропаганды и в рамках идеологического противодействия капиталистическим странам Запада, но и для достижения определенных мистическо-окультистских целей, о которых рядовые исполнители на местах, скорее всего, не имели ни малейшего представления.

Список источников

- Антисоветские упражнения папы римского. Безбожник. 1930. 16 февраля. 10(368): 1.
Безбожие побеждает. Безбожник. 1930. 21 января. 5(363): 5.
Безбожник. 1930. 16 января. 4(302): 1.
Валдайский Г. Костер на болоте. Безбожник. 1930. ноябрь. 22: 17–18.
Воинствующее безбожие в СССР за 15 лет. 1917–1932: сборник. 1932. Центральный совет Союза воинствующих безбожников и Институт философии Коммунистической академии. Москва: ОГИЗ: Государственное антирелигиозное издательство: 525.
Воинствующие безбожники. Безбожник. 1930. Март. 6: 18.
В Запорожье сняты все колокола. Безбожник. 1930. 21 января. 5(363): 4.
Гайдуков Ф. Массы сжигают богов. Безбожник. 1930. 21 февраля. 11(369): 6.
Гнусная выходка английской поповщины против СССР. Безбожник. 1930. 6 января. 2(360): 2.
Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р 1714. Совет народных депутатов Центрального района г. Воронежа. Оп. 2. Д. 861. Л. 8.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 5407. Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР. Оп. 1. Д. 60. Л. 50.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р 5407. Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР. Оп. 2. Д. 343.
Как мы должны ответить на «Крестовый поход». Безбожник. 1930. 28 февраля. 12(370): 1.
Колокола на коллективизацию. 1930. 10 марта. 14(372): 1.
Колхозники, сжигайте иконы. Безбожник. 1930. 21 января. 5(363): 5.
Костер на болоте. Безбожник. 1930. Ноябрь. 22: 17–18.
О крестовом походе против СССР. Безбожник. 1930. 28 февраля. 12(370): 7.
Освободились от икон. Безбожник. 1930. 10 марта. 14(372): 1.
Ответ рабочих папе Римскому. Безбожник. 1930. Март. 6: 10.
Плёвая иконка. Безбожник. 1927. январь. 2: 12–13.
Поповско-сектантская сказка о гонениях на веру. Безбожник. 1929. 8 декабря. 50(356): 1.
Поставим картинные галереи и музеи на службу безбожию. Безбожник. 1930. 15 октября. 57(415): 5.
Протестуем против антисоветских выступлений папы Римского. Ответ масс. Безбожник. 1930. 15 марта. 15(373): 4.
Против искривлений в антирелигиозной работе. Безбожник. 5 апреля. 19(377): 7.
Против ультралевых и правых загибов. Безбожник. 1930. 5 апреля. 19(377): 7.
Свистулька капитала. Безбожник. 1929. 8 декабря. 50(356): 1.
Сожгли иконы. Безбожник. 1923а. 11 марта. 13: 1.
Сожгли иконы. Безбожник. 1923б. 6 мая. 20: 5.
Сожгли иконы. Безбожник. 1930. 21 января. 5(363): 5.
Сожгли угодников. Безбожник. 1930. 16 февраля. 10(368): 4.
Церкви закрыли, иконы сожгли. Безбожник. 1930. 21 января. 5(363): 5.
Фотоглаз безбожника. Безбожник. 1930. 5: 10.
Ярославский Ем. Контрреволюция под флагом церкви. Безбожник. 1930. 11 февраля. 9(367): 1.

Список литературы

- Белоконев А.А. 2024. Тернистый путь. Очерки по истории России, Русской православной церкви, Воронежской епархии и Дивногорского монастыря в XX–XXI веках. Воронеж: Издательский дом ВГУ: 408.

- Данченков Ф. 2025. Деятельность Союза воинствующих безбожников в МАССР в 1937–1939 гг. *Церковный историк*. 1(19): 69–86. doi 10.31802/CH.2025.1.19.005
- Дорош А.А. 2024. К вопросу об оккультных наклонностях и мистических практиках отдельных членов Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 4(72): 82–90.
- Евдокимова А.Н. 2020. Деятельность Союза воинствующих безбожников по распространению антирелигиозной печати в Чувашии в 1920–1930-е годы (постановка проблемы). *Вестник Чувашского университета*. 2: 15–25.
- Евсеев Н.Н. 2023. Антирелигиозная пропаганда в Тульской губернии в 1922–1923 гг.: «комсомольское рождество». *Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств*. Т. 10, 4: 430–439. doi 10.18413/2312-3044-2023-10-4-430-439
- Рогозный П.Г. 2024. «Иконоборчество» в первые годы Советской власти (1918–1921 годы). *Вестник Свято-Филаретовского института*. Т. 16. 4(52): 37–54. doi 10.25803/26587599_2024_4_52_37

References

- Belokonev A.A. 2024. Ternistyy put. Ocherki po istorii Rossii. Russkoy pravoslavnoy tserkvi. Voronezhskoy eparkhii i Divnogorskogo monastyrya v XX–XXI vekakh [A Thorny Path. Essays on the History of Russia, the Russian Orthodox Church, the Voronezh Diocese, and the Divnogorsk Monastery in the 20th and 21st Centuries]. Voronezh: Izdatelskiy dom VGU: 408.
- Danchenkov F. 2025. Deyatel'nost' Soyuzov voynstvuyushchikh bezbozhnikov v MASSR v 1937–1939 gg. [Activities of the Union of Militant Atheists in the MASSR in 1937–1939] *Tserkovnyy istorik*. 1(19): 69–86. doi 10.31802/CH.2025.1.19.005
- Dorosh A.A. 2024. K voprosu ob okkul'tnykh naklonnostyakh i misticheskikh praktikakh otdelnykh chlenov Tsentral'nogo soveta Soyuzov voynstvuyushchikh bezbozhnikov SSSR [On the Issue of Occult Inclinations and Mystical Practices of Individual Members of the Central Council of the Union of Militant Atheists of the USSR]. *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(72): 82–90.
- Evdokimova A.N. 2020. Deyatel'nost' Soyuzov voynstvuyushchikh bezbozhnikov po rasprostraneniyu antireligioznoy pechati v Chuvashii v 1920–1930-e gody (postanovka problemy) [The Activities of the Union of Militant Atheists in Disseminating Anti-Religious Literature in Chuvashia in the 1920s and 1930s (Statement of the Problem)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2: 15–25.
- Evseyev N. 2023. Antireligioznaya propaganda v Tuls'koy gubernii v 1922–1923 gg.: «komsomolskoye rozhdestvo» [Anti-Religious Propaganda in the Tula Province in 1922–1923: "Komsomol Christmas"]. *Tractus Aevorum: evolyutsiya sotsiokul'turnykh i politicheskikh prostranstv*. Т. 10. 4: 430–439. doi 10.18413/2312-3044-2023-10-4-430-439
- Rogoznyy P. G. 2024. «Ikonoborchestvo» v pervyye gody Sovetskoy vlasti (1918–1921 gody) ["Iconoclasm" in the First Years of Soviet Power (1918–1921)]. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta*. Т. 16. 4(52): 37–54. doi 10.25803/26587599_2024_4_52_37

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.02.2026

Received 11.02.2026

Поступила после рецензирования 02.04.2026

Revised 02.04.2026

Принята к публикации 04.04.2026

Accepted 04.04.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дорош Андрей Анатольевич, доцент кафедры философии, социологии и истории, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Россия

Andrey A. Dorosh, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and History, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

[ORCID: 0000-0003-1347-5008](https://orcid.org/0000-0003-1347-5008)

УДК 94 (47)«1945»

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-3-680-688

EDN KEUUQF

Оригинальное исследование

Пропаганда в войсках и среди гражданского населения противника в ходе освобождения Австрии (апрель 1945 г.)

Кононов В.А.

Управление Президента Российской Федерации по государственной политике в гуманитарной сфере,
Россия, 103132, г. Москва, Старая площадь, 4

E-mail: vkonsmol@mail.ru

Аннотация. В статье изучена деятельность органов специальной пропаганды 3-го Украинского фронта во время освобождения Австрии от нацизма. В период Венской наступательной операции 1945 г. и после ее завершения 7-й отдел фронтового Политуправления вел активную работу по разложению войск противника, для чего использовались листовки, звуковые передачи, засылка военнопленных и перебежчиков во вражеские части. В результате боеспособность врага снижалась и он все чаще индивидуально и группами сдавался в плен. Одновременно велось пропагандистское воздействие на гражданское население освобождаемых районов, в результате которого оно лояльно относилось к советским войскам и активно возвращалось к мирной жизни.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 3-й Украинский фронт, освобождение Австрии, специальная пропаганда

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Кононов В.А. 2026. Пропаганда в войсках и среди гражданского населения противника в ходе освобождения Австрии (апрель 1945 г.). *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 680–688. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-680-688. EDN: KEUUQF

Propaganda among the Enemy Troops and Civilian Population during the Liberation of Austria (April 1945)

Vladislav A. Kononov

Presidential Executive Office of the Russian Federation for State Policy in the Humanitarian Sphere,
4 Staraya Sq., Moscow 103132, Russia

E-mail: vkonsmol@mail.ru

Abstract. This article examines documents from the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation to examine the activities of the special propaganda agencies of the 3rd Ukrainian Front during the liberation of Austria from Nazism. During the Vienna Offensive of 1945 and its aftermath, the 7th Department of the Front Political Directorate, with the assistance of army political departments and divisional instructors, collected and analyzed information on enemy units, published leaflets and newspapers, organized sound broadcasts, and sent prisoners of war and defectors to enemy forces. As a result of this propaganda, the enemy's combat effectiveness declined, and they increasingly surrendered, both individually and in groups. Simultaneously, propaganda was conducted on the civilian population of the liberated areas, resulting in their loyalty to Soviet troops and their active return to civilian life. The work of the 3rd Ukrainian Front's propaganda agencies was comprehensive, effective, and significant: the Red Army defeated the enemy not only on the battlefield, but also in information and psychological warfare.

Keywords: The Great Patriotic War, 3rd Ukrainian Front, liberation of Austria, special propaganda

Funding. The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Kononov V.A. 2026. Propaganda among the Enemy Troops and Civilian Population during the Liberation of Austria (April 1945). *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 680–688 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-680-688. EDN: KEUUQF

Введение

Пропаганда в войсках противника (спецпропаганда) в годы Великой Отечественной войны явилась одним из важных средств достижения победы СССР над нацистской Германией, ее союзниками и сателлитами. Основной задачей спецпропаганды было морально-психологическое воздействие на вражеских военнослужащих, для чего требовалось применять методы убеждения, использовать достоверную информацию об успехах Красной армии на полях сражений. Возглавлял эту деятельность седьмой отдел Главного управления политической пропаганды РККА под начальством генерал-майора М.И. Бурцева. За работу в Австрии отвечал соответственно седьмой отдел Политуправления 3-го Украинского фронта и подчинявшиеся ему седьмые отделения политуправлений армий, старшие инструктора корпусных и дивизионных политотделов. В то же время следует отметить, что органами военной пропаганды также осуществлялась непосредственная работа с местным населением. Таким образом, деятельность офицеров 7-го отдела Политуправления 3-го Украинского фронта в апреле 1945 г. была достаточно сложной и подразумевала как информационно-психологическое воздействие на войска противника, так и различные меры по восстановлению мирной жизни населения Австрии, чей суверенитет был только что восстановлен.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является деятельность органов спецпропаганды 3-го Украинского фронта в период освобождения Австрии от нацистов. Об освобождении Австрии в годы Великой Отечественной войны, восстановлении ее государственного суверенитета и роли специальной пропаганды в этом процессе писали исследования и публиковали документы многие авторы и авторские коллективы [Красная Армия в Австрии..., 2005; Советская политика в Австрии..., 2006; СССР и Австрия..., 2015; Россия – Австрия..., 2017; Жиряков, 2019; Семенова, 2019]. Из последних работ на эту тему можно назвать главу О.Д. Панкова, А.В. Лебедева и Т.А. Роговой в коллективной монографии «За мир без нацизма: Красная Армия – освободитель Европы. 1944–1945 гг.» [Панков, 2025]. Правда, полученные результаты в основном базируются на опубликованных источниках. Думается, это следует исправить с помощью анализа документов Центрального архива Министерства обороны РФ, содержащих конкретную информацию о способах, содержании и результатах работы органов военной спецпропаганды. Введение этой информации в широкий оборот является целью данной работы и придает ей как актуальность, так и научную новизну. В основу исследования положены принципы объективности, историзма и системности; в работе задействован комплекс общенаучных и специально-исторических методов: аналитический, критический, проблемно-хронологический, ретроспективный.

Результаты и их обсуждение

В течение апреля 1945 г. против войск 3-го Украинского фронта под командованием маршала Ф.И. Толбухина, осуществлявших Венскую наступательную операцию, действовали соединения немецких 6-й танковой армии СС (командующий – оберстгруппенфюрер СС и генерал-полковник танковых войск СС Й. Дитрих) и 2-й танковой армии (командующий – генерал артиллерии М. де Ангелис). После разгрома немецкой группировки в районе Секешфехервара (Венгрия) войска 3-го Украинского фронта, продолжая преследование разбитых частей противника, вступили на территорию Австрии и 6 апреля завязали бои на окраинах Вены. Попытки немецкого командования задержаться на рубеже р. Раба провалились, и немецкие войска, неся большие потери, продолжали отступать вглубь Австрии. Успеху войск

3-го Украинского фронта содействовала работа спецпропагандистов 7-го отдела (начальник – полковник А.Д. Питерский) фронтового Политуправления (начальник – генерал-майор И.С. Аношин), чьей задачей была деятельность по морально-политическому и информационно-психологическому разложению войск противника. По мнению специалистов отдела, большая часть немецких соединений на тот момент была настолько дезорганизована и деморализована, что не могла оказывать серьезного сопротивления наступающим войскам Красной армии²²³.

Особенно это касалось подразделений фольксштурма – «народного ополчения» нацистской Германии, созданного указом Гитлера от 25 сентября 1944 г. В них набирались не призванные в армию мужчины в возрасте от 16 до 60 лет. Фольксштурмовцы были вооружены разного рода эрзац-оружием, и их боевая устойчивость оставляла желать лучшего, что использовалось в советской специальной пропаганде [Великая Отечественная..., 2013, с. 84–85]. Солдаты-фольксштурмовцы при первом удобном случае разбегались, переодевались в гражданскую одежду и прятались в подвалах, ожидая подхода частей Красной армии²²⁴.

Сломив сопротивление противника, войска 3-го УкрФ отбросили остатки разбитых немецких войск на северный берег Дуная и 13 апреля полностью овладели г. Вена²²⁵.

Резкое падение боеспособности, рост дезертирства и количества солдат, уклонявшихся от боя под любыми предлогами, вызвали ряд суровых мер со стороны немецкого командования²²⁶. Несмотря на принятые меры, дезертирство, особенно среди австрийцев, продолжало увеличиваться. Характерным являлось также значительное количество немецких перебежчиков, в том числе из элитных танковых дивизий СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и «Гитлерюгенд»; их число ежедневно достигало 20–30 чел.²²⁷

Отброшенные на запад от Вены в горные районы Австрии, немецкие войска сумели использовать благоприятные для обороны условия местности. Введя в бой новые дивизии, командование противника к концу апреля стабилизировало фронт по линии Кремс, Ормож. Некоторое затишье, наступившее на фронте в конце апреля 1945 г., немецкое командование использовало для приведения в порядок и пополнения разбитых частей. Но к началу мая 1945 г. контратаки противника фактически прекратились, его авиация перестала действовать; войска 3-го УкрФ, выйдя в установленные Ставкой ВГК районы, оставались на прежних рубежах²²⁸ [История Великой..., 1963, с. 216; Русский архив..., 1999, с. 228; Великая Отечественная..., 2013, с. 209].

Всего за апрель 1945 г. войска 3-го Украинского фронта уничтожили 152 051 солдат и офицеров противника (в т. ч. 70 штаб-офицеров, 413 обер-офицеров и 876 унтер-офицеров), 25 285 винтовок, 2 289 автоматов, 1 506 легких, 2 609 станковых и 60 зенитных пулеметов, 722 миномета, 1 622 пушки, 17 гаубиц, 359 зенитных орудий, 29 САУ, 143 самолета, 725 танков, 325 бронемашин, 335 легковых и 6 160 грузовых автомобилей, 136 тракторов, 5 спецмашин, 1 363 мотоцикла, 3 694 велосипеда, 104 рации, 10 400 снарядов, 324 бронетранспортера, 78 паровозов, 1 381 вагон. В плен было захвачено 73 694 чел., в т. ч. 3 генерала, 299 штаб-офицеров, 637 обер-офицеров и 1 105 унтер-офицеров. Трофеями частей 3-го УкрФ стали 39 052 винтовки, 4 559 автоматов, 1 232 легких, 2 438 станковых и 177 зенитных пулеметов, 620 минометов, 1 778 пушек, 8 гаубиц, 113 зенитных орудий, 269 самолетов, 725 танков, 81 бронемашин, 294 легковых и 7 418 грузовых автомобилей, 19 спецмашин, 360 тракторов, 3 112 мотоциклов, 2 196 велосипедов, 315 раций, 6 326 снарядов, 246 130 патронов, 34 САУ, 15 бронетранспортеров, 265 паровозов, 25 035 вагонов, 125 складов²²⁹ (при этом собственные потери войск фронта за тот же месяц равнялись 78 128 чел., в т. ч. 15 299 убитыми, 54 970 ранеными и 1 411 пропавшими без вести²³⁰).

²²³ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 32. Оп. 11306. Д. 662. Л. 218–219.

²²⁴ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 662. Л. 218.

²²⁵ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 2017. Л. 266.

²²⁶ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 662. Л. 289.

²²⁷ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 662. Л. 290.

²²⁸ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 2034. Л. 5, 12, 19.

²²⁹ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 2018. Л. 45–45 об.

²³⁰ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 2018. Л. 43.

Стабилизация линии фронта не произвела качественного влияния на морально-политическое состояние войск противника. Решающие поражения немецких войск в Германии и Венгрии, потеря Вены и части австрийской территории создали среди большинства солдат и офицеров твердое мнение, что Германия долго не продержится и потому конец войны близок. Сознание того, что война бесповоротно проиграна и ее окончание – вопрос недалекого будущего, являлось в это время одним из характерных моментов в политико-моральном состоянии войск противника²³¹.

Перешедшие на советскую сторону 21.04.1945 г. солдаты-немцы из саперного батальона дивизии СС «Викинг» Эргард Клейбер и Вернер Бок показывали: «Наша дивизия в боях при отступлении потеряла не менее половины своего состава... Всем нам ясно, что война проиграна. Но солдаты не знают, что предпринять, так как в равной степени боятся и сдачи в плен, и дезертирства. Все находятся в состоянии полной растерянности». Военнопленный обер-ефрейтор Конрад Мунст из 1-го сборного батальона «Экхард» показал: «Боевой дух солдат чрезвычайно низкий... Германия почти полностью оккупирована. У многих солдат зреет раздражение лично против фюрера, который, как мне кажется, просто не хочет кончать войну»²³².

Лишь незначительная часть нацистски настроенных солдат под влиянием фашистской пропаганды еще продолжала рассчитывать на успешную оборону в Альпах и применение новых видов оружия [Зульцман, 1957, с. 535; Бордюгов, 2015, с. 30; Могилевский, 2019, с. 40]. Показания пленных и захваченные документы свидетельствовали, что немецкое командование готовилось к войне в горах и организовывало переброску диверсионных групп через линию фронта с целью борьбы против Красной армии, что не вызывало энтузиазма у местного населения. С целью поднятия боеспособности войск немецкое командование продолжало принимать все более суровые меры. Перешедший на советскую сторону солдат 807-го зенитного батальона Иоган Вошитц показал: «На этот участок фронта я прибыл вместе с группой молодых солдат в 200 человек из авиашколы. К нам присоединились 130 солдат из уже воевавших различных частей СС. Солдаты говорили, что нам не доверяют. Эти 130 эсэсовцев были расположены в нашем тылу. Они должны были расстреливать молодых солдат в случае их отступления. Нас бросали в бой после принятия напитка, который солдаты называли “антирусиш”. Под действием этого напитка солдаты становились невменяемыми»²³³.

Однако все это плохо работало – уклонение от боя, стремление держаться подальше от передовой принимали разные формы; солдаты использовали любую возможность, чтобы задержаться в тыловых подразделениях и не быть в районах боев. Большинство солдат противника осознало явную бесцельность дальнейшей борьбы, у них особенно возрос страх перед гибелью в последние дни войны. В апреле 1945 г. в Австрии немецким войскам был нанесен тяжелый удар, окончательно развеявший надежды на благоприятный исход войны для Германии. Все свидетельствовало о неуклонной деморализации немецких войск, действовавших в апреле 1945 г. против 3-го Украинского фронта²³⁴.

Основным средством воздействия на противника в ходе информационно-психологической борьбы на 3-м Украинском фронте была печатная пропаганда. В апреле 7-м отделом было издано 51 название листовок, лозунгов и плакатов тиражом 14 794 500 экз., из них на немецком языке – 45 названий (тираж 14 390 500 экз.), на венгерском – 5 названий (303 000 экз.), на французском – 1 название (41 000 экз.). По тематике издания разделялись так: общеполитические – 9 (1 333 000 экз.), листовки к конкретным противостоящим частям противника – 9 (1 038 000 экз.), информационные – 8 (2 308 000 экз.), для населения Австрии – 19 (9 729 500 экз.), от имени НКСГ – 1 (23 000 экз.) (НКСГ – Национальный Комитет «Свободная Германия»). Комитет был организован в сентябре 1943 г. из военнопленных немецких офицеров и генералов. К началу 1945 г. в нем состояло более 50 генералов и свыше 7 тыс. офицеров, а количество специалистов – доверенных лиц НКГС и их помощников,

²³¹ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 662. Л. 291.

²³² ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 1933. Л. 65–66.

²³³ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 1933. Л. 66.

²³⁴ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 662. Л. 291.

задействованных в ведении пропаганды на немецкие войска, – равнялось 2 тыс. чел. [Великая Отечественная..., 2015, с. 602–603; Суржик, 2010, с. 53–54]). 7-ми отделениями армейских политотделов за то же время было издано 46 листовок общим тиражом 988 000 экз. Всего по фронту за апрель 1945 г. было издано 98 названий пропагандистской литературы тиражом 15 782 500 экз. Апрель 1945 г. в итоге явился рекордным месяцем для 3-го УкрФ за все время войны по количеству изданий к войскам и населению противника²³⁵.

Основная масса листовок по содержанию делилась на две категории. К первой относились листовки к немецким войскам, посвященные разгрому и развалу гитлеровской армии, призывавшие их к капитуляции и сдаче в плен. Ко второй относились листовки, связанные с вступлением советских войск в Австрию, пропагандировавшие цели и задачи Красной армии в Австрии, доносившие декларации и заявления советского правительства об Австрии, обращения командующего фронтом маршала Ф.И. Толбухина к австрийскому населению и населению г. Вены, документы, изданные новым правительством Австрии и др. [История Великой..., 1963, с. 212–214; Русский архив..., 1999, с. 221–222; Великая Отечественная..., 2013, с. 206; Кружков, 2019, с. 34]. Что касается эффективности воздействия листовок, то о ней можно было судить уже по тому факту, что все перебежчики и добровольно сдавшиеся немецкие солдаты и офицеры имели при себе советские листовки²³⁶.

Значительное внимание уделялось и устной пропаганде. В апреле было проведено звукопередач: 483 – через МГУ (мощная громкоговорящая установка) и ЗВС (звукотрансляционная станция), 1 738 – через ОЗС (окопная звуковая станция), 263 – через рупоры. Звукосредства были сконцентрированы против соединений противника, в составе которых было много австрийцев, и батальонов фольксштурма. Для выступлений через МГУ и ОЗС широко привлекались военнопленные и перебежчики. Действенность устной пропаганды повысилась как из-за успехов советских войск, так и за счет улучшения качества содержания [Мощанский, 2010, с. 59]. По неполным данным, в апреле 1945 г. на звук звукостанций 3-го УкрФ перешли 403 чел., из них больше половины австрийцев. 11 апреля в районе работы звукостанции на советскую сторону перешли 24 солдата-украинца из 5-й роты 29-го полка 14-й пд СС «Галиция». История на этом не закончилась. 12 апреля на участке 3-й гв. воздушно-десантной дивизии была вновь организована звукопередача на украинском языке (всего с 12 по 23 апреля были проведены 24 передачи на русском и украинском языках к солдатам и офицерам 14-й пд «Галиция»). В качестве дикторов использовались перебежчики Кунько и Зыблюк из 2-го батальона 29-го полка 14-й пд СС «Галиция». Они обратились к своим товарищам с призывом последовать их примеру и перейти на сторону Красной армии. После окончания передачи из вражеских окопов поднялось 45 солдат и, подняв руки вверх, направились к советским позициям. По ошибке по ним был открыт огонь; украинские эсэсовцы залегли на нейтральной полосе. Со стороны противника по ним также был открыт огонь. Четыре человека сдались на участке соседней части, остальные дождались темноты и тоже сдались в плен²³⁷.

Еще одной формой работы специалистов 3-го УкрФ по разложению вражеских войск являлась обратная засылка военнопленных. В апреле 1945 г. в расположение противника было заслано 243 военнопленных. 175 чел. вернулись, приведя с собой 1 502 солдат и офицеров противника. Засылка в этот период проводилась главным образом с целью разложения батальонов фольксштурма, вражеских частей, оборонявших Вену, и остатков венгерских войск. Засылка пленных наряду с устной пропагандой сыграла большую роль в разложении батальонов фольксштурма. Во время боев за город Фюрстенфельд в расположение 42-го батальона фольксштурма, сформированного из жителей этого города, было заброшено 6 фольксштурмовцев с целью распространения листовок и агитации за плен и дезертирство. Рассказы вернувшихся произвели большое впечатление на солдат батальона, многие фольксштурмовцы разошлись по домам, а часть добровольно сдалась в плен. После занятия

²³⁵ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 662. Л. 291.

²³⁶ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 662. Л. 292.

²³⁷ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 662. Л. 293–294; Ф. 243. Оп. 2900. Д. 1933. Л. 64.

Фюрстенфельда жители города подтвердили, что почти все солдаты 42-го батальона во время боев за город разбежались. Всего за апрель в результате работы, проведенной засланными в расположение 41-го и 161-го батальонов фольксштурма военнопленными, на советскую сторону перешло 329 солдат. Многие фольксштурмовцы дезертировали, прятались в лесах и горах, а после освобождения Красной армией их родных мест возвращались домой; так, в селе Панендорф домой вернулись 23, в селе Цалиг – 32, в селе Деберсдорф – 35 человек²³⁸.

Но prerogatives 7-го отдела Политуправления 3-го УкрФ не ограничивались военной пропагандой; важное место среди них занимала работа с гражданским населением освобожденных районов, и в первую очередь с жителями Вены. Для организации пропаганды среди населения австрийской столицы 10.4.1945 г. была направлена оперативная группа работников 7-го отдела. После создания Временного правительства Австрии (было сформировано из представителей коммунистической, социалистической и народной партий Австрии во главе с социалистом К. Реннером) на первом заседании 27 апреля 1945 г. была утверждена Декларация независимости. Аншлюс 1938 г. был объявлен недействительным [Жиряков, 2007, с. 30; Жиряков, 2019, с. 91; Панков, 2025, с. 396]. Соответственно, широко пропагандировались материалы о новом австрийском правительстве. Кроме того, всеми средствами до населения Вены доводились сообщения о победах Красной армии и войск союзников.

Вслед за передовыми частями в город были направлены 2 фронтовые МГУ, ЗВС и МГУ 4-й гв. армии и специальная агитмашина Политуправления фронта. Их экипажи проводили звукопередачи, организовывали беседы и митинги, где разъясняли содержание советских и международных документов об Австрии, демонстрировали советские кинофильмы. Во время передач жители выходили из подвалов и собирались около установок. Обращение маршала Толбухина к населению Вены встречалось аплодисментами. После ознакомления с ним жители активно помогали советским бойцам, указывали, где скрываются немецкие солдаты, где находятся вражеские танки, орудия и т. д. 29 апреля 1945 г. в связи с созданием Временного правительства Австрии и поднятием национального флага над парламентом на площади у последнего работали МГУ и звуковещательный отряд. Продолжавшийся 4 часа концерт австрийской и русской музыки слушали свыше 10 тыс. чел. Всего в апреле к населению Вены было проведено 492 передачи через МГУ и 76 передач через ОЗС.

Значительная работа была проведена по линии печатной пропаганды. Еще до вступления советских войск в Вену фронтовой авиацией было сброшено более 2 млн листовок. После освобождения города среди жителей было распространено 520 тыс. листовок с заявлением советского правительства об Австрии, 1 400 тыс. листовок с информацией об образовании Временного правительства Австрии, 330 тыс. экз. специального выпуска «Австрийской газеты» с сообщениями Совинформбюро. Всего среди населения Вены за апрель 1945 г. было распространено свыше 5 млн листовок и плакатов. С 15 апреля для австрийского населения начала выходить «Австрийская газета»; до конца месяца было издано 4 номера общим тиражом 200 тыс. экз., из этого количества в Вене было распространено 184 тыс. экз. Также работники 7-го отдела помогали организовать выпуск газеты «Новая Австрия». С 23 апреля газета выходила тиражом 300 тыс. экз. [Великая Отечественная..., 2014, с. 154]. Была проведена работа по организации деятельности культурных учреждений австрийской столицы. На второй день после освобождения города было создано совещание представителей науки, культуры и искусства. Собравшиеся выразили желание участвовать в восстановлении культурной жизни города. В результате принятых мер начали работу филармония и многие театры. К 1 мая в Вене функционировало уже 20 кинотеатров, демонстрировались советские фильмы. Перед началом сеансов работники 7-го отдела и армейских отделений сообщали последние известия и объясняли содержание фильмов²³⁹.

Не оставались без внимания пропагандистов и другие австрийские города и населенные пункты. При помощи работников фронтового 7-го отдела и армейских 7-х отделений было создано 16 городских военных комендатур и организованы местные органы власти. В большинстве

²³⁸ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 1933. Л. 65.

²³⁹ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 662. Л. 297–299.

населенных пунктов бургомистрами были назначены старые бургомистры, занимавшие эти должности до аншлюса Австрии. В городах Поссинг, Грос-Петердорф, Оберварт и др. начали работу промышленные предприятия и ремонтные мастерские, восстановилась торговля. За месяц в городах и населенных пунктах Австрии было проведено 400 передач через МГУ и 194 передачи через ОЗС, распространено более 4,5 млн листовок и 16 тыс. экз. «Австрийской газеты». Работники отдела и отделений провели более 820 митингов, собраний, групповых собеседований с местным населением. Во многих случаях после собраний и митингов демонстрировались советские кинофильмы. В ряде населенных пунктов активную помощь политработникам оказывали деятели демократических партий, бывшие бургомистры и служители церкви. Люди переселялись из подвалов в дома и принимались за восстановление хозяйства²⁴⁰.

Заключение

Подводя итоги, можно заметить, что деятельность специалистов 7-го отдела Политуправления 3-го Украинского фронта в период освобождения Австрии в апреле 1945 г. отличалась сложностью и комплексностью, включая в себя как информационно-психологическое воздействие на немецкие войска, так и мероприятия по налаживанию мирной жизни гражданского населения страны. Под воздействием специальной пропаганды все больше военнслужащих противника сдавались в плен и переходили на сторону Красной армии, что играло важную роль в сбережении жизни советских солдат и офицеров и приближении окончательной победы над немецко-фашистскими войсками. Одновременно сотрудники полковника А.Д. Питерского и генерал-майора И.С. Аношина закладывали основы взаимодействия советских военных властей и жителей Австрии, которые имели важное значение в послевоенные годы и увенчались Государственным договором о восстановлении независимой и демократической Австрии, подписанном в Вене 15 мая 1955 года.

Список источников

Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 32. Оп. 11306. Д. 662.
ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 1933.
ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 2017.
ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 2018.
ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 2034.

Список литературы

Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. 2015. Вторая мировая война: арсенал средств и результаты столкновения германской и советской пропагандистских машин. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 3: С. 27–36.
Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 11. Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и Вооруженными силами СССР в годы войны. 2015. Москва, Кучково поле, 864 с.
Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. 2013. Москва, Кучково поле, 864 с.
Великая Отечественная война. 1941–1945. Документы и материалы. Том II. Информационное сопротивление в годы войны. 2014. Москва, ПОЛИГРАФ-СЕРВИС, 354 с.
Жиряков И.Г. 2019. Из истории советской пропаганды в Австрии в 1945–1955 годах: Документы и размышления. *Вестник МГУ. Серия: Исторические науки*. 3: 98–106.
Жиряков И.Г. 2019. К вопросу о целях советской политики в Австрии, «планах» СССР по ее «советизации»: некоторые размышления. *ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы*. 3: 86–97.
Жиряков И.Г. 2007. Образование Временного правительства Австрии в 1945 г.: историко-правовые аспекты. *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 3: 29–35.
Зульцман Р. 1957. Пропаганда как оружие в войне. Итоги второй мировой войны. Москва, Издательство иностранной литературы, 641 с.

²⁴⁰ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 662. Л. 301–302.

- История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 г. (в 6 томах). Т. 5. 1963. – Москва, Воениздат, 655 с.
- Красная Армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955: Документы. 2005. Грац; Вена; Мюнхен, 980 с.
- Кружков В.А. 2019. Как Австрия победила нацизм. *Международная жизнь*. 76: 32–43.
- Могилевский Н.А. 2019. «Навстречу русским должна быть брошена наша ненависть...». Пропганда и контрпропганда в вермахте на заключительном этапе войны. *Военно-исторический журнал*. 2: 38–43.
- Мошанский И.Б. 2010. Информационная война. Органы спецпропганды Красной армии. Москва, Вече, 384 с.
- Панков О.Д., Лебедев А.В., Рогова Т.А. 2025. «Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай...»: о малоизвестных фактах освобождения Австрии Красной Армией весной 1945 года. За мир без нацизма: Красная Армия – освободитель Европы. 1944–1945 гг. Отв. ред. С.И. Филоненко. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет, 632 с.
- Россия – Австрия: вехи совместной истории. 2017. Москва, Энерджи Пресс, 249 с.
- Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16(5–4). 1999. Москва, ТЕРРА, 368 с.
- Семенова В.К. 2019. Советская политика в Австрии в 1945 году после освобождения страны от фашизма в освещении российской историографии. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2: 59–70.
- Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сборник документов. 2006. Москва, АИРО-XXI; СПб., «Дмитрий Буланин», 656 с.
- СССР и Австрия на пути к Государственному договору. 1945–1955. Образы и тексты. 2015. Москва, РОССПЭН, 455 с.
- Суржик Д. Оружие слова. Советская спецпропганда в годы Великой Отечественной войны. 2010. *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. 1: 47–60.

References

- Bordyugov G.A., Kotelenec E.A. 2015. Vtoraya mirovaya vojna: arsenal sredstv i rezul'taty stolknoveniya germanskoj i sovetskoj propagandistskih mashin [World War II: The Arsenal of Means and Results of the Clash between the German and Soviet Propaganda Machines]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod]. 3: 27–36.
- Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 11. Politika i strategija Pobedy: strategicheskoe rukovodstvo stranoy i Vooruzhennymi silami SSSR v gody vojny. 2015 [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols. Vol. 11. The Victorious Final. Politics and Strategy of Victory: Strategic Leadership of the Country and the Armed Forces of the USSR during the War]. Moscow, Kuchkovo pole, 864 p.
- Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 5. Pobednyj final. Zavershayushchie operacii Velikoj Otechestvennoj vojny v Evrope. Vojna s Yaponiej [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 volumes. Vol. 5. Victorious Finale. Concluding Operations of the Great Patriotic War in Europe. War with Japan]. 2013. Moscow, Kuchkovo pole, 864 p.
- Velikaya Otechestvennaya vojna. 1941–1945. Dokumenty i materialy. Tom II. Informatsionnoe protivoborstvo v gody vojny. 2004. [The Great Patriotic War. 1941–1945. Documents and Materials. Volume II. Information Resistance during the War]. Moscow, POLIGRAF-SERVIS, 355 p.
- Zhiryakov I.G. 2019. Iz istorii sovetskoj propagandy v Avstrii v 1945–1955 godah: Dokumenty i razmyshleniya [From the History of Soviet Propaganda in Austria in 1945–1955: Documents and Reflections]. *Vestnik MGU. Seriya: Istoricheskie nauki* [Moscow State University Bulletin. Series: Historical Sciences]. 3: 98–106.
- Zhiryakov I.G. 2019. K voprosu o celyah sovetskoj politiki v Avstrii, «planah» SSSR po ee «sovetizacii»: nekotorye razmyshleniya [On the Question of the Goals of Soviet policy in Austria, the USSR's "Plans" for its "Sovietization": Some Reflections]. *LOKUS: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* [LOCUS: People, Society, Cultures, Meanings]. 3: 86–97.
- Zhiryakov I.G. 2007. Obrazovanie Vremennogo pravitel'stva Avstrii v 1945 g.: istoriko-pravovye aspekty [Formation of the Provisional Government of Austria in 1945: Historical and Legal Aspects]. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN University Bulletin. Series: Legal Sciences]. 3: 29–35.
- Zul'cman R. 1957. Propaganda kak oruzhie v vojne [Propaganda as a Weapon in War]. *Itogi vtoroj mirovoj vojny* [Results of World War II]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 641 p.

- Istoriya Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuz. 1941–1945 g. (v 6 tomakh). T. 5. 1963. [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. 1941–1945 (in 6 volumes). Volume 5]. Moscow, Voenizdat, 655 p.
- Krasnaya Armiya v Avstrii. Sovetskaya okkupaciya 1945–1955: Dokumenty. 2005 [The Red Army in Austria. Soviet Occupation 1945–1955: Documents]. Graz; Vienna; Munich, 980 p.
- Kruzhkov V.A. 2019. Kak Avstriya pobedila nacizm [How Austria Defeated Nazism]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs]. 76: 32–43.
- Mogilevskij N.A. 2019. «Navstrechu russkim dolzhna byt' broshena nasha nenavist'...». Propaganda i kontrpropaganda v vermahte na zaklyuchitel'nom etape vojny ["Our hatred must be hurled at the Russians..." Propaganda and Counter-Propaganda in the Wehrmacht during the Final Stages of the War]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal]. 2: 38–43.
- Moshchanskij I.B. 2010. *Informacionnaya vojna. Opgany specpropagandy Krasnoj armii* [Information Warfare. Red Army Propaganda Organs]. Moscow, Veche, 384 p.
- Pankov O.D., Lebedev A.V., Rogova T.A. 2025. «Pomnit Vena, pomnyat Al'py i Dunaj...»: o maloizvestnykh faktah osvobozhdeniya Avstrii Krasnoj Armiej vesnoj 1945 goda ["Vienna remembers, the Alps and the Danube remember...": On Little-Known Facts about the Liberation of Austria by the Red Army in the Spring of 1945]. *Za mir bez nacizma: Krasnaya Armiya – osvoboditel' Evropy. 1944–1945 gg.* [For a World without Nazism: The Red Army – the Liberator of Europe. 1944–1945]. Otv. red. S.I. Filonenko. Voronezh, Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 632 p.
- Rossiya – Avstriya: vekhi sovmestnoj istorii [Russia – Austria: Milestones of a Shared History]. 2017. Moscow, Enerdzh Press, 249 p.
- Russkij arkhiv: Velikaya Otechestvennaya: Stavka V GK. Dokumenty i materialy 1944–1945. T. 16(5–4). 1999. [Russian Archive: Great Patriotic War: Supreme Command Headquarters. Documents and Materials. 1943]. Vol. 16(5–4). Moscow, Terra, 368 p.
- Semenova V.K. 2019. Sovetskaya politika v Avstrii v 1945 godu posle osvobozhdeniya strany ot fashizma v osveshchenii rossijskoj istoriografii [Soviet Policy in Austria in 1945 after the Liberation of the Country from Fascism as Covered by Russian Historiography]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science]. 2: 59–70.
- Sovetskaya politika v Avstrii. 1945–1955 gg. Sbornik dokumentov [Soviet Policy in Austria. 1945–1955. Collection of Documents]. 2006. Moscow, AIRO-HKHI; SPb., «Dmitrij Bulanin», 656 p.
- SSSR i Avstriya na puti k Gosudarstvennomu dogovoru. 1945–1955. Obrazy i teksty [The USSR and Austria on the Path to the State Treaty. 1945–1955. Images and Texts]. 2015. Moscow, ROSSPEN, 455 p.
- Surzhik D. 2010. Sovetskaja specpropaganda v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Soviet Special Propaganda during the Great Patriotic War]. *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij* [Journal of Russian and East European Historical Studies]. 1: 47–60.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.05.2026

Received 06.05.2026

Поступила после рецензирования 12.08.2026

Revised 12.08.2026

Принята к публикации 14.08.2026

Accepted 14.08.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кононов Владислав Александрович, кандидат исторических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3-го класса, референт, Управление Президента Российской Федерации по государственной политике в гуманитарной сфере, г. Москва, Россия

Vladislav A. Kononov, Candidate of Sciences in History, Actual 3d Class State Counselor of the Russian Federation, Assistant, Presidential Administration of the Russian Federation for State Policy in the Humanitarian Sphere, Moscow, Russia

 [ORCID: 0009-0008-2951-8440](https://orcid.org/0009-0008-2951-8440)

УДК 94:631.115.6(470.323)"1945/1948"

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-689-699

EDN JTSFMS

Оригинальное исследование

Феномен Героя Социалистического Труда в колхозном производстве первых послевоенных лет: микроисторическое исследование на примере Валуйского района Курской области

Аргунов О.Н.

Государственный архив Курской области,
Россия, 305000, г. Курск, ул. Ленина, 57E-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Аннотация. Большинство современных исследователей рассматривают проблемы аграрной истории через призму традиционных методов исторической науки и вполне типичного набора исторических источников – отчетной делопроизводственной, учетной и статистической документации обобщающего характера. В настоящей статье нами вводится в научный оборот ранее практически не использовавшийся комплекс исторических источников – годовые отчеты колхозов, и с их помощью предпринимается попытка рассмотреть особенности функционирования колхозной системы в послевоенные годы. Беря в качестве источниковой базы годовые отчеты колхозов Валуйского района Курской области за 1945–1948 гг., удалось прийти к следующим умозаключениям. Хозяйственные показатели развития сельскохозяйственной артели не были решающими при награждении кого-то из ее членов высшими государственными наградами. На наш взгляд, куда более важным был критерий выполнения обязательных государственных поставок и натуроплаты МТС, и, по всей видимости, исходя из него, рассматривался вопрос о награждении. В этой связи звание Героя Социалистического Труда для тружеников сельхозартелей необходимо рассматривать не столько как констатацию трудового подвига (данный факт при этом нами не оспаривается) и его в некотором смысле фиксацию, а как создание некоего ориентира в выстраивании вполне конкретной модели хозяйствования, что, в свою очередь, указывает на наличие определенной автономности колхозов в экономической системе страны.

Ключевые слова: Курская область, Валуйский район, колхоз, сельское хозяйство, урожай, государственные поставки, натуроплата МТС, зерновые культуры

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Аргунов О.Н. 2026. Феномен Героя Социалистического Труда в колхозном производстве первых послевоенных лет: микроисторическое исследование на примере Валуйского района Курской области. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 689–699. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-689-699. EDN: JTSFMS

Phenomenon of the Hero of Socialist Labor in Collective Farm Production in the First Post-War Years: A Microhistorical Study Using the Example of the Valuiki District of the Kursk Region

Oleg N. Argunov

State Archive of the Kursk Region,
57 Lenin St., Kursk 305000, RussiaE-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Abstract. Most modern researchers approach problems of agrarian history through the prism of traditional historical methods and a fairly typical set of historical sources, including record management, accounting, and

statistical documentation of a general nature. In this article, we introduce into scholarly discourse annual reports of collective farms as a previously virtually unused set of historical sources. Thus we attempt to examine the operation of the collective farm system in the postwar years. Using annual reports of collective farms in the Valuiki District of the Kursk Region for 1945–1948 as our source material, we have reached the following conclusions. The economic performance of an agricultural cooperative was not the main criterion for conferring the highest state awards to any of its members. In our opinion, the fulfillment of mandatory state deliveries and payment in kind to the Machine-Tractor Stations was a far more important factor, and the award decision was probably based on it. In this regard, the title of Hero of Socialist Labor for workers of agricultural cooperatives should be viewed not so much as a statement of labor feat (we do not dispute this fact) and a way to record it in history, but as the creation of a certain guideline in the construction of a very specific model of management, which indicates the presence of a certain autonomy of collective farms in the country's economic system.

Keywords: Kursk region, Valuysky District, collective farm, agriculture, harvest, government supplies, payment in kind by Machine-Tractor Stations, grain crops

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Argunov O.N. 2026. Phenomenon of the Hero of Socialist Labor in Collective Farm Production in the First Post-War Years: A Microhistorical Study Using the Example of the Valuiki District of the Kursk Region. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 689–699 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-689-699. EDN: JTSFMS

Введение

В 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял три Указа – от 2 января, 4 мая и 25 сентября²⁴¹, которыми были удостоены звания Героя Социалистического Труда 16 курян-колхозников: двое мужчин и 14 женщин. Это были сельские труженики из Валуйского, Великомихайловского, Воловского, Волоконовского, Глушковского, Золотухинского, Рыльского, Скороднянского, Старооскольского и Томаровского районов.

При этом интересны достижения, за которые они были удостоены наград. К примеру, звание Героя Социалистического Труда было присвоено Ф.П. Максимову (председатель колхоза «Красный Октябрь» Рыльского района) за получение урожая свеклы по 618 ц с га на площади 8 га. Его односельчанка М.Н. Иванова (звеньевая вышеуказанной сельхозартели) получила урожай свеклы по 630 ц с га на площади 2 га. В.Г. Двойных и К.З. Лелякова (звеньевые колхоза «Завет Ильича» Рыльского района) добились урожая сахарной свеклы по 605 и 610 ц с га на площади по 2 га соответственно. Е.М. Короткова (звеньевая колхоза «Красный Октябрь» Валуйского района) получила урожай пшеницы в 30,25 ц с га на площади 8 га, а Е.И. Парфенова (звеньевая колхоза им. Тельмана Великомихайловского района) – 30,07 ц с га ржи на площади 8 га²⁴². У прочих колхозников достижения были аналогичными.

Таким образом, констатируем, что, согласно вышеуказанным примерам, колхозники награждались исключительно за личные достижения в своей непосредственной трудовой деятельности. Это соответствовало идее «сакрализации “борьбы за хлеб как важнейшей государственной задачи”» [Кондрашин, Сухова, 2019, с. 984]. Однако, на наш взгляд, это лишь официальные формулировки, обусловленные идеологической природой самой награды. Истинные мотивы награждения были, по нашему мнению, несколько иными, и они, в общем, соответствовали тренду «ужесточения практик внеэкономического принуждения по отношению к колхозной деревне» [Кондрашин, Сухова, 2019, с. 988]. Для того чтобы разобраться в них, нами было проведено микроисторическое исследование, выполненное на материалах Валуйского района Курской области.

Объект и методы исследования

Микроистория как часть глобального исторического знания и как один из перспективнейших методов исторических исследований только начинает входить в актуальное

²⁴¹ Курская правда. 1948. 2 янв. № 2; 5 мая. № 89; 26 сент. № 192.

²⁴² Курская правда. 1948. 5 мая. № 89.

исследовательское поле отечественной исторической науки [Побережников, 2010, с. 8–13]. Особенности Архивного фонда Российской Федерации серьезным образом затрудняют микроисторические изыскания, однако сам метод способен дать ученому возможность с несколько иного ракурса посмотреть на уже знакомую проблему. В определенной степени новаторским данный метод может выступить при изучении вопросов экономической истории, когда историк рассматривает макроэкономические проблемы через призму отдельных хозяйственных единиц, и синтез информации идет по индуктивному принципу.

Настоящая статья представляет собой попытку посмотреть на феномен Героя Социалистического Труда в колхозном производстве послевоенного времени с точки зрения экономических показателей сельхозартелей, в которых работали люди, удостоенные этого высокого звания. Были ли эти колхозы действительно передовыми, и какими критериями руководствовались власти, удостоивая сельских тружеников данной наградой. Поэтому объектом нашего исследования выступает колхозное хозяйство Валуйского района Курской области в первые послевоенные годы.

Так как годовой отчет колхоза – это сложный исторический источник, состоящий из более чем двух десятков разделов и нескольких сотен показателей [Аргунов, 2021, с. 130–138], нами преимущественно были проанализированы следующие данные:

- о численности трудоспособного населения сельхозартелей и выработанных им трудодней;

- о посевах ключевых зерновых культур, об их урожайности и валовом сборе;
- об объемах государственных поставок и натуроплате МТС;
- об объемах и характере выполненных работ МТС на колхозных полях;
- об обеспечении заработанных колхозниками и трактористами трудодней.

Обобщение этих сведений, на наш взгляд, дает в целом достаточно объективные представления об объемах и характере колхозного производства, что, в свою очередь, позволит сделать уже обобщающие выводы с перспективой дальнейшего их масштабирования на более широкие географические рамки.

Результаты и их обсуждение

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1948 г. Екатерина Максимовна Короткова, звеньевая колхоза «Красный Октябрь» Валуйского района, была удостоена звания Героя Социалистического труда²⁴³. Она являлась единственным сельским тружеником в районе, получившим эту высокую награду. Нами выше уже приводились сведения, какой трудовой подвиг она совершила в 1947 г. И стоит отметить, что на фоне средних районных показателей ее успех действительно впечатляет.

Так, согласно обобщенным данным, полученным от 56 колхозов, имевшихся в Валуйском районе, сельхозартель в 1947 г. засеяли озимой пшеницей 1 449 га, собрали с этой площади 20 281 ц зерна, получив среднюю урожайность в 14 ц с га. По яровой пшенице картина была аналогичная: засеяли и убрали 3 057 га, собрали 38 818 ц, средняя урожайность составила 12,7 ц с га²⁴⁴. В условиях послевоенного восстановления аграрного производства урожай можно оценить как отличный. Более того, он и на фоне региональных показателей выглядел достаточно впечатляюще. Средняя урожайность озимой пшеницы в области в 1947 г. составила 10,7 ц с га, а яровой – 9,7 ц с га²⁴⁵.

Однако анализ 56 годовых отчетов колхозов Валуйского района за 1947 г. показывает некоторые нюансы.

Так, сельхозартель «Путь Свободы» (председатель И.А. Агошков) получила среднюю урожайность озимой пшеницы даже больше, чем звено Е.М. Коротковой: с 13 га в среднем было получено 33 ц с га, а общий валовый сбор данной культуры в колхозе составил 504 ц.

²⁴³ Курская правда. 1948. 5 мая. № 89.

²⁴⁴ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 336. Л. 74 об.

²⁴⁵ ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 17. Д. 1. Л. 160 об.

Озимая рожь дала по 11,3 ц с га с площади в 43 га, яровая пшеница – по 20 ц с га с площади в 30 га, ячмень – по 22 ц с га с площади 6 га. В среднем же колхоз получил по 18,1 ц с га зерновых культур с площади в 125 га. Общий валовый сбор составил 2 176 ц. При этом на полях колхоза техника вообще не работала, а колхозники получили в среднем на один выработанный трудодень по 1,42 рубля, 4,1 кг зерна, 0,2 картофеля и пр.²⁴⁶

Таким образом, необходимо констатировать, что получение рекордного урожая явно не могло являться первопричиной выдвижения колхозника на получение высокой правительственной награды. Однако какой критерий все же являлся ключевым в данном вопросе?

В 1947 г. в колхозе им. Ворошилова (председатель Д.Е. Гончаров) техника МТС работала только на осеннем севе, все весенние полевые работы, а также уборка урожая прошли вручную. При этом сельхозартель получила внушительный урожай: по 15,6 ц с га с 5 га озимой пшеницы, по 10,6 ц с га с 28 га озимой ржи, по 14,2 ц с га с 5 га яровой пшеницы, по 14,2 ц с га с 11,5 га ячменя. В общей сложности колхозом было получено 900 ц зерновых с убранных 57,5 га, средняя урожайность составила 16,5 ц с га²⁴⁷.

Минимальное использование техники МТС в 1947 г. также можно было наблюдать и в колхозе им. 1-го Мая (председатель Т.Н. Дронов), но полученный им урожай был весьма солидным. Средняя урожайность зерновых составила 14,4 ц с га с площади в 257,9 га. При этом озимая пшеница дала 25,9 ц с га на площади 46,5 га, озимая рожь – 11,8 ц с га с площади 106,6 га, яровая пшеница – 13,2 ц с га с 43,2 га и пр.²⁴⁸ Похожая картина была и в колхозах «Знамя коммуны» (председатель И.К. Корнев): получил среднюю урожайность в 14,5 ц с га зерновых культур с площади 103,8 га, а валовый сбор зерновых составил 1 774 ц; «Красный Луч» (председатель Н.С. Герасимов): с 139,6 га, засеянных зерновыми культурами, колхоз получил 1 425 ц зерна при средней урожайности в 10,2 ц с га, в которых техника МТС вообще не использовалась²⁴⁹.

При этом в трех из четырех вышеуказанных колхозах, за исключением сельхозартеля им. Ворошилова, средняя выдача зерна на один отработанный трудодень составляла более 3 кг²⁵⁰ (в колхозе им. Ворошилова – 2,54 кг²⁵¹), что было выше средней районной выдачи в 2,36 кг на один трудодень²⁵². А если их сравнивать со средними областными показателями (1,35 кг на трудодень²⁵³), то в этих колхозах зерна на один выработанный трудодень выдавалось более чем в два раза.

Отметим, что фактором, объединяющим представленные выше колхозы, является минимальное использование техники МТС на своих полях. Следовательно, на сельхозартели либо вообще не начислялась натуроплата за работы МТС, либо она была минимальной.

В то же время на полях колхоза им. 1-го Мая (председатель А.Т. Коломышев), судя по его годовому отчету, весьма активно работала техника МТС, но урожай был получен на уровне 1946 г. Сельхозартель засеяла 375,5 га зерновыми культурами, смогла убрать только 287 га, получив с этой площади 1 288,9 ц зерновых, то есть лишь по 4,5 ц с га²⁵⁴. Значительную часть полевых работ техника МТС выполнила также в колхозе «Первоавгустовский» (председатель Д.А. Аладын), но при этом средняя урожайность зерновых по колхозу составила 10,5 ц с га на площади 469,5 га. В общей сложности урожай был получен в 4 884 ц зерновых культур²⁵⁵. Похожая ситуация имела место также в колхозах им. Жданова²⁵⁶, им. Челюскинцев²⁵⁷, «Ленинский путь»²⁵⁸, им. Молотова²⁵⁹ и др.

²⁴⁶ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 249. Л. 233–240 об.

²⁴⁷ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 249. Л. 17–24 об.

²⁴⁸ Там же. Л. 50 об., 54 об.

²⁴⁹ Там же. Л. 201–208 об., 289–298 об.

²⁵⁰ Там же. Л. 52 об., 204 об., 300 об.

²⁵¹ Там же. Л. 20 об.

²⁵² ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 336. Л. 76 об.

²⁵³ ГАКО. Ф. Р-5006. Оп. 17. Д. 1. Л. 162 об.

²⁵⁴ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 249. Л. 25–32 об.

²⁵⁵ Там же. Л. 121–128 об.

²⁵⁶ Там же. Л. 145–152 об.

²⁵⁷ Там же. Л. 161–168 об.

²⁵⁸ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 249. Л. 177–184 об.

²⁵⁹ Там же. Л. 281–288 об.

В этих же колхозах, как правило, выдача на трудодни трактористам была существенно выше, нежели работавшим колхозникам. В той же сельхозартели «Ленинский путь» (председатель Н.И. Сопин) в среднем на трудодень колхозникам выдали 2,3 кг зерна, а трактористам и комбайнерам – по 3,5 кг²⁶⁰, в им. Молотова (председатель К.Т. Павлов) – по 2,2 и 3 кг соответственно²⁶¹. Кроме того, значительная часть собранного урожая уходила на натуроплату работ МТС, которая была сопоставима с обязательными поставками. Тот же колхоз «Первоавгустовский» сдал 840 ц зерна по обязательным поставкам и 778 ц – натуроплаты, а сельхозартель им. Молотова – 856 и 1 299 ц соответственно²⁶², причем последняя даже не выполнила планов поставок.

Как можно констатировать исходя из данных примеров, контраст между данными группами колхозов достаточно явный. А к какой из данных групп относился колхоз, в котором работала Е.М. Короткова?

Итак, сельхозартель «Красный Октябрь» (председатель Ф.И. Поляков) с засеянных зерновыми культурами 799 га в 1947 г. получила 12 708 ц зерна, то есть средняя урожайность составила 15,8 ц с га. При этом озимая пшеница дала в среднем 16,8 ц с га, яровая пшеница – 15,5 ц с га, озимая рожь – 15,8 ц с га, ячмень – 17 ц с га²⁶³. Значительный урожай позволил выдать внушительное количество зерна на один трудодень: в среднем по 4,4 кг как колхозникам, так и трактористам, в связи с тем, что значительная часть наиболее трудоемких сельскохозяйственных работ в колхозе выполнялась техникой МТС. Более того, сельхозартель перевыполнила план по обязательным поставкам, сдав государству 1 760 ц зерна, а также сдала 3 282 ц зерна по натуроплате МТС. Однако при таких впечатляющих показателях в колхозе имелся один нюанс: из 229 членов трудоспособного возраста 81 не работали непосредственно в колхозе, а 20 трудоспособных женщин не выполнили обязательного минимума трудодней²⁶⁴. При этом в годовом отчете колхоза за 1946 г. отмечалось, что большая часть селян, проживавших в сельхозартели, но не работавших в ней, трудились в местной МТС²⁶⁵. В 1947 г., вероятнее всего, практика работы тружеников этого колхоза лишь расширилась.

Таким образом, можно констатировать, что колхоз «Красный Октябрь» не был передовиком по урожайности, но существенно больше, чем в других сельхозартелях в районе, на его полях работала техника МТС, и он значительно больше в связи с этим сдавал государству зерна, выполняя главное свое обязательство перед страной. В этой связи констатируем, что именно выполнение налоговых обязательств колхозов можно считать ключевым критерием, использовавшимся при выдвижении отдельных колхозников на награждение правительственными наградами.

Данные умозаключения подтверждаются также анализом списков награжденных сельских тружеников, которые публиковались в газете «Курская правда». Так, 9 мая 1948 г. в газете вышла заметка, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1948 г. «за получение высоких урожаев пшеницы, ржи и сахарной свеклы при выполнении колхозом обязательных поставок и натуроплаты за работы МТС и обеспеченности семенами зерновых культур для весеннего сева 1948 года» орденом Ленина были награждены 42 человека, орденом Трудового Красного Знамени – 369 человек, медалью «За трудовую доблесть» – 827 человек, медалью «За трудовое отличие» – 706 человек²⁶⁶. Среди 411 орденосцев 36 человек – колхозники Валуйского района. Из них 10 – труженики колхоза «Красный Октябрь», среди которых: председатель Ф.И. Поляков и М.С. Кравцова награждались орденом Ленина, а колхозница Д.Г. Щеткина, звеньевые А.Г. Бобкова, М.В. Дятлова, Т.Б. Дятлова,

²⁶⁰ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 249. Л. 180 об.

²⁶¹ Там же. Л. 284 об.

²⁶² Там же. Л. 124 об., 284 об.

²⁶³ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 249. Л. 170 об.

²⁶⁴ Там же. Л. 169–176 об.

²⁶⁵ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 169. Л. 144.

²⁶⁶ Курская правда. 1948. 9 мая. № 92.

бригадиры И.М. Коротков, П.А. Коротков, Т.П. Хусточка, агроном Г.С. Сильченко – орденом Трудового Красного Знамени. Также среди награжденных были 7 человек из колхоза «Красная заря», 6 – колхозники сельхозартели «Волховстрой», 3 – из колхоза им. Кирова, по двое – из колхозов «8 марта» и «Серп и молот», по одному – из колхозов «Путь Ленина», «Искра», «Новая деревня». Примечательно, что также три колхозницы сельхозартели «Путь свободы» были награждены орденом Трудового Красного Знамени: это звеньевые А.Д. Абрамова, М.Д. Агошкова и М.Д. Грецова²⁶⁷. То есть заслуги колхоза в некотором смысле признавались, но он все равно оставался в тени тех сельхозартелей, которые сдавали больше хлеба государству, что подтверждают не только анализ годовых отчетов колхозов Валуйского района за 1947 г.²⁶⁸, но и вышеприведенная газетная формулировка.

Однако открытым остается вопрос, являются ли эти награждения разовой акцией или все же это был своеобразный итог оценки работы сельхозартелей в послевоенные годы. Для того чтобы ответить на данный вопрос, нами были также проанализированы годовые отчеты колхозов Валуйского района за 1945–1946 гг. и для итоговой проверки гипотезы также за 1948 г.

Итак, изучение материалов годовых отчетов колхозов Валуйского района за 1945 г. показало, что урожайность зерновых культур в колхозе имела обратно пропорциональную зависимость от численности населения колхоза, использования техники МТС и количества обрабатываемых площадей.

К примеру, колхоз «8 марта» (председатель Т.Н. Дронов) в 1945 г. имел всего 383 человека населения, из которых 117 были трудоспособными (14 мужчин и 103 женщины), из них только 98 были заняты в колхозном производстве. При этом из трудоспособных не выработали минимума трудодней только трое. Сельхозартелью в 1945 г. было засеяно и полностью убрано 235 га зерновых культур, которые дали среднюю урожайность в 11,1 ц с га при плановой в 9,5. Отдельные культуры дали очень высокую урожайность: к примеру, пшеница дала 18,1 ц с га при плане в 10,7 ц с га, яровая пшеница – 14,8 при плане в 9. Это позволило колхозу сдать государству 734 ц зерна обязательных поставок и 299 ц натуроплаты за работу МТС²⁶⁹.

Или же колхоз «Знамя коммунизма» (председатель Е.Е. Агошков), в котором из 306 человек населения было 28 мужчин и 92 женщины в трудоспособном возрасте, из которых 14 не работали в сельхозартели. То есть непосредственно в колхозном производстве участвовали 106 человек, из которых 22 не выработали обязательного минимума трудодней. При этом на площади 27 га был выращен средний урожай яровой пшеницы в объеме 10 ц с га. Также стоит отметить, что данный колхоз вообще не использовал технику МТС, поэтому сдал государству по обязательным поставкам только 360 ц зерна²⁷⁰.

Аналогичная картина была и в сельхозартели «Путь свободы» (председатель Я.М. Путлин), в которой проживали 246 человек, в том числе 17 мужчин и 66 женщин трудоспособного возраста (из числа последних 15 не выполнили минимума выработки трудодней). Но при этом колхоз, не используя техники МТС, вырастил весьма приличный урожай зерновых: по 10 ц с га озимой ржи с площади 38 га; по 22 ц с га пшеницы на 5 га; 10 ц с га яровой пшеницы с площади в 25 га, сдав 419 ц зерновых культур по обязательным поставкам²⁷¹.

При этом отмечалось, что во всех трех колхозах был плохо поставлен учет трудодней по звеньям, что делало невозможным выявление лучших тружеников²⁷². Также стоит отметить, что вышеописанные примеры являлись вполне типичными для Валуйского района в 1945 г.: похожее положение наблюдались в колхозах «Путь Ленина»²⁷³, им. Чапаева²⁷⁴ и др.

²⁶⁷ Курская правда. 1948. 11 мая. № 93; 12 мая. № 94.

²⁶⁸ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 249. Л. 1–451 об.

²⁶⁹ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 105. Л. 344–349 об.

²⁷⁰ Там же. Л. 323–328 об.

²⁷¹ Там же. Л. 309–314 об.

²⁷² ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 105. Л. 328 об.

²⁷³ Там же. Л. 64–69 об.

²⁷⁴ Там же. Л. 78–83 об.

Также стоит привести примеры колхозов «Волховстрой» (председатель Н.Т. Назин) и им. Калинина (председатель Н.И. Салькова). В первом из 530 человек населения были трудоспособными только 35 мужчин и 155 женщин, во втором проживали 563 человека, из них 30 мужчин и 160 женщин трудоспособного возраста. Обе сельхозартели активно использовали технику МТС на своих полях: трактористами были выработаны 2 375 трудодней в колхозе «Волховстрой» и 1 403 трудодня – в им. Калинина. При этом в первом средняя урожайность озимой пшеницы 5,3 ц с га и яровой – 6,7 ц с га, а во втором – 5,0 и 4,7 ц с га. При этом первый сдал по обязательным поставкам 1 211 ц и по натуроплате за работу МТС 625 ц зерна, а второй – 354 и 265 ц зерна, а также еще 158 ц в хлебный фонд Красной армии ²⁷⁵.

В то же время в колхозе «Красный Октябрь» из 108 трудоспособных колхозников 37 не выполнили обязательного минимума трудодней за 1945 г., то есть более трети тружеников сельхозартели в недостаточной степени участвовали в общественных сельскохозяйственных работах. Причем стоит отметить, что среди не выработавших обязательный минимум трудодней были только женщины. При этом сельхозартель получила среднюю урожайность зерновых культур в 6,2 ц с га, собрав 36 214 ц с площади в 768 га. Большую роль в полевых работах сыграла техника МТС (трактористы в колхозе заработали 2 290 трудодней), в связи с чем колхоз сдал государству 891 ц зерна в качестве натуроплаты МТС и еще 1 955 ц в качестве обязательных поставок ²⁷⁶.

Как известно, Курская область в 1946 г. оказалась в эпицентре самой масштабной за весь XX в. засухи, накрывшей территорию страны [Аргунов, 2016], но даже в этих экстремальных условиях отдельным колхозам удавалось выращивать вполне неплохие урожаи.

Так, колхоз «8 марта» даже в условиях засухи 1946 г. имел достаточно высокую урожайность зерновых относительно погодных условий: так, 30 га посеянной озимой пшеницы была получена средняя урожайность в 10,1 ц с га, с 79 га озимой ржи – по 5,2 ц с га, с 53 га яровой пшеницы – по 3,5 ц с га. В среднем же урожайность зерновых культур по колхозу составила 4,2 ц с га с площади 243 га. Причем стоит заметить, что в сельхозартели были убраны все засеянные осенью и весной площади. Общий объем урожая составил 1 214 ц зерновых культур, из которых колхоз 379 ц сдал государству по обязательным поставкам и 43 ц по натуроплате МТС. Кроме того, в сельхозартели часть урожая (364 ц зерна) распределили на выработанные трудодни: в среднем вышло по 0,8 кг хлеба на один трудодень. Также была выдана и продовольственная ссуда на сумму в 945 рублей или около 130 кг зерна ²⁷⁷.

Неплохой урожай получил колхоз «Знамя Коммуны» того же района, в котором из 319 жителей было 32 мужчины и 83 женщины трудоспособного возраста, из которых 6 мужчин и 39 женщин не выполнили обязательного минимума трудодней, но при этом техника МТС не обрабатывала их поля. Колхоз смог получить по 5 ц с га озимой ржи с площади в 36 га и по 4,6 ц с га яровой пшеницы с площади в 20 га, в общей сложности собрав 325 ц хлеба, из которых 81 ц был сдан по обязательным госпоставкам ²⁷⁸. Аналогичная картина была и в колхозе «Путь Свободы», в котором техника МТС также не работала на полях. Озимые рожь и пшеница, а также яровая пшеница дали соответственно по 6, 4,5 и 4 ц с га, причем потерь засеянных площадей не было. Колхоз смог собрать урожай в размере 483 ц, из которых было сдано государству 134 ц ²⁷⁹.

В колхозе «Красный Октябрь» из 34 трудоспособных мужчин, проживавших в сельхозартели, 13 работали в МТС. Во многом поэтому, на наш взгляд, большая часть работ в колхозе была выполнена техникой МТС ²⁸⁰. Урожайность в этом колхозе была существенно меньше, чем в сельхозартели им. 8 Марта, в котором техника МТС на полях использовалась в кратно меньших объемах: в среднем 4,1 ц с га. На значительной части площадей, занятых зерновыми культурами, урожай и вовсе погиб: были убраны только 471,5 га зерновых культур из

²⁷⁵ Там же. Л. 85–90 об., 148–153 об.

²⁷⁶ Там же. Л. 197–202 об.

²⁷⁷ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 169. Л. 17–24 об.

²⁷⁸ Там же. Л. 192–197 об.

²⁷⁹ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 169. Л. 240–245 об.

²⁸⁰ Там же. Л. 144, 151.

703,5 га засеянных осенью и весной. Но за счет хорошего урожая озимой ржи (7,2 ц с га) колхозу удалось собрать 1 951 ц хлеба, из которых 592 ц ушло государству по обязательным поставкам и еще 377 ц – как натуроплата работ МТС ²⁸¹. Как можно видеть, значительная часть урожая сельхозартеля ушла государству, в то время как на трудодни было распределено лишь 107 ц зерна.

Кроме того, фронтальный анализ годовых отчетов колхозов Валуйского района за 1946 г. показал, что в колхозах, где основную часть обмолота проводили с помощью техники МТС, итоговая урожайность была существенно меньше, чем в сельхозартелях, где уборка и обмолот колхозники производили вручную. Так, в колхозе «Волховстрой» удалось сохранить посевы всех основных зерновых культур, но урожайность была крайне низкой: озимая пшеница дала 2,5 ц с га, озимая рожь – 4,6 ц с га, яровая пшеница – 1,6 ц с га, а ячмень – лишь 0,6 ц с га. При этом из 457 га убранных зерновых урожай с 455 га обмолачивался молотилками МТС ²⁸². Аналогичная ситуация также была в колхозах «Искра» ²⁸³, им. Кагановича ²⁸⁴, «Путь Ленина» ²⁸⁵, им. Калинина ²⁸⁶ и др.

Анализ годовых отчетов колхозов Валуйского района за 1948 г. показал фактически идентичную картину, наблюдаемую нами в аналогичных материалах 1945–1947 гг. Несмотря на то, что в 1948 г. погодно-климатические условия были несколько хуже, чем в 1947 г., колхозы, ориентировавшиеся на собственные силы и использовавшие технику МТС на своих полях по минимуму, продолжили получать вполне стабильные и относительно высокие урожаи.

Среди примеров можно привести небольшой колхоз «Путь Ленина» (председатель Я.Т. Фоминов), в нем проживали 86 трудоспособных колхозников, из которых 15 не работали в сельхозартели. С засеянных зерновыми культурами 92,5 га колхоз собрал 1 036 ц зерна, имея среднюю урожайность в 11,2 ц с га. При этом, к примеру, озимая пшеница дала урожайность в 16 ц с га ²⁸⁷. Хороших результатов добился такой же небольшой колхоз им. Ворошилова (председатель Д.Е. Гончаров), также практически не использовавший технику МТС на своих полях: валовый сбор зерновых составил 576 ц с 59 га. Урожайность составила 9,7 ц с га, при этом озимая пшеница дала по 15,7 ц га ²⁸⁸. Неплохой урожай получили труженики колхоза «Знамя Коммуны» (председатель И.К. Корнев), не использовавшие технику МТС: со 103,5 ц с га они получили урожай 1 017 ц, то есть 9,8 ц с га. Хорошую урожайность дали озимые культуры и низкую – яровые. При этом колхоз полностью выполнил госпоставку, а также выдал колхозникам по 1,05 кг зерна в среднем на трудодень ²⁸⁹. Успешно провели 1948 г. и колхозники сельхозартеля «Путь Свободы» (председатель И.А. Агошков), также не использовавшие технику МТС, получив урожай в 1 244 ц зерновых с площади в 130 га, урожайность – 9,5 ц с га ²⁹⁰. Свои обязательства по госпоставкам эти сельхозартели выполнили в полном объеме, но совершенно не сдавали зерна по натуроплате за работы МТС.

Низкая урожайность зерновых культур в 1948 г. была обусловлена не только неурожаем яровых зерновых, но и, как удалось установить, неудовлетворительной работой техники МТС на колхозных полях. Так, в колхозе «Яркая звезда» (председатель Е.И. Староконев) озимые пшеница и рожь дали урожайность 16,3 и 9,8 ц с га, а вот яровая пшеница и ячмень – только 3,3 и 0,2 ц с га ²⁹¹. В колхозе им. Ватутина (председатель П.Г. Коростылев) ячмень погиб на всей площади посева в 40 га ²⁹². И такая картина была типична для большинства сельхозартелей района, но для колхозов, поля которых обрабатывала техника МТС, ситуация была даже хуже.

²⁸¹ Там же. Л. 144–151 об.

²⁸² Там же. Л. 313 об., 319.

²⁸³ Там же. Л. 328 об., 334.

²⁸⁴ Там же. Л. 344 об., 350.

²⁸⁵ Там же. Л. 353 об., 359.

²⁸⁶ Там же. Л. 369 об., 375.

²⁸⁷ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 374. Л. 11–20 об.

²⁸⁸ Там же. Л. 21–30 об.

²⁸⁹ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 375. Л. 11–20 об.

²⁹⁰ Там же. Л. 51–60 об.

²⁹¹ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 374. Л. 113 об.

²⁹² Там же. Л. 125 об.

Так, в колхозе «Красный партизан» (председатель С.Г. Пинчуков) техника МТС выполняла все основные сельскохозяйственные работы, за исключением уборки. Однако при этом урожайность в колхозе была ниже среднего: 6,6 ц с га, сельхоз артель получила 2 777 ц с площади 341 га ²⁹³. При этом натуроплата МТС составила 766 ц, что было даже больше обязательных поставок колхоза, размер которых составлял 720 ц. Абсолютно аналогичная ситуация была и в сельхозартели им. Кирова (председатель С.В. Алимов), где на работу тракторных бригад было израсходовано 2 333 трудодня, но при этом урожайность зерновых составила 7,54 ц с га: с 571,5 га было собрано всего 4 310,5 ц зерна. При этом колхозники получили в среднем на один заработанный трудодень 0,52 кг зерна, а трактористы – 2,58 ²⁹⁴.

Однако были и исключения. Так, колхоз им. Челюскинцев (председатель А.Т. Аладин), израсходовавший на оплату труда трактористов 2 022 трудодня, получил вполне средний урожай в 9,9 ц с га, собрав с 547 га, засеянных зерновыми культурами, 4 647 ц зерна. При этом озимые пшеница и рожь дали урожайность в 25,7 и 12,99 ц с га соответственно, а яровая пшеница и ячмень – 5,8 и 5,2 ц с га. Выдача на один трудодень зерна для колхозников составила 2 кг, а для трактористов – 2,9 кг. Но, стоит отметить, большая часть урожая была убрана вручную. Однако из 7 458,7 ц зерновых культур, собранных колхозом, он сдал государству 1 557,4 ц по госпоставкам и 1 822,1 ц как натуроплату работ МТС ²⁹⁵.

Стоит отметить, что ситуация в колхозе им. Челюскинцев была схожа с обстановкой в сельхозартели «Красный Октябрь». Колхоз в 1948 г. получил вполне средний урожай зерновых культур: собрали 6 151 ц с 692 га, урожайность по зерновым составила 8,9 ц с га. Озимые пшеница и рожь дали 22,2 и 9,17 ц с га соответственно, а вот яровая пшеница и ячмень – только 4 и 2,53 ц с га. В связи с интенсивным использованием техники МТС на своих полях колхоз сдал по натуроплате 1 951 ц зерна, а по госпоставкам – 1 355 ц, таким образом сдав больше половины собранного урожая ²⁹⁶.

Исходя из приведенных выше примеров, можно видеть, что натуроплата за работы МТС в 1948 г. по размерам была сопоставима с объемами обязательных государственных поставок колхозов. Это указывает на усиление налогового гнета на колхозы со стороны государства и заинтересованность в максимально возможном использовании техники МТС, даже если ее применение в определенной степени наносило вред колхозному производству.

Заключение

Таким образом, изучение годовых отчетов колхозов Валуйского района Курской области за 1945–1948 гг. указывает на следующие тенденции в сельскохозяйственном производстве региона. Как отдельные хозяйственные единицы, колхозы были заинтересованы в расширении применения трудовых практик, в основе которых лежал ручной труд колхозников, при минимизации использования техники МТС. Это позволяло большую часть урожая оставить в сельхозартели и использовать ее на собственные нужды, а не сдавать государству в качестве натуроплаты. В то же время государство было заинтересовано в обратном процессе, когда колхозные работы максимально механизировались, что позволяло государству получить дополнительный доход. Однако, судя по изученным документам, выбор стратегии работы колхоза все же оставался за самими сельхозартелями (тезис еще нуждается в уточнениях). Одни делали упор на интенсификацию индивидуальных маломеханизированных практик и форм организации труда, что в исследуемые годы, несомненно, позволяло добиваться весьма неплохих урожаев. Другие же делали ставку на активное использование техники на своих полях и, несмотря на зачастую откровенно халатное отношение к выполнению своих работ со стороны трактористов, находились в фарватере официальной государственной политики по механизации сельскохозяйственного производства. Как можно видеть, «акцент делался на обязательствах колхозов перед государством, а не на трансформации производственных отношений и налоговой нагрузке» [Шалак, 2014, 288].

²⁹³ Там же. Л. 141–150 об.

²⁹⁴ Там же. Л. 191–200 об.

²⁹⁵ Там же. Л. 201–210 об.

²⁹⁶ ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 375. Л. 211–220 об.

В этой связи награждение сельских тружеников правительственными наградами за, казалось бы, индивидуальные трудовые подвиги все же, на наш взгляд, необходимо рассматривать в контексте определенного невербального сигнала другим селянам и колхозам, участвовавшим в сельскохозяйственном производстве. Через символические, статусные меры поощрения (ввиду отсутствия возможности широкого применения материальных мер) государство выделяло нужных ему акторов с целью создания необходимого образа правильного сельского труженика. Поэтому феномен Героя Социалистического Труда в колхозном производстве первых послевоенных лет это скорее не констатация и фиксация трудового подвига, а необходимый государству инструмент, главная задача которого показать, как необходимо работать и организовывать труд. Данный тезис, нуждающийся в дальнейшем эмпирическом подтверждении, говорит о том, что изучать проблему награждения государственными наградами колхозников необходимо под несколько другим углом, нежели как это принято в настоящее время.

Список источников

- Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-3168. Управление сельского хозяйства исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 5. Д. 105.
ГАКО. Ф. Р-3168. Управление сельского хозяйства исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 5. Д. 169.
ГАКО. Ф. Р-3168. Управление сельского хозяйства исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 5. Д. 249.
ГАКО. Ф. Р-3168. Управление сельского хозяйства исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 5. Д. 336.
ГАКО. Ф. Р-3168. Управление сельского хозяйства исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 5. Д. 374.
ГАКО. Ф. Р-3168. Управление сельского хозяйства исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 5. Д. 375.
ГАКО. Ф. Р-5006. Статистическое управление Курской области ЦСУ РСФСР. Оп. 17. Д. 1.
Курская правда. 1948. 2 янв. № 2.
Курская правда. 1948. 5 мая. № 89.
Курская правда. 1948. 9 мая. № 92.
Курская правда. 1948. 11 мая. № 93.
Курская правда. 1948. 12 мая. № 94.
Курская правда. 1948. 26 сент. № 192.

Список литературы

- Аргунов О.Н. 2021. Годовой отчет колхоза как источник по истории аграрного развития Курской области во второй половине 1940-х гг. Проблемы аграрной истории России: материалы IV Всероссийской научной конференции (памяти профессора В.М. Важинского), посвященной 160-летию крестьянской реформы в России: Липецк, 23 апреля 2021 года. Липецк, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского: 130–138.
Аргунов О.Н. 2016. Социально-хозяйственная жизнь курской деревни в послевоенный период. Проблема голода. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 3. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/044-007.pdf>
Кондрашин В.В., Сухова О.А. 2019. Колхозная система как основной ресурс мобилизационной экономики СССР в 1930–1950-х гг. *Новейшая история России*. 9(4): 979–992.
Побережников И.В. 2010. Микроистория: Действия и структуры в историческом контексте. *Уральский исторический вестник*. 4(29): 8–13.
Шалак А.В. 2014. Система обязательных поставок и проблема стимулирования колхозного труда в 1940-е гг. *Историко-экономические исследования*. 15(2): 285–308.

References

- Argunov O.N. 2021. Godovoj otchet kolxoza kak istochnik po istorii agrarnogo razvitiya Kurskoj oblasti vo vtoroj polovine 1940-x gg. [The Annual Report of the Collective Farm as a Source on the History of

Agricultural Development of the Kursk region in the Second Half of the 1940s]. Problemy` agrarnoj istorii Rossii: materialy` IV Vserossijskoj nauchnoj konferencii (pamyati professora V.M. Vazhinskogo), posvyashhennoj 160-letiyu krest`yanskoj reformy` v Rossii: Lipeczk, 23 aprelya 2021 goda. Lipeczk, LGPU imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo: 130–138.

Argunov O.N. 2016. Social'no-hozyajstvennaya zhizn' kurskoj derevni v poslevoennyj period. Problema goloda. Uchenye zapiski [Social and Economic Life of the Kursk Village in the Post-War Period. The Problem of Hunger]. *Ucheny`e zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/044-007.pdf>

Kondrashin V.V., Suxova O.A. 2019. Kolxoznaya sistema kak osnovnoj resurs mobilizacionnoj e`konomiki SSSR v 1930–1950-x gg. [The Collective Farm System as the Main Resource of the Mobilization Economy of the USSR in the 1930–1950s]. *Novejshaya istoriya Rossii*. 9(4): 979–992.

Poberezhnikov I.V. 2010. Mikroistoriya: Dejstviya i struktury` v istoricheskom kontekste [Microhistory: Actions and Structures in Historical Context]. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 4(29): 8–13.

Shalak A.V. 2014. Sistema obyazatel`ny`x postavok i problema stimulirovaniya kolxoznogo truda v 1940-e gg. [The System of Compulsory Deliveries and the Problem of Stimulating Collective Farm Labor in the 1940s]. *Istoriko-e`konomicheskie issledovaniya*. 15(2): 285–308.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.02.2026

Received 05.02.2026

Поступила после рецензирования 12.05.2026

Revised 12.05.2026

Принята к публикации 14.05.2026

Accepted 14.05.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Аргунов Олег Николаевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-исследовательской работе, Государственный архив Курской области, г. Курск, Россия

Oleg N. Argunov, Candidate of Sciences in History, Deputy Director for Research, State Archive of the Kursk Region, Kursk, Russia

 [ORCID: 0000-0001-8593-6622](https://orcid.org/0000-0001-8593-6622)

УДК 364-3-056.263|21|(470.325)
DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-700-704
EDN JVYQZP
Оригинальное исследование

Проектная деятельность как механизм социальной интеграции инвалидов по слуху в Белгородской области в 2000-е – начале 2020-х гг.

Шаханин В.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: v.schahanin@yandex.ru

Аннотация. На примере Белгородской области в статье прослеживается трансформация проектной деятельности регионального отделения Всероссийского общества глухих (ВОГ) в период с 2000-х до начала 2020-х годов. Исследуются 11 грантовых программ, реализованных в 2020–2022 годах при участии федеральных структур (Фонд президентских грантов, Президентский фонд культурных инициатив) и региональных органов власти. Суммарный объём привлечённых средств превысил 5 млн рублей. Автор обосновывает, что грантовая деятельность выступала не только источником финансирования, но и действенным средством социокультурной адаптации лиц с нарушением слуха, а также катализатором внутренних институциональных изменений. В фокусе внимания – формирование устойчивых инфраструктурных элементов: диспетчерских служб сурдоперевода, музейных экспозиций с адаптированным сопровождением, образовательных курсов по жестовому языку. Итоговый вывод: переход к проектной модели позволил Белгородскому РО ВОГ закрепить свои позиции в качестве значимого участника региональной социальной политики.

Ключевые слова: инвалидность по слуху, Всероссийское общество глухих (ВОГ), грантовая поддержка, проектные механизмы, социокультурная адаптация, безбарьерная среда, Белгородский регион

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Шаханин В.А. 2026. Проектная деятельность как механизм социальной интеграции инвалидов по слуху в Белгородской области в 2000-е – начале 2020-х гг. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 700–704. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-700-704. EDN: JVYQZP

Project Activities as a Mechanism for Social Integration of the Hearing Impaired in the Belgorod Region in the 2000s – Early 2020s

Vadim A. Shakhinin

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: v.schahanin@yandex.ru

Abstract. Drawing on the case of the Belgorod region, this article traces the evolution of project-based work undertaken by the regional branch of the All-Russian Society of the Deaf from the 2000s to the early 2020s. The author examines 11 grant-funded initiatives carried out between 2020 and 2022 with support from federal bodies (the Presidential Grants Fund and the Presidential Fund for Cultural Initiatives) and regional authorities. The total funding raised exceeded five million rubles. The findings show that grant activity functioned not merely as a funding source, but as an effective tool for the socio-cultural adaptation of hearing-impaired persons and as a driver of internal institutional transformation. Particular attention is paid to the development of infrastructural solutions – dispatch services for sign language interpretation, adapted museum environments, and educational programmes. The author concludes that the shift to a project-based model allowed the Belgorod Regional Branch of the All-Russian Society of the Deaf to consolidate its position as a fully-fledged participant in regional social policy.

Keywords: hearing impairment, All-Russian Society of the Deaf, grant support, project-based mechanisms, socio-cultural adaptation, barrier-free environment, Belgorod region

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Shakhanin V.A. 2026. Project Activities as a Mechanism for Social Integration of the Hearing Impaired in the Belgorod Region in the 2000s – Early 2020s. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 700–704 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-700-704. EDN: JVYQZP

Введение

В 2000-е – начале 2020-х годов в Российской Федерации произошла фундаментальная смена парадигмы государственной социальной политики в отношении инвалидов: от патерналистской модели, предполагавшей пассивную помощь, к активному социальному партнёрству и инклюзивным подходам. Ключевую роль в этом процессе сыграли общественные организации инвалидов, которые постепенно превратились из «помощников» государства в полноценных субъектов социальной политики. Для Всероссийского общества глухих (ВОГ) этот период стал временем институциональной трансформации, важнейшим инструментом которой выступила проектно-грантовая деятельность. Отдельные аспекты деятельности ВОГ рассматривались в трудах А.С. Короткова, В.Г. Ушакова, В.А. Паленного, однако региональный аспект перехода к проектной модели на примере Белгородской области оставался вне поля зрения исследователей [Коротков, 1973; Ушаков, 1985; Паленный, 2007–2011].

Настоящая статья посвящена анализу проектной деятельности Белгородского регионального отделения ВОГ в 2000-е – начале 2020-х годов. Цель исследования – выявить механизмы, результаты и значение проектно-грантовой работы как инструмента социальной интеграции инвалидов по слуху и институциональной трансформации региональной организации.

Объект и методы исследования

Предметом изучения стала практика реализации проектно-грантовых инициатив Белгородского регионального отделения ВОГ в 2000-е – начале 2020-х годов. В основу методологии положены историко-генетический подход, позволивший проследить динамику становления грантовой работы, и сравнительный метод, дающий возможность соотнести региональный опыт с общероссийскими тенденциями.

Источниковую базу исследования составили материалы текущего архива Белгородского регионального отделения ВОГ, включая отчёты о реализации проектов, сводные таблицы выигранных грантов, а также опубликованные данные Фонда президентских грантов и официального сайта ВОГ²⁹⁷. Использованы также интервью с председателями организации Т.И. Бессоновой и Ю.Г. Шашниным²⁹⁸.

Результаты и обсуждение

Нормативные предпосылки для перехода к новым формам работы общественных организаций инвалидов начали складываться уже в 2000-е годы. Ключевым событием стал внеочередной съезд ВОГ 2003 года, который юридически закрепил новый статус организации как общероссийской общественной организации инвалидов²⁹⁹. Ратификация Конвенции ООН о правах инвалидов (2012) и принятие ФЗ № 419-ФЗ (2014) создали нормативную основу для перехода к социальной модели инвалидности и признания жестового языка полноценным средством коммуникации³⁰⁰.

Региональный уровень реализации новой политики был обеспечен Постановлением Правительства Белгородской области № 523-пп (декабрь 2013 г.), которое ввело в областную

²⁹⁷ Архив Белгородского регионального отделения ВОГ (далее Архив Белгородского РО ВОГ). Таблица грантов (сводные данные по проектам 2020–2022 гг.); Архив Белгородского РО ВОГ. Отчёт о реализации проекта «Врачи смогут помочь глухим»; Архив Белгородского регионального отделения ВОГ. Материалы о проекте «Искусство не понаслышке».

²⁹⁸ Архив Белгородского РО ВОГ. Интервью с Т.И. Бессоновой. Архив Белгородского РО ВО. Интервью с Ю.Г. Шашниным.

²⁹⁹ Федеральный закон от 20.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [принят Гос. Думой 20 нояб. 1995 г.]. Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

³⁰⁰ Конвенция ООН о правах инвалидов (принята 13.12.2006, ратифицирована РФ 03.05.2012); Федеральный закон от 1 декабря 2014 года № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов». Собрание законодательства РФ. 2014. № 49. Ст. 6928.

программу «Социальная поддержка граждан» межведомственную подпрограмму «Доступная среда». Этот документ, действовавший с 2014 по 2020 год с последующим продлением, зафиксировал системные меры по устранению барьеров при посещении инвалидами социально значимых объектов и получении услуг³⁰¹.

С 2020 года грантовая деятельность Белгородского РО ВОГ приобрела систематический характер. За 2020–2022 гг. реализовано 11 проектов с общим объёмом привлечённого финансирования более 5 млн рублей³⁰².

Среди инициатив, поддержанных Фондом президентских грантов, выделяются три проекта. Во-первых, «Культура Белгородчины открыта для своих жителей» (2020 г.) – серия экскурсионных поездок по историческим и культурным объектам региона (Ракитное, Прохоровское поле, Валуйки, Дивногорье), охватившая 220 участников³⁰³. Во-вторых, проект «Врачи смогут помочь глухим» (2020–2021 гг.) – создание центров видеосвязи для удалённого сурдоперевода в пяти городах области (Белгород, Губкин, Старый Оскол, Шебекино, Новый Оскол) и оснащение переводчиков планшетами³⁰⁴. В-третьих, проект по обучению педагогов жестовому языку (2021 г.) – на базе школы-интерната № 23 курсы повышения квалификации прошли 60 учителей и воспитателей, фактически весь педагогический коллектив³⁰⁵. Президентский фонд культурных инициатив в 2022 году поддержал проект «Искусство не понаслышке», в рамках которого была адаптирована экспозиция Белгородского художественного музея и организована выставка работ глухих художников³⁰⁶.

Региональные гранты (Министерство общественных коммуникаций Белгородской области) позволили реализовать комплекс мероприятий. Проект «Найдём общий язык» (2020 г.) включил праздничные программы ко Дню защитника Отечества, 8 Марта, Дню Победы и Дню города, а также II Региональный молодёжный форум (45 участников)³⁰⁷. Проект «Жестовому языку – поддержку и развитие» (2021–2022 гг.) продолжил обучение педагогов и организовал курсы вождения для глухих³⁰⁸. В рамках проекта «Социализация жителей Белгородской области с нарушением слуха» (2021 г.) состоялись гастроли московского Театра мимики и жеста «Недослов» – спектакль на сцене ДК «Энергомаш» посетили 800 зрителей, половина из которых составили инвалиды по слуху. Проект «Слышим сердцем» (2022 г.) ознаменовался чемпионатом области по мини-футболу памяти тренера А.Г. Бессонова (80 участников). Наконец, проект «Покажем глухим и слабослышащим ребятам духовный и патриотический мир родного Белогорья» (2020 г.) обеспечил экскурсию для 45 детей в музей-заповедник «Прохоровское поле»³⁰⁹.

³⁰¹ Постановление Правительства Белгородской области от 16 декабря 2013 года № 523-пп «Об утверждении государственной программы Белгородской области «Социальная поддержка граждан в Белгородской области» (в редакции от 21 декабря 2020 г.). URL: <http://www.zakon.belregion.ru> (дата обращения: 24.04.2026).

³⁰² Государственный архив Белгородской области (далее ГАБО). Ф. 1319. Оп. 1. Д. 866. Л. 11–13. Доклад о работе Белгородского областного правления ВОГ за период с 24 мая 1990 по 28 февраля 1995 года.

³⁰³ Архив Белгородского РО ВОГ. Таблица грантов (сводные данные по проектам 2020–2022 гг.); Фонд президентских грантов. Проект № 20-2-016280 «Культура Белгородчины открыта для своих жителей области с нарушением слуха». URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=2fca5914-5724-47eb-aa2a-9ece447eddfa> (дата обращения: 17.04.2026).

³⁰⁴ Архив Белгородского РО ВОГ. Информация о реализованных проектах за счёт средств областного бюджета при поддержке Министерства общественных коммуникаций Белгородской области; Белгородское РО ВОГ выиграл специальный конкурс на предоставление грантов Президента РФ. URL: <https://voginfo.ru/regiony/2020/09/01/belgorodskoe-go-vog-vyigral-sposobnyj-konkurs-na-predostavlenie-grantov-prezidenta-rf/> (дата обращения: 17.04.2026).

³⁰⁵ Архив Белгородского РО ВОГ. Отчёт о реализации проекта «Врачи смогут помочь глухим»; Архив Белгородского РО ВОГ. Заявка на проект «Поможем педагогам говорить с глухими детьми».

³⁰⁶ Архив Белгородского РО ВОГ. Отчёт о реализации проекта «Поможем педагогам говорить с глухими детьми»; Архив Белгородского РО ВОГ. Материалы о проекте «Искусство не понаслышке».

³⁰⁷ Белгородец Юрий Шашнин: «Доступная среда – это не только пандусы». URL: <https://belgorod-news.ru/society/2022/10/30/97001.html> (дата обращения: 17.04.2026).

³⁰⁸ В Белгородской области стартовали курсы обучения основам русского жестового языка. URL: <https://belgorod.bezformata.com/listnews/obucheniya-osnovam-russkogo-zhestovogo/103955809/> (дата обращения: 17.04.2026); Архив Белгородского РО ВОГ. Информация о реализованных проектах за счёт средств областного бюджета при поддержке Министерства общественных коммуникаций Белгородской области.

³⁰⁹ Архив Белгородского РО ВОГ. Таблица грантов (сводные данные по проектам 2020–2022 гг.); Информация о реализованных проектах за счёт средств областного бюджета при поддержке Министерства общественных коммуникаций Белгородской области; Сводный отчёт о проектной деятельности за 2020–2022 гг.

Проектная деятельность охватила практически все сферы жизнедеятельности инвалидов по слуху: здравоохранение, образование, культуру, спорт, патриотическое воспитание. Это свидетельствовало о комплексном подходе организации к решению задач социальной реабилитации.

Помимо финансового эффекта, проектная деятельность оказала глубокое влияние на саму организацию: она стимулировала рост профессиональных компетенций сотрудников, расширила партнёрскую сеть и, что особенно важно, способствовала интеграции глухих в общество через совместные со слышащими мероприятия. Таким образом, грантовая работа стала фактором институциональной трансформации Белгородского РО ВОГ³¹⁰.

Заключение

В 2000-е – начале 2020-х годов Белгородское региональное отделение ВОГ трансформировалось из организации, сосредоточенной на выживании, в институционально оформленного субъекта региональной социальной политики. Проектная деятельность стала ключевым механизмом этой трансформации. Она позволила привлекать внебюджетное финансирование для решения системных задач, создавать устойчивую инфраструктуру, расширять партнёрскую сеть и интегрировать инвалидов по слуху в общество. Грантовая система усилила субъектность организации и её способность влиять на социальную политику в регионе. Опыт Белгородского отделения ВОГ показывает, что способность осваивать новые инструменты работы становится залогом устойчивости и развития общественных организаций в условиях цифровой трансформации и смены поколений.

Благодарность

Автор признателен председателю Белгородского регионального отделения ВОГ Ю.Г. Шашнину и его заместителю Т.И. Бессоновой за содействие в сборе материалов и консультационную поддержку при подготовке статьи.

Список источников

- Архив Белгородского регионального отделения Всероссийского общества глухих (далее Архив Белгородского РО ВОГ). Материалы о проекте «Искусство не понаслышке».
- Архив Белгородского РО ВОГ. Заявка на проект «Поможем педагогам говорить с глухими детьми».
- Архив Белгородского РО ВОГ. Интервью с Т.И. Бессоновой.
- Архив Белгородского РО ВОГ. Интервью с Ю.Г. Шашниным.
- Архив Белгородского РО ВОГ. Информация о реализованных проектах за счёт средств областного бюджета при поддержке Министерства общественных коммуникаций Белгородской области.
- Архив Белгородского РО ВОГ. Личное дело Ю.Г. Шашнина.
- Архив Белгородского РО ВОГ. Материалы о проекте «Искусство не понаслышке».
- Архив Белгородского РО ВОГ. Материалы о Т.И. Бессоновой.
- Архив Белгородского РО ВОГ. Отчёт о реализации проекта «Врачи смогут помочь глухим».
- Архив Белгородского РО ВОГ. Отчёт о реализации проекта «Поможем педагогам говорить с глухими детьми».
- Архив Белгородского РО ВОГ. Сводный отчёт о проектной деятельности за 2020–2022 гг.
- Архив Белгородского РО ВОГ. Таблица грантов (сводные данные по проектам 2020–2022 гг.).
- Белгородец Юрий Шашнин: «Доступная среда – это не только пандусы». URL: <https://belgorod-news.ru/society/2022/10/30/97001.html> (дата обращения: 17.04.2026).
- Белгородское РО ВОГ выиграл специальный конкурс на предоставление грантов Президента РФ. - URL: <https://voginfo.ru/regiony/2020/09/01/belgorodskoe-ro-vog-vyigral-specialnyj-konkurs-na-predostavlenie-grantov-prezidenta-rf/> (дата обращения: 17.04.2026).
- В Белгороде утвердили треть состава городской Общественной палаты. URL: <https://bel.ru/news/city/13-05-2022/v-belgorode-utverdili-tret-sostava-gorodskoy-obschestvennoy-palaty> (дата обращения: 24.04.2026).
- В Белгородской области стартовали курсы обучения основам русского жестового языка. URL: <https://belgorod.bezformata.com/listnews/obucheniya-osnovam-russkogo-zhestovogo/103955809/> (дата обращения: 17.04.2026).

³¹⁰ Архив Белгородского РО ВОГ. Отчёты о реализации подпрограммы «Доступная среда» за 2016–2018 гг.

- Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 1319. Оп. 1. Д. 866. Л. 11–13. Доклад о работе Белгородского областного правления ВОГ за период с 24 мая 1990 по 28 февраля 1995 года.
- Конвенция ООН о правах инвалидов (принята 13.12.2006, ратифицирована РФ 03.05.2012).
- Постановление Правительства Белгородской области от 16 декабря 2013 года № 523-пп «Об утверждении государственной программы Белгородской области «Социальная поддержка граждан в Белгородской области» (в редакции от 21 декабря 2020 г.). URL: <http://www.zakon.belregion.ru> (дата обращения: 24.04.2026).
- Федеральный закон от 1 декабря 2014 года № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов». Собрание законодательства РФ. 2014. № 49. Ст. 6928.
- Федеральный закон от 20.11.1995 № 181-ФЗ О социальной защите инвалидов в Российской Федерации [принят Гос. Думой 20 нояб. 1995 г.]. Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.
- Фонд президентских грантов. Проект № 20-2-016280 «Культура Белгородчины открыта для своих жителей области с нарушением слуха». URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=2fca5914-5724-47eb-aa2a-9ece447eddfa> (дата обращения: 17.04.2026).
- Хроника важных событий истории ВОГ. URL: <https://voginfo.ru/about/history/> (дата обращения: 24.04.2026).

Список литературы

- Коротков А.С. 1973. Основные этапы развития Всероссийского общества глухих. Ленинград, Издательство ЦП ВОГ, 18 с.
- Паленный В.А. 2007–2011. История Всероссийского общества глухих: в 3 т. – Москва, Б.и., Т. 1, 667 с., Т. 2, 528 с., Т.3, с. 670 с.
- Ушаков В.Г. 1985. Всероссийское общество глухих. История, развитие, перспективы. Ленинград, Ленинградский восстановительный центр, 280 с.

References

- Korotkov A.S. 1973. Osnovnye etapy razvitiya Vserossiyskogo obshchestva gluhikh [The Main Stages in the Development of the All-Russian Society of the Deaf]. Leningrad, Izdatel'stvo CP VOG, 18 p.
- Palennyj V.A. 2007–2011. Istoriya Vserossiyskogo obshchestva gluhikh: v 3 t. [History of the All-Russian Society of the Deaf: in 3 vols] – Moscow, B.i., T. 1, 667 p., T. 2, 528 p., T. 3, p. 670 p.
- Ushakov V.G. 1985. Vserossiyskoe obshchestvo gluhikh. Istoriya, razvitie, perspektivy [All-Russian Society of the Deaf. History, Development, Prospects]. Leningrad, Leningradskij vosstanovitel'nyj centr, 280 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 21.02.2026

Received 21.02.2026

Поступила после рецензирования 18.05.2026

Revised 18.05.2026

Принята к публикации 20.05.2026

Accepted 20.05.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шаханин Вадим Александрович, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Vadim A. Shakhanin, Postgraduate Student, Department of Russian History and Records Science, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0002-5285-4895](https://orcid.org/0009-0002-5285-4895)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327.51

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-3-705-720

EDN JWNXSD

Оригинальное исследование

Структуризация российско-украинского вооруженного конфликта в актуальной и потенциальной фазах динамики противостояния

Лобанов К.Н.¹ , Половнева Л.С.² ¹⁾ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71;²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85Email: lobanov.politika@gmail.com, Lpolovneva@bsuedu.ru

Аннотация. Российско-украинская конфронтация в форме вооруженного конфликта отличается повышенной динамикой, позволяющей говорить о перманентном возникновении качественно новых ситуаций на внешнем и особенно внутреннем контурах противостояния. В частности, речь идет об изменениях в конфигурации базовых структурных юнитов конфликта и трансформации некоторых существенных характеристик самого феномена, переживающего актуальную фазу и непременно переходящего в одну из потенциальных стадий дальнейшего развития. Обновление исходных параметральных данных о российско-украинской конфронтации повышает потребность в структуризации этого конфликта с учетом его системной динамики. Авторы придерживаются мнения о том, что попытка осуществления в статье такой методологической процедуры позволит проанализировать конфликт с учетом изменений, расширит возможности более точного прогнозирования его развития и в итоге будет способствовать поиску и нахождению путей конструктивного разрешения конфликтных противоречий. Следование авторов в русле структурного анализа облегчает им процесс исследования сложных, многокомпонентных объектов и систем, к числу которых относится социальный конфликт.

Ключевые слова: социальный конфликт, российско-украинская конфронтация, вооруженный конфликт, структура конфликта, структуризация конфликта, фазы развития вооруженного конфликта, эскалация конфликта, разрешение вооруженного конфликта

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Лобанов К.Н., Половнева Л.С. 2026. Структуризация российско-украинского вооруженного конфликта в актуальной и потенциальной фазах динамики противостояния. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 705–720. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-705-720. EDN: JWNXSD

Structuring Russian-Ukrainian Military Conflict in the Current and Potential Confrontation Dynamic Phases

Konstantin N. Lobanov ¹ , Lyudmila S. Polovneva ²

¹⁾ Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russia

²⁾ Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

Email: lobanov.politika@gmail.com, Lpolovneva@bsuedu.ru

Abstract. Russian-Ukrainian confrontation, as it has taken the form of a military conflict, is characterized by increased dynamics, which allows us to speak about the permanent emergence of qualitatively new situations at the external and particularly at the internal circuit of confrontation. Specifically, this refers to changes in the configuration of basic structures of the conflict units, as well as to the transformation of several essential characteristics of this phenomenon, which is currently transitioning into the next potential phase of the conflict development. Constant updates to source data parameters of the Russian-Ukrainian confrontation amplify the necessity to structure such a conflict given its systemic dynamics. We believe that studying the conflict using a methodological procedure will enable us to analyze it taking into account its changes and expand the possibilities of more accurate forecasting of its development. Therefore, it will contribute to finding and identifying ways of the constructive resolution of the conflict's contradiction points. In our research, we rely on structural analysis, which facilitates the process of studying complex, multicomponent objects and systems, such as a social conflict.

Keywords: social conflict, Russian-Ukrainian confrontation, military conflict, conflict structure, conflict structuring, military conflict development phases, escalation of the conflict, military conflict resolution

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Lobanov K.N., Polovneva L.S. 2026. Structuring Russian-Ukrainian Military Conflict in the Current and Potential Confrontation Dynamic Phases. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 705–720 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-705-720. EDN: JWNXSD

Введение

Одной из отличительных особенностей социальной материи в современных условиях является повышенный динамизм протекания имманентных ей процессов и явлений. Казавшиеся еще несколько десятилетий назад длинными, тренды сегодня развиваются в ситуации спрессованности времени и ориентированы на форсирование результативности. В режиме стремительной подвижности осуществляются социализация, модернизация, социальная мобильность и демографические сдвиги. Проходит продвижение технологий, социальных коммуникаций, массовой гражданской активности. Реактивность изменений нередко сопровождается обновлением всего общего трендового дизайна, как в случае с глобализацией, уходящей сегодня на факультативные позиции, либо влечет за собой глубокую структурную перестройку мейнстримных процессов и явлений подобно тому, как появление искусственного интеллекта видов *General AI* и *Super AI* меняет классические представления о субъектах технологического прогресса. Социальные науки не в праве игнорировать происходящие перемены и пытаются реагировать на методологическом уровне, в том числе через структуризацию изучаемых объектов. О необходимости такого исследовательского действия при понимании сложных социальных систем, процессов и явлений в динамике их развития отмечалось еще на старте пятого технологического уклада [Giddens, 1973]. На операционном уровне методика структурирования в целом сводится к: а) детализации сложносоставных объектов; б) выявлению детерминирующих связей и отношений между выделенными элементами. Первое позволяет упростить изучение синтетических общественных процессов, явлений и феноменов за счет дефрагментации их на отдельные, более доступные для анализа структурные компоненты, второе

– выдерживать восприятие анализируемого объекта как некоей цельности, развивающейся в динамике. Акцентирующим и актуализирующим моментом здесь выступает условие возобновления структуризации исследуемого объекта при возникновении качественных изменений внутри самого объекта или в социальной среде в целом. Использование метода позволяет исследователям более свободно оперировать знаниями о социальной реальности, а субъектам управления – на основе полученных данных производить аудит приоритетов, своевременно осуществлять коррекцию собственных решений, вырабатывать наиболее оптимальные поведенческие стратегии [Ильясов, Герасимова, Карамзина, Сaitова, 2017, с. 25].

Структуризация как метод нередко используется для анализа не просто сложных, многокомпонентных социальных конструктов, но и отличающихся высокой степенью размытости и неопределенности. К числу таких можно отнести социальный конфликт, который выступает одновременно и явлением, и процессом, и часто характеризуется непредсказуемостью исхода [Светлов, Сидоров, 2019, с. 125]. Декомпозиция структуры конфликта и дальнейшее аналитическое препарирование элементов в динамике развития антагонизма могут быть продуктивными при подходе к вооруженным конфликтам современности. Регулярный мониторинг структурных изменений, позволяющий сфокусироваться на качественной стороне самого предмета, дает возможность более отчетливо представить сценарные планы дальнейшего развития конфликтных отношений и выстроить на основе такого анализа рациональные алгоритмы действия в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном форматах. На примере текущей российско-украинской конфронтации можно проследить, как под воздействием внутренней динамики конфликта трансформируются его структурные элементы и как эти изменения отражаются на свойствах самого явления в актуальной фазе его развития, а также могут обусловить воплощение тех или иных вариантов военной и политической финализации противостояния.

Цель исследования

Провести анализ базовых элементов структуры российско-украинского вооруженного конфликта в динамике от исходного состояния через актуальную к потенциальной фазе развития конфликтного взаимодействия.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является структура российско-украинского вооруженного конфликта. Предметом исследования выступают структурные изменения российско-украинского вооруженного конфликта, детерминированные текущей динамикой конфликтного взаимодействия в актуальной фазе и влияющие на потенциальную фазу противостояния. В процессе работы над публикацией авторами применен метод структуризации и прогнозирования состояния социальных систем, процессов и явлений.

Результаты и их обсуждение

С формальной стороны структурная организация социального конфликта предопределяет внутреннее строение вооруженного конфликта, поскольку в данном случае мы имеем дело с базовым явлением и процессом и одной из его разновидностей. Обобщенно структура конфликта может быть представлена в виде пяти элементов: сторон (участников) конфликта, объекта (предмета) конфликта, условий конфликта, действий участников конфликта, исхода (результата) конфликта [Гришина, 2008, с. 183]. Вместе с тем вооруженный конфликт, безусловно, обладает своей спецификой, которая проявляется главным образом в содержательной части структурных элементов, то есть в реальном процессе функционирования, протекающем в определенной форме. Исходя из сказанного, авторы имели намерение сфокусировать свои исследовательские усилия на детальном анализе субъектно-объектной стороны выделенного вооруженного конфликта, конкретных форм его

протекания, фиксации возможных сценариев завершения. В этом отношении с их стороны не было бы большой погрешностью допустить модификацию классической структуры социального конфликта, объединив условия конфликта и действия участников конфликта в интегрирующий элемент «содержание конфликта» применительно к вооруженному конфликту, поскольку в ситуации силового противоборства обстановка, в которой происходит конфликт, и операциональные аспекты в сущности представляют собой качественную определенность, суть и направленность динамики рассматриваемого явления и процесса.

Ключевым элементом структуры вооруженного конфликта, по крайней мере с точки зрения деятельностного подхода, являются его субъекты (участники), поскольку именно они витализируют все остальные элементы. В теории конфликта обычно различают непосредственные стороны конфликта (индивиды, малые и большие социальные общности, политические организации) и всех остальных интересантов с различным функционалом (пособники/союзники, подстрекатели/провокаторы, посредники/провайдеры «добрых услуг», арбитры/третейские судьи). В текущем российско-украинском вооруженном противостоянии, продолжающемся пятый год, субъектная часть конфликтных взаимоотношений представлена полной линейкой акторов, которые находятся в весьма подвижном состоянии, что в значительной степени влияет на сущностные характеристики всего конфликта. На старте событий зимой 2022 года в конфликтном поле обозначились два прямых и открытых субъекта – российское и украинское государства, остающиеся таковыми до сих пор, что позволяет квалифицировать антагонизм как межгосударственный вооруженный конфликт [Никанорова, 2024, с. 180]. Остальные участники не были позиционированы вообще либо слабо себя проявляли. По мере того как менялся стратегический контекст конфликта, иными словами, происходила его постепенная интернационализация, к процессу стали подключаться другие участники. На стороне Украины, например, в роли подстрекателей выступили США и Великобритания, блокировавшие предложения российского военно-политического руководства скоро завершить конфликт и подталкивавшие Киев к продолжению противостояния [Walker, 2025]. Россию, в свою очередь, поддержала Беларусь, предоставившая союзнице свою территорию для проведения специальной военной операции в сопредельной Украине. На раннем этапе конфликта также активизировались посредники в урегулировании, в числе которых в разное время отметились Беларусь, Турция, ОАЭ, Ватикан.

В контексте нашего исследования важно зафиксировать не столько увеличение числа участвующих в конфликте субъектов, сколько подчеркнуть определенное видоизменение их ролевых опций во временном разрезе. В 2023 и 2024 годах степень вовлеченности различных интересантов в конфликт стала более сложной, интегрирующей сразу несколько функциональных позиций в одном лице. Так, например, атлантисты (США, Великобритания, европейские члены НАТО), продолжая выступать в роли провокаторов, возложили на себя обязанности пособников одновременно. Последнее выразилось в прямых поставках номенклатуры военного назначения и в предоставлении регулярной финансовой помощи украинской стороне. Благодаря поддержке западных государств, Украина с 2022 г. превратилась в крупнейшего в мире импортера вооружений. Стокгольмский институт исследования проблем мира отмечает, что за период 2020–2024 гг. ее импорт основных видов вооружений вырос почти в 100 раз по сравнению с предыдущим пятилетием. В этот период Украина получила 8,8 % от общемирового объема импорта вооружений. Помощь оказывали 35 государств, основными донорами выступили США и страны Европейского союза, действующие как на двусторонней основе, так и через общие механизмы, такие как Европейский фонд мира [SIPRI, 2025]. В дальнейшем существенно изменилась качественная сторона военных поставок Украине. За четыре с небольшим года западные страны перешли от обеспечения ее войск военной амуницией и легким оружием к снабжению тяжелой техникой, авиацией и ракетами, а также открыли доступ к собственным разведданным, включая спутниковые. Что касается финансовых вливаний в бюджет Украины извне, то с февраля 2022 г. они достигли внушительных показателей. Институт мировой экономики в Киле

приводит следующие цифры: по состоянию на декабрь 2024 г. европейские страны предоставили помощь в размере € 132 млрд, а Соединенные Штаты – € 114 млрд [Antezza, Bompreszi, Dyussimbino et al., 2025, p. 72]. Учитывая, что в 2022–2024 гг. расходы на оборону на Украине составляли примерно \$ 52–54 млрд ежегодно, то выходит, что не менее 4/5 из них покрывались за счет внешнего финансирования. Другими словами, государства западного блока взяли содержание украинского ВПК на свой баланс. В последующие полтора года статусы участников конфликта продолжили модифицироваться под воздействием динамики конфликта и во многом предопределяя ее вектор в сторону дальнейшей эскалации. В практическом плане это выглядело следующим образом: значительная часть украинского военного производства была вынесена на территорию стран НАТО для защиты от ударов российских вооруженных сил, члены блока предоставили собственное воздушное пространство для полета украинских беспилотных систем на территорию России, ВВС Украины были размещены на местных аэродромах и базах с целью последующих атак на российские цели [Kofman, 2026]. С учетом резкого увеличения объемов и темпов развития военного потенциала у государств европейского сегмента Атлантического альянса в связи с российско-украинским конфликтом, значительная часть которого идет на прямое довооружение и перевооружение как самих стран-доноров, так и стороны-бенефициара [Henke, Martinova, Knobloch, 2026], евроатлантисты сегодня выступают в роли даже не союзника одного из главных антагонистов, а становятся непосредственным участником конфликта на стороне этого антагониста [Лавров, 2026].

В свою очередь, на другом полюсе противоборства наблюдались определенные количественные и качественные изменения в организации субъектной части конфликта. К сопричастности событиям в опосредованной форме подключился Иран, на правах пособника поставлявший России беспилотные технологии и ракетное вооружение. Функционал иных субъектов становился более многоплановым и вовлеченным в события. Так, в начале конфликта Северная Корея, подобно Ирану, осуществляла снабжение российских войск рядом боеприпасов, но после подписания соответствующего соглашения предоставила в распоряжение российских вооруженных сил свой ограниченный воинский контингент, непосредственно участвовавший в боевых действиях в 2025 г. Подобные шаги автоматически переводят КНДР в положение военного союзника России в противоборстве с Украиной и другими участниками на ее фланге.

Отдельной ремарки заслуживает позиция таких игроков, как США и Китай. Эти оба геополитических супергиганта объективно не могли остаться в стороне от крупнейшего после окончания Второй мировой войны европейского вооруженного конфликта. Статусная траектория каждого из названных субъектов отличалась определенной степенью динамизма или статичности в зависимости от собственного целеполагания. Например, Соединенные Штаты независимо от находящихся у власти демократической или республиканской администраций неизменно ставили во главу угла своей внешней политики нанесение стратегического поражения России силами различного рода прокси [Кикнадзе, 2023]. На Украине задолго до событий 2022 г. США выступали в образе подстрекателя и через череду связанных между собой событий («оранжевая» революция 2004 г., «революция достоинства» 2013–2014 гг., т. н. антитеррористическая операция войск Украины на Донбассе в 2024–2022 гг.) стимулировали власти в Киеве к открытому вооруженному столкновению с Российской Федерацией. После февраля 2022 г., оставаясь в прежней ипостаси (срыв Украиной стамбульских договоренностей в марте 2022 г.), США дополнили себе функцию пособника украинской стороны, поставляя ей напрямую или через инфраструктуру НАТО военные технологии, боеприпасы, тяжелое вооружение, разведывательные данные. С начала 2025 г. в период второй каденции Д. Трампа власти США попытались играть в конфликте еще одну статусную роль посредника с выходом на место арбитра. Медиаторские усилия республиканской администрации, апогеем которых была встреча президентов России и США на Аляске в августе 2025 г., на какое-то время создали впечатление возможного перевода

конфликта в переговорное русло, но не более того. Несмотря на попытки отдельных политических групп сохранить возможность диалога, американская сторона впоследствии фактически показала, что не рассматривает компромисс как приоритетный сценарий [Rubio, 2026]. Неудачная в целом попытка американских политиков выступить в роли объективных посредников (хотя в риторике они продолжают позиционировать себя таковыми) объясняется двумя причинами: расхождением продекларированного курса на пацификацию конфликта с базовым целеполаганием внешней политики на нанесение стратегического поражения России и принципиальной невозможностью совмещения статусов сообщника и секунданта при разрешении спора. В итоге подавляющая часть американского политикума предсказуемо выбрала путь интенсивной вооруженной конфронтации на Украине, что было подкреплено вербально и практически в виде легализации патронажа над эскалирующими действиями Киева в конфликте в первой половине 2026 г. [Whitaker, 2026].

В отличие от США китайский подход к ситуации более статичен, но не менее сложен. С начала конфликта и по настоящее время Пекин формально демонстрирует миролюбие и равноудаленность, призывает стороны к политическому урегулированию противоречий [МИД КНР, 2023]. В реальных условиях его позиция сводится к латентному пособничеству обеим конфликтующим сторонам одновременно. Наиболее выпукло это проявляется в вопросах поставок продукции двойного назначения (беспилотные летательные системы и элементные компоненты) для воюющих армий России и Украины. По мнению некоторых специалистов, без китайского экспорта сторонам было бы затруднительно продолжать конфликт на высоком уровне интенсивности и столь длительное время [Rose, 2026]. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что амбивалентный курс Китая в отношении российско-украинского противостояния основывается не столько на экономоцентрической мотивации, сколько продиктован более глубокими геополитическими расчетами. На фоне грядущего соперничества за лидерство в Индийско-тихоокеанском регионе (ИТР) с США стратегической целью Китая является удержание России в зоне своего политического и торгово-экономического влияния и не допущение ее ухода в западный лагерь. Другой такой идеальной тыловой базы, как Россия, Китаю попросту не найти. Воюющую Россию с ее технологическими и производственными уязвимостями привязать к себе гораздо легче. Поставками критически важного ассортимента Украине Китай затягивает военные действия, что также имеет для него определенный смысл. Во-первых, это позволяет как можно дольше контролировать российский кейс. Во-вторых, и, возможно, в главных – обеспечивать сковывание на европейском континенте проактивистской деятельности США, в то время как самому в рамках решения проблемы «трех Китаев» попытаться реинтегрировать «Китай-остров» Тайвань и закрепить флагманские позиции в «Китае-архипелаге» в зоне ИТР.

Подытоживая сказанное в отношении субъектной части структуры рассматриваемого конфликта, нельзя не заметить некоторых разведывательных признаков, способствующих более отчетливому пониманию возможных вариантов развития российско-украинской вооруженной конфронтации. Прежде всего, стоит обратить внимание на количественный рост участников конфликта. В данном случае известный в теоретической конфликтологии «эффект воронки» подтвердил свою безотказность. Далее, не меньшей сосредоточенности заслуживает качественная сторона вопроса, а именно статусно-ролевая трансформация различных участников без учета непосредственных контактеров. В ходе конфликта в целом произошел сдвиг в направлении большей вовлеченности заинтересованных субъектов в конфликтное взаимодействие. Причем некоторые субъекты в довольно короткие сроки перешли с латентно-опосредованных или умеренно-сдержанных позиций участия к фигурам открытой и прямой ангажированности на первых ролях. И, наконец, нельзя не заметить, что подсвеченные параметральные характеристики субъектной стороны российско-украинского вооруженного конфликта в целом фиксируют нахождение конфронтации в эскалирующей фазе динамики, что неизбежно приближает весь процесс к фазе финализации с несколькими потенциальными вариантами исхода. Выбор альтернатив в значительной степени будет детерминирован отношением участников к объектно-предметным аспектам конфликтного взаимодействия.

В классической конфликтологии и социологии конфликта обычно различают понятия «объект» и «предмет» конфликта. Как правило, первым принято считать какой-либо ресурс, имеющий критическое значение для конфликтующих, вторым – его статус, понимаемый или интерпретируемый противоборствующими сторонами по-разному [Анцупов, Шипилов, 2000]. В ситуации интенсивной вооруженной конфронтации между Россией и Украиной (с 2014 г. по настоящее время) объектом конфликтных интересов может быть признана часть украинской территории, расположенной по периметру юго-западных и южных границ Российской Федерации (Донбасс и Новороссия). Предметом конфликта в данном случае становятся несовпадающие (оспариваемые) сторонами позиции в отношении государственной принадлежности объекта. Таким образом, продолжив начатую нами квалификацию российско-украинского вооруженного конфликта, правомерно дополнить ее такой атрибутивной характеристикой, как территориально-политический конфликт. Принимая во внимание то, что в ракурсе нашего исследования интерпретационные процедуры имеют факультативное значение, а императивным представляется трекинг структурных изменений конфликта под воздействием внутренней динамики, сфокусируем внимание на выделенных фрагментах.

Тема территории как объекта конфликта стала доминировать в российско-украинской повестке с 2014 г., когда взаимные противоречия только переживали стадию накопления и пребывали преимущественно в латентном состоянии. Конфликтное поле тогда ограничивалось локальными рамками Крымского полуострова и частями двух бывших областей Юго-Востока Украины. Россия объявила о восстановлении *status quo ante* над Крымом, учредив одноименную республику в своем составе, и признала фактический протекторат над Луганской и Донецкой народными республиками [Иванков, 2023]. Украинские власти *de jure* и *de facto* торпедировали эти шаги России, обозначив таким образом предмет конфликта, но вступать с ней в вооруженную борьбу за утраченные земли не решались. До февраля 2022 г. Украина пыталась вернуть земли Донбасса военным путем через развертывание т. н. антитеррористической операции против местных парамилитарных формирований, поддержанных Россией. С переходом конфликта в фазу открытой конфронтации в 2022 г. объект претерпевает существенные изменения. Четыре бывшие области Украины – Донецкая, Луганская, Херсонская, Запорожская – становятся новыми субъектами России, что получило закрепление в Основном законе страны [Конституция Российской Федерации, 1993, ч. 1 ст. 65]. Специальная военная операция (СВО) способствовала смещению фокуса в определении предмета конфликта. Отмечая цели операции, российское военно-политическое руководство подчеркивало, что не рассчитывает оккупировать или присоединять всю территорию соседнего государства. В то же время было заявлено о намерении провести денацификацию и демилитаризацию Украины, восстановить права на национальное развитие проживающих там этнических русских и русскоговорящих украинцев [Путин, 2022]. Впоследствии Президент России В. Путин дополнил мотивацию начала СВО стремлением Российской Федерации обеспечить собственную безопасность на фоне агрессивных замыслов и поведения властей сопредельного государства [Путин, 2024]. Таким образом, в трактовках российской стороны базовое противоречие, составляющее суть предмета конфликта, заметно расширилось, абсорбируя как собственно отстаиваемый статус новых территорий, так и связанные с ним вопросы реализации суверенного права и защиты национально-государственных интересов.

С началом вооруженной конфронтации трактовки объекта и предмета конфликта украинской стороной и патронирующими ее государствами и коалициями в основном зеркально отражали российские интерпретации, но с противоположных позиций. Объектом конфликта признавалась территория, составляющая примерно 22 % земель Украины, которые теперь стали частью России или находились под контролем ее вооруженных сил. Предметным аспектом рассматривалась политико-правовая идентичность этого пространства, истолковываемая в категориях защиты суверенитета и обеспечения безопасности. Принципиальное противоречие с российской стороной строилось на основе собственного

восприятия и понимания ситуации, оцениваемых в категориях нарушения суверенитета, квалификации действий России как агрессии, права на самооборону [Biden, 2022].

Попытки сгладить коллизию предпринимались в разное время либо самими сторонами инициативно, либо через посредников/амбассадоров «добрых услуг». Россия, например, до начала СВО высказывала намерение сузить объект и предмет спора путем выведения за скобки обсуждения проблемы Крыма, но согласия на реинтеграцию Донбасса в Украину на определенных условиях [Карасин, 2015]. В основу Стамбульских соглашений 2022 г. между конфликтующими сторонами был положен предварительный консенсус по поводу откладывания территориальных разногласий и сосредоточения на вопросах послевоенного статуса Украины и обеспечения ей международных гарантий безопасности [МИД РФ, 2023]. Затем стамбульский процесс забуксовал, однако в 2025 г. после встречи президентов России и США на Аляске последовала попытка его реанимировать, в том числе за счет предложений Украины обсудить будущий статус остающейся под ее контролем части Донбасса на основе «расширительно понимаемого компромисса» [Stokols, Dettmer, McLeary, 2025]. Важно отметить, что попытки сторон, предпринимаемые ими по корректировке объекта и предмета спора, имели ограниченный эффект, поскольку не устраняли фундаментальные основы конфликта, т. е. самые объект и предмет. Территориальный вопрос неизменно становился и пока остается непреодолимым препятствием на пути любого сближения конфликтующих и сопричастных к событию. Во всех случаях Украина и солидарные с нею США и ЕС настаивают на возвращении к международно-признанным границам 1991 г., а действия России характеризуют в понятиях *fait accompli* [Lewis, 2024]. Россия со своей стороны заявляет о защите своих интересов и требует закрепления претензий на присоединенные и контролируемые ее войсками территории [Путин, 2025]. Кардинальная неуступчивость субъектов конфликта по территориям и их статусу во многом определяет ход и внутреннее содержание всей вооруженной конфронтации. По заключению экспертов Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, в силу этой причины динамика эскалации конфликтного взаимодействия в последнее время развивается по нарастающей и прогнозируется оставаться таковой в ближайшей перспективе [ИМЭМО РАН, 2025, с. 32]. Возможности перевода конфликта в переговорное русло пока останутся ограниченными, а силовой фактор будет определяющим при движении к терминальной фазе противостояния.

Фокусируя исследовательское внимание на содержании конфликта, важно подчеркнуть, что этот элемент структуры в целом детерминируется логикой военной динамики, которая, в свою очередь, была и продолжает оставаться стабильно эскалирующей. Маркеры эскалации напрямую влияют на сущностные характеристики конфликта, определяющие протекание процесса взаимодействия в конкретных формах. Выделим в качестве признаков военной эскалации растущую массовость, расширение географии, интенсификацию вооруженного насилия, повышение роли механизмов политической социализации и проследим детерминирующие связи с содержательным наполнением рассматриваемого явления. В ходе анализа субъектной стороны конфликта авторы использовали метафору «эффект воронки» для описания текущей стадии противостояния и тем самым фиксировали прогрессирующий рост числа государств – прямых участников вооруженной конфронтации. Вместе с тем индикаторы массовости конфликта измеряются и иными значениями. Прежде всего, это численность вооруженных сил и парамилитарных формирований, непосредственно участвующих в вооруженных столкновениях. Согласно OSINT-источникам, в феврале 2022 г. российская военная группировка, задействованная в проведении СВО, насчитывала до 190 тыс. чел. [Martin, 2022], в то время как в 2026 г. президент России В. Путин обозначил ее количественный состав уже свыше 700 тыс. чел. [Путин, 2026]. Общая численность вооруженных сил Украины в начале конфликта составляла 196 тыс. чел., а к концу 2025 г. в ходе организованных властями 14 волн мобилизации (в том числе трех в 2022 г., четырех в 2023 г., четырех в 2024 г. и трех в 2025 г.) воинский контингент на линии боевого соприкосновения оценивался в 490 тыс. чел. или 57 % от всей армии [Broyard, 2025]. К составу

комбатантов можно также добавить наемников, трафик которых на украинской стороне, например, только из западных стран составил 13 тыс. чел. с 2022 по 2024 гг. [Snider, 2024]. Приведенные данные совокупно отражают не столько растущую прогрессию количественных показателей, сколько указывают на складывание качественно новой ситуации, в которой конфликт динамично продвигается к наивысшей степени своего проявления.

Одновременно с ростом участия вооруженный конфликт расширяется пространственно. Если в начале событий это была относительно локальная история с охватом военными действиями сравнительно небольших территорий на Левобережной Украине, то в последствии театром военных действий становится весь периметр российско-украинской границы. Со второй половины 2025 г. в зоне поражения средствами ведения войны оказались ближние и дальние тылы Российской Федерации, что стало возможным благодаря западным поставкам Украине дальнобойных дронов и крылатых ракет [Пухов, 2024, с. 24]. В то же время украинские спецслужбы развернули на российской территории активную диверсионную деятельность, география которой весьма обширна. Общая площадь прямо или косвенно вовлеченных в конфликт пространств неуклонно увеличивается, в том числе и за счет включения в орбиту весьма отдаленных от эпицентра событий зон. Например, украинские вооруженные силы пытаются блокировать российские морские коммуникации во многих акваториях Мирового океана, а ряд стран НАТО предоставляют Украине свои территории и воздушное пространство для нанесения ударов за линией боевого соприкосновения. Тенденция к дальнейшему расширению пространственно-географических рамок конфликта, по всей видимости, сохранит свою актуальность, поскольку многие участники российско-украинской вооруженной конфронтации сохраняют и продолжают наращивать свою заинтересованность в продолжении и эскалации этого антагонизма.

Возрастающая военная динамика наиболее заметна при определении степени вооруженного насилия, взаимно используемого сторонами в конфликте. В свою очередь, такой уровень давления на противника напрямую детерминируется номенклатурой применяемых средств поражения. В этом аспекте наблюдаются настоящие тектонические сдвиги. Если конфликт начинался как боестолкновение классического типа с использованием преимущественно традиционного вооружения (авиация, бронетехника, артиллерия), то затем профиль ведения вооруженной борьбы кардинально изменился за счет внедрения беспилотных технологий и применения продвинутых ракетных систем. Эти нововведения не только принципиальным образом реформируют природу войны, так как переносят акцент на внедрение автономных и дистанционных способов ведения боя, но и в значительной мере усиливают поражающий эффект неприятельских ресурсов в силу возросших реальных и потенциальных возможностей [Тренин, 2026]. В условиях осуществления инерционного сценария ведения боевых действий, к которому украинская сторона перешла в 2023 г., а российская – со второй половины 2025 г., оба враждующих государства сделали ставку на систематическое разрушение тыловой инфраструктуры противника с целью сломить его способность к дальнейшему сопротивлению. В соответствии с намерениями, российские вооруженные силы применяют в массовом количестве авиационные бомбы большой мощности ФАБ с модулями планирования, крылатые ракеты Х-101 и «Калибр», баллистические ракеты «Искандер», в том числе «Циркон», «Кинжал», «Орешник», обладающие внушительной дальностью, гиперзвуковой скоростью и мощной силой разрушения. Результатами применения стали выведение из строя объектов военного назначения и перебои в энергоснабжении по всей территории Украины [Watling, 2025]. Ответными действиями украинские вооруженные силы ввели в оборот дальнобойные беспилотные летательные аппараты, т. н. *deep-strike* и крылатые ракеты большой дальности FP-1 «Flamingo», создавая тем самым проблемы в российском тылу из-за фокусированного давления на логистику, особенно топливную и энергоинфраструктуру. Украинские удары по топливно-энергетическим мощностям России особенно чувствительно отразились на состоянии экономики, поскольку в зоне активной войны оказалась жизненная территория

страны [ТАСС, 2026]. Использование сторонами конфликта новых, более эффективных средств поражения напрямую коррелируется с повышением градуса вооруженного насилия, выводя его на грань приемлемого применения. Вполне очевидно, что при сохранении высокой эскалирующей динамики конфликта пределы обоюдного насилия скоро обозначат себя, что подведет конфликтующих к точкам бифуркации во всей системе вооруженной конфронтации.

Интенсификация конфликта, особенно длящегося по времени, как правило, не ограничивается собственно военной сферой и постепенно захватывает гражданские общества противоборствующих сторон. Втягивание нонкомбатантов в водоворот военных событий происходит разными путями, но, как правило, это происходит объективно в силу нахождения в зоне боевых действий, причем последняя сегодня понимается весьма расширительно из-за изменившихся условий ведения войн. Другой способ – это целенаправленное формирование новых политико-идеологических позиций и культурно-ценностных ориентаций у населения через каналы государственной пропаганды. Техники здесь довольно просты: по ходу конфликта пропагандистского материала в жизни людей становится не просто кратно больше, меняется его контентная часть, т. е. пропаганда милитаризируется. В массовом сознании моделируется определенный образ восприятия событийной ленты, в котором противник демонизируется, а собственные граждане морально подготавливаются к участию в вооруженной борьбе в том или ином качестве [Лассуэлл, 1929]. Вопрос о результативности работы пропагандистского аппарата по обе стороны конфликта, равно как и в более широкой постановке – о степени влияния когнитивных факторов на динамику российско-украинской вооруженной конфронтации, безусловно, заслуживает отдельного и более детального рассмотрения. Вместе с тем по истечении четырех лет конфронтации уже можно заметить, как, например, Украина и солидарные с ней государства Европы существенно продвинулись в направлениях маргинализации России в глобальном информационном поле и генерирования «нации войны» из собственных граждан [Ipsos, 2022; Eurobarometer, 2025]. Российские пропагандистские ресурсы также зеркально тематизируют дискурс, фокусируя медиа преимущественно на задаче сплочения общества «вокруг знамени». Масштабность пропагандистской деятельности на конфликтующих полюсах достаточно предсказуема – по мере эскалации военных действий неизбежно будет нарастать и информационно-психологическое противостояние [Сивков, 2014], а значит, останутся востребованными основные средства политической социализации и инструменты формирования общественного мнения.

Резюмируя, можно отдельно подчеркнуть, что содержание российско-украинского конфликтинга на нынешнем этапе его развития наполнено признаками нарастающей эскалации. Фиксация этого утверждения позволяет не только дополнить интегративную характеристику противостояния как конфликта массовидного, развивающегося в пространстве, обостренно насильственного, идеологизирующегося, но и оттенить актуальность проблемы моделирования эскалации сторонами конфликта и выхода их на позиции военной и политической финализации взаимного противоборства.

Проведенный авторами аналитический демонтаж структуры российско-украинского вооруженного конфликта в известной степени позволяет проследить эволюцию базовых элементов этой структуры в общем русле эскалации антагонизма, что, в свою очередь, дает нам основания сделать предположения перспективного характера. Здесь важно отметить, что эскалация вооруженного конфликта, рассматриваемая как процесс и явление в целом и в совокупности отдельных юнитов структуры, не может развиваться *ad infinitum*. Принимая решение о дальнейшем обострении конфликтного взаимодействия, военно-политическое руководство враждующих государств, как правило, моделирует ситуацию и определяет для себя пределы собственно эскалации. Судя по намерениям и действиям лидеров и иных фронтменов сторон, в текущей фазе конфликта они не считают потенциал эскалации исчерпанным и готовы делать ставки на повышение. Политики Украины и практически воюющей ее руками против России коалиции западных стран рассчитывают не столько на военную победу, сколько на постепенное истощение российского общества через постоянные

атаки, человеческие жертвы и психологическое давление. Эскалация по версии этой стороны конфликта заключается в продвижении стратегии выматывания, т. е. ориентация на длительную конфронтацию. Чертой отсечения эскалационного трека, по всей вероятности, может стать реальная infernalная угроза для жизнедеятельности собственных государств и обществ. Россия сегодня *de facto* существует в фазе активной войны, хотя продолжает оставаться в рамках стратегии, избранной с конца февраля 2022 г. и подчиненной конечной цели не военного поражения противника, а в виде принуждения его к компромиссному миру. Дальнейшими эскалирующими действиями стороны против Украины может стать перевод конфликта из статуса СВО в полномасштабную войну по западным доктринам [Warden, 1988]. Изменение концептуальных рамок конфликта позволит приблизить сценарий ведения боевых действий к достижению классической цели любой войны, заключающейся в победе над противником через лишение его возможности к дальнейшему сопротивлению [Клаузевиц, 1998]. Реверсивный ход России от эскалации может последовать, например, в случае прямого вступления или угрозы вступления в войну блока НАТО на стороне Украины либо из-за складывания какой-либо критической ситуации внутри страны, предполагающей невозможность поддерживать военную динамику на высоком уровне интенсивности.

Отмеченные авторами соображения выстроены в духе аксиоматического анализа и, разумеется, содержат лишь набор условных допущений. Вместе с тем эти гипотетические сентенции позволяют хотя бы эскизно очертить возможные варианты перехода сторон от эскалации к финальной фазе конфликта – его завершению. *Modus operandi* участников процесса здесь представляется весьма ограниченным. Главным фактором, сужающим маневр субъектов, остается предыдущая стадия эскалации. Если рассматривать эскалацию через оптику неопременного условия для ускорения финишизации конфликта, то можно проследить три альтернативы: а) абсолютизированная эскалация приводит к глобальной войне; б) пацификация с выходом на постконфликтную фазу; в) заморозка конфликта на неопределенный срок вследствие взаимного истощения в ходе эскалационной гонки. В случае реализации первых двух решений последует глубокая структурная перестройка конфликта, что выведет его анализ на качественно иной уровень. Если воплотится третья возможность, то структура конфликта останется неизменной и будет определять взаимоотношения сторон в прежней логике. Структуризация конфликта как инструмент упорядочивания знаний об эволюции составляющих структуру элементов в таком варианте будет востребована по крайней мере для отслеживания и корректировки эпикриза.

Заключение

Длющийся российско-украинский вооруженный конфликт, безусловно, может считаться самым масштабным на территории Европы со времен окончания Второй мировой войны. Основные параметры квалификации этого явления и процесса составляют формулу конфликта как межгосударственного, политико-территориального, массового, насильственного, пространственного, интенсивного. Направление динамики развития конфликта определяется по классической для такого рода феноменов траектории – от латентной фазы к фазе открытого противоборства с перспективой выхода на фазу завершения. В актуальном состоянии конфликт находится на этапе эскалации фазы открытого и прямого противостояния. Обосновывающим доводом в пользу данного утверждения выступает проведенная структуризация вооруженного антагонизма. Осуществленный структурный анализ дает основания полагать, что динамика развития и сам вектор эскалации во многом детерминируются количественными и качественными изменениями во внутренней организации конфликта, затрагивающими субъектную и объектную стороны, содержательную нагрузку. Трансформация состава участников, модификация предмета и объекта спора, корректировки военного и политического поведения сторон превращают эскалацию конфликта в многофакторный процесс, что, в свою очередь, экстраполирует сложность оценки перспектив конфликта на потенциальную фазу завершения. Потребность в определении вероятности материализации той или иной версии исхода российско-украинского вооруженного

конфликта в первую очередь в интересах действий сторон в рамках стратегии рационального выбора повышает релевантность структуризации как научно-практического метода.

Список источников

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список литературы

- Анцупов А.Я., Шипилов А.И. 2000. Конфликтология. М., ЮНИТИ, 551 с.
- Гришина Н.В. 2008. Психология конфликта. СПб., Питер Пресс, 544 с.
- Иванков К.В. 2023. Российско-украинские отношения в 2014–2022 гг.: основные геополитические изменения. Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 1(1): 66–80. doi: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-66-80
- Ильясов Б.Г., Герасимова И.Б., Карамзина А.Г., Сайтова Г.А. 2017. Структурный подход к построению методологии исследования систем. Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Технические науки, 2(54): 24–32.
- ИМЭМО РАН. 2025. Россия и мир: 2026. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, 24: 202 с. doi: 10.20542/978-5-9535-0647-2
- Карасин Г.Б. 2015. Мир по пунктам. Российский совет по международным делам, 9 апреля. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/mir-po-punktam/> (дата обращения: 07.07.2026).
- Кикнадзе В.Г. 2023. Спецоперация. Украинский фронт войны против России. М., Прометей, 504 с.
- Клаузевиц К. 1998. О войне. М., Логос; Наука, 451 с.
- Лавров С.В. 2026. Украина, Европа и глобальная безопасность, 19 июня https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2120138/ (дата обращения: 30.06.2026).
- Лассуэлл Г.Д. 1929. Техника пропаганды в мировой войне. М., Л.; Отдел военной литературы, 200 с.
- Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 2023. Позиция Китая по политическому решению украинского кризиса, 24 февраля. https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202302/t20230224_11030707.shtml (дата обращения: 02.07.2026).
- Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2023. Заявление МИД России о Стамбульских договоренностях, 17 июля. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1897157/ (дата обращения: 07.07.2026).
- Никанорова Н.Ю. 2024. Международно-правовая квалификация конфликта в Донбассе в период с марта 2014 г. по 21 февраля 2022 г. Вестник Московского университета. Серия 11. Право, 1(65): 179–196.
- Путин В.В. 2022. Обращение Президента Российской Федерации, 24 февраля <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67843> (дата обращения: 06.07.2026).
- Путин В.В. 2024. Итоги года с Владимиром Путиным. Прямая линия и пресс-конференция Президента Российской Федерации, 19 декабря. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75909> (дата обращения: 06.07.2026).
- Путин В.В. 2025. Интервью каналам Aaj Tak и India Today, 4 декабря. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78649/videos> (дата обращения: 07.07.2026).
- Путин В.В. 2026. Встреча с военнослужащими-участниками СВО, 12 июня. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/80017> (дата обращения: 10.07.2026).
- Пухов Р.Н. 2024. От «специальной» к «военной». Россия в глобальной политике, 22(2): 21–36. doi: 10.31278/1810-6439-2024-22-2-21-36
- Светлов В.А., Сидоров Н.М. 2019. Универсальная модель конфликта как аксиоматическая система. Гуманитарные и социальные науки, 1: 125–134. doi: 10.23683/2070-1403-2019-72-1-125-134
- Сивков К.В. 2014. Современная война – это борьба за информационное превосходство. Российский совет по международным делам, 8 мая. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennaya-voyna-eto-borba-za-informatsionnoe-prevoskhodst/> (дата обращения: 12.07.2026).

- ТАСС. 2026. Новак оценил ситуацию на рынке топлива в России как напряженную, 7 июля. <https://tass.ru/ekonomika/27894295> (дата обращения: 11.07.2026).
- Тренин Д.В. 2026. Облик и характер войн новой эпохи. Российский совет по международным делам, 6 мая. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/oblik-i-kharakter-voyn-novoy-epokhi/> (дата обращения: 11.07.2026).
- Antezza A., Bompreszi P., Dyussimbinov Y. et al., 2025. The Ukraine Support Tracker. Which Countries Help Ukraine and How? Kiel Institute for the World Economy. Kiel Working Paper. 2218, June 4: 1–75.
- Biden J.R. 2022. Remarks by President Biden on the United Efforts of the Free World to Support the People of Ukraine. Warsaw, Poland, March 26. The White House. <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/26/remarks-by-president-biden-on-the-united-efforts-of-the-free-world-to-support-the-people-of-ukraine/> (accessed: 06.07.2026).
- Broyard L. 2025. Ukraine 2014–2025: Mobilizations and Losses. International Reporters, October 2. <https://irpress.ru/ru/2025/10/02/ukraina-2014-2025-mobilizaczii-i-poteri/> (accessed: 10.07.2026).
- Eurobarometer. 2025. The EU's Response to the War in Ukraine. Eurobarometer Report. October–November. Strasbourg, European Commission, Directorate General for Communicational, 53 p.
- Giddens A. 1973. The Class Structure of the Advanced Societies. New York, Barnes & Noble, 336 p.
- Henke M., Martinova I., Knobloch T. 2026. Europe Goes its Own Way. Foreign Affairs, June 29. <https://www.foreignaffairs.com/europe/europe-goes-its-own-way> (accessed: 30.06.2026).
- Ipsos. 2022. Global Public Opinion about the War in Ukraine. Survey Results, April 19. <https://www.ipsos.com/en-us/global-public-opinion-about-war-ukraine> (accessed: 11.07.2026).
- Kofman M. 2026. Ukraine's War of Endurance. Foreign Affairs, February 16. <https://www.foreignaffairs.com/russia/ukraines-war-endurance> (accessed: 30.06.2026).
- Lewis S. 2024. Ukraine not Ready to Compromise with Russia, says Zelenskiy Aide. Reuters, July 3. <https://www.reuters.com/world/europe/ukraine-not-ready-compromise-with-russia-says-zelenskiy-aide-2024-07-03/> (accessed: 07.07.2026).
- Martin C. 2022. A Graphical Comparison of Russian, Ukrainian Forces a Year into War. Defense News, February 24. <https://www.defensenews.com/global/europe/2022/02/24/a-graphical-comparison-of-russian-and-ukrainian-military-forces/> (accessed: 10.07.2026).
- Rose G. 2026. Iran as Vietnam, Ukraine as Korea. Foreign Affairs, May 20. <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/iran-vietnam-ukraine-korea> (accessed: 02.07.2026).
- Rubio M. 2026. Secretary of State Marco Rubio Remarks to Press. Manama, Bahrain, June 25. U.S. Department of State. <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/06/secretary-of-state-marco-rubio-remarks-to-press-12/> (accessed: 02.07.2026).
- SIPRI. 2025. Ukraine the World's Biggest Arms Importer; United States' Dominance of Global Arms Exports Grows as Russian Exports Continue to Fall. Stockholm International Peace Research Institute, March 10. <https://www.sipri.org/media/press-release/2025/ukraine-worlds-biggest-arms-importer-united-states-dominance-global-arms-exports-grows-russian> (accessed: 21.06.2026).
- Snider T. 2024. How Many Westerners are Fighting in Ukraine? Responsible Statecraft, March 20. <https://responsiblestatecraft.org/foreign-fighters-ukraine/> (accessed: 10.07.2026).
- Stokols E., Dettmer J., McLeary P. 2025. Ukraine Hopes to Entice Trump with a 'Free Economic Zone' in Latest Peace Plan. Politico, December 11. <https://www.politico.com/news/2025/12/11/ukraine-proposes-a-free-economic-zone-in-latest-peace-plan-00687155> (accessed: 07.07.2026).
- U.S. Department of State. 2025. U.S. Security Cooperation with Ukraine. Bureau of Political-Military Affairs. Fact Sheet. March 15. <https://www.state.gov/bureau-of-political-military-affairs/releases/2025/01/u-s-security-cooperation-with-ukraine> (accessed: 30.06.2026).
- Walker Sh. 2025. Zelenskyy Reject Claim Boris Johnson Talked Him out of 2022 Peace Deal. The Guardian, February 15.
- Warden III J.A. 1988. The Air Campaign: Planning for Combat. Washington DC, National Defense University, 211 p.
- Watling J. 2025. Ukraine's Hardest Winter. Foreign Affairs, November 11. https://www.foreignaffairs.com/ukraine/ukraines-hardest-winter?s=EDZZZ005ZX&utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=Ukraine%E2%80%99s%20Hardest%20Winter&utm_content=20251111&utm_term=N (accessed: 11.07.2026).
- Whitaker M. 2026. US Sees NATO with Benefits for Countries that Spend More for Arms. Bloomberg, July 1. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-07-01/us-sees-nato-with-benefits-for-countries-that-spend-more-on-arms> (accessed: 02.07.2026).

References

- Ancupov A.Ya., Shipilov A.I. 2000. Konfliktologiya [Conflict Studies]. M., YUNITI, 551 s.
- Grishina N.V. 2008. Psihologiya konflikta [Psychology is in Conflict]. SPb., Piter Press, 544 s.
- Ivankov K.V. 2023. Rossijsko-ukrainskie otnosheniya v 2014–2022 gg.: osnovnye geopoliticheskie izmeneniya [Russian-Ukrainian Relations in 2014–2022: Main Geopolitical Changes]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki, 1(1): 66–80. doi: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-66-80
- Il'yasov B.G., Gerasimova I.B., Karamzina A.G., Saitova G.A. 2017. Strukturnyj podhod k postroeniyu metodologii issledovaniya system [A Structural Approach to Building a Methodology for System Research]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta. Seriya: Tehnicheskie nauki, 2(54): 24–32.
- MEMO RAN. 2025. Rossiya i mir: 2026. Ekonomika i vneshnyaya politika. Ezhegodnyj prognoz [Russia and the World: 2026. Economy and Foreign Policy. Annual Forecast]. Institut mirovoj ekonomiki i mezhdunarodnyh otnoshenij Rossijskoj akademii nauk, 24: 202 s. doi: 10.20542/978-5-9535-0647-2
- Karasin G.B. 2015. Mir po punktam [Peace Point by Point]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 9 aprelya. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/mir-po-punktam/> (data obrashcheniya: 07.07.2026).
- Kiknadze V.G. 2023. Specoperaciya. Ukrainskij front vojny protiv Rossii [Special Operation. Ukrainian Front of War against Russia]. M., Prometej, 504 s.
- Klauzevic K. 1998. O vojne [About the War]. M., Logos; Nauka, 451 s.
- Lavrov S.V. 2026. Ukraina, Evropa i global'naya bezopasnost' [Ukraine, Europe and Global Security], 19 iyunya https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2120138/ (data obrashcheniya: 30.06.2026).
- Lasswell G.D. 1929. Tehnika propagandy v mirovoj vojne [Propaganda of Technology in the World War]. Moskva; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Otdel voennoj literatury», 200 s.
- Ministerstvo inostrannyh del Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. 2023. Poziciya Kitaya po politicheskomu resheniyu ukrainskogo krizisa [China's Position on the Political Solution to the Ukrainian Crisis], 24 fevralya. https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202302/t20230224_11030707.shtml (data obrashcheniya: 02.07.2026).
- Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii [Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. 2023. Zayavlenie MID Rossii o Stambul'skih dogovorennostyah [Statement of the Ministry of Foreign Affairs of Russia on the Istanbul Agreements], 17 iyulya. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1897157/ (data obrashcheniya: 07.07.2026).
- Nikanorova N.Yu. 2024. Mezhdunarodno-pravovaya kvalifikaciya konflikta v Donbasse v period s marta 2014 g. po 21 fevralya 2022 g. [The International Legal Classification of the Conflict in Donbas from March 2014 to February 21, 2022]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo, 1(65): 179–196.
- Putin V.V. 2022. Obrashchenie Prezidenta Rossijskoj Federacii [Address of the President of the Russian Federation], 24 fevralya <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67843> (data obrashcheniya: 06.07.2026).
- Putin V.V. 2024. Itogi goda s Vladimirom Putinyom. Pryamaya liniya i press-konferenciya Prezidenta Rossijskoj Federacii [Last Year with Vladimir Putin. Direct Line and Press Conference of the President of the Russian Federation], 19 dekabrya. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75909> (data obrashcheniya: 06.07.2026).
- Putin V.V. 2025. Interv'yu kanalam Aaj Tak i India Today [Interview Channels Aaj Tak and India Today], 4 dekabrya. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78649/videos> (data obrashcheniya: 07.07.2026).
- Putin V.V. 2026. Vstrecha s voennosluzhashchimi-uchastnikami SVO [Meeting with Servicemen-Participants of the Special Military Operation], 12 iyunya. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/80017> (data obrashcheniya: 10.07.2026).
- Puhov R.N. 2024. Ot «special'noj» k «voennoj» [From «Special» to «Military»]. Rossiya v global'noj politike, 22(2): 21–36. doi: 10.31278/1810-6439-2024-22-2-21-36.
- Svetlov V.A., Sidorov N.M. 2019. Universal'naya model' konflikta kak aksiomaticheskaya sistema [A Universal Model of Conflict as an Axiomatic System]. Gumanitarnye i social'nye nauki, 1: 125–134. doi: 10.23683/2070-1403-2019-72-1-125-134
- Sivkov K.V. 2014. Sovremennaya vojna – ehto bor'ba za informacionnoe prevoshodstvo. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam [Modern Warfare is a Struggle for Information Superiority. Russian Council on International Affairs], 8 maya. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennaya-vojna-eto-borba-za-informatsionnoe-prevoshodstvo/> (data obrashcheniya: 12.07.2026).
- TASS. 2026. Novak ocenil situaciyu ocenil situaciyu na rynke topliva v Rossii kak napryazhennuyu [Novak Assessed the Situation on the Fuel Market in Russia as Tense], 7 iyulya. <https://tass.ru/ekonomika/27894295> (data obrashcheniya: 11.07.2026).

- Trenin D.V. 2026. Oblik i harakter vojn novoy ehpoi. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam [A New Era of Style and Character Warfare. Russian Council on International Affairs], 6 maya. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/oblik-i-kharakter-voyn-novoy-epokhi/> (data obrashcheniya: 11.07.2026).
- Antezza A., Bompreszi P., Dyussimbinov Y. et al., 2025. The Ukraine Support Tracker. Which Countries Help Ukraine and How? Kiel Institute for the World Economy. Kiel Working Paper. 2218, June 4: 1–75.
- Biden J.R. 2022. Remarks by President Biden on the United Efforts of the Free World to Support the People of Ukraine. Warsaw, Poland, March 26. The White House. <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/26/remarks-by-president-biden-on-the-united-efforts-of-the-free-world-to-support-the-people-of-ukraine/> (accessed: 06.07.2026).
- Broyard L. 2025. Ukraine 2014–2025: Mobilizations and Losses. International Reporters, October 2. <https://irpress.ru/ru/2025/10/02/ukraina-2014-2025-mobilizaczii-i-poteri/> (accessed: 10.07.2026).
- Eurobarometer. 2025. The EU's Response to the War in Ukraine. Eurobarometer Report. October–November. Strasbourg, European Commission, Directorate General for Communicational, 53 p.
- Giddens A. 1973. The Class Structure of the Advanced Societies. New York, Barnes & Noble, 336 p.
- Henke M., Martinova I., Knobloch T. 2026. Europe Goes its Own Way. Foreign Affairs, June 29. <https://www.foreignaffairs.com/europe/europe-goes-its-own-way> (accessed: 30.06.2026).
- Ipsos. 2022. Global Public Opinion about the War in Ukraine. Survey Results, April 19. <https://www.ipsos.com/en-us/global-public-opinion-about-war-ukraine> (accessed: 11.07.2026).
- Kofman M. 2026. Ukraine's War of Endurance. Foreign Affairs, February 16. <https://www.foreignaffairs.com/russia/ukraines-war-endurance> (accessed: 30.06.2026).
- Lewis S. 2024. Ukraine not Ready to Compromise with Russia, says Zelenskiy Aide. Reuters, July 3. <https://www.reuters.com/world/europe/ukraine-not-ready-compromise-with-russia-says-zelenskiy-aide-2024-07-03/> (accessed: 07.07.2026).
- Martin C. 2022. A Graphical Comparison of Russian, Ukrainian Forces a Year into War. Defense News, February 24. <https://www.defensenews.com/global/europe/2022/02/24/a-graphical-comparison-of-russian-and-ukrainian-military-forces/> (accessed: 10.07.2026).
- Rose G. 2026. Iran as Vietnam, Ukraine as Korea. Foreign Affairs, May 20. <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/iran-vietnam-ukraine-korea> (accessed: 02.07.2026).
- Rubio M. 2026. Secretary of State Marco Rubio Remarks to Press. Manama, Bahrain, June 25. U.S. Department of State. <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/06/secretary-of-state-marco-rubio-remarks-to-press-12/> (accessed: 02.07.2026).
- SIPRI. 2025. Ukraine the World's Biggest Arms Importer; United States' Dominance of Global Arms Exports Grows as Russian Exports Continue to Fall. Stockholm International Peace Research Institute, March 10. <https://www.sipri.org/media/press-release/2025/ukraine-worlds-biggest-arms-importer-united-states-dominance-global-arms-exports-grows-russian> (accessed: 21.06.2026).
- Snider T. 2024. How Many Westerners are Fighting in Ukraine? Responsible Statecraft, March 20. <https://responsiblestatecraft.org/foreign-fighters-ukraine/> (accessed: 10.07.2026).
- Stokols E., Dettmer J., McLeary P. 2025. Ukraine Hopes to Entice Trump with a 'Free Economic Zone' in Latest Peace Plan. Politico, December 11. <https://www.politico.com/news/2025/12/11/ukraine-proposes-a-free-economic-zone-in-latest-peace-plan-00687155> (accessed: 07.07.2026).
- U.S. Department of State. 2025. U.S. Security Cooperation with Ukraine. Bureau of Political-Military Affairs. Fact Sheet. March 15. <https://www.state.gov/bureau-of-political-military-affairs/releases/2025/01/u-s-security-cooperation-with-ukraine> (accessed: 30.06.2026).
- Walker Sh. 2025. Zelenskyy Reject Claim Boris Johnson Talked Him out of 2022 Peace Deal. The Guardian, February 15.
- Warden III J.A. 1988. The Air Campaign: Planning for Combat. Washington DC, National Defense University, 211 p.
- Watling J. 2025. Ukraine's Hardest Winter. Foreign Affairs, November 11. https://www.foreignaffairs.com/ukraine/ukraines-hardest-winter?s=EDZZZ005ZX&utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=Ukraine%E2%80%99s%20Hardest%20Winter&utm_content=20251111&utm_term=N (accessed: 11.07.2026).
- Whitaker M. 2026. US Sees NATO with Benefits for Countries that Spend More for Arms. Bloomberg, July 1. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-07-01/us-sees-nato-with-benefits-for-countries-that-spend-more-on-arms> (accessed: 02.07.2026).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 19.05.2026

Received: 19.05.2026

Поступила после рецензирования: 21.06.2026

Revised: 21.06.2026

Принята к публикации: 21.07.2026

Accepted: 21.07.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лобанов Константин Николаевич, доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0001-7653-8937](https://orcid.org/0009-0001-7653-8937)

Konstantin N. Lobanov, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

Половнева Людмила Сергеевна, кандидат политических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-3537-9084](https://orcid.org/0000-0003-3537-9084)

Lyudmila S. Polovneva, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor of the Department of Russian History and Records Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-3-721-732

EDN KSPCBE

Оригинальное исследование

Россия на постсоветском пространстве: возможности обеспечения национальной безопасности на примере существующих интеграционных объединений

Белащенко Д.А. , Шоджонов И.Ф.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

dmi-belashhenko@yandex.ru, shodzhonov@inbox.ru

Аннотация. В условиях турбулентности международной политической среды возникает необходимость рассмотрения инструментов государственного противодействия различным видам угроз. В данном исследовании авторы уделяют особое внимание такому инструменту, как интеграционные объединения, ориентируясь на примеры ОДКБ, ЕАЭС и СГРБ. Разнонаправленность данных организаций при совокупном рассмотрении формирует комплексный подход к обеспечению национальной безопасности. Ключевая цель исследования заключается в оценке эффективности и перспективности данных организаций как гарантов безопасности Российской Федерации на постсоветском пространстве. Авторы отмечают, что в современных условиях развитие интеграционных инициатив осложнено в том числе эскалацией военно-политической обстановки на постсоветском пространстве. Новая геополитическая реальность диктует правила и требует пересмотра как теоретических подходов к организации деятельности интеграционных систем, так и трансформации практических подходов. В рамках исследования авторы приходят к выводам о перспективности углубления и расширения существующих интеграционных систем, а также выдвигают тезис об их возможном взаимном проникновении.

Ключевые слова: интеграция, национальная безопасность, постсоветское пространство, ОДКБ, ЕАЭС, СГРБ, РФ

Финансирование: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ, номер темы FSWR-2025-0003.

Для цитирования: Белащенко Д.А., Шоджонов И.Ф. 2026. Россия на постсоветском пространстве: возможности обеспечения национальной безопасности на примере существующих интеграционных объединений. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 721–732. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-721-732. EDN: KSPCBE

Russia in the Post-Soviet Space: The Possibilities of Ensuring National Security on the Example of Existing Integration Associations

Dmitry A. Belashchenko , Imomidin F. Shodzhonov

National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

dmi-belashhenko@yandex.ru, shodzhonov@inbox.ru

Abstract. In the context of a turbulent international political environment, it is necessary to consider the tools of state counteraction to various types of threats. In this study, the authors pay special attention to integration associations, focusing on the examples of the CSTO, the EAEU and the USRB. The divergent nature of these organizations, when considered collectively, forms a comprehensive approach to ensuring national security. The key purpose of the study is to assess the effectiveness and prospects of these organizations as guarantors of the security of the Russian

Federation in the post-Soviet space from external threats. The authors note that in the current context, the development of integration initiatives is complicated, among other things, by the escalation of the military-political situation in the post-Soviet space. The new geopolitical reality dictates the rules and requires a revision of both theoretical approaches to organizing the activities of integration systems and the transformation of practical approaches. As part of the study, the authors come to conclusions about the prospects for deepening and expanding existing integration systems, as well as putting forward a thesis about their possible mutual penetration.

Keywords: integration, national security, post-Soviet space, CSTO, EAEU, USRB, Russian Federation

Financing: the research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project number FSWR-2025-0003.

For citation: Belashchenko D.A., Shodzhonov I.F. 2026. Russia in the Post-Soviet Space: The Possibilities of Ensuring National Security on the Example of Existing Integration Associations. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 721–732 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-721-732. EDN: KSPCBE

Введение

Первая четверть XXI в. ознаменовалась для Российской Федерации чередой значительных потрясений, ставших в том числе следствием попытки восстановить утраченный после распада СССР статус великой державы и закрепить позицию одного из ведущих центров силы. Один из наиболее эффективных инструментов реализации данной инициативы представлен планомерной интеграцией экономических, политических, социальных и оборонных ресурсов страны с государствами, традиционно входящими в российский ареал влияния. Создание зоны безопасности на постсоветском пространстве в рамках таких организаций, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Союзное государство России и Беларуси (СГРБ) определяет устойчивость Российской Федерации к внешним вызовам, в частности в условиях проведения специальной военной операции на Украине (СВО).

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступают интеграционные объединения постсоветского пространства, в состав которых входит Российская Федерация, в контексте их возможностей обеспечения национальной безопасности страны в условиях турбулентной международно-политической среды. Методологическая основа исследования заключается в системно-структурном и институциональном подходе к изучению предложенной проблематики с элементами сценарного метода. Исследование было выполнено в соответствии с принципами: системности, которые предполагают комплексное рассмотрение процессов с учетом ключевых факторов их развития. Авторы прибегают также к таким общенаучным методам, как анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, обобщение, систематизация.

Результаты и их обсуждение

Организация Договора о коллективной безопасности

После распада СССР перед бывшими советскими республиками встал вопрос о необходимости пересмотра существующей концепции обеспечения пограничной и внутрирегиональной безопасности. Основопологающей причиной актуализации данной идеи стала глобальная нестабильность, охватившая пространство бывшей сверхдержавы. Такие кризисные явления, как пограничные и этнические конфликты, стали объективной реальностью постсоветских региональных реалий. Армяно-азербайджанский, молдавско-приднестровский, таджикско-киргизский конфликты, гражданская война в Таджикистане

стали прямым следствием обретения суверенитета государствами, не имевшими реального опыта самостоятельной государственности [Турлыбаева, 2022].

Распад Союза стал катализатором возрождения территориальных и иных претензий бывших республик по отношению друг к другу [Турлыбаева, 2022]. Также актуальной угрозой для региона стала афганская проблема. Активизация группировки «Талибан» на таджикско-афганской границе, рост трафика оружия и наркотиков представлялись очевидной угрозой не только для Центральной Азии, но и для России. В данных условиях необходимо было создание некой платформы для обеспечения внутрирегиональной стабильности на пространстве бывшего СССР.

Организация Договора о коллективной безопасности берет свое начало с подписания Договора о коллективной безопасности (ДКБ) 15 мая 1992 г. в Ташкенте (вступил в силу в 1994 г.). Подписантами стали Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Позднее к нему присоединились Азербайджан, Беларусь и Грузия [История ОДКБ, 2025]. Договор изначально заключался с возможностью дальнейшего продления по истечении пятилетнего срока. В 1999 г. Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Россия и Беларусь подписали протокол о продлении ДКБ, а Грузия, Узбекистан и Азербайджан прекратили свое участие (вероятно, одной из мотиваций стало участие этих стран в ГУАМ и смена векторов внешнеполитической деятельности) [Белащенко и др., 2021].

В 2002 г. страны-участницы ДКБ приняли решение о придании данной структуре статуса официальной международной региональной организации. 7 октября 2002 г. в Кишиневе на саммите СНГ был подписан Устав ОДКБ, а в 2003 г. организация была зарегистрирована в Секретариате ООН. Структура ОДКБ представляет собой многоплановую и разноуровневую систему взаимодействия стран участниц, но в контексте нашего исследования следует сконцентрироваться на ряде ключевых структур, связанных с обеспечением коллективной безопасности.

К данным структурам относятся Коллективные силы безопасности ОДКБ, Коллективные силы быстрого развертывания в Центральноазиатском регионе коллективной безопасности (КСБР ЦАР), Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), а также Миротворческие силы ОДКБ. Помимо обозначенных в Уставе целей и задач организации, достаточно эффективно проводится работа в рамках регулярных операций «Наемник», «Прокси», «Канал», направленных на противодействие распространению экстремизма и терроризма на территории стран-участниц организации, а также пресечение наркотрафика.

«Наемник» с 2019 г. является ежегодной операцией ОДКБ по пресечению вербовки и въезда/выезда граждан стран-участниц ОДКБ для участия в террористической деятельности, а также нейтрализации ресурсной базы международных террористических организаций на пространстве ОДКБ.

Операция «Канал» реализуется с 2023 г. и направлена на противодействие незаконному обороту наркотиков. Согласно данным, представленным на официальном сайте ОДКБ, за время реализации программы было изъято свыше 428 тонн наркотиков, в т. ч. более 18 тонн героина. Выявлена и нейтрализована 6 351 наркогруппировка.

Операция «Прокси» направлена на противодействие киберугрозам безопасности стран-участниц. Согласно данным на 2015–2020 гг., было обнаружено более 700 тысяч интернет-сайтов экстремистской направленности и возбуждено более 100 тысяч уголовных дел [Данилова, 2025].

Эффективность работы ОДКБ часто подвергается критике со стороны экспертов ввиду мнимого отсутствия «крупных/показательных» действий организации на постсоветском пространстве. В пример приводится бездействие ОДКБ в июне 2010 г. во время внутриполитического кризиса в Киргизии, когда после обращения президента Р.Н. Отунбаевой силы организации не были использованы для подавления протестов. 2021 г. также стал точкой преткновения для стран-участниц из-за обострения армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе и оставшихся без внимания призывов премьер-министра Н.В. Пашиняна использовать силы ОДКБ на территории непризнанной республики.

Данные факты часто интерпретируются как неспособность организации быть структурой, способной обеспечить безопасность государств-участников, но зачастую это связано с неправильной трактовкой Устава ОДКБ. Так, ситуация в Киргизии являлась сугубо внутривнутриполитическим кейсом и не отвечала требованиям статьи 4. Ситуация в Армении тем более не попадала под действие устава ОДКБ ввиду того, что Нагорный Карабах так и не был де-юре признан Арменией как часть территории страны.

Показателем эффективной работы организации стали события января 2022 г., когда массовые протесты в Республике Казахстан переросли в попытку государственного переворота. События, развернувшиеся в стране, по оценкам нынешнего президента К.-Ж.К. Токаева, можно было охарактеризовать как «акт внешней агрессии», что стало достаточным основанием для обращения руководства страны в ОДКБ [Котов, Шоджонов, 2022].

Благодаря тому, что ОДКБ в экстренном порядке привела в действие положения Устава и обеспечила Казахстан поддержкой в виде миротворческих сил ОДКБ, занимавшихся организацией безопасности стратегических объектов, органам внутреннего правопорядка и вооруженным силам Казахстана удалось подавить угрозу и стабилизировать обстановку внутри страны [Котов, Шоджонов, 2022].

Сегодня ОДКБ, безусловно, можно считать эффективной организацией, способной осуществлять свою деятельность в рамках действующей нормативно-правовой базы. Отдельного внимания заслуживает деятельность ОДКБ на международной арене. Так, один из положительных моментов деятельности заключается в планомерном наращивании взаимодействия с другими международными региональными структурами. Значительное внимание уделяется координации усилий ОДКБ и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в сфере обеспечения анти- и контртеррористической безопасности. Кроме того, необходимо отметить, что осуществляется взаимодействие по трехстороннему каналу СНГ – ОДКБ – ШОС. Так, 3 сентября 2025 г. генеральные секретари трех организаций подписали дорожную карту по развитию сотрудничества с целью поддержания глобального мира и безопасности. Также было заявлено намерение о сопряжении интеграционных проектов и гармонизации отношений центров развития в Евразии [Генсеки ОДКБ, СНГ и ШОС..., 2025].

В этих условиях мы можем предполагать, что ОДКБ сегодня находится в периоде активной трансформации и способна в будущем стать частью более крупного интеграционного объединения. Один из возможных вариантов дальнейшего развития организации – создание некоего «восточного блока» государств, связанных между собой экономическими, политическими и оборонными интересами, выступающего как реальный противовес интеграционной модели «коллективного Запада».

Евразийский экономический союз

ЕАЭС является наиболее молодой организацией из рассматриваемых в рамках данной статьи. Основанный в мае 2014 г. (в разгар Украинского кризиса) Евразийский экономический союз, пусть и имевший в качестве основы 20 лет развития евразийской интеграции и формального предшественника в виде Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), фактически стал первым на постсоветском пространстве объединением с реальными интеграционными контурами и целями. Несмотря на относительно немногочисленный состав (сейчас 5 государств-членов), включивший тем не менее почти все ведущие экономики бывшего СССР за исключением Украины, ЕАЭС изначально предполагал создание наднациональных органов, чего не встречалось ранее ни в одной международной организации региона.

Несмотря на достаточно сдержанные прогнозы перспектив ЕАЭС [Белашенко и др., 2020, 548–550; Kirkham, 2016; Sergi, 2018; Skirko, 2020]) и развернувшуюся кампанию по дискредитации евразийской интеграции (позиционирование ее в качестве инструмента «втягивания» государств постсоветского пространства в орбиту влияния Москвы), организация сумела не просто сохраниться в исходном составе, но и нарастить темпы и объемы взаимодействия, а также выйти за пределы границ государств-участников и создать новые интеграционные контуры [Горбунова и

др., 2022; Плюйко, 2024; Vinokurov, 2023] (в частности за счет создания зон свободной торговли с Вьетнамом, Ираном, Сербией, Сингапуром и интенсификации сотрудничества с рядом других государств, в т. ч. за пределами Евразии), заложив основы для формирования Большого Евразийского партнерства (БЕП) [Семенова, 2025, с. 233].

При этом стоит отметить, что, несмотря на свои прогрессивные для постсоветских международных организаций структуру и цели, ЕАЭС изначально являлся объединением с ограниченными возможностями в плане осваиваемых сфер интеграции. По сравнению со своим предшественником ЕврАзЭС, Союз сосредоточен исключительно на экономических и финансовых направлениях, а также в гораздо меньшей степени на социокультурной сфере. С одной стороны, это полностью соответствует классическим теориям интеграции, установившим, что в первую очередь интеграция должна осуществляться в экономике и лишь затем в других сферах. В то же время в рамках ЕврАзЭС наряду с декларируемым в названии «полем деятельности» были созданы и предпосылки для развития политической интеграции (например, парламентская структура), и реализовывались вполне успешные проекты в области культуры, а также шла работа по сближению и унификации систем образования. Все эти аспекты были исключены при подготовке текста договора 2014 г.

Украинский кризис, на фоне развития которого создавался и начинал функционировать ЕАЭС, сыграл двойственную роль в истории евразийской интеграции. С одной стороны, он послужил своеобразным стимулом для активизации сотрудничества стран «пятерки». Никто из государств-участников Союза не желал повторения аналогичных событий на своей территории, справедливо видя в углублении и укреплении сотрудничества определенные гарантии от попыток «привнесения демократии извне» (все участники сталкивались с неоднократными попытками организации у себя «цветных» революций).

С другой стороны, никто из государств-участников ЕАЭС (как и других организаций на постсоветском пространстве) не поддержал публично политику России в рамках Украинского кризиса, реинтеграцию Крыма, позицию Москвы по конфликту в Донбассе и т. д. В основном все сводилось к дежурным заявлениям о необходимости решения конфликтов мирным путем, организации переговоров и т. д. Фактически речь идет о занятии нейтральной позиции, но при этом на постсоветском пространстве менялось восприятие России и евразийской интеграции в целом. Позиции государств-членов ЕАЭС, в т. ч. ближайших союзников России – Беларуси и Казахстана, становились более осторожными, а внешнеполитические модели все больше склонялись к многовекторности.

Соответственно, можно выделить два разнонаправленных процесса в рамках евразийской интеграции: для первого характерны поступательное развитие сотрудничества, укрепление и дальнейшая институционализация ЕАЭС, переход к реализации масштабных проектов, формирование трансграничного контура за счет взаимодействия с внешними партнерами, а для второго – снижение темпов интеграционного сближения государств-участников, проблемы с унификацией законодательств государств-участников и формировании евразийского права в целом, появление расхождений между декларируемыми в стратегических документах целями и реальными практическими достижениями, неоднократные критические заявления лидеров и представителей государств-участников в адрес ЕАЭС и/или России.

К числу достижений ЕАЭС можно отнести рост объемов торговли государств-участников между собой, вступление в силу Таможенного кодекса в 2018 г., формирование трансграничного контура интеграции за счет заключения соглашений различного типа с государствами Евразии (включая в т. ч. Китай), запуск масштабных проектов в сфере общего рынка труда («Работа без границ», 2021 г.), экологии, логистики и транспортных коридоров, «зеленой экономики» и т. д. При этом сохранялись и проблемы, связанные не только с перечисленными ранее факторами, но и, например, с неготовностью России переориентировать свою внешнюю политику на евразийское направление. Кроме того, на темпы и глубину интеграции оказывали свое влияние и внешние факторы (уже упоминавшийся Украинский кризис, пандемия COVID-19).

С началом специальной военной операции России на Украине (СВО) перед ЕАЭС и евразийской интеграцией в целом встали новые вызовы. В условиях ужесточения санкционных мер в отношении России и Беларуси некоторые участники заявили о поддержке международных рестрикций. Так, Казахстан заявил, что «не будет инструментом для обхода санкций против России со стороны США и ЕС. Мы будем соблюдать санкции» [В Казахстане заявили..., 2022]. При этом Москва оказывалась в достаточно сложной позиции, поскольку конфронтация с партнерами по ЕАЭС могла значительно усугубить состояние российской экономики, которая в тот момент находилась в стадии поиска новых цепочек поставок возможных путей преодоления наложенных ограничений.

За период 2022–2025 гг. ЕАЭС пережил несколько этапов. В первый год СВО наблюдался спад в объемах двусторонней торговли России и государств-членов Союза, а также в целом в экономических показателях организации. Однако уже в 2023 г., согласно официальной статистике, объемы вернулись и даже превысили предыдущие уровни. Кроме того, возникли новые органы ЕАЭС: Евразийская перестраховочная компания (поддержка внутренней и внешней торговли и стимулирование инвестиционного сотрудничества) и Специальная комиссия по кооперации и импортозамещению в приоритетных и высокотехнологичных отраслях промышленности. Данные шаги предпринимались для сдерживания «эрозии интеграционного ландшафта» [Рекеда, 2022]. Несмотря на имеющиеся сложности и влияние кризиса системы международных отношений, ЕАЭС сумел сохранить как состав и структуру, так и общую направленность действий, а также курс на реализацию совместных проектов [Овчаренко, 2023].

В то же время в условиях продолжающейся СВО, многочисленных санкций и перманентного ухудшения международно-политической обстановки развитие ЕАЭС и евразийской интеграции в целом будет происходить средними или низкими темпами ввиду отвлечения России, ключевой экономики Союза, на иные направления. Еще одной проблемой является позиция и действия отдельных государств-членов. Так, ввиду переориентации внешнеполитического курса Армении и регулярных заявлений руководства возможно изменение позиции Еревана относительно членства в ЕАЭС [Пашинян прокомментировал..., 2025]. Кроме того, определённые опасения вызывают и государства Центральной Азии, активно диверсифицирующие направления своей внешней политики. Так, в ноябре 2025 г. лидеры всех пяти государств региона посетили США, подписав в Вашингтоне с президентом Д. Трампом серию соглашений экономического и финансового характера [Постникова, 2025]. Возможным инструментом интенсификации евразийской интеграции и укрепления ЕАЭС может стать сопряжение инициатив Союза с проектами и инициативами АСЕАН и ШОС, но в таком случае у России появятся серьезные конкуренты в виде Китая и иных экономически развитых государств.

Союзное государство России и Беларуси

Отношения России и Беларуси в рамках Союзного государства являются одним из самых успешных примеров интеграционного сотрудничества на постсоветском пространстве. В 1998 г. Минск и Москва заключили договоры, гарантирующие равное отношение к гражданам и хозяйствующим субъектам двух стран. Граница между Москвой и Минском – одна из немногих на постсоветском пространстве, где таможенный и пограничный контроль практически никогда не применялся. Ее режим и функции определяются политикой интеграции, провозглашенной руководством обеих стран [Kolosov, Morachevskaya, 2020].

В 1999 г. был подписан Договор о создании Союзного государства России и Беларуси. Документ представил масштабную программу интеграции, в том числе создание общей конституции, парламента, оборонной и внешней политики, валюты, таможни, налогов и т. д. В том же году была создана Региональная группировка войск, состоящая из белорусской армии и российской 20-й общевойсковой армии. Однако в первые годы в ряде аспектов договор носил скорее декларативный характер [Sivitsky, 2019].

В рамках развития проекта Союзного государства внешнеполитическая стратегия Минска заключалась в поддержании тесного экономического сотрудничества с Москвой, а также в

налаживании взаимодействия с Европейским союзом. Беларусь уделяла приоритетное внимание доступу к недорогим российским энергоресурсам, включая газ и нефтепродукты. Кроме того, Россия представляла собой крупный рынок сбыта белорусских продуктов питания. Москва, напротив, рассматривала Беларусь как важное связующее звено с Европой. Такая динамика объясняет, почему Россия вносит две трети в бюджет Союзного государства (65 %), а Беларусь – остальную часть. Между тем Россия остается крупнейшим иностранным инвестором в экономику Беларуси, ее основным торговым партнером и кредитором [El-Sheikh, 2025].

Характерным импульсом для дальнейшей интеграции государств стали белорусские события 2020 г., которые де-факто приостановили возможности Минска к более глубокому взаимодействию со странами ЕС. По мнению экспертов клуба Валдай, после 2020 г. Россия и Беларусь перешли от межотраслевого сотрудничества, которое не исключает конфликтов, поскольку взаимные поставки могут быть заменены, к внутриотраслевому сотрудничеству, которое исключает конфликты. В свою очередь, это создает предпосылки для планирования и реализации амбициозных совместных проектов в самых разных областях, от геополитики до экономики [Koktysh, 2025].

10 сентября 2021 года в Минске состоялось заседание Совета Министров Союзного государства. По итогам мероприятия были одобрены Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 гг. и 28 Союзных программ, направленных на реализацию масштабных задач по укреплению российско-белорусской интеграции (их разработка осуществлялась с 2018 г.). Кроме того, было объявлено о создании к 1 декабря 2023 г. единого рынка газа, единого рынка нефти и нефтепродуктов, а также единого рынка электроэнергии. В контексте макроэкономики договоренность говорит о синхронизации стратегического управления в Российской Федерации и Республике Беларусь, единой промышленной политике, доступе к госзакупкам и госзаказу, при этом субсидиарные меры будут направлены со стороны РФ на Республику Беларусь.

В рамках Петербургского международного экономического форума, прошедшего в 2023 г., заместитель Министра экономики Республики Беларусь А.Н. Абраменко в своём выступлении подчеркнула, что «задачами на 2023 г. остаются формирование общего транспортного рынка, объединение энергетических систем, аграрной политики, ветеринарные меры, признание ветсертификатов» [Союзное государство..., 2023].

Следующим шагом в рамках интеграции экономической и социальной сфер стал Декрет «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы» от 29 января 2024 г., затрагивающий такие аспекты, как создание общего финансового рынка, общего информационного пространства, объединенных энергетических рынков и т. д. Также официальные показатели объемов торговли в 2024 г. свидетельствуют о существенном росте экспорта белорусской продукции в Россию, что существенно укрепляет продовольственную и ресурсную безопасность Союзного Государства [Белоруссия увеличила..., 2024].

Параллельным треком интеграции в рамках Союзного Государства стало углубление сотрудничества в рамках военно-политической безопасности. Важным шагом в данном направлении стало Постановление от 4 ноября 2021 г. № 5 «О Военной доктрине Союзного Государства», в котором региональная группировка войск (РГВ(с)) является наиболее упоминаемым и основным элементом системы военной безопасности [Вагапов, 2024]. По мнению некоторых европейских аналитических центров, положения новой доктрины указывают на то, что военная интеграция России и Беларуси будет углубляться до такой степени, что белорусские вооруженные силы будут полностью совместимы с вооруженными силами России с точки зрения подготовки, систем командования и используемого оборудования и что на практике, на оперативном уровне, они будут частью вооруженных сил России [Dyner, 2022].

В период 2022–2023 гг. в информационном пространстве всё чаще появлялась информация, что Россия разместит ядерное оружие в Беларуси, что стало бы первым подобным размещением ядерного оружия в союзном государстве после распада СССР. Можно

выделить три основных мотива для такого размещения: гарантии безопасности, расширение политики сдерживания и демонстрация силы для оппонентов Москвы и Минска [Sorg, 2025].

Договор о гарантиях взаимной безопасности между Россией и Республикой Беларусь был подписан президентами стран 6 декабря 2024 г. в Минске в рамках заседания Высшего госсвета Союзного государства. В документе были прописаны гарантии безопасности, что подтверждает стратегический военный союз Москвы и Минска, а также перечислены взаимные гарантии оказания помощи с использованием всех имеющихся сил и ресурсов в ситуациях, когда любая из сторон сталкивается с угрозой безопасности. Вместе с этим подчёркивается, что новое соглашение не внесло никаких качественных глобальных изменений в рамки сотрудничества двух государств в области безопасности ввиду уже существующей военно-политической практики взаимодействия Москвы и Минска [Kłysiński, Zochowski, 2024].

В данном контексте, по словам спикера МИД РФ Марии Захаровой о военных учениях «Запад-2025», «одним из основных направлений укрепления общего оборонного пространства России и Беларуси является повышение боевых возможностей региональной группировки войск...» [О совместных..., 2025]. Согласно позиции Министерства иностранных дел Российской Федерации, данное мероприятие носит оборонительный характер. В ходе учений были поставлены цели по отработке вариантов совместных действий по отражению агрессии против СГРБ на фоне усиления напряжённости в Европе и увеличения активности НАТО на границах РФ и РБ [О совместных..., 2025].

Заключение

Современная конфигурация постсоветского пространства включает в себя ряд интеграционных объединений, которые в той или иной степени выступают важными элементами обеспечения национальной безопасности России. При этом каждая из существующих структур имеет свои особенности, исходя из состава и численности участников, специфики деятельности организации, имеющегося потенциала для дальнейшего развития и противостояния внешним и внутренним угрозам.

Потенциал и возможности ОДКБ, по нашему мнению, остаются нераскрытыми полностью, что, вероятно, требует пересмотра нормативно-правовой базы и расширения перечня сфер активных действий, в том числе в условиях активной эскалации международно-политической обстановки. В то же время в рамках продолжающейся СВО существует понимание о долгосрочной реализации возможных нормативно-правовых и структурных трансформаций. Российская Федерация как лидер и основной вкладчик данной организации, безусловно, является и должна быть основным мотиватором и двигателем данных фундаментальных изменений.

В свою очередь, ЕАЭС является важным инструментом экономической политики России на постсоветском пространстве, а также консолидации региона. Несмотря на достаточно молодой по историческим меркам возраст, Союз смог не только продолжить большинство имеющихся достижений евразийской интеграции, но и существенно их развить в плане институционализации и практических результатов.

Однако и особенности развития ЕАЭС, и текущая ситуация не позволяют максимально использовать потенциал организации, что в перспективе может привести к негативным последствиям в случае дальнейшей фрагментации постсоветского пространства и отсутствия существенных достижений в рамках деятельности Союза. То же самое касается и возможных сценариев расширения состава ЕАЭС и вовлечения новых, помимо экономики, сфер в процессы интеграции.

Говоря о работе СГРБ, за последние пять лет Российской Федерацией и Республикой Беларусь были достигнуты значительные шаги по развитию сотрудничества, успех которого по своему масштабу сопоставим с работой, произведённой за первые десятилетия с момента создания проекта. Импульс, заданный в начале 2020-х гг., с большой долей вероятности приведёт к дальнейшему углублению сотрудничества между государствами в условиях

глобальной турбулентности, агрессивной санкционной политики со стороны США и их союзников, а также формированию новых региональных и трансрегиональных моделей экономического развития.

Список литературы

- Белашенко Д.А., Толкачев В.В., Шмелев А.П., Шоджонов И.Ф. 2021. Деятельность ГУАМ на постсоветском пространстве: намерения, результаты, перспективы. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 14(3): 84–105. doi: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-5
- Белашенко Д.А., Толкачев В.В., Шоджонов И.Ф. 2020. Евразийский экономический союз: перспективы и проблемы интеграции на постсоветском пространстве. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 20(3): 543–559. doi: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559
- Белоруссия увеличила биржевой экспорт в РФ за 11 месяцев в 9,5 раза. 2024. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22757569> (дата обращения: 16.11.2025).
- Вагапов Д.Р. 2024. Обеспечение региональной безопасности в интеграционной повестке Союзного государства России и Белоруссии. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение*. 48: 41–53. doi: 10.26516/2073-3380.2024.48.41
- В Казахстане заявили, что не будут инструментом для обхода санкций. 2022. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220401/kazakhstan-1781253259.html> (дата обращения: 16.11.2025).
- Генсеки ОДКБ, СНГ и ШОС подписали дорожную карту сотрудничества. 2025. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250903/kitay-2039383144.html> (дата обращения: 16.11.2025).
- Горбунова М.Л., Комаров И.Д., Белашенко Д.А. 2022. К вопросу о стратегии формирования трансрегионального интеграционного контура ЕАЭС. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 4: 26–42. doi: 10.22394/2073-2929-2022-04-26-42
- Данилова Л.Д. 2025. ОДКБ как инструмент поддержания международной безопасности в современном мире. *Вестник науки*, 3(3): 408–420.
- Котов М.В., Шоджонов И.Ф. 2022. ОДКБ как инструмент деэскалации протестной активности в Республике Казахстан в январе 2022 года. В кн.: Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов X Всероссийской научной конференции. Самара, 30 апреля 2022 г. / отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара, 88–94.
- О совместных российско-белорусских учениях «Запад». 2025. Посольство Российской Федерации в Республике Беларусь. URL: https://belarus.mid.ru/ru/press-centre/news/o_sovmestnykh_rossiysko_belorusskikh_ucheniakh_zapad/ (дата обращения: 16.11.2025).
- Овчаренко Д.В. 2023. Перспективы развития ЕАЭС в условиях противостояния России и Запада. *Проблемы постсоветского пространства*, 10(4): 356–364. doi: 10.24975/2313-8920-2023-10-4-356-364
- Пашиян прокомментировал возможность выхода Армении из ЕАЭС. 2025. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250828/pashinyan-2038050024.html> (дата обращения: 16.11.2025).
- Плюйко А.Ю. 2024. Особенности межрегионального и приграничного сотрудничества между государствами-членами ЕАЭС. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 17(2): 189–205. doi: 10.31249/kgt/2024.02.10
- Постникова Е. 2025. Какие сделки лидеры Центральной Азии заключили с Трампом в Белом доме. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/11/2025/690e15669a79472af8f882dd> (дата обращения: 16.11.2025).
- Рекеда С.В. 2022. Трансформация образа Евразийского экономического союза в условиях углубления кризиса международных отношений в 2022 году. *Социодиггер*, 3(12). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/transformacija-obraza-evraziiskogo-ehkonomicheskogo-sojuza-v-usloviyakh-uglublenija-krizisa-mezhdunarodnykh-otnoshenii-v-2022-godu> (дата обращения: 16.11.2025).
- Семенова М.С. 2025. Евразийская экономическая интеграция: этапы эволюции. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*, 25(2): 228–236. doi: 10.18500/1819-4907-2025-25-2-228-236
- Союзное государство: стратегия взаимодействия России и Беларуси. 2023. Росконгресс. URL: <https://roscongress.org/sessions/spief-2023-soyuznoe-gosudarstvo-strategiya-vzaimodeystviya-rossii-i-belarusi/discussion/> (дата обращения: 10.11.2025).

- Турлыбаева Д.Т. 2022. Исторические предпосылки становления Организации Договора о коллективной безопасности. *Современная научная мысль*, 4: 232–240. doi: 10.24412/2308-264X-2022-4-232-240
- Dyner A.M. 2023 Belarus and Russia Move to the Next Stage of Integration. *Polish Institute of International Affairs*. URL: <https://pism.pl/publications/belarus-and-russia-move-to-the-next-stage-of-integration> (accessed: 16.11.2025).
- El-Sheikh N. 2025. European Security Concerns amid Deepening Russia-Belarus Integration. *Future for Advanced Research and Studies*. URL: <https://futureuae.com/en-us/Mainpage/Item/10471/the-union-state-european-security-concerns-amid-deepening-russia-belarus-integration> (accessed: 16.11.2025).
- Kirkham K. 2016. The Formation of the Eurasian Economic Union: How Successful is the Russian Regional Hegemony? *Journal of Eurasian Studies*, 7(2): 111–128. doi: 10.1016/j.euras.2015.06.002
- Kłysiński K., Żochowski P. 2024. Security Above all: A Revised Belarus – Russia Alliance. *Centre for Eastern Studies*. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2024-12-09/security-above-all-a-revised-belarus-russia-alliance> (accessed: 16.11.2025).
- Koktysh K. 2025. The Future of the Union State of Belarus and Russia: The Union State from a Historical Perspective. *Valdai Discussion Club*. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/the-future-of-the-union-state-of-belarus-and-russia/> (accessed: 16.11.2025).
- Kolosov V., Morachevskaya K. 2020. The Role of an Open Border in the Development of Peripheral Border Regions: The Case of Russian-Belarusian Borderland. *Journal of Borderlands Studies*, 37(3): 533–550. doi: 10.1080/08865655.2020.1806095
- Sergi B.S. 2018. Putin’s and Russian-led Eurasian Economic Union: A Hybrid Half-economics and Half-political “Janus Bifrons”. *Journal of Eurasian Studies*, 9(1): 52–60. doi: 10.1016/j.euras.2017.12.005
- Sivitsky A. 2019. Belarus – Russia: From a Strategic Deal to an Integration Ultimatum. *Russia Foreign Policy Papers*. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2019/12/rfp3-sivitsky.pdf> (accessed: 16.11.2025).
- Skirko N.I. 2020. Development of the EAEU Regional Trade through the Formation of Some Institutional and Economic Factors of Integration. *Журнал Белорусского государственного университета. Международные отношения*, 2: 25–30.
- Sorg A. 2025. Nuclear Belarus: Explaining Russian Security Guarantees. *The Nonproliferation Review*, 1–21. doi: 10.1080/10736700.2025.2523702
- Vinokurov E., Zabojev A., Malakhov A., Maslova S. 2023. Cross-Border Public-Private Partnerships. Reports and Working Papers 23/3. Almaty, Eurasian Development Bank, 82 p.

References

- Belashchenko D.A., Tolkachev V.V., Shmelev A.P., Shodzhonov I.F. 2021. GUAM Activity in the Post-Soviet Space: Intentions, Results, Prospects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 14(3): 84–105 (in Russian). doi: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-5
- Belashchenko D.A., Tolkachev V.V., Shodzhonov I.F. 2020. Eurasian Economic Union: Prospects and Problems of Integration in the Post-Soviet Space. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20(3): 543–559 (in Russian). doi: 10.22363/2313-0660-2020-20-3-543-559
- Belorussiya uvelichila birzhevoj eksport v RF za 11 mesyacev v 9,5 raza [Belarus Increased its Exchange Exports to Russia by 9.5 Times over the Past 11 Months]. 2024. TASS. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/22757569> (accessed: 16.11.2025).
- Vagapov D.R. 2024. Ensuring Regional Security on the Integration Agenda of the Union State of Russian Federation and Belarus. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 48: 41–53 (in Russian). doi: 10.26516/2073-3380.2024.48.41
- V Kazahstane zajavili, chto ne budut instrumentom dlja obhoda sankcij [Kazakhstan has stated that it will not be used as a Tool to Circumvent Sanctions]. 2022. RIA Novosti. Available at: <https://ria.ru/20220401/kazakhstan-1781253259.html> (accessed: 16.11.2025).
- Genseki ODKB, SNG i ShOS podpisali dorozhnyu kartu sotrudnichestva [The CSTO, CIS and SCO Secretaries General Signed a Roadmap for Cooperation]. 2025. RIA Novosti. Available at: <https://ria.ru/20250903/kitay-2039383144.html> (accessed: 16.11.2025).
- Gorbunova M.L., Komarov I.D., Belashchenko D.A. 2022. On the Issue of the Strategy for the Formation of the Trans-Regional Integration Contour of the EAEU. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 4: 26–42 (in Russian). doi: 10.22394/2073-2929-2022-04-26-42

- Danilova L.D. 2025. ODKB kak instrument podderzhaniya mezhdunarodnoj bezopasnosti v sovremennom mire [The CSTO as a Tool for Maintaining International Security in the Modern World]. *Vestnik nauki*, 3(3): 408–420.
- Kotov M.V., Shodzhonov I.F. 2022. The CSTO as a Tool to De-Escalation of Protest Activity in the Republic of Kazakhstan in January 2022. In: *Vneshnopoliticheskie interesy Rossii: istoriya i sovremennost'* [Russia's Foreign Policy Interests: History and Modernity]. *Sbornik materialov X Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Samara, 30 aprelja 2022 g. / otv. red. A.N. Skvoznikov. Samara, Samarama, 88–94 (in Russian).
- O sovmestnyh rossijsko-belorusskikh ucheniyah «Zapad» [On the Joint Russian-Belarusian Exercises "Zapad"]. 2025. *Posol'stvo Rossijskoj Federacii v Respublike Belarus*. Available at: URL: https://belarus.mid.ru/ru/press-centre/news/o_sovmestnykh_rossijsko_belorusskikh_ucheniakh_zapad/ (accessed: 16.11.2025).
- Ovcharenko D.V. 2023. Prospects for the Development of the EAEU Amid a Confrontation between Russia and the West. *Post-Soviet Issues*. 10(4): 356–364. (in Russian). doi: 10.24975/2313-8920-2023-10-4-356-364
- Pashinjan prokomentiroval vozmozhnost' vyhoda Armenii iz EAJeS [Pashinyan Commented on the Possibility of Armenia's Withdrawal from the EAEU]. 2025. *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20250828/pashinyan-2038050024.html> (accessed: 16.11.2025).
- Pljukko A.Ju. 2024. Unique Features of the EAEU Interregional and Cross border Cooperation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 17(2): 189–205 (in Russian). doi: 10.31249/kgt/2024.02.10
- Postnikova E. 2025. Kakie sdelki lidery Central'noj Azii zakljuchili s Trampom v Belom dome [What Deals did Central Asian Leaders Make with Trump in the White House]. *RBK*. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/07/11/2025/690e15669a79472af8f882dd> (accessed: 16.11.2025).
- Rekeda S.V. 2022. Transformacija obraza Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza v uslovijah uglublenija krizisa mezhdunarodnyh otnoshenij v 2022 godu [Transformation of the Image of the Eurasian Economic Union amid the Deepening Crisis of International Relations in 2022]. *Sociodigger*, 3(12). Available at: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/transformacija-obraza-evrazijskogo-ehkonomicheskogo-sojuza-v-uslovijakh-uglublenija-krizisa-mezhdunarodnykh-otnoshenii-v-2022-godu> (accessed: 16.11.2025).
- Semenova M.S. 2025. Eurasian Economic Integration: Stages of Evolution. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 25(2): 228–236 (in Russian). doi: 10.18500/1819-4907-2025-25-2-228-236
- Soyuznoe gosudarstvo: strategiya vzaimodejstviya Rossii i Belarusi [The Union State: A Strategy for Interaction between Russia and Belarus]. 2023. *Roskongress*. Available at: <https://roscongress.org/sessions/spief-2023-soyuznoe-gosudarstvo-strategiya-vzaimodeystviya-rossii-i-belarusi/discussion/> (accessed: 16.11.2025).
- Turlybaeva D.T. 2022. Historical Prerequisites for the Formation of the Collective Security Treaty Organization. *Sovremennaja nauchnaja mysl'*, 4: 232–240 (in Russian). doi: 10.24412/2308-264X-2022-4-232-240
- Dyner A.M. 2023 Belarus and Russia Move to the Next Stage of Integration. *Polish Institute of International Affairs*. URL: <https://pism.pl/publications/belarus-and-russia-move-to-the-next-stage-of-integration> (accessed: 16.11.2025).
- El-Sheikh N. 2025. European Security Concerns amid Deepening Russia-Belarus Integration. *Future for Advanced Research and Studies*. URL: <https://futureuae.com/en-us/Mainpage/Item/10471/the-union-state-european-security-concerns-amid-deepening-russia-belarus-integration> (accessed: 16.11.2025).
- Kirkham K. 2016. The Formation of the Eurasian Economic Union: How Successful is the Russian Regional Hegemony? *Journal of Eurasian Studies*, 7(2): 111–128. doi: 10.1016/j.euras.2015.06.002
- Kłysiński K., Żochowski P. 2024. Security Above all: A Revised Belarus – Russia Alliance. *Centre for Eastern Studies*. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2024-12-09/security-above-all-a-revised-belarus-russia-alliance> (accessed: 16.11.2025).
- Koktysh K. 2025. The Future of the Union State of Belarus and Russia: The Union State from a Historical Perspective. *Valdai Discussion Club*. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/the-future-of-the-union-state-of-belarus-and-russia/> (accessed: 16.11.2025).
- Kolosov V., Morachevskaya K. 2020. The Role of an Open Border in the Development of Peripheral Border Regions: The Case of Russian-Belarusian Borderland. *Journal of Borderlands Studies*, 37(3): 533–550. doi: 10.1080/08865655.2020.1806095
- Sergi B.S. 2018. Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A Hybrid Half-economics and Half-political "Janus Bifrons". *Journal of Eurasian Studies*, 9(1): 52–60. doi: 10.1016/j.euras.2017.12.005
- Sivitsky A. 2019. Belarus – Russia: From a Strategic Deal to an Integration Ultimatum. *Russia Foreign Policy Papers*. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2019/12/rfp3-sivitsky.pdf> (accessed: 16.11.2025).

- Skirko N.I. 2020. Development of the EAEU Regional Trade through the Formation of Some Institutional and Economic Factors of Integration. *Журнал Белорусского государственного университета. Международные отношения*, 2: 25–30.
- Sorg A. 2025. Nuclear Belarus: Explaining Russian Security Guarantees. *The Nonproliferation Review*, 1–21. doi: 10.1080/10736700.2025.2523702
- Vinokurov E., Zaboev A., Malakhov A., Maslova S. 2023. Cross-Border Public-Private Partnerships. Reports and Working Papers 23/3. Almaty, Eurasian Development Bank, 82 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.04.2026

Received 20.04.2026

Поступила после рецензирования 10.05.2026

Revised 10.05.2026

Принята к публикации 10.06.2026

Accepted 10.06.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Белашенко Дмитрий Александрович, доцент кафедры истории и теории международных отношений, старший научный сотрудник, Агентство научных исследований и информации (АНИИ) «Лобачевский», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-0692-3418](https://orcid.org/0000-0002-0692-3418)

Шоджонов Имомидин Фозилович, доцент кафедры мировой дипломатии и международного права, старший научный сотрудник, Агентство научных исследований и информации (АНИИ) «Лобачевский», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-0913-2440](https://orcid.org/0000-0003-0913-2440)

Dmitry A. Belashchenko, Associate Professor of the Department of History and Theory of International Relations, Senior Researcher of the Lobachevsky Agency for Scientific Research and Information, National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Imomidin F. Shodzhonov, Associate Professor of the Department of World Diplomacy and International Law, Senior Researcher of the Lobachevsky Agency for Scientific Research and Information, National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 32.019.51

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-3-733-749

EDN KXZLJR

Оригинальное исследование

Историческая память и гражданская идентичность в процессе становления ценностных установок российской молодежи в публичном пространстве массовых коммуникаций

Нечаев Д.Н.¹ , Ильичев М.В.²

¹⁾ Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 302028, г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 12;

²⁾ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82
E-mail: nechaevpolitia@rambler.ru, gefest95@mail.ru

Аннотация. В представленной статье исследуется содержание и процесс становления ценностных установок российской молодежи в публичном пространстве политических коммуникаций 2014–2026 гг. на основе эмпирического материала по результатам опросов общенациональных и региональных социологических центров (ВЦИОМ, ВНИСЦ РАН, АНО «Агентство региональных социально-экономических проектов»). Авторы отмечают, что данный процесс представляет собой конкурентную среду институтов и акторов (государственных и негосударственных, внутренних и внешних), являющихся носителями разноплановых ценностей – как традиционных, которые транслируются в молодежную среду российскими системами образования, просвещения, воспитания, так и неолиберальных (глобальных) ценностей, исходящих от социальных сетей и новых медиа. Авторы статьи по результатам политологического анализа полученных социологических данных отражают в своей статье получаемые эффекты в виде спектра ценностей, сформировавшихся в сознании молодых людей.

Ключевые слова: молодежь России, ценности, патриотизм, историческая память, гражданская идентичность, публичное пространство, политические коммуникации

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Нечаев Д.Н., Ильичев М.В. 2026. Историческая память и гражданская идентичность в процессе становления ценностных установок российской молодежи в публичном пространстве массовых коммуникаций. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 733–749. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-733-749. EDN: KXZLJR

Historical Memory and Civic Identity in the Process of Shaping the Value Systems of Russian Youth in the Public Space of Mass Communications

Dmitry N. Nechaev¹ , Mikhail V. Ilyichev²

¹⁾ Central Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

12 Oktyabrskaya St., Orel 302028, Russia;

²⁾ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russia

E-mail: nechaevpolitia@rambler.ru, gefest95@mail.ru

Abstract. The article examines the content and process of forming value attitudes of Russian youth in the public space of political communications in 2014–2026 based on the empirical material obtained from the results of

© Нечаев Д.Н., Ильичев М.В., 2026

surveys conducted by national and regional sociological centers (VTsIOM, VNISC RAS, and the Agency for Regional Socio-Economic Projects). The authors note that this process takes place in a competitive environment, where institutions and actors (state and non-state, internal and external) carry diverse values, both traditional, which are transmitted to the youth environment by Russian education, enlightenment, education, and neoliberal (global) ones emanating from social networks and new media. Results of a political analysis of the sociological data allows the authors to discuss the effects gained as a spectrum of values formed in the minds of young people.

Keywords: Russian youth, values, patriotism, historical memory, civic identity, public space, political communications

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Nechaev D.N., Ilyichev M.V. 2026. Historical Memory and Civic Identity in the Process of Shaping the Value Systems of Russian Youth in the Public Space of Mass Communications. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 733–749 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-733-749. EDN: KXZLJR

Введение

Процесс становления исторической памяти и гражданской идентичности в молодежной среде России в публичном пространстве политических коммуникаций представляет для органов власти и управления, экспертного и научного сообщества особую значимость. Ведь сформировавшиеся в сознании новых поколений молодежи традиционные ценности, ключевые смыслы в виде проявления молодыми людьми любви к Родине и гражданской ответственности, исторические нарративы, в основе которых преемственность отечественной истории и уважение к героическим и трудовым свершениям предков, содействуют социальной и политической стабильности, консолидации общества, мобилизации патриотически настроенных граждан в контексте внешних и внутренних угроз.

Стоит отметить, что заявленная проблематика исследования не относится к числу глубоко и системно разработанных тем в социальных науках. Вместе с тем важно иметь в виду, что в научном дискурсе имеются работы по спектру вопросов, затрагиваемых в представленной статье. Так, например, проблематика молодежи отражена в работах В.В. Радаева, О.В. Поповой, С.Ю. Поповой, В.А. Лукова, И.В. Бормотова, М.И. Камаловой, С.О. Елишева и др. Актуальные вопросы идентичности, ценностей, исторической памяти, которые государственными и негосударственными институтами и акторами интегрируются в молодежную среду, отражены в исследованиях С.П. Перегудова, М.М. Мchedловой, Л.П. Репиной, Н.А. Ерофеева, С.П. Артеева, А.Н. Котляревича, Э. Эриксона, А. Ассман, Ф. Йейтса и др. Основные аспекты конкурентного поля массовых коммуникаций, в которое интегрирована и молодежь, исследуются в работах Ю. Хабермаса, К. Гинзбурга и др.

Проблематика исследования заключается в том, как и каким образом государственным и негосударственным институтам России в рамках политико-управленческих практик обеспечить интеграцию в сознание молодых людей традиционных ценностей и коллективную историческую память, выходящих на категорию гражданственности и патриотизма, при этом в условиях острой конкуренции в пространстве массовых коммуникаций и в контексте существующих внешних и внутренних рисков и угроз.

В качестве задачи исследования выступает выявление на основе эмпирических данных социологических опросов (первичных и вторичных) особенностей становления в молодежной среде исторической памяти и гражданской идентичности, являющихся компонентами формирования гражданственности и патриотизма молодых людей.

В рамках рабочей гипотезы статьи выступает предположение, что гражданственность и патриотизм тесно взаимосвязаны и переплетены, а становление этих ценностей в сознании российской молодежи проходит в конкурентном пространстве массовых коммуникаций. В рамках данного процесса, на который повлиял в 2014–2026 гг. ряд решений органов власти и управления РФ в области молодежной политики, новые поколения молодежи обретают коллективную историческую память, которая, в свою очередь, ведёт к становлению осознанной гражданственности и гражданской идентичности.

Объекты и методы исследования

Объектом анализа выступает молодежная группа, на которую в пространстве массовых коммуникаций воздействуют государственные и негосударственные институты, акторы, социальные сети в контексте транслирования в эту среду ценностей, смыслов и нарративов. В рамках политического анализа были использованы статистические методы, метод гребневого анализа Г. Гарфинкеля, факторный анализ, дискурс-анализ, метод вторичного анализа данных, case-study (метод ситуационного анализа).

Результаты и их обсуждение

Изучая заявленную в представленной статье проблематику, авторы пришли к выводу, что одними из ключевых компонентов обретения Россией совокупного суверенитета является интеграция в сознание новых поколений страны традиционных ценностей и коллективной исторической памяти. Данные аспекты не только помогают становлению в молодежной среде России гражданственности и патриотизма, но и обеспечивают преемственность поколений, сохраняя в государстве и обществе социальную и политическую стабильность, устойчивость политической системы, консолидацию социума в условиях перманентных рисков и угроз. На наш взгляд, катализатором данных процессов послужили следующие события: вхождение в 2014 году Крыма и Севастополя в состав России, начало проведения в 2022 году специальной военной операции (СВО) на Украине, экономические санкции и политический прессинг недружественных стран в отношении Российской Федерации.

Важно иметь в виду, что государственные и негосударственные институты России (системы образования, просвещения, воспитания, молодежные НКО), реализовывали на практике парадигму «вызов – ответ» в пространстве массовых коммуникаций, которая, по Ю. Хабермасу, способствует или, наоборот, мешает достижению взаимопонимания и консенсуса в обществе, демонстрируя «собственную закономерность социализаторской интеракции» [Хабермас, 2022, с. 829]. То есть неолиберальные ценности, глобальная история, свобода от предрассудков, индивидуализм, рационализм, защита прав меньшинств и др. [Котляревич, 2023, с. 9], транслируемые через социальные сети и новые медиа, сталкивались с традиционными ценностями и коллективной исторической памятью, интегрируемыми в сознание российской молодежи государственными и негосударственными структурами.

Стоит отметить, что системно традиционные ценности были изложены в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей». Авторы статьи, анализируя представленные в данном нормативном акте ценности, условно разделяли их на два больших кластера. Первый кластер представляет собой гражданские ценности, собственно гражданственность, жизнь, достоинство, права и свободы человека, созидательный труд, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь и уважение, единство народов России. Второй кластер вбирает в себя патриотические ценности, собственно патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, приоритет духовного над материальным, коллективизм, историческая память и преемственность поколений.

Важно отметить, что во временном отрезке 2014–2026 гг. российские исследователи вступающих в жизнь новых поколений стали активно изучать проблематику интеграции коллективной исторической памяти в сознание молодежи как «поколения Z» (2003–2023) [Радаев, 2020, с. 44] в типологии профессора ВШЭ В. Радаева. В проведенных в 2017 году социологических опросах Институтом социологии РАН, в преобразовавшемся впоследствии в ФНИСЦ РАН, фиксировалось, что историческая память молодых людей о прошлом отчетливо коррелируется с гордостью за свое Отечество. Такой ракурс выводов отмечает и профессор М.М. Мchedлова, подчеркивая, что в молодежных группах предметом гордости являются Победа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление страны, великая русская культура, освоение космического пространства [Мchedлова, 2017, с. 463].

Коллективная историческая память, формируемая государственными и негосударственными институтами России в сознании молодых людей, выступает важным компонентом становления гражданственности и патриотизма новых генераций. Это подтвердил и проведенный социологической службой АНО «Агентство региональных социально-экономических проектов» в мае 2026 года опрос молодежи в Воронежской области методом анкетирования (выборка составила 2 022 респондента) [Нечаев, Ильичев, 2026]. По итогам социологического опроса 27,85 % молодых людей подчеркнули, что историческая память помогает молодежи понять свои корни, традиции и культурное наследие. Кроме того, 11,56 % респондентов полагают, что понимание исторических процессов и событий помогает молодежи осознать свою роль в обществе, формирует активную гражданскую позицию. 5,81 % считают, что общая историческая память может объединять молодежь, способствуя чувству принадлежности и солидарности.

При этом половина респондентов (50,10 %) на передний план выдвигает положение, согласно которому знание истории позволяет обществу и молодым людям извлекать уроки из прошедших событий, предотвращать повторение ошибок. Данный аспект, например, очень четко соотносится с утверждением российского исследователя Л.П. Репиной о практике истории на службе памяти, которая выступает и как один из главных каналов передачи опыта о прошлом, и как важнейшая составляющая самоидентификации индивида, и как фактор, обеспечивающий «идентификацию и консолидацию социальных групп, формирующегося у них чувства общности» [Репина, 2020, с. 13–14].

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов на вопрос «В чём важность интеграции в сознание молодых людей исторической памяти?»
Distribution of answers to the question “What is the importance of integrating historical memory into the consciousness of young people?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Знание истории позволяет молодым людям извлекать уроки из прошедших событий, предотвращать повторение ошибок	1 018	50,10
Историческая память помогает молодежи понять свои корни, традиции и культурное наследие	566	27,85
Понимание исторических процессов и событий помогает молодежи осознать свою роль в обществе, формирует активную гражданскую позицию	235	11,56
Общая историческая память может объединять молодежь, способствуя чувству принадлежности и солидарности	118	5,81
Осознание исторических событий развивает у молодежи аналитические способности и критическое мышление	95	4,68
Итого:	2 032	100,00

Принципиально важным в данном опросе был аспект, связанный с источниками знаний об истории нашей страны для молодых людей, ведь, с одной стороны, для молодежи существует наличие альтернатив в источниках интерпретации отечественной истории, с другой стороны, молодые люди сталкиваются с псевдоисторическими утверждениями ряда зарубежных исследователей в отношении истории России, поскольку в историческом дискурсе стран Запада, Центральной и Восточной Европы, постсоветских стран размыта грань между «историей, риторикой и доказательствами» [Гинзбург, 2024, с. 10].

Для опрошенных респондентов иерархия в предпочтениях к источникам сложилась следующим образом: курсы в учебных заведениях (53,79 %), беседы в коллективах, в которых учился/работал (47,00 %), научные книги (33,02 %), беседы со знакомыми и близкими (31,99 %), передачи и публикации в СМИ (31,69 %), рассказы в семье (30,41 %), художественная литература (28,79 %), много путешествую и знаю эту историю не понаслышке (16,98 %).

Таблица 2

Table 2

Распределение ответов на вопрос «Какие для Вас существуют основные источники знаний об истории России?»

Distribution of answers to the question “What are the main sources of knowledge about the history of Russia for you?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Беседы в коллективах, в которых я учился/работал	955	47,00
Беседы со знакомыми и близкими	650	31,99
Курсы в учебных заведениях	1 093	53,79
Много путешествую и знаю эту историю не понаслышке	345	16,98
Научные книги	671	33,02
Передачи и публикации в СМИ	644	31,69
Рассказы в моей семье	618	30,41
Художественная литература	585	28,79

Примечание. При ответе на вопросы данного исследования респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Интересен в рамках социологического опроса был ассоциативный ряд событий. В данном контексте респонденты привели целый ряд ассоциаций, связанных с историей России, которые во многом помогают проследить, как «искусство памяти сохраняется в тенденциях нового века» [Йетс, 2023, с. 471]. Так, например, в этот ряд ассоциаций вошли следующие события и ракурсы. Это борьба с врагами Родины (37,35 %), картины исторических событий (36,32 %), язык, на котором я говорю (28,74 %), ощущение единства со своим народом (28,15 %), образы национальных героев (25,64 %). В этот ассоциативный ряд также вошли образы и картинки в книгах по истории (24,90 %), мифологические, культурные образы (21,70 %), образ матери (21,41 %), наиболее дорогие картины родной природы (18,21 %), детские воспоминания (18,11 %), образ руководителя страны (14,81 %), религиозные образы (14,03 %).

Таблица 3

Table 3

Распределение ответов на вопрос «Какие ассоциации возникают у Вас с историей России?»

Distribution of answers to the question “What associations do you have with the history of Russia?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Борьба с врагами Родины	759	37,35
Детские воспоминания	368	18,11
Картины исторических событий	738	36,32
Мифологические, культурные образы	441	21,70
Наиболее дорогие картины родной природы	370	18,21
Образ матери	435	21,41
Образ руководителя страны	301	14,81
Образы и картинки в книгах по истории	506	24,90
Образы национальных героев	521	25,64
Ощущение единства со своим народом	572	28,15
Религиозные образы	285	14,03
Язык, на котором я говорю	584	28,74

Примечание. При ответе на вопросы данного исследования респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

В рамках проводимого опроса воронежской молодежи не менее важен был и ракурс дихотомии память/амнезия (согласно парадигме А. Ассман «забвение – памятование» [Ассман, 2019, с. 12]), а именно того спектра мер со стороны государственных и негосударственных

институтов, которые будут оказывать позитивное воздействие на молодых людей в сохранении исторической памяти. Респонденты отметили следующие формы для сохранения и поддержания исторической памяти: сохранение памятников (48,77 %), участие в общественных инициативах (43,55 %), культурные мероприятия (выставки, концерты) (43,21 %), образование (уроки истории, лекции) (38,63 %), организация мероприятий (33,96 %), воспитание в семье (32,38 %), социальные сети и медиа (27,46 %), документирование устных историй (24,46 %), цифровизация исторических материалов (20,62 %).

Таблица 4
Table 4

Распределение ответов на вопрос «В каких формах (личных, институциональных, цифровых) лучше всего сохранять историческую память?»

The distribution of answers to the question “In what forms (personal, institutional, digital) is it best to preserve historical memory?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Участие в общественных инициативах	885	43,55
Социальные сети и медиа	558	27,46
Организация мероприятий	690	33,96
Документирование устных историй	497	24,46
Цифровизация исторических материалов	419	20,62
Культурные мероприятия (выставки, концерты)	878	43,21
Сохранение памятников	991	48,77
Воспитание в семье	658	32,38
Образование (уроки истории, лекции)	785	38,63

Примечание. При ответе на вопросы данного исследования респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

На вопрос «Что из перечисленных форматов, связанных с сохранением исторической памяти, производит на Вас сильное эмоциональное впечатление?» респонденты дали следующие ответы. На первом месте – участие в шествии Бессмертного полка 9 мая (66,63 %), на втором – просмотр советских художественных фильмов о Великой Отечественной войне (37,99 %), на третьем месте – рассказы родных (32,19 %). Далее идут рассказы учителей (31,15 %), встречи с ветеранами (31,05 %), просмотр современных российских фильмов о Великой Отечественной войне (26,08 %), школьные учебники (21,41 %), современные документальные фильмы (21,01 %), участие в акции «Капсула памяти» (18,31 %), участие в Эстафете памяти (16,68 %), акции у Поста № 1 (9,35 %), форумы в Интернет (10,93 %), мемуары полководцев (10,97 %), ток-шоу по ТВ (5,66 %).

Таким образом, иерархия ответов опрошенных молодых людей свидетельствует, с одной стороны, об эмоциональном восприятии молодыми людьми прошлого, которое воздействует на их ценности, формируя структуру гражданской ответственности и патриотизма молодежи. С другой стороны, история Отечества оформляется предельно актуальной для новых генераций, подтверждая вывод отечественного историка Н.А. Ерофеева о значимом «соотношении между прошлым и настоящим» [Ерофеев, 2025, с. 285].

Важный ракурс коллективной исторической памяти в молодежной среде выявил социологический опрос о геноциде советского народа в годы Великой Отечественной войны» (выборка 1 600 респондентов по России, опрос проведен в 2023 году). Если 90 % жителей Российской Федерации слышали о преступлениях нацистов и их пособников против мирного населения в годы войны, то молодые люди меньше, чем старшее поколение, знают о преступлениях нацистов. Согласно опросу, каждый пятый в возрасте от 18 до 24 лет не слышал об этом. Данный ракурс социологического опроса продемонстрировал органам власти и управления РФ, российскому социуму на значимость последовательной работы с молодежью в части формирования у нее коллективной исторической памяти, в рамках которой свой вклад должны внести системы образования, просвещения, воспитания с учетом субъективной оценки ее (молодежи) эмоционального состояния [Смирнов, 2024, с. 22].

Таблица 5
Table 5

Распределение ответов на вопрос «Что производит на Вас сильное эмоциональное впечатление при проведении различных акций, связанных с исторической памятью?»
Distribution of answers to the question “What makes a strong emotional impression on you when conducting various events related to historical memory?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Участие в шествии Бессмертного полка 9 мая	1 354	66,63
Участие в Эстафете памяти	339	16,68
Участие в акции «Капсула памяти»	372	18,31
Акции у Поста № 1	190	9,35
Просмотр советских художественных фильмов о Великой Отечественной войне	772	37,99
Просмотр современных российских фильмов о Великой Отечественной войне	530	26,08
Школьные учебники	435	21,41
Рассказы учителей	633	31,15
Рассказы родных	654	32,19
Современные документальные фильмы	427	21,01
Встречи с ветеранами	631	31,05
Мемуары полководцев	223	10,97
Ток-шоу по ТВ	115	5,66
Форумы в Интернете	222	10,93

Примечание. При ответе на вопросы данного исследования респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Используя метод «гребневого анализа», авторы статьи на материалах первичных и вторичных эмпирических данных относительно проводимой в России исторической политики делают вывод о том, что историческая память у молодёжи, как правило, является фрагментарной, интерес к истории не выступает цельным, а знания по истории страны не представляются системными. Вследствие этого задача государственных и негосударственных институтов управлять познанием истории молодыми людьми как живым процессом, связывая в их сознании общенациональные события и образы с историей семьи и малой родины.

Стоит также понимать, что историческая память в сознании молодежи может быть укоренной лишь в том случае, если для ее интеграции в сознании молодежи использован эмоционально насыщенный материал (кинохроника, истории очевидцев), вовлечение молодых людей в коммеморативные практики (посещение мест памяти, участие в патриотических акциях). Таким образом, через осмысление знаковых исторических событий и личностей у вступающих в жизнь новых поколений формируется чувство сопричастности к судьбам Родины и коллективное «Мы».

Важным аспектом социологического исследования воронежской молодежи как части российской молодежи стали вопросы этнической и гражданской идентичности, категории (идентичности), которую американский психолог Э. Эриксон понимал как «субъективное вдохновенное ощущения тождества и целостности» [Эриксон, 1996, с. 28]. В частности, на вопрос о том, по каким признакам у молодых людей происходит отождествление с той или иной национальностью, мнения респондентов разделилось. Так, 57,68 % респондентов отметили любовь к культуре своего народа (этнической группы), 41,49 % опрошенных обратили внимание на знание языка, 41,39 % – на знание истории, жизни предков. При этом 35,88 % респондентов акцентировали внимание на интересе к культуре своего народа, 33,91 % – на знание культуры народа и лишь 28,10 % – на семейное происхождение. Данный срез настроений позволяет авторам статьи сделать вывод о важности этнической идентичности для молодых людей, которая является одним из ключевых компонентов «самоопределения на уровне индивида... и на уровне социальных групп» [Артеев, 2023, с. 155].

Таблица 6
Table 6

Распределение ответов на вопрос «По каким признакам происходит отождествление себя с национальностью?»

The distribution of answers to the question “On what grounds does self-identification with nationality occur?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Знание языка	843	41,49
Любовь к культуре своего народа	1 172	57,68
Знание культуры	689	33,91
Знание истории, жизни предков	841	41,39
Интерес к культуре своего народа	729	35,88
Семейное происхождение	571	28,10

Примечание. При ответе на вопросы данного исследования респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

При этом важно подчеркнуть, что граница между этнической и гражданской идентичностями в сознании молодых людей пока еще не прочерчена четко, что свидетельствует об «особенностях российского метаэтнического менталитета» [Логунов, 2025, с. 48]. Так, например, абсолютное большинство опрошенных респондентов (76,08 %) отмечает, что жителей России можно считать единым народом, вобравшим в себя разные этносы. При этом 9,74 % респондентов выразили мнение, что этот народ – народ особый, не конкретизируя свою позицию. Не считают жителей России единым народом 6,10 % опрошенных, подчеркивая, что они представляют разные национальности. Кроме того, 4,08 % респондентов с этим также согласны, акцентируя внимание на том, что они разделены и разобщены по национальному признаку. Стоит также обратить внимание на то, что 3,99 % респондентов считают, что в данном случае речь идет только о союзе разных народов, но не о едином народе.

Таблица 7
Table 7

Распределение ответов на вопрос «Можно ли назвать жителей России единым народом?»
Distribution of answers to the question “Can the inhabitants of Russia be described as a united people?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Это один народ, вобравший в себя разные этносы	1 546	76,08
Нет, жители России – это не единый народ, они представляют разные национальности	124	6,10
Нет, это не единый народ, они очень разделены и разобщены по национальному признаку	83	4,08
Нет, речь идет только о союзе разных народов, но не о едином народе	81	3,99
Сложно сказать в нашем случае, он особый	198	9,74
Итого:	2 032	100,00

В контексте уточнения этнической идентичности опрашиваемым молодым людям задавали вопрос о значении для них понятия «русский». В частности, 14,86 % респондентов считают, что слово «русский» означает состояние души, 8,81 % – принадлежность к культуре, 5,91 % – гражданство. Ответ, что мы все – русские, независимо от национальности, и русские – это гражданство выбрали 5,91 % опрошенных. При этом большинство респондентов (70,32 %) считают, что слово «русский» означает национальность, причисляя себя к государствообразующему народу и, как отмечает профессор МГУ А.И. Вдовин в отношении русских, к «своей идентичности, общему пути, общим задач и общей ответственности» [Вдовин, 2019, с. 646].

Таблица 8

Table 8

Распределение ответов на вопрос «Каково основное значение для Вас слова «русский»?»
The distribution of answers to the question “What is the main meaning of the word “Russian” for you?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Это гражданство, в таком смысле мы все – русские, независимо от национальности	120	5,91
Это национальность	1 429	70,32
Это принадлежность к культуре	179	8,81
Это состояние души	302	14,86
Другое	2	0,10
Итого:	2 032	100,00

Имеет смысл также отметить, что формирование гражданской идентичности молодых людей, согласно опросу, проходит в непростых условиях. Так, например, 47,10 % опрошенных были свидетелями или участниками событий, порождённых национальной нетерпимостью, которая выступает как разновидность экстремизма (идей и действий) в отношении «другой национальности, этнической группы» [Ситникова, 2025, с. 84]. При этом 37,30 % затруднились ответить на вопрос, а 15,60 % ответили отрицательно.

Таблица 9

Table 9

Распределение ответов на вопрос «Случалось ли Вам быть свидетелем/участником событий национальной нетерпимости?»

Distribution of answers to the question “Have you ever witnessed or participated in events of national intolerance?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Да	957	47,10
Нет	317	15,60
Затрудняюсь ответить	758	37,30
Итого	2032	100,00

Опрошенные респонденты также считают значимыми продолжение процесса формирования гражданской идентичности, укрепления единства народов России, а для этого выделяют необходимость проведения следующих мероприятий. Так, 44,00 % опрошенных отметили включение в образовательные программы курсов по истории, культуре и языкам народов России, 40,80 % – организацию культурных фестивалей и праздников, 33,42 % – организацию поездок и стажировок для студентов в другие регионы, 25,49 % – вовлечение обучающихся в проекты, направленные на решение актуальных проблем местных сообществ. 21,46 % – организацию школьных и университетских проектов, направленных на изучение культур разных народов и совместные творческие работы, 20,37 % – поддержку языков и культур малых народов через государственные программы.

При этом 19,44 % опрошенных респондентов предлагают создание кружков по интересам, посвященных изучению языков и культур разных народов, 19,09 % – создание и поддержка культурных центров, где будут проводиться мероприятия и выставки, отражающие богатство местных культур. Кроме того, 18,55 % из числа опрошенных выступают за проведение различных творческих и научных конкурсов, посвященных культурному наследию народов России, где участвуют команды из разных регионов. 17,37 % из числа опрошенных респондентов делают ставку на проведение спортивных турниров и состязаний, которые объединяют молодежь разных национальностей, 17,03 % – за поддержку в регионах проектов, направленных на взаимодействие между различными этническими группами, 15,16 % – за создание советов по межнациональным отношениям. Такие меры, по оценкам участников опроса, помогут предотвращению межэтнических конфликтов, в основе которых, как полагает отечественный исследователь Н.В. Кузьмина, лежит этничность, выступающая формой социальной организации общества [Кузьмина, 2022, с. 24].

Важно иметь в виду, что в 2010-е, 2020-е годы в России был актуализирован процесс формирования гражданской идентичности в различных социальных слоях и группах, в том числе и в молодежной среде. При этом данный процесс, по мнению российского политолога С.П. Перегудова, представлял собой формирующуюся реальность, нуждающуюся в целенаправленной поддержке и укреплении [Перегудов, 2017, с. 170]. Проведенный в 2017 году среди молодых людей социологический опрос отечественным исследователем Е.М. Арутюновой (Института социологии РАН) как в целом по Российской Федерации, так и в республике Саха (Якутия) продемонстрировал, что формируемая гражданская идентичность молодежи обретает форму государственной идентичности [Арутюнова, 2017, с. 271]. К аналогичному выводу приходит и профессор СПбГУ О.В. Попова, проводившая фокус-группу экспертов в ноябре-декабре 2024 года. В частности, данный исследователь приводит позицию молодежного активиста, мнение которого разделяют другие участники фокус-группы. Данный участник глубокого интервью подчеркивает, что российская идентичность соотносится с наличием гражданства Российской Федерации. Далее «знание русского языка, истории России, восприятие, ассоциация себя с Россией, ее историей, патриотизм» [Попова, 2025, с. 371].

Таблица 10
Table 10

Распределение ответов на вопрос «Какие мероприятия полезны для укрепления единства народов России?»
Distribution of answers to the question “What events are useful for strengthening the unity of the peoples of Russia?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Включение в образовательные программы курсов по истории, культуре и языкам народов России	894	44,00
Вовлечение обучающихся в проекты, направленные на решение актуальных проблем местных сообществ	518	25,49
Организация культурных фестивалей и праздников	829	40,80
Организация поездок и стажировок для студентов в другие регионы	679	33,42
Организация школьных и университетских проектов, направленных на изучение культур разных народов и совместные творческие работы	436	21,46
Поддержка в регионах проектов, направленных на взаимодействие между различными этническими группами	346	17,03
Поддержка языков и культур малых народов через государственные программы	414	20,37
Проведение различных творческих и научных конкурсов, посвященных культурному наследию народов России, где участвуют команды из разных регионов	377	18,55
Проведение спортивных турниров и состязаний, которые объединяют молодежь разных национальностей	353	17,37
Создание и поддержка культурных центров, где будут проводиться мероприятия и выставки, отражающие богатство местных культур	388	19,09
Создание кружков по интересам, посвященных изучению языков и культур разных народов	395	19,44
Создание советов по межнациональным отношениям	308	15,16

Примечание. При ответе на вопросы данного исследования респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Важно иметь в виду, что в период 2014–2026 гг. органы власти и управления РФ приняли ряд решений, направленных на формирование институциональных основ работы с молодежью, формирование в ее сознании гражданственности и патриотизма, что составляет основу государственной молодежной политики, ориентированной на социализацию подрастающих поколений [Попова, 2019, с. 53], на инновационную активность молодежи [Луков, 2021, с. 216]. Например, в 2020-е годы были приняты законы и нормативные акты в сфере государственной молодежной политики, в том числе и решения по укреплению исторической памяти и гражданской идентичности в сознании вступающих в жизнь новых поколений. Посредством мер государственной поддержки была институционализована сеть массовых молодежных и детских организаций, являющихся негосударственными структурами в работе с молодежью.

Данные меры стали давать свой эффект в контексте формирования исторической памяти и гражданской идентичности в молодежной среде, повлиявших на становление гражданственности и патриотизма молодых людей. Это подтверждают и данные социологических опросов ведущих социологических центров России как на федеральном, так и на региональном уровнях. Например, согласно исследованию, проведенному социологической службой АНО «АРСЭП», больше половины опрошенных молодых людей в Воронежской области (51,82 %) считают себя патриотами, 37,06 % ответили, что «Скорее да, считаю». При этом 6,94 % скорее не считают себя таковыми, а 4,18 % не считают себя патриотами.

Таблица 11

Table 11

Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом?»
Distribution of answers to the question “Do you consider yourself a patriot?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Да, считаю	1 053	51,82
Скорее да, считаю	753	37,06
Скорее нет, не считаю	141	6,94
Нет, не считаю	85	4,18
Итого:	2 032	100,00

Другой ракурс данного исследования. Абсолютное большинство опрошенных респондентов считает, что представителей современной молодежи можно (33,42 %) или скорее можно (50,89 %) считать патриотами России. Однако 3,54 % не согласны с этим утверждением, а 12,16 % скорее не согласны. Таким образом, патриотизм, и в этом отношении авторы согласны с отечественным политологом И.В. Бормотовым, формирует основу ценностного мира современной молодежи Российской Федерации, в рамках которого происходит систематизация ключевых ценностей [Бормотов, 2022, с. 42].

Таблица 12

Table 12

Распределение ответов на вопрос «Можно ли считать большинство представителей современной молодежи патриотами России?»

Distribution of answers to the question “Can the majority of representatives of modern youth be considered patriots of Russia?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Да, можно	679	33,42
Скорее да, можно	1 034	50,89
Скорее нет, нельзя	247	12,16
Нет, нельзя	72	3,54
Итого:	2032	100,00

Примечание. При ответе на вопросы данного исследования респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Обратимся к проблематике патриотизма еще в одном аспекте. Половина опрошенных (53,20 %) считает, что патриотами нельзя считать тех, кто желает вреда, поражения своей стране, 17,96 % – кто оскорбляет страну, её граждан, 7,48 % – кто не уважает своих сограждан, 2,51 % – кто критикует действия власти, 2,31 % – кто уехал жить за рубеж, 2,21 % – кто открыто говорит о проблемах, неурядицах в своей стране. Здесь, на наш взгляд, у большинства молодых людей происходит переплетение и взаимопроникновение патриотических и гражданских ценностей.

Таблица 13
Table 13

Распределение ответов на вопрос «Следует ли молодым людям в России публично разделять ценности патриотизма?»

Distribution of answers to the question “Should young people in Russia publicly share the values of patriotism?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Того, кто желает вреда, поражения своей стране	1 081	53,20
Того, кто критикует действия власти	51	2,51
Того, кто не уважает своих сограждан	152	7,48
Того, кто оскорбляет страну, её граждан	365	17,96
Того, кто открыто говорит о проблемах, неурядицах в своей стране	45	2,21
Того, кто уехал жить за рубеж	47	2,31
Затрудняюсь ответить	291	14,32
Итого:	2 032	100,00

Интересным аспектом данного исследования стало отношение молодых людей к государственной идеологии, а также к тому, что может ли патриотизм стать ее составной частью. Опрос показал, что большая часть опрошенных (61,66 %) согласна с тем, что патриотизм может стать необходимым компонентом государственной идеологии для России. При этом 24,56 % респондентов скорее согласны с этим утверждением, 9,01 % затруднились ответить, а 2,51 % скорее не согласны, 2,26 % не согласны.

Таблица 14
Table 14

Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы с тем, что патриотизм как ценность должен являться необходимым компонентом будущей государственной идеологии в России?»

Distribution of answers to the question “Do you agree that patriotism as a value should be a necessary component of the future state ideology in Russia?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Да, согласен	1 253	61,66
Скорее, согласен	499	24,56
Скорее, не согласен	51	2,51
Нет, не согласен	46	2,26
Затрудняюсь ответить	183	9,01
Итого:	2 032	100,00

На вопрос о том, как можно улучшить патриотическое воспитание, респонденты дали следующие ответы: внести изменения в работу с молодежью в сторону разнообразия направлений (44,09 %), делать качественный контент на данную тематику (39,76 %), сделать актуальные и более интересные для молодежи программы (телевидение, радио, сеть Интернет) (35,43 %), издавать книги, выпускать фильмы по данной тематике (26,13 %), приводить больше положительных примеров социально ответственных граждан в СМИ (25,15 %), усилить информационную поддержку патриотического воспитания в СМИ и в сети Интернет (17,42 %), не считаю, что оно нуждается в усовершенствовании (15,35 %), разработать и утвердить государственную идеологию России (10,19 %), усилить социальную рекламу в медиасфере и сети Интернет (10,63 %).

Таблица 15

Table 15

Распределение ответов на вопрос «Как можно улучшить патриотическое воспитание в молодежной среде?»
Distribution of answers to the question “How can patriotic education among young people be improved?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Внести изменения в работу с молодежью в сторону разнообразия направлений	896	44,09
Делать качественный контент на данную тематику	808	39,76
Не считаю, что оно нуждается в усовершенствовании	312	15,35
Приводить больше положительных примеров социально ответственных граждан в СМИ	511	25,15
Усилить информационную поддержку патриотического воспитания в СМИ и в сети Интернет	354	17,42
Разработать и утвердить государственную идеологию России	207	10,19
Сделать актуальные и более интересные для молодежи программы (телевидение, радио, сеть Интернет)	720	35,43
Издавать книги, выпускать фильмы по данной тематике	531	26,13
Усилить социальную рекламу в медиасфере и сети Интернет	216	10,63

Примечание. При ответе на вопросы данного исследования респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

По вопросу о том, кто должен вносить больший вклад в патриотическое воспитание молодёжи, мнения опрошенных респондентов разделились. Так, 29,53 % отметили ключевую роль общероссийских общественных движений молодежи в этом процессе, подтверждая тем самым точку зрения отечественных политологов О.В. Поповой и Я.Ю. Шашковой о том, что молодежные союзы имеют осознанные цели и последовательно действуют для того, чтобы «осуществить изменения в обществе или группе» [Попова, Шашкова, 2019, с. 39]. Далее в числе институтов, помогающих интеграции ценностей патриотизма в молодежную среду, идут семья и родственники (18,45 %), школы и другие образовательные учреждения (16,49 %), органы по делам молодёжи на местном уровне (6,99 %), политические партии (6,99 %), органы по делам молодёжи на федеральном уровне (6,69 %). Замыкают иерархию институтов, влияющих на формирование патриотического сознания, СМИ (4,23 %), органы по делам молодёжи на региональном уровне (3,54 %), региональные и местные общественные и некоммерческие организации (3,54 %), клубы, секции, кружки (3,54 %).

Таблица 16

Table 16

Распределение ответов на вопрос «Кто должен вносить больший вклад в патриотическое воспитание современной молодёжи?»
Distribution of answers to the question “Who should contribute more to the patriotic education of modern youth?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Общероссийское общественное движение молодежи	600	29,53
Органы по делам молодёжи на местном уровне	142	6,99
Органы по делам молодёжи на региональном уровне	72	3,54
Органы по делам молодёжи на федеральном уровне	136	6,69
Политические партии	142	6,99
Региональные и местные общественные и некоммерческие организации	72	3,54
Семьи и родственники	375	18,45
СМИ	86	4,23
Клубы, секции, кружки	72	3,54
Школа и другие образовательные учреждения	335	16,49
Итого:	2032	100,00

В анализе эффективности по интеграции в молодежную среду ценностей исторической памяти и гражданской идентичности важно понимать, что российская молодежь является объектом конкуренции за влияние на нее, а также выступает объектом манипуляций внешних акторов в их «стремлении навязывания и внедрении различного рода практик» [Елишев, 2015, с. 173], не соответствующих традициям исторической России. На вопрос о том, оказывается ли на российскую молодежь деструктивное влияние извне, мнения опрошенных респондентов

разделились следующим образом. Так, 36,71 % опрошенных молодых людей затруднились ответить на вопрос, 23,43 % ответили «скорее да, оказывается», 15,45 % – «да, оказывается», 12,99 % – «скорее нет, не оказывается», 11,42 % – «нет, не оказывается».

Таблица 17
Table 17

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, оказывается ли на российскую молодёжь деструктивное влияние извне?»

Distribution of answers to the question “Do you think Russian youth are being destructively influenced from the outside?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Да, оказывается	314	15,45
Скорее да, оказывается	476	23,43
Скорее нет, не оказывается	264	12,99
Нет, не оказывается	232	11,42
Затрудняюсь ответить	746	36,71
Итого:	2032	100,00

На вопрос о том, каковы возможные причины упоминания слова «патриотизм» в негативном ключе, респондентами были даны следующие ответы. Неправильное понимание значения слова «патриотизм» (28,94 %), слишком частое и неуместное использование слова «патриотизм» (27,76 %), неправильное понимание того, как должны вести себя настоящие патриоты (27,31 %), люди негативно относятся к государству, и этот негатив переносят на патриотов (27,26 %), негативное влияние массовой культуры (26,53 %). Кроме того, респонденты указали на недостаточно развитое патриотическое воспитание граждан (21,80 %), на негативное влияние СМИ (21,26 %). Молодыми людьми было обращено внимание и на такой кейс: те, кто чаще всего называют себя патриотами, дискредитировали это понятие (патриотизм) неблагоприятными поступками (20,62 %).

Таблица 18
Table 18

Распределение ответов на вопрос «Возможные причины упоминания слова «патриотизм» в негативном ключе»

Distribution of answers to the question “What are the possible reasons for using the word “patriotism” with a negative connotation?”

Вариант ответа	Кол-во	%
Негативное влияние массовой культуры	539	26,53
Негативное влияние СМИ	432	21,26
Недостаточно развито патриотическое воспитание граждан	443	21,80
Люди негативно относятся к государству, и этот негатив переносят на патриотов	554	27,26
Неправильное понимание того, как должны вести себя настоящие патриоты	555	27,31
Те, кто называют себя патриотами, дискредитировали себя неблагоприятными поступками	419	20,62
Неправильное понимание значения слова «патриотизм»	588	28,94
Слишком частое и неуместное использование слова «патриотизм»	564	27,76

Примечание. При ответе на вопросы данного исследования респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Заключение

Подводя итоги политического анализа процесса становления ценностных установок российской молодежи в публичном пространстве массовых коммуникаций, стоит отметить следующее.

Во-первых, опираясь на полученные первичные данные по результатам социологического опроса молодежи Воронежской области, анализируя вторичные социологические данные ВЦИОМ и ФНИСЦ РАН, авторы статьи формулируют вывод, что патриотизм – традиции Отечества – историческая память выступают доминантными компонентами в «ценностном треугольнике» при формировании молодых патриотов и граждан России.

Во-вторых, важно иметь в виду, что формирование данных ценностей институтами и акторами происходит в конкурентном пространстве массовых коммуникаций, где эти ценности (патриотизм – традиции Отечества – историческая память) противостоят неолиберальным ценностям, исходящим от общественных структур и политических сил (внутренних и внешних), социальных сетей и новых медиа, транслируемых в российскую молодежную среду в ракурсе интегрирования ее в глобальную историческую память и в глобальную идентичность.

В-третьих, становление исторической памяти и гражданской идентичности в молодежной среде России проходит как системный и последовательный процесс, но который еще далек от своего завершения.

Список источников

- Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Указ Президента РФ от 02.11.2023 № 817 «О создании автономной некоммерческой организации «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Распоряжение Правительства РФ от 23.10.2025 № 2970-р «Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028 года». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список литературы

- Артеев С.П. 2023. Этнокультурные и диаспоральные миры. В кн.: Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М., Весь мир: 154–164.
- Арутюнова Е.М. 2017. Государственно-гражданская и этническая идентичности молодежи: общероссийский контекст и региональная специфика. В кн.: Россия реформирующаяся: ежегодник: Вып. 15. М., Новый Хронограф: 259–272.
- Ассман А. 2019. Забвение истории – одержимость историей. М., Новое литературное обозрение, 552.
- Бормотов И.В. 2022. Ценностный мир современной российской молодёжи (социально-философский анализ): монография. М., ИНФРА-М, 178.
- Вдовин А.И. 2019. Российская нация в XX веке: (русское, советское, российское в этнополитической истории России): монография. М., РГ-Пресс, 712.
- Гинзбург К. 2024. Соотношения сил. История, риторика, доказательство. М., Новое литературное обозрение, 184.
- Елишев С.О. 2015. Молодежь как объект социализации и манипуляций. М., «Канон+» РОИ «Реабилитация», 320.
- Ерофеев Н.А. 2025. Десять лекций по методологии истории. СПб., Наука, 364.
- Йейтс Ф.А. 2023. Искусство памяти. М., Новое литературное обозрение, 536.
- Котляревич А.Н. 2023. Ценности современной российской молодежи: неолиберальный тренд. Культура и безопасность, 1: 5–15.
- Кузьмина Н.В. 2022. Социально-правовая теория этнического конфликта: монография. М., ИНФРА-М, 173.
- Логунов А.А. 2025. Российский метаэтнический менталитет в аспекте философского персонализма. М., ИНФРА-М, 189.
- Луков В.А. 2021. Формирование и реализация государственной молодежной политики в современной России: монография. М., РУСАЙНС, 286.
- Мчедлова М.М. 2017. Православная и атеистическая молодежь: ценностные ориентации, культурные предпочтения и историческая память. В кн.: Россия реформирующаяся: ежегодник: Вып. 15. М., Новый Хронограф: 437–478.
- Нечаев Д.Н., Ильичев М.В. 2026. Изучение условий и факторов, влияющих на воспитание патриотических ценностей учащейся и студенческой молодёжи Воронежской области в контексте формирования гражданской идентичности и исторической памяти. Воронеж, АНО «Агентство региональных социально-экономических проектов, 56.
- Перегудов С.П. 2017. Российская гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации. В кн.: Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М., Весь Мир: 163–170.

- Попова О.В. 2025. Методики оценки гражданской идентичности российской молодежи. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 27(2): 362–377.
- Попова О.В., Шашкова Я.Ю. 2019. Роль молодежных организаций в процессе политической социализации российской молодежи: моногр. СПб., Скифия-принт, 245.
- Попова С.Ю. 2019. Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии. М., Аквилон, 448.
- Радаев В.В. 2020. Миленниалы: Как меняется общество. М., Изд. Дом Высшей школы экономики, 224.
- Репина Л.П. 2020. Историческая память и нарративы национальной идентичности: «практика истории на службе памяти». В кн.: Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография. М., Аквилон: 11–36.
- Ситникова М.П. 2025. Экстремизм в России: сущность, содержание, противодействие: монография. М., ИНФРА-М, 184.
- Смирнов В.А., Груздев В.В. 2024. Российская молодежь в условиях «новых войн» и социальных кризисов: монография. М., Проспект, 88.
- Хабермас Ю. 2022. Теория коммуникативного действия: Том первый. Рациональность действия и социальная рационализация. Том второй. К критике функционалистского разума. М., Весь мир, 880.
- Эриксон Э. 1996. Идентичность: юность и кризис. М., Прогресс, 344.

References

- Arteev S.P. 2023 Etnokul'turnye i diasporal'nye miry. V kn.: Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya [Identity: Personality, Community, Politics. New Contours of the Research Field]. M., Ves' mir: 154–164.
- Arutyunova E.M. 2017. Gosudarstvenno-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnosti molodezhi: obshcherossijskij kontekst i regional'naya specifika [Civic-State and Ethnic Identities of Youth: The All-Russian Context and Regional Specifics]. V kn.: Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik: Vyp. 15. M., Novyj Hronograf: 259–272.
- Assman A. 2019. Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriej [Oblivion of History is an Obsession with History]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 552.
- Bormotov I.V. 2022. Cennostnyj mir sovremennoj rossijskoj molodyozhi (social'no-filosofskij analiz): monografiya [The Value World of Modern Russian Youth (Socio-Philosophical Analysis): Monograph]. M., INFRA-M, 178.
- Vdovin A.I. 2019. Rossijskaya naciya v XX veke: (russkoe, soverskoe, rossijskoe v etnopoliticheskoj istorii Rossii): monografiya [The Russian Nation in the 20th Century: (Russian, Soviet, Russian in the Ethnopolitical History of Russia): Monograph]. M., RG-Press, 712.
- Ginzburg K. 2024. Sootnosheniya sil. Istoriya, ritorika, dokazatel'stvo [A Hundred Forces. History, Rhetoric, Proof]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 184.
- Elishev S.O. 2015. Molodezh' kak ob'ekt socializacii i manipulyacij [Youth as an Object of Socialization and Manipulation]. M., «Kanon+» ROI «Reabilitaciya», 320.
- Erofeev N.A. 2025. Desyat' lekcij po metodologii istorii [Ten Lessons on the Methodology of History]. SPb., Nauka, 364.
- Jejts F.A. 2023. Iskustvo pamyati [Memory Experience]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 536.
- Kotlyarevich A.N. 2023. Value-based Modern Russian Youth: A Neoliberal Trend. Culture and Harmlessness', 1: 5–15 (in Russian).
- Kuz'mina N.V. 2022. Social'no-pravovaya teoriya etnicheskogo konflikta: monografiya [The Social Theory of Ethnic Conflict: A Monograph]. M., INFRA-M, 173.
- Logunov A.A. 2025. Rossijskij metaetnicheskij mentalitet v aspekte filosofskogo personalizma [The Russian Meta-Ethnic Mentality in Aspects of Philosophical Personalism]. M., INFRA-M, 189.
- Lukov V.A. 2021. Formirovanie i realizaciya gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v sovremennoj Rossii: monografiya [Formation and Implementation of the State Youth Policy in Modern Russia: A Monograph]. M., RUSAJNS, 286.
- Mchedlova M.M. 2017. Pravoslavnaya i ateisticheskaya molodezh': cennostnye orientacii, kul'turnye predpochteniya i istoricheskaya pamyat' [Orthodox and Atheist Youth: Value Orientations, Cultural Preferences, and Historical Memory]. V kn.: Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik: Vyp. 15. M., Novyj Hronograf: 437–478.
- Nechaev D.N., Il'ichev M.V. 2026. Izuchenie uslovij i faktorov, vliyayushchih na vospitanie patrioticheskikh cennostej uchashchejsya i studencheskoj molodyozhi Voronezhskoj oblasti v kontekste formirovaniya grazhdanskoj identichnosti i istoricheskoy pamyati [A Study of the Conditions and Factors Influencing

the Cultivation of Patriotic Values Among School and University Students in the Voronezh Region within the Context of Forming Civic Identity and Historical Memory]. Voronezh, ANO «Agentstvo regional'nyh social'no-ekonomicheskikh proektov, 56.

- Peregudov S.P. 2017. Rossijskaya grazhdanskaya identichnost' i politicheskaya naciya: problemy formirovaniya i konsolidacii [Russian Civic Identity and Political Nation: Challenges of Formation and Consolidation]. V kn.: Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Enciklopedicheskoe izdanie. M., Ves' Mir: 163–170.
- Popova O.V. 2025. Methodology for Assessing the Civic Identity of Russian Youth. Bulletin of the Russian University Friends of the Peoples. Series: Political Science, 27(2): 362–377 (in Russian).
- Popova O.V., Shashkova Ya.Yu. 2019. Rol' molodezhnyh organizacij v processe politicheskoy socializacii rossijskoj molodezhi: monografiya [The Role of Youth Organizations in the Process of Political Socialization of Russia Newlyweds: Monograph]. SPb., Skifiya-print, 245.
- Popova S.Yu. 2019. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v Rossii: social'no-psihologicheskie osnovaniya i tekhnologii [State Youth Policy in Russia: Socio-Psychological Foundations and Technologies]. M., Akvilon, 448.
- Radaev V.V. 2020. Millenialy: kak menyaetsya obshchestvo [Millennials: How the Community is Changing]. M., Izd. Dom Vyshej shkoly ekonomiki, 224.
- Repina L.P. 2020. Istoricheskaya pamyat' i narrativy nacional'noj identichnosti: «praktika istorii na sluzhbe pamyati» [Historical Memory and Narratives of National Identity: “The Practice of History in the Service of Memory”]. V kn.: Proshloe dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy nacional'noj identichnosti: kollektivnaya monografiya. M., Akvilon: 11–36.
- Sitnikova M.P. 2025. Ekstremizm v Rossii: sushchnost', sodержание, protivodejstvie: monografiya [Extremism in Russia: Identity, Content, Counteraction: Monograph]. M., INFRA-M, 184.
- Smimov V.A., Gruzdev V.V. 2024. Rossijskaya molodezh' v usloviyah «novyh vojn» i social'nyh krizisov: monografiya [Russian Youth Conditions of the “New Military” and the Social Crisis: A Monograph]. M., Prospekt, 88.
- Habermas Yu. 2022. Teoriya kommunikativnogo deyatel'nosti: Tom pervyj. Racional'nost' dejstviya i social'naya racionalizaciya. Tom vtoroj. K kritike funkcionalistskogo razuma [The Theory of Communicative Action: Volume One. Rationality of Action and Social Rationalization. Volume Two. Critique of Functionalist Reason]. M., Ves' mir, 880.
- Erikson E. 1996. Identichnost': yunost' i krizis [The Identity of “Youth” and the Crisis]. M., Progress, 344.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 29.05.2026

Received: 29.05.2026

Поступила после рецензирования: 20.06.2026

Revised: 20.06.2026

Принята к публикации: 20.07.2026

Accepted: 20.07.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Нечаев Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «История, политология и государственная политика», Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Орёл, Россия

 [ORCID: 0000-0003-1171-5370](https://orcid.org/0000-0003-1171-5370)

Dmitry N. Nechaev, Doctor of Sciences in Politics, Professor, Professor at the Department of History, Political Science, and Public Policy, Central Russian Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Oryol, Russia

Ильичев Михаил Валерьянович, соискатель кафедры Политологии и политического управления Факультета политических исследований, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0000-0001-8427-0697](https://orcid.org/0000-0001-8427-0697)

Mikhail V. Ilyichev, Postgraduate Researcher, Department of Political Science and Political Management, Faculty of Political Studies, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

УДК 32.019.51

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-3-750-758

EDN LDEBUS

Оригинальное исследование

Информационный суверенитет России: стратегии и технологии в условиях глобализационных вызовов

Евграфов В.И.

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 18

Vladimirevgrafov01@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен информационного суверенитета Российской Федерации в контексте современных глобализационных вызовов. Раскрываются теоретико-методологические основы понятия информационного суверенитета и его связь с государственным суверенитетом. Проведен анализ глобализационных угроз информационной безопасности России после 2022 года, усиления информационной войны, кибератак и технологической зависимости. Изучены государственные стратегии и технологии обеспечения информационного суверенитета (нормативно-правовые акты, развитие национальной цифровой инфраструктуры, политика импортозамещения в ИТ-сфере, продвижение искусственного интеллекта, меры по кибербезопасности). Отдельное внимание уделено международному опыту, практике Китая и Ирана в обеспечении информационного суверенитета и возможности использования этих подходов в российских реалиях. В заключении формулируются выводы о значении информационного суверенитета для национальной безопасности и даны рекомендации по укреплению суверенитета России в информационной сфере.

Ключевые слова: информационный суверенитет, информационная безопасность, глобализация, цифровой суверенитет, кибербезопасность, импортозамещение, государственная политика

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Евграфов В.И. 2026. Информационный суверенитет России: стратегии и технологии в условиях глобализационных вызовов. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 750–758. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-750-758. EDN: LDEBUS

The Information Sovereignty of Russia in the Context of Globalization: Strategic Approaches and Technological Solutions

Vladimir I. Evgrafov

Kazan (Volga Region) Federal University,
18 Kremlyovskaja St., Kazan 420008, Republic of Tatarstan, Russia

Vladimirevgrafov01@gmail.com

Abstract. The article explores the complex issue of information sovereignty in the Russian Federation in the context of contemporary global challenges. It delves into the theoretical foundations and methodological approaches that underlie the concept of information sovereignty and its relationship with the traditional notion of state sovereignty. The analysis examines post-2022 threats to Russia's information security, including the intensification of information warfare, cyberattacks, and technological dependence. It carefully examines government strategies and measures to protect information sovereignty, including regulations, development of national digital infrastructure, pursuit of import substitution in IT, promotion of artificial intelligence, and strong cybersecurity measures. Special attention is paid to the international experience and practices of countries such as China and Iran, with a focus on the potential to adapt these approaches to Russian

circumstances. The author draws a conclusion about the importance of information sovereignty for a country's national security and provide recommendations for enhancing Russia's information sovereignty.

Keywords: information sovereignty, information security, globalization, digital sovereignty, cybersecurity, import phase-out, state policy

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Evgrafov V.I. 2026. The Information Sovereignty of Russia in the Context of Globalization: Strategic Approaches and Technological Solutions. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 750–758 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-750-758. EDN: LDEBUS

В современную эпоху цифровизации информационные технологии и глобальные коммуникационные сети стали важнейшим фактором, влияющим на суверенитет государств. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в конце XX – начале XXI века ознаменовало наступление новой цифровой эпохи, ускорив процессы глобализации. Негативные факторы цифровой глобализации сделали приоритетной задачу обеспечения информационной безопасности как ключевого условия сохранения государственного суверенитета в новых реалиях.

Понятие информационного суверенитета

В настоящее время ни одно государство не обладает абсолютным, полностью автономным информационным суверенитетом. Тем не менее степень защищенности информационного пространства существенно различается по странам, а информационный суверенитет становится критически важным компонентом национальной безопасности.

Суверенитет как политико-правовая категория в классическом понимании означает верховенство государственной власти внутри страны и независимость государства на международной арене. Эта концепция сложилась в Вестфальской системе международных отношений (1648 г.) и с тех пор остается краеугольным принципом мировой политики и международного права [Зиновьева, Шитьков, 2023]. Однако на протяжении времени содержание суверенитета эволюционировало, включив новые измерения помимо территориального, такие как суверенитет в воздушном пространстве, суверенитет в области валютно-финансовой политики и др. [Зиновьева, Шитьков, 2023]. В XXI веке с распространением цифровых технологий возникло новое измерение суверенитета – информационное (цифровое) пространство.

Появились различные термины для отражения этого явления. В российском академическом дискурсе чаще используется термин «информационный суверенитет», подчеркивающий необходимость контроля не только над технической инфраструктурой, но и над трансграничными потоками контента. В западных исследованиях более популярны понятия «цифровой суверенитет» или «киберсуверенитет», акцентирующие юрисдикцию государства над инфраструктурой, программным обеспечением и данными при меньшем внимании к контролю содержания информации. Несмотря на терминологические разночтения, суть проблемы едина – способность государства самостоятельно определять политику в информационной сфере и защищать свой информационный простор от нежелательного внешнего вмешательства [Ustyuzhantseva, Popova, 2024].

В научной литературе нет единого общепризнанного определения информационного суверенитета [Холодная, 2024]. Тем не менее ряд исследователей предлагают формулировки, основывающиеся на классических признаках суверенитета, адаптированных к реалиям информационного общества. Так, М.М. Кучерявый [2014] определяет информационный суверенитет как «верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве». В этом определении отражены два ключевых аспекта: внутренний (верховенство власти в своем информационном пространстве) и внешний (независимость от чужого диктата в

глобальной информационной среде). Близкой позиции придерживается и ряд других авторов. Например, Е.Н. Дубинина и Я.А. Хорошавина [2021] предлагают трактовать информационный суверенитет как способность государства с помощью современных технологий и правового регулирования обеспечивать и защищать конституционные права личности, интересы общества и государства в информационном пространстве, а также осуществлять эффективный контроль над происходящим в этом пространстве. Таким образом, информационный суверенитет можно рассматривать как частный аспект государственного суверенитета, относящийся к сфере информации и цифровых коммуникаций. В условиях цифровой эпохи устойчивость традиционного государственного суверенитета во многом зависит от уровня информационной безопасности страны. Недаром в стратегических документах РФ прямо подчеркивается, что «целью обеспечения информационной безопасности является укрепление суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве».

Для более полного раскрытия содержания информационного суверенитета необходимо рассмотреть его структуру, или основные компоненты. Отечественные исследователи выделяют технические, содержательные и правовые составляющие суверенитета в информационной сфере. Так, В.В. Бухарин [2016] относит к ключевым техническим компонентам информационного суверенитета следующие элементы: собственная поисковая система, национальные социальные сети, отечественные операционные системы и программное обеспечение, независимая микроэлектронная база, сетевое телекоммуникационное оборудование, контролируемый государством национальный сегмент сети Интернет, суверенная система платежных карточек, отечественные средства защиты информации и криптографические протоколы, а также независимая навигационная спутниковая система. Наличие перечисленных компонентов создает материально-техническую основу для независимости страны в цифровой сфере. Содержательный компонент информационного суверенитета включает способность государства контролировать потоки информации (новостной, образовательный, культурный контент) в своих границах, ограждать общество от пропаганды, дезинформации, экстремистских материалов извне. Правовой компонент подразумевает наличие суверенной юрисдикции над национальным информационным пространством, т. е. развитие национального законодательства и институтов, регулирующих отношения в сфере информационной безопасности, СМИ, персональных данных, киберпреступности и т. д., а также отстаивание суверенных прав страны в международных нормах, касающихся интернета и информации.

Отдельно следует отметить, что категория информационного суверенитета эволюционирует вместе с научно-техническим прогрессом и трансформацией мирового порядка. Возникают новые вызовы – например, появление глобальных цифровых платформ колоссальной влияния, обладающих фактически наднациональной силой воздействия на аудиторию. Формируются метавселенные, распространяются криптоактивы – все это ставит вопросы, не вписывающиеся напрямую в традиционные рамки государственного суверенитета [Зиновьева, Шитьков, 2023]. Тем не менее, как отмечают исследователи, суверенитет остается базовым принципом, способным стать общим знаменателем для разработки новых международных правил ответственного поведения государств в цифровой среде [Зиновьева, Шитьков, 2023]. Обеспечение информационного суверенитета в таких условиях требует гибкого, динамического подхода, учитывающего и технологические изменения, и баланс между безопасностью и правами человека.

Мировая информационная среда в последние годы характеризуется повышенной турбулентностью и ростом конфликтного потенциала. Для Российской Федерации переломным моментом стал 2022 год, когда обострившееся противостояние с западными странами перешло и в информационно-цифровую плоскость. Рассмотрим основные вызовы и угрозы для информационного суверенитета и безопасности России, проявившиеся после 2022 года.

В связи с началом специальной военной операции (СВО) в 2022 г. беспрецедентно обострилась информационная война против России. Западные СМИ и интернет-платформы развернули масштабные кампании, зачастую сопровождаемые распространением дезинформации

и односторонней подачи событий. Российские государственные СМИ (RT, Sputnik и др.) были запрещены или ограничены в ряде стран, а аккаунты официальных российских источников информации подвергались блокировкам на глобальных платформах. Одновременно на территории России сами власти были вынуждены принимать меры реагирования, например, весной 2022 г. были ограничены (заблокированы) доступы к некоторым крупнейшим зарубежным соцсетям и онлайн-платформам, которые, по оценке российских органов, отказались предоставлять объективную и сбалансированную информацию о событиях и тем самым стали орудием информационного воздействия [Пашута и др., 2022; Зиновьева, Шитьков, 2023]. Вышеуказанные шаги фактически обозначили раскол глобального информационного пространства, где значительная часть мирового контента стала недоступна российским пользователям, и наоборот, российский информационный контент подвергся ограничениям за рубежом. В результате возникла угроза фрагментации интернета, когда национальный сегмент Рунета оказался в известной информационной изоляции от мирового. С одной стороны, такие меры рассматривались как вынужденная защита от враждебной пропаганды. С другой, они подчеркнули жизненную необходимость развития автономных отечественных информационных ресурсов и платформ, способных заменить иностранные сервисы и обеспечить устойчивость информационного обмена внутри страны. Фактически информационная конфронтация 2022 года показала, что наличие собственных социальных сетей, видеохостингов, новостных агрегаторов и т. п. является важным условием информационного суверенитета государства [Уртаева, 2024].

Одновременно внутри страны резко повысились требования к мониторингу и контролю информационных потоков во избежание распространения ложных сведений и панических слухов. Были оперативно приняты новые законодательные меры, ужесточена ответственность за «фейки» и дискредитацию Вооруженных сил РФ в условиях конфликта. Главной проблемой цифрового общества стала лавинообразная дезинформация – явление, которое Е.Н. Дубинина и Я.А. Хорошавина [2021] метко называет «информационной войной», отличающейся от традиционных военных действий тем, что главным оружием выступают средства массовой информации и интернет-сервисы. Через них сознанию граждан навязываются выгодные противнику интерпретации событий, подрывается доверие к государственным институтам. Таким образом, идеологические и психологические воздействия из внешних источников после 2022 г. приобрели характер постоянной угрозы информационной безопасности России.

Наряду с контентной агрессией Россия столкнулась с волной кибернетических атак на критически важную информационную инфраструктуру. Начиная с конца февраля 2022 г. активизировались как профессиональные хакерские группировки, ассоциируемые с иностранными спецслужбами, так и разрозненные группы «активистов», координирующиеся через соцсети и мессенджеры. В сумме происходит беспрецедентное по масштабу и интенсивности кибердавление на Россию. Российская Федерация в указанный период столкнулась с масштабным кибердавлением, включающим тысячи попыток воздействия на критически важную информационную инфраструктуру, что потребовало системных мер по её защите. По сути, киберфронт стал неотъемлемой частью общего противостояния, а информационная инфраструктура – объектом целенаправленного противоправного воздействия со стороны недружественных государств.

Еще один серьезный вызов информационному суверенитету России, обнажившийся после 2022 г., это высокая зависимость отечественной цифровой экосистемы от зарубежных технологий, оборудования и программного обеспечения. Вследствие введения масштабных санкций и ухода из России многих западных технологических компаний в стране возникла угроза технологической изоляции. В 2022 году производство и обновление значительной части программных продуктов, используемых в государственных информационных системах и на предприятиях, было поставлено под угрозу из-за прекращения поддержки со стороны правообладателей. По оценке Минцифры РФ, на начало 2022 года лишь около 20 % программного обеспечения, применяемого на российских промышленных предприятиях, имели сопоставимые отечественные аналоги. Остальные 80 % зависели от импорта, что создавало критическую уязвимость [Воротилова, 2024]. Резкий отток иностранных ИТ-компаний усилил риск технологического отставания и даже возможной деградации отдельных сегментов Рунета.

Таким образом, санкционное давление высветило проблему импортозависимости в информационно-технологической сфере, которая прямо затрагивает информационный суверенитет. Уход иностранцев обнажил эти проблемы, но вместе с тем стимулировал рост собственных технологических проектов: уже в 2023 г. объем реализации российских ИТ-решений значительно вырос за счет резкого подъема внутреннего спроса [Оруч, 2024]. В целом вызов технологической независимости стал катализатором для переосмысления стратегии цифрового развития, где акцент сместился на достижение цифрового суверенитета к 2030 г., соответствующая цель зафиксирована в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Попкова, 2025].

Первым компонентом укрепления информационного суверенитета является формирование нормативно-правовой базы, закрепляющей суверенные права государства в информационном пространстве и устанавливающей правила обеспечения информационной безопасности. В России такой фундамент закладывается с конца 1990-х годов [Полякова, 2025]. Уже в 1998 году была принята Концепция государственной информационной политики РФ, определившая национальные интересы в информационной сфере и систему мер по их защите. В дальнейшем ключевые положения нашли отражение в доктринальных документах, в 2000 г. была утверждена первая Доктрина информационной безопасности, обновленная в новой редакции в 2016 году (Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации») [Шерашенкова, Федоскин, 2025].

Доктрина информационной безопасности РФ 2016 г. представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности в информационной сфере [Chislova, Sokolova, 2021]. Она исходит из признания информационной сферы неотъемлемой частью жизнедеятельности государства и фиксирует национальные интересы в этой области. Защита суверенитета названа среди ключевых целей обеспечения информационной безопасности. В Доктрине 2016 г. проанализированы основные угрозы и определены стратегические задачи, что задало рамки для государственной политики информационной безопасности, впоследствии конкретизированной в отраслевых стратегиях.

Важнейшим программным документом стал также Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В этой Стратегии значительно усилено внимание к вопросу информационного суверенитета. Отдельно выделен приоритет обеспечения суверенитета информационного пространства России и безопасности отечественной информационной инфраструктуры. В числе национальных интересов названы развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия, защита инфраструктуры связи и критических информационных систем. Стратегия-2021 предписывает комплекс мер для достижения этих целей, от импортонезависимости цифровой базы до повышения устойчивости Рунета и продвижения российской позиции на международных площадках. Таким образом, признано, что информационная сфера – это поле конкуренции и потенциальной конфронтации, где Россия должна отстаивать свой суверенитет.

Усиление государственного регулирования информационного пространства в российских условиях обусловлено не идеологическими соображениями, а объективной необходимостью защиты национальной безопасности в условиях внешнего давления [Амелин, Плащенко, 2025]. Реализуемые меры направлены на обеспечение устойчивости цифровой инфраструктуры, предотвращение деструктивного информационного воздействия и сохранение функциональной целостности национального сегмента сети Интернет [Чернышова, 2022]. При этом государственная политика в данной сфере ориентирована на избирательное и пропорциональное применение регуляторных инструментов, исходя из характера и масштаба выявляемых угроз.

Отчасти показательна практика избирательного воздействия, где государство блокирует только те зарубежные сервисы, которые «ведут себя недружественно» и отказываются соблюдать российские законы. Так, продолжают работать иностранные сайты, не нарушающие норм, что

свидетельствует об осторожном подходе. Вместе с тем сохраняется возможность в любой момент ограничить любую площадку, если она станет инструментом информационной агрессии против РФ [Володенко, Федорченко, 2025]. Таким образом, создан необходимый инструментарий управления национальным сегментом сети, который может быть задействован пропорционально уровню угроз.

Китайская Народная Республика считается пионером в области практической реализации государственного суверенитета в интернете. Еще в начале 2000-х Китай выстроил масштабную систему контроля над национальным сегментом сети – так называемый проект «Золотой щит», неофициально именуемый «Великим файрволом Китая». Цензурой и фильтрацией интернет-трафика в КНР занимается специальное подразделение Министерства общественной безопасности, а доступ граждан к зарубежным сайтам жестко регламентирован. Теория китайского подхода была изложена одним из архитекторов этой системы Фан Биньсином, которого называют «отцом китайского файрвола». В 2011 г. на симпозиуме по информационной безопасности в Чанше он сформулировал четыре принципа «интернет-суверенитета» [Мельникова, 2022; Зиновьева, Шитьков, 2023]:

1. Каждая страна должна обладать полным контролем над своим национальным сегментом Интернета.

2. Государство имеет право защищать свой сегмент сети от любых внешних атак.

3. Все страны равны в правах на использование ресурсов интернета.

4. Ни одно государство не должно контролировать корневые DNS-серверы, через которые осуществляется доступ к чужому национальному сегменту.

Вышеуказанные принципы отражают стремление Китая утвердить равноправие и независимость государств в киберпространстве, аналогично их суверенитету в офлайн-мире. Реализуя данный подход, Пекин последовательно создавал полноценные отечественные аналоги ключевых интернет-сервисов, что позволило минимизировать зависимость от иностранных ИТ-гигантов. Сегодня в Китае есть свои поисковые системы, социальные сети и мессенджеры, видеохостинги, онлайн-энциклопедии и т. д. [Мельникова, 2022]. Благодаря развитию этих собственных платформ «китайский Интернет» смог функционировать в относительно автономном режиме внутри цифровых границ государства. При этом китайские компании получили огромный внутренний рынок, что стимулировало рост национальной ИТ-индустрии.

В законодательном плане Китай также закрепил принципы цифрового суверенитета. В 2017 году был принят Закон КНР о кибербезопасности, легитимировавший практику контентной фильтрации и хранения данных внутри страны. В 2021 году введены Закон о безопасности данных и Закон о персональной информации, согласно которым данные признаются национальным стратегическим ресурсом, подлежащим защите [Зиновьева, Шитьков, 2023]. Экспорт значимых данных теперь возможен только с разрешения властей. Таким образом, Китай институционализировал контроль над данными вплоть до того, что в официальных документах данные названы наряду с землей, капиталом и технологиями новым фактором производства.

Для России китайский опыт подтверждает, что суверенное развитие цифровых технологий приносит плоды. Китай сумел защитить свое интернет-пространство от внешнего влияния, одновременно добившись технологического рывка и лидерства в ряде направлений. Конечно, прямое копирование китайской модели в России вряд ли оправдано ввиду иных политических и социальных условий. Китай представляет собой более закрытую политическую систему, что облегчает жесткую цензуру. Тем не менее некоторые элементы вполне коррелируют с российскими целями. Для России сотрудничество с Китаем в сфере кибербезопасности и интернет-управления также полезно, а совместные инициативы (в ООН, БРИКС, ШОС) повышают шансы продвинуть международные нормы, опирающиеся на принцип суверенитета.

Исламская Республика Иран – пример страны, которая ради защиты национальных ценностей и безопасности пошла на значительную изоляцию своего сегмента интернета. С начала 2010-х Иран активно строит так называемый «национальный интернет». Проект официально стартовал в 2013 году и предусматривал создание внутренней государственно контролируемой сети, параллельной глобальному интернету. Уже к сентябрю 2012 г. иранские власти сообщили о тестовом подключении всех государственных структур к этой внутренней сети, не имеющей выхода в глобальный интернет [Цветкова и др., 2022]. Планировалось, что на втором этапе (к 2013 г.) к

национальному интернету будут подключены университеты и впоследствии – рядовые граждане. Официально заявлялось, что национальный интернет будет сосуществовать с глобальным, обеспечивая более быстрое и надежное прохождение внутреннего трафика. При этом власти отрицали цель полностью изолировать иранских пользователей от Всемирной паутины, называя полное отключение «нелогичным» и сравнивая его с санкцией против самого себя [Рябцева, 2024].

Иранский опыт во многом схож с китайским в части строгой фильтрации контента, но отличается по техническим возможностям. Эксперты отмечали, что полностью изолировать Ирану себя сложно из-за ограниченности ресурсов и санкций (затрудняющих доступ к технологиям) [Рябцева, 2024]. Тем не менее государство добилось значительного контроля: иранский сегмент интернета может функционировать как интернет с разрешенным набором ресурсов. Главное обоснование – это защита религиозных и национальных ценностей от чуждого влияния и противодействие кибератакам [Цветкова и др., 2022].

Для России иранская модель является крайним примером изоляционистского подхода. Преимущество – высокая степень контроля и сложность внешнего воздействия (кибератак, информационных операций). Но минусы очевидны, из-за ограниченного доступа к глобальным знаниям страдает развитие экономики, наука, общество. Иранские граждане испытывают постоянные трудности в коммуникациях, бизнес – в подключении к мировым рынкам. В итоге Иран остается во многом технологически отсталым и зависимым. Для России такой путь нежелателен. Однако некоторые элементы иранского опыта учитываются, например, создание закрытых сегментов связи для критических структур, развитие национальных сервисов. Главный вывод из иранской ситуации – надежность резервного интернета, ведь Иран показал, что при угрозе способен поддерживать ключевые сервисы даже без глобальной сети.

Исследование информационного суверенитета России в условиях современных глобальных вызовов позволяет сделать вывод, что информационный суверенитет выступает неотъемлемой частью общего государственного суверенитета в XXI веке. Цифровая трансформация всех сфер жизни привела к тому, что без контроля над национальным информационным пространством невозможно гарантировать ни политическую независимость, ни безопасность, ни устойчивое развитие государства. Российская Федерация на высшем уровне признала эту взаимосвязь, отразив приоритет защиты информационного суверенитета в стратегических документах безопасности. Обеспечение информационного суверенитета – длительный, многоплановый процесс. Россия уже прошла значительную часть пути, отразив первые мощные удары и заложив основу собственной цифровой независимости. Дальнейшие усилия должны быть направлены на укрепление достигнутого, устранение оставшихся «узких мест» и формирование такой информационно-технологической экосистемы, которая надежно защитит национальные интересы и в то же время станет драйвером развития в условиях новой полицентричной цифровой эпохи. Только располагая суверенными информационными ресурсами, Россия сможет уверенно противостоять глобальным вызовам и обеспечить свою безопасность, культурно-ценностную самобытность и конкурентоспособность в мире.

Благодарность

Автор выражает искреннюю благодарность научному руководителю, доктору юридических наук Зазнаеву Олегу Ивановичу, за ценные рекомендации.

Список литературы

- Амелин В.Н., Плащенко Д.Д. 2025. Механизмы обеспечения государственного суверенитета в многополярном мире. Социально-гуманитарные знания, 5: 559–565.
- Бухарин В.В. 2016. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности. Вестник МГИМО-Университета, 6(51): 76–91.
- Володенко С.В., Федорченко С.Н. 2025. Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 27(3): 520–542.

- Воротилова М.Ю. 2024. Анализ текущего состояния импортозамещения в сфере программного обеспечения в России. Экономика и бизнес: теория и практика, 1–1(107): 40–43.
- Дубинина Е.Н., Хорошавина Я.А. 2021. Информационный Суверенитет Российской Федерации. *Advances in Law Studies*, 3: 66–70.
- Зиновьева Е.С., Шитьков С.В. 2023. Цифровой суверенитет в практике международных отношений. *Международная жизнь*, 3: 38–51.
- Кучерявый М.М. 2014. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира. *Управленческое консультирование*, 9: 7–14.
- Мельникова О.А. 2022. Опыт Китая в защите национального киберсуверенитета. *Международная жизнь*, 12: 106–119.
- Оруч Т.А. 2024. Исследование роли цифровых технологий в обеспечении национального технологического суверенитета России. *Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика*, 20, 4(79): 5–10.
- Пашута В.Л., Поярков А.А., Оточкин В.В. 2022. Информационная война как высокотехнологичное оружие против России. *Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур*, 2: 188–194.
- Полякова Т.А. 2025. Правовое обеспечение национального суверенитета в информационной сфере: стратегические задачи и проблемы в условиях цифровой трансформации в Российской Федерации. *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение*, 15, 1: 25–35.
- Попкова А.А. 2025. Информационная безопасность в политическом дискурсе современной России. *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*, 18, 3: 33–47.
- Рябцева Е.Е. 2024. Защита национального суверенитета в Интернет-пространстве (опыт Исламской Республики Иран). *Парадигмы истории и общественного развития*, 30: 10–15.
- Уртаева Э.Б. 2024. Влияние социальных сетей на развитие политических коммуникаций в новой цифровой реальности. *Общество: политика, экономика, право*, 3: 40–49.
- Холодная Е.В. 2024. Об информационном суверенитете. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*, 10, 122: 85–90.
- Цветкова Н.А., Сытник А.Н., Гришанина Т.А. 2022. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*, 15, 2: 174–196.
- Чернышова Е. Зачем власти создают «суверенный Рунет»: от чего он защитит и чем грозит. РБК URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/609a52329a79471fba0f0837?from=copy> (дата обращения: 31.01.2026).
- Шерашенкова Е.А., Федоскин Н.Н. 2025. Проблемы и перспективы правового регулирования информационной политики. *Образование и право*, 7: 44–51.
- Chislova O., Sokolova M. 2021. Cybersecurity in Russia. *International Cybersecurity Law Review*, 2: 245–251.
- Ustyuzhantseva O., Popova E. 2024. Shaping Digital Sovereignty in Russia: Actors and Debates. *Problems of Post-Communism*, 72, 4: 76–87.

References

- Amelin V.N., Plashenkov D.D. 2025. *Mehanizmy obespechenija gosudarstvennogo suvereniteta v mnogopoljarnom mire* [Mechanisms for Ensuring State Sovereignty in a Multipolar World]. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 5: 559–565.
- Buharin V.V. 2016. *Komponenty cifrovogo suvereniteta Rossijskoj Federacii kak tehničeskaja osnova informacionnoj bezopasnosti* [Components of the Digital Sovereignty of the Russian Federation as a Technical Basis for Information Security]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 6(51): 76–91.
- Volodenko S.V., Fedorchenko S.N. 2025. *Suverenitet cifrovogo prostranstva obshhestvenno-politicheskikh kommunikacij v sovremennoj Rossii i ego ključevye komponenty: po materialam jekspertnogo issledovaniya* [The Sovereignty of the Digital Space of Social and Political Communications in Modern Russia and its Key Components: Based on the Materials of an Expert Study]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija*, 27, 3: 520–542.
- Vorotilova M.Ju. 2024. *Analiz tekushhego sostojaniya importozameshhenija v sfere programmnogo obespechenija v Rossii* [Analysis of the Current State of Import Substitution in the Software Sector in Russia]. *Jekonomika i biznes: teorija i praktika*, 1–1(107): 40–43.
- Dubinina E.N., Horoshavina Ja.A. 2021. *Informacionnyj Suverenitet Rossijskoj Federacii* [Information Sovereignty of the Russian Federation]. *Advances in Law Studies*, 3: 66–70.

- Zinov'eva E.S., Shit'kov S.V. 2023. Cifrovoy suverenitet v praktike mezhdunarodnyh otnoshenij [Digital Sovereignty in the Practice of International Relations]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*, 3: 38–51.
- Kucherjavij M.M. 2014. Gosudarstvennaja politika informacionno suvereniteta Rossii v usloviyah sovremennogo global'nogo mira [State Policy of Information Sovereignty of Russia in the Context of the Modern Global World]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 9: 7–14.
- Mel'nikova O.A. 2022. Opyt Kitaja v zashhite nacional'nogo kibersuvereniteta [China's Experience in Protecting National Cyber Sovereignty]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*, 12: 106–119.
- Oruch T.A. 2024. Issledovanie roli cifrovyyh tehnologij v obespechenii nacional'nogo tehnolo-gicheskogo suvereniteta Rossii [A Study of the Role of Digital Technologies in Ensuring Russia's National Technological Sovereignty]. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Seriya: Jekonomika*, 20, 4(79): 5–10.
- Pashuta V.L., Pojarkov A.A., Otochkin V.V. 2022. Informacionnaja vojna kak vysokotehnologichnoe oruzhie protiv Rossii [Information Warfare as a High-Tech Weapon against Russia]. *Aktual'nye problemy fizicheskoy i special'noj podgotovki silovyh struktur*, 2: 188–194.
- Poljakova T.A. 2025. Pravovoe obespechenie nacional'nogo suvereniteta v informacionnoj sfere: strategicheskie zadachi i problemy v usloviyah cifrovoy transformacii v Rossijskoj Federacii [Legal Support for National Sovereignty in the Information Sphere: Strategic Tasks and Problems in the Context of Digital Transformation in the Russian Federation]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Janki Kupaly. Seriya 4. Pravovedenie*, 15, 1: 25–35.
- Popkova A.A. 2025. Informacionnaja bezopasnost' v politicheskom diskurse sovremennoj Rossii [Information Security in Political Discourse in Modern Russia]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologija. Jekonomika. Politika*, 18, 3: 33–47.
- Rjabceva E.E. 2024. Zashhita nacional'nogo suvereniteta v Internet-prostranstve (opyt Islam-skoj Respubliki Iran) [Protecting National Sovereignty in the Internet Space (the Experience of the Islamic Republic of Iran)]. *Paradigmy istorii i obshhestvennogo razvitiya*, 30: 10–15.
- Urtaeva Je.B. 2024. Vlijanie social'nyh setej na razvitie politicheskikh kommunikacij v novoj cifrovoy real'nosti [The Impact of Social Media on the Development of Political Communications in the New Digital Reality]. *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo*, 3: 40–49.
- Holodnaja E.V. 2024. Ob informacionnom suverenitete [On Information Sovereignty]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, 10, 122: 85–90.
- Cvetkova N.A., Sytnik A.N., Grishanina T.A. 2022. Cifrovaja diplomatija i digital international relations: vyzovy i novye vozmozhnosti [Digital Diplomacy and Digital International Relation: Challenges and New Opportunities]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnoshenija*, 15, 2: 174–196.
- Chernyshova E. Zachem vlasti sozdajut «suverennyj Runet»: ot chego on zashhitit i chem grozit [Why are the Authorities Creating a "Sovereign RuNet": What Will it Protect against and What Are the Threats?]. *RBK URL*: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/609a52329a79471fba0f0837?from=copy> (data ob-rashhenija: 15.08.2025).
- Sherashenkova E.A., Fedoskin N.N. 2025. Problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya in-formacionnoj politiki [Problems and Prospects of Legal Regulation of Information Policy]. *Obrazovanie i pravo*, 7: 44–51.
- Chislova O., Sokolova M. 2021. Cybersecurity in Russia. *International Cybersecurity Law Review*, 2: 245–251.
- Ustyuzhantseva O., Popova E. 2024. Shaping Digital Sovereignty in Russia: Actors and Debates. *Problems of Post-Communism*, 72, 4: 76–87.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.05.2026

Received 20.05.2026

Поступила после рецензирования 10.06.2026

Revised 10.06.2026

Принята к публикации 20.06.2026

Accepted 20.06.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Евграфов Владимир Игоревич, аспирант кафедры политологии, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, г. Казань, Россия

Vladimir I. Evgrafov, Postgraduate Student, Department of Political Science, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

 [ORCID: 0009-0001-3607-9860](https://orcid.org/0009-0001-3607-9860)

УДК 327.8

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-3-759-770

EDN LFTJWF

Оригинальное исследование

Эволюция позиции Великобритании в отношении палестино-израильского конфликта в 2023–2025 гг.

Корнилов А.А. , **Перочкин К.И.**

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

E-mail: kornilov@imomi.unn.ru, stratrek@mail.ru

Аннотация. В статье авторы рассматривают эволюцию внешнеполитического курса Великобритании в отношении палестино-израильского конфликта в период с октября 2023 по конец 2025 года. Хронологические рамки исследования охватывают этап резкой эскалации насилия после событий 7 октября 2023 года, период деятельности правительства консерваторов во главе с Риши Сунаком и последовавшую смену кабинета на лейбористское правительство Кира Стармера. Демонстрируется, что, декларируя приверженность «решению о двух государствах», Лондон сосредоточился на управлении последствиями кризиса, а не на устранении его причин. Отдельно анализируется внутривнутриполитический фактор: разделение мнений в консервативной и лейбористской партиях, вызванное произраильской позицией руководства. В итоге авторы приходят к выводу, что смена правительства не привела к кардинальному пересмотру стратегии, обнажив устойчивость курса Лондона, ориентированного на тактическое сдерживание конфликта в ущерб долгосрочному политическому урегулированию.

Ключевые слова: внешняя политика Великобритании, палестино-израильский конфликт, Газа, ХАМАС, Израиль, гуманитарная помощь, двухгосударственное решение

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Корнилов А.А., Перочкин К.И. 2026. Эволюция позиции Великобритании в отношении палестино-израильского конфликта в 2023–2025 гг. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 759–770. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-759-770. EDN: LFTJWF

Evolution of the UK's Stance on the Palestinian-Israeli Conflict in 2023–2025

Alexander A. Kornilov , **Kirill I. Perochkin**

National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

E-mail: kornilov@imomi.unn.ru, stratrek@mail.ru

Abstract. In their article, the authors examine the evolution of the United Kingdom's foreign policy towards the Palestinian-Israeli conflict from October 2023 to the end of 2025. The chronological framework of the study covers the period of sharp escalation of violence following the events of October 7, 2023, the period of the Conservative government led by Rishi Sunak, and the subsequent change of the Cabinet to the Labour government of Keir Starmer. It demonstrates that, while declaring its commitment to the "two-state solution," London focused on managing the consequences of the crisis rather than addressing its root causes. A domestic political factor is highlighted: the division of opinions within the Conservative and Labour parties caused by the leadership's pro-Israel stance. The authors conclude that the change of government did not lead to a fundamental revision of strategy, but rather revealed the continuity of London's course, which is focused on the tactical containment of the conflict at the expense of a long-term political settlement.

Keywords: UK Foreign Policy, Palestinian-Israeli Conflict, Gaza, Hamas, Israel, humanitarian aid, two-state solution

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Kornilov A.A., Perochkin K.I. 2026. Evolution of the UK's Stance on the Palestinian-Israeli Conflict in 2023–2025. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 759–770 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-759-770. EDN: LFTJWF

Введение

Период 2023–2025 годов представляет собой важный исторический момент развития Великобритании, характеризующийся кардинальной трансформацией как регионального ландшафта, так и внутривнутриполитической ситуации в самом королевстве. Смена правительственных кабинетов – переход от консервативного правительства Риши Сунака к лейбористскому правительству Кира Стармера – произошла в момент острейшего кризиса, который дает возможность определить влияние внутривнутриполитических факторов на корректировку внешнеполитического курса. До настоящего времени данный период оставался фрагментарно изученным в исследованиях российских и иностранных учёных, особенно в части, касающейся роли парламентских механизмов в выработке ближневосточной стратегии.

Объект и методы исследования

Объектами исследования послужили: 1) внешнеполитические взгляды политического руководства Великобритании на пути урегулирования палестино-израильского конфликта в увязке с реализацией государственных интересов королевства;

2) методы и способы дипломатического урегулирования Лондоном конфликта.

Методы исследования включают:

- метод исторической индукции – авторы собрали большой объём фактической информации, на основе которого пришли к выводам по теме исследования;
- анализ и синтез, то есть на базе проведенного анализа были синтезированы различные подходы британских политиков и дипломатов к урегулированию конфликта между Израилем и ХАМАС;
- сравнительный анализ – авторы провели сравнительное изучение подходов различных политических сил Великобритании к вопросам арабо-израильского урегулирования.

Результаты и их обсуждение

Основные цели Великобритании после нападения ХАМАС 7 октября 2023 на Израиль

В 2020-е годы внешняя политика Великобритании в палестино-израильском конфликте определялась в первую очередь стратегическим документом «Глобальная Британия». Принятый в период каденции правительства Б. Джонсона документ определил внешнеполитические приоритеты королевства на период до 2030 года. Правящая коалиция стремилась обеспечить статус Великобритании как глобальной державы, несущей ответственность за поддержание мира и безопасности во всем мире. Применительно к региону Ближнего Востока стратегия «Глобальная Британия» утвердила принцип развития «процветающих отношений» королевства с государствами региона, включая Персидский залив. Отношения Лондона с регионом должны были быть основаны на торговле, экологических инновациях, научно-техническом сотрудничестве для сохранения устойчивости и безопасности [Global Britain..., 2021].

Эскалация конфликта, начавшаяся 7 октября 2023 года, внесла существенные коррективы в оперативные внешнеполитические планы Лондона. В тот день Израиль подвергся беспрецедентному нападению: после массированного ракетного удара из сектора Газа боевики движения ХАМАС прорвались на территорию на юге страны. ХАМАС сообщил о старте военной операции, получившей название «Шторм Аль-Аксы» [Сажин, 2024]. В ответ Армия обороны Израиля инициировала контртеррористическую операцию «Железные мечи», а премьер-министр Биньямин Нетаньяху объявил о состоянии войны и широкомасштабной

мобилизации. Эти события вновь выдвинули на первый план задачу предотвращения дальнейшего насилия и поиска пути к урегулированию [Большаков, 2023].

Британский министр иностранных дел Джеймс Клеверли в своём заявлении осудил «ужасные нападения» ХАМАСа и подтвердил, что Великобритания поддерживает право Израиля на самооборону. Германия и Франция также выразили схожие позиции [Дьюрович, 2023]. 9 октября лидеры США, Франции, Германии, Италии и Британии выпустили заявление по итогам телефонных переговоров, в котором выразили поддержку Государству Израиль и осудили террористические атаки со стороны ХАМАС. Р. Сунак в тот же день посетил синагогу и пообещал усилить защиту общин от антисемитизма [Joint statement..., 2023]. 16 октября 2023 г. Р. Сунак выступил в палате общин, где обозначил последние события в регионе, в которых произошло не менее 6 смертей британцев, 10 человек пропали без вести и 500 человек было вывезено из Израиля. Также премьер-министр уведомил о сотрудничестве с соседними странами по вопросам эвакуации граждан из сектора Газа и Западного берега [PM statement..., 2023].

В октябре 2023 года премьер-министр Великобритании Р. Сунак, выступая перед парламентом, назвал три ключевые цели внешней политики британского правительства в контексте палестино-израильского конфликта [Ананьева, 2023]. В первую очередь было заявлено о намерении Великобритании принять все необходимые меры для предотвращения эскалации боевых действий в адрес Израиля. В рамках данной стратегии предусматривается развертывание британских военных контингентов в регионе с целью мониторинга и обеспечения региональной безопасности. При этом был сделан акцент, что военное вмешательство в конфликт в секторе Газа не входит в планы Великобритании [Васильев, 2025, с. 106]. Таким образом, премьер-министр распорядился направить в регион британские военные силы для поддержки партнёров, чтобы отслеживать возникающие угрозы в восточном Средиземноморье. Затем Р. Сунак также инициировал мероприятия по наращиванию оперативного потенциала военных формирований, развернутых в регионе (включая дислокации на территории Израиля и Кипра). Данная мера направлена на: 1) обеспечение комплексного планирования на случай чрезвычайных ситуаций; 2) содействие государствам региона в борьбе с последствиями нестабильности в Израиле [Prime Minister..., 2023].

Во-вторых, правительство Великобритании намерено сконцентрировать усилия на расширении масштабов гуманитарной помощи, направляемой на палестинские территории, в том числе в Газе [Ананьева, 2023]. В период 2023–2024 гг. Соединённое Королевство оказало значительную гуманитарную поддержку, выделив дополнительно 70 миллионов фунтов стерлингов на удовлетворение критически важных потребностей в продовольствии, топливе, воде, здравоохранении, жилье и безопасности в Газе [Humanitarian situation..., 2023].

В-третьих, заявлено о приверженности активной дипломатической деятельности, направленной на поддержание стабильности в регионе. В качестве основы для урегулирования конфликта предлагается использовать положения резолюции ООН от 29 ноября 1947 года, предусматривающей создание двух государств на территории Палестины. В резолюции указывалось про «независимые Арабское и Еврейское государства и специальный международный режим Города Иерусалима» [A/RES/181(II)]. Концепция двух государств для Израиля и Палестины, зародившаяся еще до создания ООН, стала основой мирного урегулирования. Мадридская конференция (1991) заложила основу для переговоров, а соглашения в Осло (1993) создали палестинское самоуправление. Однако прорыв был сорван: саммиты в Кэмп-Дэвиде (2000) и Табе (2001) провалились из-за разногласий по границам, Иерусалиму и беженцам, а последовавшая Вторая интифада разрушила достигнутое. Несмотря на это, цель международной дипломатии неизменна: создание жизнеспособного Палестинского государства, мирно сосуществующего с Израилем в границах 1967 года со столицами в Иерусалиме [Решение..., 2025].

Помимо поставленных целей, в октябре 2023 года премьер-министр Великобритании Р. Сунак предпринял серию дипломатических визитов на Ближний Восток для содействия урегулированию кризиса в Газе. В рамках поездки он посетил Израиль (19 октября), где выразил поддержку праву страны на самооборону, необходимость преследования ХАМАС и

освобождения заложников [PM statement..., 2023]; Саудовскую Аравию (19 октября), согласовав с наследным принцем Мухаммедом бин Салманом срочные меры по организации гуманитарной помощи в Газе [PM meeting..., 2023]; Катар (20 октября 2023 года). Встреча премьер-министра с эмиром Катара, на которой обсуждались также вопросы для координации усилий по гуманитарному урегулированию и доступу помощи в Газу [PM meeting..., 2023]. Также были проведены телефонные переговоры с президентом Египта Абдель Фаттахом ас-Сиси по вопросам открытия гуманитарного коридора в Рафах и эвакуации граждан [PM call..., 2023]. Исходя из поставленных задач и действий Лондона в первые дни после начала конфликта, стоит отметить, что вместо комплексного подхода Великобритания проводит противоречивую политику, которая сводится к военной поддержке Израиля и адресной гуманитарной помощи, и консервирует конфликт, лишаясь рычагов реального влияния на его разрешение. Фактическая цель всей этой деятельности – не разрешение конфликта, а управление его последствиями для британских интересов: безопасность союзника (Израиля), сдерживание региональной нестабильности и смягчение внутренней и международной критики. Решение конфликта отодвигается на неопределённую перспективу.

Позиция Лондона внутри ООН и раскол внутри Консервативной и Лейбористской партий

16 октября 2023 г. Совет Безопасности ООН провёл голосование по российской резолюции, содержащей призыв к установлению гуманитарного прекращения огня в секторе Газа. Тем не менее для принятия документа не хватило голосов. Его заблокировали постоянные члены Совбеза из числа «западной тройки» (США, Великобритания, Франция), к которым присоединилась Япония. Шесть непостоянных членов (Албания, Бразилия, Эквадор, Гана, Мальта, Швейцария) предпочли воздержаться [Press release..., 2023]. 18 октября Совет Безопасности ООН не принял альтернативный проект резолюции по Ближнему Востоку, представленный Бразилией. Несмотря на то, что документ получил значительную поддержку в 12 голосов «за», его судьбу решило право вето, применённое Соединёнными Штатами. Россия и Великобритания в ходе голосования воздержались [Совбез ООН..., 2023]. Несмотря на то что обе предложенные резолюции по ближневосточному урегулированию не набрали необходимого числа голосов в Совете Безопасности ООН, ключевое различие между проектами заключается в том, что российский вариант напрямую призывает к немедленному прекращению огня по гуманитарным соображениям. Также в отличие от российского проекта альтернативная резолюция предусматривала лишь краткосрочные «гуманитарные паузы», не настаивая на установлении режима перемирия между странами [Совбез ООН..., 2023].

После вопросов, связанных с выбором резолюции, 27 октября Министр обороны Великобритании Г. Шаппс публично через социальные сети охарактеризовал контакты с представителями ХАМАС в Москве как «встречу тирании и терроризма». В свою очередь, Посольство России в Лондоне отметило данные высказывания как деструктивные и провокационные, заявив, что «британец, словно фокусник, пытается увести внимание от несбалансированной линии самого Лондона в ближневосточном урегулировании». Посольство уточнило, что данная встреча в первую очередь была направлена на освобождение иностранных заложников на территории сектора Газа, в том числе британских людей [Комментарий..., 2023].

Дебаты в Палате общин выявили пестрый спектр позиций среди британских парламентариев. Все выступавшие осудили предъявление обвинений ХАМАСу 7 октября, которое привело к массовым жертвам и захвату заложников. В то время как одна группа парламентариев выразила безоговорочную поддержку Израилю и призвала к усилению давления на Иран, другая сосредоточилась на необходимости немедленных действий для предотвращения продолжающейся гуманитарной катастрофы в Газе [Six Britons..., 2023]. В отличие от консервативной партии, лейбористская партия раскололась во мнениях после выступления её лидера Кира Стармера. Лидер лейбористов провёл заседание теневого кабинета, где твёрдо встал на защиту Израиля. К. Стармер настаивал на том, что страна имеет право защищаться от нападений из Газы, отказываясь выступать против некоторых военных

действий Израиля в регионе. Ранее заявление лидера лейбористов в интервью радио LBC о том, что Израиль «имеет право» ограничивать поставки воды и электроэнергии в сектор Газа, вызвало резкую критику как со стороны ряда его однопартийцев в парламенте, так и со стороны части избирателей. Попыткой урегулировать разногласия стало письмо Стармера лейбористским советникам, распространенное после заседания теневого кабинета. Несмотря на выражения сочувствия к пострадавшим от конфликта общинам, письмо обошло молчанием главную причину разногласий – его собственные слова в эфире [Labour deeply..., 2023]. Впрочем, лейбористы демонстрируют куда более серьезный внутренний разлад в стратегии реагирования на конфликт. Заявление Стармера спровоцировало волну протестов внутри партии: от выхода из партии ряда мусульманских советников до призывов к партийному руководству встать на позицию немедленного прекращения огня. Наиболее серьезным вызовом стало опубликование коллективного письма, подписанного рядом депутатов, где они констатировали отсутствие доверия к политике лидера [Labour deeply..., 2023].

Дипломатические инициативы Великобритании и гуманитарный вектор урегулирования в 2024 году

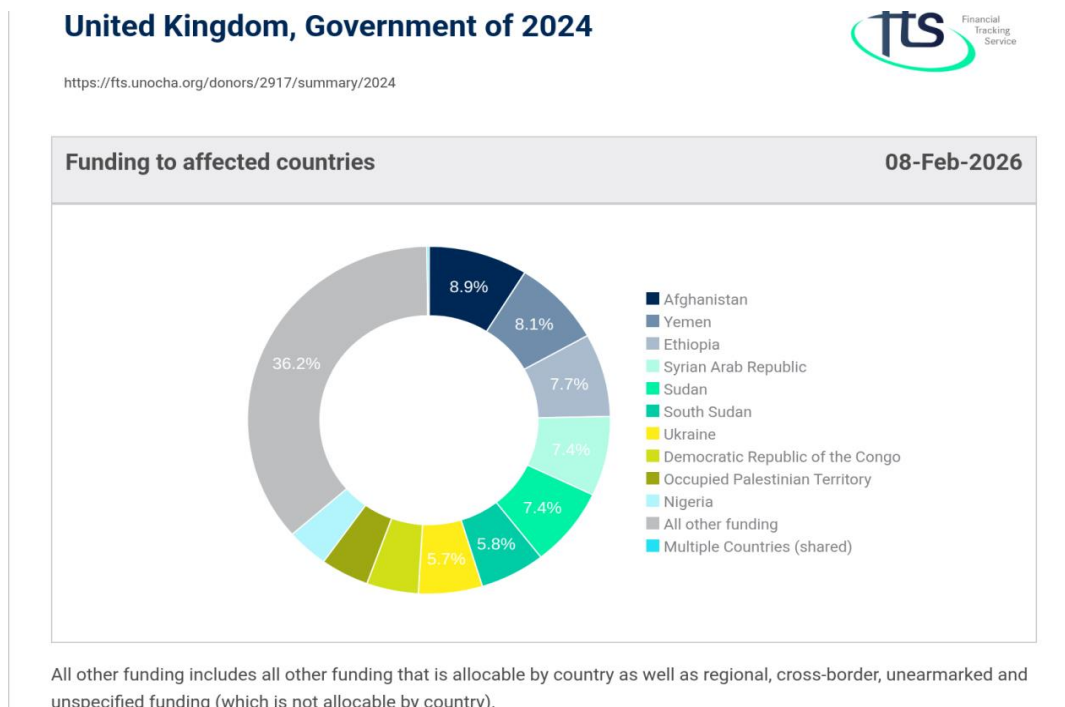
Центральной идеей новой стратегии британских консерваторов к урегулированию конфликта стало предложение, сформулированное министром иностранных дел Дэвидом Кэмероном в ходе выступления в Палате лордов 29 января 2024 года. Вместо рассмотрения вопроса о создании палестинского государства как итоговой цели урегулирования, Кэмерон представил Палестину в качестве инструмента для переговоров между Израилем и ХАМАСОМ, чтобы найти решение для достижения мира [Васильев, 2025, с. 107]. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций отклонил проект резолюции о полном членстве Палестины в ООН. 20 февраля 2024 г. в Совете Безопасности ООН прошло голосование по арабскому проекту резолюции. Документ поддержали 13 членов СБ (включая всех постоянных), Великобритания воздержалась. Однако США заблокировали резолюцию, воспользовавшись правом вето. Лондон пояснил свою позицию необходимостью соблюдения целого ряда условий [Ананьева, Пока люди..., 2024]. В голосовании, состоявшемся 18 апреля 2024 года, решающую роль сыграла позиция Соединенных Штатов, которые также использовали право вето. За проект, предложенный Алжиром, проголосовали 12 членов Совета Безопасности (включая Россию, Китай, Францию и Японию), двое воздержались (Великобритания и Швейцария) [США наложили..., 2024]. Великобритания, воздержавшись при голосовании, обосновала свою позицию тем, что приоритетом в сложившейся ситуации считает обеспечение паузы в боевых действиях. По мнению Лондона, такая пауза позволила бы осуществить доставку гуманитарной помощи в Газе и обеспечить освобождение заложников. Британская дипломатия видит в этом прагматичный шаг, предваряющий работу над достижением более долгосрочной цели – устойчивого прекращения огня и возобновления политического процесса [Васильев, 2025, с. 107]. Известно, что израильский премьер Б. Нетаньяху поставил условием прекращения огня не просто ослабление, а тотальное уничтожение ХАМАСа. В марте израильский военный кабинет одобрил планы проведения операции в Рафахе, расположенном на юге сектора Газа. Растущий гуманитарный кризис в Газе привёл к резкому усилению международного давления на Израиль, включая беспрецедентно жёсткую критику со стороны США и других ключевых западных партнёров [Кадомцев, 2024]. Великобритания не поддержала военную операцию в Рафахе. Основанием служит отсутствие представленного Израилем и приемлемого для Лондона детального плана по защите гражданского населения и необходимости предоставления помощи, в которой сильно нуждается народ в Газе [The United, 2024].

На заседании Совета Безопасности ООН 22 декабря 2024 года Великобритания проголосовала за принятие резолюции 2720. Данный документ содержит призыв к незамедлительному и значительному увеличению объёмов гуманитарной помощи, доставляемой в Газу. Марк Брайсон-Ричардсон был назначен на пост специального представителя министра иностранных дел Великобритании по гуманитарным вопросам на оккупированных палестинских

территориях [The UK..., 2024]. Великобритания и Катар скоординировали усилия по наращиванию объемов гуманитарной помощи, поступающей в сектор Газы. 25 января 2024 года в рамках этого сотрудничества состоялась первая совместная авиадоставка. Самолет доставил 17 тонн палаток, рассчитанных на размещение целых семей. 21 февраля 2024 года Великобритания и Иордания совместно доставили по воздуху 4 тонны критически важной гуманитарной помощи в больницу «Таль-эль-Хава» на севере Газы. Груз включал медикаменты, топливо и продукты питания для поддержки пациентов и медицинского персонала.

Продолжая партнёрство, 26 марта Королевские ВВС Великобритании приняли участие в международной гуманитарной миссии под руководством Иордании, осуществив воздушную доставку (сброс) более 10 тонн продовольствия для гражданского населения на северном побережье Газы [Humanitarian situation, 2024]. К апрелю 2024 г. Королевские военно-воздушные силы провели пять операций по сбросу гуманитарных грузов с воздуха на побережье Газы. В результате было безопасно доставлено более 40 тонн продовольствия. В том же месяце правительство Великобритании объявило о пакете мер по созданию морского гуманитарного коридора на Кипр. В рамках этой инициативы было выделено до 9,7 миллионов фунтов на поддержку морских поставок, включая логистическое оборудование [UK to..., 2024].

Великобритания продемонстрировала беспрецедентное наращивание гуманитарного финансирования, увеличив объем помощи по сравнению с предшествующим периодом. Однако главной проблемой оставалась не столько нехватка выделенных средств, сколько физическая невозможность доставки помощи в связи с продолжающимися боевыми действиями, блокадой и ограничениями на пропускных пунктах. По официальным данным FTS (Financial Tracking Service) от ООН – глобальной платформы ООН для мониторинга гуманитарного финансирования, вклад Великобритании за 2024 год в поддержку оккупированной палестинской территории составил 97,43 трлн долларов.

Финансирование пострадавших стран [United Kingdom, 2024]
Funding to affected countries [United Kingdom, 2024]

На представленном графике (круговой диаграмме) отображено распределение гуманитарного финансирования, предоставленного правительством Великобритании в 2024 году, по странам-получателям. Процент финансирования оккупированной палестинской территории составил 4,3 на 2024 год в сравнении с другими территориями [United Kingdom, 2024].

Победа лейбористов и новый план по урегулированию конфликта в Газе

Поражение Консервативной партии на парламентских выборах 4 июля 2024 года носило системный характер и свидетельствовало о глубоком кризисе внешнеполитической позиции партии. Его масштабы подтверждаются не только поражением на общенациональном уровне, но и катастрофическими результатами на местах, где партия фактически утратила статус одной из двух ведущих сил, уступив либерал-демократам по представительству в местных органах власти [Васильев, 2025, с. 108]. Британский профессор Р. Роуз выделяет, что за лейбористов проголосовали всего 33,7 % избирателей – это худший результат в истории для формирующей правительство партии. Фактически это лишь на 1,6 процентного пункта выше доли, полученной лейбористами под руководством Джереми Корбина во время их сокрушительного поражения в 2019 году [Rose, 2024]. При этом электоральный триумф Лейбористской партии оказался омрачён серьёзным внутривнутриполитическим вызовом, связанным с проблемой ближневосточного урегулирования. Первоначальная осторожная и произраильская позиция руководства партии во главе с К. Стармером вызвала массовую мобилизацию протестного голосования, в первую очередь в округах с высокой долей мусульманского населения и левого электората. Это привело к прямым потерям голосов в ряде округов в пользу независимых кандидатов, сделавших кризис в Газе центральной темой своей кампании. Протестное давление стало ключевым внутренним фактором, заставившим руководство партии скорректировать свою внешнеполитическую риторику: от поддержки «гуманитарных пауз» к требованию «немедленного прекращения огня» и долгосрочного урегулирования [Ананьева, Перспективы всеобщих..., 2024].

В июле 2024 года заместитель министра иностранных дел Великобритании Дэвид Лэмми совершил свой первый визит на Ближний Восток, посетив Израиль и палестинские территории. Он провёл переговоры с премьер-министром Биньямином Нетаньяху и президентом Исааком Герцогом, сосредоточившись на британских инициативах по достижению срочного прекращения огня в Газе, обеспечению масштабной гуманитарной помощи и освобождению всех заложников. Лэмми заявил: «Невыносимо видеть смерть и разрушения в Газе. Эта война должна немедленно закончиться, боевые действия должны прекратиться, заложники – быть освобождены, а помощь – поступать без ограничений» [Foreign Secretary, 2024]. В ходе визита на палестинские территории заместитель министра иностранных дел Великобритании Д. Лэмми заявил о поддержке реформ Палестинской администрации и правительства премьер-министра Мустафы. Он объявил о выделении в этом году 10 миллионов фунтов стерлингов через Всемирный банк для прямой поддержки ключевых служб палестинской автономии. Министр подчеркнул приверженность Лондона признанию палестинского государства как «неоспоримого права» палестинского народа и важного шага к возобновлению мирного процесса. Конечной целью Великобритании остаётся решение о двух государствах: безопасном Израиле и жизнеспособном, суверенном Палестинском государстве. Он также подтвердил позицию, что израильские поселения на Западном берегу являются незаконными, согласно нормам международного права [Foreign Secretary..., 2024].

В августе 2024 г. Великобритания присоединилась в качестве участника к многосторонним переговорам по урегулированию палестино-израильского конфликта. Переговоры, проходившие при посредничестве США, Египта и Катара, были нацелены на реализацию трёхэтапного плана, предложенного президентом США Джо Байденом 31 мая 2024 года. Согласно резолюции 2735 Совета Безопасности ООН, на первом этапе должно вступить в силу полное прекращение огня. В соответствии с условиями, в течение шести недель Израиль должен вывести свои войска из всех населённых пунктов сектора Газа, а движение ХАМАС – освободить удерживаемых заложников в обмен на освобождение палестинских заключённых. Второй этап плана был рассчитан на полное освобождение заложников в секторе Газа, включая военнотружущих. На третьем этапе предполагалась восстановление территории и возвращение семьям последних останков погибших [S/RES/2735, 2024].

В совместном заявлении США, Египет и Катар 8 августа 2024 года призвали Израиль и ХАМАС возобновить переговоры о прекращении огня и обмене пленными. Сторонам было предложено сделать это 15 августа в Каире или Дохе. В ближайшие дни после заявления

Франция, ФРГ и Великобритания согласились с необходимостью снижения напряженности и обеспечения региональной стабильности и выразили поддержку призыву стран-посредников начать переговоры между сторонами конфликта [Франция..., 2024].

Нарушение достигнутых соглашений и эскалация конфликта

15 января 2025 года стало известно о достижении соглашения о перемирии в Газе, которое в последующем вступило в силу 19 января. Выступая в Парламенте 16 января 2025 г., Министр иностранных дел Великобритании Дэвид Лэмми официально приветствовал и подробно представил Палате общин достигнутое соглашение о прекращении огня между Израилем и ХАМАС. Он подчеркнул, что Великобритания с первого дня настаивала на освобождении заложников, увеличении объема гуманитарной помощи в Газе и открытии пути к прочному миру. Министр отметил, что правительство будет поддерживать начавшийся прогресс, а именно прогресс в трёх сферах: возвращение заложников, гуманитарная помощь и восстановление для мирных жителей и движение к решению о двух государствах, гарантирующем мир и безопасность палестинцам и израильтянам [Middle East..., 2025].

Инаугурация Дональда Трампа на пост 47-го президента США 20 января 2025 года совпала с началом очередного соглашения по палестино-израильскому урегулированию. Однако выполнение условий трёхэтапного плана проходило медленно и нарушалось обеими сторонами конфликта. По сообщению МИД Израиля Гидеона Саара, 18 марта Израиль возобновил полномасштабные военные действия против террористической организации ХАМАС в секторе Газа. Согласно заявлению, данная мера стала необходимой, после того как ХАМАС неоднократно отклонял предложения о продлении прекращения огня и освобождении заложников. В частности, ХАМАС отверг два конкретных посреднических предложения, представленных спецпредставителем президента США Стивом Уиткоффом, на которые Израиль дал своё согласие. Это привело к тупику в переговорном процессе и вынудило Израиль возобновить военные операции для защиты своих граждан и национальных интересов [Израиль..., 2025].

20 марта МИД Великобритании выступил с заявлением в палате общин касательно эскалации конфликта в рамках последних событий. Дэвид Лэмми выразил обеспокоенность и сожаление о тяжелом развитии событий в секторе Газа. Министр отметил, что после достигнутого соглашения от 19 января ситуация резко ухудшилась, и назвал этот день одним из самых смертоносных с начала войны [Middle East..., 2025]. В апреле ситуация в Газе трансформировалась в гуманитарную катастрофу. Все посреднические усилия (Катар, Египет, США) были заблокированы непримиримыми позициями сторон. Израиль продолжил полную блокаду гуманитарной помощи в сектор Газа, что привело к огромной нехватке предметов первой необходимости. В пресс-релизе, опубликованном 23 апреля от имени министров иностранных дел Франции, Германии и Великобритании, лидеры консолидировались во мнении для оказания максимального дипломатического и правового давления на стороны конфликта, особенно на Израиль, с целью принуждения к открытию гуманитарных коридоров. Однако эффективность этой стратегии оставалась под вопросом из-за отсутствия реальных рычагов влияния на ХАМАС [Aid to Gaza..., 2025].

В конце сентября Трамп представил многоэтапный план по прекращению войны Израиля и ХАМАС. Первый этап включает прекращение огня, обмен заложников на палестинских заключенных и отвод израильских войск. Ключевое условие – разоружение ХАМАС в обмен на амнистию или безопасный выход боевиков из Газы. Предполагалось, что власть в Газе перейдет в руки технократической администрации, в которую не будут входить представители ХАМАС, под надзором международного переходного органа во главе с Трампом. Согласно предложению Трампа, Палестинская администрация (ПА), осуществляющая управление на части территории оккупированного Западного берега, сможет принять участие в управлении сектором Газа исключительно после завершения программы реформ [Кадомцев, 2025].

17 ноября в Совете Безопасности ООН состоялось голосование по представленному Соединёнными Штатами проекту резолюции, основанному на плане администрации Трампа по прекращению военных действий в секторе Газа. Основные положения резолюции включали

в себя: Организацию беспрепятственной доставки гуманитарной помощи гражданскому населению; создание и функционирование безопасных зон под международным контролем для защиты мирных жителей; установление механизмов, способствующих снижению напряжённости и созданию условий для политического диалога [S/RES/2803, 2025]. Великобритания поддержала резолюцию Совета Безопасности ООН 2803, проголосовав положительно о её принятии. Решение было поддержано большинством членов Совбеза, включая ключевых союзников Лондона [The United Kingdom..., 2025]. В декабре 2024 г. Великобритания стремилась закрепить достигнутое в Газе перемирие, одновременно оказывая давление на Израиль по вопросам соблюдения международного права и гуманитарного доступа. Лондон подчеркивает необходимость снятия Израилем всех барьеров для доставки помощи и призывает Израиль разблокировать налоговые поступления Палестинской автономии и продлить банковские корреспондентские отношения.

Заключение

Позиция Великобритании в отношении палестино-израильского конфликта в период 2023–2025 годов представляла собой динамичную и зачастую противоречивую внешнеполитическую линию, балансирующую между принципами, прагматизмом и внутренним давлением. После теракта 7 октября 2023 года реакция консервативного правительства Р. Сунака была почти безоговорочно произраильской: осуждение ХАМАСа, поддержка права на самооборону. Однако по мере углубления гуманитарной катастрофы в Газе акцент стал смещаться. Лондон начал сочетать военную поддержку Израиля с наращиванием гуманитарной помощи палестинцам и дипломатическими усилиями, что проявилось в визитах Р. Сунака и Д. Лэмми в регион и переговорной деятельности с арабскими посредниками. Несмотря на декларативную приверженность «решению о двух государствах», практические действия часто сводились к смягчению гуманитарного кризиса и сдерживанию региональной нестабильности в интересах собственной безопасности. Несмотря на активную риторику и дипломатические усилия, реальное влияние Великобритании на разрешение конфликта оставалось ограниченным. В Совете Безопасности ООН Лондон чаще занимал выжидательную или блокирующую позицию. К концу 2025 года политика Великобритании в конфликте эволюционировала от тактического управления кризисом в интересах безопасности союзника к более сбалансированной. Ее определяли три ключевых вектора: необходимость реагировать на гуманитарную катастрофу, сдерживание внутреннего (в королевстве) политического недовольства и стремление поддерживать роль влиятельного международного актора. Тем не менее внутрипартийные конфликты и парламентские баталии в королевстве, фундаментальная зависимость от американской позиции, отсутствие реальных рычагов давления на стороны конфликта и цикличность эскалаций свели роль Великобритании преимущественно к гуманитарной и дипломатической реакции, а не к проактивному миротворчеству. Окончательное урегулирование по-прежнему оставалось отдаленной целью, зависящей от куда более мощных региональных и глобальных факторов.

Список источников

- Израиль возобновил боевые действия против террористов в Газе. Электронный ресурс. 2025. URL: <https://www.gov.il/ru/pages/israel-renews-attacks-on-terrorists-in-gaza> (дата обращения: 23.01.2026).
- Комментарий Посольства России в Великобритании в связи с провокационными высказываниями Министра обороны Великобритании Г. Шаппса. Электронный ресурс. 2023. URL: https://london.mid.ru/ru/press-centre/kommentariy_posolstva_rossii_v_velikobritanii_v_svyazi_s_provokatsionnymi_vyskazyvaniyami_ministra_o/ (дата обращения: 15.01.2026).
- Нетаньяху одобрил продвижение «Проекта Е1», который расширяет оккупацию палестинских территорий. Электронный ресурс. 2025. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/нетаньяху-одобрил-продвижение-проекта-e1-который-расширяет-оккупацию-палестинских-территорий/3685305> (дата обращения: 26.01.2026).

- Положение на Ближнем Востоке, включая палестинский вопрос. Электронный ресурс. 2025. URL: <https://docs.un.org/ru/S/PV.9987> (дата обращения: 28.01.2026).
- Резолюция 2735 (2024). Электронный ресурс. URL: [https://docs.un.org/ru/s/RES/2735\(2024\)](https://docs.un.org/ru/s/RES/2735(2024)) (дата обращения: 18.01.2026).
- Резолюция 2803 (2025). Электронный ресурс. 2025. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/2803\(2025\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/2803(2025)) (accessed 29.01.2026).
- Резолюция, принятая по докладу специальной (ad hoc) комиссии по вопросам Палестины. Электронный ресурс. 1947. URL: [https://docs.un.org/ru/A/RES/181\(II\)](https://docs.un.org/ru/A/RES/181(II)) (дата обращения: 14.01.2026).
- Решение о двух государствах – краеугольный камень ближневосточного урегулирования, убеждены в ООН. Электронный ресурс. 2025. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/07/1466083> (дата обращения: 14.01.2026).
- Совбез ООН не смог принять ни одну из предложенных США и Россией резолюций по Ближнему Востоку. Электронный ресурс. 2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1446187> (дата обращения: 15.01.2026).
- Совбез ООН: США наложили вето на предложенную Бразилией резолюцию по Ближнему Востоку. Электронный ресурс. 2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/10/1445912> (дата обращения: 15.01.2026).
- США наложили вето на проект резолюции о членстве Палестины в ООН. Электронный ресурс. 2024. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/04/1451506> (дата обращения: 17.01.2026).
- Франция, ФРГ и Великобритания заявили о необходимости срочного оказания гумпомощи Газе. Электронный ресурс. 2024. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/> (дата обращения: 18.01.2026).
- Aid to Gaza: E3 foreign ministers' statement, 23 April 2025 [Electronic resource]. 2025. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/aid-to-gaza-e3-foreign-ministers-statement-23-april-2025> (accessed 26 January 2026).
- Foreign Secretary calls for immediate ceasefire in Gaza on first visit to the Middle East [Electronic resource]. 2024. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-calls-for-immediate-ceasefire-in-gaza-on-first-visit-to-the-middle-east> (accessed 18 January 2026).
- Global Britain in a competitive age The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty [Electronic resource]. GOV.UK. 2021. March. P. 6. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/60644e4bd3bf7f0c91eababd/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (accessed 13 January 2026).
- Humanitarian situation in Gaza: the UK government's response [Electronic resource]. 2024. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/humanitarian-situation-in-gaza-the-uk-governments-response> (accessed 14 January 2026).
- Humanitarian situation in Gaza: the UK government's response [Electronic resource] 2024. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/humanitarian-situation-in-gaza-the-uk-governments-response/humanitarian-situation-in-gaza-the-uk-governments-response#working-with-international-partners-to-improve-the-humanitarian-situation-in-gaza-> (accessed 17 January 2026).
- Israel must lift all barriers to aid without delay and let international NGOs operate freely: UK statement at the UN Security Council [Electronic resource]. 2025. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/israel-must-lift-all-barriers-to-aid-without-delay-and-let-international-ngos-operate-freely-uk-statement-at-the-un-security-council> (accessed 02 February 2026).
- Joint Statement from Quint Leaders on Israel: 9 October 2023 [Electronic resource]. 2023. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/joint-statement-from-quint-leaders-on-israel-9-october-2023> (accessed 13 January 2026).
- Labour deeply divided over Starmer's line on Israel-Hamas war [Electronic resource]. 2023. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2023/oct/20/labour-deeply-divided-over-starmer-line-on-israel-hamas-war> (accessed 15 January 2026).
- Middle East: Foreign Secretary statement, 20 March 2025 [Electronic resource]. 2025. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/middle-east-foreign-secretary-statement-20-march-2025> (accessed 26 January 2026).
- Middle East: Foreign Secretary's statement, 16 January 2025 [Electronic resource]. 2025. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/middle-east-foreign-secretarys-statement-16-january-2025> (accessed 23.01.2026).
- PM call with President el-Sisi of Egypt: 12 October 2023 [Electronic resource]. 2023. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/pm-call-with-egypts-president-12-october-2023> (accessed 16 January 2026).
- PM meeting with Crown Prince Mohammed bin Salman of Saudi Arabia: 19 October 2023 [Electronic resource]. 2023. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/pm-meeting-with-crown-prince-mohammed-bin-salman-of-saudi-arabia-19-october-2023> (accessed 16 January 2026).
- PM meeting with the Amir of Qatar: 20 October 2023 [Electronic resource]. 2023. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/pm-meeting-with-the-amir-of-qatar-20-october-2023> (accessed 16 January 2026).

- PM statement at press conference with Prime Minister Netanyahu of Israel: 19 October 2023 [Electronic resource]. 2023. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/pm-statement-at-press-conference-with-prime-minister-netanyahu-of-israel-19-october-2023> (accessed 16 January 2026).
- PM statement on the recognition of Palestine: 21 September 2025 [Electronic resource]. 2025. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-on-the-recognition-of-palestine-21-september-2025> (accessed 29 January 2026).
- PM statement to the House of Commons on the latest situation in Israel and Gaza: 16 October 2023 [Electronic resource]. 2023. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-statement-to-the-house-of-commons-on-the-latest-situation-in-israel-and-gaza-16-october-2023> (accessed 13 January 2026).
- Press release on the UN Security Council meeting on the situation in Gaza [Electronic resource]. 2023. Available at: https://mid.ru/en/foreign_policy/international_safety/regprla/1909945/ (accessed 15 January 2026).
- Prime Minister deploys UK military to Eastern Mediterranean to support Israel [Electronic resource]. 2023. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/prime-minister-deploys-uk-military-to-eastern-mediterranean-to-support-israel> (accessed 14 January 2026).
- Six Britons dead and 10 missing after Hamas attack on Israel, Rishi Sunak says [Electronic resource]. 2023. Available at: <https://www.theguardian.com/uk-news/2023/oct/16/britons-dead-missing-hamas-attack-israel-rishi-sunak> (accessed 15 January 2026).
- The UK supports Security Council resolution 2720 on aid to Gaza [Electronic resource]. 2023. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/the-uk-supports-security-council-resolution-2720-on-aid-to-gaza> (accessed 17 January 2026).
- The United Kingdom is appalled by the deeply distressing scenes emerging from Rafah: UK statement at the UN Security Council [Electronic resource]. 2024. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-united-kingdom-is-appalled-by-the-deeply-distressing-scenes-emerging-from-rafah-uk-statement-at-the-un-security-council> (accessed 17 January 2026).
- The United Kingdom will continue to work with all partners to implement Resolution 2803 and to forge a just and lasting peace for Israelis and Palestinians, anchored in a two-state solution: UK statement at the UN Security Council [Electronic resource]. 2025. Available at: <https://www.gov.uk/government/speeches/resolution-2803-must-be-implemented-fully-effectively-and-in-accordance-with-international-law-uk-statement-at-the-un-security-council> (accessed 02 February 2026).
- UK to boost aid support for Gaza by sea [Electronic resource]. 2024. Available at: https://www.gov.uk/government/news/uk-to-boost-aid-support-for-gaza-by-sea?utm_source=miragenews&utm_medium=miragenews&utm_campaign=news (accessed 17 January 2026).
- United Kingdom, Government of 2024 [Electronic resource]. 2024. Available at: <https://fts.unocha.org/donors/2917/summary/2024> (accessed 17 January 2026).

Список литературы

- Ананьева Е. 2023. Палестино-израильский конфликт – британский истеблишмент меж двух огней. Электронный ресурс. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/43136> (дата обращения: 13.01.2026).
- Ананьева Е. 2024. Перспективы всеобщих выборов в Британии на фоне местных выборов в Англии. Электронный ресурс. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-vseobshchikh-vyborov-v-britanii-na-fone-mestnykh-vyborov-v-anglii/> (дата обращения: 17.01.2026).
- Ананьева Е. 2024. Пока люди гибнут, британские партии выясняют отношения. Электронный ресурс. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/44802> (дата обращения: 13.01.2026).
- Большаков А. 2023. Призрак Судного дня: новый виток израильско-палестинского конфликта. Электронный ресурс. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/42632> (дата обращения: 13.01.2026).
- Васильев В.С. 2025. Геополитические интересы Великобритании в палестино-израильском конфликте на Большом Ближнем Востоке. Актуальные проблемы Европы, 4: 101–119.
- Дыурович Т. 2023. Нападение на Израиль: реакция в мире. Электронный ресурс. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/42600> (дата обращения: 13.01.2026).
- Кадомцев А. 2024. Палестино-израильский конфликт: новый поворот – старый тупик. Электронный ресурс. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/45997> (дата обращения: 17.01.2026).
- Кадомцев А. 2025. Сделка по Газе – что дальше? Электронный ресурс. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/53259> (дата обращения: 17.01.2026).
- Сажин В. 2024. Палестина: четыре тысячи лет противостояния и перманентных конфликтов (история и современность). Электронный ресурс. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/44418> (дата обращения: 17.01.2026).

Rose R. 2024. The Electoral System: One Hit and One Miss [Electronic resource]. Available at: https://www.electoralcalculus.co.uk/blogs/ec_roose_20240712.html (accessed 17 January 2026).

References

- Ananyeva E. 2023. Palestino-izrail'skij konflikt – britanskij isteblishment mezh dvuh ognей [The Palestinian-Israeli Conflict – the British Establishment is Caught between Two Fires] Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/43136>
- Ananyeva E. 2024. Perspektivy vseobshchih vyborov v Britanii na fone mestnyh vyborov v Anglii [The Prospects for a General Election in Britain against the Backdrop of Local Elections in England]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-vseobshchikh-vyborov-v-britanii-na-fone-mestnykh-vyborov-v-anglii/>
- Ananyeva E. 2024. Poka lyudi gibnut, britanskije partii vyasnyayut otnosheniya [While People are Dying, the British Parties are sorting Things Out]. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/44802>
- Bolshakov A. 2023. Prizrak Sudnogo dnya: novyj vitok izrail'sko-palestinskogo konflikta [The Specter of Doomsday: A New Round of the Israeli-Palestinian Conflict]. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/42632>
- Vasilyev V.S. 2025. Geopoliticheskie interesy Velikobritanii v palestino-izrail'skom konflikte na Bol'shom Blizhnem Vostoke [Britain's Geopolitical Interests in the Palestinian-Israeli Conflict in the Greater Middle East]. Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems in Europe], 4: 101–119.
- Dyurovich T. 2023. Napadenie na Izrail': reakciya v mire [The Attack on Israel: The Reaction in the World]. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/42600>
- Kadomcev A. 2024. Palestino-izrail'skij konflikt: novyj povorot – staryj tupik [The Palestinian-Israeli Conflict: A New Turn, an Old Impasse]. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/45997>
- Kadomcev A. 2025. Sdelka po Gaze – chto dal'she [The Gas Deal – What's Next]? Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/53259>
- Sazhin V. 2024. Palestina: chetyre tysyachi let protivostoyaniya i permanentnyh konfliktov (istoriya i sovremennost') [Palestine: Four Thousand Years of Confrontation and Permanent Conflicts (History and Modernity)]. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/44418>
- Rose R. 2024. The Electoral System: One Hit and One Miss [Electronic resource]. Available at: https://www.electoralcalculus.co.uk/blogs/ec_roose_20240712.html (accessed 17 January 2026).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 13.02.2026

Received: 13.02.2026

Поступила после рецензирования: 13.03.2026

Revised: 13.03.2026

Принята к публикации: 19.04.2026

Accepted: 19.04.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Корнилов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9139-3740](https://orcid.org/0000-0001-9139-3740)

Alexander A. Kornilov, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Local History, National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Перочкин Кирилл Иванович, аспирант кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0001-0207-6362](https://orcid.org/0009-0001-0207-6362)

Kirill I. Perochkin, PhD Student of the Department of Foreign Regional Studies and Local History, National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-3-771-780

EDN XJKMOO

Оригинальное исследование

Переход правительства Турции к концепции «Голубой родины» и её реализация в контексте «шатких весов»

Абидулин А.М. , Кобяков А.П.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

E-mail: aleksandermanujlov@yandex.ru

Аннотация. В данной статье проводится анализ эволюции доктрины «Голубая родина», прослеживаемой со старта военно-морских учений, проводимых в Средиземном море в 2019 г. Анкара использует жесткую риторику действующей системы взглядов как основополагающую составляющую при проведении современного внешнеполитического курса страны, особенно в отстаивании интересов в Эгейском, Чёрном и Восточном Средиземном морях, а также проливах Босфор и Дарданеллы. Для проведения наиболее полного анализа в качестве основы выступает авторская концепция «Шатких весов», объясняющая устойчивость противоречивого курса Р.Т. Эрдогана, а также используемую турецким руководством модель, основанную на принципе «управляемой нестабильности». Также раскрываются особенности продвижения собственных интересов на международной арене, основанных не просто на «двух стульях», как привычно представлять политику Турции, а уже на четырёх основных направлениях: «Запад», «Антизапад», «Восток» и «Антивосток», находящиеся в сложном, взаимозависимом друг от друга положении. Помимо этого, раскрываются другие риски, с которыми сталкивается страна в ходе проведения данного политического курса, а также основные препятствия в реализации собственных интересов.

Ключевые слова: «Голубая родина», политика Анкары, морская доктрина, многовекторность, геополитическое позиционирование, региональная безопасность, стратегическая неопределённость

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Абидулин А.М., Кобяков А.П. 2026. Переход правительства Турции к концепции «Голубой родины» и её реализация в контексте «шатких весов». *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 771–780. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-771-780. EDN: XJKMOO

The Transformation of Turkey's Foreign Policy towards the Idea of a “Blue Homeland” and its Execution in the Context of “Unstable Equilibrium”

Alim A. Abidulin , Aleksandr P. Kobiakov

National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: aleksandermanujlov@yandex.ru

Abstract. This article examines the transformation of Turkey's foreign policy under the leadership of Recep Tayyip Erdogan through the lens of the "Mavi Vatan" concept. The study traces the development of this doctrine, which started as a naval strategy and has since evolved into a broader geopolitical framework shaping Ankara's position in the Aegean, Black Sea, and Eastern Mediterranean regions. The theoretical basis of the research lies in the author's concept of "unstable equilibrium", which explains Turkey's seemingly contradictory foreign policy actions. Unlike the traditional balance of power approach aimed at maintaining stability in the international system, the author argues that Turkey's strategy is based on intentionally maintaining controlled instability. Under this framework, pro-Western and pro-Eastern policies are systematically balanced against each other without leading to a definitive strategic alignment. Based on comparative and discourse analysis, the study demonstrates that the inconsistency in Turkish foreign policy is more structural than situational. It pays particular attention to the relationship between the normative discourse promoted by the Turkish leadership and the practical implementation of its maritime strategy. The research identifies the main risks associated with this model, such as increased diplomatic isolation, rising military expenditures, and a decline in investment attractiveness.

Keywords: Mavi Vatan concept, Ankara's policy, maritime doctrine, multi-vectorism, geopolitical positioning, regional security, strategic ambiguity

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Abidulin A.M., Kobyakov A.P. 2026. The Transformation of Turkey's Foreign Policy towards the Idea of a “Blue Homeland” and its Execution in the Context of “Unstable Equilibrium”. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 771–780 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-771-780. EDN: XJKMOO

Введение

Во внешней политике Турции начала XXI века отчётливо прослеживается отказ от линейной модели стратегического выбора. Анкара больше не стремится к однозначной идентификации себя как «западного» или «восточного» актора. Вместо этого формируется система ситуативных решений, в рамках которой внешнеполитические шаги выстраиваются не как движение к устойчивому полюсу, а как постоянное балансирование между ними. Ключевым инструментом этой политики стала концепция «Голубой родины» (Mavi Vatan), трансформировавшаяся из военно-морской доктрины в комплексный внешнеполитический нарратив [EDAM, 2026]. Её практическая реализация совпала с периодом усиления геополитической неопределённости и внутреннего кризиса идентичности турецкой внешней политики [Haberler, 2026].

Объект и методы исследования

В работе используется комплекс методов: сравнительный анализ, дискурс-анализ, структурно-функциональный подход, кейсовый анализ. Сравнительный анализ позволяет выявить симметрию прозападных и антизападных, а также провосточных и антивосточных шагов Турции. Дискурс-анализ используется для изучения речей Р.Т. Эрдогана и официальной риторики. Кейс-стади позволяют проследить реализацию «шатких весов» в конкретных региональных контекстах.

Генезис и институционализация концепции «Голубой родины»

Концепция «Голубой родины» была сформулирована в середине 2000-х годов в рамках турецкого военно-морского дискурса и первоначально не рассматривалась как элемент большой внешней политики. Её автором принято считать адмирала Джема Гюрдениза, который предложил рассматривать морские пространства как продолжение национальной территории Турции, обладающее стратегической, экономической и символической ценностью [Anadolu Ajansı, 2026]. Изначально речь шла о защите интересов Турции в Эгейском и Чёрном морях, однако с открытием значительных энергетических ресурсов в Восточном Средиземноморье концепция приобрела иное измерение. Морское пространство стало не просто зоной безопасности, а инструментом перераспределения регионального баланса сил [Жильцов, 2020]. Постепенная институционализация «Голубой родины» сопровождалась её включением в официальные стратегические документы, риторику высшего политического руководства и военное планирование [Ministerstvo oborony Turtsii, 2026]. Важным этапом стало проведение масштабных военно-морских учений «Mavi Vatan» в 2019 году, что символически закрепило доктрину как элемент государственной идеологии [Tocci, 2017]. На этом этапе «Голубая родина» перестала быть чисто военной концепцией и превратилась в политический язык, с помощью которого Анкара начала формулировать свои претензии на автономность принятия решений [SETA Foundation, 2026].

Теоретико-методологические основания исследования

Внешняя политика Турции в период правления Р.Т. Эрдогана представляет собой сложный объект исследования, слабо поддающийся объяснению в рамках классических теоретических парадигм международных отношений. Ни реализм, ни либерализм, ни конструктивизм в их «чистом» виде не способны в полной мере объяснить устойчивое сочетание противоречивых внешнеполитических шагов Анкары [Ulgen, 2021]. Реалистские подходы фиксируют стремление Турции к наращиванию автономии и регионального влияния, однако не объясняют, почему при наличии возможностей Анкара избегает окончательной институциональной фиксации своего статуса [Гудев, 2018]. Либеральные теории, в свою очередь, не дают ответа на вопрос, почему Турция сохраняет участие в западных институтах, параллельно подрывая доверие к ним [Kirisçi, 2018]. Конструктивизм частично проясняет роль идентичности и дискурса, но не объясняет прагматичность и ситуативность многих решений [Tocci, 2017].

Концепция «шатких весов» как аналитическая модель

Концепция «шатких весов» предлагается в качестве модели, ориентированной не на объяснение всей международной системы, а на анализ поведения

конкретного государства в условиях структурной неопределённости [Center for Diplomacy and Research, 2026]. Под «шаткими весами» в рамках настоящего исследования понимается такая модель внешнеполитического поведения, при которой государство:

- осознанно избегает стратегической фиксации;
- поддерживает одновременно разнонаправленные векторы;
- использует противоречия между центрами силы как ресурс;
- не стремится к достижению устойчивого равновесия.

В отличие от классического баланса сил, где целью является стабилизация системы, «шаткие весы» предполагают перманентное состояние нестабильности, контролируемой самим актором [Brookings Institution, 2026].

С точки зрения реализма, действия Турции можно интерпретировать как попытку максимизации относительных выгод и обеспечения безопасности. Однако концепция «шатких весов» уточняет данный подход, показывая, что Турция стремится не столько к увеличению силы, сколько к расширению пространства выбора [Аватков, 2020]. В первую очередь стоит отметить, что основной подход выражается в стремлении Анкары сохранить как можно больше пространства для выбора, несмотря на приоритет в вопросе обеспечения национальной безопасности. Поэтому в рамках «концепции шатких весов» можно отметить, что, несмотря на членство НАТО [НАТО, 2026] и активное взаимодействие в рамках ЕС, равно как и интерес в сотрудничестве с платформами ШОС и БРИКС, Турция воспринимает данные реалии не как полноценное стратегическое сотрудничество, но как одну из ключевых возможностей полностью избежать изоляции в случае оказания давления одной из сторон. Отдельный интерес в рамках данной концепции вызывает современный лозунг Р.Т. Эрдогана «Мир больше пяти» [Из выступления Эрдогана, 2026], направленный на переосмысление роли и реорганизацию ООН, как, собственно, и распределение ролей государств на международной арене. Однако, несмотря на громкие заявления и призыв к реформам, роль Турции и её участие не указывается, что только подтверждает желание руководства сохранить свое право на «шаткость» и возможность адаптировать любой нарратив под свой контекст.

Практическая реализация концепции «Голубой родины»

Активизация турецких геологоразведочных работ в Восточном Средиземноморье стала наиболее наглядным проявлением «Голубой родины». Использование исследовательских судов «Oruç Reis» и «Barbaros Hayreddin Paşa» сопровождалось дипломатическими кризисами и ростом военной напряжённости [Hurriyet, 2026]. Турецкие СМИ, в частности Hürriyet и Milliyet, последовательно представляли эти действия как восстановление исторической справедливости и защиту национального суверенитета, подчёркивая несправедливость морского разграничения в пользу Греции и Республики Кипр [Hurriyet, 2026; Milliyet, 2026]. При этом западная реакция на действия Анкары подавалась как попытка давления, а не как правовой спор. Здесь проявляется первый элемент «шатких весов»: с одной стороны, Турция апеллирует к международному праву и принципу справедливого распределения ресурсов, с другой стороны – фактически игнорирует существующие механизмы многостороннего урегулирования [Конвенция ООН по морскому праву, 1982]. Подписание в 2019 году меморандума о морских границах с Правительством национального согласия Ливии стало ключевым примером асимметричной дипломатии. Анкара пошла на открытый конфликт

с ЕС, но при этом действовала формально в рамках двустороннего соглашения [Haber7, 2026]. Агентство Anadolu последовательно подчёркивало легитимность данного шага, в то время как западные страны рассматривали его как попытку силового пересмотра статус-кво [Anadolu Ajansı, 2026]. Турция, в свою очередь, использовала ливийский фактор как рычаг давления, не переходя окончательно ни в западный, ни в восточный лагерь.

Проявление модели «шатких весов» в направлениях внешней политики

Прозападные и антизападные элементы.

К прозападным действиям относятся: сохранение членства в НАТО, поддержка отдельных инициатив альянса, риторика о стратегическом партнёрстве с ЕС [НАТО, 2026]. Антизападные шаги: приобретение С-400 у России, публичная конфронтация с Францией и Грецией, блокирование решений НАТО в чувствительных вопросах [Kirisci, 2018]. Эти действия не отменяют друг друга, но и не формируют целостной стратегии.

Провосточные и антивосточные элементы.

Провосточные шаги: энергетическое сотрудничество с Россией, диалог с Ираном, активность в рамках ШОС как наблюдателя [EDAM, 2026].

Антивосточные шаги: конкуренция с Россией в Сирии и Ливии, поддержка Украины, ограничение влияния Ирана в ряде регионов [Kudryashova, 2017]. Весы колеблются, но не фиксируются.

Внутриполитические факторы формирования концепции

Переход к концепции «Голубой родины» невозможно рассматривать исключительно через призму внешней политики. Существенную роль сыграли внутриполитические трансформации, происходившие в Турции в период консолидации власти Р.Т. Эрдогана [Аватков, 2020]. После попытки военного переворота 2016 года турецкая политическая система окончательно перешла к персоналистской модели управления, где стратегические решения всё чаще формируются узким кругом лиц, а не институциональными механизмами. В этих условиях внешняя политика стала инструментом внутренней легитимации. «Голубая родина» оказалась удобной концепцией по нескольким причинам.

Во-первых, она продвигает национальные интересы через призму взглядов, основанных не просто на современных тенденциях, но и на основе исторической памяти, которая, как ни странно, продвигает и реваншистские настроения.

Во-вторых, на настоящий момент страна продолжает активно бороться с серьезными экономическими проблемами, начало которым было положено в 2018 году. Введение новой концепции «Голубой родины», как ранее было подчеркнуто многими исследователями, в том числе и отечественными, было сделано и как один из способов переключить внимание населения с локальных вопросов на глобальные [Haberler, 2026].

Особую роль продвижения мнения о необходимости проведения реформ во внешней политике страны, несмотря на явные внутренние проблемы на данном этапе, играли турецкие СМИ [Hurriyet, 2026; Milliyet, 2026; Haber7, 2026]. Поэтому основным принципом в медийном пространстве оставалась игра на противоположностях, что очень хорошо прослеживалось в дальнейшей риторике руководства. Роли были уже распределены и представляли классический сценарий, но с некоторыми

дополнениями. Турция – жертва несправедливой системы международных отношений, которая, собственно, поспособствовала ухудшению ситуации в стране. В свою очередь, Запад представляется как внешний источник, стремящийся ограничить амбиции страны. Стоит также отметить, что несмотря на формирование негативного образа ЕС и США, официальные медиаресурсы, как, собственно, и правительство, не спешат продвигать громкие заявления о повороте на Восток, в сторону России, Китая и Ирана. Данный факт является наиболее показательным для теории «Шатких весов».

Интересной особенностью остается формирование в обществе гибридного сознания, избегая закрепления определенной направленности политики государства. Например, материалы *Hürriyet* подчёркивают необходимость сотрудничества с НАТО, но одновременно критикуют альянс за «двойные стандарты» [*Hürriyet*, 2026]. Аналогично *Milliyet* может поддерживать диалог с Москвой, параллельно указывая на конфликт интересов в Сирии и на Кавказе [*Milliyet*, 2026]. Стоит отметить, что все данные материалы объединяет одно – Турция всегда права, что позволяет правительству использовать универсальные доводы и действовать исключительно в собственных интересах, снижая зависимость от любой из сторон [*Haberler*, 2026].

Ключевым положением «Голубой родины» остается интерпретация международного морского права. Интересным моментом является тот факт, что Турция не является участником Конвенции ООН по морскому праву 1982 года [Конвенция ООН по морскому праву, 1982] и активно пользуется данным положением, что позволяет Анкаре трактовать её в удобном для себя ключе.

В результате Турция продолжает активно продвигать позицию о «несправедливости» существующих положений конвенций, в особенности тех стран, у берегов которых располагается большое количество чужих островов. Отличным примером демонстрации проявления логики «Шатких весов» является критика предоставления островам свободной экономической зоны и необходимости расширения зоны морских границ пропорционально площади протяженности береговой линии государства, которая становится ключевой риторикой турецкого руководства. Данный аргумент активно применяется в ходе продвижения интересов, связанных с разработкой газовых месторождений Анкарой в Эгейском и Восточном Средиземноморье [TEPAV, 2026]. Кроме того, Турция, обращаясь к положениям международного права, одновременно оспаривает их и отказывается от арбитражных механизмов, которые предусматривают разрешение данного «спорного вопроса», тем самым оставляя за собой право для маневра, несмотря на тот факт, что это подрывает ее статус надежного участника международных отношений.

Кроме того, особое внимание в морской концепции отведено наращиванию военно-морского потенциала Турции. За последние годы Анкара вышла на второе место по строительству кораблей для национальных ВМС, особой гордостью и символом технологической независимости стал проект УДК «Анадолу» [Министерство обороны Турции, 2026]. Помимо кораблей, активное развитие получили беспилотные морские системы и системы связи, которые также очень часто становятся предметом гордости турецкого ОПК [*Anadolu Ajansı*, 2026]. При этом военно-морская активность выполняет двойную функцию: внешнюю, демонстрируя готовность защищать интересы, и внутреннюю, формируя образ сильного государства. В то же самое время отсутствие явной внешней угрозы создает общее напряжение среди международного сообщества. Реализация концепции вызвала настороженную реакцию со стороны региональных

акторов. Греция, Кипр, Египет и Израиль воспринимают действия Турции как попытку пересмотра сложившегося порядка [Жильцов, 2020]. Формирование альтернативных энергетических альянсов в Восточном Средиземноморье стало прямым следствием турецкой политики.

Как ни странно, но стремление Анкары к расширению влияния привело к частичной изоляции страны в ряде форматов [RAND Corporation, 2026]. Однако при этом Турция остается на повестке региональной политики и остается одним из ключевых ее игроков, её непредсказуемость делает Анкару важным участником переговоров. Это ещё одно подтверждение модели «шатких весов», где нестабильность используется как ресурс [Carnegie Endowment, 2026].

Несмотря на явные преимущества, концепция «Голубой родины» имеет ряд отрицательных моментов. Ключевые риски включают рост дипломатической изоляции; увеличение военных расходов; снижение инвестиционной привлекательности; усиление зависимости от ситуативных партнёров [Chatham House, 2026]. Кроме того, постоянное балансирование между Западом и Востоком требует высокой управляемости и точного расчёта. В условиях внутренней экономической нестабильности такая модель становится всё более затратной [Kudryashova, 2017]. В том числе постоянные смены направлений во внешнеполитической деятельности государства создают опасные прецеденты, так как более крупные игроки на международной арене имеют больше рычагов давления.

Заключение

Расширенная реализация концепции «Голубой родины» демонстрирует, что внешняя политика Турции в эпоху Эрдогана строится не на стратегической определённости, а на управляемой неопределённости [European Council on Foreign Relations, 2026]. Модель «шатких весов» позволяет объяснить, почему Анкара одновременно конфликтует и сотрудничает, расширяет влияние и теряет доверие, апеллирует к праву и игнорирует его. Подобные действия являются не просто «несогласованностью» продвигаемого внешнеполитического курса страны, а осознанным созданием таких условий, в которых Анкара может гибко использовать позицию и так же ловко изменять в условиях высокой турбулентности международных отношений. Что касается концепции «Голубой родины», пусть её положения официально не закреплены в руководящих документах государства, но она прекрасно отражает действующую логику во внешней политике Турции, однако цена подобного подхода – рост региональной напряжённости и снижение доверия со стороны всех ключевых акторов.

Список источников

- Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву 1982 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/convention_overview_convention.htm (дата обращения: 03.02.2026).
- Министерство обороны Турции. Стратегические документы по морской безопасности и развитию военно-морских сил [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.msb.gov.tr/> (дата обращения: 03.02.2026).
- Речи Президента Турецкой Республики Р.Т. Эрдогана по вопросам внешней и морской политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tccb.gov.tr/> (дата обращения: 03.02.2026).
- Brookings Institution. 2026. Erdogan's Balancing Act: Turkey's Foreign Policy in Transition. Available at: <https://www.brookings.edu/> (accessed: 11.02.2026).

- Carnegie Endowment for International Peace. 2026. Turkey as a Middle Power: Navigating a Multipolar World. Available at: <https://carnegieendowment.org/> (accessed: 03.02.2026).
- Center for Diplomacy and Research. 2026. Turkey's Maritime Strategy and Foreign Policy in the Eastern Mediterranean. Available at: <https://cdr.org.tr/en> (accessed: 05.02.2026).
- Chatham House. 2026. Turkey's Foreign Policy in a Fragmented World: Challenges and Opportunities. Available at: <https://www.chathamhouse.org/> (accessed: 01.02.2026).
- Haberler. 2026. Regional Policy Analytics: Turkey's Role in the Eastern Mediterranean. Available at: <https://www.haberler.com/> (accessed: 03.02.2026).
- Hürriyet. 2026. Analytical Materials on Turkey's Maritime Policy and Eastern Mediterranean Strategy. Available at: <https://www.hurriyet.com.tr/> (accessed: 03.02.2026).
- Milliyet. 2026. Publications on Turkey's Foreign Policy Strategy and Mediterranean Security. Available at: <https://www.milliyet.com.tr/> (accessed: 03.02.2026).
- NATO. 2026. Official Documents Concerning Turkey's Role in the Alliance and Collective Defence. Available at: <https://www.nato.int/> (accessed: 03.02.2026).
- RAND Corporation. 2026. Turkey's Strategic Choices in the Mediterranean: Energy, Security, and Diplomacy. Available at: <https://www.rand.org/> (accessed: 03.02.2026).
- SETA Foundation. 2026. Turkey's Strategic Autonomy in a Multipolar World: Concepts and Practices. Available at: <https://www.setav.org/en/> (accessed: 03.02.2026).
- TEPAV. 2026. Energy Security and Turkey's Role in the Eastern Mediterranean: Geopolitical and Economic Dimensions. Available at: <https://www.tepav.org.tr/> (accessed: 03.02.2026).

Список литературы

- Аватков В.А. 2020. Внешнеполитический курс турецкой республики в рамках современной системы международных отношений. Москва: «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», 387 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dipacademy.ru/documents/2054/Аватков-текст.pdf>
- Гудев П.А. Основы турецких притязаний в Восточном Средиземноморье. Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 472–486. doi: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-472-486
- Жильцов С.С. 2020. Восточное Средиземноморье как зона геополитического соперничества: энергетика, безопасность, дипломатия. Москва: РУДН, 286 с. doi: 10.18506/anemon.961184
- Adar S. 2020. Understanding Turkey's Increasingly Militaristic Foreign Policy. APSA MENA Politics Section: MENA Politics Newsletter, 3(1): 10–14. Available at: <https://apsamena.org/2020/11/10/understanding-turkeys-increasingly-militaristic-foreign-policy/> (accessed: 03.02.2026).
- Anadolu Ajansı. 2026. Turkey's Foreign Policy and the Eastern Mediterranean. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/> (accessed: 03.02.2026).
- Aydın M. 2019. Determinants of Turkish Foreign Policy. Ankara, Publ. METU Press, 244 p.
- Davutoğlu A. 2006. Strategic Depth: Turkey's International Position. Istanbul, Publ. Küre Yayınları, 580 p. DOI: 10.1080/00263200600923526
- European Council on Foreign Relations. 2026. Ankara's Ambiguous Alliances: Turkey's Strategic Dilemmas. Available at: <https://ecfr.eu/article/ankaras-ambiguous-alliances-turkeys-strategic-dilemmas/> (accessed: 15.01.2026).
- Haber7. 2026. National Sovereignty and Security Discourse in Turkish Media. Available at: <https://www.haber7.com/> (accessed: 03.02.2026).
- Kirisci K. 2018. Turkey and the West: Fault Lines in a Troubled Alliance. Washington, Publ. Brookings Institution Press, 312 p. doi: 10.1080/14782804.2018.1492318
- Kudryashova I. 2017. Comparative Analysis of the Development of Political Systems of Turkey, Egypt, Iran and Iraq. MGIMO University, School of Political Affairs: 175–235. doi: 10.1142/9789813147386_0006

- Tocci N. 2017. Turkey's Middle East Policy: Between Neo-Ottomanism and Pragmatism. London, Publ. Routledge, 268 p. doi: 10.31861/mhpi2021.44.99-108
- Ulgem S. 2021. Turkey's Quest for Strategic Autonomy: Between Alliance and Independence. Brussels, Publ. Carnegie Europe, 96 p.

References

- Avatkov V.A. 2020. Vneshnepoliticheskii kurs turetskoi respubliki v ramkakh sovremennoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii [Foreign Policy Course of the Turkish Republic within the Modern System of International Relations]. Moscow, Publ. Diplomaticeskaya akademiya Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii, 387 p. Available at: <https://www.dipacademy.ru/documents/2054/Аватков-текст.pdf> (accessed: 03.02.2026).
- Gudev P.A. 2021. Osnovy turetskikh pretenzii v Vostochnom Sredizemnomor'e [Foundations of Turkish Claims in the Eastern Mediterranean]. Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [RUDN Journal of International Relations], 21(3): 472–486. doi: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-472-486
- Zhiltsov S.S. 2020. Vostochnoe Sredizemnomor'e kak zona geopoliticheskogo sopernichestva: energetika, bezopasnost', diplomatiya [Eastern Mediterranean as a Zone of Geopolitical Rivalry: Energy, Security, Diplomacy]. Moscow, Publ. RUDN, 286 p. doi: 10.18506/anemon.961184
- Adar S. 2020. Understanding Turkey's Increasingly Militaristic Foreign Policy. APSA MENA Politics Section: MENA Politics Newsletter, 3(1): 10–14. Available at: <https://apsamena.org/2020/11/10/understanding-turkeys-increasingly-militaristic-foreign-policy/> (accessed: 03.02.2026).
- Anadolu Ajansı. 2026. Turkey's Foreign Policy and the Eastern Mediterranean. Available at: <https://www.aa.com.tr/en/> (accessed: 03.02.2026).
- Aydın M. 2019. Determinants of Turkish Foreign Policy. Ankara, Publ. METU Press, 244 p.
- Davutoğlu A. 2006. Strategic Depth: Turkey's International Position. Istanbul, Publ. Küre Yayınları, 580 p. DOI: 10.1080/00263200600923526
- European Council on Foreign Relations. 2026. Ankara's Ambiguous Alliances: Turkey's Strategic Dilemmas. Available at: <https://ecfr.eu/article/ankaras-ambiguous-alliances-turkeys-strategic-dilemmas/> (accessed: 15.01.2026).
- Haber7. 2026. National Sovereignty and Security Discourse in Turkish Media. Available at: <https://www.haber7.com/> (accessed: 03.02.2026).
- Kirisci K. 2018. Turkey and the West: Fault Lines in a Troubled Alliance. Washington, Publ. Brookings Institution Press, 312 p. doi: 10.1080/14782804.2018.1492318
- Kudryashova I. 2017. Comparative Analysis of the Development of Political Systems of Turkey, Egypt, Iran and Iraq. MGIMO University, School of Political Affairs: 175–235. doi: 10.1142/9789813147386_0006
- Tocci N. 2017. Turkey's Middle East Policy: Between Neo-Ottomanism and Pragmatism. London, Publ. Routledge, 268 p. doi: 10.31861/mhpi2021.44.99-108
- Ulgem S. 2021. Turkey's Quest for Strategic Autonomy: Between Alliance and Independence. Brussels, Publ. Carnegie Europe, 96 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 23.03.2026

Received 23.03.2026

Поступила после рецензирования 25.05.2026

Revised 25.05.2026

Принята к публикации 26.06.2026

Accepted 26.06.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Абидулин Алим Маратович, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID:0000-0002-3322-0240](https://orcid.org/0000-0002-3322-0240)

Кобяков Александр Павлович, аспирант кафедры восточных языков и лингвокультурологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID:0000-0002-1808-0948](https://orcid.org/0000-0002-1808-0948)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alim M. Abidulin, Associate Professor of the Department of Oriental Languages and Linguoculturology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Alexander P. Kobayakov, Postgraduate Student of the Department of Oriental Languages and Linguoculturology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia